ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС

и

Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1964

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

26

часть
III

К. МАРКС

ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

(IV ТОМ «КАПИТАЛА»)

Часть третья (главы XIX—XXIV)

[ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ]
Т. Р. МАЛЬТУС [1]

[1) СМЕШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ТОВАРА И КАПИТАЛА У МАЛЬТУСА]

[XIII—753] Здесь подлежат рассмотрению следующие сочинения Мальтуса:

1) «The Measure of Value Stated and Illustrated». London, 1823.

2) «Definitions in Political Economy» etc. London, 1827 (посмотреть также это сочинение в издании *Джона Кейзнова,* Лондон, 1853 г., с «примечаниями и дополнительными заметками Кейзнова»).

3) «Principles of Political Economy» etc. 2nd edition. London, 1836 (первое издание вышло в 1820 г. или около этого, — посмотреть).

4) Надо еще принять во внимание следующее сочинение одного мальтузианца[2] (т. е. приверженца тех мальтусовских воззрений, которые были направлены против рикардианцев): «Outlines of Political Economy» etc. London, 1832.

В своем сочинении «Observations on the Effects of the Corn Laws» (1814 год) Мальтус по поводу А. Смита еще говорил:

«Д-ра Смита, очевидно, привело к этому ходу мысли [т. е. к утверждению, что действительная цена хлеба всегда остается неизменной] его обыкновение рассматривать *труд»* (а именно, стоимость труда) «как *стандартную меру стоимости,* а хлеб — как меру труда... Теперь одним из наиболее бесспорных положений политической экономии считается то, что ни труд, ни какой-нибудь другой товар не может служить точной мерой действительной меновой стоимости. И это, действительно, вытекает уже из самого определения меновой стоимости» [стр. 11—12].

Но в своем сочинении 1820 года — «Principles of Political Economy» — Мальтус, выступая против Рикардо, подхватил эту смитовскую «стандартную меру стоимости», которую сам Смит

никогда не применяет там, где он действительно двигает науку вперед[3]. В только что цитированной работе о *хлебных законах* Мальтус сам придерживался другого смитовского определения стоимости — определения ее тем количеством капитала (накопленного труда) и труда (непосредственного), которое необходимо для производства того или другого предмета.

Вообще нельзя не признать, что как «Principles» Мальтуса, так и два других названных выше сочинения, которые должны были в отдельных пунктах подробнее развить эти «Principles», в значительной мере обязаны своим возникновением тому, что Мальтус завидовал успеху книги Рикардо[4] и пытался снова выдвинуться на первое место, которое Мальтус, как искусный плагиатор, мошенническим путем захватил до появления книги Рикардо. К тому же в книге Рикардо проведение определения стоимости, хотя еще и абстрактное, было направлено против интересов лендлордов и их прихлебателей, которые Мальтус защищал еще более непосредственно, чем интересы промышленной буржуазии. При этом нельзя отрицать, что у Мальтуса имелся известный интерес к мудрствованиям в области теории. Однако все его выступления против Рикардо — и самый характер этих выступлений — были возможны только потому, что Рикардо запутался во всякого рода непоследовательностях.

В своих выступлениях против Рикардо Мальтус использовал в качестве отправных пунктов, с одной стороны, вопрос о возникновении прибавочной стоимости[5], а с другой стороны — ту трактовку, которая дана у Рикардо выравниванию цен издержек[6] в различных сферах применения капитала, рассматриваемому в качестве модификации самого закона стоимости, и проходящее через всю книгу Рикардо смешение прибыли и прибавочной стоимости (прямое отождествление их). Мальтус не распутывает эти противоречия и quidproquo[*], а перенимает их от Рикардо, чтобы, опираясь на эту путаницу, опрокинуть рикардовский основной закон стоимости и т. д. и преподнести своим покровителям приятные для них выводы.

Заслуга Мальтуса в указанных трех его сочинениях состоит, собственно говоря, в том, что он делает ударение на *неравном* обмене между капиталом и наемным трудом, тогда как Рикардо по сути дела не объясняет, каким образом из обмена товаров по закону стоимости — по содержащемуся в них рабочему времени — проистекает неравный обмен между капиталом и живым трудом, между определенным количеством накопленного труда и определенным количеством непосредственного

[*] — смешение понятий (буквально: принятие одного за другое). *Ред*

753)

a) Malthus (T.R.)

[illegible]

1) "The Measure of Value Stated and Illustrated. London. 1823."

2) "Definitions in Polit. Economy etc. London 1827. [illegible] John Cazenove, London 1853 [illegible]"

3) Principles of Polit. Econ. etc 2nd ed. London. 1836. [illegible]

4) [illegible]

"Outlines of Polit. Econ. etc. London. 1832."

[illegible]

Первая страница третьей части рукописи К. Маркса
«Теории прибавочной стоимости»
(страница 753 в XIII тетради рукописи 1861—1863 годов)

труда, т. е. в сущности оставляет невыясненным происхождение прибавочной стоимости (потому что у Рикардо капитал обменивается непосредственно на труд, а не на рабочую силу). [754] Один из немногих позднейших приверженцев Мальтуса, *Кейзнов,* в предисловии к вышеупомянутому сочинению Мальтуса «Definitions» etc. чувствует это и потому говорит:

«Обмен товаров и *их распределение»* (заработная плата, рента, прибыль) «должны рассматриваться отдельно друг от друга... Законы распределения не целиком зависят от тех законов, которые относятся к обмену» *(Предисловие,* стр. VI, VII).

В данном случае это означает не что иное, как то, что соотношение заработной платы и прибыли,— обмен капитала и наемного труда, накопленного труда и непосредственного труда, — не совпадает *непосредственно* с законом обмена товаров.

Если рассматривать *использование стоимости* денег или товара в качестве капитала, т. е. рассматривать не их стоимость, а капиталистическое *использование* их стоимости, то ясно, что *прибавочная стоимость* есть не что иное, как избыток того труда, которым распоряжается капитал — товар или деньги, — над количеством труда, содержащимся в самом этом товаре, не что иное, как неоплаченный труд. Кроме содержащегося в самом товаре количества труда (которое равно сумме труда, заключенного в содержащихся в товаре элементах производства, плюс присоединенный к последним непосредственный труд), товар покупает еще и избыток труда, который в товаре не содержался. Этот избыток образует прибавочную стоимость; от его величины зависит степень увеличения стоимости капитала. И это избыточное количество живого труда, на который обменивается товар, составляет источник прибыли. Прибыль (точнее — прибавочная стоимость) возникает не из овеществленного труда, который якобы обменивается на свой эквивалент — на равное количество живого труда, а из той части живого труда, которая в этом обмене присваивается без уплаты за нее эквивалента, из неоплаченного труда, присваиваемого капиталом в этом мнимом обмене. Следовательно, если отвлечься от посредствующих звеньев этого процесса, — а Мальтус тем более имеет право отвлечься от них, что у Рикардо эти посредствующие звенья отсутствуют,— если рассматривать лишь фактическое содержание и результат процесса, то увеличение стоимости, прибыль, превращение денег или товара в капитал получаются не оттого, что товары обмениваются соответственно закону стоимости, т. е. пропорционально тому рабочему времени, которого они стоят, а скорее наоборот, оттого, что товары иди деньги (овеществленный труд) обмениваются на *большее*

количество живого труда, чем то, которое в них содержится, или на них затрачено.

Единственной заслугой Мальтуса в вышеупомянутых его сочинениях является заострение этого пункта, выступающего у Рикардо тем менее отчетливо, что Рикардо всегда предполагает готовый продукт, подлежащий дележу между капиталистом и рабочим, не останавливаясь на том обмене — на том опосредствующем процессе,— который приводит к этому дележу. Заслуга эта сводится затем на нет вследствие того, что *использование стоимости* денег или товара в качестве капитала, а потому и их *стоимость* в специфической функции капитала, Мальтус смешивает со *стоимостью товара* как такового. Поэтому, как мы увидим, он в дальнейшем изложении возвращается к нелепым представлениям монетарной системы — profit upon exrpropriation[7] — и вообще впадает в самую безотрадную путаницу. Таким образом, вместо того чтобы пойти дальше Рикардо, Мальтус в своем изложении пытается отбросить политическую экономию назад не только по сравнению с Рикардо, но даже по сравнению со Смитом и физиократами.

«В одной и той же стране и в одно и то же время меновая стоимость тех товаров, которые сводятся только к труду и прибыли, точно измеряется количеством труда, получающимся в результате того, что накопленный и непосредственный труд, действительно затраченный на их производство, складывается с изменяющейся суммой прибылей на все авансы, выраженные в труде. Но это с необходимостью будет тем же самым, что и количество того труда, которым может распоряжаться данный товар» («The Measure of Value Stated and Illustrated», London, 1823, стр. 15—16).

«Труд, которым может распоряжаться товар, есть стандартная мера стоимости» (там же, стр. 61).

«Нигде» (до собственного произведения Мальтуса «The Measure of Value» etc.) «я не встречал такой формулировки, что то *количество труда,* которым обычно распоряжается какой-нибудь товар, должно представлять и измерять *затраченное на производство этого товара количество труда* вместе с прибылью» («Definitions in Political Economy», London, 1827, стр. 196).

Г-н Мальтус хочет сразу же включить в определение *стоимости* «прибыль», дабы она непосредственно вытекала из этого определения, чего нет у Рикардо. Отсюда видно, что Мальтус чувствует, в чем заключалась трудность.

Помимо всего прочего, у него в высшей степени нелепо то, что он отождествляет *стоимость товара* и *использование* его *стоимости* в качестве капитала. Когда товар или деньги (короче, овеществленный труд) в качестве капитала обмениваются на живой труд, то всегда имеет место обмен на [755] большее количество труда, чем содержится в них самих; и если сравнить, с одной стороны, товар до этого обмена, а с другой стороны —

продукт, получающийся в результате обмена товара на живой труд, то оказывается, что товар был обменен на свою собственную стоимость (эквивалент) плюс избыток над его собственной стоимостью, прибавочная стоимость. Но нелепо говорить на этом основании, что стоимость товара равна его стоимости плюс избыток над этой стоимостью. Поэтому, если товар обменивается на другой товар в качестве товара, а не в качестве капитала, обмениваемого на живой труд, то он обменивается,— поскольку здесь имеет место обмен на эквивалент,— на такое же количество овеществленного труда, какое содержится в самом этом товаре.

Таким образом, заслуживает внимания только то, что по Мальтусу прибыль непосредственно в готовом виде дана уже в стоимости товара и что Мальтусу ясно одно — что товар всегда распоряжается большим количеством труда, чем в нем содержится.

«Именно потому, что труд, которым обычно распоряжается тот или иной товар, равняется труду, действительно затраченному на производство этого товара, с добавлением прибыли, именно поэтому мы вправе считать его» (труд) «мерой стоимости. Если, следовательно, считать, что *обычная стоимость товара* определяется *естественными и необходимыми условиями его поступления на рынок,* то представляется несомненным, что труд, которым он обычно может распоряжаться, один только и служит мерой этих условий» («Definitions in Political Economy», London, 1827, стр. 214).

«Элементарные издержки производства, это — в точности эквивалентное выражение для условий поступления товара на рынок» («Definitions in Political Economy», edited by Cazenove, London, 1853, стр. 14).

«Мера условий поступления товара на рынок, это — то количество труда, на которое обменивается товар, когда он находится в своем естественном и обычном состоянии» (там же).

«Количество труда, которым распоряжается товар, представляет в точности то количество труда, которое затрачено на его производство, плюс прибыль на авансированный капитал; оно поэтому действительно представляет и измеряет те естественные и необходимые условия поступления товара на рынок, те элементарные издержки производства, которые определяют стоимость» (там же, стр. 125).

«Хотя спрос на какой-нибудь товар и не находится в соответствии с количеством какого-нибудь другого товара, которое покупатель первого товара склонен и способен отдать за него, он действительно соответствует тому *количеству труда,* которое покупатель дает за товар, и это по следующей причине: *количество труда, которым обычно распоряжается товар,* представляет в точности действительный спрос на него, так как оно в точности представляет *то совокупное количество труда и прибыли, каков необходимо для поступления этого товара на рынок,* тогда как *фактическое* количество труда, каким в тот или иной момент будет распоряжаться товар, если оно отклоняется от *обычного* количества, представляет избыток или недостаток спроса, вызываемые преходящими причинами» (там же, стр. 135).

Мальтус прав и в этом. Условия *поступления на рынок,* т. е. условия производства или, точнее, воспроизводства товара

на основе капиталистического производства состоят в том, что товар или его стоимость (деньги, в которые он превращен) обменивается в процессе его производства или воспроизводства на большее количество труда, чем в нем содержится; ибо товар производится только для того, чтобы реализовать прибыль.

Например, фабрикант ситца продал свой ситец. Условие поступления на рынок нового ситца состоит в том, что в процессе воспроизводства ситца фабрикант обменивает деньги — меновую стоимость ситца — на большее количество труда, чем содержалось в ситце или представлено в деньгах. Ибо фабрикант ситца производит ситец как капиталист. Что он хочет произвести, — это не ситец, а прибыль. Производство ситца служит лишь средством для производства прибыли. Но что из этого следует? В произведенном ситце содержится больше рабочего времени, больше труда, чем в авансированном ситце. Это прибавочное рабочее время — прибавочная стоимость — представлено также в прибавочном продукте, в *большем* количестве ситца сравнительно с тем, какое было обменено на труд. Таким образом, часть продукта не является возмещением того ситца, который был обменен на труд, а образует принадлежащий фабриканту прибавочный продукт. Иными словами, если рассматривать весь продукт в целом, то каждый аршин ситца содержит определенную часть (или стоимость каждого аршина содержит определенную часть), за которую не уплачено никакого эквивалента и которая представляет *неоплаченный* труд. Следовательно, если фабрикант продает аршин ситца по его стоимости, т. е. обменивает его на деньги или товары, содержащие такое же количество рабочего времени, то он реализует определенную сумму денег или получает определенное количество товара, которые ему ничего не стоят. Ибо он продает ситец соответственно не тому рабочему времени, которое он оплатил, а соответственно тому рабочему времени, которое в этом ситце содержится и часть которого [756] фабрикантом не была оплачена. Ситец содержит рабочее время, равное, например, 12 шилл. Из них фабрикант оплатил только 8 Шилл. Он продает товар за 12 шилл., если продает его по стоимости,— и, следовательно, выигрывает 4 шилл.

[2) ВУЛЬГАРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ПРИБЫЛИ ОТ ОТЧУЖДЕНИЯ» В ЕЕ МАЛЬТУСОВСКОЙ ТРАКТОВКЕ. НЕЛЕПОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МАЛЬТУСА О ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ]

Что касается покупателя, то он оплачивает, согласно предположению, при всех обстоятельствах *только* стоимость ситца, т. е. он дает такую сумму денег, в которой содержится столько же

рабочего времени, сколько и в ситце. Здесь возможны три случая. 1) Покупатель является капиталистом. Деньги (т. е. стоимость товара), которыми он платит за ситец, тоже содержат некоторую часть неоплаченного труда. Если, следовательно, один продает неоплаченный труд, то другой покупает на неоплаченный труд. Каждый из них реализует неоплаченный труд, один — как продавец, другой — как покупатель. 2) Или покупатель является самостоятельным производителем. В таком случае он получает эквивалент за эквивалент. Оплачен ли труд, который продавец продает ему в товаре, или же не оплачен — это покупателя нисколько не касается. Он получает столько овеществленного труда, сколько он дает. 3) Или, наконец, покупатель является наемным рабочим. Также и в этом случае — при предположении, что товары продаются по своей стоимости, — он, как и всякий другой покупатель, получает за свои деньги эквивалент в виде товара. Он получает в виде товара столько же овеществленного труда, сколько дает в виде денег. Но за те деньги, которые составляют его заработную плату, он дал больше труда, чем содержится в этих деньгах. Он возместил содержащийся в них труд и затратил вдобавок прибавочный труд, который он отдает бесплатно. Он, следовательно, оплатил деньги выше их стоимости, а стало быть, оплачивает выше стоимости также и эквивалент денег — ситец и т. д. Следовательно, для него как покупателя издержки являются большими, чем для продавца любого товара, хотя в товаре он за свои деньги получает эквивалент; но в этих деньгах он не получил эквивалента за свой труд: напротив, в виде труда он отдал больше, чем только эквивалент. Таким образом, рабочий — единственный покупатель, оплачивающий все товары выше их стоимости, даже в том случае, когда он покупает их по их стоимости, потому что он купил всеобщий эквивалент, деньги, таким количеством труда, которое превышает их стоимость. Для того, кто продает товар рабочему, никакого выигрыша отсюда не получается. Рабочий платит ему не больше, чем всякий другой покупатель,— он оплачивает стоимость, созданную трудом. Капиталист, обратно продающий рабочему произведенный последним товар, реализует, правда, при такой продаже прибыль, но это всего лишь такая же прибыль, какую он реализует при продаже своего товара всякому другому покупателю. Прибыль такого капиталиста — при продаже товара своему рабочему — проистекает не из того, что он продает рабочему товар *выше* его стоимости, а из того, что он в действительности перед этим, в процессе производства, купил этот товар у рабочего *ниже* его стоимости.

И вот г-н Мальтус, у которого использование стоимости товара в качестве капитала превращается в стоимость товара, вполне последовательно превращает всех покупателей в наемных рабочих, т. е. Мальтус заставляет всех покупателей обменивать с капиталистом не товар, а непосредственный труд, и отдавать капиталисту взамен больше труда, чем *содержится* в товаре, тогда как в действительности прибыль капиталиста получается, наоборот, оттого, что последний *продает весь* содержащийся в товаре труд, в то время как он *оплатил* только часть содержащегося в товаре труда. Следовательно, если у Рикардо трудность возникает оттого, что закон обмена товаров не объясняет непосредственно обмена между капиталом и наемным трудом, а, напротив, по видимости противоречит ему, то Мальтус разрешает эту трудность тем, что покупку (обмен) товаров он превращает в обмен между капиталом и наемным трудом. Чего Мальтус не понимает, так это разницы между всей суммой труда, содержащегося в товаре, и суммой оплаченного труда, содержащегося в нем. Именно эта разница и образует источник прибыли. Но в дальнейшем Мальтус неизбежно приходит к выведению прибыли из того, что продавец продает товар не только *выше* того, что он *ему* стоит (это делает капиталист), но и выше того, что *он стоит,* т. е. Мальтус возвращается к вульгарному взгляду на прибыль как на «прибыль от отчуждения», выводящему прибавочную стоимость из того, что продавец продает товар *выше* его стоимости (т. е. за большее количество рабочего времени, чем в нем содержится). Таким образом, то, что человек выигрывает в качестве продавца одного товара, он теряет в качестве покупателя другого, и совершенно непонятно, как путем такого всеобщего номинального повышения цен может у кого бы то ни было получиться какой бы то ни было реальный «выигрыш». [757] В особенности непонятно то, как общество en masse[*] может от этого разбогатеть, как это может привести к образованию действительной прибавочной стоимости или действительного прибавочного продукта. Нелепое, бессмысленное представление.

Как мы видели[**], А. Смит наивно высказывает все противоречащие друг другу элементы, и таким образом его учение становится источником, исходным пунктом для диаметрально противоположных воззрений. Опираясь на положения Смита, г-н Мальтус делает путаную, но покоящуюся на правильном чутье и сознании неразрешенной трудности попытку противо-

[*] — в целом. *Ред.*
[**] См. настоящий том, часть I, главы третья и четвертая. *Ред.*

поставить теории Рикардо новую теорию и закрепить за собой «первое место». Переход от этой попытки к нелепому вульгарному взгляду совершается следующим образом:

Если рассматривать капиталистическое использование стоимости товара, т. е. если рассматривать товар в его обмене на живой производительный труд, то товар распоряжается, кроме содержащегося в нем самом рабочего времени, — в виде того эквивалента, который воспроизводит рабочий, — еще и прибавочным рабочим временем, образующим источник прибыли. Если мы теперь перенесем это *использование стоимости товара* на его *стоимость,* то каждый покупатель товара должен относиться к последнему как рабочий, т. е. кроме содержащегося в товаре количества труда должен при покупке давать взамен еще некоторое добавочное количество труда. Так как остальные покупатели, *кроме рабочих, не* относятся к товару как рабочие {даже там, где рабочий выступает просто как покупатель товара, косвенно сохраняется, как мы видели, прежнее коренное различие}, то приходится допустить, что хотя они непосредственно и не дают большего количества труда, чем то, которое содержится в товаре, но, что одно и то же, они отдают стоимость, содержащую большее количество труда. Посредством этого «большего количества труда, или, что одно и то же, посредством стоимости, содержащей большее количество труда», и совершается упомянутый переход. Итак, дело сводится в сущности к следующему: стоимость товара заключается в той стоимости, которую платит за него покупатель, а эта стоимость равна эквиваленту (стоимости) товара плюс избыток над этой стоимостью, прибавочная стоимость. Следовательно — вульгарный взгляд: прибыль состоит, дескать, в том, что *товар продается дороже, чем покупается.* Покупатель покупает его за большее количество труда или овеществленного труда, чем он стоит продавцу.

Но если покупатель сам является капиталистом, продавцом товара, и те деньги, на которые он покупает, представляют только проданный им товар, то дело сводится лишь к тому, что оба продают друг другу свои товары слишком дорого и таким образом взаимно надувают друг друга, и притом в одинаковой мере, если оба они реализуют лишь общую норму прибыли. Итак, откуда должны взяться такие покупатели, которые оплачивают капиталисту количество труда, равное труду, содержащемуся в его товаре, плюс прибыль капиталиста? Возьмем пример. Товар стоит продавцу 10 шилл. Продавец продает его за 12 шилл. Тем самым он распоряжается трудом не только на 10 шилл., но еще на 2 шилл. больше. Но покупатель тоже

продает свой товар, стоящий 10 шилл., за 12 шилл. Таким образом, каждый теряет в качестве покупателя то, что выгадал в качестве продавца. Единственное исключение составляет рабочий класс. Ибо, поскольку цена продукта превышает ею издержки, рабочие могут выкупить только часть продукта, и таким образом другая часть продукта (или цена этой другой части) образует прибыль для капиталиста. Но так как прибыль получается именно оттого, что рабочие могут выкупить только часть продукта, то капиталист (класс капиталистов) никогда не может реализовать свою прибыль посредством спроса [одних только] рабочих, никогда не может реализовать ее путем обмена всего продукта на заработную плату, а, напротив, реализует ее только благодаря тому, что *вся* заработная плата рабочих обменивается всего лишь на *часть* продукта. Следовательно, кроме самих рабочих, необходимы еще другой спрос и другие покупатели,— иначе никакой прибыли не могло бы возникнуть. Откуда берутся эти покупатели? Если они сами являются капиталистами, сами являются продавцами, то происходит указанное выше самонадувательство класса капиталистов, поскольку последние номинально взаимно повышают друг для друга цену своих товаров и каждый в качестве продавца выгадывает то, что он теряет в качестве покупателя. Следовательно, *нужны покупатели, не являющиеся продавцами,* дабы капиталист мог реализовать свою прибыль, продавать товары «по их стоимости». Отсюда необходимость в лендлордах, получателях пенсий, обладателях синекур, попах и т. п., включая их лакеев и прихлебателей. Каким образом эти «покупатели» получают в свое обладание [758] покупательные средства, —каким образом они сперва должны отобрать (без эквивалента) у капиталиста часть его продукта, чтобы на таким путем отобранное купить обратно меньше, чем эквивалент этого количества,— этого г-н Мальтус не объясняет. Во всяком случае, отсюда вытекает его аргументация в защиту возможно большего увеличения непроизводительных классов, чтобы продавцы товаров находили рынок, спрос для своего предложения. И таким образом получается далее, что автор памфлета о народонаселении[8] проповедует, как условие производства, постоянное перепотребление и присвоение бездельниками возможно большей части годового продукта. К этой аргументации, с необходимостью вытекающей из его теории, присоединяется в качестве дальнейшего довода указание на то, что капитал является представителем *стремления к абстрактному богатству,* к *увеличению стоимости,—* стремления, которое, однако, может быть реализовано только благодаря тому, что имеется класс покупателей,

являющихся представителями *стремления к расходованию, потреблению, расточительству,* — т. е. именно благодаря тому. что имеются непроизводительные классы, которые выступают как покупатели, не будучи продавцами.

[3) СПОР МЕЖДУ МАЛЬТУЗИАНЦАМИ И РИКАРДИАНЦАМИ В 20-х ГОДАХ XIX ВЕКА. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ В ИХ ПОЗИЦИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РАБОЧЕМУ КЛАССУ]

На этой почве в 20-х годах (период от 1820 до 1830 г. вообще является большой метафизической эпохой в истории английской политической экономии) завязался великолепный спор между мальтузианцами и рикардианцами. Последние так же, как и мальтузианцы, считают необходимым, чтобы рабочий не присваивал сам своего продукта и чтобы часть этого продукта доставалась капиталисту, что должно служить ему, рабочему, *стимулом к производству* и обеспечивать таким путем рост богатства. Но рикардианцы неистовствуют по поводу взгляда мальтузианцев, что лендлорды, обладатели государственных и церковных синекур и целая орава праздной челяди должны сперва забрать себе без всякого эквивалента часть продукта капиталиста (совсем так же, как капиталист поступает с рабочими), чтобы затем купить у капиталистов с прибылью для последних их собственные товары. Рикардианцы, однако, утверждают то же самое относительно рабочих. Для того чтобы возрастало накопление, а вместе с ним и спрос на труд, рабочий — по учению рикардианцев — должен возможно большее количество своего собственного продукта уступать безвозмездно капиталисту, дабы этот последний превращал обратно в капитал возросший таким путем чистый доход. Точно так же аргументирует и мальтузианец. У промышленных капиталистов, по мнению мальтузианца, надо безвозмездно отбирать возможно больше в виде ренты, налогов и т. д., чтобы остающееся у них они могли с прибылью для себя продать навязанным им «участникам дележа». Рабочий не должен присваивать свой собственный продукт, чтобы не утратить стимула к труду, твердят рикардианцы вместе с мальтузианцами. Промышленный капиталист [утверждают мальтузианцы] должен часть своего продукта уступать таким классам, которые только потребляют — «fruges consumere nati»*, дабы последние снова обменяли с промышленным капиталистом на невыгодных для себя условиях то, что он уступил им. В противном случае капиталист

* — «рождены для вкушения плодов» (Гораций, «Послания»). *Ред.*

утратил бы стимул к производству, который как раз и состоит в том, что капиталист получает высокую прибыль, продает свой товар гораздо выше его стоимости. В дальнейшем мы еще вернемся к этой комической полемике.

[4) ОДНОСТОРОННЯЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СМИТОВСКОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ У МАЛЬТУСА. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИМ В ПОЛЕМИКЕ ПРОТИВ РИКАРДО ОШИБОЧНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СМИТА]

Перейдем теперь прежде всего к доказательству того, что Мальтус скатывается к совершенно тривиальному представлению.

«Как бы ни было велико число промежуточных меновых актов, через которые должны проходить товары, — отправляют ли производители свои товары в Китай или продают их на месте производства, — вопрос о том, является ли достаточной уплачиваемая за товар цена, зависит исключительно от того, *могут ли производители возместить свои капиталы с обычной прибылью,* так чтобы быть в состоянии успешно продолжать свое дело. *Но что представляют собой их капиталы?* Как указывает А. Смит, это — орудия, с помощью которых работают, материалы, которые подвергаются обработке, и средства для распоряжения необходимым количеством труда».

(И это, полагает Мальтус, есть весь труд, затраченный на производство товара. Прибыль есть *избыток* над тем трудом, который указанным образом был затрачен на производство товара. Следовательно, на деле это лишь номинальная надбавка к издержкам производства товара.) И чтобы не оставалось никакого сомнения насчет его мнения, Мальтус с одобрением приводит в подтверждение своего собственного взгляда следующие слова полковника Торренса из его книги «On the Production of Wealth», глава VI, стр. 349:

«Действительный спрос состоит в способности и склонности *потребителей»* {противоположность между покупателями и продавцами превращается здесь в противоположность между потребителями и производителями}, [759] «путем ли непосредственного или опосредствованного обмена, давать за товар некоторое большее количество всех составных частей капитала, чем стоило его производство» («Definitions in Political Economy», edited by Cazenove, стр. 70—71).

А сам г-н Кейзнов, издатель, апологет и комментатор мальтусовских «Definitions», говорит:

«Прибыль не зависит от того соотношения, в котором товары обмениваются друг на друга»

{дело в том, что если бы рассматривался лишь обмен товаров между капиталистами, то, поскольку здесь нет обмена между капиталистом и рабочими, не имеющими, кроме труда, *никакого*

другого товара для обмена, теория Мальтуса предстала бы как абсурдный тезис о простой взаимной надбавке к цене, о номинальной накидке на цены их товаров. Поэтому приходится отвлекаться от обмена товаров и говорить об обмене денег со стороны таких людей, которые не производят *никаких* товаров},

«так как одно и то же соотношение обмена может существовать при любой высоте прибыли; но она зависит от *того соотношения, в котором цена товара находится к заработной плате,* или к сумме денег, необходимой для покрытия издержек производства; от соотношения, которое во всех случаях определяется тем, насколько *жертва, приносимая покупателем* (или *количество труда, отдаваемое им)* для того, чтобы приобрести товар, *превышает жертву, приносимую производителем, чтобы доставить товар на рынок»* (там же, стр. 46).

Чтобы достичь этих прелестных результатов, Мальтусу приходится проделать очень большие теоретические манипуляции. Прежде всего, принимая одну сторону учения А. Смита, согласно которой стоимость товара равняется количеству труда, которым товар распоряжается, или которое распоряжается им (или на которое он обменивается), надо было устранить возражения, сделанные самим А. Смитом и последующими экономистами, в том числе и Мальтусом, против того положения, что *стоимость* товара — стоимость — может быть мерой стоимости.

Сочинение Мальтуса «The Measure of Value Stated and Illustrated», London, 1823, является настоящим образцом слабоумия, которое, одурманивая само себя казуистикой, лавирует среди собственной внутренней путаницы понятий; его тяжеловесное и беспомощное изложение оставляет у наивного и некомпетентного читателя впечатление, что если читателю трудно внести ясность в эту путаницу, то причина этой трудности заключается не в противоречии между путаницей и ясностью, а в недостаточном понимании со стороны читателя.

Прежде всего другого Мальтусу необходимо снова стереть проведенное Давидом Рикардо разграничение между «стоимостью труда» и «количеством труда»[9] и свести к одной, ошибочной стороне то переплетение [различных определений стоимости], которое имело место у Смита.

«Любое данное *количество труда* должно иметь *такую же стоимость,* как и та *заработная плата,* которая распоряжается им, или на которую оно фактически обменивается» («The Measure of Value Stated and Illustrated», London, 1823, стр. 5).

Цель этой фразы — отождествить выражения *количество труда* и *стоимость труда*.

Сама по себе эта фраза выражает простую тавтологию, нелепый трюизм. Так как *заработная плата,* или то, «на что оно» (данное количество труда) «обменивается», составляет *стоимость* этого количества труда, то тавтологией является утверждение: *стоимость* определенного количества труда равняется той *заработной плате,* или той массе денег или товаров, на которую обменивается этот труд. Другими словами, это означает не что иное, как то, что меновая стоимость определенного количества труда равняется меновой стоимости этого количества труда, которую иначе называют заработной платой. Но {не говоря уже о том, что на заработную плату обменивается непосредственно не труд, а рабочая сила, каковое смешение и делает возможной нелепую конструкцию} из указанной тавтологии отнюдь не следует, что определенное количество труда равно тому количеству труда, которое содержится в заработной плате, или в деньгах или товарах, составляющих заработную плату. Если рабочий работает 12 часов и получает в качестве заработной платы продукт 6 часов, то этот продукт 6-часового труда составляет *стоимость,* даваемую за 12 часов труда (ибо он составляет заработную плату, товар, обмениваемый на 12 часов труда). Отсюда не следует, что 6 часов труда равны 12 часам, или что товар, в котором представлено 6 часов, равен товару, в котором представлено 12 часов; не следует, что стоимость заработной платы равна стоимости того продукта, в котором представлен [обмененный на эту заработную плату] труд. Отсюда следует только то, что стоимость труда (так как она измеряется стоимостью рабочей силы, а не выполненным ею трудом), [760] стоимость определенного количества труда содержит меньше труда, чем она покупает; что поэтому *стоимость того товара,* в котором представлен купленный труд, весьма отлична от стоимости тех товаров, на которые данное количество труда было куплено, или которые распоряжаются этим трудом.

Вывод, который делает г-н Мальтус, прямо противоположен. Так как *стоимость* данного количества труда равна его стоимости, то отсюда, по мнению Мальтуса, следует, что та стоимость, в которой представлено это количество труда, равняется стоимости заработной платы. По Мальтусу, отсюда, далее, следует, что непосредственный труд (т. е. труд, остающийся после вычета средств производства), который поглощен каким-либо товаром и содержится в нем, не создает стоимости большей, чем та, которая была уплачена за этот труд; последний лишь воспроизводит стоимость заработной платы. Уже из этого само собой вытекает, что прибыль не может быть объяснена, если

стоимость товаров определяется содержащимся в них трудом; что, напротив, ее приходится выводить тогда из какого-то другого источника,— если при этом вообще исходить из предположения, что стоимость товара должна включать прибыль, которую он реализует. Ибо затраченный на производство товара труд состоит 1) из труда, который содержится в изношенной, а потому вновь появляющейся в стоимости продукта, машине и т. п., 2) из труда, содержащегося в использованном сырье. Оба эти элемента, становясь элементами производства нового товара, не увеличивают, конечно, в силу этого количество того труда, который содержался в них до производства нового товара. Следовательно, остается 3) труд, содержащийся в заработной плате, который был обменен на живой труд. Но последний, по Мальтусу, не больше того овеществленного труда, на который он обменивается. Стало быть, товар не содержит никакой доли неоплаченного труда, а содержит лишь труд, возмещающий эквивалент. Отсюда следует, что, если бы стоимость товара определялась содержащимся в нем трудом, товар не давал бы никакой прибыли. Если же он дает прибыль, то это, по Мальтусу, есть *избыток* цены товара над содержащимся в нем трудом. Выходит, что для того чтобы быть проданным по своей стоимости (которая включает прибыль), товар должен распоряжаться таким количеством труда, которое равно труду, затраченному на его производство, плюс избыток труда, который и представляет прибыль, реализуемую при продаже товара.

[5) СМИТОВСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О НЕИЗМЕННОЙ СТОИМОСТИ ТРУДА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАЛЬТУСА]

Для того чтобы доказать, что труд, — не количество труда, требующееся для производства, а труд как товар, — служит мерой стоимостей, Мальтус, далее, утверждает, что

«стоимость труда постоянна» («The Measure of Value» etc., стр. 29, примечание).

{В этом нет ничего оригинального, это пересказ и дальнейшее развитие следующего положения *А. Смита* из 5-й главы I книги «Богатства народов» (франц. перевод Гарнье, том I, стр. 65—66):

«Во все времена и повсюду одинаковые количества труда должны иметь одинаковую стоимость для рабочего, выполняющего этот труд. При обычном состоянии своего здоровья, силы и бодрости и при обычной степени искусства и ловкости, которыми он может обладать, он всегда должен отдавать одну и ту же долю своего досуга, своей свободы, своего счастья. Цена, которую он уплачивает, всегда остается неизменной, каково бы ни

было то количество товаров, которое он получает в обмен на эту цену. Правда, за эту цену он может купить иногда большее количество этих товаров, иногда меньшее, но изменяется здесь стоимость этих товаров, а не стоимость покупающего их труда. Во все времена и повсюду *дорого* то, что трудно достать, или приобретение чего стоит большого труда, а *дешево* то, что легко достать, или что можно получить при незначительной затрате труда. Таким образом, труд, никогда не изменяясь в своей собственной стоимости, является единственной действительной и окончательной мерой, которая во все времена и повсюду может служить для оценки и сравнения стоимости всех товаров» [Русский перевод: *А. Смит.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М. — Л., 1935, том I, стр. 32—33].}

{Далее, то открытие Мальтуса, которым он так кичится и относительно которого он утверждает, что оно сделано впервые им (а именно, положение о том, что стоимость равна количеству труда, содержащемуся в товаре, плюс количество труда, представляющее прибыль), это открытие, по-видимому, тоже является просто-напросто сведением воедино двух нижеследующих фраз Смита (Мальтус никогда не перестает быть плагиатором):

«Действительная стоимость всех различных составных частей цены измеряется количеством труда, которое каждая из них может купить, или получить в свое распоряжение. Труд измеряет стоимость не только той части цены, которая сводится к *труду,* но и той ее части, которая сводится к *ренте,* и той, которая сводится к *прибыли»* (книга I, глава 6, перевод Гарнье, том I, стр. 100) [Русский перевод, том I, стр. 47].}

[761] В соответствии с этим Мальтус говорит:

«Если повышается спрос на труд, то более высокий заработок рабочего вызван не повышением стоимости труда, а понижением стоимости того продукта, на который труд обменивается. В случае же избытка труда низкий заработок рабочего вызван повышением стоимости продукта, а не понижением стоимости труда» («The Measure of Value» etc., стр. 35; ср. также стр. 33—34).

Очень удачно высмеивает Бейли мальтусовское *обоснование* положения о том, что *стоимость труда* постоянна (дальнейшую аргументацию Мальтуса, не Смита; а также вообще положенно о неизменной стоимости труда):

«Точно таким же образом можно было бы доказать относительно любого предмета, что он имеет неизменную стоимость, — например, относительно 10 аршин сукна. Ибо, даем ли мы за 10 аршин сукна 5 ф. ст. или 10 ф. ст., даваемая сумма всегда будет равняться по стоимости тому сукну, за которое она уплачивается, или, другими словами, по отношению к сукну она будет иметь неизменную стоимость. Но то, что дается за вещь, обладающую неизменной стоимостью, само должно быть неизменным; следовательно, 10 аршин сукна должны обладать неизменной стоимостью... Если мы говорим, что заработная плата имеет неизменную стоимость, потому что она, хотя и изменяется в величине, но распоряжается одним и тем же количеством труда, то такое утверждение не более обосновано, чем утверждение, что *сумма,* даваемая за шляпу, обладает неизменной

стоимостью, потому что эта сумма, хотя она бывает то больше, то меньше, всегда покупает шляпу» («A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value» etc., London, 1825, стр. 145—147).

В том же сочинении Бейли очень едко высмеивает нелепые, претендующие на глубокомыслие, таблицы, которыми Мальтус «иллюстрирует» свою меру стоимости.

В своих «Definitions in Political Economy» (London, 1827), где Мальтус изливает свой гнев по поводу сарказмов Бейли, он, между прочим, пытается следующим образом доказать *неизменность стоимости труда:*

«Значительная группа товаров, как например сырые продукты, с прогрессом общества повышается в цене по сравнению с трудом, тогда как продукты промышленности понижаются в цене. Поэтому не далеко от истины будет утверждение, что в среднем та масса товаров, которой в одной и той же стране распоряжается данное количество труда, не может на протяжении нескольких столетий существенно изменяться» («Definitions» etc., London, 1827, стр. 206).

Столь же великолепно, как Мальтус доказывает «неизменность стоимости труда», он доказывает и то, что повышение денежных цен заработной платы должно вызвать общее повышение денежных цен товаров:

«Когда происходит общее повышение заработной платы, выраженной в деньгах, то стоимость денег соответственно понижается; а когда стоимость денег понижается, ... всегда повышаются цены товаров» (там же, стр. 34).

Если стоимость денег в сравнении с трудом понизилась, то нужно как раз доказать, что повысилась стоимость всех товаров в сравнении с деньгами, или что понизилась стоимость денег, выраженная не в труде, а в других товарах. А доказательство Мальтуса состоит в том, что он заранее принимает это в качестве предпосылки.

[6) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАЛЬТУСОМ, В ЕГО БОРЬБЕ ПРОТИВ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ, РИКАРДОВСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ О МОДИФИКАЦИЯХ ЗАКОНА СТОИМОСТИ]

Свою полемику против рикардовского определения стоимости *Мальтус* всецело черпает из впервые самим Рикардо выдвинутых положений о тех изменениях в меновых стоимостях товаров, которые, независимо от количества труда, затраченного на производство этих товаров, вызываются различиями в строении капитала, вытекающими из процесса обращения, — различные соотношения между оборотным и основным капиталом, различная степень долговечности применяемого основного капитала, различные периоды оборота оборотного капитала. Короче

говоря, свою полемику против Рикардо Мальтус черпает из рикардовского смешения цены издержек со стоимостью, поскольку у Рикардо выравнивания цен издержек, независимых от количества труда, применяемого в отдельных сферах производства, рассматриваются как модификации самой стоимости и тем самым опрокидывается весь принцип. Мальтус подхватывает эти самим Рикардо выдвинутые против определения стоимости рабочим временем и им впервые открытые противоречия не для того, чтобы их разрешить, а для того, чтобы вернуться назад к совершенно бессмысленным представлениям и чтобы *высказывание* противоречащих друг другу явлений, их передачу словами, выдать за разрешение противоречий. Применение такого же метода мы увидим при рассмотрении разложения рикардианской школы — у [Джемса] Милля и Мак-Куллоха, которые пытаются чисто словесным путем, при помощи схоластически-нелепых определений и различений, непосредственно привести в согласие с всеобщим законом противоречащие ему явления, чтобы отделаться от них в своих рассуждениях, причем, однако, в результате таких попыток у этих авторов исчезает сама всеобщая основа.

Приведем те места из работ Мальтуса, где он обращает против Рикардо тот материал, который сам Рикардо выдвинул против закона стоимости:

«Смит замечает, что хлеб созревает в один год, тогда как для выращивания скота на убой требуется 4—5 лет; поэтому, если мы имеем перед собой определенное количество хлеба и определенное количество мяса одинаковой меновой стоимости, то несомненно, что разница в сумме прибыли, получаемой за 3 или 4 добавочных года из расчета пятнадцати процентов на затраченный в производстве мяса капитал, — что эта разница, помимо всех других соображений, компенсирует в стоимости мяса то обстоятельство, что в нем содержится гораздо меньшее количество [762] труда. Таким образом, мы можем иметь два товара одинаковой меновой стоимости, тогда как накопленный и непосредственный труд в одном из них на сорок или пятьдесят процентов меньше, чем в другом. Это — обычное явление в отношении огромного количества самых важных товаров всякой данной страны; и если бы прибыль понизилась с 15 до 8%, то стоимость мяса по сравнению с хлебом понизилась бы более чем на 20%» («The Measure of Value» etc., стр. 10—11).

А так как капитал состоит из товаров и значительная часть входящих в него или образующих его товаров имеет такую цену (следовательно, меновую стоимость в обыденном смысле), которая состоит не только из накопленного и непосредственного труда, но еще и — поскольку мы рассматриваем только данный отдельный товар — из чисто номинальной накидки на стоимость, обусловленной тем, что прибавляется средняя прибыль, то Мальтус говорит:

«Труд — не единственный элемент, затраченный на производство капитала» («Definitions», edited by Cazenove, стр. 29).

«Что такое *издержки производства?..* Это — то количество *труда, в его натуральной форме, которое требуется для производства товара* и для получения потребляемых при его производстве орудий и материалов, *плюс то добавочное количество труда,* которое соответствует обычной прибыли на авансированный капитал за все время его авансирования» (там же, стр. 74—75).

«По той же причине совершенно неправ г-н Милль, называя капитал накопленным трудом. Капитал можно было бы, пожалуй, назвать *накопленным трудом плюс прибыль,* но его безусловно нельзя определять как один лишь накопленный труд, если только мы не решимся назвать прибыль трудом» (там же, стр. 60—61).

«Совершенно ошибочно говорить, что стоимости товаров регулируются или определяются необходимым для их производства количеством труда и капитала. Совершенно правильно будет сказать, что они регулируются *количеством труда и прибыли,* необходимым для их производства» (там же, стр. 129).

По этому поводу *Кейзнов* говорит в примечании на стр. 130:

«Против выражения «труд и прибыль» можно возразить, что это не соотносительные понятия, так как труд есть деятельность, а прибыль — результат, первый есть причина, а вторая — следствие. Поэтому *г-н Сениор* заменил это выражение выражением *«труд и воздержание»* (а именно, по Сениору: «Кто превращает свой доход в капитал, тот *воздерживается от тех удовольствий,* которые доставило бы ему расходование этого капитала») ... Надо признать, однако, что не воздержание, а производительное *применение* капитала является причиной прибыли».

Великолепное объяснение! Стоимость товара состоит из содержащегося в нем труда плюс прибыль; из труда, который содержится в нем, и из труда, который в нем не содержится, но подлежит оплате при покупке товара.

Дальнейшая полемика Мальтуса против Рикардо:

«Утверждение Рикардо, что в той же самой мере, в какой повышается стоимость заработной платы, прибыль понижается, и наоборот, верно лишь при предположении, что товары, на производство которых затрачено одно и то же количество труда, всегда имеют одинаковую стоимость, — предположение, которое оказывается верным едва ли в одном случае из 500, как это необходимо происходит вследствие того, что с развитием цивилизации и техники количество применяемого основного капитала все время возрастает, а периоды оборота оборотного капитала становятся все более различными и неравными» («Definitions», London, 1827, стр. 31—32). (То же самое место — на стр. 53—54 издания Кейзнова, где Мальтус дословно говорит следующее: «Естественное положение вещей» искажает рикардовскую меру стоимости, так как это положение вещей «с развитием цивилизации и техники имеет тенденцию непрерывно увеличивать количество применяемого основного капитала и делать периоды оборота оборотного капитала все более различными и неравными».)

«Сам г-н Рикардо признаёт значительные исключения из своего правила; но если рассмотреть случаи, относящиеся к его исключениям, т. е. те случаи, где количества применяемого основного капитала неодинаковы

и обладают различной долговечностью и где периоды оборота применяемого оборотного капитала различны, то мы найдем, что случаи эти столь многочисленны, что правило можно считать исключением, а исключения — правилом» («Definitions», edited by Cazenove, стр. 50).

[7) ВУЛЬГАРНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТОИМОСТИ У МАЛЬТУСА. ВЗГЛЯД НА ПРИБЫЛЬ КАК НА НАДБАВКУ К СТОИМОСТИ ТОВАРОВ. ПОЛЕМИКА МАЛЬТУСА ПРОТИВ РИКАРДОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ]

В соответствии со сказанным раньше, Мальтус дает еще и такое определение стоимости[10]:

«Стоимость — это даваемая товару оценка, основанная на его *издержках для покупателя,* или на той *жертве,* которую должен принести покупатель, чтобы приобрести товар, и которая измеряется *количеством труда, даваемым им в обмен на этот товар, или, что сводится к тому же самому, тем трудом,* которым товар распоряжается» (там же, стр. 8—9).

В качестве различия между Мальтусом и Рикардо Кейзнов отмечает также следующее:

[763] «Г-н Рикардо вместе с А. Смитом принимал труд за правильную меру издержек, но он применял эту меру лишь к издержкам для *производителя...* Она одинаково применима и как мера *издержек для покупателя»* (там же, стр. 56—57).

Другими словами: стоимость товара равна сумме денег, которую должен заплатить покупатель, а эта сумма денег лучше всего оценивается той массой простого труда, которая может быть куплена на эти деньги[*]. Но чем определяется эта сумма денег, об этом здесь, конечно, не сказано ни слова. Перед нами совершенно вульгарное представление, какое люди имеют об этом предмете в обыденной жизни, — простая тривиальность, высокопарно выраженная. Другими словами, это означает не что иное, как отождествление *цены издержек* и *стоимости,* — смешение, которое у А. Смита и еще более у Рикардо противоречит их действительному анализу, но которое Мальтус возводит в закон. Тем самым здесь перед нами то представление о стоимости, которое свойственно погрязшему в конкуренции и знающему только создаваемую ею видимость филистеру мира конкуренции. Чем же определяется цена издержек? Величиной авансированного капитала плюс прибыль. А чем определяется прибыль? Откуда берется фонд для нее, откуда берется прибавочный продукт, в котором представлена эта прибавочная стоимость? Если речь идет лишь о номинальном повышении

[*] Мальтус *заранее предполагает существование прибыли,* чтобы затем измерять ее стоимостную массу внешней мерой. Он не затрагивает вопроса о возникновении и внутренней возможности прибыли.

денежной цены, то повысить стоимость товаров — самое легкое дело. А чем определяется стоимость авансированного капитала? *Стоимостью* содержащегося в нем труда, говорит Мальтус. А чем определяется последняя? *Стоимостью* тех товаров, на которые расходуется заработная плата. А стоимость этих товаров? Стоимостью труда плюс прибыль. Мы так и не перестаем вращаться в порочном кругу. Предположим, что рабочему действительно уплачивается стоимость его труда, т. е. что товары (или сумма денег), составляющие его заработную плату, равны стоимости товаров (сумме денег), в которых овеществляется его труд, так что, получая 100 талеров заработной платы, он присоединяет к сырью и т. д., — короче, к авансированному [постоянному] капиталу, — также всего лишь стоимость в 100 талеров. В таком случае прибыль может вообще состоять лишь из делаемой при продаже продавцом надбавки к *действительной* стоимости товара. Это делают все продавцы. Поскольку, следовательно, капиталисты обмениваются товарами друг с другом, никто из них ничего не реализует путем такой надбавки, и меньше всего таким путем образуется добавочный фонд, из которого они могли бы черпать свои доходы. Только те капиталисты, товары которых входят в потребление рабочего класса, будут получать действительную, а не воображаемую прибыль, ибо они продают обратно рабочим товар дороже, чем купили его у них. Товар, купленный ими у рабочих за 100 талеров, они продадут обратно рабочим за 110 талеров, т. е. они продадут им обратно только $^{10}/_{11}$ продукта, а $^{1}/_{11}$ оставят себе. Но это означает лишь то, что из тех, например, 11 часов, в течение которых работал рабочий, ему оплачивается только 10 часов, ему дается лишь продукт 10 часов, тогда как один час, или продукт одного часа, достается без эквивалента капиталисту, А ведь это, в свою очередь, означает, что — во взаимоотношениях с рабочим классом — прибыль получается оттого, что рабочий класс часть своего труда отдает капиталистам *даром,* что, следовательно, *«количество* труда» не сводится к тому же самому, что и «стоимость труда». Но все другие капиталисты получали бы прибыль только в воображении, так как у них не было бы указанного выхода.

Как мало понял Мальтус исходные положения Рикардо, как он абсолютно не понимает того, что получение прибыли возможно иным путем, чем путем надбавки к стоимости, разительно показывает, между прочим, следующее место:

«Можно признать, что первоначально товары, если их сразу же изготовляли и сразу же пускали в употребление, были результатом одного лишь труда и что поэтому их стоимость определялась количеством этого

труда; но совершенно невозможно думать, что такие товары *применялись в качестве капитала* при производстве других товаров *без того, чтобы капиталист на определенное время не лишался возможности пользоваться авансированным им капиталом и чтобы он не требовал за это вознаграждения в виде прибыли.* На ранних стадиях развития общества, когда капиталов, авансируемых на производство товаров, было сравнительно мало, это вознаграждение было высоким и вследствие высокой нормы прибыли оказывало значительное влияние на стоимость таких товаров. На позднейших стадиях развития общества прибыль оказывает сильное влияние на стоимость капитала и товаров вследствие значительно возросшего количества применяемого основного капитала и вследствие удлинения того срока, на который авансируется значительная часть оборотного капитала, пока он возмещается капиталисту из выручки. *В обоих случаях на то соотношение, в каком товары обмениваются друг на друга, существенное влияние оказывает различное количество прибыли»* («Definitions», edited by Cazenove, стр. 60).

Установление понятия *относительной* заработной платы — одна из крупнейших заслуг Рикардо. Суть дела заключается в том, что *стоимость заработной платы* (а потому также и *прибыли)* всецело зависит от отношения той части рабочего дня, в течение которой *рабочий работает на самого себя* (для производства или воспроизводства своей заработной платы), к той части его рабочего времени, которая принадлежит капиталисту. Экономически это очень важно; в сущности, это — лишь другое выражение для правильной теории прибавочной стоимости[11]. Далее, это важно для понимания социального отношения обоих [764] классов. Мальтус чует здесь что-то неладное, что и заставляет его выступить со своими возражениями:

«До г-на Рикардо я не встречал ни одного автора, который употреблял бы когда-либо термин *заработная плата,* или действительная заработная плата, в таком смысле, который подразумевает некоторую *пропорцию».*

(Рикардо говорит о *стоимостном* выражении заработной платы, которое, действительно, выявляет себя и как приходящаяся на долю рабочего часть продукта[12].)

«Прибыль, действительно, подразумевает некоторую пропорцию; и *норма прибыли всегда справедливо выражалась в процентах по отношению к стоимости авансированного капитала».*

{Что Мальтус понимает под *стоимостью авансированного капитала,* сказать очень трудно, а для него самого даже и невозможно. По Мальтусу, стоимость товара равна содержащемуся в товаре авансированному капиталу плюс прибыль. Но так как авансированный капитал состоит, кроме непосредственного труда, еще и из товаров, то стоимость авансированного капитала равна содержащемуся в нем авансированному капиталу плюс прибыль. Таким образом, прибыль равняется

прибыли на авансированный капитал плюс прибыль на прибыль. И так in infinitum*.}

«Но что касается заработной платы, то ее повышение или понижение всегда рассматривали не в зависимости от той *пропорции,* в какой она может находиться ко всему продукту, получаемому благодаря определенному количеству труда, а в зависимости от большего или меньшего количества определенного продукта, получаемого рабочим, или в зависимости от того, дает ли этот продукт больше или меньше власти распоряжаться предметами необходимости и удобства» («Definitions», London, 1827, стр. 29—30).

Так как при капиталистическом производстве непосредственной целью является *меновая стоимость* — увеличение меновой стоимости,— то важно знать, как ее измерять. Так как стоимость авансированного капитала выражается в деньгах (действительных или же счетных), то степень этого увеличения измеряется по отношению к денежной величине самого капитала, и за масштаб берется капитал (сумма денег) определенной величины — 100.

«Прибыль на капитал», — говорит Мальтус, — «состоит в разнице между стоимостью авансированного капитала и той стоимостью, которую имеет товар, когда его продают или потребляют» («Definitions», London, 1827, стр. 240—241).

[8) НЕСООТВЕТСТВИЕ МЕЖДУ ВЗГЛЯДАМИ МАЛЬТУСА НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД И НАКОПЛЕНИЕ И ЕГО ТЕОРИЕЙ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ]

[а)] ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД

«Доход расходуется в целях непосредственного поддержания жизни и получения наслаждений, а капитал расходуется в целях получения прибыли» («Definitions», London, 1827, стр. 86).

«Рабочий и домашний слуга представляют собой два орудия, которыми пользуются для совершенно различных целей: первый должен помогать приобретать богатство, второй должен помогать потреблять его» (там же, стр. 94)[13].

Удачно следующее определение производительного рабочего:

«Производительный рабочий — это такой рабочий, который *непосредственно увеличивает богатство своего хозяина»* («Principles of Political Economy» [2nd edition], стр. 47 [примечание]).

С этим надо сопоставить еще следующее место:

«Единственное производительное потребление в собственном смысле слова, это — потребление и уничтожение богатства капиталистами с целью

* — до бесконечности. *Ред.*

воспроизводства... Рабочий, работающий у капиталиста, ту часть своей заработной платы, которую он не сберегает, потребляет, конечно, как доход для поддержания своей жизни и для получения наслаждений, а не как капитал в целях производства. *Он является производительным потребителем для лица, применяющего его труд,* и для государства, *но, строго говоря, не для самого себя»* («Definitions», edited by Cazenove, стр. 30).

[б)] НАКОПЛЕНИЕ

«Ни один политико-эконом нашего времени не может под *сбережением* подразумевать простое накапливание ценностей; а если не говорить об этой ограниченной и бесплодной операции, то термин «сбережение» в отношении к национальному богатству может употребляться только в том смысле, который проистекает из различного применения того, что сберегается, на основе реального различия, существующего между разными видами труда, нанимаемого на сберегаемые средства» («Principles of Political Economy» [2nd edition], стр. 38—39).

«Накопление капитала есть применение части дохода в качестве капитала. *Капитал может поэтому возрастать без возрастания наличного имущества, или богатства»* («Definitions», edited by Cazenove, стр. 11).

«Если среди рабочего класса страны, зависящей главным образом от промышленности и торговли, значительное распространение приобретают благоразумные привычки в отношении брака, то это *может повредить такой стране»* («Principles of Political Economy» [2nd edition], стр. 215).

И это говорит проповедник предупредительных мер против перенаселения!

«Нужда в предметах необходимости — вот что главным образом побуждает рабочий класс производить предметы роскоши; если бы этот стимул был устранен или значительно ослаблен, так что предметы необходимости можно было бы получать при очень небольшой затрате труда, то мы имели бы все основания полагать, что производству предметов комфорта уделялось бы не больше времени, а меньше» («Principles of Political Economy» [2nd edition], стр. 334).

Но важнее всего в устах теоретика перенаселения следующее высказывание:

«Так как из природы народонаселения вытекает, что прирост рабочего населения не может быть доставлен на рынок, для удовлетворения возросшего спроса, раньше, чем через 16—18 лет, тогда как превращение дохода в капитал путем сбережений может совершаться гораздо быстрее, то *страна постоянно подвержена риску,* что *фонды* для содержания труда будут *возрастать* быстрее, нем население» (там же, стр. 319—320).

[765] *Кейзнов* правильно замечает:

«Когда капитал употребляется на *авансирование рабочим их заработной платы, это ничего не прибавляет к фондам для содержания труда,* а просто сводится к применению определенной части этих уже существующих фондов для целей производства» («Definitions in Political Economy», edited by Cazenove, стр. 22, примечание).

[9)] ПОСТОЯННЫЙ И ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ [В МАЛЬТУСОВСКОМ ИХ ПОНИМАНИИ]

«Накопленный труд» (следовало бы, собственно, сказать: материализованный труд, овеществленный труд) «есть труд, затраченный на производство сырья и орудий, применяемых при производстве других товаров» («Definitions in Political Economy», edited by Cazenove, стр. 13).

«Говоря о труде, затраченном на производство товаров, труд, затраченный на производство необходимого для их производства капитала, следовало бы называть *накопленным трудом* — в отличие от *непосредственного труда, применяемого последним капиталистом»* [т. е. на последней стадии производства товара] (там же, стр. 28—29).

Конечно, очень существенно проводить это различие. Но у Мальтуса оно остается совершенно бесплодным.

Мальтус делает попытку прибавочную стоимость или, по крайней мере, ее норму (что он, впрочем, всегда смешивает с прибылью и нормой прибыли) трактовать как отношение к переменному капиталу, к той части капитала, которая затрачивается на *непосредственный труд.* Но у Мальтуса попытка эта — совершенно ребяческая, да иной она и не могла быть при его взгляде на стоимость. В своих «Principles of Political Economy» [2nd edition] он говорит:

«Предположим, что капитал затрачен только на заработную плату. 100 ф. ст. затрачено на непосредственный труд. Если выручка к концу года составляет 110, 120 или 130 ф. ст., то очевидно, что в каждом из этих случаев прибыль будет *определяться величиной той части стоимости совокупного продукта, которая требуется для оплаты применяемого труда.* Если стоимость продукта на рынке равна 110, то часть, требующаяся для оплаты рабочих, будет равна $^{10}/_{11}$ стоимости продукта, а прибыль составит 10%. Если стоимость продукта 120, то приходящаяся на оплату труда доля будет равна $^{10}/_{12}$, а прибыль составит 20%; если стоимость продукта 130, то часть, требующаяся для оплаты авансированного труда, равна $^{10}/_{13}$, а прибыль составляет 30%. Теперь предположим, что капитал, авансированный капиталистом, состоит не только из труда. *Капиталист ожидает одинаковой выгоды от всех авансируемых им частей капитала.* Предположим, что $^{1}/_{4}$ авансируемой суммы затрачивается на оплату труда (непосредственного); $^{3}/_{4}$ состоят из накопленного труда и прибыли, а также тех добавлений к ней, которые вызваны существованием рент, налогов и прочих выплат. В таком случае совершенно правильным будет утверждение, что *прибыль капиталиста изменяется вместе с изменением стоимости этой* $^{1}/_{4}$ *его продукта в сравнении с количеством применяемого труда.* Например, фермер затрачивает в земледелии 2000 ф. ст., в том числе 1500 на семена, содержание лошадей, износ своего основного капитала, проценты на свой основной и оборотный капитал, ренту, десятину, налоги и т. д. — и 500 на непосредственный труд, а его выручка в конце года составляет 2400 ф. ст. Прибыль такого фермера составит 400 на 2000 ф. ст., т. е. 20%. И столь же ясно, что *если мы возьмем* $^{1}/_{4}$ *стоимости продукта, т. е. 600 ф. ст., и сравним ее с суммой, выплаченной в виде заработной платы за непосредственный труд, то в результате получится точно такая же норма прибыли»* (стр. 267—268).

Мальтус впадает здесь в лорд-дендриеризм[14]. Он хочет (смутное чутье ему подсказывает, что прибавочная стоимость, а потому и прибыль, находится в определенном отношении к переменному, затрачиваемому на заработную плату капиталу) доказать, что «прибыль определяется величиной той части стоимости совокупного продукта, которая требуется для оплаты применяемого труда». Вначале он рассуждает постольку правильно, поскольку предполагает, что весь капитал состоит из переменного капитала, из капитала, затрачиваемого на заработную плату. В этом случае прибыль и прибавочная стоимость, действительно, тождественны. Но и в этом случае Мальтус ограничивается совершенно нелепым замечанием. Если затраченный капитал равняется 100, а прибыль — 10%, то стоимость продукта равна 110, прибыль составляет $^1/_{10}$ затраченного капитала (следовательно, 10% по отношению к нему) и $^1/_{11}$ стоимости совокупного продукта, куда Мальтус включил уже стоимость самой прибыли. Итак, прибыль составляет $^1/_{11}$ стоимости совокупного продукта, а авансированный капитал составляет $^{10}/_{11}$ этой стоимости. То обстоятельство, что 10% прибыли могут быть по отношению к стоимости совокупного продукта выражены таким образом, что не состоящая из прибыли часть стоимости совокупного продукта равна $^{10}/_{11}$ совокупного продукта, или что продукт, имеющий стоимость в 110 ф. ст. и включающий 10% прибыли, содержит затраты в размере $^{10}/_{11}$ своей стоимости, на которые и получена эта прибыль,— это блестящее математическое рассуждение так забавляет Мальтуса, что он повторяет такое же вычисление на примерах с прибылью в 20, 30 и т. д. процентов. До сих пор мы по-прежнему имеем всего лишь тавтологию. Прибыль, это — процентное отношение к затраченному капиталу; стоимость совокупного продукта содержит стоимость прибыли, а затраченный [766] капитал есть стоимость совокупного продукта минус стоимость прибыли. Следовательно, 110—10 = 100. Но 100 составляет $^{10}/_{11}$ от 110. Однако пойдем дальше.

Возьмем капитал, состоящий не только из переменного, но также из постоянного капитала. «Капиталист ожидает одинаковой выгоды от всех авансируемых им частей капитала». Правда, это противоречит только что выставленному утверждению, что прибыль (следовало сказать: прибавочная стоимость) определяется отношением к затраченному на заработную плату капиталу. Но какое это имеет значение? Мальтус не такой человек, который стал бы противоречить «ожиданиям» или представлениям «капиталиста». Но здесь он побивает рекорд. Возьмем капитал в 2000 ф. ст., причем $^3/_4$ его, или 1500 ф. ст.,

составляют постоянный капитал, а $^1/_4$, или 500 ф. ст., — переменный капитал. Прибыль = 20%. Тогда прибыль составит 400, а стоимость продукта 2000 + 400 = 2400 ф. ст.[15]. Возьмем [продолжает Мальтус] $^1/_4$ совокупного продукта. Стоимость этой четверти равна 600 ф. ст. Одна четверть затраченного капитала равна 500 ф. ст., т. е. той части всего авансированного капитала, которая затрачена на заработную плату, а 100 ф. ст. составляют одну четверть прибыли и равны той части совокупной прибыли, которая приходится на всю сумму выплаченной капиталистом заработной платы. И это, по мнению Мальтуса, должно доказывать, «что прибыль капиталиста изменяется вместе с изменением стоимости этой $^1/_4$ его продукта в сравнении с количеством применяемого труда». В действительности это доказывает лишь то, что прибыль определенной процентной нормы, например в 20%, на данный капитал, например в 4000 ф. ст., образует прибыль в 20% на каждую отдельную часть этого капитала, что представляет собой тавтологию. Но это абсолютно не является доказательством наличия какого-нибудь определенного, *особого,* специфического отношения этой прибыли к той части капитала, которая затрачивается на заработную плату. Если я возьму вместо $^1/_4$, как это сделал г-н Мальтус, $^1/_{24}$ совокупного продукта, т. е. 100 ф. ст. (из 2400 ф. ст.), то эти 100 ф. ст. также содержат 20% прибыли, иными словами: $^1/_6$ этой суммы составляет прибыль. Капитал в таком случае составлял бы $83^1/_3$ ф. ст., а прибыль — $16^2/_3$ ф. ст. И если бы эти $83^1/_3$ ф. ст. были равны, например, стоимости одной лошади, применяемой в производстве, то по Мальтусу было бы доказано, что прибыль изменяется вместе с изменением стоимости лошади, или вместе с такой частью совокупного продукта, которая в $28^4/_5$ раза меньше целого.

Такое убожество Мальтус проявляет там, где он становится на собственные ноги и не имеет возможности совершать плагиат у Таунсенда, Андерсона или у кого-нибудь еще. Заслуживает внимания, по существу (оставляя в стороне то, что характерно для этого субъекта), его смутная догадка о том, что прибавочную стоимость следует исчислять на ту часть капитала, которая затрачивается на заработную плату.

{При данной норме прибыли *совокупная прибыль,* масса прибыли, всегда зависит от величины авансированного капитала. А накопление определяется тогда той частью этой массы, которая обратно превращается в капитал. Но эта часть, так как она равна совокупной прибыли минус потребленный капиталистом доход, будет зависеть не только от стоимости этой массы, но и от дешевизны тех товаров, которые капиталист может

на нее купить, — отчасти от дешевизны товаров, входящих в его потребление, в его доход, отчасти от дешевизны товаров, входящих в постоянный капитал. Так как норма прибыли предполагается здесь данной, то точно так же предполагается данной и заработная плата.}

[10)] МАЛЬТУСОВСКАЯ ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ [ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ]

По Мальтусу, стоимость труда никогда не изменяется (это перешло от Адама Смита), изменяется лишь стоимость того товара, который я получаю за труд*. Пусть в одном случае заработная плата составляет 2 шилл. за рабочий день, в другом — 1 шилл. В первом случае за то же самое рабочее время капиталист дает вдвое больше шиллингов, чем во втором. Но во втором случае за тот же самый продукт рабочий отдает вдвое больше труда, чем в первом случае, потому что во втором случае он отдает целый рабочий день за 1 шилл., а в первом — только половину рабочего дня. Г-н Мальтус видит только то, что капиталист дает за один и тот же труд то больше, то меньше шиллингов. Он не видит, что и рабочий в полном соответствии с этим отдает за определенный продукт то больше, то меньше труда.

«Давать больше продукта за определенное количество труда или получать больше труда за определенное количество продукта, — с его» (Мальтуса) «точки зрения одно и то же. А между тем всякий подумал бы, что это как раз противоположные вещи» («Observations on certain Verbal Disputes in Political Economy, particularly relating to Value, and to Demand and Supply». London, 1821, стр. 52).

Очень правильно в этом же сочинении («Observations on certain Verbal Disputes» etc. London, 1821) отмечено, что труд как мера стоимости — в том смысле, в каком его здесь берет Мальтус, придерживаясь одной из концепций А. Смита, — мог бы точно таким же образом служить мерой стоимости, как и всякий другой товар, и что он, труд, не был бы в этом смысле такой хорошей мерой, какой в действительности являются деньги. Здесь вообще речь могла бы идти только о мере стоимостей в том смысле, в каком мерой стоимости являются деньги.

[767] Вообще надо иметь в виду, что *мера стоимостей* (в смысле денег) никогда не бывает тем, что делает товары соизмеримыми друг с другом,— см. первую часть моего сочинения, стр. 45[16]:

«Наоборот, только соизмеримость товаров как овеществленного рабочего времени делает золото деньгами».

* См. настоящий том, часть III, стр. 19—21. *Ред.*

Как стоимости, товары представляют собой нечто *единое,* они — всего лишь выражения одной и той же единой субстанции — общественного труда. *Мера стоимости* (деньги) уже предполагает их как стоимости и относится лишь к выражению и величине этой стоимости. *Мера стоимости* товаров всегда относится к превращению стоимостей в цены, она уже предполагает стоимость.

То место в «Observations», которое имелось в виду выше, гласит:

«Г-н Мальтус говорит: «В *одном и том же* месте и в *одно и то же* время те различные количества поденного труда, которыми могут распоряжаться различные товары, будут в точности соответствовать относительным меновым стоимостям этих товаров, и наоборот»[17]. Если это верно в отношении труда, то это точно так же верно и в отношении любой другой вещи» («Observations on certain Verbal Disputes», стр. 49). «Деньги в одно и то же время и в одном и том же месте очень хорошо функционируют в качестве меры стоимостей... Но это» (т. е. положение Мальтуса), «по-видимому, *не* верно в отношении труда. Труд не есть мера даже в одно и то же время и в одном и том же месте. Возьмем такое количество хлеба, которое в одно и то же время и в одном и том же месте равняется по стоимости определенному бриллианту; будут ли хлеб и бриллиант, если они уплачиваются за труд в их натуральной форме, распоряжаться одинаковым количеством труда? Могут сказать: не будут, но бриллиант покупает *деньги,* при помощи которых можно получить в свое распоряжение такое же количество труда... Такого рода метод определения стоимости бесполезен, ибо его можно применять только при условии, что его *поправляют* при помощи другого метода, который он якобы заменил. Мы можем лишь заключить, что хлеб и бриллиант распоряжаются одинаковым количеством труда *потому,* что они обладают одинаковой стоимостью в деньгах. А нам предлагали сделать тот вывод, что две вещи обладают одинаковой стоимостью потому, что они распоряжаются одинаковыми количествами труда» (там же, стр. 49—50).

[11)] ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО, «НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ ПОТРЕБИТЕЛИ» И Т. Д. [ЗАЩИТА МАЛЬТУСОМ РАСТОЧИТЕЛЬНОСТИ «НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ» КАК СРЕДСТВА ПРОТИВ ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА]

Из теории стоимости Мальтуса вытекает все его учение о необходимости постоянно растущего непроизводительного потребления, которое с такой назойливостью излагал сей проповедник теории перенаселения (перенаселения, проистекающего из недостатка жизненных средств). Стоимость товара равна стоимости авансированных материалов, машин и т. д. плюс количество содержащегося в нем непосредственного труда, что у Мальтуса объявляется равным *стоимости* содержащейся в товаре заработной платы плюс надбавка прибыли ко всем этим авансам соответственно уровню общей нормы прибыли.

Эта включаемая в цену товара номинальная надбавка и образует, по Мальтусу, прибыль и является условием предложения, т. е. воспроизводства товара. Все эти элементы образуют *цену для покупателя* в отличие от *цены для производителя,* а цена для покупателя и есть действительная стоимость товара. Теперь спрашивается, каким образом реализуется эта цена? Кто должен ее платить? И из какого фонда она должна быть уплачена?

При рассмотрении взглядов Мальтуса мы должны проводить следующее разграничение (чего сам он не сделал). Одна часть капиталистов производит такие товары, которые *непосредственно* входят в потребление рабочего; другая часть производит такие товары, которые входят в это потребление либо *только косвенно* (поскольку они, как сырье, машины и т. д., входят в капитал, необходимый для производства предметов необходимости), либо же *совсем не входят в потребление* рабочего, так как они входят лишь в доход нерабочих.

Итак, рассмотрим сперва тех капиталистов, которые производят предметы, входящие в потребление рабочих. Эти капиталисты не только покупают труд рабочих, но и продают рабочим произведенный последними продукт. Если присоединяемое рабочим количество труда стоит 100 талеров, то капиталист уплачивает рабочему 100 талеров. И это [по Мальтусу] есть единственная стоимость, которую купленный капиталистом труд присоединяет к сырью и т. д. Таким образом, рабочий получает стоимость своего труда и отдает капиталисту взамен лишь эквивалент этой стоимости. Но хотя номинально рабочий получает эту стоимость, в действительности он получает меньшую массу товаров, чем он произвел. В действительности он получает обратно только часть своего труда, овеществленного в продукте. А именно, предположим ради упрощения, как это часто делает сам Мальтус, что капитал состоит лишь из затраченного на заработную плату капитала. Если 100 талеров авансированы рабочему, чтобы произвести товар, и эти 100 талеров представляют собой *стоимость* купленного труда и единственную стоимость, которую этот труд присоединяет к продукту, то капиталист, тем не менее, продает этот товар за 110 талеров, и рабочий на 100 талеров может выкупить только $^{10}/_{11}$ продукта; $^{1}/_{11}$ продукта — стоимость в 10 талеров или масса прибавочного продукта, в котором представлена эта прибавочная стоимость в 10 талеров,— достается капиталисту. Если капиталист продает товар за 120 талеров, то рабочий получает только $^{10}/_{12}$, а капиталист $^{2}/_{12}$ продукта и его стоимости. Если капиталист продает товар за 130 талеров (30%), то рабочий получает лишь $^{10}/_{13}$, а капиталист $^{3}/_{13}$ продукта. Если капиталист продает с над-

бавкой в 50%, т. е. за 150 талеров, то рабочий получает $^{2}/_{3}$, а [768] капиталист $^{1}/_{3}$ продукта. Чем выше цена, по которой капиталист продает свой товар, тем меньше доля рабочего, тем больше собственная доля капиталиста в стоимости продукта, а следовательно также и в количестве продукта, тем меньшую часть стоимости продукта или самого продукта может рабочий выкупить за стоимость своего труда. Дело нисколько не меняется в том случае, если кроме переменного капитала авансируется еще и постоянный капитал, например, кроме 100 талеров на заработную плату авансируется еще 100 талеров на сырье и т. д. В этом случае, при норме прибыли в 10%, капиталист продает товар не за 210 талеров, а за 220 (из которых постоянный капитал составляет 100 талеров, а продукт [непосредственного] труда — 120 талеров).

{«Nouveaux Principes» etc. *Сисмонди* впервые появились в 1819 году[*].}

В рассматриваемом случае, у *категории капиталистов А,* которая производит предметы, непосредственно входящие в потребление рабочих, т. е. предметы необходимости, мы имеем, следовательно, такое положение вещей, когда путем включаемой в цену товара номинальной надбавки, — нормальной надбавки прибыли к цене авансированного капитала, — действительно создается прибавочный фонд для капиталиста, так как этим окольным путем капиталист возвращает рабочему только часть продукта последнего, а другую часть присваивает себе. Но такой результат получается не благодаря тому, что капиталист продает рабочему весь продукт по повышенной стоимости, а благодаря тому, что именно повышение стоимости продукта лишает рабочего возможности выкупить на свою заработную плату весь продукт, позволяя ему выкупить лишь часть этого продукта. Отсюда понятно, что спрос рабочего никогда не может быть достаточным для того, чтобы реализовать избыток покупной цены над издержками производства [cost price][18], — т. е. прибыль и «стоимость» товара. Напротив, фонд прибыли имеется лишь потому, что рабочий не в состоянии на свою заработную плату выкупить весь свой продукт, т. е. потому, что его спрос не соответствует предложению. Таким образом, капиталист категории *А* располагает определенным количеством товара определенной стоимости (в данном случае — в 20 талеров), которое ому не нужно для возмещения капитала и которое он может частью истратить как доход, частью употребить для накопления. Нотабене: в каком объеме капиталист располагает таким

[*] См. настоящий том, часть III, стр. 48—49. *Ред.*

фондом, зависит от стоимостной надбавки к издержкам производства, которую он сделал и которая определяет пропорцию, в какой совокупный продукт делится между капиталистом и рабочим.

Перейдем теперь к *категории капиталистов* ***В,*** которая доставляет категории *А* сырье, машины и т. д. — короче, постоянный капитал. Категория *В* может продавать свои продукты *только* категории ***А,*** ибо она не может продавать свои собственные товары ни рабочим, которым нечего делать с капиталом (сырьем, машинами и т. д.), ни капиталистам, производящим предметы роскоши (т. е. все то, что не является предметами необходимости, не входит в обычное потребление рабочего класса), ни таким капиталистам, которые производят постоянный капитал, требующийся для производства предметов роскоши.

Выше мы видели, что в капитале, авансированном категорией *А,* имеется 100 талеров для постоянного капитала. Фабрикант этого постоянного капитала, если норма прибыли составляет 10%, произвел его при издержках производства в $90^{10}/_{11}$ талера, а продает за 100 талеров ($90^{10}/_{11}:9^{1}/_{11}$ = 100:10). Следовательно, он получает свою прибыль за счет категории *А*. И поэтому он получает из продукта категории *А,* продаваемого за 220 талеров, свои 100 талеров, а не только $90^{10}/_{11}$, на которые он, предположим, покупает непосредственный труд. *В* получает свою прибыль отнюдь не от своих рабочих, продукт которых стоимостью в $90^{10}/_{11}$ талера он не может обратно продать им за 100 талеров, так как они вообще ничего у него не покупают. Тем не менее у рабочих категории *В* дело обстоит точно так же, как и у рабочих категории *А*. За $90^{10}/_{11}$ талера они получают такое количество товара, которое имеет стоимость в $90^{10}/_{11}$ талера лишь номинально, ибо каждая часть продукта *А* одинаково повышена в цене, или каждая часть его стоимости представляет, соответственно надбавке прибыли, уменьшенную часть продукта.

{Однако такое взвинчивание цен может продолжаться лишь до известного пункта, ибо рабочий должен получать достаточно товара, чтобы иметь возможность жить и воспроизводить свою рабочую силу. Если бы капиталист *А* накинул 100 процентов и продавал товар, который ему обходится в 200 талеров, за 400 талеров, то рабочий мог бы выкупить только $^{1}/_{4}$ продукта (если он получает 100 талеров). И если бы рабочему, для того чтобы существовать, нужна была половина продукта, то капиталист должен был бы платить ему 200 талеров. Таким образом, капиталист удерживал бы за собой только 100 талеров (100 та-

леров составляют постоянный капитал и 200 — заработную плату). Следовательно, получалось бы то же самое, как если бы капиталист продал товар, который ему обходится в 200 талеров, за 300 талеров и уплатил рабочему 100 талеров заработной платы.}

Свой фонд прибыли капиталист категории *В* получает не (непосредственно) благодаря своим рабочим, а благодаря продаже своего товара капиталисту категории *А*. Продукт *А* не только служит капиталисту категории *В* для реализации его прибыли, но и образует его собственный фонд прибыли. Между тем ясно, что капиталист *А* полученную благодаря рабочим прибыль не может реализовать путем продажи своего товара капиталисту *В* и что капиталист *В,* точно так же как и собственные рабочие капиталиста *А,* не может предъявлять достаточный спрос на его продукт (чтобы обеспечить его сбыт по его стоимости). Здесь, наоборот, вступает в силу уже обратное действие. [769] Чем более высокую надбавку прибыли делает капиталист *А,* тем больше, в ущерб его рабочим, та часть совокупного продукта, которую он присваивает себе и которая отсутствует у капиталиста *В.*

Капиталист *В* делает надбавку в той же мере, как и капиталист А. Капиталист *В* платит своим рабочим по-прежнему $90^{10}/_{11}$ талера, хотя они за эти деньги получают меньше товара. Но если А берет 20% вместо 10, то *В* тоже берет 20% вместо 10 и продает свой товар за $109^{1}/_{11}$ талера вместо 100. Тем самым увеличивается эта часть затрат для А.

А и *В* можно даже с полным правом рассматривать как одну категорию (*В* относится к издержкам *А*, и чем больше капиталист *А* должен из совокупного продукта уплачивать капиталисту *В,* тем меньше остается ему самому). Из капитала в $290^{10}/_{11}$ талера *В* владеет $90^{10}/_{11}$ и *А* — 200. Оба вместе затрачивают $290^{10}/_{11}$ талера и получают $29^{1}/_{11}$ талера прибыли. *В* ни при каких условиях не может выкупить у А больше, чем на 100 талеров, причем в эту сумму включена его прибыль в $9^{1}/_{11}$ талера. Оба вместе, как сказано, имеют доход в $29^{1}/_{11}$ талера.

Что касается теперь *категорий С* и *D,* где *С* обозначает капиталистов, производящих постоянный капитал, необходимый для производства предметов роскоши, а *D* — капиталистов, непосредственно производящих предметы роскоши, то прежде всего ясно, что непосредственный спрос для С создает только *D.* Капиталист категории *D* является покупателем товаров капиталиста *С.* А капиталист *С* может реализовать прибыль только путем продажи своих товаров капиталисту *D* по повышенной цене, включающей номинальную надбавку к издержкам

производства этих товаров. Капиталист *D* должен платить капиталисту *C* больше, чем необходимо для того, чтобы *C* возместил все составные части [издержек производства] своих товаров. Капиталист *D* в свою очередь накидывает прибыль отчасти на постоянный капитал, произведенный для него капиталистом *C,* отчасти на капитал, авансированный на заработную плату непосредственно самим *D.* На прибыль, которую *C* получает от *D,* он может купить часть товаров *D,* хотя он и не может этим способом израсходовать всю свою прибыль, потому что ему нужны также предметы необходимости для себя самого, а не только для рабочих, для которых он обменивает реализуемый у *D* капитал. Во-первых, реализация товара *C* зависит непосредственно от продажи его капиталисту *D;* во-вторых, если эта продажа осуществилась, то спрос, создаваемый прибылью капиталиста *C,* в такой же мере не может реализовать всю стоимость товара, продаваемого капиталистом *D,* как спрос капиталиста *B* не может реализовать всю стоимость товаров *A*.. Ведь прибыль, вырученная капиталистом *C,* получена от капиталиста *D,* и если *C* в свою очередь затрачивает ее на товары *D,* а не на другие товары, то все же его спрос никогда не может превышать прибыль, полученную от *D.* Прибыль капиталиста *C* всегда должна быть гораздо меньше, чем капитал *D,* гораздо меньше, чем весь его спрос, и она никогда не образует источника прибыли для *D* (самое большее, здесь имеет место лишь то, что *D* несколько надувает *C,* делая накидку на те товары, которые он обратно ему продает), — так как прибыль, получаемая капиталистом *C,* притекает непосредственно из кармана капиталиста *D.*

Ясно, далее, что если капиталисты внутри каждой категории, будь то категория *C* или категория *D,* взаимно продают друг другу свои товары, то ни один из них ничего при этом не выгадывает и никакой прибыли не реализует. Капиталист *m* продает капиталисту *n* за 110 талеров товар, стоящий только 100 талеров, но то же самое делает и *n* по отношению к *m.* После обмена, как и до обмена, каждый владеет таким количеством товара, издержки производства которого составляют 100 талеров. Каждый получает за 110 талеров только такой товар, который обходится в 100 талеров. Надбавка не дает ему большего господства над товаром другого, чем она дает другому над его товаром. А что касается стоимости, то совершенно одинаковый результат получился бы и в том случае, если бы каждый, *m* и *n,* не обменивая своего товара, доставил бы себе удовольствие тем, что назвал бы его не 100 талерами, а 110 талерами.

Далее ясно, что [по Мальтусу] номинальная прибавочная стоимость в категории *D* (ибо категория *С* заключена в категории *D)* не представляет действительного прибавочного продукта. То обстоятельство, что рабочий вследствие надбавки, делаемой капиталистом А, получает за 100 талеров уменьшенное количество предметов необходимости, непосредственно может быть безразличным для капиталиста *D.* Капиталист *D* по-прежнему должен затратить 100 талеров для найма определенного числа рабочих. Он уплачивает рабочим стоимость их труда, и кроме этого они [по Мальтусу] ничего не присоединяют к продукту, они дают своему нанимателю лишь эквивалент полученной ими заработной платы. Избыток над этим эквивалентом капиталист *D* может получить только путем продажи товара третьим лицам, поскольку он продает им свой товар выше издержек производства.

В действительности фабрикант [предметов роскоши, например] зеркал имеет в своем продукте такую же прибавочную стоимость и такой же прибавочный продукт, как и фермер. Ибо продукт содержит неоплаченный труд (прибавочную стоимость), и этот неоплаченный труд точно так же представлен в продукте, как и оплаченный труд. Неоплаченный труд представлен в прибавочном продукте. Часть зеркал не стоит фабриканту ничего, хотя она имеет стоимость, ибо в ней точно так же содержится труд, как и в той части зеркал, которая возмещает авансированный капитал. Эта прибавочная стоимость в прибавочном продукте существует *до* продажи зеркал, а не возникает впервые только в результате этой продажи. Напротив, если бы рабочий в своем непосредственном труде давал лишь эквивалент за тот накопленный труд, который он получает в виде заработной платы, то не существовало бы ни [770] прибавочного продукта, ни соответствующей ему прибавочной стоимости. Однако у Мальтуса, у которого рабочий возвращает капиталисту лишь эквивалент заработной платы, дело происходит иначе.

Ясно, что категория *D* (включая *С)* не может искусственно создать себе прибавочный фонд таким же путем, как категория *А*, а именно, продавая свой товар обратно рабочим дороже, чем она купила его у них, и таким образом присваивая себе, после возмещения затраченного капитала, часть совокупного продукта. Ибо рабочие не являются покупателями товара категории *D.* Ее прибавочный фонд не может возникнуть и тем путем, что капиталисты категории *D* продают свои товары друг другу, иными словами, путем такого обмена, который происходит внутри этой же категории. Следовательно, это осуществимо лишь тем путем, что категория *D* продает свой продукт

категориям *A* и *B*. Так как капиталисты категории *D* продают товар стоимостью в 100 талеров за 110 талеров, то капиталист категории *A* может купить на 100 талеров только $^{10}/_{11}$ их продукта, а $^{1}/_{11}$ они оставляют себе, и эту часть своих собственных товаров они могут потребить сами или обменять на другие товары своей собственной категории *D*.

У всех тех капиталистов, которые непосредственно не производят предметов необходимости и которые, следовательно, не продают обратно рабочим наибольшей или значительной части своих товаров, дело обстоит [с точки зрения Мальтуса] следующим образом:

Предположим, что их постоянный капитал равен 100 талерам. Если, далее, капиталист уплачивает 100 талеров в виде заработной платы, то он уплачивает рабочим стоимость их труда. Рабочие присоединяют к стоимости в 100 талеров еще 100 талеров, и таким образом совокупная стоимость (издержки производства) продукта составляет 200 талеров. Откуда же берется прибыль? Капиталист продает товар, который стоит 200 талеров, за 220 талеров, если средняя норма прибыли равна 10%. Если он действительно продает товар за 220 талеров, то ясно, что для воспроизводства этого товара достаточно 200 талеров: 100 — на сырье и т. д., 100 — на заработную плату; а 20 талеров капиталист кладет себе в карман и может их израсходовать как доход или употребить на накопление капитала.

Но кому продает он товар на 10% выше его «производственной стоимости», которая, по Мальтусу, отличается от «продажной стоимости», или действительной стоимости, так что на самом деле прибыль равняется разности между продажной стоимостью и производственной стоимостью, или продажной стоимости минус производственная стоимость? Путем обмена или продажи друг другу эти капиталисты не могут реализовать никакой прибыли. Если *A* продает *B* товар стоимостью в 200 талеров за 220 талеров, то *B* проделывает с *A* точно такую же штуку. Оттого, что эти товары переходят из одних рук в другие, не изменяется ни их стоимость, ни их количество. То количество товара, которое раньше находилось в руках *A*, находится теперь в руках *B*, и наоборот. То обстоятельство, что теперь 110 означает то, что раньше означало 100, нисколько не меняет дела. Покупательная способность нисколько не изменилась ни у *A*, ни у *B*.

Но рабочим эти капиталисты, согласно предположению, продать свои товары не могут.

Следовательно, они должны продать свои товары капиталистам, и именно тем, которые производят предметы необхо-

димости. У этих последних капиталистов благодаря обмену с рабочими в самом деле имеется действительный прибавочный фонд. Образование номинальной прибавочной стоимости действительно дало им в руки прибавочный продукт. И это есть единственный прибавочный фонд, который пока существует. Прибавочный фонд для других капиталистов должен возникнуть только благодаря тому, что они продают этим владельцам прибавочного фонда свои товары выше их производственной стоимости.

Что касается капиталистов, производящих постоянный капитал, требующийся для производства предметов необходимости, то мы уже видели, что производитель предметов необходимости обязательно должен покупать у них. Эти покупки входят в его издержки производства. Чем выше его прибыль, тем дороже обходятся ему его авансы, на которые накидывается та же норма прибыли. Если производитель предметов необходимости продает с надбавкой в 20% вместо 10, то производитель его постоянного капитала тоже накидывает 20% вместо 10. И он требует за $90^{10}/_{11}$ уже не 100, а $109^{1}/_{11}$ или, в круглых цифрах, 110, так что [производственная] стоимость продукта составляет теперь 210, а 20% с этой суммы равняется 42, так что [продажная] стоимость всего продукта равна теперь 252. Из этой суммы рабочий получает 100. Капиталист получает теперь в качестве прибыли больше $^{1}/_{11}$ совокупного продукта; раньше, когда он продавал этот продукт за 220, он получал лишь $^{1}/_{11}$. Масса продукта осталась та же, но часть, достающаяся капиталисту, увеличилась по стоимости и по количеству.

Что же касается других капиталистов, которые не производят ни предметов необходимости, ни капитала, входящего в производство этих предметов необходимости, то они [могут]* получать прибыль только путем продажи своих товаров двум первым категориям капиталистов. Если эти две первые категории берут себе 20%, то и вышеуказанные капиталисты берут себе [столько же].

Но [обмен] первой категории капиталистов [с рабочими] очень отличается от обмена между обеими категориями капиталистов. Первая [благодаря обмену] с рабочими образовала действительный прибавочный фонд предметов необходимости, прибавочный продукт, [который, в качестве прироста] капитала, находится в их распоряжении, так что они частью могут

* Здесь в рукописи вырван нижний левый край страницы, на котором находились начальные слова нескольких строк текста. Эти недостающие слова восстановлены редакцией по смыслу и даются в квадратных скобках. *Ред.*

использовать этот фонд для накопления, а частью [затрачивают] его [как доход], будь то на покупку своих собственных предметов необходимости, будь то на покупку предметов роскоши. Здесь прибавочная стоимость действительно [представляет] [XIV— 771] прибавочный труд и прибавочный продукт, хотя [у Мальтуса] этот результат достигается неуклюже, окольным путем, посредством включаемой в цену товара надбавки. Допустим, что стоимость продукта рабочих, производящих предметы необходимости, действительно равна лишь 100 талерам. Но так как для уплаты заработной платы достаточно $^{10}/_{11}$ продукта, то капиталист может затратить всего лишь $90^{10}/_{11}$ талера, на которые он получает прибыль в $9^{1}/_{11}$ талера. Если же он, воображая, что стоимость труда и количество труда тождественны, уплатит рабочим 100 талеров, а продаст им товар за 110, то он по-прежнему получит $^{1}/_{11}$ продукта. То обстоятельство, что эта $^{1}/_{11}$ продукта стоит теперь 10 талеров вместо $9^{1}/_{11}$ не является выгодой для капиталиста, так как теперь вместо $90^{10}/_{11}$ талера капитала он авансировал 100 талеров капитала.

Но что касается других категорий капиталистов, то у них [по Мальтусу] нет никакого реального прибавочного продукта, нет ничего такого, в чем было бы представлено прибавочное рабочее время. Продукт труда в 100 талеров они продают за 110 и только благодаря такой включаемой в цену товара надбавке этот капитал должен-де превратиться в капитал плюс доход.

Как же теперь обстоит дело, с точки зрения нашего лорда Дендриери*, между этими двумя категориями капиталистов?

Продукт вновь присоединенного труда[19] стоимостью в 100 талеров производители предметов необходимости продают за 110 талеров (потому что они уплатили в качестве заработной платы не $90^{10}/_{11}$ талера, а 100 талеров). Но они являются единственными обладателями прибавочного продукта. Если другие капиталисты продают им продукт стоимостью в 100 талеров тоже за 110 талеров, то они, эти другие капиталисты, действительно возмещают свой капитал с прибылью. Почему? Потому, что предметов необходимости стоимостью в 100 талеров им достаточно, чтобы оплатить своих рабочих, — стало быть, 10 талеров они удерживают для себя. Или, точнее, потому, что они в действительности получают предметы необходимости стоимостью в 100 талеров, в то время как $^{10}/_{11}$ этих предметов необходимости достаточно, чтобы они могли оплатить своих рабочих, ибо они оказываются тогда в таком же положении, в каком находятся капиталисты категорий *A* и *B*. Последние, напротив,

* — Мальтуса. *Ред.*

получают взамен лишь такое количество продукта, в котором представлена стоимость в 100 талеров. Что номинально продукт стоит 110 талеров, это не дает им ни гроша, ибо ни количественно, как потребительная стоимость, он не представляет большую массу, чем та, которая доставляется содержащимся в 100 талерах рабочим временем, ни [по стоимости] они не могут возместить этим продуктом, сверх капитала в 100 талеров, еще и капитал в 10 талеров. Это было бы возможно только при обратной продаже товаров с их стороны.

Хотя капиталисты и той и другой категории продают друг другу за 110 то, что стоит 100, однако при этом обмене только в руках второй категории 100 действительно имеет значение 110. Капиталисты первой категории за стоимость в 110 получили на самом деле лишь стоимость в 100. И свой прибавочный продукт капиталисты этой первой категории продают по более высокой цене только потому, что оплачивают *выше* стоимости предметы [роскоши], входящие в их до ход. Но в действительности прибавочная стоимость, реализуемая капиталистами второй категории, ограничивается лишь получаемой ими долей в том прибавочном продукте, который реализован первой категорией, так как сами они никакого прибавочного продукта не создают.

В связи с этим удорожанием предметов роскоши Мальтус весьма кстати вспоминает, что ближайшей целью капиталистического производства является не расточительство, а накопление. Следовательно, категория капиталистов *A* в результате такой невыгодной для нее торговли, — при которой она снова теряет некоторую часть захваченных ею у рабочих плодов, — сократит свой спрос на предметы роскоши. Но если она это сделает и начнет больше накоплять, то сократится платежеспособный спрос на производимые ею предметы необходимости, для этих последних сократится рынок, который в полном объеме не может быть создан спросом рабочих и производителей постоянного капитала. Вследствие этого понизилась бы цена предметов необходимости, а между тем только благодаря повышению этой цены, благодаря включаемой в нее номинальной надбавке и пропорционально величине этой надбавки— категория капиталистов *A* выжимает из рабочих свой прибавочный продукт. Если бы цена предметов необходимости понизилась со 120 до 110, то прибавочный продукт этой категории и ее прибавочная стоимость понизились бы с $^{2}/_{12}$ до $^{1}/_{11}$. А вместе с этим в еще гораздо большей степени сократился бы также и рынок для производителей предметов роскоши, сократился бы спрос на эти предметы.

Первая категория капиталистов продает при обмене со второй действительный прибавочный продукт, после того как капитал этой первой категории уже возмещен. Напротив, вторая категория продает лишь свой капитал, чтобы путем этой продажи превратить его из капитала в капитал плюс доход. Таким образом, все производство (и особенно его прирост) поддерживается в движении лишь благодаря *удорожанию предметов необходимости,* которому, однако, с другой стороны, должна была бы соответствовать такая цена предметов роскоши, которая была бы обратно пропорциональна действительной массе этих последних. Капиталисты второй категории, продавая за 110 то, что стоит 100, тоже ничего не выгадывают при этом обмене, ибо в действительности они получают обратно такие 110, которые тоже стоят лишь 100. Но эти 100 (в виде предметов необходимости) возмещают капитал плюс прибыль, тогда как те 100 [в виде предметов роскоши] только по названию фигурируют как 110. Выходит, следовательно, что при этом обмене капиталисты первой категории получают предметы роскоши стоимостью в 100. Они на 110 покупают предметы роскоши стоимостью в 100. Но для второй категории капиталистов эти 110 имеют стоимость 110, потому что она уплачивает 100 за труд (возмещает свой капитал) и удерживает 10 как избыток.

[772] Трудно понять, как вообще прибыль может проистекать из того, что обменивающиеся стороны продают друг другу свои товары с одинаковой надбавкой, в одинаковой степени надувают друг друга.

Это затруднение было бы устранено, если бы, кроме обмена одной категории капиталистов с их рабочими и обмена различных категорий капиталистов между собой, на сцену выступила еще *третья категория покупателей* — своего рода deus ex machina*, — которая оплачивает товары по их номинальной стоимости, но в свою очередь никому никаких товаров не продает, не повторяет со своей стороны эту игру, т. е. такая категория, которая проделывает процесс *Д—Т,* но не *Д—Т—Д,* которая покупает не с целью возмещения с прибылью своего капитала, а с целью потребления товаров, категория, которая покупает, но не продает. В этом случае капиталисты реализовали бы прибыль не благодаря обмену своими товарами между собой, а 1) благодаря обмену с рабочими, продавая им обратно часть совокупного продукта за те самые деньги, на которые купили у них весь совокупный продукт (после вычета постоян-

* — буквально: «бог из машины» (в античном театре актеры, изображавшие богов, появлялись на сцене с помощью особых механизмов); в переносном смысле — неожиданно появляющееся лицо, которое спасает положение. *Ред.*

ного капитала); 2) благодаря той части предметов необходимости и предметов роскоши, которая продается покупателям третьей категории. Так как эта категория покупателей уплачивает 110 за 100, не продавая обратно 100 за 110, то этим путем действительно, а не только номинально, капиталисты реализовали бы прибыль в 10%. Прибыль выручалась бы двояким способом: тем, что из совокупного продукта возможно меньше продавалось бы обратно рабочим и возможно больше продавалось бы третьей категории, которая платит наличными деньгами, сама ничего не продавая, покупает, чтобы потреблять.

Но такие покупатели, которые не являются вместе с тем продавцами, должны быть такими потребителями, которые не являются вместе с тем производителями, — они должны быть *непроизводительными потребителями,* и именно эта категория непроизводительных потребителей и разрешает у Мальтуса коллизию. Но эти непроизводительные потребители должны быть вместе с тем платежеспособными потребителями, должны создавать действительный спрос, и к тому же находящиеся в их обладании и ежегодно расходуемые ими суммы стоимости должны быть достаточны не только для оплаты производственной стоимости тех товаров, которые они покупают и потребляют, но и, кроме того, для оплаты номинальной надбавки прибыли, прибавочной стоимости, разности между продажной стоимостью и производственной стоимостью. Эта категория будет представлять в обществе потребление ради потребления, как класс капиталистов представляет производство ради производства; одни выступают как представители «страсти к расточительству», а другие — как представители «страсти к накоплению» («Principles of Political Economy» [2nd edition], стр. 326). Стремление к накоплению поддерживается у класса капиталистов тем, что их выручка постоянно превышает их затраты, а ведь прибыль и служит стимулом к накоплению. Несмотря на это их пристрастие к накоплению, дело не доходит до перепроизводства или же возникновение перепроизводства очень затруднено, так как *непроизводительные потребители* не только образуют огромный отводный канал для выбрасываемых на рынок продуктов, но и со своей стороны не выбрасывают на рынок никаких продуктов; так что, как бы много их ни было, они не создают конкуренцию для капиталистов, а наоборот, все они являются представителями только спроса без предложения и поэтому уравновешивают перевес предложения над спросом, имеющий место на стороне капиталистов.

Но откуда берутся ежегодные платежные средства этого класса? Это прежде всего *земельные собственники,* присваивающие

себе, под титулом ренты, значительную часть стоимости годового продукта и расходующие отнятые таким путем у капиталистов деньги на потребление произведенных капиталистами товаров, при покупке которых капиталисты их надувают. Сами эти земельные собственники не должны заниматься производством и, как правило, не занимаются им. Существенно то, что, поскольку они расходуют деньги на покупку труда, они держат не производительных рабочих, а только нахлебников, помогающих им проедать их богатство, *домашних слуг,* которые поддерживают на высоком уровне цену предметов необходимости, так как они только покупают эти предметы необходимости, но сами не содействуют тому, чтобы предложение этих или каких-либо других товаров увеличивалось. Однако этих получателей земельной ренты недостаточно для того, чтобы создать «достаточный спрос». Необходимо прибегнуть к искусственным средствам. Эти последние заключаются в высоких *налогах,* в наличии большого количества обладателей государственных и церковных синекур, в содержании больших армий, в выплате крупных пенсий, в десятинах в пользу попов, в значительном государственном долге и — время от времени — в дорогостоящих войнах. Таковы «целительные средства» по Мальтусу («Principles of Political Economy» [2nd edition], стр. 408 и следующие).

Итак, третья категория покупателей, привлеченная Мальтусом в качестве «целительного средства», — которая покупает, не продавая, и потребляет, не производя, — с самого начала получает значительную часть стоимости годового продукта, *не платя за нее,* и обогащает производителей тем, что последние сперва вынуждены даром отпустить этой категории покупателей деньги на покупку их товаров, а затем [773] возвращают себе эти деньги, продавая ей свои товары выше их стоимости, или получая от нее обратно большую стоимость в деньгах, чем доставляют ей в товарах. И это повторяется из года в год.

[12) СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ПОЛЕМИКИ МАЛЬТУСА ПРОТИВ РИКАРДО. ИЗВРАЩЕННОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ МАЛЬТУСОМ ВЗГЛЯДОВ СИСМОНДИ НА ПРОТИВОРЕЧИЯ БУРЖУАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА. АПОЛОГЕТИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА МАЛЬТУСОВСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛОЖЕНИЯ О ВОЗМОЖНОСТИ ВСЕОБЩЕГО ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА]

Выводы Мальтуса сделаны совершенно правильно из его основной теории стоимости; но эта теория в свою очередь достопримечательным образом была приспособлена к его цели —

апологии существующего в Англии положения вещей, лендлордизма, «государства и церкви», получателей пенсий, сборщиков налогов, церковной десятины, государственного долга, биржевых маклеров, церковных сторожей, попов и лакеев («национальные издержки»), с которыми рикардианцы боролись как с бесполезными и устарелыми наростами буржуазного производства, являющимися обузой для него. Рикардо отстаивал буржуазное производство quand meme[*], поскольку оно является максимально беспрепятственным развертыванием общественных производительных сил, и при этом не заботился о судьбе носителей производства, будь то капиталисты или рабочие. Он признавал *историческую* правомерность и необходимость этой ступени развития. Насколько у него отсутствует историческое чутье по отношению к прошлому, настолько он живет в историческом фокусе своего времени. Мальтус тоже хочет возможно более свободного развития капиталистического производства, поскольку именно нищета его главных носителей, трудящихся классов, является условием этого развития; но в то же время оно, по Мальтусу, должно приспособиться к «потребностям потребления» аристократии и ее разветвлений в государстве и церкви, должно вместе с тем служить материальной основой для устарелых притязаний, предъявляемых представителями таких интересов, которые унаследованы от феодализма и абсолютной монархии. Мальтус приемлет буржуазное производство, поскольку оно не революционно, поскольку оно образует не момент исторического развития, а всего лишь более широкую и более удобную материальную основу для «старого» общества.

Итак, с одной стороны, мы имеем рабочий класс, который в силу закона народонаселения всегда оказывается избыточным в сравнении с предназначенными для него жизненными средствами, — перенаселение в результате недопроизводства; далее, мы имеем класс капиталистов, который благодаря этому закону народонаселения всегда бывает в состоянии продавать обратно рабочим их собственный продукт по таким ценам, что рабочие получают из него лишь столько, сколько необходимо, чтобы душа держалась в теле; и, наконец, мы имеем немалую часть общества, состоящую из паразитов, сибаритствующих трутней, частью господ, частью слуг, которые — частью под титулом ренты, частью под политическими титулами — безвозмездно забирают у класса капиталистов значительную долю богатства, но деньгами, отнятыми у капиталистов, оплачивают покупаемые

[*] — во что бы то ни стало, несмотря ни на что. *Ред.*

у этих же капиталистов товары выше их стоимости. Класс капиталистов подстегивается к производству стремлением к накоплению, непроизводительные же группы являются в экономическом отношении представителями лишь стремления к потреблению, представителями расточительства. И притом это изображается как единственное средство избежать перепроизводства, которое существует одновременно с перенаселением — перенаселением именно по сравнению с производством. Наилучшим целительным средством от того и другого объявляется чрезмерное потребление классов, стоящих вне производства. Диспропорция между рабочим населением и производством устраняется тем, что часть продукта съедается бездельниками, не принимающими никакого участия в производстве. Диспропорция перепроизводства, вызываемого капиталистами, устраняется перепотреблением, практикуемым представителями наслаждающегося богатства.

Мы видели, как ребячески слаб, тривиален и бессодержателен Мальтус там, где он, опираясь на слабую сторону воззрений А. Смита, пытается построить контртеорию в противовес той теории, которую построил Рикардо, опираясь на сильную сторону воззрений А. Смита. Едва ли можно встретить более комические потуги немощности, чем сочинение Мальтуса о стоимости. Но лишь только он переходит к практическим выводам и тем самым снова вступает в ту область, в которой он подвизался как своего рода экономический Абрагам а Санта Клара[20], он оказывается вполне в своей стихии. Однако он и здесь не изменяет своей натуре прирожденного плагиатора. Кто с первого взгляда поверил бы, что «Principles of Political Economy» Мальтуса представляют собой лишь мальтузианизированный перевод книги Сисмонди «Nouveaux Principes d'economie politique»? И все же это так. Книга Сисмонди появилась в 1819 году. Год спустя увидела свет Мальтусова английская карикатура этой книги. Как раньше у Таунсенда и Андерсона, так теперь у Сисмонди Мальтус снова нашел теоретическую точку опоры для одного из своих многословных экономических памфлетов, причем ему наряду с этим пригодились еще и почерпнутые из рикардовских «Principles» новые теории.

[774] Если, выступая против Рикардо, Мальтус боролся с той тенденцией капиталистического производства, которая является революционной по отношению к старому обществу, то у Сисмонди он с непогрешимым поповским инстинктом заимствовал только то, что реакционно по отношению к капиталистическому производству, по отношению к современному буржуазному обществу.

Я исключаю здесь Сисмонди из моего исторического обзора, потому что критика его взглядов относится к той части, которой я смогу заняться только после этого моего сочинения, — к рассмотрению реального движения капитала (конкуренция и кредит).

Что Мальтус приспособил к своим целям взгляды Сисмонди, видно уже из заголовка одной главы его «Principles of Political Economy». Она называется так:

«Необходимость соединения производительных сил со средствами распределения для обеспечения непрерывного роста богатства» ([2nd edition] стр. 361).

[Там сказано:]

«Одни лишь производительные силы еще не обеспечивают создания соответствующей степени богатства. Необходимо еще кое-что другое, чтобы в полной мере привести эти силы в действие. Это другое есть действительный и не встречающий препятствия спрос на все, что производится. И больше всего содействует, по-видимому, достижению этой цели такое *распределение продуктов* и такое приспособление этих продуктов к потребностям тех, кто их потребляет, при котором меновая стоимость всей массы продуктов постоянно увеличивается» («Principles of Political Economy», 2nd edition, стр. 361).

Далее, в таком же сисмондистском и антирикардовском духе написано следующее место:

«Богатство страны зависит, с одной стороны, от *количества продуктов,* получаемых благодаря ее труду, а с другой стороны, от такого приспособления этого количества к потребностям и покупательной способности наличного населения, которое, как можно думать на основании расчетов, должно придать этому количеству продуктов *стоимость.* Нет более достоверного положения, чем то, что богатство не определяется одним только из этих факторов» (пит. соч., стр. 301). «Но, быть может, теснее всего богатство и стоимость связаны тем обстоятельством, что *стоимость необходима для производства богатства»* (там же).

Это специально направлено против Рикардо, против 20-й главы его сочинения, озаглавленной *«Стоимость и богатство, их отличительные свойства».* Рикардо говорит там, в частности, следующее:

«Итак, стоимость существенно отличается от богатства, ибо она зависит не от изобилия, а от трудности или легкости производства» *(Ricardo.* Principles, 3rd edition, стр. 320) [Русский перевод: *Рикардо, Давид.* Сочинения, том I. Москва, 1955, стр. 226].

{Впрочем, стоимость может увеличиваться также и при увеличении «легкости производства». Предположим, что в какой-либо стране население возрастает с 1 миллиона человек до 6 миллионов. Один миллион работал по 12 часов в день. 6 миллионов так развили производительные силы, что каждый производит

за 6 часов столько, сколько раньше производилось за 12 часов. Тогда, согласно собственному взгляду Рикардо, богатство увеличилось бы в шесть раз, а стоимость увеличилась бы в три раза.}

«Богатство не зависит от стоимости. Человек богат или беден в зависимости от изобилия предметов необходимости и роскоши, которыми он может располагать... Только в результате смешения понятий стоимости и богатства, или благосостояния, можно было прийти к утверждению, что богатство может быть увеличено путем уменьшения количества товаров, т. е. предметов необходимости, комфорта и удовольствия. Если бы мерой богатства была стоимость, тогда этого нельзя было бы отрицать, так как стоимость товаров возрастает вследствие их редкости; но... если богатство заключается в предметах необходимости и роскоши, то оно не может быть увеличено путем уменьшения их количества» (там же, стр. 323—324) (Русский перевод, том I, стр. 228].

Другими словами, Рикардо здесь говорит: богатство состоит только из *потребительных стоимостей.* Он превращает буржуазное производство просто-напросто в производство ради потребительной стоимости: весьма недурное представление о таком способе производства, в котором господствует *меновая стоимость.* Специфическую форму буржуазного богатства он рассматривает как нечто лишь формальное, не затрагивающее содержания этого богатства. Поэтому он и отрицает те противоречия буржуазного производства, которые бурно прорываются наружу в кризисах. Отсюда его совершенно неправильное понимание денег. По той же причине при рассмотрении процесса производства капитала он совершенно не принимает во внимание процесс обращения, поскольку последний включает в себя метаморфоз товаров, необходимость превращения капитала в деньги. Во всяком случае никто не выяснил лучше и определеннее, чем сам Рикардо, что буржуазное производство не является производством богатства для *производителей* (как он неоднократно называет рабочих)[21], что, следовательно, производство буржуазного богатства отнюдь не есть производство «изобилия», предметов необходимости и роскоши для людей, которые их производят,— а между тем дело должно было бы обстоять именно так, если бы производство являлось лишь средством для удовлетворения потребностей производителей, таким производством, в котором господствовала бы только потребительная стоимость. Однако тот же *Рикардо* говорит:

«Если бы мы жили в одном из параллелограммов г-на Оуэна[22] и пользовались всеми нашими продуктами сообща, то никто не мог бы страдать от их изобилия; но *пока общество устроено так, как оно устроено в настоящее время,* изобилие часто будет вредным для производителей, а недоста-

ток — благодетельным для них» («On Protection to Agriculture», 4th edition, London, 1822, стр. 21) [Русский перевод: *Рикардо, Давид.* Сочинения, том III. Москва, 1955, стр. 53].

[775] Рикардо рассматривает буржуазное, еще точнее — капиталистическое производство как *абсолютную форму* производства. Это значит, что, по его мнению, определенные формы производственных отношений капиталистического производства нигде не могут вступать в противоречие с целью производства как такового, или сковывать эту цель, состоящую в создании изобилия, которое заключает в себе как количество потребительных стоимостей, так и многообразие их, что, в свою очередь, обусловливает высокое развитие человека как производителя, всестороннее развитие его производительных способностей. И тут Рикардо попадает в смешное противоречие с самим собой. Когда мы говорим о стоимости и богатстве, мы должны, согласно разъяснениям Рикардо, иметь в виду лишь общество в целом. А когда мы говорим о капитале и труде, то Рикардо считает чем-то само собой разумеющимся, что «валовой доход» существует только для того, чтобы создавать «чистый доход». В буржуазном производстве Рикардо восхищается фактически именно тем, что его определенные формы дают простор свободному — по сравнению с более ранними формами производства — развитию производительных сил. В тех случаях, когда эти формы перестают это делать или когда выступают наружу те противоречия, в рамках которых они это делают, Рикардо отрицает противоречия, или, вернее, он сам выражает противоречие в другой форме, выставляя в качестве ultima Thule* *богатство как таковое,* массу потребительных стоимостей самоё по себе, безотносительно к производителям.

Сисмонди глубоко чувствует, что капиталистическое производство само себе противоречит, что его формы — его производственные отношения — с одной стороны, подстегивают к необузданному развитию производительной силы и богатства, но что, с другой стороны, отношения эти ограничены определенными условиями и что свойственные им противоречия потребительной и меновой стоимости, товара и денег, покупки и продажи, производства и потребления, капитала и наемного труда и т. д. принимают тем большие размеры, чем дальше развивается производительная сила. Особенно он чувствует основное противоречие: с одной стороны, неограниченное развитие производительной силы и увеличение богатства, которое вместе

* — нечто последнее, крайняя точка, крайний продел, конечная цель (буквально: крайняя Фула — островная страна, находившаяся, по представлению древних, на крайнем севере Европы). *Ред.*

с тем состоит из товаров и должно быть превращено в деньги; с другой стороны, как основа этого, ограничение массы производителей предметами первой необходимости. Поэтому для Сисмонди кризисы являются не случайностью, как это получается у Рикардо, а существенными проявлениями имманентных противоречий, разражающимися в бурной форме, охватывающими широкую область и повторяющимися через определенные периоды. И вот он все время колеблется: что должно быть обуздано государством — производительные ли силы, чтобы привести их в соответствие с производственными отношениями, или производственные отношения, чтобы привести их в соответствие с производительными силами? При этом он часто ищет спасения в прошлом; он становится «laudator temporis acti»* или же пытается укротить противоречия при помощи также и другого рода регулирования отношений между доходом и капиталом, между распределением и производством, не понимая, что отношения распределения суть лишь отношения производства sub alia specie**. Он метко *критикует* противоречия буржуазного производства, но он их *не понимает,* а потому не понимает и процесса их разрешения. Однако в основе у него действительно имеется смутная догадка о том, что развившимся в недрах капиталистического общества производительным силам, материальным и социальным условиям создания богатства, должны соответствовать *новые* формы присвоения этого богатства; что буржуазные формы являются лишь преходящими и полными противоречий формами, в которых богатство получает всегда лишь противоречивое существование, повсюду выступая вместе с тем как своя собственная противоположность. Это — такое богатство, которое всегда имеет своей предпосылкой бедность и которое развивается лишь за счет того, что оно развивает бедность.

Мы видели, в какой восхитительной форме Мальтус присваивает себе взгляды Сисмонди. В утрированном и еще гораздо более отвратительном виде теория Мальтуса содержится в сочинении *Томаса Чалмерса* ***(профессора теологии)*** «On Political Economy in connexion with the Moral State and Moral Prospects of Society» (2nd edition, London, 1832). Здесь перед нами не только в теоретическом плане еще сильнее выступает поповский элемент, но и в практическом плане еще сильнее чувствуется член «установленной церкви»[23], «экономически» защищающий ее «земные блага» и всю систему установлений, с которыми эта церковь стоит и падает.

* — «хвалителем минувшего времени» (Гораций, «Наука поэзии»). *Ред.*
** — под другим углом зрения. *Ред.*

Вот те положения Мальтуса относительно рабочих, которые имелись в виду выше:

«Потребление и спрос, имеющие место у рабочих, занятых производительным трудом, совершенно *недостаточны* для того, чтобы давать стимул к накоплению и применению капитала» («Principles of Political Economy» [2nd edition], стр. 315).

«Ни один фермер не возьмет на себя труд надзора за работой десяти добавочных рабочих только потому, что весь его продукт будет тогда продан на рынке за цену, повышенную ровно на столько, сколько он уплатил добавочным рабочим. В предшествовавшем состоянии спроса и предложения того товара, о котором идет речь, или в его цене, должно было наступить — еще до того как новыми рабочими был создан добавочный спрос и независимо от этого спроса — нечто такое, что оправдывает применение добавочного количества рабочих в производстве этого товара» (там же, стр. 312).

«Спрос, создаваемый самим производительным рабочим, никогда не может быть *достаточным* спросом, [776] ибо он не распространяется на *все то количество продукта, которое рабочий производит. Если бы имело место последнее, то не было бы прибыли,* а следовательно и мотива для применения труда рабочего. Само *существование прибыли, приносимой каким-либо товаром,* предполагает спрос, *выходящий за пределы* того спроса, который предъявляется рабочими, создавшими этот товар» (стр. 405, примечание).

«Так как сильное увеличение потребления рабочего класса должно значительно повысить издержки производства, то оно должно понизить прибыль и ослабить или уничтожить мотив к накоплению» (там же, стр. 405).

«Нужда в предметах необходимости — вот что главным образом побуждает рабочий класс производить предметы роскоши; если бы этот стимул был устранен или значительно ослаблен, так что предметы необходимости можно было бы получать при очень небольшой затрате труда, то мы имели бы все основания полагать, что производству предметов комфорта уделялось бы не больше времени, а меньше» (там же, стр. 334).

Мальтус не заинтересован в том, чтобы скрывать противоречия буржуазного производства; наоборот, он заинтересован в выпячивании этих противоречий, — с одной стороны, чтобы доказывать необходимость нищеты рабочего класса (она действительно необходима для этого способа производства); с другой стороны, чтобы доказывать капиталистам, что откормленные духовенство и чиновничество необходимы для создания достаточного спроса на продаваемые капиталистами продукты. Поэтому Мальтус и доказывает, что для «непрерывного увеличения богатства» не достаточно ни роста населения, ни накопления капитала (там же, стр. 319—320), ни плодородия почвы (стр. 331 и следующие), ни «сберегающих труд изобретений», ни расширения «внешних рынков» (стр. 352, 359).

«Как рабочие, так и капитал могут оказаться в избытке по сравнению с возможностью их прибыльного применения» (там же, стр. 414).

Поэтому, в противовес рикардианцам, Мальтус выпячивает возможность всеобщего перепроизводства (там же, стр. 326 и в других местах).

Главные положения, которые он выдвигает в этой связи, таковы:

«Спрос всегда определяется *стоимостью,* а предложение — *количеством»* («Principles of Political Economy» [2nd edition], стр. 316).

«Товары обмениваются не только на товары, но также на производительный труд и личные услуги, а по сравнению с ними, как и по сравнению с деньгами, может иметь место всеобщее переполнение рынка товарами» (там же).

«Предложение всегда должно быть пропорционально *количеству,* а спрос — *стоимости»* («Definitions in Political Economy», edited by Cazenove, стр. 65).

««Ясно»», — говорит Джемс Милль, — ««что все то, что человек произвел и не желает оставить для своего собственного потребления, составляет запас, который он может отдать в обмен на другие товары. Поэтому его желание покупать и его средства для покупки товаров — другими словами, его спрос — в точности равны количеству произведенных им продуктов, которые он не намерен потребить сам»»[*]... «Совершенно очевидно» [возражает Мальтус Джемсу Миллю], «что его средства для покупки других товаров пропорциональны не *количеству* его собственных товаров, которые он произвел и хочет сбыть, а их *меновой стоимости;* и если только меновая стоимость товара случайно не окажется пропорциональной его количеству, то не может быть верным утверждение, что спрос и предложение каждого индивида всегда равны друг другу» (там же, стр. 64—65).

«Если бы спрос каждого индивида равнялся его предложению в точном смысле слова, то это доказывало бы, что каждый индивид всегда может продать свой товар по цене, равной издержкам производства, включая справедливую прибыль. Тогда даже *частичное* переполнение рынка было бы невозможно. Этот аргумент доказывает слишком много... Предложение всегда должно быть пропорционально *количеству,* а спрос — *стоимости»* («Definitions in Political Economy», London, 1827, стр. 48, примечание).

«Милль здесь понимает под спросом его» (покупателя) «средства для покупки. Но эти средства для покупки других товаров пропорциональны не *количеству* его собственных товаров, которые он произвел и хочет сбыть, а их *меновой стоимости;* и если только меновая стоимость товара случайно не окажется пропорциональной его количеству, то не может быть верным утверждение, что спрос и предложение каждого индивида всегда равны друг другу» (там же, стр. 48—49).

«Ошибочно утверждение Торренса, что «рост предложения есть единственная причина увеличения действительного спроса»[**]. Если бы это было так, то как трудно было бы человечеству снова оправиться при временном уменьшении количества пищи и одежды. Но когда уменьшается количество пищи и одежды, возрастает их стоимость; денежная цена остающегося количества пищи и одежды будет в течение некоторого времени возрастать сильнее, чем уменьшается их количество, тогда как денежная цена труда может оставаться неизменной. Необходимым следствием этого

[*] Ср. настоящий том, часть III, стр. 99. *Ред.*
[**] Ср. там же, стр. 74. *Ред.*

является возможность приводить в движение большее, чем прежде, количество производительного труда» (стр. 59—60).

«Все товары у какой-нибудь нации могут одновременно понизиться в цене по сравнению с деньгами или трудом» (стр. 64 и следующие). «Таким образом, возможно всеобщее переполнение рынка товарами» (там же). «Все цены товаров могут упасть ниже издержек производства» (там же).

* * *

[777] Остается еще отметить лишь то, что Мальтус говорит о процессе обращения:

«Если мы считаем стоимость примененного основного капитала частью авансируемого капитала, то остающуюся в конце года стоимость основного капитала мы должны считать частью годовой выручки... В действительности *авансируемый* им» (капиталистом) *«ежегодно капитал состоит лишь* из его оборотного капитала, износа его основного капитала вместе с процентами на основной капитал и процентов на ту часть его оборотного капитала, которая состоит из денег, употребляемых для производства его годовых платежей по мере наступления их сроков» («Principles of Political Economy» [2nd edition], стр. 269).

Я утверждаю, что *амортизационный фонд,* т. е. фонд для возмещения износа основного капитала, является вместе с тем и фондом для накопления.

[13) КРИТИКА РИКАРДИАНЦАМИ МАЛЬТУСОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ»]

Я хочу еще привести несколько выдержек из одного рикардианского сочинения, направленного против теории Мальтуса. Что касается содержащихся в том же сочинении выпадов, с капиталистической точки зрения, против мальтусовских непроизводительных потребителей вообще и лендлордов в частности, то я в другом месте покажу, что с точки зрения рабочих они дословно имеют силу и против капиталистов (это следует отнести к разделу об «апологетической трактовке отношения капитала и наемного труда»[24]).

[Анонимный рикардианец пишет:]

«Исходя из того, что применение капитала возрастает лишь при условии, если может быть обеспечена прежняя или более высокая норма прибыли, и что одно лишь увеличение капитала само по себе не гарантирует такую норму прибыли, а действует в обратном направлении, г-н Мальтус и те, кто рассуждает, как он, хотят найти такой источник, который не зависел бы от самого производства, который находился бы вне последнего, — источник, прогрессивный рост которого мог бы идти в ногу с прогрессивным ростом капитала и из которого можно было бы получать постоянные добавочные количества прибыли требующейся величины» («An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus» etc. London, 1821, стр. 33—34).

Таким источником, по Мальтусу, являются «непроизводительные потребители» (там же, стр. 35).

«Г-н Мальтус говорит иногда так, как будто имеются два *различных фонда,* капитал и доход, предложение и спрос, производство и потребление, которые должны следить за тем, чтобы идти в ногу друг с другом и не опережать друг друга. Как будто *помимо всей массы произведенных товаров* требуется еще другая масса, падающая, надо думать, с неба, для того чтобы купить эти произведенные товары... Такой фонд потребления, которого требует г-н Мальтус, может быть получен лишь за счет производства» (стр. 49—50).

«Его» (Мальтуса) «рассуждения постоянно оставляют нас в недоумении, следует ли расширять производство или ограничивать его. Когда человек нуждается в *спросе,* неужели г-н Мальтус будет рекомендовать этому человеку дать кому-нибудь денег, чтобы тот купил его товары? Вероятно, не будет» (стр. 55). Конечно, будет!

«Продавая свои товары, вы ставите себе целью получить определенную сумму денег; нет никакого смысла в том, чтобы отдать кому-нибудь даром эту сумму денег с тем, чтобы он затем мог вернуть вам эти деньги, купив на них ваши товары. С таким же успехом вы могли бы сразу сжечь свои товары, и вы оказались бы тогда в таком же положении» (стр. 63).

В отношении Мальтуса анонимный автор прав. Но из того, что «вся масса произведенных [товаров» представляет собой один и тот же фонд — фонд производства и фонд потребления, фонд предложения и фонд спроса, фонд капитала и фонд дохода, — отнюдь не следует, что безразлично, как весь этот совокупный фонд распределяется между этими различными категориями.

Анонимный автор не понимает, что именно подразумевает Мальтус под «недостаточностью» «спроса» рабочих для капиталиста.

«Что касается *спроса* со стороны труда, то это есть предоставление труда в обмен на товары, или... предоставление будущей добавочной стоимости, присоединяемой к стоимости материала, в обмен на наличные, готовые продукты... Это — действительный спрос, увеличение которого имеет для производителя существенное значение» и т. д. (цит. соч., стр. 57).

Мальтус имеет в виду не *предложение труда* (что наш автор называет *«спросом со стороны труда»),* а тот спрос на товары, который рабочий может предъявлять благодаря полученной им заработной плате; это те деньги, с которыми рабочий, в качестве покупателя, появляется на товарном рынке. И относительно этого спроса Мальтус правильно замечает, что он никогда не может быть достаточным для предложения товаров со стороны капиталиста. В противном случае рабочий мог бы выкупить на свою заработную плату весь свой продукт.

[778] Тот же автор говорит:

«Увеличенный спрос [на получение работы] с их» (рабочих) «стороны означает их готовность брать себе менее значительную долю продукта и оставлять более значительную долю его тем, кто их, рабочих, нанимает; и если говорят, что это сокращает потребление и тем самым увеличивает

переполнение рынка, то я могу лишь ответить, что в таком случае переполнение рынка оказывается синонимом высокой прибыли» (пит. соч., стр. 59).

По мысли автора, это замечание должно было звучать как насмешка, но фактически оно содержит в себе основную тайну «переполнения рынка».

Относительно «Essay on Rent» Мальтуса[25] наш автор говорит:

«Публикуя свой «Essay on Rent», г-н Мальтус, вероятно, отчасти имел в виду выступить против лозунга «Долой лендлордов!», который тогда «красными буквами был написан на стенах», встать на защиту этого класса и доказать, что они не похожи на *монополистов.* Что земельная рента не может быть упразднена, что ее рост представляет собой естественное явление, сопутствующее, как правило, росту богатства и населения, — это он показал; но народный клич «Долой лендлордов!» вовсе и не означал обязательно, что *не должно быть такой вещи,* как рента, а скорее означал только то, что она должна равномерно распределяться среди всего населения, в соответствии с так называемым «планом Спенса»[26]. Когда г-н Мальтус переходит к тому, чтобы взять земельных собственников под защиту от ненавистного названия монополистов и от замечания Адама Смита, что «они любят пожинать там, где не сеяли», то кажется, что он ратует всего лишь за другое *название...* Во всех этих его рассуждениях слишком много от *адвоката»* (цит. соч., стр. 108—109).

[14) РЕАКЦИОННАЯ РОЛЬ СОЧИНЕНИЙ МАЛЬТУСА И ИХ ПЛАГИАТОРСКИЙ ХАРАКТЕР. МАЛЬТУСОВСКАЯ АПОЛОГЕТИКА СУЩЕСТВОВАНИЯ «ВЫСШИХ» И «НИЗШИХ» КЛАССОВ]

Книга *Мальтуса* «On Population» была памфлетом против французской революции и современных ей идей о реформах в Англии (Годвин и др.). Она представляла собой апологию нищеты рабочего класса. *Теория* была плагиатом у Таунсенда и других.

Его «Essay on Rent» представлял собой памфлет в защиту лендлордов против промышленного капитала. *Теория* была плагиатом у Андерсона.

Его «Principles of Political Economy» были памфлетом в защиту интересов капиталистов против рабочих и в защиту интересов аристократии, церкви, пожирателей налогов, всякого рода лизоблюдов и т. д. против капиталистов. *Теория* позаимствована у А. Смита. Там, где теория — собственного изобретения, она плачевна. При дальнейшем изложении теории основой служит Сисмонди. [XIV—778]

* * *

[VIII—345] {В своем «Essai sur la Population» (5th edition, traduction de P. Prevost. Geneve, 1836. Troisieme edition. Tome IV, стр. 104—105) *Мальтус* со своей обычной «глубокой

философией» делает следующее замечание против некоего плана подарить коров английским коттерам*:

«Указывалось на то, что *коттеры,* имеющие коров, более трудолюбивы и ведут более правильную жизнь, чем те, которые не имеют коров... Большинство из тех, которые теперь имеют коров, купили их на средства, полученные своим трудом. Поэтому правильнее будет сказать, что труд дал им коров, чем сказать, будто коровы дали им вкус к труду».

Ну что ж, верно, что выскочкам среди буржуазии их усердие в труде (вместе с эксплуатацией чужого труда) дало коров, так же как их сыновьям коровы дают вкус к праздности. Если бы у их коров отняли — не способность давать молоко, а — способность распоряжаться неоплаченным чужим трудом, то это было бы весьма полезно для поддержания у этих выскочек вкуса к труду.

Тот же «глубокий философ» замечает:

«Ясно, что все люди не могут принадлежать к средним классам. Необходимы высшие и низшие классы» (конечно, без крайних не было бы и средних), «и они, кроме того, очень полезны. Если бы никто в обществе не мог надеяться на повышение и не должен был бы бояться понижения и если бы труд не приносил вознаграждения, а лень не влекла за собой наказания, то нигде не видно было бы того усердия, того рвения, с каким каждый стремится улучшить свое положение, что составляет важнейшую пружину [346] общественного благополучия» (там же, стр. 112).

Низшие должны существовать для того, чтобы высшие боялись понижения, а высшие — для того, чтобы низшие надеялись на повышение. Чтобы лень влекла за собой наказание, рабочий должен быть беден, а рантье и столь любимый Мальтусом земельный собственник должны быть богаты. А что подразумевает Мальтус под вознаграждением труда? Как мы увидим дальше**, Мальтус имеет в виду то, что рабочий должен отдавать часть своего труда без эквивалента. Прекрасный стимул, если бы только стимулом служило «вознаграждение», а не голод. В лучшем случае все сводится к тому, что тот или иной рабочий может питать надежду на то, что и он когда-нибудь будет эксплуатировать рабочих.

«Чем больше распространяется монополия», — говорит Руссо, — «тем тяжелее цепь для эксплуатируемых»[27].

Иначе думает «глубокий мыслитель» Мальтус. В лучшем случае он надеется на то, что численность среднего класса будет возрастать, а пролетариат (работающий пролетариат) будет

* — батракам, получавшим от земельного собственника или фермера-арендатора, на которого они работали, небольшой деревенский домик (коттедж) и клочок земли возле него. *Ред.*

** См. в третьей части настоящего тома стр. 25, 29, 34—37 и др. *Ред.*

составлять относительно все уменьшающуюся часть всего населения (хотя он и возрастает абсолютно). Сам Мальтус считает эту свою надежду более или менее утопической. Но таков и в самом деле *ход развития* буржуазного общества.

«Мы должны питать надежду», — говорит Мальтус, — «что когда-нибудь в будущем те методы, которые сокращают труд и которые уже проделали столь быстрое развитие, в конце концов удовлетворят все потребности самого богатого общества с меньшим количеством человеческого труда, чем требуется теперь для этой цели; и *если тогда рабочий и не будет избавлен от части того тяжелого бремени, которое тяготеет над ним в настоящее время»* (он по-прежнему должен будет работать в поте лица своего столько же, сколько и раньше, и относительно все больше для других и все меньше для самого себя), «то все же *число тех,* на чьи плечи общество взваливает столь тяжелое бремя, уменьшится» (там же, стр. 113).} [VIII — 346]

[15) ИЗЛОЖЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ МАЛЬТУСА В АНОНИМНОМ СОЧИНЕНИИ «OUTLINES OF POLITICAL ECONOMY»]

[XIV—778] Сочинением, излагающим мальтусовские принципы, являются анонимные «Outlines of Political Economy; being a plain and short view of the Laws relating to the Production, Distribution, and Consumption of Wealth». London, 1832.

Автор этого сочинения* с самого начала указывает на тог практический мотив, в силу которого мальтузианцы выступают против определения стоимости рабочим временем:

«Учение, что труд есть единственный источник богатства, является, надо полагать, столь же опасным, как и ошибочным, ибо оно пагубным образом дает опору тем, кто утверждает, что вся собственность принадлежит рабочим классам и что доля, которую получают другие, будто бы отнята у рабочих грабительским или мошенническим путем» (назв. соч., стр. 22, примечание).

В следующей фразе у анонимного автора яснее, чем у Мальтуса, выступает смешение *стоимости* товара с *использованием стоимости* товара или денег в качестве капитала. В последнем смысле происхождение прибавочной стоимости выражено правильно:

«Стоимость капитала, т. е. количество труда, которого он стоит, или которым он может распоряжаться, всегда больше того количества труда, которое было на него затрачено, и эта разность образует прибыль, или вознаграждение, получаемое владельцем капитала» (там же, стр. 32).

Правильно также и следующее, взятое у Мальтуса, соображение относительно того, почему в условиях капиталистического

* — Джон Кейзнов. *Ред.*

производства прибыль следует относить к *издержкам производства:*

«Прибыль на примененный капитал» {а «без получения этой прибыли не было бы достаточного мотива для того, чтобы производить товар»} «есть существенное условие предложения, и в качестве такого условия она образует одну из составных частей *издержек производства»* (там же, стр. 33).

В следующем отрывке содержится, с одной стороны, правильная мысль о том, что прибыль на капитал проистекает непосредственно из обмена капитала на труд, а с другой стороны — здесь излагается мальтусовское учение о прибыли, которая создается будто бы при *продаже:*

«Прибыль человека зависит не от того, что он распоряжается *продуктом* труда других людей, а от того, что он распоряжается *самим трудом»* (здесь намечено правильное разграничение между обменом товара на товар и обменом товара, в качестве капитала, на труд). «Если человек может продать свои товары» [779] (при понижении *стоимости денег*) «по более высокой цене, *в то время как заработная плата его рабочих остается без изменения,* то он, несомненно, выгадывает от повышения цены, независимо от того, повышаются ли цены других товаров или нет. Менее значительная доля того, что он производит, достаточна теперь для того, чтобы привести в движение этот труд, и потому более значительная доля остается для него самого» (там же, стр. 49—50).

То же самое происходит и в том случае, когда, например вследствие введения новых машин, химических процессов и т. д., капиталист производит товар ниже его прежней стоимости, а продает его или по прежней стоимости или, во всяком случае, выше той его индивидуальной стоимости, до которой он теперь спустился. В этом случае рабочий, правда, не работает непосредственно меньше времени на самого себя и больше на капиталиста. Но теперь менее значительная доля того, что он производит, достаточна для того, чтобы при воспроизводстве «привести в движение этот труд». Фактически, следовательно, рабочий в обмен на получаемый им овеществленный труд дает большую, чем прежде, часть своего непосредственного труда. Он получает, например, по-прежнему 10 ф. ст. Но эти 10 ф. ст., — хотя по отношению к обществу они представляют то же самое количество труда, — тут являются продуктом не *такого же количества рабочего времени,* как прежде, а, может быть, на один час меньшего. Следовательно, рабочий фактически работает более продолжительное время на капиталиста и менее продолжительное время на самого себя. Результат был бы тот же самый, если бы рабочий получал теперь всего лишь 8 ф. ст., но эти 8 ф. ст. вследствие возросшей производительности его труда представляли бы ту же массу потребительных стоимостей, какую раньше представляли 10 ф. ст.

По поводу упомянутых выше рассуждений [Джемса] Милля о тождестве спроса и предложения* анонимный автор замечает:

«Предложение каждого человека зависит от *количества,* которое он доставляет на рынок; его спрос на другие предметы зависит от *стоимости* его предложения. Предложение есть нечто определенное, оно зависит от него самого; спрос является чем-то неопределенным, он зависит от других. Предложение может оставаться неизменным, в то время как спрос изменяется. Сто квартеров зерна, доставляемые данным лицом на рынок, могут г. один период времени стоить 30 шилл. за квартер, а в другой период — 60 шилл. *Количество, или предложение,* в обоих случаях одинаково, но спрос данного лица, или его способность покупать другие вещи, в последнем случае вдвое больше, нем в первом» (там же, стр. 111—112).

Об отношении между трудом и машинами анонимный автор говорит следующее:

«Когда количество производимых товаров увеличивается в результате более рационального распределения труда, то не требуется большего спроса, чем прежде, чтобы содержать весь тот труд, который применялся раньше»

(как так? Если труд распределен более рационально, то с затратой того же количества труда будет произведено больше товаров; поэтому предложение будет возрастать, и разве для поглощения его не потребуется увеличения спроса? Разве не прав А. Смит, когда он говорит, что разделение труда зависит от размеров рынка? В действительности, что касается [необходимости увеличения] спроса извне, то в этом отношении нет никакой разницы [между тем, что имеет место при введении более рационального распределения труда, и тем, что имеет место при введении машин], — только при введении машин [увеличение спроса необходимо] в больших размерах. Но «более рациональное распределение труда» может потребовать того же или даже большего числа рабочих, чем прежде, тогда как введение машин при всех обстоятельствах должно уменьшить ту долю капитала, которая затрачивается на непосредственный труд), —

«между тем как с введением машин *часть рабочих несомненно лишится работы,* если не произойдет увеличения спроса или падения заработной платы или прибыли.

Предположим, что имеется товар стоимостью в 1200 ф. ст., из которых 1000 ф. ст. составляют заработную плату 100 рабочих (по 10 ф. ст. на каждого рабочего), а 200 ф. ст. составляют прибыль при норме в 20%. Представим себе теперь, что этот же товар может быть произведен с помощью труда 50 рабочих, применяющих машину, стоившую труда других 50 рабочих и нуждающуюся в труде 10 рабочих для сохранения ее в надлежащем

* См. настоящий том, часть II, стр. 548—549, 560 и 561, и часть III, стр. 54 и 99—102. *Ред.*

состоянии; производитель будет тогда в состоянии понизить цену производимого им товара до 800 ф. ст. и все же будет получать по-прежнему такое же вознаграждение за применение своего капитала.

Заработная плата 50 рабочих составляет	500 ф. ст.
Заработная плата 10 рабочих для сохранения машины в надлежащем состоянии	100 ф. ст.
Прибыль в 20%: на оборотный капитал в 500 ф. ст. на основной капитал в 500 ф. ст.	200 ф. ст.
Итого	800 ф. ст.»

{(«Заработная плата 10 рабочих для сохранения машины в надлежащем состоянии» представляет здесь годичный износ машины. В противном случае расчет неправилен, так как труд по ремонту прибавляется к первоначальным издержкам производства машины.) Раньше предприниматель должен был ежегодно затрачивать 1000 ф. ст., но зато и продукт имел тогда стоимость в 1200 ф. ст. Теперь он раз навсегда затратил на машину 500 ф. ст.; эту сумму ему, следовательно, не приходится больше затрачивать каким-либо другим образом. Ему придется затрачивать ежегодно 100 ф. ст. на «сохранение машины в надлежащем состоянии» и 500 ф. ст. на заработную плату (ибо в этом примере нет сырья). Ему приходится ежегодно затрачивать лишь 600 ф. ст., но на свой совокупный капитал он по-прежнему получает 200 ф. ст. прибыли. Масса и норма прибыли остались прежние. Но его годовой продукт составляет теперь всего только 800 ф. ст.}

«Те люди, которые раньше должны были платить за товар 1 200 ф. ст., могут теперь сэкономить 400 ф. ст., которые они могут затратить на что-нибудь другое или на покупку большего количества того же товара. Если эти 400 ф. ст. будут затрачены на [780] *продукт* непосредственного труда, то они дадут работу не больше чем 33,4 рабочим, тогда как число рабочих, которые в результате введения машины лишились работы, составит 40. Ибо

Заработная плата 33,4 рабочих по 10 ф. ст. на каждого составляет	334 ф. ст.
Прибыль при норме в 20%	66 ф. ст.
Итого	400 ф. ст.»

{Это означает, иными словами, следующее: если 400 ф. ст. затрачиваются на товары, являющиеся продуктом непосредственного труда, и если заработная плата составляет 10 ф. ст. на одного рабочего, то товары, стоящие 400 ф. ст., должны быть продуктом труда менее чем 40 рабочих. Будь эти товары продуктом труда 40 рабочих, они содержали бы только *оплаченный труд.* Стоимость труда (или овеществленное в заработной плате количество труда) была бы равна стоимости продукта

(количеству труда, овеществленного в товаре). Но товары на 400 ф. ст. содержат *неоплаченный* труд, который как раз и образует прибыль. Следовательно, они должны быть продуктом труда менее чем 40 рабочих. Если прибыль равна 20%, то только $^5/_6$ продукта могут состоять из оплаченного труда, т. е. приблизительно 334 ф. ст., что соответствует 33,4 рабочим по 10 ф. ст. на каждого. Шестая часть, т. е. приблизительно 66 ф. ст., представляет неоплаченный труд. Совершенно таким же способом Рикардо доказал, что машины, даже если их денежная цена столь же высока, как и цена того непосредственного труда, который они заменяют, никогда не могут быть продуктом такого же количества труда*.}

«Если бы они» (т. е. указанные 400 ф. ст.) «были затрачены на покупку большего количества того же товара или на покупку какого-либо другого товара, для изготовления которого употреблен основной капитал того же рода и в том же количестве, то они дали бы работу лишь 30 рабочим. Ибо

Заработная плата 25 рабочих по 10 ф. ст. на каждого составляет	250	ф. ст.
Заработная плата 5 рабочих для сохранения машины в надлежащем состоянии	50	ф. ст.
Прибыль на 250 ф. ст. оборотного и 250 ф. ст. основного капитала	100	ф. ст.
Итого	400	ф. ст.»

{Дело в том, что в случае применения машин производство товара стоимостью в 800 ф. ст. требует такой затраты на машину, которая составляет 500 ф. ст.; следовательно, для производства товара стоимостью в 400 ф. ст. затрата на машину составит лишь 250 ф. ст. Затем, для обслуживания машины стоимостью в 500 ф. ст. требуется 50 рабочих; следовательно, для обслуживания машины стоимостью в 250 ф. ст. требуется 25 рабочих (250 ф. ст.). Далее, «сохранение машины в надлежащем состоянии» — воспроизводство машины стоимостью в 500 ф. ст. — требует 10 рабочих; следовательно, для воспроизводства машины стоимостью в 250 ф. ст. требуется 5 рабочих (50 ф. ст.). Таким образом, мы получаем 250 ф. ст. основного и 250 ф. ст. оборотного капитала — итого 500 ф. ст. Прибыль на этот капитал при норме в 20% составляет 100 ф. ст. Итак, продукт содержит в себе 300 ф. ст. заработной платы и 100 ф, ст. прибыли — итого 400 ф. ст. При этом занято 30 рабочих. Здесь во всех случаях предполагается, что капиталист (занятый производством) или заимствует капитал из сбережений (400 ф. ст.), помещенных потребителями у банкира, или сам владеет

* См. настоящий том, часть II, стр. 611—612. *Ред.*

капиталом сверх тех 400 ф. ст., которые равны сумме, сбереженной из дохода потребителей. Ибо при капитале в 400 ф. ст. он не может затратить 250 ф. ст. на машину и 300 ф. ст. на заработную плату.}

«Когда вся сумма в 1200 ф. ст. затрачивалась на продукт непосредственного труда, то стоимость продукта распадалась на 1000 ф. ст. заработной платы и 200 ф. ст. прибыли» (число рабочих — 100, заработная плата — 1000 ф. ст.). «Когда та же сумма затрачивалась частью одним, частью другим способом,.. то стоимость продукта распадалась на 934 ф. ст. заработной платы и 266 ф. ст. прибыли» (а именно, 60 рабочих в предприятии, применяющем машины, и 33,4 рабочих, работающих без машин, т. е. общее число рабочих равно 93,4 и получают они в общей сложности 934 ф. ст.). «Наконец, при третьем предположении, когда вся сумма затрачена на совместный продукт машины и труда, стоимость продукта распадается на 900 ф. ст. заработной платы» (ибо в этом случае число рабочих — 90) «и 300 ф. ст. прибыли» (там же, стр. 114—117).

[781] «Капиталист не может после введения машины применять столько же труда, как и прежде, без дальнейшего накопления капитала. Однако доход, который сберегают потребители данного предмета после того, как цена последнего упала, создаст, благодаря росту их потребления этого или какого-нибудь другого предмета, спрос на *часть* того труда, который был вытеснен машиной, хотя и не на весь этот труд» (там же, стр. 119).

«Г-н Мак-Куллох полагает, что введение машин в одной отрасли производства *с необходимостью создает такой же или еще больший спрос на уволенных рабочих в какой-нибудь другой отрасли производства.* Чтобы доказать это, он предполагает, что те ежегодные отчисления, которые необходимы для возмещения стоимости машины к тому времени, когда она будет полностью изношена, создают каждый год все возрастающий спрос на труд[28]. Но так как эти ежегодные отчисления в общей сложности могут к концу определенного срока равняться лишь первоначальной стоимости машины вместе с процентами на нее за весь период действия машины, то нелегко понять, каким образом они когда бы то ни было могут создать спрос на труд, превышающий тот, который имел бы место, если бы машина не применялась» (там же, стр. 119—120).

Амортизационный фонд, конечно, сам в свою очередь может служить для накопления в тот промежуток времени, когда износ машины только исчисляется, но фактически не дает о себе знать. Но во всяком случае этот созданный таким путем спрос на труд гораздо меньше, чем он был бы в том случае, если бы на заработную плату затрачивался весь вложенный в машины капитал, а не только то ежегодное отчисление, которое необходимо для возмещения ежегодного изнашивания машин. Мак Петер[*], как всегда, осел. Место это только потому заслуживает внимания, что здесь высказывается мысль, что амортизационный фонд сам является фондом накопления.

[*] — насмешливо вместо Мак-Куллоха (по-немецки «dummer Peter» означает «дурак», «болван»). *Ред.*

[ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ]
РАЗЛОЖЕНИЕ РИКАРДИАНСКОЙ ШКОЛЫ

1) Р. ТОРРЕНС

[а) ВОПРОС О СООТНОШЕНИИ МЕЖДУ СРЕДНЕЙ НОРМОЙ ПРИБЫЛИ И ЗАКОНОМ СТОИМОСТИ У СМИТА И РИКАРДО]

[782] *R. Torrens.* An Essay on the Production of Wealth. London, 1821.

Наблюдение конкуренции — внешних проявлений производства — показывает, что равновеликие капиталы приносят в среднем равную прибыль, или что при данной средней норме прибыли масса прибыли зависит от величины авансированного капитала (а только это и означает средняя норма прибыли).

А. Смит зарегистрировал этот факт. У него не вызывал каких-либо мучительных сомнений вопрос о связи этого факта с выдвинутой им теорией стоимости; этот вопрос тем менее его тревожил, что наряду со своей, так сказать, эзотерической теорией стоимости он выдвинул еще различные другие теории и мог по своему усмотрению придерживаться той или другой из них. Единственное соображение, на которое его натолкнуло указанное положение вещей, было им высказано в полемике против того взгляда, который стремится свести прибыль к заработной плате за труд по надзору: ведь, помимо всех других обстоятельств, труд по надзору не возрастает в такой же мере, в какой растет масштаб производства, и к тому же стоимость авансированного капитала (вследствие, например, дороговизны сырья) может возрастать и без увеличения масштаба производства[29]. Имманентный закон для определения *средней прибыли* и самой величины ее отсутствует в концепции Смита. Смит ограничивается утверждением, что конкуренция уменьшает этот *x*.

Рикардо везде (если не считать немногочисленных и лишь случайных отдельных замечаний) непосредственно отождествляет

прибыль с прибавочной стоимостью. Поэтому согласно Рикардо товары продаются с *прибылью* но потому, что они продаются *выше* своей стоимости, а потому, что они продаются *по своей стоимости.* Однако при рассмотрении *стоимости* (в главе 1-й его «Principles») он является первым, кто вообще задумался над отношением *определения стоимости* товаров к тому явлению, что равновеликие капиталы приносят равную прибыль. Это возможно для них лишь постольку, поскольку товары, производимые ими, хотя и *не продаются по одинаковым ценам* (впрочем, можно сказать, что в итоге получается одинаковая цена, если мы стоимость непотребленной части основного капитала прибавим к стоимости продукта), но тем не менее приносят *одинаковую прибавочную стоимость,* одинаковый избыток цены над ценой авансированного капитала. И вот Рикардо первый обратил внимание на то, что капиталы одинаковой величины отнюдь не имеют одинакового органического строения. Различие в этом строении он воспринял в том виде, в каком он нашел его у А. Смита, — оборотный и основной капитал, — т. е. он знает лишь различия, проистекающие из процесса обращения.

Рикардо отнюдь не говорит прямо о том, что закону стоимости prima facie* противоречит тот факт, что капиталы неодинакового органического строения, приводящие, стало быть, в движение неодинаковые массы непосредственного труда, производят товары одной и той же стоимости и приносят одну и ту же прибавочную стоимость (которую он отождествляет с прибылью). Напротив, приступая к исследованию стоимости, он уже предполагает существование капитала и общей нормы прибыли. Рикардо с самого начала отождествляет *цены издержек* и *стоимости* и не видит, что эта предпосылка с самого же начала противоречит prima facie закону стоимости. Лишь на основе этой предпосылки, включающей в себя главное противоречие и основную трудность, он приходит к рассмотрению частного случая — *изменения заработной платы,* повышения или падения ее. Чтобы норма прибыли оставалась при этом одинаковой, повышение или падение заработной платы, чему соответствует падение или повышение прибыли, должно неодинаково действовать на капиталы различного органического строения. Если заработная плата повышается, а прибыль, следовательно, уменьшается, то падают цены тех товаров, для производства которых требуется относительно больший основной капитал. В обратном случае имеет место обратное. Выхо-

* — на первый взгляд. *Ред.*

дит, что *«меновые стоимости»* товаров не определяются в этом случае рабочим временем, требующимся для производства каждого из этих товаров. Иными словами: эта категория одинаковой нормы прибыли, получаемой капиталами различного органического строения (однако Рикардо приходит к этому выводу только в отдельном случае и только таким окольным путем), *противоречит* закону стоимости, или, как говорит Рикардо, образует *исключение* из него, по поводу чего Мальтус справедливо замечает, что с развитием [783] промышленности рикардовское правило становится исключением, а исключение — правилом*. Само противоречие не получает у Рикардо ясного выражения — в форме: хотя один товар содержит больше неоплаченного труда, чем другой, — ибо при одинаковой норме эксплуатации рабочих количество неоплаченного труда зависит от количества оплаченного труда, т. е. от количества применяемого непосредственного труда, — товары тем не менее доставляют одинаковые стоимости, или одинаковый избыток неоплаченного труда над оплаченным. Напротив, у Рикардо противоречие фигурирует лишь в частной форме: в некоторых случаях *заработная плата* — изменение заработной платы — оказывает влияние на цены издержек товаров (Рикардо говорит: на их меновые стоимости).

Различия в периодах оборота капитала, — вследствие которых, остается ли капитал в течение более длительного срока в процессе производства (хотя и не в процессе труда)[30] или в процессе обращения, он для своего оборота требует не больше труда, а больше времени, — эти различия точно так же не влияют на равенство прибылей. И это опять-таки противоречит закону стоимости, — по Рикардо, это опять-таки *исключение* из закона стоимости.

Таким образом, Рикардо изобразил дело очень односторонне. Если бы он выразил его в общей форме, то он получил бы также и общее решение вопроса.

Но за ним остается большая заслуга: Рикардо догадывается о существовании различия между стоимостями и ценами издержек, и он формулирует для определенных случаев, — хотя и лишь в виде *исключений* из закона, — то противоречие, что капиталы неодинакового органического строения, т. е. в конечном счете всегда капиталы, эксплуатирующие неодинаковые количества живого труда, доставляют одинаковые прибавочные стоимости (прибыли) и, — если не учитывать того обстоятельства, что часть основного капитала входит в процесс труда,

---

* См. настоящий том, часть III, стр. 23—24. *Ред.*

не входя в процесс образования стоимости, — одинаковые стоимости, товары одинаковых стоимостей (точнее, *цен издержек,* но Рикардо смешивает это).

[б) ПУТАНИЦА У ТОРРЕНСА В ВОПРОСЕ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СТОИМОСТИ ТРУДОМ И В ВОПРОСЕ ОБ ИСТОЧНИКЕ ПРИБЫЛИ. ЧАСТИЧНЫЙ ВОЗВРАТ К А. СМИТУ И К КОНЦЕПЦИИ «ПРИБЫЛИ ОТ ОТЧУЖДЕНИЯ»]

Как мы видели выше*, *Мальтус* использует это [открытое Давидом Рикардо противоречие между законом стоимости и одинаковой прибылью у неодинаковых по своему строению капиталов] для отрицания рикардовского закона стоимости.

Торренс уже в самом начале своего сочинения исходит из этого открытия Рикардо, — но отнюдь не для того, чтобы разрешить проблему, а для того, чтобы само это «явление» представить как закон явления:

«Предположим, что применяются капиталы различной степени долговечности. Пусть, например, фабрикант сукна и фабрикант шелка применяют капиталы в 2000 ф. ст. каждый, причем первый затрачивав г 1500 ф. ст. на долговечные машины и 500 ф. ст. на заработную плату и материалы, тогда как второй затрачивает на долговечные машины только 500 ф. ст., а на заработную плату и материалы — 1500 ф. ст. Предположим, что ежегодно потребляется $^1/_{10}$ этого основного капитала и что норма прибыли составляет 10%. Так как в таком случае капитал в 2000 ф. ст., чтобы принести фабриканту сукна 10% прибыли, должен дать ему выручку в 2200 ф. ст. и так как стоимость основного капитала в результате процесса производства уменьшилась с 1500 до 1350 ф. ст., то произведенные фабрикантом сукна товары должны быть проданы за 850 ф. ст. И точно таким же образом, так как основной капитал фабриканта шелка уменьшился в результате процесса производства на $^1/_{10}$, или с 500 до 450 ф. ст., то произведенный шелк, для того чтобы принести фабриканту шелка *обычную норму прибыли* на весь его капитал в 2000 ф. ст., должен быть продан за 1750 ф. ст... Когда применяются капиталы одинаковой величины, но разной долговечности, то произведенные в *одной отрасли производства* товары *вместе с оставшимся в этой отрасли капиталом* будут равны по меновой стоимости продуктам и оставшемуся капиталу в *другой отрасли производства» (Torrens.* An Essay on the Production of Wealth. London, 1821, стр. 28—29).

Явление, обнаруживающееся в сфере конкуренции, здесь только отмечается, регистрируется. Равным образом здесь просто *предполагается «обычная норма прибыли»,* но не объяснено, откуда она берется, и нет даже смутного представления о том, что это нуждается в объяснении.

«Равновеликие капиталы, или, другими словами, *одинаковые количества накопленного труда, нередко приводят в движение различные количества непосредственного труда,* но это нисколько не меняет дела» (стр. 29—30),

* См. настоящий том, часть III, стр. 4 и 21—24. *Ред.*

— а именно, не меняет того положения вещей, что стоимость продукта плюс оставшийся непотребленным капитал доставляют равные стоимости — или, что одно и то же, равные прибыли.

Заслуга этого положения Торренса состоит не в том, что он и здесь снова лишь регистрирует явление, не объясняя его, а в том, что различие между капиталами он определяет в том смысле, что одинаковые по своей величине капиталы приводят в движение неодинаковые количества живого труда, хотя он опять портит дело тем, что изображает это как «особый» случай. Если стоимость равна труду, затраченному на производство товара и овеществленному в нем, то ясно, что — при продаже товаров по их стоимости — содержащаяся в товарах прибавочная стоимость может быть равна лишь содержащемуся в них неоплаченному труду, или прибавочному труду. Но количество этого прибавочного труда — при одной и той же норме эксплуатации рабочих — не может быть одинаковым у капиталов, «приводящих в движение различные количества непосредственного труда», все равно, обусловливается ли это различие непосредственным процессом производства или периодом обращения. Итак, заслуга Торренса в том, что у него имеется эта формулировка. Какой же вывод делает он отсюда? Тот вывод, что здесь [784] при капиталистическом производстве происходит переворот в законе стоимости, т. е. что закон стоимости, абстрагированный из капиталистического производства, противоречит явлениям капиталистического производства. А что ставит Торренс на место этого закона? Абсолютно ничего, кроме грубого, бездумного словесного выражения того явления, которое подлежит объяснению.

«В ранний период развития общества»

(т. е. как раз в тот период, когда вообще меновая стоимость — продукт в качестве товара — едва развита, а потому не развит и закон стоимости)

«относительную стоимость товаров определяет *совокупное количество затраченного на их производство труда, накопленного и непосредственного.* Но начиная с того времени, когда возникает *накопление капитала* и устанавливается различие между *классом капиталистов* и *классом рабочих,* когда тот, кто выступает как предприниматель в какой-нибудь отрасли производства, не сам выполняет работу в своем предприятии, а авансирует другим средства существования и материалы, — начиная с этого времени меновую стоимость товаров определяет *количество* затраченного в производстве *капитала,* или *накопленного труда»* (цит. соч., стр. 33—34). «Если два капитала равны, то стоимости их продуктов будут равны, *как бы ни было различно количество непосредственного труда, какое они приводят в движение,* или какого *требуют их продукты.* Если эти капиталы неравны, то их

продукты будут иметь неравную стоимость, хотя бы совокупное количество труда, затраченного на продукт каждого из них, было совершенно одинаковым» (стр. 39). «Итак, после указанного *обособления капиталистов и рабочих* меновую стоимость начинает определять *величина капитала,* количество накопленного труда, а не — *как до этого обособления* — сумма накопленного и непосредственного труда, затраченного на производство товара» (стр. 39—40).

Здесь опять нет ничего, кроме констатирования того явления, что равновеликие капиталы приносят равновеликие прибыли, или что цена издержек товара равняется цене авансированного капитала плюс средняя прибыль, — и кроме намека на то, что это *явление,* поскольку «равновеликие капиталы приводят в движение различные количества непосредственного труда», prima facie несовместимо с определением стоимости товара содержащимся в нем рабочим временем. Замечание Торренса, что это явление капиталистического производства обнаруживается впервые лишь тогда, когда существует капитал, — существуют классы капиталистов и рабочих, — когда объективные условия труда обособляются как нечто самостоятельное, как капитал, — это замечание представляет собой тавтологию.

Но *каким образом* обособление [необходимых] для производства товара [факторов] — в качестве капиталистов и рабочих, капитала и наемного труда — ниспровергает закон стоимости товара, это у Торренса просто «выводится» из непонятого явления.

Рикардо пытался доказать, что обособление капитала и наемного труда — за некоторыми исключениями — ничего не меняет в определении стоимости товаров. Опираясь на рикардовские исключения, Торренс отрицает самый закон. Он возвращается назад к А. Смиту, против которого направлена аргументация Рикардо и по которому, правда, «в ранний период развития общества», когда люди противостоят еще друг другу лишь как товаровладельцы, обменивающиеся товарами, стоимость товара определяется содержащимся в нем рабочим временем, но это не имеет места тогда, когда образовались капитал и земельная собственность. Это значит (как я уже заметил в первой части[31]), что закон, действительный для товаров как товаров, недействителен для них, лишь только они начинают фигурировать в качестве капитала или в качестве продуктов капитала, лишь только вообще совершается переход от товара к капиталу. С другой стороны, продукт всесторонне принимает форму товара только в результате того, что весь продукт должен превращаться в меновую стоимость, а все составные элементы его производства сами входят в него в ка-

честве товаров, — т. е. продукт всесторонне становится товаром только с развитием капиталистического производства и на основе последнего. Выходит, следовательно, что закон товара должен существовать в таком производстве, которое не производит товаров (или только отчасти производит товары), и не должен существовать на основе такого производства, базисом которого является существование продукта как товара. Сам закон, точно так же как и товар в качестве всеобщей формы продукта, выведен из условий капиталистического производства, а тут получается, что как раз для капиталистического производства этот закон недействителен.

К тому же разговоры о влиянии обособления «капитала и труда» на определение стоимости, — оставляя в стороне тавтологию, что, пока не существует капитала, капитал не может определять цен, — являются опять-таки совершенно плоской передачей факта, обнаруживающегося на поверхности капиталистического производства. Пока каждый сам работает при помощи своих орудий и сам продает производимый им продукт {однако в действительности необходимость продажи продукта в [785] масштабе всего общества никогда не совпадает с производством при помощи своих собственных условий труда}, к *его* издержкам относятся как издержки на орудия, так и *труд,* который он сам выполняет. *Издержки же капиталиста состоят из авансированного капитала,* из той суммы стоимости, которую он затрачивает на производство, *а не из труда, которого он не выполняет* и который *ему* стоит только то, что он за него заплатил. С точки зрения капиталистов это является очень хорошим основанием для того, чтобы прибавочную стоимость (в масштабе всего общества) исчислять и распределять между собой не по количеству того непосредственного труда, который данный капитал приводит в движение, а по величине авансированного капиталистами капитала. Но это отнюдь не является основанием для объяснения того, откуда получается эта подлежащая такому распределению и распределяемая указанным образом прибавочная стоимость.

Торренс еще настолько придерживается рикардовской теории, что по его мнению стоимость товара определяется количеством труда, но он утверждает, что только *«количество накопленного труда»,* затраченное на производство товаров, есть то, что определяет их стоимость. Здесь, однако, Торренс совсем запутывается.

Так, например, стоимость сукна определяется *трудом, накопленным* в ткацком станке, в шерсти и т. д. и в заработной плате. Все это образует составные элементы того накопленного

труда, который требуется для производства сукна. Выражение «накопленный труд» означает здесь не что иное, как *овеществленный труд,* овеществленное рабочее время. Но когда сукно готово, когда производство его закончено, то затраченный на сукно непосредственный труд тоже превратился в накопленный, или овеществленный труд. Почему же стоимость ткацкого станка и шерсти должна определяться содержащимся в них овеществленным трудом (который есть не что иное, как непосредственный труд, овеществленный в каком-нибудь предмете, в каком-нибудь продукте, в какой-нибудь полезной вещи), а стоимость сукна — не должна? Если сукно в свою очередь входит составным элементом в новое производство, например в красильне или в портновской мастерской, то оно представляет собой «накопленный труд», и стоимость сюртука определяется стоимостью заработной платы рабочих, их орудий и сукна, стоимость которого сама определяется «накопленным» в нем трудом. Если я рассматриваю товар как *капитал,* т. е. в данном случае вместе с тем как условие производства, то его стоимость сводится к непосредственному труду, который называется «накопленным трудом», так как он существует в овеществленной форме. Напротив, если я рассматриваю этот же товар как товар, как продукт и результат процесса производства, то его стоимость определяется не тем трудом, который накоплен в нем самом, а трудом, накопленным в его условиях производства.

Действительно, недурной порочный круг — пытаться определить стоимость товара стоимостью капитала: ведь стоимость капитала равна стоимости тех товаров, из которых он состоит. Против этого молодца прав *Джемс Милль,* когда он говорит:

«Капитал — это товары, и сказать, что стоимость товаров определяется стоимостью капитала, значит сказать, что стоимость товара определяется стоимостью товара»[32].

Здесь надо заметить еще следующее. Так как [у Торренса] стоимость товара определяется стоимостью того капитала, который производит его, или, другими словами, массой труда, накопленного и овеществленного в этом капитале, то возможны лишь два случая.

[По Торренсу] товар содержит, во-первых, стоимость потребленного основного капитала, во-вторых, стоимость сырья, содержит, другими словами, то количество труда, которое заключено в [потребленном] основном капитале и сырье; в-третьих, он содержит еще то количество труда, которое овеществлено в деньгах или товарах, функционирующих в качестве заработной платы.

Так вот, здесь возможны лишь два случая.

Количество «накопленного» труда, содержащегося в основном капитале и сырье, остается после процесса производства таким же, каким оно было до этого процесса. Что же касается третьей части авансированного «накопленного труда», то рабочий возмещает ее своим непосредственным трудом, — т. е. в этом случае присоединенный к сырью и т. д. «непосредственный труд» представляет в товаре, в продукте, ровно столько накопленного труда, сколько его содержалось в заработной плате. Или же он представляет большее количество труда. Если он представляет большее количество труда, то товар содержит больше накопленного труда, чем авансированный капитал. Тогда прибыль проистекает как раз из избытка накопленного труда, содержащегося в товаре, над накопленным трудом, содержащимся в авансированном капитале. И тогда *стоимость* [786] товара по-прежнему определяется содержащимся в нем количеством труда (накопленного плюс непосредственный, причем последний существует теперь в товаре тоже как накопленный, а не как непосредственный труд. Непосредственным он является *в* процессе производства, накопленным — в продукте).

Или же [т. е. в первом случае] непосредственный труд представляет лишь авансированное в заработной плате количество труда, есть лишь эквивалент этого количества. (Если бы он был меньше этого, то надо было бы объяснять не то, почему капиталист получает прибыль, а то, как это происходит, что он не терпит убытка.) Откуда получается прибыль в данном случае? Откуда проистекает прибавочная стоимость, избыток стоимости товара над стоимостью составных элементов его производства, или над стоимостью авансированного капитала? Не из самого процесса производства (так что он, этот избыток, лишь реализовался бы в обмене, или в процессе обращения), а из обмена, из процесса обращения. Тем самым мы возвращаемся к Мальтусу и к грубому меркантилистскому представлению о «прибыли от отчуждения». К этому последовательно приходит также и г-н Торренс, хотя он опять-таки настолько непоследователен, что эту *номинальную стоимость* он не объясняет некиим необъяснимым, с неба упавшим фондом, — а именно, фондом, образующим не только эквивалент за товар, но и избыток над этим эквивалентом и состоящим из средств такого покупателя, который всегда в состоянии оплачивать товар выше его стоимости, не продавая сам товаров выше их стоимости, что сводило бы все дело к нулю. Торренс не так последователен, как Мальтус, чтобы прибегнуть к такого рода

фикции; наоборот, он утверждает, что «действительный спрос», т. е. сумма стоимости, уплачиваемая за продукт, проистекает только из *предложения* и, следовательно, тоже является товаром; при этом абсолютно нельзя понять, как обе стороны, выступающие и в качестве продавца, и в качестве покупателя, могут в одинаковой мере взаимно надувать друг друга.

«Действительный спрос на какой-нибудь товар всегда определяется и всегда измеряется, при любой данной норме прибыли, тем количеством составных элементов капитала, или необходимых для производства товара вещей, которое потребители могут и хотят предложить в обмен на этот товар» *(Торренс,* пит. соч., стр. 344).

«Рост предложения есть единственная причина увеличения действительного спроса» (там же, стр. 348).

Мальтус, цитирующий это положение из книги Торренса, не без основания заявляет протест против такого взгляда («Definitions in Political Economy». London, 1827, стр. 59)[*].

А что Торренс, действительно, приходит к вышеупомянутому нелепому выводу, показывают следующие его высказывания об *издержках производства* и т. д.:

«Рыночная цена» (у Мальтуса — «стоимость для покупателя») «всегда включает в себя обычную для данного времени норму прибыли. *Естественная цена,* состоящая из *издержек производства,* или, другими словами, из *капитала, затраченного* при производстве или изготовлении товара, не может включать норму прибыли» *(Торренс,* цит. соч., стр. 51).

«Если фермер, затратив 100 квартеров зерна, получает обратно в качестве выручки 120 квартеров, то 20 квартеров зерна составляют прибыль, и было бы абсурдно этот избыток, или эту прибыль, называть частью затрат... Точно так же фабрикант в результате процесса производства получает такое количество готовых изделий, *меновая стоимость* которого превышает стоимость затраченных им материалов и т. д.» (стр. 51—53).

«Действительный спрос состоит в способности и склонности *потребителей,* путем ли непосредственного или опосредствованного обмена, давать за товар *некоторое большее количество* всех составных частей капитала, чем стоило его производство» (стр. 349).

120 квартеров зерна безусловно больше 100 квартеров. Но если рассматривать, как в данном случае, лишь потребительную стоимость и проделываемый ею процесс, т. е., собственно говоря, вегетативный или физиологический [787] процесс, то было бы неверно утверждать, — если и не о самих 20 квартерах, то об элементах, их образующих, — что они не входят в *процесс производства.* Ведь иначе они не могли бы из него получиться. Кроме 100 квартеров зерна — семян[33], — в процесс, превращающий 100 квартеров зерна в 120 квартеров, входят еще доставляемые удобрением химические составные

[*] См. настоящий том, часть III, стр. 54. *Ред.*

части, содержащиеся в земле соли, а также вода, воздух, свет. Преобразование и усвоение этих элементов, составных частей, условий — затрат природы, превращающих 100 квартеров зерна в 120 квартеров, — происходит в самом *процессе производства,* и элементы этих 20 квартеров входят, как физиологическая «затрата», в самый этот процесс, результатом которого является превращение 100 квартеров в 120 квартеров.

Если эти 20 квартеров рассматривать только с точки зрения потребительной стоимости, то они не являются просто прибылью. Здесь мы имеем только то, что органической частью ассимилированы и превращены в органическое вещество неорганические элементы. Без добавления того вещества, которое составляет физиологическую затрату, никогда и ни при каких условиях из 100 квартеров не получилось бы 120 квартеров. Таким образом, по сути дела можно сказать — даже с точки зрения одной только потребительной стоимости, с точки зрения зерна как зерна, — что в него вошло как *«затрата»* в неорганической форме то, что в *органической* форме выступает как наличный результат, состоящий из 20 квартеров зерна, представляющих собой избыток собранного зерна над посеянным.

Но этот способ рассмотрения сам по себе так же не имеет ничего общего с вопросом о прибыли, как если бы мы сказали, что проволока, ставшая в процессе труда в тысячу раз длиннее, чем тот кусок металла, из которого она сделана, представляет тысячекратную *прибыль,* так как длина ее увеличилась в тысячу раз. В случае с проволокой увеличилась длина; в случае с зерном увеличилось число квартеров. Но ни избыток в длине, ни избыток в числе не образуют *прибыли,* которая имеет отношение лишь к меновой стоимости, хотя эта меновая стоимость и представлена в прибавочном продукте.

Что же касается меновой стоимости, то вряд ли надо еще пояснять, что 90 квартеров зерна могут стоить нисколько не меньше (и даже больше), чем 100 квартеров, 100 — больше, чем 120, и 120 — больше, чем 500.

Итак, на основании такого примера, который не имеет *ничего общего* с прибылью, с избытком *стоимости* продукта над *стоимостью* авансированного капитала, Торренс делает вывод относительно прибыли. И даже физиологически — с точки зрения потребительной стоимости — его пример ошибочен, так как в действительности те 20 квартеров зерна, которые у него фигурируют как прибавочный продукт, так или иначе, хотя и в другой форме, уже имеются налицо в самом процессе производства.

Впрочем, в конце концов у Торренса прямо так и выскакивает старое гениальное представление о прибыли как о «прибыли от отчуждения».

[в) ТОРРЕНС И ПОНЯТИЕ ИЗДЕРЖЕК ПРОИЗВОДСТВА]

Заслуга Торренса в том, что он вообще возбуждает спорный вопрос, о том, что такое *издержки производства.* Рикардо постоянно смешивает *стоимость* товара с *издержками производства* (поскольку они равны цене издержек) и отсюда его удивление по поводу того, что *Сэй,* хотя он и определяет цену издержками производства, делает из этого определения другие выводы*. Мальтус, как и Рикардо, утверждает, что цена товара определяется издержками производства, и, подобно Рикардо, включает прибыль в издержки производства. Тем не менее стоимость он определяет совершенно иначе — не количеством труда, содержащимся в товаре, а тем количеством труда, которым товар может распоряжаться.

Двусмысленности в понятии *издержек производства проистекают* из самой природы капиталистического производства.

Во-первых. Для капиталиста *издержки* производимого им товара — это, естественно, то, чего *стоит капиталисту* товар. Кроме стоимости *авансированного капитала,* ему товар ничего не стоит, т. е. никакой иной стоимости капиталист на товар не затрачивает. Если он, чтобы произвести товар, затрачивает 100 ф. ст. на сырье, орудия труда, заработную плату и т. д., то ему товар стоит 100 ф. ст. — не больше и не меньше. Кроме труда, содержащегося в этих затратах, — т. е. кроме *накопленного труда,* который, будучи заключен в авансированном капитале, определяет стоимость товаров, авансированных для процесса производства, — товар не стоит капиталисту никакого труда. То, чего ему стоит *непосредственный труд,* есть заработная плата, которую капиталист за него платит. Кроме заработной платы, непосредственный труд капиталисту ничего не стоит, а кроме непосредственного труда, капиталист вообще авансировал только стоимость постоянного капитала.

[788] В этом смысле понимает издержки производства Торренс, и в таком смысле понимает их каждый капиталист, когда он исчисляет прибыль, какова бы ни была ее норма.

Здесь издержки производства равны *затратам* капиталиста, равны стоимости авансированного капитала, т. е. тому количеству труда, которое содержится в авансированных для про-

---

* См. настоящий том, часть II, стр. 521. *Ред.*

цесса производства товарах. И ни один экономист, в том числе и Рикардо, не может обойтись без *этого* определения издержек производства в смысле *авансированных затрат, произведенных издержек* и т. д. Это — то, что Мальтус называет *ценой для производителя* в противоположность цене для покупателя. Этому определению *авансированных затрат* соответствует превращение прибавочной стоимости в форму *прибыли.*

Во-вторых. Издержки производства в их первом определении — это цена, которой капиталист *оплачивает* изготовление товара в процессе производства, следовательно, то, чего *ему,* капиталисту, стоит товар. Но то, чего производство товара *стоит* капиталисту, и то, чего *стоит само это производство товара,* — это две совершенно различные вещи. Труд (овеществленный и непосредственный), который капиталист *оплачивает* при производстве товара, и труд, который необходим, чтобы *произвести* товар, совершенно различны по своей величине. Разность между ними и образует разность между авансированной и полученной стоимостью, между покупной ценой товара для капиталиста и продажной ценой товара (если товар продается по его стоимости). Если бы этого различия не существовало, то деньги или товар никогда не превращались бы в капитал. Вместе с прибавочной стоимостью исчез бы источник прибыли. *Издержки самого производства товара* состоят из стоимости потребленного в процессе его производства капитала, т. е. из того количества овеществленного труда, которое входит в товар, плюс то *количество непосредственного труда,* которое затрачено на производство товара. *Общая сумма* потребленного в товаре труда — «овеществленного» и «непосредственного» — образует *издержки самого производства товара.* Товар может быть создан только посредством производственного потребления этого количества овеществленного и непосредственного труда. Это и есть условие, необходимое для того, чтобы он вышел из процесса производства как *продукт,* как *товар* и как потребительная стоимость. И как бы ни изменялись прибыль и заработная плата, эти имманентные издержки производства товара остаются теми же самыми, пока технологические условия реального процесса труда остаются неизменными, или, что одно и то же, пока не происходит никакого изменения в данном уровне развития производительной силы труда. В этом смысле *издержки производства товара* равны его *стоимости.* Живой труд, затраченный на товар, и живой труд, оплаченный капиталистом, — это различные вещи. Поэтому с самого начала издержки производства товара для капиталиста (произведенные им затраты) отличны от *издержек самого производства товара,*

от его стоимости. Избыток стоимости (т. е. того, чего стоит сам товар) над стоимостью авансированного капитала (т. е. над тем, чего товар стоит капиталисту) *образует прибыль, которая, следовательно, проистекает не из того, что товар продается выше своей стоимости, а из того, что он продается выше стоимости оплаченных капиталистом затрат.*

Это определение издержек производства, *имманентных издержек производства* товара, равных его стоимости, т. е. равных требующейся для производства товара общей сумме рабочего времени (овеществленного и непосредственного), выражает основное условие производства товара и остается неизменным, пока неизменной остается производительная сила труда.

В-третьих. Однако я уже показал раньше*, что в каждой отдельной отрасли или в каждом отдельном производстве капиталист продает товар, представляющий собой продукт особой отрасли или особого производства или особой сферы производства, отнюдь не по той стоимости, которая содержится в самом этом товаре, что, следовательно, масса прибыли, получаемой этим капиталистом, не тождественна с массой прибавочной стоимости, прибавочного труда, или неоплаченного труда, овеществленного в продаваемых им товарах. Напротив, он может в среднем реализовать в своем товаре лишь столько прибавочной стоимости, сколько ее приходится на долю этого товара как продукта определенной части общественного капитала. Если общественный капитал равен 1000, а капитал в каком-нибудь отдельном [789] производстве равен 100, и если общая сумма прибавочной стоимости (стало быть, и прибавочного продукта, в котором овеществлена эта прибавочная стоимость) равна 200 и, следовательно, составляет 20%, то капитал в 100, вложенный в это отдельное производство, будет продавать свой товар по цене в 120, какова бы ни была стоимость этого товара, — равна ли она 120, больше ли она этой суммы или же меньше ее, т. е. независимо от того, составляет ли неоплаченный труд, содержащийся в данном товаре, $^{1}/_{5}$ авансированного на него труда или же не составляет.

Это — *цена издержек,* и когда речь идет об *издержках производства* в собственном смысле (экономическом, капиталистическом), то это есть стоимость авансированного капитала плюс стоимость средней прибыли.

Ясно, что как бы эта цена издержек отдельного товара ни отклонялась от его стоимости, она определяется *стоимостью* совокупного продукта общественного капитала. Отдельные

---

* См. настоящий том, часть II, стр. 19—22, 27, 63—69, 188—254. *Ред.*

капиталы, благодаря выравниванию их прибылей, относятся друг к другу как определенные доли совокупного общественного капитала, и в качестве таких определенных долей они получают дивиденды из общего фонда прибавочной стоимости (прибавочного продукта), или прибавочного труда, или неоплаченного труда. Это ничего не меняет в стоимости товара, ничего не меняет в том, что независимо от того, равна ли цена издержек этого товара его стоимости или она больше или же меньше этой последней, он никогда не может быть произведен *без того,* чтобы не была произведена *его стоимость,* т. е. без затраты на него всего количества необходимого для его производства овеществленного и непосредственного труда. Это количество труда, не только оплаченного, но и неоплаченного, должно быть затрачено на товар, и в общем отношении между капиталом и трудом ничего не меняется от того, что в некоторых отраслях производства часть неоплаченного труда присваивается «собратьями-капиталистами»[34], а не тем капиталистом, который приводит в движение труд в этой особой отрасли производства. Ясно далее, что, каково бы ни было отношение между стоимостью товара и его ценой издержек, последняя всегда будет изменяться, повышаться или понижаться, в зависимости от изменения стоимости, т. е. в зависимости от изменения количества труда, необходимого для производства товара. Кроме того, ясно: часть прибыли всегда должна представлять прибавочную стоимость, неоплаченный труд, овеществленный в самом этом товаре, ибо на основе капиталистического производства в каждом товаре содержится больше затраченного на него труда, чем оплачено капиталистом, приведшим в движение этот труд. Некоторая часть прибыли может состоять из труда, не затраченного на тот товар, который доставляет определенная отрасль промышленности или который получается в данной сфере производства; но тогда имеется какой-нибудь другой товар, получаемый в какой-нибудь другой сфере производства, цена издержек которого падает ниже его стоимости, или в цене издержек которого учтено и оплачено меньшее количество неоплаченного труда, чем то, какое в нем содержится.

Ясно поэтому, что, хотя цены издержек большинства товаров должны отклоняться от их стоимостей, т. е. хотя их «издержки производства» должны отклоняться от совокупного количества содержащегося в них труда, тем не менее эти издержки производства и эти цены издержек не только определяются стоимостями товаров и соответствуют закону стоимости (а не противоречат ему), но, более того, лишь на основе стоимости и ее закона может быть понято само существование

издержек производства и цен издержек, тогда как без этой предпосылки оно становится бессмысленной нелепостью.

Вместе с тем становится понятным, почему те экономисты, которые, с одной стороны, видят фактическое явление, имеющее место в сфере конкуренции, а с другой стороны, не понимают опосредствования между законом стоимости и законом цены издержек, прибегают к фикции, что капитал, а не труд определяет стоимость товаров, или, точнее, что стоимости вообще не существует.

[790] Прибыль входит в *издержки производства товара;* она справедливо включается А. Смитом, как составной элемент, в «естественную цену» товара, потому что на основе капиталистического производства товар — в конечном счете, как правило — не выносится на рынок, если он не дает цены издержек, которая равна стоимости авансированного капитала плюс средняя прибыль. Или, как выражается Мальтус, хотя он и не понимает происхождения прибыли, ее настоящей причины, — потому что прибыль, а значит и цена издержек, включающая эту прибыль, есть условие *предложения* товара (на базе капиталистического производства). Чтобы товар производился, чтобы он поступал на рынок, он должен давать продавцу, по меньшей мере, эту рыночную цену, эту цену издержек, независимо от того, будет ли собственная стоимость товара больше или же меньше этой цены издержек. Капиталисту безразлично, содержит ли его товар больше неоплаченного труда, чем другие товары, или же меньше, если только в цену этого товара из общего фонда неоплаченного труда, или прибавочного продукта, в котором фиксируется неоплаченный труд, входит столько же, сколько из этого общего фонда получает всякий другой капитал той же величины. В этом смысле *капиталисты являются «коммунистами».* В конкуренции каждый, естественно, стремится *получить больше, чем средняя прибыль, что возможно только в том случае, если другой получает меньше, чем средняя прибыль.* Именно в результате этой борьбы и устанавливается средняя прибыль.

В форме процента на авансированный капитал (получен ли он взаймы или нет) часть реализованной в прибыли прибавочной стоимости выступает также и для капиталиста как *затрата,* как статья *издержек производства,* имеющаяся у него как *капиталиста,* подобно тому как ведь и вообще прибыль является непосредственной целью капиталистического производства. А в проценте (особенно при полученном взаймы капитале) это выступает и как фактическая предпосылка его, капиталиста, производственной деятельности.

Это вместе с тем показывает, как обстоит дело с различием между формами производства и формами распределения. Прибыль, форма распределения, является здесь вместе с тем формой производства, условием производства, необходимым составным элементом процесса производства. Как неумны, следовательно, — к этому надо вернуться позднее, — Дж. Ст. Милль и другие, которые считают буржуазные формы производства абсолютными, а буржуазные формы распределения относительными, историческими и потому преходящими. Форма распределения есть лишь форма производства sub alia specie*. Та differentia specifica**, — а значит, и специфическая ограниченность, — которая составляет предел буржуазного распределения, входит в само производство как охватывающая его и господствующая над ним определенность. Но то обстоятельство, что вследствие своих собственных имманентных законов буржуазное производство вынуждено, с одной стороны, так развивать производительные силы, как будто оно не является производством на ограниченной общественной основе, а с другой стороны, что оно может развивать их всё же только в пределах этой ограниченности, — это обстоятельство есть самая глубокая и самая сокровенная причина кризисов, прорывающихся в буржуазном производстве противоречий, в рамках которых оно движется и которые даже при грубом, поверхностном взгляде характеризуют его лишь как исторически преходящую форму.

Это, далее, хотя и грубовато, но, с другой стороны, довольно правильно Сисмонди, например, рассматривает как противоречие между производством ради производства и таким распределением, которое eo ipso*** исключает абсолютное развитие производительности.

2) ДЖЕМС МИЛЛЬ [НЕУДАЧНЫЕ ПОПЫТКИ РАЗРЕШИТЬ ПРОТИВОРЕЧИЯ РИКАРДОВСКОЙ СИСТЕМЫ]

[791] *James Mill.* Elements of Political Economy. London, 1821 (второе издание — London, 1824).

Милль был первым, кто изложил теорию Рикардо в систематической форме, хотя лишь в довольно абстрактных очертаниях. То, к чему он стремится, — это формально логическая последовательность. С него «поэтому» и начинается *разложение*

* — под другим углом зрения. *Ред.*

** — специфическая отличительная черта. *Ред.*

*** — тем самым, именно в силу этого [т. е. в силу того, что производство ведется ради производства, а не ради производителей-рабочих]. *Ред.*

рикардианской школы. У учителя [у Рикардо] новое и значительное — среди «навоза» противоречий — насильственно выводится из противоречивых явлений. Сами противоречия, лежащие в основе его теории, свидетельствуют о богатстве того жизненного фундамента, из которого, выкручиваясь, вырастает теория. Иначе обстоит дело у ученика [у Милля]. Тем сырьем, над которым он работает, является уже не сама действительность, а та новая теоретическая форма, в которую ее, путем сублимации, превратил учитель. Отчасти *теоретические возражения противников новой теории,* отчасти *парадоксальное нередко отношение этой теории к реальности* побуждают его к попытке *опровергнуть* первых и *отделаться путем чисто словесного «объяснения»* от последнего. При этой попытке он сам запутывается в противоречиях и своей попыткой разрешить их представляет вместе с тем начинающееся разложение той *теории,* которую он догматически защищает. Милль хочет, с одной стороны, изобразить буржуазное производство как абсолютную форму производства и пытается поэтому доказать, что его действительные противоречия представляют собой лишь кажущиеся противоречия. С другой стороны, он старается изобразить теорию Рикардо как абсолютную теоретическую форму этого способа производства, а также устранить формальными доводами те теоретические противоречия, которые отчасти были указаны другими, отчасти бросались в глаза ему самому. Однако у Милля мы еще находим в известной степени и дальнейшее развитие точки зрения Рикардо за те пределы, в которых она излагалась у самого Рикардо. Милль еще защищает те же исторические интересы, что и Рикардо, — *интересы промышленного капитала против земельной собственности,* — и он более решительно делает практические выводы из теории — например, из теории земельной ренты — против существования частной земельной собственности, которую он более или менее непосредственно хотел бы превратить в государственную собственность. На последнем выводе и на этой стороне взглядов Милля мы здесь останавливаться не будем.

[а) СМЕШЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ И ПРИБЫЛИ. СХОЛАСТИКА ПО ВОПРОСУ О ВЫРАВНИВАНИИ НОРМЫ ПРИБЫЛИ. СВЕДЕНИЕ ЕДИНСТВА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ К ИХ НЕПОСРЕДСТВЕННОМУ ТОЖДЕСТВУ]

Различие между *прибавочной стоимостью* и *прибылью* у учеников Рикардо также не отмечается, как и у него самого. Сам Рикардо замечает его лишь в том различном влиянии, которое

изменение заработной платы может оказать на капиталы различного органического строения (а это последнее берется у Рикардо лишь в отношении к процессу обращения). Ни самому Рикардо, ни его ученикам не приходит в голову, что даже если мы рассматриваем не капиталы в различных отраслях, а *каждый* капитал в отдельности, — поскольку он не состоит исключительно из переменного капитала, не является капиталом, затраченным лишь на заработную плату, — норма прибыли и норма прибавочной стоимости различны, и, следовательно, прибыль должна представлять собой некоторую далее развитую, специфически модифицированную форму прибавочной стоимости. Различие между прибавочной стоимостью и прибылью они замечают лишь постольку, поскольку речь идет о равной прибыли — средней норме прибыли — для капиталов в различных сферах производства и с различным соотношением в них основного и оборотного капитала. Милль в этом отношении лишь повторяет, популяризирует то, что приводится у Рикардо в главе 1-й *«О стоимости»*. Единственное новое сомнение, которое у него возникает в связи с этим вопросом, заключается в следующем.

Милль замечает, что *«время как таковое»* (следовательно, не рабочее время, а просто *время)* ничего не производит, а значит не производит и «стоимости». Как же, в таком случае, согласуется с законом стоимости тот факт, что определенный капитал, на том основании, как говорит Рикардо, что для его оборота требуется более продолжительное время, приносит такую же прибыль, как и тот капитал, который применяет больше непосредственного труда, но оборачивается быстрее? Мы видим, что Милль здесь берет лишь совершенно единичный случай, который в обобщенном виде можно было бы формулировать следующим образом: как согласуется цена издержек и предполагаемая ею [792] средняя норма прибыли (следовательно, равноценность товаров, содержащих весьма неодинаковые количества труда) с тем обстоятельством, что прибыль есть не что иное, как часть содержащегося в товаре рабочего времени, и именно та часть его, которая присваивается капиталистом без эквивалента? В противоположность этому, при рассмотрении средней нормы прибыли и цены издержек выдвигаются такие точки зрения, которые совершенно чужды определению стоимости и являются совершенно внешними по отношению к нему, — например, та точка зрения, что если капиталу какого-нибудь капиталиста приходится проделывать более продолжительные обороты, так как капитал этот, как это имеет место, например, с вином, вынужден дольше оставаться

в процессе производства (или, в других случаях, дольше оставаться в процессе обращения), то капиталист должен быть компенсирован за то время, в течение которого он не может увеличивать стоимость своего капитала. Но как может то время, в течение которого не происходит увеличения стоимости, создавать стоимость?

Положение Милля о *«времени»* гласит:

«Время не может ничего делать... Как же в таком случае оно может увеличивать стоимость? Время есть лишь абстрактный термин. Оно — слово, звук. И получается один и тот же логический абсурд, говорят ли об абстрактной единице как мере стоимости или о времени как созидателе стоимости» («Elements of Political Economy». Second edition, стр. 99)[35].

В действительности при определении *оснований для компенсации* капиталов в различных сферах производства дело идет не о производстве прибавочной стоимости, а о ее *распределении между различными категориями капиталистов.* Поэтому здесь приобретают значение такие точки зрения, которые не имеют абсолютно никакого отношения к *определению стоимости как таковой.* При этом *основанием для компенсации* служит все, что заставляет капитал в какой-нибудь особой сфере производства отказываться от тех условий, при которых он в других сферах мог бы произвести *большую прибавочную стоимость.* Так, например, когда применяется больше основного капитала и меньше оборотного; когда постоянного капитала применяется больше, чем переменного; когда капитал вынужден дольше оставаться в процессе обращения; когда, наконец, он вынужден дольше оставаться в процессе производства, не подвергаясь процессу труда, что имеет место там, где процесс производства по своей технологической природе требует перерывов, чтобы создаваемый продукт подвергался действию естественных сил природы (например, вино в погребе). Во всех этих случаях, — последний из них есть тот, который выделяет Милль, представляющий себе, следовательно, встретившуюся ему трудность очень узко и только как нечто единичное, — имеет место компенсация. Из прибавочной стоимости, произведенной в других сферах, некоторая часть переносится на эти капиталы, находящиеся в менее благоприятных условиях для непосредственной эксплуатации труда, соответственно только лишь их величине (это выравнивание, при котором каждый отдельный капитал выступает лишь как определенная часть общественного капитала, осуществляется конкуренцией). Явление это оказывается весьма простым, раз понято отношение между прибавочной стоимостью и прибылью и, далее, выравнивание прибылой в общую норму прибыли. Но если хотят понять его, без

какого бы то ни было опосредствования, прямо из закона стоимости, т. е. если хотят объяснить прибыль, получаемую отдельным капиталом в отдельной отрасли, из той прибавочной стоимости (или *неоплаченного труда),* которая содержится в произведенных этим капиталом товарах (а значит и вообще из труда, овеществленного непосредственно в самих этих товарах), то это представляет собой проблему, еще гораздо более неразрешимую, чем квадратура круга, которая может быть найдена алгебраически. Это просто попытка представить существующим то, чего нет. Но именно в этой *непосредственной* форме Милль и пытается разрешить проблему. Поэтому решение вопроса по существу здесь невозможно, а возможно только софистическое устранение трудности на словах, т. е. только *схоластика.* Это начинается у Милля. А у такого *бессовестного пошляка,* как *Мак-Куллох,* эта манера принимает форму важничающего бесстыдства.

Решение вопроса, предложенное Миллем, лучше всего может быть охарактеризовано словами *Бейли:*

«Г-н Милль сделал своеобразную попытку свести *действие времени* к *затрате труда.* «Если», говорит он («Elements», second edition, 1824, стр. 97), «вино, которое выдерживается в погребе, благодаря этому возрастает в стоимости за год на $^{1}/_{11}$, то было бы правильно *считать,* что на него затрачено на $^{1}/_{11}$ больше труда»... Какой-либо факт было бы правильно считать имевшим [793] место лишь тогда, когда он действительно имел место. В приведенном примере, согласно предположению, ни одно человеческое существо не приблизилось к вину, не затратило на него ни одной секунды, ни малейшего движения мускулов» («A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value» etc. London, 1825, стр. 219—220).

Противоречие между общим законом и более развитыми конкретными отношениями здесь хотят разрешить не путем нахождения посредствующих звеньев, а путем прямого подведения конкретного под абстрактное и путем непосредственного приспособления конкретного к абстрактному. И этого хотят достигнуть с помощью *словесной фикции,* путем изменения vera rerum vocabula*. (Перед нами, действительно, «спор о словах»[36], но он является спором «о словах» потому, что реальные противоречия, не получившие реального разрешения, здесь пытаются разрешить с помощью фраз.) Что эта манера, которая у Милля выступает еще только в зародыше, гораздо больше разрушила всю основу теории Рикардо, чем все нападки противников, обнаружится при рассмотрении взглядов Мак-Куллоха.

* — правильных наименований вещей. *Ред.*

Милль прибегает к этому методу только в тех случаях, когда он абсолютно не находит другого выхода. Но основной его метод иной. Где экономическое отношение, — а значит и категории, его выражающие, — заключает в себе противоположности, является противоречием и именно единством противоречий, он подчеркивает момент *единства* противоположностей и отрицает *противоположности.* Единство противоположностей он превращает в непосредственное тождество этих противоположностей.

Например, товар таит в себе противоположность потребительной и меновой стоимости. Эта противоположность развивается дальше, проявляется, реализуется как раздвоение товара на товар и деньги. Это его раздвоение выступает, как процесс, в метаморфозе товара, где продажа и покупка представляют собой различные моменты одного процесса, но каждый акт этого процесса вместе с тем заключает в себе свою противоположность. В первой части настоящего сочинения я отмечал, как Милль разделывается с противоположностью тем, что фиксирует лишь *единство* покупки и продажи, превращает поэтому обращение в меновую торговлю, а в меновую торговлю опять контрабандным путем вводит категории, взятые из обращения[37]. Смотри еще сказанное мною там о его *теории денег,* в которой он применяет аналогичный подход к делу[38].

У Джемса Милля проводится негодное разделение: «О производстве», «О распределении», «Об обмене», «О потреблении».

[б) БЕСПЛОДНЫЕ ПОПЫТКИ МИЛЛЯ СОГЛАСОВАТЬ ОБМЕН МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И ТРУДОМ С ЗАКОНОМ СТОИМОСТИ. ЧАСТИЧНЫЙ ВОЗВРАТ К ТЕОРИИ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ]

О *заработной плате* Милль пишет:

«Вместо того чтобы дожидаться, пока продукты будут произведены и их стоимость будет реализована, нашли *болев удобным* для рабочих выплачивать им их долю *авансом* (a l'avance). Заработная плата является той формой, которую нашли подходящей для получения ими их доли. После того как та доля продуктов, которая причитается рабочему, полностью им получена в форме заработной платы, продукты эти принадлежат исключительно капиталисту, так как он фактически *купил долю рабочего* и уплатил ему за нее авансом» («Elemens d'economie politique», французский перевод Паризо, Париж, 1823, стр. 33—34).

Для Милля в высшей степени характерно, что, подобно тому как *деньги* являются для него лишь ухищрением, изобретенным ради удобства, так и само *капиталистическое отношение,* по его мнению, придумано для удобства. Эти специфические

общественные производственные отношения изобретены ради «удобства». Товар и деньги превращаются в капитал в результате того, что рабочий перестал участвовать в обмене в качестве товаропроизводителя и товаровладельца и, напротив, вынужден вместо товара продавать самый свой труд (непосредственно свою рабочую силу), как товар, владельцу объективных условий труда. Это отделение рабочего от объективных условий труда является предпосылкой отношения капитала и наемного труда, точно так же как оно служит предпосылкой для превращения денег (или представляющего деньги товара) в капитал. Милль предполагает это *разделение,* это *разобщение,* он предполагает отношение капиталиста и наемного рабочего, чтобы затем представить делом удобства то, что рабочий продает *не продукт,* не товар, а свою долю в продукте (производство которого им ни в какой мере не определяется и происходит *независимо* от него), до того как рабочий его произвел, [794] — или, точнее, что доля рабочего в продукте выплачивается капиталистом, превращается в деньги, до того как капиталист продал, сбыл с рук тот продукт, в котором имеет долю рабочий.

При помощи такого понимания заработной платы Милль хочет обойти специфическую трудность, связанную со специфической формой рассматриваемого отношения. Для рикардовской системы, согласно которой рабочий продает прямо свой *труд* (а не свою рабочую силу), трудность состоит в следующем: стоимость товара определяется рабочим временем, которого стоит производство этого товара; чем же объясняется то, что этот закон стоимости не осуществляется в самом большом из всех обменов, составляющем основу капиталистического производства, — в обмене между капиталистом и наемным рабочим? Почему то количество овеществленного труда, какое рабочий получает в качестве заработной платы, не равняется тому количеству непосредственного труда, какое он отдает в обмен на заработную плату? Для устранения этого затруднения Милль превращает наемного рабочего в товаровладельца, который продает капиталисту свой *продукт, свой товар,* — ибо его *доля* в продукте, в товаре является *его* продуктом, его *товаром,* стоимостью, производимой им в форме особого товара. Трудность Милль разрешает тем, что сделку между капиталистом и наемным рабочим, которая включает противоположность овеществленного и непосредственного труда, он изображает как обыкновенную сделку между владельцами овеществленного труда, между товаровладельцами.

Хотя Милль вследствие этой уловки сделал для себя невозможным понимание специфической природы, differentia

specifica* того процесса, который происходит между капиталистом и наемным рабочим, но он отнюдь не уменьшил себе трудность, а увеличил ее, ибо своеобразие результата теперь уже нельзя понять из своеобразия того товара, который продает рабочий (и который обладает тем специфическим свойством, что сама его потребительная стоимость есть элемент, образующий меновую стоимость, вследствие чего потребление этого товара создает большую меновую стоимость, чем содержалось в нем самом).

Рабочий у Милля такой же продавец товаров, как и всякий другой товаровладелец. Он производит, например, 6 аршин холста. Из этих 6 аршин 2 представляют стоимость, равную присоединенному им труду. Он, следовательно, является продавцом 2 аршин холста капиталисту. Почему же рабочему не получить от капиталиста полностью стоимость 2 аршин холста, как получает всякий другой продавец 2 аршин холста, раз рабочий является теперь таким же продавцом холста, как и всякий другой владелец холста? Напротив, противоречие с законом стоимости выступает теперь гораздо резче. Рабочий продает теперь отнюдь не специфический товар, отличный от всех других товаров. Он продает труд, овеществленный в продукте, т. е. такой товар, который, как товар, не отличается чем-либо специфическим от любого другого товара. Так вот, если цена аршина холста, — т. е. количество денег, содержащее заключенное в одном аршине холста рабочее время, — равна 2 шилл., то почему рабочий получает 1 шилл. вместо 2? Если же он получает 2 шилл., то капиталист не реализует прибавочной стоимости, и вся система Рикардо была бы опрокинута. Мы были бы отброшены назад к «прибыли от отчуждения». Шесть аршин холста стоили бы капиталисту их стоимости, т. е. 12 шилл. Капиталист продавал бы их, однако, за 13 шилл.

Или же дело обстояло бы так, что холст, как и всякий другой товар, продается по своей стоимости, когда его продает капиталист, но он продается *ниже* своей стоимости, когда его продает рабочий. Таким образом, закон стоимости был бы нарушен сделкой между рабочим и капиталистом. А между тем, как раз для того чтобы избежать этого, Милль и прибегает к своей фикции. Он хочет превратить отношение между рабочим и капиталистом в обычное отношение между продавцами и покупателями товаров. Почему же тогда обычный закон стоимости товаров не должен здесь определять эту сделку? Но, говорят нам, рабочий оплачивается *«авансом»*. Следовательно, здесь перед нами все

* — специфической отличительной черты. *Ред.*

же не обычное отношение купли и продажи товара. Что должно означать здесь это «авансирование»? Рабочий, которому платят, например, понедельно, *«авансировал»* свой труд и создал принадлежащую ему долю недельного продукта, — овеществил свой недельный труд в продукте, — (по предположению Милля и согласно практике) до того, как он получил от капиталиста «плату» за эту долю. Капиталист «авансировал» сырье и орудия труда, рабочий — «труд», и когда в конце недели выплачивается заработная плата, рабочий *продает* капиталисту товар, свой товар — свою долю в совокупном товаре. Но капиталист, скажет Милль, платит рабочему, т. е. превращает для него в серебро, в деньги 2 аршина [795] холста, еще до того, как сам превратил в деньги, продал 6 аршин холста! Ну, а если капиталист работал на заказ, если он продал товар еще до того, как произвел его? И в более общей форме: какое дело рабочему — в данном случае продавцу 2 аршин холста, что капиталист покупает у него эти 2 аршина для того, чтобы их снова продать, а не для того, чтобы их потребить? Какое дело продавцу до мотивов покупателя? И как это возможно, чтобы мотивы покупателя модифицировали к тому же еще и закон стоимости? Если быть последовательным, то пришлось бы тогда признать, что каждый продавец должен продавать свой товар ниже его стоимости, ибо он дает покупателю продукт в форме потребительной стоимости, между тем как покупатель дает ему стоимость в форме денег, превращенную в серебро форму продукта. В этом случае фабрикант холста должен был бы *недоплачивать* также и торговцу льняной пряжей, фабриканту машин, производителю угля и т. д. Ибо они продают ему товары, которые он только еще собирается превратить в деньги, тогда как он им «авансом» уплачивает *стоимость* составных частей своего товара не только до того, как товар этот продан, но и до того, как он произведен. Рабочий доставляет ему холст, товар в его готовой, годной для продажи форме; напротив, те продавцы товаров доставляют ему машины, сырье и т. д., которые должны еще проделать определенный процесс для того, чтобы получить свою годную для продажи форму. Для такого абсолютного рикардианца, как Милль, у которого покупка и продажа, предложение и спрос просто-напросто тождественны, а деньги являются всего лишь формальностью, самое великолепное заключается в представлении, будто превращение товара в деньги, — а ведь ничего другого не происходит при продаже 2 аршин холста капиталисту, — предполагает, что продавец вынужден продавать свой товар ниже его стоимости, а покупатель на свои деньги покупает большую стоимость, чем стоимость его денег.

Таким образом, у Милля дело сводится к абсурдному утверждению, что в этой сделке покупатель покупает для того, чтобы снова продать с прибылью, а потому продавец вынужден продавать свой товар *ниже* его стоимости, чем опрокидывается вся теория стоимости. Эта вторая попытка Милля разрешить одно из противоречий Рикардо в действительности уничтожает всю основу рикардовской системы и, в особенности, то ее преимущество, что она отношение капитала и наемного труда рассматривает как прямой обмен между накопленным и непосредственным трудом, т. е. берет его в его специфической определенности.

Чтобы как-то выбраться из затруднения, Милль должен был бы пойти дальше и сказать, что речь идет здесь не о простой сделке купли и продажи товаров. Отношение между рабочим и капиталистом является-де скорее отношением ссужающего деньги или занимающегося учетными операциями капиталиста (денежного капиталиста) к промышленному капиталисту, поскольку здесь дело идет о платеже, о превращении в деньги продукта рабочего, равного его доле в совокупном продукте. Это было бы недурное объяснение: предположить наличие капитала, приносящего проценты, — особой формы капитала, — чтобы объяснить капитал, производящий прибыль (общую форму капитала); производную форму прибавочной стоимости (уже предполагающую капитал) изобразить как причину возникновения прибавочной стоимости. Кроме того, Миллю пришлось бы тогда соблюсти последовательность и вместо всех определенных законов относительно заработной платы и ее уровня, развитых Рикардо, выводить ее, наоборот, из нормы процента; при этом опять-таки нельзя было бы на самом деле сказать, чем следует определять норму процента, так как она, согласно рикардианцам и всем другим заслуживающим упоминания экономистам, определяется нормой прибыли.

Фраза о *«доле»* рабочего в его собственном продукте основана по сути дела на следующем: если рассматривать не отдельную сделку между капиталистом и рабочим, а обмен между ними в общем ходе воспроизводства и обращать внимание на действительное содержание этого процесса, а не на форму его проявления, то на самом деле обнаружится, что то, чем капиталист оплачивает рабочего (а также и та часть капитала, которая противостоит рабочему как постоянный капитал), есть не что иное, как часть продукта самого рабочего, и притом не та часть продукта, которая еще только должна быть превращена в деньги, а та, которая уже продана, уже превращена в деньги, так как заработная плата выплачивается деньгами, а не in natura-

libus*. При рабстве и т. д., где нет ложной видимости, порождаемой предварительным превращением в деньги той части продукта, которая затрачивается на заработную плату, ясно видно, что то, что раб получает в качестве платы за работу, в действительности есть не «аванс» со стороны рабовладельца, а лишь часть овеществленного труда раба, притекающая к нему обратно в форме жизненных средств. Так обстоит дело и у капиталиста. Он «авансирует» только по видимости. То, что он авансирует рабочему как заработную плату, или, точнее, то, что он ему [796] *оплачивает,* — так как работа оплачивается им лишь после того, как она выполнена, — есть часть продукта, произведенного рабочим и уже превращенного в деньги. Часть продукта рабочего, присвоенного капиталистом, *отнятого* у рабочего, притекает к рабочему в форме заработной платы, — как аванс, если угодно, за новый продукт.

Совсем недостойно Милля (это скорее приличествует Мак-Куллоху, Сэю или Бастиа) хвататься за эту *видимость,* присущую сделке между капиталистом и рабочим, чтобы объяснить самоё сделку. У капиталиста нет ничего, что он мог бы авансировать рабочему, кроме того, что он раньше отнял у рабочего, что было авансировано ему трудом других людей. Ведь даже Мальтус говорит, что то, что капиталист авансирует, состоит не «из сукна» и «других товаров», а *«из труда»*[39], т. е. как раз из того, чего капиталист не выполняет. Капиталист авансирует рабочему собственный труд рабочего.

Однако вся эта перифразировка нисколько не помогает Миллю, а именно, нисколько не помогает ему обойти решение вопроса о том, каким образом обмен между накопленным и непосредственным трудом (так понимает Рикардо, а вслед за ним Милль и другие, процесс обмена между капиталом и трудом) согласуется с законом стоимости, которому он прямо противоречит. Что указанная перифразировка нисколько не помогает Миллю, видно из следующих его положений:

«В *какой пропорции* продукты делятся между рабочим и капиталистом, или какая пропорция регулирует уровень заработной платы?» *(Mill.* Elemens d'economie politique. Traduits par Parisot, стр. 34). «Определение долей рабочего и капиталиста есть предмет торговой сделки, *торга* между ними. Всякая свободная торговая сделка регулируется конкуренцией, и условия торга меняются в зависимости от изменения *соотношения между спросом и предложением»* (там же, стр. 34—35).

Рабочему уплачивается его «доля» в продукте. Это было сказано Миллем для того, чтобы превратить рабочего, в его взаимо-

* — в натуре. *Ред.*

отношениях с капиталом, в обыкновенного продавца *товара* (продукта) и затушевать специфический характер этих взаимоотношений. Доля рабочего в продукте есть, надо полагать, *его* продукт, т. е. та часть продукта, в которой овеществлен вновь присоединенный труд рабочего. Не так ли? Оказывается, не так. Напротив, когда теперь мы спрашиваем, какова «доля» рабочего в продукте, т. е. *каков его* продукт (ибо та часть продукта, которая принадлежит рабочему, и есть продаваемый им *его* продукт), то мы слышим, что *его* продукт и его *продукт* — две совершенно различные вещи. И нам надлежит еще установить, что такое продукт рабочего (т. е. его доля в продукте, — стало быть, та часть продукта, которая ему принадлежит). «Его продукт» был, следовательно, просто фразой, так как та доля стоимости, которую рабочий получает от капиталиста, определяется не его собственной продукцией. Таким образом, Милль лишь отодвинул трудность на один шаг дальше. В деле ее разрешения он не ушел дальше того места, где он был в начале исследования.

Здесь налицо quidproquo[*]. Если считать обмен между капиталом и наемным трудом непрерывным актом, каким он и является для всякого, кто не ограничивается фиксированием, изолированием отдельного акта, отдельного момента капиталистического производства, — то рабочий получает ту часть стоимости своего продукта, которую он возместил, прибавив к ней ту часть стоимости, которую он даром отдал капиталисту. Это повторяется постоянно. Следовательно, на самом деле рабочий постоянно получает часть стоимости своего собственного продукта, часть или долю созданной им стоимости. Насколько велика или мала его заработная плата, это не определяется его долей в продукте, а, наоборот, его доля в продукте определяется величиной его заработной платы. Фактически рабочий получает долю стоимости продукта. Но та доля, которую он получает, определяется стоимостью труда, а не наоборот, стоимость труда —долей в продукте. Стоимость труда, т. е. рабочее время, требующееся рабочему для воспроизводства самого себя, есть величина фиксированная; она фиксирована продажей его рабочей силы капиталисту. Фактически этим фиксируется также и его доля в продукте. Но не наоборот, не так, что сначала фиксируется его доля в продукте и уже этой долей определяется высота или стоимость его заработной платы. Ведь в этом и состоит одно из важнейших и чаще всего подчеркиваемых положений Рикардо, ибо иначе цена труда определяла бы цену

[*] — смешение понятий (буквально: принятие одного за другое). *Ред.*

производимого им товара, между тем как по Рикардо цена труда определяет лишь *норму прибыли.*

Как же Милль устанавливает теперь «долю» продукта, получаемую рабочим? Он определяет ее спросом и предложением, конкуренцией между рабочими и капиталистами. Даваемая здесь Миллем формулировка применима ко всем товарам:

«Определение долей» (читай: в стоимости товара) «рабочего и капиталиста» (продавца и покупателя) «есть предмет торговой сделки, торга между [797] ними. Всякая свободная торговая сделка регулируется конкуренцией, и условия торга меняются в зависимости от изменения соотношения между спросом и предложением» [цит. соч., стр. 34—35].

Итак, вот где зарыта собака! И это говорит Милль, который, как ревностный рикардианец, доказывает, что спрос и предложение могут, правда, определять колебания рыночной цены выше или ниже *стоимости* товара, но не могут определять самоё эту стоимость; что спрос и предложение, это—бессмысленные слова, если их применять для определения стоимости, так как определение их самих уже предполагает определение стоимости! А теперь, — в чем Сэй упрекал уже Рикардо[40], — Милль, чтобы определить стоимость труда, т. е. *стоимость* одного из товаров, прибегает к определению ее спросом и предложением!

Но более того.

Милль не говорит, — что, по сути дела, в данном случае и безразлично, — какая из обеих сторон представляет предложение и какая — спрос. Однако так как капиталист дает деньги, а рабочий, напротив, предлагает нечто в обмен на деньги, то мы предположим спрос на стороне капиталиста, а предложение — на стороне рабочего. Но что тогда «продает» рабочий? Что он предлагает? Свою «долю», в продукте, который еще не существует? Но ведь его доля в будущем продукте как раз и должна еще быть определена конкуренцией между ним и капиталистом, отношением «спроса и предложения»! Одна сторона отношения, предложение, не может состоять из чего-то такого, что само есть лишь результат борьбы между спросом и предложением. Итак, что же предлагает рабочий для продажи? Свой *труд?* Но в таком случае Милль снова приходит к первоначальной трудности, которую он хотел обойти, к *обмену между накопленным и непосредственным трудом.* И когда он говорит, что здесь не происходит обмена эквивалентами или что стоимость продаваемого товара, труда, измеряется не самим «рабочим временем», а определяется конкуренцией, спросом и предложением, то он признаёт, что теория Рикардо терпит крах, что противники Рикардо правы, утверждая, что определение

стоимости товара рабочим временем ошибочно, так как стоимость важнейшего товара, самого труда, противоречит этому закону стоимости товаров. В дальнейшем мы увидим, что *Уэйкфилд* прямо высказывает это*.

Милль может изворачиваться и изловчаться, как ему угодно. Он не находит выхода из указанной дилеммы. В лучшем случае, употребляя его собственный способ выражения, конкуренция рабочих приводит к тому, что *определенную массу труда* они предлагают за такую цену, которая, сообразно отношению спроса и предложения, равна большей или меньшей части продукта, который они произведут при помощи этой массы труда. Но то обстоятельство, что эта *цена,* эта *сумма денег,* получаемая ими за свой труд, равняется большей или меньшей части стоимости подлежащего изготовлению продукта, никоим образом не препятствует с самого же начала тому, что *определенная масса живого труда* (непосредственного труда) обменивается здесь на большую или меньшую массу *денег* (накопленного труда, и притом труда, существующего в форме меновой стоимости). Оно, следовательно, не препятствует тому, что здесь друг на друга обмениваются неравные количества труда, что меньшее количество накопленного труда обменивается на большее количество непосредственного труда. Это как раз и было тем явлением, которое должен был объяснить Милль и от которого он хотел отделаться своим объяснением, чтобы избежать нарушения закона стоимости. Явление это ничуть не меняет своей природы и ни в малейшей степени не получает объяснения в результате того, что в конце процесса производства то отношение, в котором рабочий обменял свой непосредственный труд на деньги, *выступает* в виде пропорции между уплаченной рабочему стоимостью и стоимостью созданного им продукта. Первоначальный *неравный* обмен между капиталом и трудом *проявляется* здесь лишь в другой форме.

Как упорно Милль отмахивается от прямого обмена между трудом и капиталом, из которого Рикардо исходит еще без всякого стеснения, показывает также и его переход к дальнейшему изложению. А именно, Милль говорит:

[798] «Предположим, что имеется определенное число капиталистов и определенное число рабочих. *Пропорция, в какой они делят продукт, допустим, каким-либо образом определена.* Если возросло число рабочих без увеличения *массы капиталов,* то прибавившаяся часть рабочих должна попытаться вытеснить ранее занятую часть. Она может добиться этого только *предложением своего труда за более низкое вознаграждение.* Уровень заработной платы в этом случае с необходимостью понижается... В проти-

* См. настоящий том, часть II, стр. 440, и часть III, стр. 192. *Ред.*

воположном случае происходит обратное... Если соотношение между массой капиталов и населением остается неизменным, то остается прежним также и уровень заработной платы» (пит. соч., стр. 35 и следующие).

То, что Миллю надлежало определить, как раз и была та «пропорция, в какой они» (капиталисты и рабочие) «делят продукт». Чтобы определить ее конкуренцией, Милль *предполагает,* что эта пропорция *«каким-либо образом определена».* Чтобы определить «долю» рабочего конкуренцией, он *предполагает,* что она «каким-либо образом» определена *до* конкуренции. Этого мало. Чтобы показать, как конкуренция изменяет *определенное* «каким-либо образом» разделение продукта, он предполагает, что рабочие, когда их число возрастает быстрее массы капиталов, *«предлагают свой труд за более низкое вознаграждение».* Таким образом, здесь Милль прямо высказывает, что предложение рабочих состоит из *«труда»* и что этот труд они предлагают за *«вознаграждение»,* т. е. за деньги, за определенную сумму «накопленного труда». Чтобы обойти прямой обмен между трудом и капиталом, прямую *продажу труда,* он прибегает к теории «разделения продукта». А чтобы объяснить ту пропорцию, в какой делится продукт, он предполагает *непосредственную продажу* труда за деньги, так что этот первоначальный обмен между капиталом и трудом впоследствии получает свое *выражение* в доле рабочего в его продукте, а не его доля в продукте определяет указанный первоначальный обмен. И, наконец, когда число рабочих и масса капиталов не изменяются, остается *неизменным* и «уровень заработной платы». Но каков этот уровень заработной платы, когда спрос и предложение соответствуют друг другу? Это как раз и надлежит объяснить. Тут ничего не объясняет ссылка на то, что уровень заработной платы *изменяется,* когда нарушается указанное равновесие между спросом и предложением. Тавтологические обороты Милля доказывают только то, что он здесь чувствует в теории Рикардо какой-то камень преткновения, который он преодолевает лишь благодаря тому, что вообще оказывается вне теории.

* * *

Против Мальтуса, Торренса и других. Против определения стоимости товаров стоимостью капитала Милль правильно замечает:

«Капитал — это товары, и сказать, что стоимость товаров определяется стоимостью капитала, значит сказать, что стоимость товара определяется стоимостью товара, что стоимость товаров определяется ею самой» («Elements of Political Economy», издание первое, Лондон, 1821, стр. 74).

* * *

{Милль не затушевывает противоположности между капиталом и трудом. Необходимо, мол, чтобы *норма прибыли* была велика, — дабы был значителен общественный класс, не зависящий от непосредственного труда; для этого, следовательно, заработная плата должна быть относительно мала. Необходимо, чтобы рабочая масса не была господином своего времени, а была рабом своих потребностей, — дабы человеческие (общественные) способности могли свободно развиваться в тех классах, для которых этот рабочий класс служит лишь фундаментом. Рабочий класс представляет отсутствие развития, — дабы другие классы могли представлять человеческое развитие. Это, действительно, та противоположность, в которой развивается буржуазное [799] общество и развивалось всякое прежнее общество, противоположность, провозглашенная как *необходимый закон,* т. е. это есть существующее положение вещей, провозглашенное как абсолютно разумное.

«Человеческая способность к совершенствованию, или способность постоянно переходить от одной ступени науки и счастья к другой, более высокой, зависит, по-видимому, в значительной степени от класса людей, которые являются *господами своего времени,* т. е. которые достаточно богаты для того, чтобы быть избавленными от всяких забот о средствах к более или менее обеспеченной жизни. Людьми этого класса культивируется и расширяется область науки; они распространяют свет; их дети получают лучшее воспитание и подготовляются для выполнения важнейших и деликатнейших функций общества; они становятся законодателями, судьями, администраторами, учителями, изобретателями в области различных искусств, руководителями всех больших и полезных работ, благодаря которым расширяется господство рода человеческого над силами природы» («Elemens d'economie politique». Traduits par Parisot. Paris, 1823, стр. 65).

«Доход с капиталов должен быть *достаточно велик,* чтобы значительная часть общества была в состоянии пользоваться теми преимуществами, какие дает *досуг»* (там же, стр. 67).}

* * *

Еще к тому, о чем говорилось выше.

Для Милля, как рикардианца, различие между трудом и капиталом есть всего лишь различие между *различными формами* труда:

«Труд и капитал означают: первый — *непосредственный труд,* второй — *накопленный труд»* («Elements of Political Economy», первое английское издание, Лондон, 1821, стр. 75).

А в другом месте он говорит:

«Относительно этих двух *видов труда* следует заметить, что они *не всегда оплачиваются по одной, и той же норме»* («Elemens d'economie politique». Traduits par Parisot. Paris, 1823, стр. 100).

Таким образом, здесь он подходит к существу дела. Так как то, чем оплачивается непосредственный труд, всегда есть накопленный труд, капитал, то оплата не по *одинаковой норме* означает здесь лишь то, что большее количество непосредственного труда обменивается на меньшее количество накопленного труда, и притом *«всегда»,* ибо в противном случае накопленный труд не обменивался бы на непосредственный труд в качестве «капитала» и не только не приносил бы, как того желает Милль, *достаточно большого дохода,* но и вообще не приносил бы никакого дохода. Здесь, стало быть, признаётся, — поскольку Милль, как и Рикардо, рассматривает обмен капитала на труд как прямой обмен накопленного труда на непосредственный труд, — что эти два вида труда обмениваются в *неравных пропорциях* и при этом обмене закон стоимости, гласящий, что друг на друга обмениваются равные количества труда, терпит крушение.

[в) НЕПОНИМАНИЕ МИЛЛЕМ РЕГУЛИРУЮЩЕЙ РОЛИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРИБЫЛИ]

Милль выдвигает как некий основной закон то, что фактически предполагает для построения своей теории ренты Рикардо*:

«Норма прибыли в земледелии регулирует норму других прибылей» («Elements of Political Economy». Second edition. London, 1824, стр. 78).

Это в корне неверно, так как капиталистическое производство начинается в промышленности, а не в земледелии, и овладевает последним лишь постепенно, так что лишь с развитием капиталистического производства земледельческие прибыли выравниваются с промышленными и только вследствие такого выравнивания начинают оказывать влияние на промышленные прибыли. Итак, вышеприведенное положение, во-первых, исторически неверно. А во-вторых, раз имеется такое выравнивание, т. е. если предположено такое состояние развития земледелия, при котором капитал в зависимости от нормы прибыли перебрасывается из промышленности в земледелие и vice versa**, то столь же неверно будет сказать, что с этого момента *земледельческая прибыль* становится регулирующей, вместо того чтобы сказать, что здесь имеет место взаимодействие между прибылями. Впрочем, для объяснения ренты Рикардо и сам предполагает обратное. Цена хлеба повышается; в результате этого *падают прибыли* — не в земледелии (пока нет нового предложения с худших земель или от вторых, менее производительных

---

* См. настоящий том, часть II, стр. 518—519. *Ред.*
** — наоборот. *Ред.*

доз капитала), — ибо повышение цены хлеба с избытком компенсирует арендатору повышение заработной платы, вызванное повышением цены хлеба, — а в промышленности, где не имеет места такая компенсация или сверхкомпенсация. Тем самым падает *норма промышленной прибыли,* а потому капитал, приносящий эту более низкую норму прибыли, может быть применен на худших участках земли. При прежней норме прибыли это не имело бы места. И только вследствие этого обратного воздействия понижения промышленной прибыли на земледельческую на худших участках земли надает земледельческая прибыль вообще, [800] и часть ее на лучших участках земли отделяется от прибыли в форме ренты. Такова рикардовская трактовка этого процесса, согласно которой, следовательно, промышленная прибыль регулирует земледельческую.

Если бы теперь, вследствие усовершенствований в земледелии, прибыль там снова повысилась, то повысилась бы также и промышленная прибыль. Но это отнюдь не исключает того, что, подобно тому как *уменьшение промышленной прибыли* первоначально обусловливает уменьшение земледельческой прибыли, так и *повышение* ее влечет за собой повышение земледельческой прибыли. Это происходит всякий раз, когда промышленная прибыль повышается *независимо от цены хлеба* и других производимых в сельском хозяйстве предметов необходимости, входящих в заработную плату рабочих, т. е. когда промышленная прибыль повышается вследствие падения стоимости тех товаров, которые образуют постоянный капитал, и т. д. Напротив, ренту абсолютно нельзя было бы объяснить, если бы промышленная прибыль *не* регулировала земледельческую. *Средняя норма прибыли* дана в промышленности благодаря выравниванию прибылей с капиталов и превращению вследствие этого стоимостей в *цены издержек.* Эта цена издержек — стоимость авансированного капитала плюс средняя прибыль — образует ту *предпосылку,* которую земледелие получает от промышленности, так как в земледелии, вследствие собственности на землю, указанное, выравнивание не может иметь места. Если затем стоимость земледельческого продукта выше, чем была бы цена издержек, определяемая *средней прибылью в промышленности,* то избыток этой стоимости над ценой издержек образует абсолютную ренту. Но для того чтобы этот избыток стоимости над ценой издержек можно было измерить, *цена издержек* должна представлять собой prius*, т. е. она должна быть навязана земледелию промышленностью в качестве закона.

* — первичное, предшествующее. *Ред.*

* * *

Надлежит отметить следующее положение Милля:

«То, что потребляется *производительно,* всегда есть капитал. Это — особенно замечательное свойство производительного потребления. Все то, что потребляется производительно, *есть* капитал, и оно *становится* капиталом именно благодаря такому потреблению» («Elémens d'économie politique». Traduits par Parisot. Paris, 1823, стр. 241—242).

[г)] СПРОС, ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО [МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ТОЖДЕСТВА СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ]

«Спрос означает *желание покупать* и *средства для покупки...* Эквивалентный предмет» (средства для покупки), «приносимый человеком, есть *орудие* спроса. Размеры его спроса измеряются стоимостью этого предмета. Спрос и эквивалентный предмет суть выражения, могущие заменять друг друга... Его» (человека) «желание *покупать* и его *средства для покупки товаров* — другими словами, его спрос — в точности равны количеству произведенных им продуктов, которые он не намерен потребить сам» (там же, стр. 252—253).

Мы видим здесь, как доказывается непосредственное тождество спроса и предложения (а следовательно, и невозможность всеобщего переполнения рынка). Спрос состоит-де в продукте, и притом величина этого спроса измеряется стоимостью этого продукта. Это тот же абстрактный «способ доказательства», посредством которого Милль доказывает, что покупка и продажа только тождественны, а не отличны друг от друга; это те же тавтологические фразы, посредством которых он доказывает, что цены зависят от массы обращающихся денег; эту же самую манеру он применяет и для показывания того, что предложение и спрос (которые являются лишь дальнейшей формой развития отношения между покупателями и продавцами) с необходимостью должны покрывать друг друга. Это все та же логика. Если какое-либо отношение заключает в себе противоположности, то оно есть не только противоположность, но и *единство* противоположностей. Следовательно, заключает Милль, это — *единство без противоположности.* Такова логика Милля, при помощи которой он устраняет «противоречия».

Возьмем сначала за исходный пункт *предложение.* То, что я предлагаю, есть *товар,* единство потребительной и меновой стоимости — например, определенное количество железа, равное 3 ф. ст. (а эти деньги равны определенному количеству рабочего времени). Согласно предположению, я — фабрикант железа. Я предлагаю известную потребительную стоимость, железо, и предлагаю известную стоимость, а именно стоимость,

выраженную в цене железа, в 5 ф. ст. Однако здесь имеется следующее небольшое различие. Определенное количество железа *действительно* выброшено мною на рынок. Напротив, *стоимость* железа существует только как его *цена,* которая еще должна быть реализована покупателем железа, представляющим для меня *спрос* на железо. Спрос продавца железа состоит в спросе на *меновую стоимость* железа, которая, правда, заключена в железе, но еще не реализована. Одна и та же *меновая стоимость* может быть представлена в весьма различных количествах железа. Таким образом, предложение потребительной стоимости и предложение стоимости, еще только подлежащей реализации, отнюдь не тождественны, так как одну и ту же величину меновой стоимости могут представлять совершенно различные количества потребительной стоимости.

[801] Одна и та же стоимость в 3 ф. ст. может выражаться в 1, 3 или 10 тоннах. Таким образом, количество железа (потребительной стоимости), которое я предлагаю, и предлагаемое мною количество стоимости отнюдь не пропорциональны друг другу, так как последнее количество может оставаться неизменным, как бы ни изменялось первое. Как бы велико или мало ни было количество предлагаемого мною железа, я всегда хочу, согласно нашему предположению, реализовать стоимость железа, *не зависящую* от этого его собственного количества и вообще от его бытия как потребительной стоимости. Таким образом, предлагаемая (но еще не реализованная) стоимость и предлагаемое количество железа, которое реализовано, отнюдь не пропорциональны друг другу. Поэтому нет никакого основания для того, чтобы способность того или другого товара быть проданным по своей стоимости была пропорциональна предлагаемой мною массе товара. Для покупателя мой товар существует, прежде всего, как потребительная стоимость. Покупатель покупает его как потребительную стоимость. Но что ему нужно, это — определенное количество железа. Его потребность в железе точно так же не определяется произведенным мною количеством железа, как сама стоимость моего железа не пропорциональна этому количеству.

Конечно, тот, кто покупает, имеет в своих руках *превращенную форму* товара, деньги, товар в форме меновой стоимости, и может выступать в качестве покупателя только потому, что он или другие выступали раньше в качестве продавцов того товара, который теперь существует в форме денег. Но это отнюдь не является основанием для того, чтобы он обратно превратил свои деньги в мой товар или чтобы его потребность в моем товаре определялась тем количеством, в каком я его произвел.

Поскольку он предъявляет спрос на мой товар, он может требовать или меньшее количество, чем я предлагаю, или все это количество, но *ниже* его стоимости. Его спрос точно так же может не соответствовать моему предложению, как не тождественны друг другу предлагаемое мною количество той или иной потребительной стоимости и та стоимость, по какой я его предлагаю.

Однако все исследование о спросе и предложении сюда не относится.

Поскольку я предлагаю железо, я предъявляю спрос не на железо, а на деньги. Я предлагаю некоторую особую потребительную стоимость и предъявляю спрос на ее стоимость. Мои предложение и спрос, следовательно, столь же различны, как потребительная стоимость и меновая стоимость. Поскольку в самом железе я предлагаю некоторую *стоимость,* я предъявляю спрос на *реализацию этой стоимости.* Следовательно, мои предложение и спрос так же различны, как идеальное и реальное. Далее, количество, которое я предлагаю, и его стоимость отнюдь не пропорциональны друг другу. Между тем спрос на предлагаемое мною количество той или иной потребительной стоимости определяется не той стоимостью, которую я хочу реализовать, а тем количеством, в приобретении которого, по определенной цене, нуждается покупатель.

Приведем еще следующие положения Милля:

«Ясно, что каждый человек добавляет к общей массе продуктов, составляющих предложение, совокупность всего того, что он произвел и не намерен потребить сам. В какой бы форме та или иная часть годового продукта ни попала в руки данного человека, если он решает сам ничего из нее не потреблять, то он захочет освободиться от всей этой части продукта; поэтому она целиком идет на увеличение предложения. Если же он сам потребляет часть этого количества продукта, то он хочет освободиться от всего остатка, и весь остаток прибавляется к предложению» (там же, стр. 253).

Другими словами, это означает лишь то, что все выброшенные на рынок товары образуют предложение.

«Так как, следовательно, спрос каждого человека равен той части годового продукта, или, выражаясь иначе, той части богатства, от которой он хочет освободиться»

{стой! Его спрос равен *стоимости* (как только она будет реализована) той части продуктов, от которой он хочет освободиться; то, от чего он хочет освободиться, есть определенное количество потребительной стоимости; то, что он хочет получить, есть *стоимость* этой потребительной стоимости. Эти две вещи отнюдь не тождественны},

«и так как предложение каждого человека представляет собой в точности то же самое»

{отнюдь нет; его спрос состоит не в том, от чего он хочет освободиться, т. е. не в продукте, а в стоимости этого продукта; напротив, его предложение realiter* состоит в этом продукте, тогда как стоимость этого продукта предлагается лишь idealiter**},

«то предложение и спрос каждого индивидуума по необходимости равны» (стр. 253—254).

{Т. е. *стоимость* предлагаемого им товара и та *стоимость,* которую он требует за него, но не имеет, равны между собой. *Если* он продает товар по его стоимости, то предлагаемая стоимость (в форме товара) и получаемая стоимость (в форме денег) равны. Но из того, что человек хочет продать товар по его стоимости, не следует, что это и происходит на деле. Определенное количество товара предлагается им, находится на рынке. Стоимость за предлагаемый им товар он ищет.}

«Предложение и спрос находятся в [802] своеобразном соотношении друг с другом. Каждый предлагаемый, выносимый на рынок, продаваемый товар всегда является в то же время *объектом* спроса, а товар, являющийся объектом спроса, всегда составляет в то же время часть общей массы продуктов, образующих предложение. Каждый товар всегда есть *одновременно* предмет спроса и предложения. Когда два человека производят обмен, то один из них приходит не для того, чтобы создать только предложение, а другой — не для того, чтобы создать только спрос; *объект, предмет его предложения* должен доставить ему предмет его спроса, и, следовательно, его спрос и его предложение совершенно равны между собой. Но если предложение и спрос каждого индивидуума всегда равны между собой, то это же относится и к предложению и спросу всех индивидуумов нации, вместе взятых. Поэтому, как бы велика ни была сумма годового продукта, она никогда не может превысить сумму годового спроса. Вся совокупность годового продукта распадается на то или иное число частей, равное числу тех индивидуумов, между которыми распределен годовой продукт. Вся совокупность спроса равна сумме того, что из всех этих частей их владельцы не удерживают для своего собственного потребления. Но совокупность всех этих частей как раз и равна всему годовому продукту» (там же, стр. 254—255).

Раз Милль *предположил,* что предложение и спрос каждого индивидуума равны между собой, то все его пространные глубокомысленные рассуждения о том, что тогда равны между собой также предложение и спрос *всех* индивидуумов, совершенно излишни.

* — реально. *Ред.*
** — идеально. *Ред.*

* * *

Как понимали Милля современные ему рикардианцы, видно, например, из следующего:

«Тут, следовательно» {это говорится по поводу определения стоимости труда у Милля}, «мы имеем, по крайней мере, один такой случай, где цена (цена труда) постоянно определяется соотношением между предложением и спросом» *(Прево* в своих «Reflexions sur le systeme de Ricardo», приложенных к книге Мак-Куллоха «Discows sur l'economie politique», traduit de l'anglois par G-me Prevost, Geneve — Paris, 1825, стр. 187).

В упомянутом здесь «Discours» Мак-Куллох говорит, что цель Милля —

«дать *логическую дедукцию* принципов политической экономии» (стр. 88). «Милль излагает почти все вопросы, являющиеся предметом обсуждения. Он сумел распутать и упростить самые сложные и самые трудные вопросы и привести в естественный порядок различные принципы науки» (там же).

Из логики Милля можно сделать тот вывод, что совершенно нелогичное построение книги Рикардо, разобранное нами выше*, он в целом наивно сохраняет как «естественный порядок».

[д)] ПРЕВО [ОТКАЗ ОТ НЕКОТОРЫХ ВЫВОДОВ РИКАРДО И ДЖЕМСА МИЛЛЯ. ПОПЫТКИ ДОКАЗАТЬ, ЧТО НЕПРЕРЫВНОЕ УМЕНЬШЕНИЕ ПРИБЫЛИ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ НЕИЗБЕЖНЫМ]

Что касается цитированного выше *Прево,* который в основу своих «Reflexions sur le systeme de Ricardo» кладет миллевское изложение системы Рикардо, то некоторые из его возражений покоятся на чисто ученическом непонимании Рикардо.

Но надо отметить следующее о ренте:

«Можно выдвинуть сомнение относительно влияния *худших земель* на определение цены, если, как это надлежит, принять во внимание их *относительные размеры» (Прево,* цит. соч., стр. 177).

Прево приводит следующее место из *Милля,* важное также и для моего анализа, так как Милль здесь сам представляет себе такой случай, где *дифференциальная рента* возникает благодаря тому, что новый спрос — добавочный спрос — удовлетворяется посредством перехода к лучшей, а [не к худшей земле, т. е. посредством движения по восходящей линии:

«Г-н Милль пользуется таким примером: «Предположим, что все обрабатываемые участки в данной стране — одинакового качества и приносят

* См. настоящий том, часть II — особенно стр. 176—182. *Ред.*

на прилагаемые к ним капиталы одинаковые количества продукта, за исключением одного-единственного акра, который доставляет в шесть раз больше продукта, чем всякий другой» *(Mill.* Elements of Political Economy, 2nd edition, стр. 71). Не подлежит сомнению, что, как доказывает это г-н Милль, арендатор этого последнего акра не мог бы повысить свои арендаторский доход» (т. е. не мог бы получать более высокую прибыль, чем другие арендаторы; мысль выражена у Прево очень плохо[41]) «и что пять шестых продукта принадлежали бы земельному собственнику».

{Здесь, следовательно, мы имеем дифференциальную ренту без понижения нормы прибыли и без повышения цены земледельческого продукта. Это должно происходить тем чаще, что [803] вместе с промышленным развитием страны, с развитием средств сообщения и ростом населения должно постоянно *улучшаться местоположение* земельных участков, как бы ни обстояло дело с естественным плодородием, а местоположение (относительно лучшее) действует так же, как естественное плодородие.}

«Но если бы остроумный автор вздумал сделать такое же предположение для противоположного случая, он убедился бы, что результат получился бы другой. Действительно, предположим, что все земельные участки — одинакового качества, кроме одного акра худшей земли. Пусть на этом единственном акре выручка на затраченный капитал составляет лишь одну шестую часть выручки на всяком другом акре. Можно ли думать, что прибыль с нескольких миллионов акров понизится в результате этого до одной шестой части обычной прибыли? По всей вероятности, этот единственный акр не окажет совершенно никакого влияния на цены, так как на любых продуктах, поступающих на рынок (в особенности, на хлебе), не могла бы заметно отразиться конкуренция столь *ничтожного* количества. Поэтому мы и говорим, что в утверждение Рикардо о влиянии худших земель следует внести поправку об *относительных размерах* земель различного плодородия» *(Прево,* цит. соч., стр. 177—178).

* * *

{У *Сэя* в его примечаниях к переводу книги Рикардо, сделанному Констансио, имеется только *одно* правильное замечание о *внешней торговле*[42]. Прибыль может быть получена также и путем надувательства, благодаря тому, что один приобретает то, что другой теряет. Внутри одной страны потеря и выигрыш выравниваются. Не так обстоит дело во взаимоотношениях между различными странами. И даже с точки зрения теории Рикардо, — чего Сэй *не* замечает, — три рабочих дня одной страны могут обмениваться на один рабочий день другой страны. Закон стоимости претерпевает здесь существенную модификацию. Или рабочие дни различных стран могут относиться друг к другу так, как внутри одной страны квалифицированный, сложный труд относится к неквалифицированному, простому

труду. В этом случае более богатая страна эксплуатирует более бедную даже тогда, когда последняя выгадывает от обмена, как это показал и Дж. Ст. Милль в своих «Some Unsettled Questions of Political Economy»[43].}

* * *

[По вопросу о соотношении между земледельческой и промышленной прибылью Прево говорит:]

«Мы признаём, что в общем норма земледельческих прибылей определяет норму промышленных прибылей. Но в то же время мы должны заметить, что последние с необходимостью оказывают обратное действие на первые. Если цена хлеба достигла известной высоты, то промышленные капиталы притекают в земледелие и неизбежно понижают земледельческие прибыли» *(Прево,* цит. соч., стр. 179).

Возражение правильно, но сформулировано весьма узко. Смотри выше[*].

Рикардианцы утверждают, что прибыль может падать только в результате роста заработной платы, так как с ростом населения повышаются в цене предметы необходимости, а это является следствием накопления капитала, поскольку по мере этого накопления в обработку вводятся худшие земли. Но сам Рикардо признаёт, что прибыли могут понижаться также и тогда, когда капиталы растут быстрее населения, т. е. когда к повышению заработной платы приводит конкуренция капиталов друг с другом. Это — точка зрения А. Смита. Прево говорит:

«Если растущий спрос со стороны капиталов повышает цену рабочих, т. е. *заработную плату,* то разве не будет правильным утверждать, что растущее предложение этих же капиталов может понизить цену капиталов, т. е. *прибыль?»* (цит. соч., стр. 188).

Исходя из ошибочной точки зрения Рикардо, — согласно которой понижение прибыли можно объяснить только уменьшением прибавочной стоимости, следовательно уменьшением прибавочного труда, следовательно *вздорожанием потребляемых рабочими предметов необходимости,* следовательно повышением стоимости труда, хотя реальное вознаграждение рабочего, вместо того чтобы повышаться, может при этом понижаться, — исходя из этой основы, *Прево* пытается доказать, что непрерывное уменьшение прибыли не является неизбежным.

Во-первых, он говорит:

«Состояние процветания начинается с того, что прибыли повышаются»

[*] См. настоящий том, часть III, стр. 97—98. *Ред.*

(а именно, земледельческие прибыли: с наступлением состояния процветания растет население, растет, следовательно, спрос на земледельческие продукты, растут, следовательно, сверхприбыли фермеров),

«и притом задолго до того, как в обработку вводятся новые земли, так что, когда эти новые земли начинают оказывать влияние на ренту путем уменьшения прибылей, прибыли, хотя они сразу и уменьшаются, все еще остаются такими же высокими, какими они были до этого процветания... Почему в тот или иной момент переходят к обработке земли худшего качества? Это можно делать лишь в ожидании получения такой прибыли, которая *по меньшей мере равна обычной.* А какое обстоятельство может создать эту норму прибыли на землях худшего качества? Рост [804] населения... Оказывая давление на имеющиеся средства существования, возросшее население приводит к повышению цен на съестные припасы (в особенности на хлеб), в результате чего земледельческие капиталы получают высокие прибыли. Другие капиталы притекают в земледелие; но так как площадь земли ограниченна, то у этой конкуренции есть предел, и в конце концов получается, что при обработке худших земель всё еще имеют место *более высокие прибыли, чем в торговле или промышленности.* Начиная с этого времени (при предположении, что эти худшие земли достаточно велики по своим размерам) земледельческие прибыли вынуждены определяться прибылями с последних капиталов, вложенных в землю. Если исходить из нормы прибыли, существовавшей в начале возрастания богатства» (в начале разделения прибыли на прибыль и ренту), «то окажется, что прибыли отнюдь не имеют тенденции к понижению. Они повышаются вместе с ростом населения, пока земледельческие прибыли не возросли настолько, что (в результате обработки новых, худших земель) они могут значительно уменьшиться, никогда не падая ниже своей первоначальной нормы, или (говоря точнее) ниже той средней нормы, которая определяется различными обстоятельствами» (цит. соч., стр. 190—192).

Прево явно неправильно понимает точку зрения Рикардо. У Прево получается, что в результате процветания увеличивается население, а это повышает цену земледельческих продуктов, вследствие чего повышаются земледельческие прибыли (хотя непонятно, — если это повышение земледельческих прибылей носит постоянный характер, — почему по истечении срока аренды не могла бы быть повышена рента и эти земледельческие сверхприбыли не могли бы быть присвоены в форме ренты даже до введения в обработку худших земель). Но то же возрастание цены земледельческого продукта, которое ведет к повышению земледельческих прибылей, повышает заработную плату во всех отраслях промышленности и потому вызывает падение промышленных прибылей. Этим путем в промышленности образуется новая норма прибыли. И если земли худшего качества при существующей рыночной цене земледельческих продуктов приносят хотя бы только эту *пониженную норму прибыли,* то капиталы могут устремиться на земли худшего качества. Их привлекают туда высокие земледельческие при-

были и высокая рыночная цена хлеба. Они даже могут, пока в земледелие не перекочевало достаточное количество капиталов, всё еще приносить, как говорит Прево, более высокие прибыли, чем понизившаяся промышленная прибыль. Но как только добавочное предложение становится достаточным, рыночная цена падает, давая на худших землях лишь обычную промышленную прибыль. То, что продукт на лучших землях приносит сверх этого, превращается в ренту. Таково представление Рикардо, основу которого *Прево* принимает и из которого он исходит в своих рассуждениях. Хлеб теперь дороже, чем до повышения земледельческой прибыли. Но та сверхприбыль, которую он давал арендатору, превратилась в ренту. Этим путем до уровня более низкой нормы промышленной прибыли, упавшей вследствие вздорожания земледельческого продукта, понижается также и прибыль на лучших землях. Нельзя понять, почему в результате этого прибыли не должны будут упасть ниже своей «первоначальной нормы», если только не наступят какие-нибудь другие обстоятельства, модифицирующие этот процесс. Конечно, другие обстоятельства *могут* наступить. При всех обстоятельствах, согласно предположению, земледельческая прибыль после вздорожания предметов необходимости поднимется выше промышленной прибыли. Но если бы при этом та часть потребляемых рабочими предметов необходимости, которая производится промышленностью, благодаря развитию производительной силы подешевела в такой степени, что заработная плата рабочих (даже при оплате ее по ее средней стоимости) повысилась бы в связи с вздорожанием продуктов сельского хозяйства не в той мере, в какой она должна была бы повыситься без этих парализующих обстоятельств, и если бы, далее, благодаря тому же развитию производительной силы понизилась и цена продуктов, доставляемых добывающей промышленностью, а также цена сельскохозяйственного сырья, не входящего в предметы питания (правда, такое предположение маловероятно), то промышленная прибыль могла бы не падать, хотя она и была бы ниже земледельческой прибыли. Понижение последней в результате перемещения капитала в земледелие и в результате образования ренты [805] лишь восстановило бы тогда прежнюю норму прибыли.

[Во-вторых,] Прево пытается применить еще и другую аргументацию:

«Земли худшего качества... вводятся в обработку лишь в том случае, если они приносят такую же прибыль, как промышленные капиталы, или прибыль более высокую. В этом случае цена хлеба и других продуктов сельского хозяйства, несмотря на введение в обработку новых земель, часто

остается еще очень высокой. Эти высокие цены ставят в стесненное положение рабочее население, так как повышение заработной платы не поспевает за повышением цены тех предметов, которые потребляются наемными рабочими. Высокие цены сельскохозяйственных продуктов ложатся большим или меньшим бременем на все население, так как почти на всех товарах отражается повышение заработной платы и повышение цены предметов первой необходимости. Это всеобщее стесненное положение в соединении с увеличением смертности, вызываемым слишком многочисленным населением, приводит к уменьшению числа наемных рабочих и вследствие этого — к повышению заработной платы и падению земледельческой прибыли. С этого момента дальнейшее развитие происходит в направлении, противоположном прежнему. Капиталы отливают от худших земель и притекают обратно к промышленности. Но закон народонаселения скоро опять оказывает свое действие: как только прекращается нищета, число рабочих возрастает, их заработная плата понижается, и вследствие этого прибыли повышаются. Такого рода колебания в ту и другую сторону должны чередоваться, не затрагивая средней прибыли. Прибыли могут повышаться или понижаться по другим причинам или по этой самой причине, могут попеременно изменяться то в одном, то в другом направлении — без того, чтобы их повышение или понижение в среднем можно было бы приписать необходимости вводить в обработку новые земли. Народонаселение есть тот регулятор, который восстанавливает естественный порядок и удерживает прибыль в определенных пределах» (цит. соч., стр. 194—196).

Несмотря на путаную форму изложения, это правильно с точки зрения «закона народонаселения». Только это не согласуется с предположением о том, что земледельческие прибыли возрастают до тех пор, пока не создано соответствующее росту населения добавочное предложение. Если здесь имеет место постоянное повышение цены земледельческого продукта, то отсюда следует не уменьшение населения, а общее понижение нормы прибыли, что влечет за собой уменьшение накопления и только в результате этого уменьшение населения. Население, согласно взглядам Рикардо — Мальтуса, возрастало бы медленнее. А в основе рассуждений Прево лежит такой ход мыслей: указанный процесс опустил бы заработную плату ниже ее среднего уровня; с этим падением заработной платы и нищетой рабочих наступает падение хлебных цен, а отсюда — опять повышение прибыли.

Однако этот последний ход мыслей уводит нас в сторону такого исследования, которое сюда не относится, ибо у нас здесь предполагается, что стоимость труда всегда оплачивается полностью, т. е. что рабочий получает необходимые для его воспроизводства жизненные средства.

Эти рассуждения Прево важны потому, что они показывают, что взгляд Рикардо, — вместе с принятым им взглядом Мальтуса, — хотя и может объяснить колебания нормы прибыли, но не объясняет постоянного ее падения, которое не перемежалось бы периодами ее повышения: ведь при известной вы-

соте хлебных цен и при известном падении прибылей заработная плата опустилась,бы ниже своего уровня, и это вызвало бы насильственное уменьшение населения, а потому и понижение хлебных цен и вообще цен предметов необходимости, что должно было бы повлечь за собой опять повышение прибыли.

3) ПОЛЕМИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

[806] Время между 1820 и 1830 г. представляет собой в метафизическом отношении самый значительный период в истории английской политической экономии. Перед нами проходит теоретическое сражение за и против теории Рикардо, ряд анонимных полемических сочинений. Важнейшие из них здесь приводятся, и в особенности касательно тех лишь пунктов, которые относятся к нашей теме. По вместе с тем и для самих этих полемических сочинений характерно то, что все они фактически вращаются лишь вокруг определения понятия стоимости и ее отношения к капиталу.

а) «OBSERVATIONS ON CERTAIN VERBAL DISPUTES...» [СКЕПТИЦИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ; СВЕДЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ СПОРОВ К СПОРУ О СЛОВАХ]

«Observations on certain Verbal Disputes in Political Economy, particularly relating to Value, and to Demand and Supply». London, 1821.

Сочинение это не лишено известной остроты. Характерно его заглавие — «Verbal Disputes»*.

Отчасти оно направлено против Смита, Мальтуса, но также и против Рикардо.

Основная мысль этого сочинения сводится к утверждению, что

> «споры... проистекают исключительно из того, что различные лица употребляют слова в разных смыслах, т. е. из того, что спорящие, подобно рыцарям в сказке, смотрят на разные стороны щита» (стр. 59—60).

Подобного рода скептицизм всегда является предвестником разложения той или иной теории, непосредственным предшественником бездумного и бессовестного эклектизма, приспособленного для домашнего обихода.

По поводу рикардовской теории стоимости анонимный автор говорит прежде всего следующее:

* — «Споры о словах». *Ред.*

«Имеется явная трудность в предположении, что когда мы говорим о стоимости, или действительной цене в противоположность номинальной цене, то мы имеем в виду *труд;* ибо часто нам приходится говорить о *стоимости, или цене, самого труда.* Если под трудом, как действительной ценой вещи, мы понимаем тот труд, которым эта вещь *произведена,* то при этом возникает еще и другая трудность; ибо часто нам приходится говорить о *стоимости, или цене, земли,* а между тем земля не произведена трудом. Таким образом, это определение применимо только к *товарам»* (цит. соч., стр. 8).

Что касается труда, то возражение против Рикардо верно постольку, поскольку согласно Рикардо капитал покупает непосредственно труд, т. е. поскольку Рикардо говорит непосредственно о стоимости труда, тогда как в действительности тем, временное потребление чего здесь покупается и продается, является рабочая сила, которая сама представляет собой некоторый продукт. Вместо того чтобы разрешить проблему, анонимный автор тут только подчеркивает, что проблема не разрешена.

Совершенно верно и то, что *«стоимость,* или *цена, земли»,* которая не есть продукт труда, по видимости непосредственно противоречит понятию стоимости и не может быть непосредственно выведена из него. Эта фраза имеет тем меньшее значение как возражение против Рикардо, что анонимный автор не выступает против рикардовской теории ренты, где Рикардо как раз объясняет, как на основе капиталистического производства образуется номинальная стоимость земли, и показывает, что она не противоречит определению стоимости. Стоимость земли есть не что иное, как цена, уплачиваемая за капитализированную земельную ренту. Здесь, следовательно, предполагаются гораздо более развитые отношения, чем те, которые prima facie[*] вытекают из простого рассмотрения товара и его стоимости, — подобно тому как фиктивный капитал[44], являющийся объектом биржевой игры и представляющий собой фактически не что иное, как продажу и покупку известных прав на части ежегодных налогов, не может быть выведен из простого понятия производительного капитала.

Второе возражение, — что Рикардо превращает стоимость, которая есть нечто *относительное,* в нечто *абсолютное,* — в другом, позже появившемся полемическом сочинении (Самюэла Бейли) сделано отправным пунктом для нападения на всю систему Рикардо. При рассмотрении сочинения Бейли мы приведем также и то, что в «Observations on certain Verbal Disputes» относится к этой теме.

---

[*] — на первый взгляд; здесь — с первого же взгляда, сразу же. *Ред.*

В одном мимоходом сделанном замечании мы находим, — правда, это осталось не осознанным для автора (автор, напротив, хочет этим доказать то, что у него сказано в следующей, не подчеркнутой мною фразе, а именно, что предложение труда само является препятствием для осуществления тенденции к понижению высокой цены труда до уровня его «естественной цены»), — меткую формулировку относительно того источника, из которого проистекает капитал, оплачивающий труд:

«Увеличившееся предложение труда есть увеличившееся предложение того, на что труд покупается. Поэтому, если мы говорим, вместе с г-ном Рикардо, что цена труда всегда имеет *тенденцию к* понижению до уровня того, что он называет естественной ценой труда, то нам следует лишь вспомнить, что увеличение предложения труда, долженствующее осуществлять эту *тенденцию,* само является одной из противодействующих причин, препятствующих *действию* этой тенденции» (цит. соч., стр. 72—73).

Если за исходный пункт не взять среднюю цену труда, т. е. стоимость труда, то невозможно никакое дальнейшее развитие теории, точно так же как оно невозможно в том случае, если не исходить из *стоимости* товаров вообще. Только на этой основе можно понять действительные явления колебаний цен.

[807] «Не следует думать, будто он» (Рикардо) «утверждает, что два отдельных экземпляра двух различных товаров, например шляпа и пара башмаков, обмениваются друг на друга в том случае, если именно *эти два отдельных экземпляра* были произведены одинаковыми количествами труда. Под *«товаром»* здесь следует понимать *«род товара»,* а не отдельную индивидуальную шляпу, пару башмаков и т. д. Весь труд, производящий в Англии все шляпы, следует с этой целью рассматривать как распределяющийся между всеми этими шляпами. Это, как мне кажется, было недостаточно ясно выражено в начале и в общих положениях учения Рикардо». Так, Рикардо говорит о содержащейся, например, в паре чулок «части труда машиностроителя, затраченного на производство машины». «Между тем весь труд, который производит каждую отдельную пару чулок, если мы говорим об отдельной паре, включает *весь* труд машиностроителя, а не часть его; ибо одна машина производит много пар чулок, и ни одна из этих пар не могла бы быть произведена без любой части машины» (цит. соч., стр. 53—54).

Последняя фраза основана на недоразумении. Вся машина входит в процесс труда, но лишь часть ее входит в процесс образования стоимости.

В остальном приведенное замечание анонимного автора содержит кое-что правильное.

Мы исходим из *товара* — из этой специфической общественной формы продукта — как основы и предпосылки капиталистического производства. Мы берем отдельные продукты и анализируем те определенности формы, которые они имеют как товары, т. е. которые накладывают на них печать товара.

До капиталистического производства — при прежних способах производства — значительная часть продукта не поступает в обращение, не выбрасывается на рынок, производится не как товар, не становится товаром. С другой стороны, в это время значительная часть продуктов, входящих в производство, не является товаром и не входит в процесс в качестве товара. Превращение продуктов в товары происходит лишь в отдельных случаях, распространяется только на излишки продукции и т. д. или лишь на отдельные сферы производства (продукты обрабатывающей промышленности) и т. д. Продукты не во всем своем объеме входят в процесс как предметы торговли и не всей своей массой выходят из него в качестве предметов торговли. Тем не менее развитие продукта в товар, товарное обращение, а потому и денежное обращение в определенных границах, а значит и развитая до известной степени торговля — являются *предпосылкой, исходным пунктом* образования капитала и капиталистического производства. В качестве такой предпосылки мы и рассматриваем товар, исходя из него как из простейшего элемента капиталистического производства. Но, с другой стороны, товаром является продукт, результат капиталистического производства. То, что выступает как элемент капиталистического производства, потом являет себя как его собственный продукт. Лишь на основе капиталистического производства товар становится всеобщей формой продукта, и чем больше оно развивается, тем в большей мере в процесс капиталистического производства продукты входят, как ингредиенты, тоже в форме товаров. Товар, как он выходит из капиталистического производства, отличается от того товара, из которого мы исходим как из элемента капиталистического производства. Перед нами уже не отдельный товар, не отдельный продукт. Отдельный товар, отдельный продукт не только реально, в качестве продукта, но и в качестве товара выступает как *часть* совокупной продукции, часть не только реальная, но и идеальная. Каждый отдельный товар выступает как носитель определенной части капитала и созданной им прибавочной стоимости.

В стоимости совокупного продукта, например 1200 аршин ситца, содержится стоимость авансированного капитала плюс присвоенный капиталистом прибавочный труд — например, стоимость в 120 ф. ст. (если 100 ф. ст. составляют авансированный капитал, а прибавочный труд равен 20 ф. ст.). Каждый аршин ситца равен $^{120}/_{1200}$ ф. ст., т. е. $^{1}/_{10}$ ф. ст., или 2 шилл. В качестве результата процесса выступает не отдельный товар,

а вся масса товаров, в которых воспроизведена стоимость совокупного капитала с добавлением к ней прибавочной стоимости. Стоимость отдельного продукта определяется всей произведенной стоимостью, деленной на число продуктов, и только в качестве такой соответственной части совокупной стоимости отдельный продукт становится товаром. Теперь уже не затраченный на отдельный особый товар труд, который в большинстве случаев совсем нельзя было бы исчислить и который в одном товаре может быть большим по количеству, чем в другом, а совокупный труд, соответственная часть этого совокупного труда, среднее, получающееся от деления совокупной стоимости на число продуктов, определяет стоимость отдельного продукта и конституирует его как товар. Поэтому и для возмещения совокупного капитала с прибавочной стоимостью необходимо, чтобы каждый товар из совокупной массы товаров был продан по своей указанным образом определенной стоимости. Если бы из 1200 аршин было продано только 800, то капитал не был бы возмещен и тем более не была бы получена прибыль. Но и отдельный аршин *тоже* был бы продан ниже своей стоимости, так как его стоимость определяется не изолированно, а как определенная часть совокупного продукта.

[808] «Если вы труд называете товаром, то он не похож на такой товар, который сначала производится с целью обмена, а затем выносится на рынок, где он должен быть обменен на другие товары соответственно относительным количествам каждого из них, имеющимся в данное время на рынке; труд *производится* в тот момент, когда он выносится на рынок, — более того, он выносится на рынок раньше, чем он производится» (цит. соч., стр. 75—76).

В действительности на рынок выносится не труд, а рабочий. И капиталисту рабочий продает не свой труд, а временное использование самого себя как рабочей силы [working power]. В договоре, который заключают капиталист и рабочий, в покупке и продаже, относительно которой они договариваются, именно это и является непосредственным предметом сделки.

Когда имеет место сдельщина и рабочий оплачивается поштучно, а не по времени, в течение которого рабочая сила отдается в распоряжение капиталиста, то это есть лишь другой способ определять это время. Оно измеряется продуктом, причем определенное количество продукта считается выражением общественно необходимого рабочего времени. Во многих отраслях промышленности Лондона, где господствует сдельщина, оплата производится именно таким способом, исходя из часов [общественно необходимого рабочего времени], но часто

возникают споры по поводу того, представляет ли тот или другой продукт труда «час» или нет.

Независимо от отдельных форм оплаты рабочих, не только при сдельщине, но и вообще, несмотря на то, что рабочая сила продается на определенных условиях до ее потребления, она *оплачивается* после выполнения труда, будь это в конце каждого дня, каждой недели и т. д. Деньги становятся здесь *средством платежа,* после того как они перед тем служили идеально средством покупки, так как номинальный переход товара к покупателю отличается от реального. Продажа товара — рабочей силы, — юридическая передача потребительной стоимости и ее действительная передача не совпадают здесь по времени. Реализация цены происходит поэтому позже продажи товара (см. *первую часть* моего сочинения, стр. 122)[45]. Здесь обнаруживается также, что авансирует не капиталист, а рабочий, — подобно тому как при сдаче дома внаем авансирует потребительную стоимость не наниматель, а сдающий внаем. Рабочий, правда, получает плату (или, по крайней мере, может получать плату, если товар не заказан предварительно и т. д.) еще до того, как произведенный им товар продан. Но *его* товар, его рабочая сила подверглась производственному потреблению, перешла в руки покупателя, капиталиста, до того, как он, рабочий, получил плату. И речь идет не о том, что покупатель товара намерен с ним делать, покупает ли он его для того, чтобы держать его у себя в качестве потребительной стоимости, или же для того, чтобы в свою очередь его продать. Речь идет о *прямой* сделке между первым покупателем и продавцом.

[Рикардо говорит в своих «Principles»:]

«На различных стадиях развития общества накопление *капитала,* или *средств для применения труда,* идет с большей или меньшей быстротой и должно во всех случаях зависеть от производительных сил труда. Производительные силы труда, по общему правилу, больше всего тогда, когда имеется в изобилии плодородная земля» (*Ricardo.* On the Principles of Political Economy. Third edition. London, 1821, стр. 92) [Русский перевод, том I, стр. 89].

По поводу этого положения Рикардо автор анонимного сочинения замечает:

«Если в первой фразе *производительные силы труда означают незначительность той доли какого-либо продукта, которая достается тем, кто его произвел трудом своих рук,* то эта фраза является почти тавтологией, так как *остающаяся доля продукта образует тот фонд, из которого может накопляться капитал,* если это угодно его владельцу».

(Таким образом, признаётся само собой разумеющимся, что, с точки зрения капиталиста, *«производительные силы. труда*

означают незначительность той доли какого-либо продукта, которая достается тем, кто его произвел трудом своих рук». Это место великолепно.)

«Но в таком случае это не всегда бывает там, где имеется больше всего плодородной земли».

(Это возражение глупо. Рикардо предполагает капиталистическое производство. Он не исследует вопроса о том, легче ли оно развивается при плодородной или при относительно неплодородной земле. Там, где оно существует, оно наиболее производительно в тех местах, где земля наиболее плодородна. Как общественные, так и природные производительные силы труда, т. е. те, которые труд находит в окружающей его природе, выступают в виде производительной силы капитала. Сам Рикардо в приведенном выше месте отождествляет — и это правильно — производительные силы труда с трудом, производящим капитал, производящим то богатство, которое распоряжается трудом, а не то богатство, которое принадлежит труду. *Его выражение «капитал, или средства для применения труд* а», в сущности является единственным, где он схватывает действительную природу капитала. Сам он настолько во власти [809] капиталистической точки зрения, что это извращение, это quidproquo* представляется ему чем-то само собой разумеющимся. Объективные условия труда, — к тому же созданные самим этим трудом, — сырье и орудия труда, — не являются такими *средствами, которые труд применяет в качестве своих средств,* а наоборот, они являются *средствами для применения труда.* Не труд их применяет, а они применяют труд. Труд является тем средством для этих вещей, при помощи которого они накопляются в качестве капитала, а не тем средством, которое обеспечивало бы рабочему продукты, богатство.)

«Так обстоит дело в Северной Америке, но это — искусственное состояние»

(т. е. капиталистическое состояние).

«Не так дело обстоит в Мексике и в Новой Голландии**. Производительные силы труда в *другом* смысле, действительно, всего больше там, где имеется много плодородной земли, — в этом случае речь идет о способности человека, если он этого хочет, выращивать большое количество *сырого продукта,* большое по сравнению со всем выполняемым им трудом. В действительности, это *дар природы, что люди могут выращивать больше предметов питания, чем тот минимум, какой необходим для содержания существующего населения».*

* — смешение понятий (буквально: принятие одного за другое). *Ред.*
** — старое название Австралии. *Ред.*

(Это основа учения *физиократов.* Физической основой прибавочной стоимости является этот «дар природы», который нагляднее всего выступает в земледельческом труде, удовлетворяющем первоначально почти все потребности. В промышленном труде это не так ясно, ибо его продукт сперва должен быть продан как товар. Физиократы, которые впервые дают анализ прибавочной стоимости, рассматривают ее в ее натуральной форме.)

«Но *«прибавочный продукт)* (выражение, употребляемое г-ном Рикардо на стр. 93) обычно означает избыток всей цены какой-нибудь вещи над той ее частью, которая достается рабочим, сделавшим эту вещь»

(осел не видит, что там, где земля плодородна и где, следовательно, на достающуюся рабочему, хотя бы и небольшую, долю цены продукта можно купить достаточное количество предметов необходимости, — доля капиталиста бывает наибольшей), —

«отношение, которое регулируется соглашением людей, а не определяется природой» («Observations он certain Verbal Disputes», стр. 74—75).

Если последняя, заключительная фраза имеет какой-нибудь смысл, то он состоит в том, что «прибавочный продукт» в капиталистическом смысле следует строго отличать от производительности труда как таковой. Последняя интересует капиталиста лишь постольку, поскольку она для него реализуется как прибыль. В этом заключается ограниченность, предел капиталистического производства.

«Когда спрос на какой-нибудь предмет превышает то, что является действительным спросом по отношению к данному состоянию предложения, и когда поэтому цена повысилась, то или размеры предложения могут быть увеличены при сохранении прежней нормы издержек производства, — в этом случае размеры предложения будут увеличиваться до тех пор, пока данный предмет не станет обмениваться на другие предметы в таком же отношении, как прежде. Или, во-вторых, увеличить- предложение сверх прежних его размеров *невозможно,* и тогда повысившаяся цена не начнет понижаться, а будет продолжать давать, как говорит Смит, более высокую земельную ренту или более высокую прибыль или более высокую заработную плату (или все три) на те особые виды земли, капитала или труда, которые были применены при производстве рассматриваемого предмета. Или, в-третьих, возможное увеличение предложения требует соответственно *больше* земли или капитала или труда или всех трех этих факторов, ном было необходимо *для периодического производства» (следует отметить это выражение!)* «прежнего количества товара. В этом случае предложение увеличится не раньше, чем спрос будет достаточно силен для того, чтобы 1) оплачивать по этой повышенной цене добавочное предложение, 2) оплачивать по этой же повышенной цене прежнее количество предложения. Ибо для получения высокой цены за товар производитель добавочного количества товара будет иметь не большую возможность, чем те, кто произвел прежнее его количество... Таким образом, в этой отрасли будет получаться *сверхприбыль... Сверхприбыль* или будет доставаться только некоторым особым производителям... или, если *добавочный* продукт нельзя *отличить*

от остального, в сверхприбыли будут участвовать все... Люди согласны будут давать кое-что за то, чтобы участвовать в такой отрасли, где можно получать такую *сверхприбыль...* То, что они с этой целью дают, есть *рента»* (цит. соч., стр. 79—81).

Здесь следует отметить только то, что в этом сочинении рента впервые рассматривается как общая форма консолидированной *сверхприбыли.*

[810] «Выражение «превращение дохода в капитал» представляет собой еще один источник этих споров *о словах.* Один человек хочет этим сказать, что капиталист часть прибыли, полученной им в результате применения своего капитала, затрачивает на увеличение своего капитала, вместо того чтобы расходовать ее для личного потребления, как он мог бы сделать это в противном случае. Другой хочет этим сказать, что кто-то затрачивает как капитал нечто такое, чего он никогда не получал в качестве прибыли на какой бы то ни было принадлежащий ему капитал и что ему досталось в качестве ренты, заработной платы, жалованья» (цит. соч., стр. 83—84).

Эти последние обороты — «еще один *источник* споров о *словах»,* «один человек хочет этим сказать», «другой хочет этим сказать» — показывают манеру этого умничающего пачкуна.

b) «AN INQUIRY INTO THOSE PRINCIPLES...» [БУРЖУАЗНАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ АНОНИМНОГО АВТОРА. ЕГО ТРАКТОВКА РИКАРДОВСКОЙ ТЕОРИИ НАКОПЛЕНИЯ. НЕПОНИМАНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА, ПОРОЖДАЮЩИХ КРИЗИСЫ]

«An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus» etc. London, 1821.

Сочинение рикардианского направления. Неплохо выступает против Мальтуса. Показывает бесконечную ограниченность этих молодцов. Здесь обнаруживается, во что превращается, их проницательность, когда они вместо земельной собственности рассматривают капитал. Тем не менее это — одно из лучших полемических сочинений упомянутого выше десятилетия.

«Если применяемый в производстве ножей капитал увеличивается на 1% и если это может увеличить их производство только в такой же пропорции, то, при предположении, что производство *других вещей* не возросло, производители ножей *увеличат в меньшей степени* имеющуюся у них возможность распоряжаться вещами вообще; но именно такая возможность распоряжаться вещами вообще, а не увеличение количества ножей, образует прибыль предпринимателя, или увеличение его богатства. Однако если бы такое же увеличение на 1% *произошло одновременно в капиталах всех других отраслей производства* и если бы это *вызвало точно такое же увеличение продукта,* то результат получился бы другой, потому что отношение, в каком обменивается одни продукт на другой, осталось бы

без изменения и поэтому определенная часть каждого продукта давала бы возможность распоряжаться таким же количеством других вещей, как и прежде» (назв. соч., стр. 9).

Прежде всего, если, как предположено, увеличение производства (и увеличение применяемого в производстве капитала) имеет место только в производстве ножей, то доход производителя ножей будет не повышаться *«в меньшей степени»,* а вообще не будет повышаться, и у производителя ножей получится абсолютный убыток. Для производителя ножей будут тогда открыты только три пути. Или он должен будет обменять свой увеличенный продукт точно так же, как он обменял бы меньшее количество его; тогда его увеличенное производство приведет к прямому убытку. Или он должен будет стараться найти новых потребителей; притом если он ограничен прежним кругом потребителей, то это может быть достигнуто только тем, что он отвлекает покупателей от другой отрасли производства и перекладывает свой убыток на ее плечи; или же он должен расширить свой рынок за его прежние границы, — но ни та, ни другая из этих операций не зависит ни от его доброй воли, ни от одного лишь существования увеличенного количества ножей. Или, наконец, он должен будет перенести излишек своей продукции на следующий год и соответственно уменьшить свое новое предложение для этого следующего года, что тоже ведет к убытку, если его добавление к прежнему капиталу состояло не только в добавочной заработной плате, но и в добавочном основном капитале.

Далее, если накопление всех других капиталов происходило в том же самом размере, то отсюда отнюдь не следует, что их производство увеличится в такой же степени. Но даже если бы это было и так, то отсюда не следовало бы, что им требуется на один процент больше ножей, так как их спрос на ножи не находится ни в какой связи ни с увеличением их собственного продукта, ни с увеличением их способности покупать ножи. Получается всего-навсего тавтология: если увеличение капитала, применяемого в каждой отдельной отрасли производства, пропорционально той степени, в какой потребности общества увеличивают спрос на каждый отдельный товар, то увеличение количества одного товара обеспечивает рынок для увеличенного предложения других товаров.

Таким образом, здесь предполагается: 1) *капиталистическое производство,* при котором производство в каждой отдельной отрасли — и его увеличение — регулируется не *непосредственно* потребностями общества и совершается не [811] *под контролем* последнего, а регулируется производительными силами, кото-

рыми каждый отдельный капиталист распоряжается независимо от потребностей общества; и 2) предполагается, что, тем не менее, производство ведется так *пропорционально,* как будто капитал в различных отраслях производства применяется непосредственно обществом в соответствии с потребностями общества.

При таком предположении, представляющем собой contradictio in adjecto*, т. е. в том случае, если бы капиталистическое производство было абсолютно социалистическим, никакое перепроизводство действительно не могло бы иметь места.

К тому же, в различных отраслях производства, где происходит *одинаковое накопление* капитала (а это опять-таки — никуда не годное предположение, будто капитал в различных отраслях накопляется в *одинаковой степени),* масса продукта, соответствующая этому увеличению применяемого капитала, весьма различна, так как производительная сила в различных отраслях, или масса производимых потребительных стоимостей по отношению к применяемому труду, очень различна. И тут и там производится одна и та же стоимость, но количество товаров, в каком она представлена, очень различно. Если в отрасли *А* стоимость увеличилась на 1%, в то время как масса товаров возросла на 20%, то абсолютно нельзя понять, почему в таком случае эта масса товаров должна найти себе рынок в отрасли *В,* где стоимость увеличилась тоже на 1%, но масса товаров возросла только на 5%. Здесь упускается из виду разница между потребительной и меновой стоимостью.

Великое открытие Сэя, что «товары покупаются лишь на товары»[46], означает только то, что деньги сами представляют собой превращенную форму товара. Это отнюдь не доказывает, что так как я могу купить только на товар, то я могу купить на *свой* товар, или что моя покупательная способность находится в соответствии с *количеством* произведенных мною товаров. Одна и та же *стоимость* может быть представлена в весьма различных количествах товара. Но потребительная стоимость — потребление — имеет дело не со стоимостью, а с количеством продукта. Абсолютно нельзя понять, почему я должен купить шесть ножей на том основании, что я могу получить их так же дешево, как раньше один нож. Не говоря уже о том, что рабочие продают не товары, а труд, существует масса людей, не производящих товары, но покупающих на деньги. Покупатель и продавец товара не тождественны. Земельный собственник, денежный капиталист и т. д. получают товар других произво-

* — буквально: «противоречие в эпитете», или «противоречие в определении», т. е. абсурдное противоречие такого типа, как в выражениях «круглый квадрат», «деревянное железо». *Ред.*

дителей в виде *денег.* Они являются покупателями, не будучи продавцами «товара». Происходит не только покупка и продажа между промышленными капиталистами, но и продажа ими своих товаров рабочим, а также владельцам доходов, не являющимся фабрикантами товаров. Наконец, их покупки и продажи, совершаемые ими как капиталистами, весьма отличны от их покупок, совершаемых ими при расходовании своего дохода.

«Г-н Рикардо (издание второе, стр. 359) [Русский перевод, том I, стр. 239], приведя взгляд Смита на причину падения прибыли, присовокупляет: «Однако г-н Сэй в высшей степени убедительно показал, что нет такой суммы капитала, которая не могла бы найти применения в стране, ибо спрос *ограничен* только производством»».

(Какая премудрость! Конечно, спрос *ограничен* производством. Не может быть спроса на то, чего *нельзя* произвести по заказу или чего спрос не находит готовым на рынке. Но из того, что спрос *ограничен* производством, отнюдь не следует, что *производство ограничено спросом или было им ограничено* и что оно никогда не может превысить спрос, в особенности спрос по существующей рыночной цене. Такова сэевская острота мысли.)

««В стране не может быть накоплено такое количество капитала, которое нельзя было бы применить производительно» (это означает, полагаю я», — добавляет от себя в скобках анонимный автор, — «с прибылью для владельца), «если *вследствие* повышения цен на предметы необходимости не будет очень значительного повышения заработной платы, в результате чего для прибыли на капитал останется так мало, что исчезнет стимул к накоплению» (там же, стр. 360) [Русский перевод, том I, стр. 239]».

(Рикардо отождествляет здесь «производительно» и «прибыльно», тогда как именно в том, что при капиталистическом производстве «производительно» только то, что «прибыльно», заключается его отличие от абсолютного производства и его предел. Чтобы производить «производительно», надо производить так, чтобы масса производителей была исключена из части спроса на продукт; надо производить в антагонизме к тому классу, [812] потребление которого не идет ни в какое сравнение с его производством, — так как именно в избытке его производства над его потреблением и состоит прибыль капитала. С другой стороны, надо производить для таких классов, которые потребляют, но не производят. Надо не только придать прибавочному продукту такую форму, в которой он становится предметом спроса для этих классов: сам капиталист, если он хочет накоплять, не должен, с другой стороны, предъявлять спрос на свои продукты, поскольку они входят в доход, в тех размерах, в каких он их производит. Иначе он не может на-

коплять. Поэтому Мальтус противопоставляет капиталисту такие классы, задача которых — не накопление, а расходование. И в то время как с одной стороны предполагаются все эти противоречия, с другой стороны предполагается, что производство совершается без всяких трений, как будто эти противоречия не существуют. Покупка и продажа отделены друг от друга, товар отделен от денег, потребительная стоимость отделена от меновой стоимости. Предполагается, наоборот, что это отделение не имеет места, а происходит меновая торговля. Потребление и производство отделены друг от друга; существуют производители, которые не потребляют, и потребители, которые не производят. Предполагается, наоборот, что потребление и производство тождественны. Капиталист производит непосредственно для того, чтобы увеличить свою прибыль, ради меновой стоимости, а не ради потребления. Предполагается, наоборот, что он производит непосредственно — и только — ради потребления. Если предположить, что существующие в буржуазном производстве противоречия, — которые, правда, выравниваются, но так, что этот процесс выравнивания выступает вместе с тем как кризис, как насильственное соединение разъединенных, безразлично противостоящих друг другу и тем не менее взаимно связанных моментов, — не существуют, то, конечно, они не могут и проявить себя. В каждой отрасли каждый отдельный капиталист производит соответственно *своему* капиталу, не считаясь с потребностями общества и, в особенности, не считаясь с конкурирующим предложением со стороны других капиталов в той же отрасли. Предполагается, наоборот, что он производит так, как если бы он производил по заказу общества. Если бы не было внешней торговли, то предметы роскоши, говорят нам, можно было бы производить, при любых издержках производства, внутри страны. В этом случае, за исключением производства предметов необходимости, труд действительно был бы очень непроизводителен. Поэтому и накопление капитала было бы невелико. При этих условиях каждая страна могла бы применять весь накопленный в ней капитал, так как, согласно предположению, в ней накоплялось бы лишь немного капитала.)

«Вторая фраза Рикардо ограничивает первую (чтобы не сказать: противоречит ей), если выражение «не могла бы найти применения» означает в первой фразе «не могла бы быть применена производительно», или, точнее, «прибыльно». А если это выражение означает просто «не могла бы быть применена», то это утверждение бесполезно, потому что ни Адам Смит, ни кто-либо другой, думается мне, не оспаривал, что капитал может быть, «применен» в том случае, если его владельцу безразлично, какую прибыль он приносит» («An Inquiry into those Principles...», стр. 18—19).

В действительности Рикардо говорит, что весь капитал в стране, в каких бы размерах он ни был накоплен, может быть применен прибыльно, но что, с другой стороны, сам факт накопления капитала препятствует его «прибыльному» применению, так как накопление должно вести к уменьшению прибыли, а следовательно и нормы накопления.

«Увеличенный спрос [на получение работы][*] с их» (рабочих) «стороны означает их готовность брать себе менее значительную долю продукта и оставлять более значительную долю его тем, кто их, рабочих, нанимает; и если говорят, что это сокращает потребление и тем самым увеличивает переполнение рынка, то я могу лишь ответить, что в таком случае переполнение рынка оказывается синонимом высокой прибыли» (цит. соч., стр. 59).

Такова, действительно, сокровенная основа переполнения рынка.

«В качестве потребителей, рабочие, в периоды процветания, не имеют никакой выгоды от машин (вопреки утверждению г-на Сэя, «Traite d'economie politique», издание четвертое, том I, стр. 60), если только предмет, удешевляемый машиной, не принадлежит к числу таких вещей, которые, благодаря удешевлению, могут стать доступными для потребления их рабочими. Молотилки, ветряные мельницы могут в этом отношении иметь для рабочих большое значение, но изобретение машины, вырезывающей фанеру для дорогой мебели, машины для изготовления блоков или станка для вязания кружев мало улучшает *их* положение» (цит. соч., стр. 74—75).

«При детально развитом разделении труда сноровка рабочих может найти себе применение только в той особой сфере, в которой они получили выучку; *рабочие являются своего рода машинами.* При таком положении вещей бывают продолжительные периоды безработицы, т. е. потерянного труда, — богатства, подрезанного у своего корня. Совершенно бесполезно повторять, как попугай, что вещам свойственна тенденция находить свой уровень. Стоит посмотреть вокруг себя, и мы увидим, что они [813] в течение долгого времени *не могут* найти своего уровня и что, когда они находят его, то он оказывается значительно ниже, чем уровень в начале процесса» (цит. соч., стр. 72).

Этот рикардианец, по примеру Рикардо, правильно признаёт те кризисы, которые происходят от внезапных перемен в ходе торговли[47]. Это имело место в Англии после войны 1815 года. И точно так же все позднейшие экономисты признавали каждый раз единственно возможной причиной кризисов то, что было *наиболее осязательным поводом* каждого данного кризиса.

Причиной кризиса он признаёт также и кредитную систему (стр. 81 и следующие). (Как будто сама кредитная система не возникла из трудности применить капитал «производительно», т. е. «прибыльно».) Англичане вынуждены, например, ссужать свой собственный капитал за границу, чтобы создать себе рынок.

[*] См. настоящий том, часть III, стр. 56. *Ред.*

В перепроизводстве, в кредитной системе и т. д. капиталистическое производство старается прорвать свои собственные границы и производить сверх своей *меры.* Оно, с одной стороны, имеет такое стремление. С другой стороны, оно выдерживает лишь такое производство, которое соответствует прибыльному применению существующего капитала. Отсюда — кризисы, которые вместе с тем всегда гонят его за его собственные границы и в семимильных сапогах заставляют достигать того, — в отношении развития производительных сил, — что оно внутри своих границ осуществило бы лишь очень медленно.

О Сэе анонимный автор судит очень правильно. Это следует привести при разборе взглядов Сэя. (См. *тетрадь VII,* стр. 134[48].)

«Он» (рабочий) «согласен *часть своего времени работать на капиталиста,* или, что сводится к одному и тому же, часть совокупного продукта, когда он готов и обменен, согласен считать принадлежащей капиталисту. Он вынужден на это соглашаться, иначе капиталист не предоставит ему своей помощи»

(т. е. своего капитала. Совсем недурно, что по мнению анонимного автора «сводится к одному и тому же», владеет ли капиталист совокупным продуктом и часть его уплачивает рабочему в качестве заработной платы — или же рабочий оставляет, передает капиталисту часть *своего* продукта).

«Но так как *побудительным стимулом* для капиталиста является *прибыль* и так как преимущества, доставляемые капиталом, всегда до известной степени зависят столько же от *желания* делать сбережения, сколько и от *возможности* делать их, то капиталист будет склонен предложить добавочное количество этой своей помощи; а так как он найдет меньше людей, нуждающихся в этом добавочном количестве помощи со стороны капитала, чем было число тех, кто нуждался в первоначальном ее количестве, то он должен будет ожидать, что ему достанется меньшая доля выгод, и вынужден будет согласиться сделать рабочему своего рода *подарок»* (!!!), «уступив ему часть выгод, создаваемых предоставленной им, капиталистом, помощью; в противном случае он не получит остальной части. Таким образом, конкуренция понижает прибыль» (цит. соч., стр. 102—103).

Это великолепно! Если капитал вследствие развития производительной силы труда накопляется так быстро, что спрос на труд повышает заработную плату, и рабочий меньше времени даром работает на капиталиста и до известной степени участвует в выгодах своего более производительного труда, — то капиталист делает ему *«подарок»!*

Тот же самый автор подробно доказывает, что высокая заработная плата является плохим стимулом для рабочих, хотя когда речь заходит о земельных собственниках, он считает

низкую прибыль обескураживанием капиталистов. (См. тетрадь XII, стр. 13[49].)

«А. Смит полагал, что вообще накопление или увеличение капитала понижает общую норму прибыли в силу того же закона, который приводит к тому, что увеличение капитала в одной какой-либо отдельной отрасли понижает в ней прибыль. Но в действительности такое увеличение капитала в отдельной отрасли означает его увеличение в большей *пропорции,* чем та пропорция, в которой в это же время увеличивается капитал в других отраслях» (пит. соч., стр. 9).

Против Сэя. (См. тетрадь XII, стр. 12[50].)

«Непосредственный рынок или непосредственное *поле деятельности* для капитала, можно сказать, есть труд. Масса капитала, которая в данное время в данной стране или во всем мире может быть вложена так, чтобы давать не меньше определенной нормы прибыли, зависит, по-видимому, главным образом от того *количества труда,* к выполнению которого, в результате затраты этого капитала, можно побудить имеющееся в данный момент число людей» (пит. соч., стр. 20).

[814] *«Прибыль* зависит не от *цены,* а от цены по сравнению с издержками» (цит. соч., стр. 28).

«Положение г-на Сэя[51] отнюдь не доказывает, что *капитал* открывает рынок для самого себя; оно доказывает только то, что капитал и труд взаимно открывают рынок друг для друга» (цит. соч., стр. 111).

c) ТОМАС ДЕ КВИНСИ [НЕСПОСОБНОСТЬ ПРЕОДОЛЕТЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ НЕДОСТАТКИ РИКАРДОВСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ]

[De Quincey, Thomas.] «Dialogues of Three Templars on Political Economy, chiefly in relation to the Principles of Mr. Ricardo» («London Magazine», vol. IX, 1824).

Попытка опровергнуть все выдвинутые против Рикардо возражения. Что автор знает, о чем идет речь, видно из этой одной фразы:

«Все трудности политической экономии можно свести к вопросу о том, что является основой меновой стоимости» (назв. соч., стр. 347).

В этом сочинении часто не без остроты вскрывается недостаточность рикардовской точки зрения, хотя это делается больше с аффектацией диалектической глубины, чем с действительной диалектической глубиной. Действительные трудности, — которые проистекают не из определения стоимости, а из того, что Рикардо недостаточно развил на этой основе дальнейшие определения и пытался насильственно и непосредственно приспособить к простому отношению стоимости более конкретные отношения, — отнюдь не разрешены и даже как следует не почувствованы. Но сочинение это характерно для того периода, когда оно появилось. Видно, что в ту пору в политической

экономии еще серьезно относились к последовательности и к мышлению.

(Слабее позднейшее произведение того же автора: «The Logic of Political Economy», Edinburgh, 1844.)

Де Квинси остро формулирует отличие взглядов Рикардо от прежних воззрений и не пытается путем перетолкования ослабить или отбросить в проблемах все специфическое, сохранив его лишь в виде фразы, — это делалось впоследствии и широко раскрыло двери беззаботному и беспринципному эклектизму.

Один пункт рикардовского учения, который Де Квинси особенно подчеркивает и который следует здесь отметить, так как он играет роль в подлежащей сейчас нашему рассмотрению полемике против Рикардо, это положение о том, что способность одного товара распоряжаться другими товарами (его покупательная сила, т. е. его стоимость, рассматриваемая как реализованная в каком-нибудь другом товаре) совершенно отлична от его *действительной стоимости.*

«Совершенно ошибочно заключать, что действительная стоимость велика потому, что велико то количество, которое она покупает, или мала потому, что мало то количество, которое она покупает... Если товар *А* удваивает свою стоимость, то он не будет на этом основании распоряжаться двойным, сравнительно с прежним, количеством товара *В.* Это может иметь место, но может случиться и так, что он будет распоряжаться в 500 раз большим или в 500 раз меньшим количеством... Никто не станет отрицать, что товар *А* при удвоении своей собственной стоимости будет распоряжаться двойным количеством всех тех предметов, стоимость которых осталась неизменной... Но вопрос состоит в том, будет ли товар *А* всегда и повсюду при удвоении своей стоимости распоряжаться двойным количеством» («Dialogues of Three Templars», стр. 552—554, в разных местах).

d) САМЮЭЛ БЕЙЛИ

[α) ПОВЕРХНОСТНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ В ТРАКТОВКЕ КАТЕГОРИИ СТОИМОСТИ У АВТОРА «OBSERVATIONS ON CERTAIN VERBAL DISPUTES... И У БЕЙЛИ. ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТА. ОТКАЗ ОТ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ КАК ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ]

[Bailey, Samuel.] A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value; chiefly in reference to the Writings of Mr. Ricardo and his Followers. By the Author of Essays on the Formation and Publication of Opinions. London, 1825.

Это — главное сочинение против Рикардо (оно направлено также и против Мальтуса). Пытается опрокинуть основу доктрины — *стоимость.* В положительном смысле не представляет никакой ценности, за исключением определения *«меры стоимости»,* или, точнее, денег в этой их функции. (Ср. также того же автора «A Letter to a Political Economist; occasioned by an

article in the «Westminster Review» on the subject of Value». London, 1826.)

Так как указанное сочинение, как уже отмечено выше*, по своей основной мысли примыкает к «Observations on certain Verbal Disputes in Political Economy», то здесь следует вернуться к этим «Observations» и привести из них соответствующие места.

Автор «Observations» упрекает Рикардо в том, что он *стоимость* из относительного свойства товаров в их отношении друг к другу превращает в нечто абсолютное.

В этом отношении Рикардо следует упрекнуть только в том, что он не проводит строгого разделения между различными моментами в развитии понятия стоимости, — между меновой стоимостью товара, как она *выступает* или *проявляется* в процессе обмена товаров, и бытием товара как *стоимости* в отличие от его бытия как вещи, продукта, потребительной стоимости.

[815] В «Observations» сказано:

«Если абсолютное количество труда, которым производится большая часть товаров или все товары за исключением одного, увеличивается, то можно ли сказать, что стоимость этого одного товара остается неизменной? Ведь он будет обмениваться на меньшее количество каждого другого товара. Если в действительности утверждается, что под увеличением или уменьшением стоимости надо *понимать* увеличение или уменьшение количества труда, которое произвело данный товар, тогда те выводы, против которых я только что возражал, могли бы быть в известной мере правильными. Но сказать, как это говорит г-н Рикардо, что сравнительные количества труда, которыми произведены два товара, являются причиной того отношения, в котором оба товара обмениваются друг на друга, т. е. причиной меновой стоимости того и другого, — это нечто совсем другое, чем сказать, что *меновая стоимость каждого товара означает* то количество труда, которое его произвело, взятое вне всякого отношения к другим товарам или к существованию других товаров» («Observations on certain Verbal Disputes», стр. 13).

«Действительно, г-н Рикардо говорит нам, что «исследование, к которому он хочет привлечь внимание читателя, касается влияния изменений *относительной,* а не *абсолютной* стоимости товаров»**, как будто он полагает, что *существует* такая вещь, как меновая стоимость, не являющаяся относительной» (там же, стр. 9—10).

«Тот факт, что г-н Рикардо отклонился от своего первоначального употребления слова «стоимость» и *сделал из стоимости нечто абсолютное вместо относительного,* еще яснее выступает в его главе «Стоимость и богатство, их отличительные свойства». Дискутируемый там вопрос обсуждался также другими экономистами и является лишь бесполезным спором о словах» (там же, стр. 15—16).

Прежде чем говорить об этом человеке, сделаем еще одно замечание о Рикардо. В своей главе «Стоимость и богатство»

---

* См настоящий том, часть III, стр. 110. *Ред.*

** См. настоящий том, часть II, стр. 185. *Ред.*

он доказывает, что общественное богатство не зависит от стоимости произведенных товаров, хотя последнее обстоятельство имеет решающее значение для каждого индивидуального производителя. Тем более ему следовало бы понять, что такая форма производства, которая имеет в виду только прибавочную стоимость, т. е. которая основывается на относительной бедности массы производителей, никак не может быть абсолютной формой производства богатства, какой он ее постоянно изображает.

А теперь обратимся к «observations»[*] умничающего противника «споров о словах».

Если все товары за исключением одного возрастают в стоимости, потому что они стоят больше рабочего времени, чем раньше, то тот товар, рабочее время которого не подверглось изменению, обменивается на меньшее количество всех других товаров. Его *меновая стоимость,* поскольку она реализуется в других товарах, т. е. его меновая стоимость, выраженная в *потребительных стоимостях* всех других товаров, уменьшилась. «Можно ли, тем не менее, сказать, что его меновая стоимость осталась *неизменной?»* Это только постановка вопроса, о котором идет речь, здесь не дается ни утвердительного, ни отрицательного ответа на него. Тот же результат получился бы и в том случае, если бы рабочее время, требующееся для производства одного товара, уменьшилось, а рабочее время всех других товаров осталось без изменения: определенное количество этого одного товара стало бы обмениваться на меньшее количество всех других товаров. В обоих случаях мы имеем здесь одно и то же явление, хотя оно и происходит в силу прямо противоположных причин. Наоборот, если бы рабочее время, требующееся для производства товара *А,* осталось неизменным, тогда как рабочее время всех других товаров уменьшилось, то товар *А* стал бы обмениваться на большее количество всех других товаров. То же самое произошло бы в силу противоположной причины, если бы рабочее время, требующееся для производства товара *А,* увеличилось, а рабочее время всех других товаров осталось неизменным. Итак, в первом случае товар *А* обменивается на меньшее количество всех других товаров, и притом это может иметь место по двум противоположным причинам. Во втором случае он обменивается на большее количество всех других товаров, и опять-таки это может иметь место по двум противоположным причинам. Но, nota bene[**], каждый раз он обменивается, согласно предположению, по

[*] — «замечаниям» (иронический намек на заглавие сочинения этого автора: «Observation's on certain Verbal Disputes»). *Ред.*

[**] — заметьте себе. *Ред.*

своей стоимости, а потому на *эквивалент.* Каждый раз товар *А* реализует свою стоимость в определенном количестве других потребительных стоимостей, на которые он обменивается, как бы ни изменялось количество этих потребительных стоимостей.

Отсюда с очевидностью следует, что то количественное отношение, в котором товары обмениваются друг на друга как потребительные стоимости, есть, правда, *выражение* их стоимости, их *реализованная* стоимость, но не сама их стоимость, так как одно и то же стоимостное отношение выражается в совершенно различных количествах потребительных стоимостей. Бытие товара как стоимости не выражено в его собственной потребительной стоимости — в его бытии как потребительной стоимости. Стоимость товара *проявляется* в его выражении в других потребительных стоимостях, т. е. в том отношении, в каком эти другие потребительные стоимости обмениваются на данный товар. Если 1 унция золота = 1 тонне железа, т. е. если небольшое количество золота обменивается на большое количество железа, то разве в силу этого стоимость унции золота, выраженная в железе, больше стоимости железа, выраженной в золоте? То, что товары обмениваются соответственно содержащемуся в них труду, означает, что они равны, что они суть одно и то же, поскольку представляют одно и то же количество труда. Это, следовательно, вместе с тем означает, что каждый товар, рассматриваемый отдельно, есть нечто [816] *отличное* от его собственной потребительной стоимости, от его собственного бытия как потребительной стоимости.

Стоимость одного и того же товара, не изменяясь, может быть представлена в бесконечно *различных* количествах потребительных стоимостей, сообразно с тем, выражаю ли я ее в потребительной стоимости того или другого товара. Это не изменяет стоимости, хотя и изменяет ее выражение. Точно так же и все те различные количества различных потребительных стоимостей, в которых можно выразить стоимость товара *А,* суть эквиваленты и относятся друг к другу не только как стоимости, но и как равновеликие стоимости, так что, когда эти весьма различные количества потребительных стоимостей замещают друг друга, стоимость остается столь же неизменной, как если бы она не получала выражения в совершенно различных потребительных стоимостях.

Если товары обмениваются в том отношении, в каком они представляют одинаковые количества рабочего времени, то их бытие как овеществленного рабочего времени, их бытие как воплощенного рабочего времени, есть то, что их *объединяет,* то, что составляет их *тождественный элемент.* Как такие

продукты труда, товары *качественно* суть одно и то же и различаются между собой лишь *количественно,* в зависимости от того, представляют ли они больше или меньше *одного и того же,* — а именно, рабочего времени. *Стоимостями* они являются как выражения этого тождественного элемента, а равновеликими стоимостями, *эквивалентами,* они являются постольку, поскольку они представляют одинаковые количества рабочего времени. Чтобы их в качестве величин можно было сравнивать между собой, они уже должны быть одноименными величинами, качественно тождественными.

Именно в качестве выражений этого единого начала эти различные вещи суть *стоимости* и относятся друг к другу как стоимости, а этим самым дана и разница в *величине их стоимостей,* их имманентная мера стоимости. И только *поэтому* стоимость одного товара может быть представлена, выражена в потребительных стоимостях других товаров как в ее эквивалентах. Таким образом, и сам *отдельный товар* как *стоимость,* как *бытие этого единого начала,* отличен от самого себя как потребительной стоимости, как вещи, — совершенно независимо от выражения его стоимости в других товарах. Как бытие рабочего времени товар есть *стоимость* вообще, как бытие количественно определенного рабочего времени он есть определенная *величина стоимости.*

Для нашего умничающего пачкуна характерны такие обороты, как: «если мы *понимаем* под этим то-то, то мы *не понимаем* под этим того-то», и vice versa*. Наше «понимание» не имеет ни малейшего отношения к существенным признакам той вещи, о которой мы говорим. Когда мы говорим о *меновой стоимости* какой-нибудь вещи, мы *понимаем* под этим прежде всего, конечно, те *относительные количества* всякого другого товара, которые могут быть обменены на первый товар. Но при более близком рассмотрении мы найдем следующее: чтобы то отношение, в каком данная вещь обменивается на несчетное количество других вещей, но имеющих с ней решительно ничего общего, — и даже если между ними имеется природное или другое сходство, оно при обмене не принимается во внимание, — чтобы это отношение было *устойчивым отношением,* все эти различные, разнородные вещи должны рассматриваться как соответственные выражения *одного и того же общего им всем единого элемента,* элемента, совершенно отличного от их природного существования или внешнего вида. Далее, мы еще найдем, что если наше «понимание» имеет какой-либо

* — наоборот. *Ред.*

смысл, то стоимость какого-нибудь товара есть не только нечто такое, что роднит его с другими товарами и отличает его от других товаров, но что она есть такое качество, которым товар отличается от своего собственного существования как вещи, как потребительной стоимости.

«Повышение стоимости предмета *A* означает только *стоимость, измеряемую* в предметах *B, C* и т. д., т. е. стоимость в обмене на предметы *B, C* и т. д.» (цит. соч., стр. 16).

Чтобы *можно было* стоимость предмета *A,* например книги, *измерять* в предмете *B,* в угле, и в предмете *C,* в вине, *A, B, C* как *стоимости* должны быть чем-то отличным от их существования как книги, угля и вина. Чтобы можно было стоимость *A* измерять в *B, A* должно иметь стоимость, не зависящую от измерения этой стоимости в *B,* и оба они должны быть [качественно] равны третьей вещи, которая выражается в них обоих.

Совершенно ошибочно говорить, что в результате этого стоимость товара превращается из чего-то *относительного* в нечто *абсолютное.* Наоборот. В качестве потребительной стоимости товар выступает как нечто самостоятельное. В качестве стоимости, напротив, он выступает как нечто лишь *положенное*[52], определяемое лишь его отношением к общественно необходимому, одинаковому, простому рабочему времени. Это настолько относительно, что при изменении требующегося для его воспроизводства рабочего времени изменяется и его стоимость, хотя действительно содержащееся в нем рабочее время осталось неизменным.

[817] В каком глубоком *фетишизме* погряз наш умничающий пачкун и как он относительное превращает в нечто положительное, разительнее всего показывает следующая фраза:

«Стоимость есть *свойство вещей, богатство* — свойство *людей.* В этом смысле стоимость необходимо предполагает обмен, богатство — нет» (цит. соч., стр. 16).

Богатство здесь — потребительные стоимости. Конечно, богатством они являются по отношению к людям, или для людей, однако та или иная вещь является потребительной стоимостью, а потому и элементом богатства для людей, именно благодаря своим *собственным свойствам.* Если отнять у винограда те свойства, которые делают его виноградом, то исчезает та потребительная стоимость, которую он как виноград имеет для людей; и он перестает как виноград быть элементом богатства. Богатство как тождественное с потребительными стоимостями, это — те *свойства вещей,* которыми пользуются люди и которые выражают отношение к их потребностям. А по мнению нашего автора, напротив, *«свойством вещей»* является «стоимость»!

Как стоимости товары суть *общественные* величины, — следовательно, нечто абсолютно отличное от их «свойств» как «вещей». В качестве стоимостей они представляют лишь отношения людей в их производственной деятельности. Стоимость, действительно, «предполагает обмен», но обмен этот есть обмен вещами между людьми, обмен, не имеющий абсолютно никакого отношения к вещам как к таковым. Вещь сохраняет те же «свойства», независимо от того, находится ли она в руках *A* или *B*. Понятие «стоимости», действительно, предполагает «обмен» продуктов. При обобществленном труде отношения людей в их общественном производстве не представлены как «стоимости» «вещей». Обмен продуктами как товарами есть определенная форма обмена трудом и зависимости труда каждого человека от труда других, определенный способ общественного труда, или общественного производства.

В первой части моего сочинения[53] я показал, как покоящийся на частном обмене труд характеризуется тем, что общественный характер труда «представляется» в превратном виде как «свойство» вещей, что общественное отношение выступает как отношение вещей между собой (как отношение продуктов, потребительных стоимостей, товаров). Эту *видимость* наш фетишист принимает за нечто действительное и на самом деле думает, что меновая стоимость вещей определяется их свойствами как вещей и вообще есть их природное свойство. До сих пор еще ни один естествоиспытатель не открыл, благодаря каким природным свойствам нюхательный табак и картины становятся в определенной пропорции «эквивалентами» друг для друга.

Таким образом, именно он, этот премудрый дуралей, превращает стоимость в нечто абсолютное, в «свойство вещей», вместо того чтобы видеть в ней лишь нечто относительное, отношение вещей к общественному труду, к покоящемуся на частном обмене общественному труду, в сфере которого вещи определены не как нечто самостоятельное, а как всего лишь выражения общественного производства.

Но то обстоятельство, что «стоимость» не есть нечто абсолютное, что ее нельзя рассматривать как нечто самостоятельно существующее, совершенно отлично от того, что товары с необходимостью должны давать своей меновой стоимости *самостоятельное* выражение, *отличное* от их потребительной стоимости, или от их бытия как реального продукта, и *независимо* от этого бытия существующее, т. е. что товарное обращение с необходимостью должно прийти к образованию денег. Товары дают своей меновой стоимости это выражение в деньгах, прежде всего в *цене,* в которой все они представлены как материализация

одного и того же труда, как всего лишь количественно различные выражения *одной и той же* субстанции. *Приобретение самостоятельности меновой стоимостью* товара в деньгах само есть продукт процесса обмена, результат развития содержащихся в товаре противоречий потребительной стоимости и меновой стоимости и того не в меньшей мере содержащегося в нем противоречия, что определенный, особый труд частного индивида с необходимостью должен выявить себя как свою противоположность, как одинаковый, необходимый, всеобщий и в этой форме общественный труд. В том, что товар выражается в деньгах, содержится не только то, что различные величины стоимости товаров измеряются путем выражения их стоимости в потребительной стоимости одного исключительного товара, но вместе с тем и то, что все они выражают себя в такой форме, в которой они существуют как воплощение *общественного труда* и потому могут обмениваться на всякий другой товар, могут быть по желанию превращены в любую потребительную стоимость. Поэтому их выражение в деньгах — в цене — сперва выступает лишь идеально, и они его реализуют лишь путем действительной продажи.

Ошибка *Рикардо* состоит в том, что он занимается лишь *величиной стоимости.* Поэтому он обращает свое внимание только на то [818] *относительное количество труда,* которое представляют различные товары, которое они как стоимости содержат в себе в воплощенном виде. Но содержащийся в товарах труд должен быть представлен как *общественный* труд, как отчужденный индивидуальный труд. В цене это выражено идеально. Реализуется это лишь в продаже. Это превращение содержащихся в товарах работ отдельных индивидов в *одинаковый общественный труд,* который поэтому может быть представлен во всех потребительных стоимостях, может обмениваться на все потребительные стоимости, эта *качественная* сторона дела, содержащаяся в выражении меновой стоимости в деньгах, у Рикардо не развита. Это обстоятельство — необходимость *представить* содержащийся в товарах труд как *одинаковый общественный труд,* т. е. как деньги — Рикардо упускает из виду.

Развитие капитала, со своей стороны, уже *предполагает* полное развитие меновой стоимости товара, а потому и приобретение ею самостоятельного существования в деньгах. В процессе производства и обращения капитала исходным пунктом является стоимость как самостоятельная форма; эта стоимость сохраняется, увеличивается, посредством сравнения со своей первоначальной величиной измеряет свое увеличение во всех

превращениях, претерпеваемых теми товарами, в которых она представлена, и, не говоря уже о том, что сама она бывает представлена в самых различных потребительных стоимостях, меняет товары, служащие ей телесной оболочкой. Отношение стоимости, предпосланной производству, к стоимости, получающейся в результате производства, — а в качестве предпосланной производству стоимости капитал есть капитал в противоположность прибыли, — образует всеохватывающий и определяющий момент всего процесса капиталистического производства. Здесь перед нами не только самостоятельное выражение стоимости, как это имеет место в деньгах, а стоимость в процессе движения, стоимость, сохраняющая себя в таком процессе, в котором потребительные стоимости проходят через самые различные формы. В капитале, таким образом, приобретение стоимостью самостоятельности выступает в гораздо большей степени, чем в деньгах.

На основании сказанного можно судить о мудрости нашего умничающего противника «споров о словах», который приобретение меновой стоимостью самостоятельности рассматривает как пустую фразу, манеру выражаться, схоластическую выдумку.

«Слово «стоимость», или valeur по-французски, не только употребляется в абсолютном смысле, вместо того чтобы употребляться в относительном, как свойство вещей, но даже употребляется некоторыми авторами в смысле некоего измеримого товара. «Владение стоимостью», «перенесение части стоимости»» (столь важный момент для основного капитала), ««сумма, или совокупность, стоимостей» и т. п. Я не знаю, что все это означает» (цит. соч., стр. 57).

То обстоятельство, что ставшая чем-то самостоятельным стоимость сама обладает в деньгах опять-таки лишь относительным выражением, так как сами деньги суть товар, а потому обладают изменчивой стоимостью, нисколько не меняет дела, а является таким несовершенством, которое проистекает из природы товара и из того, что меновой стоимости товара необходимо дать выражение, отличное от его потребительной стоимости. Свое «я не знаю» наш автор продемонстрировал в полной мере. Это мы видим по всему характеру его критики, которая хочет при помощи болтовни отделаться от трудностей, заключающихся в противоречивых определениях самих вещей, и объявляет эти трудности продуктами рефлексии или спором о словесных определениях.

«Под выражением *«относительная* стоимость двух вещей» люди имеют в виду либо то отношение, в котором две вещи обмениваются или будут обмениваться *друг на друга,* либо относительные количества *третьей.* вещи, на которые каждая из них обменивается или будет обмениваться» (цит. соч., стр. 53).

Нечего сказать, великолепное определение! Если 3 фунта кофе обмениваются сегодня или будут обмениваться завтра на 1 фунт чая, то это отнюдь не значит, что здесь имеет место обмен эквивалентов. На этом основании каждый товар мог бы обмениваться всегда только по своей стоимости, ибо его стоимостью было бы любое количество другого товара, на которое он случайно был обменен. Однако обычно не это *«имеют в виду»,* когда говорят, что 3 фунта кофе были обменены на их эквивалент в чае. Предполагается, что после обмена, как и до него, в руках каждого из участников обмена находится *товар одинаковой стоимости.* Не отношение, в каком обмениваются два товара, определяет их стоимость, а их стоимость определяет то отношение, в каком они обмениваются. Если стоимость есть не что иное, как то количество товара, на которое случайно обменивается товар *A,* то как тогда выразить стоимость *A* в товаре *B, C* и т. д.? Ведь [819] в этом случае, раз нет *имманентной* меры для обоих, стоимость товара *A* не могла бы быть выражена в товаре *B* до тех пор, пока товар *A* не обменен на *B.*

Относительная стоимость означает, во-первых, *величину стоимости* в отличие от качества быть вообще *стоимостью.* Поэтому последняя тоже не есть нечто абсолютное. Во-вторых, относительная стоимость означает стоимость одного товара, выраженную в потребительной стоимости другого товара. Это есть *только относительное* выражение его стоимости, — а именно, в ее отношении к тому товару, в котором она выражена. Стоимость одного фунта кофе лишь относительно выражена в чае. Чтобы выразить ее абсолютно — даже в относительной форме, т. е. в ее отношении не к рабочему времени, а к другим товарам, — ее надо было бы выразить в бесконечном ряде уравнений *со всеми другими товарами.* Это было бы *абсолютным* выражением [в относительной форме] его *относительной стоимости.* Абсолютным выражением стоимости было бы ее выражение *в рабочем времени,* и посредством этого абсолютного выражения она была бы выражена как нечто относительное, но в рамках того абсолютного отношения, в силу которого она *есть* стоимость.

* * *

Обратимся теперь к Бейли.

Положительной заслугой его сочинения является только одно — а именно то, что он первый более правильно определяет *меру стоимости,* т. е. в действительности одну из функций денег, или деньги в особой определенности формы. Для измерения *стоимостей* товаров — для *внешней* меры стоимостей —

нет необходимости, чтобы стоимость того товара, в котором измеряются другие товары, была неизменной (напротив, как я доказал в первой части[54], она должна быть способной к изменению, так как сама мера стоимостей есть товар и должна быть товаром, ибо иначе она не имела бы общей *имманентной* меры с другими товарами). Если, например, изменяется стоимость денег, то она изменяется одинаково по отношению ко всем другим товарам. Поэтому их относительные стоимости выражаются в деньгах так же правильно, как если бы деньги оставались неизменными.

Этим была устранена проблема найти «неизменную меру стоимостей». Однако сама эта проблема (интерес к сравниванию стоимостей товаров в различные периоды истории представляет собой интерес в сущности не *экономический* сам по себе, а академический[*]) возникла из недоразумения и таила в себе гораздо более глубокий и важный вопрос. «Неизменная мера стоимостей» означала прежде всего такую меру стоимостей, которая сама должна была бы иметь неизменную стоимость, т. е., так как сама стоимость есть определение товара, «неизменная мера стоимостей» означала товар с неизменной стоимостью. Если бы, например, золото и серебро или хлеб, или также труд, были такими товарами, то при помощи сравнения с ними, при помощи того отношения, в каком другие товары обмениваются на них, можно было бы точно измерять изменения в стоимости этих других товаров их ценой в золоте, в серебре, в хлебе или их отношением к заработной плате. Следовательно, в проблеме, так поставленной, с самого начала предполагается, что в «мере стоимостей» речь идет только о таком товаре, в котором все другие товары выражают свою стоимость, — будь это товар, в котором они ее действительно выражают, т. е. деньги, товар, функционирующий в качестве денег, или же такой товар, который благодаря своей неизменной стоимости был бы теми деньгами, при помощи которых считает теоретик. Ясно, однако, что при всех обстоятельствах здесь дело идет только о таких деньгах, которые в качестве меры стоимостей — теоретически или практически — сами не подвергались бы изменениям в стоимости.

Но для того чтобы товары могли выражать свою меновую стоимость, как нечто самостоятельное, в деньгах, в третьем товаре, в исключительном товаре, — предпосылкой для этого уже являются *товарные стоимости.* Речь идет только о том еще, чтобы их можно было сравнивать друг с другом количе-

[*] Ср. настоящий том, часть III, стр. 157. *Ред.*

ственно. Для того чтобы стоимости товаров и различия их стоимостей могли получить такого рода выражение, уже дано в виде предпосылки то *единое начало,* которое делает все товары одним и тем же — стоимостями, качественно унифицирует их как стоимость. Если, например, все товары выражают свои стоимости в золоте, то это их выражение в золоте, их цена в золоте, их уравнение с золотом есть то уравнение, из которого можно выяснить, вычислить их стоимостное отношение друг к другу, ибо они выражены теперь как *различные количества золота* и таким способом товары представлены в своих *ценах* как [820] одноименные и сравнимые величины.

Но чтобы товары можно было представить таким образом, они *уже* должны быть *тождественны* как *стоимости.* Проблема, как стоимость каждого товара выразить в золоте, была бы неразрешима, если бы товар и золото или любые два товара не могли бы быть выражены друг в друге как стоимости, как представители одного и того же единого начала. Иначе говоря, уже в самой проблеме содержится эта предпосылка. Товары уже предположены как стоимости, как отличные от своих потребительных стоимостей *стоимости,* прежде чем может идти речь о выражении этой стоимости в каком-нибудь особом товаре. Для того чтобы два количества различных потребительных стоимостей могли быть приравнены друг к другу как эквиваленты, уже предполагается, что в некоем третьем они *равны, качественно* одинаковы и являются лишь различными количественными выражениями этого качественно одинакового.

Таким образом, проблема «неизменного масштаба стоимости» была в действительности только неправильным выражением для поисков понятия, природы самой *стоимости,* такого определения стоимости, которое само не было бы, в свою очередь, стоимостью и, следовательно, не подвергалось бы и изменениям как стоимость. Таким определением стоимости было *рабочее время — общественный труд,* как он специфически представлен в товарном производстве. То или иное количество труда не имеет стоимости, не есть товар, а есть то, что превращает товары в стоимости, то *единое* в них, в качестве выражения чего они *качественно одинаковы* и лишь *количественно различны.* Это — товары как выражение определенных количеств общественного рабочего времени.

Допустим, что золото имеет неизменную стоимость. Если бы в этом случае стоимости всех товаров были выражены в золоте, то я мог бы изменения стоимости товаров измерять по их ценам в золоте. Но для того чтобы стоимости товаров можно было выражать в золоте, товары и золото должны быть тождественны

как *стоимости.* Только как определенные количественные выражения этой стоимости, как определенные величины стоимости, золото и товар могли бы быть отождествлены друг с другом. Неизменная стоимость золота и изменяющаяся стоимость остальных товаров не мешала бы тому, чтобы, как *стоимость,* они были одним и тем же, состояли бы из одной и той же субстанции. Сперва стоимость товаров надо было бы выразить, оценить в золоте, — т. е. представить золото и товары как выражения *одного и того же единого начала,* как эквиваленты, — прежде чем неизменная стоимость золота подвинула бы нас хоть на шаг вперед.

{Чтобы товары могли измеряться содержащимся в них количеством труда, — а мерой количества труда является время, — разнородные виды труда, содержащиеся в товарах, должны быть сведены к одинаковому простому труду, к среднему труду, к обычному, необученному труду. Только тогда возможно измерять временем, одинаковой мерой, количество содержащегося в них труда. Труд этот должен быть качественно одинаков, чтобы его различия стали лишь количественными различиями, представляли бы лишь разницу в величине. Однако это сведение к простому среднему труду не есть единственное определение *качества* этого труда, к которому, как к единому началу, сводятся стоимости товаров. То обстоятельство, что количество содержащегося в каком-либо товаре труда есть *общественно необходимое* для его производства количество, что рабочее время есть, следовательно, *необходимое рабочее время,* — это — такое определение, которое касается только *величины стоимости.* Но труд, образующий единое начало стоимостей, не есть только одинаковый, простой, средний труд. Труд есть труд частного индивидуума, представленный в определенном продукте. Однако как стоимость продукт должен быть воплощением *общественного* труда и в этом своем качестве он должен обладать способностью непосредственно превращаться из одной потребительной стоимости в любую другую (та определенная потребительная стоимость, в которой труд непосредственно представлен, должна быть чем-то безразличным для пего, так чтобы продукт можно было из одной формы потребительной стоимости переводить в другую). *Частный труд* должен, следовательно, выявить себя непосредственно как свою противоположность, как *общественный* труд; этот превращенный труд, как непосредственная противоположность частного труда, есть *абстрактно всеобщий труд,* который поэтому и выражает себя в некотором всеобщем эквиваленте. Только посредством своего отчуждения [Verausserung] индивидуальный труд действительно

выражает себя как свою противоположность. Но товар должен обладать этим всеобщим выражением, прежде чем он отчужден. Эта необходимость выражения индивидуального труда как всеобщего труда есть необходимость выражения товара в деньгах. Поскольку эти деньги служат мерой и выражением стоимости товара в *цене,* товар получает это выражение. Но лишь посредством своего действительного превращения в деньги, посредством продажи он получает это свое адекватное выражение как меновая стоимость. Первое превращение есть лишь теоретический, второе — действительный процесс.

[821] Итак, говоря о бытии товара как *денег,* следует отметить не только то, что товары дают себе в деньгах определенную *меру* величины своих стоимостей, — поскольку все они выражают свою стоимость в потребительной стоимости *одного и того же* товара, — но и то, что все они представлены как бытие общественного, абстрактно всеобщего труда. Это есть та форма, в которой все они имеют один и тот же вид, все выступают как непосредственные воплощения общественного труда; и в этом качестве все они действуют как бытие общественного труда, могут *непосредственно* — пропорционально величине своей стоимости — *обмениваться* на все другие товары; между тем как в руках того, чей товар превращен в деньги, товар представляет не бытие меновой стоимости в какой-нибудь особой потребительной стоимости, а бытие потребительной стоимости (например, золота) как всего лишь носителя меновой стоимости. Товар может быть продан ниже или выше своей стоимости. Это касается только *величины его стоимости.* Но каждый раз, когда товар продан, превращен в деньги, его меновая стоимость обладает самостоятельным, отличным от его потребительной стоимости, бытием. Товар теперь существует только как определенное количество общественного рабочего времени, и он доказывает это своей способностью *непосредственно* обмениваться на любой товар, превращаться в любую потребительную стоимость (соответственно своему количеству). При рассмотрении денег этот пункт так же нельзя упускать из виду, как нельзя упускать из виду то формальное превращение, которое содержащийся в товаре труд претерпевает в качестве стоимостного элемента товара. Но в деньгах, — в этой абсолютной обмениваемости, которою обладает товар как деньги, в его абсолютной действенности в качестве *меновой стоимости,* что не имеет никакого отношения к величине стоимости и является *не количественным, а качественным определением,* — обнаруживается, что в результате процесса, совершаемого самим товаром, его *меновая стоимость* обособляется в нечто самостоятельное и

реально получает выражение в свободной форме наряду с потребительной стоимостью товара, подобно тому как идеально это имеет место уже в цене товара.

Все это показывает, что автор сочинения «Observations on certain Verbal Disputes», так же как и Бейли, ничего не понимает в стоимости и в сущности денег, если они обособление стоимости в нечто самостоятельное трактуют как какую-то схоластическую выдумку экономистов. Это обособление стоимости в нечто самостоятельное еще больше выступает в капитале, который в известном смысле может быть назван *стоимостью, совершающей процесс движения,* — следовательно, так как стоимость только в деньгах имеет самостоятельное существование, — *деньгами, совершающими процесс движения,* проходящими ряд процессов, в которых они сохраняются, исходят от себя и возвращаются к себе в увеличенном количестве. То, что парадокс действительности выражается также и в словесных парадоксах, которые противоречат обыденному человеческому рассудку, противоречат тому, что имеют в виду вульгарные экономисты и о чем, по их мнению, они говорят, — это понятно само собой. Противоречия, проистекающие из того, что на основе товарного производства частный труд выражает себя как всеобщий общественный труд, что отношения людей представляются как отношения вещей и как вещи, — эти противоречия лежат в самом предмете, а не в словесном выражении предмета.}

Часто кажется, что Рикардо думает, — и он на самом деле иногда так выражается, — будто количество труда является решением ошибочной или ошибочно понятой проблемы «неизменной меры стоимостей», подобно тому как хлеб, деньги, заработная плата и т. п. раньше рассматривались и выдвигались в качестве такого рода доморощенного средства для решения этой проблемы. Эта ложная видимость получается у Рикардо оттого, что для него решающей задачей является определение величины стоимости. Вот почему он и не понял той специфической формы, в которой труд есть элемент стоимости, и в особенности не понял необходимости того, чтобы отдельный труд был представлен как абстрактно всеобщий и, в этой форме, как *общественный* труд. Поэтому Рикардо не понял связи образования денег с сущностью стоимости и с определением этой стоимости рабочим временем.

Сочинение Бейли имеет некоторую заслугу постольку, поскольку он своими возражениями вскрывает смешение «меры стоимости», выраженной в деньгах как товаре наряду с другими товарами, с имманентной мерой и субстанцией стоимости. Но если бы сам он подверг анализу деньги как «меру стоимости»,

не только как количественную меру, но и как качественное превращение товаров, то он сам пришел бы к правильному анализу стоимости. Вместо этого Бейли не идет дальше поверхностного рассмотрения внешней «меры стоимости», уже предполагающей стоимость, и остается в сфере рассуждений, лишенных какой бы то ни было подлинной мысли.

[822] Однако у Рикардо можно все же найти отдельные места, где он прямо отмечает, что количество содержащегося в товарах труда лишь потому есть имманентная мера *величин* их стоимости, *различий в величине* их стоимости, что труд есть то, в чем различные товары *одинаковы,* единое в них, их субстанция, внутренняя основа их стоимости. Он только упустил исследовать, в какой определенной форме труд является этим.

«Если мы принимаем *труд* за *основу стоимости* товаров, а *сравнительное количество труда,* необходимое для их производства, за *меру, определяющую соответственные количества товаров,* которые должны быть даны в обмен друг на друга, то из этого еще не следует, что мы отрицаем случайные и временные отклонения фактической, или рыночной, цены товаров от этой их первичной и естественной цены» *(Ricardo.* Principles. 3rd edition. London, 1821, стр. 80) [Русский перевод, том I, стр. 81].

««Измерить... [говорит Дестют де Траси]... значит найти, сколько они»» (измеряемые вещи) ««содержат... *однородных с ними единиц».* Франк был бы мерой стоимости только для того или другого количества *того самого металла,* из которого сделаны франки, если бы франки и предмет, подлежащий измерению, не могли быть сведены к *некоторой другой мере, являющейся общей для них обоих.* Возможность такого сведения, по моему мнению, существует, ибо оба они являются *результатом труда,* и поэтому труд» (так как труд есть их causa efficiens*) «есть та *общая мера,* с помощью которой могут быть определены как их *действительная,* так и их *относительная стоимость» (Ricardo,* Principles. 3rd edition. London, 1821, стр. 333—334) [Русский перевод, том I, стр. 233—234].

Все товары могут быть сведены к труду, как к тому, что в них есть единого. Чего Рикардо не исследует, это — той *специфической* формы, в которой труд выявляет себя как единое в товарах. Поэтому он и не понимает денег. Поэтому превращение товаров в деньги выступает у него как нечто только формальное, не проникающее глубоко во внутреннюю суть капиталистического производства. Но одно он нам говорит: только потому, что труд есть единое в товарах, только потому, что все товары суть лишь выражения одного и того же единого начала, труда, только поэтому труд является их мерой. Он только потому является их мерой, что он есть *субстанция* товаров как стоимостей. Рикардо не проводит надлежащего различия между трудом, поскольку он представлен в потре-

* — действующая причина. *Ред.*

бительных стоимостях, и трудом, поскольку он представлен в меновой стоимости. Труд как основа стоимости не есть особый труд, не есть труд того или другого особого качества. У Рикардо всюду проходит смешение между трудом, поскольку он представлен в потребительной стоимости, и трудом, поскольку он представлен в меновой стоимости. Правда, последняя форма труда есть лишь взятая в абстрактном виде первая.

Под *действительной стоимостью* Рикардо понимает в вышеприведенном отрывке товар как воплощение определенного рабочего времени. Под *относительной стоимостью* — выражение содержащегося в товаре рабочего времени в потребительных стоимостях других товаров.

Так вот, обратимся к *Бейли.*

Бейли цепляется за ту форму, в которой меновая стоимость товара как товара выражает себя, выступает в явлении. *В общей форме* она выявляет себя тогда, когда выражена в потребительной стоимости такого третьего товара, в котором все другие товары тоже выражают свою стоимость и который служит деньгами, — т. е. в *денежной цене* товара. *В особой форме* она выявляет себя тогда, когда меновую стоимость какого-нибудь товара я выражаю в потребительной стоимости какого-нибудь другого товара, т. е. как *цену в хлебе, цену в холсте* и т. д. Фактически меновая стоимость товара выступает, выражает себя для других товаров всегда только в том *количественном отношении,* в котором они обмениваются. Отдельный товар как таковой не может выразить всеобщее рабочее время, или он может выразить его лишь в виде уравнения данного товара с таким товаром, который служит деньгами, — т. е. в виде *денежной цены* данного товара. Но тогда стоимость товара *А* всегда представлена в определенном количестве потребительной стоимости *Д,* товара, функционирующего как деньги.

Таково *непосредственное явление.* И за него-то и цепляется Бейли. Та наиболее поверхностная форма, в которой меновая стоимость проявляется как *количественное отношение,* в каком товары обмениваются друг на друга, и *есть,* по мнению Бейли, их стоимость. От поверхности идти дальше вглубь не дозволяется. Бейли забывает даже то простое соображение, что если y аршин холста = x фунтам соломы, то это равенство неодинаковых вещей, холста и соломы, делает их одинаковыми величинами. Это их бытие как чего-то одинакового должно ведь отличаться [823] от их бытия как соломы и холста. Они приравнены друг к другу не как солома и холст, а как эквиваленты. Поэтому одна сторона уравнения должна выражать ту же стоимость, что и другая. Стоимость соломы и холста,

следовательно, не должна быть ни соломой, ни холстом, а должна быть чем-то общим для них обоих и вместе с тем отличным от них как соломы и холста. Что это такое? На это Бейли не дает никакого ответа. Вместо этого он перебирает все категории политической экономии, чтобы все время повторять монотонное причитание, что стоимость есть меновое отношение товаров и поэтому не есть что-то отличное от этого отношения.

«Если стоимость какого-нибудь предмета *есть его покупательная способность,* то должно существовать что-нибудь для покупки. *Следовательно,* стоимость не обозначает ничего положительного или внутренне присущего предмету, а обозначает только то *отношение,* в каком находятся друг к другу два предмета как *обмениваемые товары»* («A Critical Dissertation», стр. 4—5).

В этой фразе содержится в сущности вся премудрость Бейли. «Если *стоимость* есть лишь *покупательная способность»* (великолепное определение, поскольку «покупать» предполагает не только стоимость, но и выражение стоимости в деньгах), «то она обозначает» и т. д. Но очистим сперва эту фразу Бейли от того, что в нее нелепым образом внесено путем контрабанды. «Покупать» означает превращать деньги в товар. Деньги уже предполагают стоимость и ее дальнейшее развитие. Следовательно, прежде всего уберем выражение «покупать». В противном случае мы будем объяснять стоимость стоимостью. Вместо «покупать» мы должны сказать «обменивать на другие предметы». Что при этом «должно существовать что-нибудь для покупки», представляет собой совершенно излишнее замечание. Если бы «предмет» потреблялся своими производителями как потребительная стоимость, если бы он не был всего лишь средством для присвоения других предметов, не был *«товаром»,* то, конечно, не могло бы быть и речи о стоимости.

Сначала Бейли говорит о «предмете». Но затем отношение, «в каком находятся друг к другу предметы», превращается у него в «отношение, в каком они находятся друг к другу... как *обмениваемые товары».* Ведь предметы, о которых идет речь, находятся друг к другу только в отношении обмена, или в отношении обмениваемых предметов. В силу этого они и являются *«товарами»,* что означает нечто другое, чем «предметы». Напротив, «отношение обмениваемых товаров» есть или бессмыслица, так как «не обмениваемые предметы» не являются товарами, или г-н Бейли сам себя побивает. Предметы должны обмениваться не в любом отношении, а должны обмениваться как товары, т. е. должны относиться друг к другу как обмениваемые товары, т. е. как такие предметы, из которых каждый имеет стоимость и которые подлежат обмену в *меру своей эквивалент-*

ности друг другу. Этим самым Бейли признал бы, что то отношение, в каком они обмениваются, т. е. способность каждого из товаров покупать другие товары, определяется его *стоимостью,* а не эта стоимость определяется указанной способностью, которая является лишь следствием стоимости.

Итак, если мы удалим из вышеприведенной фразы Бейли все ошибочное, контрабандное или бессмысленное, то она примет такой вид.

Однако, стой! Мы должны устранить еще другую западню и бессмыслицу. Перед нами двоякого рода выражения: «способность предмета обмениваться» и т. д. (так как слово «покупать» неправомерно и бессмысленно без понятия денег) и *«отношение, в каком* один предмет обменивается на другие». Если «способность» должна означать нечто другое, чем «отношение», то нельзя утверждать, что «способность обмениваться» есть *«только отношение»* и т. д. Если оба выражения должны означать *одно и то же,* то обозначение одного и того же двумя различными выражениями, не имеющими ничего общего между собой, способно лишь породить путаницу. *Отношение* одной вещи к другой есть отношение этих двух вещей между собой, и о нем нельзя сказать, что оно принадлежит той или другой из них. *Способность вещи* есть, наоборот, нечто внутренне присущее вещи, хотя это внутренне присущее ей свойство может проявляться только [824] в ее отношении к другим вещам. Так, например, способность притягивать есть способность самой вещи, хотя эта способность остается «скрытой», пока налицо нет таких вещей, которые могли бы быть притянуты. Бейли делает здесь попытку изобразить стоимость «предмета» как нечто ему присущее и тем не менее существующее лишь как «отношение». Поэтому сперва он употребляет слово «способность», а затем слово «отношение».

Итак, точное выражение мысли Бейли гласило бы:

> *«Если* стоимость какого-нибудь предмета есть то отношение, в каком он обменивается на другие предметы, то, *следовательно»* (т. е. вследствие предположенного «если»), «стоимость не обозначает ничего кроме того отношения, в каком находятся друг к другу два предмета как обмениваемые предметы».

Эту тавтологию никто не станет отрицать. Из нее, однако, следует, что «стоимость» предмета *«ничего* не обозначает». Возьмем, например, уравнение 1 фунт кофе = 4 фунтам хлопка. Какова в таком случае будет стоимость 1 фунта кофе? 4 фунта хлопка. А стоимость 4 фунтов хлопка? 1 фунт кофе. И так как стоимость 1 фунта кофе — это 4 фунта хлопка, а, с другой стороны, стоимость 4 фунтов хлопка = 1 фунту кофе, то ясно,

что. стоимость 1 фунта кофе = 1 фунту кофе (ибо 4 фунта хлопка = 1 фунту кофе). *A* = *B*, *B* = *A;* отсюда *A* = *A.* Из этого объяснения получается, следовательно, что стоимость какой-нибудь потребительной стоимости равняется данному количеству той же потребительной стоимости. Итак, стоимость 1 фунта кофе есть не что иное, как 1 фунт кофе. Если 1 фунт кофе = 4 фунтам хлопка, то ясно, что 1 фунт кофе > 3 фунтов хлопка и 1 фунт кофе < 5 фунтов хлопка. Тот факт, что 1 фунт кофе > 3 фунтов хлопка и < 5 фунтов хлопка, тоже выражает *отношение* между кофе и хлопком, совершенно так же как это выражается уравнением 1 фунт кофе = 4 фунтам хлопка. Знак = выражает отношение не в большей мере, чем знак > или знак <, но только он выражает *другое* отношение. Почему же именно отношение со знаком равенства, со знаком =, выражает стоимость кофе в хлопке и стоимость хлопка в кофе? Или этот знак равенства получается просто оттого, что вообще эти количества обмениваются друг на друга? Выражает ли знак = только факт обмена? Нельзя отрицать того, что если кофе обменивается в каком-либо отношении на хлопок, то они обменены друг на друга, и если один лишь факт обмена констатирует *отношение* между товарами, то стоимость кофе одинаково хорошо представлена в хлопке, обменивается ли он на 2, 3, 4 или 5 фунтов хлопка. Но что в таком случае означает слово *отношение?* Кофе не содержит в себе решительно ничего «внутренне присущего, положительного», чем определялось бы, в *каком отношении* он обменивается на хлопок. Отношение, о котором говорит Бейли, не есть такое отношение, которое определяется каким-либо внутренне присущим кофе и отличным от действительного обмена свойством. К чему, следовательно, здесь слово отношение? Что такое то отношение, которое имеет в виду Бейли? Количество хлопка, на которое обменивается данное количество кофе. Строго говоря, Бейли не имел бы права говорить об отношении, в каком кофе обменивается, а мог бы говорить только об отношении, в каком он *сейчас обменен* или *был обменен.* Ибо если бы определение отношения предшествовало обмену, то обмен определялся бы «отношением», а не отношение обменом. Мы должны, следовательно, отбросить также и *отношение,* которое есть нечто *выходящее за пределы* кофе и хлопка, нечто отдельное от них.

[Таким образом, вышеприведенная фраза Бейли принимает следующий вид:]

«Если стоимость какого-нибудь предмета есть то количество другого предмета, которое обменивается на него, то стоимость, следовательно, не обозначает ничего кроме того количества другого предмета, которое на него обменивается».

Как товар, тот или иной товар может выражать свою стоимость только в другом товаре, ибо для него, как [отдельно взятого] товара, всеобщее рабочее время не существует. [И вот Бейли думает, что] если стоимость одного товара выражается в другом товаре, то стоимость первого товара и есть не что иное, как это его уравнение с другим товаром. Эта премудрость (в его формулировке это — *тавтология,* ибо он [по сути дела] говорит: если стоимость товара есть не что иное, как его меновое соотношение с другим товаром, то она есть не что иное, как это соотношение) служит для Бейли тем коньком, на котором он разъезжает неутомимо, тем более утомляя этим читателя.

Свою философскую глубину Бейли показывает в следующем рассуждении:

«Подобно тому как мы не можем говорить о *расстоянии какого-нибудь предмета, не* предполагая другого предмета, с *которым он находится в этом отношении,* точно так же мы не можем говорить о стоимости товара иначе, как по отношению к *другому товару,* [825] *с которым он сравнивается.* Вещь не может сама по себе иметь стоимость без отношения к другой вещи» (а разве общественный труд, к которому стоимость товара находится в определенном отношении, не есть другая вещь?), «подобно тому как вещь *сама по себе* не может *находиться на расстоянии* вне отношения к другой вещи» (цит. соч., стр. 5).

Если одна вещь находится на том или ином расстоянии от другой, то расстояние это, действительно, есть отношение между одной вещью и другой, но в то же время расстояние есть нечто отличное от этого отношения между двумя вещами. Это — одно из измерений пространства, определенная длина, которая может выражать расстояние между двумя другими вещами с таким же успехом, как и между теми двумя, которые мы взяли в качестве примера. Но это еще не всё. Когда мы говорим о расстоянии как об отношении между двумя вещами, мы предполагаем нечто «внутренне присущее» самим вещам, некое их «свойство», которое позволяет им находиться на расстоянии друг от друга. Каково расстояние между звуком *А* и столом? Вопрос этот лишен смысла. Когда мы говорим о расстоянии между двумя вещами, мы говорим о различии их положения в пространстве. Таким образом, мы предполагаем, что обе они находятся в пространстве, являются точками в пространстве, т. е. мы объединяем их в одну категорию как предметы, существующие в пространстве, и только после того как мы их объединили sub specie spatii*, мы их различаем как различные

* — под углом зрения пространства. *Ред.*

точки пространства. Их принадлежность к пространству есть единое в них*.

Но каково это единое в обмениваемых друг на друга предметах? Обмен этот не есть такое отношение, в котором они находятся друг к другу как природные вещи. Это также и не то отношение, в каком они находятся, как природные вещи, к человеческим потребностям, ибо не степень их полезности определяет те количества, в каких они обмениваются друг на друга. В чем же в таком случае их тождество, делающее для них возможным обмен друг на друга в определенной пропорции? В качестве чего они становятся *способными к обмену?*

Фактически во всем этом Бейли является лишь последователем автора сочинения «Observations on certain Verbal Disputes».

«Она» (стоимость) «не может изменяться для одного из сравниваемых предметов, не изменяясь для другого» (цит. соч., стр. 5).

Это опять-таки означает лишь то, что выражение стоимости одного товара в другом товаре может изменяться только как *такое выражение;* а это выражение, как таковое, предполагает не один, а два товара.

Г-н Бейли полагает, что если бы речь шла *только о двух товарах* — в их обмене друг на друга, — то люди сами собой нашли бы чисто относительный характер *стоимости* в его смысле. Осел! Как будто в случае двух товаров, которые обмениваются друг на друга, двух продуктов, относящихся друг к другу как *товары,* не надо было бы точно так же сказать,

---

* [XV — 887] {Относительно нелепости Бейли необходимо заметить еще следующее:

Когда он говорит, что предмет *A* находится на том или ином расстоянии от предмета *B,* то он их не сравнивает, не объединяет в одну категорию, а *различает* в пространстве. Они, дескать, *не* занимают *одно и то же* пространство. Тем не менее [по существу] он говорит относительно обоих, что они *пространственны* и что их различают как предметы, находящиеся в пространстве. Таким образом, он предварительно объединяет их в одну категорию, приписывает им одно и то же единое начало. А здесь как раз и идет речь о подведении под одну единую категорию.

Если я говорю, что площадь треугольника А равна площади параллелограмма *B,* то это означает не только то, что площадь треугольника выражена в параллелограмме, а площадь параллелограмма — в треугольнике. Это означает также и то, что если высота треугольника равна h, а его основание равно b, то $A = \frac{h \cdot b}{2}$, каковое свойство присуще ему самому, совершенно так же, как параллелограмму *B* присуще то, что он тоже равен $\frac{h \cdot b}{2}$. Как площади, треугольник А и параллелограмм *B* берутся здесь как одно и то же, как эквиваленты, хотя они различаются между собой как треугольник и параллелограмм. Чтобы эти различные предметы можно было приравнять друг к другу, каждый из них, независимо от другого, должен выражать *одно и то же единое начало.* Недалеко ушла бы геометрия, если бы она, подобно политической экономии г-на Бейли, удовольствовалась утверждением, что равенство треугольника и параллелограмма означает только то, что треугольник выражен в параллелограмме, а параллелограмм — в треугольнике.} [XV — 887]

в чем они тождественны, как и в случае тысячи таких продуктов. К тому же там, где имеются только два продукта, продукт никогда не развился бы в товар, а потому никогда не развилась бы и меновая стоимость товара. Для труда, содержащегося в продукте I, не было бы необходимости выражать себя как общественный труд. Так как продукт производится не как непосредственный предмет потребления для производителей, а только как *носитель стоимости,* так сказать, как чек на определенное количество всех выражений общественного труда, то все продукты вынуждены, как *стоимости,* придавать себе форму бытия, отличную от их бытия как потребительных стоимостей. И именно это развитие содержащегося в них труда как труда общественного, развитие их *стоимости* обусловливает образование денег, необходимость того, чтобы товары выражали себя по отношению друг к другу как *деньги,* т. е. как самостоятельные формы существования меновой стоимости; — а это возможно для них только благодаря тому, что они выделяют один товар из общей массы товаров, все измеряют свои стоимости в потребительной стоимости этого выделенного товара и поэтому превращают содержащийся в этом исключительном товаре труд непосредственно во *всеобщий, общественный* труд.

Г-н Бейли при своем странном образе мышления, цепляющемся только за поверхность явлений, делает обратное заключение: только *потому,* что кроме товаров существуют *деньги,* создающие у нас привычку рассматривать стоимость товаров не в их отношении друг к другу, а как отношение к некоторому *третьему,* как некое [826] третье отношение, отличное от *непосредственного* отношения товаров друг к другу, — только поэтому и образуется *понятие стоимости,* превращающее стоимость из чисто количественного отношения, в котором товары обмениваются друг на друга, в нечто от этого отношения не зависящее (что, по его мнению, превращает стоимость товаров в нечто абсолютное, в какую-то схоластическую сущность, существующую отдельно от товаров). У Бейли не определение продукта как стоимости приводит к образованию денег и выражается в *деньгах,* а существование денег приводит к фикции понятия стоимости. Исторически совершенно правильно, что исследование стоимости на первых порах опирается на данное в *явлении* выражение товаров как стоимости, на деньги, и что поэтому поиски определения стоимости представляются (ошибочно) как поиски товара с «неизменной стоимостью», или товара как «неизменной меры стоимостей». И вот г-н Бейли, доказывая, что деньги как внешняя мера стоимостей — и выражение стоимости — выполняют свою задачу, хотя они и имеют

изменяющуюся стоимость, полагает, что он этим устранил вопрос о понятии стоимости, — которое не затрагивается изменяемостью величины стоимости товаров, — и что в сущности ему уже вообще нет больше нужды что-либо мыслить под стоимостью. Так как выражение стоимости товара в деньгах — в третьем, исключительном товаре — не исключает изменения стоимости этого третьего товара, так как проблема «неизменной меры стоимости» отпадает, то отпадает, мол, и проблема самой категории стоимости. Эту пустую болтовню Бейли с большим самодовольством излагает на сотнях страниц.

Нижеследующие места, где все время повторяется одно и то же, отчасти дословно списаны у автора «Observations on certain Verbal Disputes».

«Предположим, что существуют только два товара и что они обмениваются пропорционально количеству содержащегося в них труда. Если товар *А... в* последующее время будет требовать для своего производства двойного количества труда, тогда как для производства товара *В* по-прежнему нужно будет лишь то же количество труда, то *А* приобрел бы вдвое большую стоимость, чем *В*... Но хотя *В* производился бы таким же количеством труда, как и прежде, его стоимость не осталась бы прежней, ибо он обменивался бы лишь на половинное количество товара *А,* единственного *товара, с* которым, согласно предположению, его можно было бы сравнивать» (цит. соч., стр. 6).

«Это постоянное сопоставление с другими товарами» (вместо того чтобы рассматривать стоимость *лишь как отношение между двумя товарами)* «или с *деньгами,* имеющее место всякий раз, когда мы *говорим об отношении между какими-либо двумя товарами,* и приводит к тому, что возникает *представление о стоимости* как о *чем-то внутреннем и абсолютном»* (стр. 8).

«Мое утверждение сводится к тому, что если бы все товары производились при совершенно одинаковых условиях, как, например, одним только трудом, то какой-нибудь товар, который всегда требовал бы одинакового количества труда, не оставался бы *неизменным по своей стоимости»* {т. е. неизменным по *выражению* своей стоимости в других товарах. Это — тавтология}, «когда стоимость всякого другого товара претерпевала бы изменения» (цит. соч., стр. 20—21).

«Стоимость не есть нечто внутреннее и абсолютное» (цит. соч., стр. 23).

«Невозможно *обозначить* или *выразить стоимость* товара иначе, как *определенным количеством какого-нибудь другого товара»* (цит. соч., стр. 26).

(Это так же невозможно, как невозможно *«обозначить»* или *«выразить»* мысль иначе, как определенным количеством слогов. Отсюда Бейли делает тот вывод, что мысль — это слоги.)

«Вместо того чтобы рассматривать стоимость как *отношение между двумя вещами,* они» (Рикардо и его последователи) «смотрят на нее как на положительный результат, произведенный определенным количеством труда» (цит. соч., стр. 30).

«Так как стоимости товаров *А* и *В,* согласно их учению, относятся друг к другу как количества труда, которым они произведены, или... опреде-

ляются количеством труда, которым они произведены, то они, по-видимому, сделали тот вывод, что стоимость товара *A,* взятого вне отношения к чему-либо другому, равняется количеству труда, которым этот товар произведен. В этом последнем утверждении, несомненно, нет никакого смысла» (цит. соч., стр. 31—32).

Рикардо и его последователи «говорят о стоимости как о своего рода всеобщем и самостоятельном свойстве» (стр. 35).

«Стоимость товара обязательно должна быть его стоимостью в чем-либо» (там же).

Мы видим, почему для Бейли так важно ограничивать стоимость *двумя товарами,* рассматривать ее как отношение *двух товаров.* Но тут возникает затруднение:

«Так как *стоимость любого товара* означает его *меновое отношение* к какому-нибудь другому товару»

(что означает здесь «меновое [827] отношение»? Почему не его *«обмен»?* Но вместе с тем в обмене должно быть выражено *определенное* отношение, а не *один лишь факт обмена.* Поэтому стоимость = меновому отношению),

«то мы можем говорить о ней как о стоимости в деньгах, стоимости в хлебе, стоимости в сукне, в зависимости от того товара, с которым данный товар сравнивается, и поэтому имеется *тысяча различных видов стоимости, столько видов стоимости, сколько существует товаров,* и все они одинаково *действительны* и одинаково *номинальны»* (цит. соч., стр. 39).

Вот оно. *Стоимость = цене.* Между ними нет никакой разницы. И не существует никакой «внутренней» разницы между *денежной ценой* и всяким другим выражением цены, хотя в действительности именно *денежная цена,* а не цена в сукне и т. д., выражает *номинальную стоимость,* всеобщую стоимость товара.

Но хотя товар имеет тысячу различных видов стоимости, или тысячу различных цен, столько видов стоимости, сколько существует товаров, все эти тысячи выражений всегда выражают *одну и ту же стоимость.* Это — лучшее доказательство того, что все эти различные выражения суть *эквиваленты,* которые не только могут заменять друг друга в выражении, но и заменяют друг друга в самом обмене. Одно и то же *отношение* товара, о цене которого идет речь, выражается в тысяче различных «меновых отношений» ко всем различным товарам, и тем не менее здесь выражается всегда *одно и то же* отношение. Следовательно, это отношение, остающееся равным себе, отлично от тысячи своих различных выражений, или стоимость отлична от цены, а *цены* суть лишь выражения стоимости: денежная цена есть ее *всеобщее* выражение, всякая другая цена — то или иное *особое* выражение. Но Бейли не приходит даже и к этому простому выводу. Не Рикардо здесь приверженец фикции,

а Бейли — фетишист, так как он трактует стоимость, если и не как свойство отдельной вещи (рассматриваемой изолированно), то все же как *отношение вещей между собой,* тогда как она есть лишь выражение в вещах, вещное выражение отношения между людьми, общественного отношения, — отношение людей к их взаимной производственной деятельности.

[β) ПУТАНИЦА ПО ВОПРОСУ О СТОИМОСТИ ТРУДА И О ПРИБЫЛИ КАПИТАЛИСТА. СМЕШЕНИЕ У БЕЙЛИ ИММАНЕНТНОЙ МЕРЫ СТОИМОСТИ С ВЫРАЖЕНИЕМ СТОИМОСТИ В ТОВАРАХ ИЛИ ДЕНЬГАХ]

[О стоимости труда Бейли говорит:]

«Г-н Рикардо довольно искусно обходит ту трудность, которая на первый взгляд грозит опрокинуть его учение о том, что стоимость зависит от количества труда, употребленного в производстве. Если проводить этот принцип со всей строгостью, то из него вытекает, что *стоимость труда зависит от количества труда, употребленного в процессе его производства,* — что, очевидно, нелепо. Поэтому г-н Рикардо ловким маневром ставит *стоимость труда* в зависимость от *количества труда, требующегося для производства заработной платы,* или, говоря его собственными словами, он утверждает, что стоимость труда *надо определять* количеством труда, требующимся для того, чтобы произвести заработную плату; а под этим он подразумевает количество труда, требующееся для производства денег или товаров, получаемых рабочим. Это то же, как если бы мы сказали, что стоимость сукна надо определять не тем количеством труда, какое затрачено на его производство, а тем, какое затрачено на производство того серебра, на которое обменивается сукно» (цит. соч., стр. 50—51).

Это правильно по отношению к ошибочному представлению Рикардо о том, что капитал обменивается непосредственно на труд, а не на рабочую силу. Это то же возражение, какое мы уже раньше слышали в другой форме*. Ничего больше. По отношению к рабочей силе аналогия Бейли с определением стоимости сукна не годится. С живой рабочей силой он должен был бы сравнивать не сукно, а какой-нибудь органический продукт, например баранину. Кроме того труда, которого стоит уход за скотом, и того труда, которого стоит производство жизненных средств для этого скота, под трудом, необходимым для его производства, никогда не понимают тот «труд», который сам скот затрачивает на акт потребления, на акт еды, питья, — словом, на усвоение этих продуктов, или жизненных средств. Совершенно так же обстоит дело и с рабочей силой. В чем состоит тот труд, которого стоит производство рабочей силы? Если оставить в стороне труд по образованию рабочей силы, по *воспитанию,* по ученичеству, — а когда речь идет о неквалифи-

* См. настоящий том, часть III, стр. 110. *Ред.*

цированном труде, все это почти не идет в счет, — то воспроизводство рабочей силы не стоит никакого другого труда, кроме того труда, который требуется для воспроизводства потребляемых рабочими жизненных средств. Усвоение этих жизненных средств не есть *«труд»,* [828] подобно тому как труд, содержащийся в сукне, кроме труда ткача и труда, заключенного в шерсти, в красках и т. д., не состоит еще и из химических или физических действий самой шерсти, благодаря которым она поглощает красящие вещества и т. д., как рабочий или скот поглощают достающуюся им пищу.

Бейли пытается, далее, опровергнуть закон Рикардо, что стоимость труда и прибыль находятся в *обратном* отношении друг к другу. И притом он пытается опровергнуть этот закон как раз в том, в чем он правилен. Дело в том, что Бейли, как и Рикардо, отождествляет прибавочную стоимость и прибыль. Он не упоминает единственно возможного исключения из закона, а именно — когда рабочий день удлиняется и рабочие и капиталисты в равной доле участвуют в продукте этого удлинения, хотя даже и в этом случае, поскольку стоимость рабочей силы [of the working power] потребляется быстрее, т. е. в меньшее число лет, прибавочная стоимость возрастает за счет жизни рабочего и его рабочая сила обесценивается по сравнению с той прибавочной стоимостью, которую она доставляет капиталисту.

Аргументация Бейли — самого поверхностного свойства. Он исходит из своего понятия стоимости. Стоимость товара, по Бейли, есть выражение его стоимости в определенном количестве других потребительных стоимостей (в потребительной стоимости других товаров). Следовательно, стоимость труда равна тому количеству других товаров (потребительных стоимостей), на которое труд обменивается. {Действительная проблема, состоящая в том, каким образом возможно меновую стоимость товара *А* выразить в потребительной стоимости товара *В,* ему совсем не приходит в голову.} Таким образом, пока рабочий получает то же количество товаров, стоимость труда остается неизменной, так как она по-прежнему выражается в том we количестве других полезных вещей. Прибыль, напротив, выражает отношение к капиталу или также отношение к совокупному продукту. Но получаемая рабочими *порция* продуктов может оставаться той же, хотя достающаяся капиталисту *пропорция* совокупного продукта при повышении производительности труда возрастает. Каким образом Бейли, говоря о капитале, сразу же приходит к пропорции и какая польза капиталисту от этой *пропорции,* если стоимость того, что он получает,

определяется не пропорцией, а «выражением этой стоимости в других товарах», — понять это нельзя.

Перед нами, в сущности, тот же фокус, о котором уже упоминалось при рассмотрении взглядов Мальтуса*. Заработная плата равна известному количеству *потребительных стоимостей.* Прибыль, напротив, есть отношение *стоимости* (что Бейли, однако, вынужден избегать говорить). Если я измеряю заработную плату по потребительной стоимости, а прибыль по меновой стоимости, то вполне очевидно, что между ними не существует ни обратного, ни вообще какого бы то ни было отношения, ибо я тогда сравнивал бы друг с другом несоизмеримые величины, вещи, не имеющие общей им единой основы.

Но то, что Бейли говорит здесь о *стоимости труда,* относится, согласно его принципу, и к *стоимости всякого другого товара.* Стоимость любого данного товара есть не что иное, как определенное количество других вещей, которое обменивается на него. Если я за 1 ф. ст. получаю 20 фунтов пряжи, то стоимость 1 ф. ст. остается, по Бейли, всегда одной и той же, т. е. всегда оплачивается, даже если один раз труд, необходимый для производства 1 фунта пряжи, вдвое больше, чем в другой раз. Самый заурядный купец не поверит тому, что за свой фунт стерлингов он получает одну и ту же стоимость, если и во время дороговизны и во время изобилия ему дают за него один квартер хлеба. Здесь исчезает всякое понятие стоимости. И у нас остается только необъясненный и необъяснимый факт, что некоторое количество товара *А* обменено на некоторое количество товара *В* в какой бы то ни было пропорции. И какова бы ни была эта пропорция, она всегда выражает эквивалент. Даже самое выражение Бейли «стоимость товара *А,* выраженная в товаре *В»,* утрачивает тогда всякий смысл. Если стоимость товара *А* выражается в товаре *В,* то предполагается, что одна и та же стоимость выражена один раз в товаре *А,* а другой раз в товаре *В,* так что стоимость *А,* будучи выражена в *В,* остается такой же, какой была раньше. Но, согласно Бейли, не существует такой стоимости *А,* которая могла бы быть выражена в *В,* потому что ни А, ни *В* не имеют стоимости помимо этого выражения. Стоимость *А*, выраженная в *В,* должна, по Бейли, быть чем-то совершенно отличным от стоимости А, выраженной в *С,* первая должна столь же отличаться от второй, как отличаются друг от друга *В* и *С.* И мы имели бы здесь не одну и ту же стоимость, тождественную в обоих выражениях, а два отношения товара *А*, которые не имеют ничего общего между собой и относительно

* См. настоящий том, часть III, стр. 26—27. *Ред.*

которых было бы бессмысленно утверждать, что они суть эквивалентные выражения.

[829] «Повышение или падение стоимости труда означает увеличение или уменьшение количества товара, даваемого в обмен на труд» (цит. соч., стр. 62).

Вздор! [С точки зрения Бейли] не может быть повышения или падения стоимости труда или какой-либо другой вещи. Я получаю за 1 *A* сегодня 3*B,* завтра 6*B,* а послезавтра 2*B.* Но во всех этих случаях стоимость *A* [по Бейли] есть не что иное, как то количество *B,* которое получено в обмен на *A*. Раньше она была 3*B,* а теперь она 6*B.* Как может Бейли говорить, что стоимость А повысилась или понизилась? *A*, выраженное в 3*B,* имело иную стоимость, чем *A*, выраженное в 6*B* или в 2*B.* Но тогда это не то же самое *A*, которое в одно и то же время было обменено на 3 или 2 или 6*B.* Одно и то же *A* в одно и то же время всегда выражалось в одинаковом количестве *B.* Только имея в виду различные моменты времени, можно было бы говорить, что стоимость *A* изменилась. Но *A* может быть обменено только на «современные» ему товары, и только сам факт обмена (а не одна лишь возможность обмена) на другие товары делает [по мнению Бейли] *A* стоимостью. Только фактическое «меновое отношение» образует его стоимость, а фактическое «меновое отношение» может, конечно, иметь место для того же самого А только в одно и то же время. Поэтому сравнивание стоимости товаров в различные периоды Бейли объявляет бессмыслицей[55]. Но тем самым он должен был бы объявить бессмыслицей также и повышение или падение стоимости (которое невозможно, если невозможно сравнение между стоимостью товара в одно время и его стоимостью в другое время), — а стало быть, также и *«повышение или падение стоимости труда».*

«Труд есть обмениваемая вещь, т. е. такая вещь, которая при обмене распоряжается другими вещами; термин же «прибыль» обозначает лишь долю, или *пропорцию, товаров, а не предмет, могущий обмениваться на другие предметы.* Когда мы спрашиваем, повысилась ли заработная плата, мы имеем в виду получить ответ на вопрос о том, обменивается ли определенное количество труда на большее количество других вещей, чем прежде»

(следовательно, когда хлеб дорожает, стоимость труда падает, потому что на него обменивается меньше хлеба; с другой стороны, если одновременно с этим дешевеет сукно, то стоимость труда одновременно *повышается,* потому что на него обменивается больше сукна. Стоимость труда, таким образом, в одно и то же время и повышается и падает; и оба выражения его

стоимости — в хлебе и в сукне — не тождественны, не эквивалентны, ибо его *повысившаяся* стоимость не может быть равна его *понизившейся стоимости);*

«но когда мы спрашиваем, повысилась ли прибыль, мы имеем в виду... получить ответ на вопрос о том, находится ли доход капиталиста в более высоком отношении к примененному капиталу» (цит. соч., стр. 62—63).

«Стоимость труда зависит не исключительно от той доли в совокупном продукте, которая дается рабочим в обмен на их труд, но также и от производительности труда» (цит. соч., стр. 63—64).

«Положение, что при повышении стоимости труда прибыль должна падать, правильно лишь тогда, когда это повышение не вызывается возрастанием производительной силы труда» (цит. соч., стр. 64).

«Если производительная сила труда возрастает, т. е. если тот же труд производит за то же время больше товаров, то стоимость труда может повыситься и без того, чтобы упала прибыль; последняя может даже повыситься» (цит. соч., стр. 66).

(Согласно этому взгляду, можно сказать также и о всяком другом товаре, что повышение его стоимости не влечет за собой падения стоимости того другого товара, на который он обменивается, и может даже повлечь за собой повышение стоимости на другой стороне. Предположим, например, что тот же труд, который раньше производил 1 квартер хлеба, теперь производит 3 квартера. Эти 3 квартера стоят теперь 1 ф. ст., столько же, сколько раньше стоило производство 1 квартера. Если теперь 2 квартера обмениваются на 1 ф. ст., то стоимость денег повысилась, так как она выражена теперь в 2 квартерах вместо одного. Таким образом, покупатель хлеба получает за свои деньги большую стоимость. Но продавец хлеба, продающий за 1 ф. ст. то, что ему стоило лишь $^{2}/_{3}$ ф. ст., выигрывает $^{1}/_{3}$ ф. ст. Получается, что стоимость его хлеба повысилась в то самое время, когда денежная цена хлеба понизилась.)

[830] «Каков бы ни был продукт труда 6 рабочих, будет ли он равен 100, 200 или 300 квартерам хлеба, все равно, до тех пор пока пропорция капиталиста в продукте составляет одну четверть, эта четвертая часть, выраженная в труде, всегда останется одинаковой».

(То же самое можно сказать и о тех $^{3}/_{4}$ продукта, которые достаются рабочему, если их выразить в труде.)

«Если бы продукт составлял 100 квартеров, то 75 квартеров были бы выданы 6 рабочим и поэтому 25 квартеров, достающиеся капиталисту, распоряжались бы трудом 2 рабочих»

(а те 75 квартеров, которые были бы выданы рабочим, распоряжались бы трудом 6 рабочих).

«Если бы продукт составлял 300 квартеров, то 6 рабочих получили бы 225 квартеров, а 75 квартеров, приходящиеся на долю капиталиста, по-прежнему распоряжались бы трудом только 2 рабочих — не больше».

(Точно так же и достающиеся 6 рабочим 225 квартеров по-прежнему распоряжались бы трудом только 6 рабочих — не больше.) (Почему же в таком случае всемогущий Бейли запрещает Рикардо получаемую рабочими порцию продуктов так же выражать в труде, как и порцию продукта, получаемую капиталистом, и сравнивать друг с другом стоимости этих порций, выраженные в труде?)

«Подобным же образом увеличение пропорции, достающейся капиталисту, означало бы то же самое, что и возрастание *выраженной в труде стоимости прибыли*»

(как может Бейли говорить о *стоимости прибыли* и о возрастании ее стоимости, если «прибыль обозначает... не предмет, могущий обмениваться на другие предметы» (см. выше), и, следовательно, не означает «стоимости»? А с другой стороны, разве возможно увеличение *пропорции,* достающейся капиталисту, без уменьшения *пропорции,* достающейся рабочему?),

«или, другими словами, увеличение способности прибыли распоряжаться трудом» (цит. соч., стр. 69).

(А разве это *увеличение* способности капиталиста присваивать себе чужой труд не совпадает в точности с *уменьшением* способности рабочего присваивать себе свой собственный труд?)

«Если бы против учения об одновременном возрастании прибыли и стоимости труда возразили, что *произведенный товар есть единственный источник, из которого капиталист и рабочий могут получать свое вознаграждение,* и что отсюда с необходимостью следует, что один выигрывает то, что теряет другой, — то ответ на это возражение ясен. Когда количество продукта остается без изменения, возражение это, бесспорно, правильно; но столь же бесспорно и то, что при увеличении продукта вдвое, *порции продукта, достающиеся той и другой стороне, могут увеличиваться,* даже если *пропорция одной стороны уменьшается, а пропорция другой стороны увеличивается»*.

(Это как раз то, что говорит Рикардо. *Пропорции* обеих сторон не могут увеличиваться одновременно, а если *порции* продукта, достающиеся той и другой стороне, увеличиваются одновременно, то они не могут увеличиваться в одинаковой для обеих сторон пропорции, ибо в противном случае порция и пропорция были бы тождественны. Пропорция одной стороны может увеличиться только путем уменьшения пропорции другой стороны[56]. Но когда г-н Бейли достающуюся рабочему *порцию* продукта называет *«стоимостью* заработной платы», а *пропорцию* капиталиста стоимостью «прибыли»; когда один и тот же товар имеет для него две стоимости, — одну в руках рабочего, а другую в руках капиталиста, — то это его собственная бессмыслица.)

«Когда количество продукта остается без изменения, возражение это, бесспорно, правильно; но столь же бесспорно и то, что при увеличении продукта вдвое, *порции продукта,* достающиеся той и другой стороне, могут увеличиваться, даже если *пропорция* одной стороны уменьшается, а пропорция другой стороны увеличивается. Но как раз возрастание *порции* продукта, достающейся рабочему, образует увеличение *стоимости* сто труда»

(потому что здесь мы под *стоимостью* понимаем определенное количество *предметов),*

«между тем как именно возрастание достающейся капиталисту *пропорции* образует увеличение его прибыли»

(потому что здесь мы под *стоимостью* понимаем те же предметы, оцениваемые не по количеству их, а по затраченному на них труду).

«*Отсюда*»

(а именно, из нелепой двойной меры: один раз — предметы, другой раз — стоимость этих же самых предметов)

«со всей ясностью следует, что в предположении об *одновременном увеличении обеих* нет ничего несообразного» (цит. соч., стр. 70).

Это нелепое рассуждение, направленное против Рикардо, бьет совершенно [831] мимо цели, так как Рикардо утверждает лишь то, что *стоимость* обеих долей должна повышаться и падать в обратном отношении друг к другу. У Бейли все сводится лишь к тому, что он повторяет: *стоимость* есть то количество предметов, которое обменивается на данный предмет. При рассмотрении *прибыли* он неизбежно должен был бы очутиться в затруднительном положении, ибо здесь стоимость капитала сравнивается со стоимостью продукта. Поэтому-то он и ищет спасения в том, что под *стоимостью* он здесь понимает стоимость предмета, выраженную в труде (в мальтусовском смысле).

«Стоимость есть отношение между *современными* товарами, так как только такие товары могут обмениваться друг на друга; а когда мы сравниваем стоимость товара в одно время с его стоимостью в другое время, то это только сравнивание того отношения, в котором данный товар находился к какому-нибудь другому товару в эти различные моменты времени» (цит. соч., стр. 72).

Поэтому, как сказано, не бывает ни повышения, ни падения стоимости, ибо это всегда означает сравнивание стоимости товара в одно время с его стоимостью в другое время. Точно так же товар не может быть продан ни ниже, ни выше своей стоимости, ибо его стоимость есть то, за что он продается. Стоимость и рыночная цена тождественны. В сущности, нельзя даже говорить о *«современных»* товарах, о *теперешних* стоимостях,

а говорить можно только о *прошлых* стоимостях. Что такое стоимость одного квартера пшеницы? Один фунт стерлингов, за который он был продан вчера. Ибо его стоимость есть только то, что получено в обмен на него, и пока он не обменен, его «отношение к деньгам» есть лишь воображаемое отношение. Но как только обмен произведен, у нас вместо одного квартера хлеба имеется один фунт стерлингов, и уже нельзя больше говорить о стоимости этого квартера хлеба. Говоря о сравнивании стоимостей в различные периоды, Бейли имеет в виду лишь ученые исследования о различной стоимости товаров, например, в XVIII и XVI веках, где трудность получается оттого, что одно и то же денежное выражение стоимости, вследствие изменений в стоимости самих денег, означает в различное время различные стоимости. Трудность состоит здесь в сведении денежных цен к стоимостям. Но какой Бейли осел! Разве в процессе обращения или в процессе воспроизводства капитала сравнивание стоимости в один период со стоимостью в другой период не является постоянной операцией, на которой основано само производство?

Г-н Бейли абсолютно не понимает, что означают выражения: «определять стоимость товаров рабочим временем» и «определять стоимость товаров стоимостью труда». Он абсолютно не понимает разницы между этими двумя определениями.

«Прошу не понимать меня так, будто я утверждаю, что стоимости товаров относятся друг к Другу как *количества труда,* необходимые для их производства, или что стоимости товаров относятся друг к другу как *стоимости труда.* Я всего лишь утверждаю, что если первое верно, то последнее не может быть ошибочно» (цит. соч., стр. 92).

Определять стоимость товаров стоимостью какого-нибудь товара (а если товары определяются «стоимостью труда», то они определяются другим товаром: *стоимость труда* предполагает труд как товар) и определять ее таким третьим, которое не имеет стоимости и само не является товаром, а есть субстанция стоимости и впервые делает продукты товарами, — это для Бейли тождественно. Между тем, в первом случае речь идет о той или иной *мере стоимостей товаров,* т. е., в сущности, о *деньгах, о* таком товаре, в котором другие товары *выражают* свою стоимость. Чтобы это было возможно, *стоимости* товаров уже должны быть *предположены.* Как измеряющий товар, так и измеряемые товары уже должны быть тождественны в чем-то *третьем.* Во втором случае, напротив, впервые устанавливается сама эта *тождественность,* которая потом находит свое выражение в цене, в денежной или какой-нибудь другой цене.

Бейли отождествляет «неизменную меру стоимостей» с поисками имманентной меры стоимостей, т. е. с самим понятием стоимости. Пока эти две вещи смешиваются, поиски «неизменной меры стоимостей» являются даже тем, что подсказывает инстинкт разума. Как раз изменчивость и составляет характерную черту стоимости. Поиски «неизменного» выражают мысль о том, что имманентная мера стоимостей не может сама в свою очередь быть товаром, стоимостью, а, наоборот, должна быть чем-то таким, что конституирует стоимость, а *потому* и образует имманентную *меру* стоимости. Бейли доказывает, [832] что товарные стоимости могут получать денежное выражение, что, — если *стоимостное отношение товара уже дано,* — все товары могут выражать свою стоимость в *одном* товаре, хотя последний и меняет свою стоимость. Ведь при всех своих изменениях стоимость этого товара всегда остается одной и той же для других товаров в одно и то же время, так как она изменяется одновременно по отношению ко всем. Отсюда *Бейли* делает тот вывод, что не нужно никакого стоимостного отношения товаров и что нет надобности поэтому и искать его. Так как он находит его представленным в *денежном выражении,* то ему нет надобности «понимать», в силу чего возможно это выражение, как оно определяется и *что* оно в сущности выражает.

Сказанное имеет силу вообще и против Бейли и против Мальтуса, поскольку Бейли думает, что делать ли мерой стоимостей количество труда или стоимость труда — в обоих случаях речь идет об *одном и том же* вопросе, об одной и той же проблеме. Между тем, в последнем случае *стоимости* уже предположены, и речь идет об отыскании меры этих уже предположенных стоимостей, внешней меры их, выражения их как стоимостей. В первом же случае исследуется генезис и имманентная природа самой стоимости. Во втором случае исследуется развитие товара в деньги, или та форма, которую меновая стоимость приобретает в процессе обмена товаров. В первом случае предметом исследования является *стоимость* независимо от этого выражения, стоимость, которая, наоборот, составляет *предпосылку* этого выражения. Вместе с другими ослами Бейли полагает, что определить стоимость товаров — значит найти ее *денежное выражение,* внешнюю меру их стоимостей. Но другие ослы, руководимые инстинктом разума, говорят, что эта мера должна в таком случае иметь неизменную стоимость, т. е. по сути дела должна сама находиться *вне категории* стоимости, — тогда как Бейли говорит, что тут ничего больше и не нужно иметь в виду, так как *выражение стоимости* уже дано нам в готовом виде на практике, и что само это выра-

жение имеет и может иметь изменяющуюся стоимость без ущерба для его функции.

[Такова общая постановка вопроса. А] в частности сам Бейли сказал нам выше, что 100 квартеров хлеба или 200 квартеров или 300 квартеров могут быть продуктом труда 6 рабочих, т. е. продуктом одного и того же количества труда, тогда как «стоимость труда» означает у него самого лишь ту долю, которую эти 6 рабочих получают из 100, 200 или 300 квартеров. Она может составить 50, 60 или 70 квартеров на одного рабочего[57]. Таким образом, согласно собственному примеру Бейли, количество труда и стоимость того же количества труда суть весьма различные выражения. И как можно считать одним и тем же, выражается ли стоимость в первом из них или во втором, существенно отличном от первого? Если тот же труд, который раньше давал 3 квартера хлеба, дает теперь 1 квартер, между тем как гот же труд, который раньше давал 20 аршин холста (или 3 квартера хлеба), по-прежнему дает 20 аршин холста, то, при измерении рабочим временем, 1 квартер хлеба будет теперь равен 20 аршинам холста, или 20 аршин холста будут равны 1 квартеру хлеба, а 3 квартера хлеба будут равны 60 аршинам холста вместо 20. Следовательно, стоимости квартера хлеба и аршина холста изменились бы по отношению друг к другу. Но они отнюдь не изменились бы по «стоимости труда», так как 1 квартер хлеба и 20 аршин холста являются по-прежнему теми же самыми потребительными стоимостями. И вполне возможно, что 1 квартер хлеба распоряжается теперь не большим количеством труда, чем прежде.

Если брать единицу товара, то утверждение Бейли лишено всякого смысла. Если рабочее время, необходимое для производства одного сапога, уменьшается в десять раз, то стоимость сапога уменьшается в десять раз также и *сравнительно,* как выраженная во всех других товарах, у которых необходимый для их производства труд остался прежним или уменьшился не в такой же степени. Тем не менее стоимость труда — например, поденная плата — в сапожном промысле, а также и во всех других отраслях производства, может остаться неизменной, может даже повыситься. В отдельном сапоге теперь содержится меньше труда, а значит и меньше оплаченного труда. Но когда говорят о *стоимости труда,* то этим не хотят сказать, что за один час труда, вообще за меньшее количество труда уплачивается меньше, чем за большее количество. Тезис Бейли мог бы иметь некоторый смысл только по отношению к совокупному продукту капитала. Допустим, что 200 сапог составляют продукт того же капитала (и того же труда), как раньше 100 сапог.

В этом случае стоимость 200 сапог будет такая же, какой раньше была стоимость 100 сапог. И тут можно было бы сказать, что 200 сапог относятся к 1 000 аршин холста (пусть это будет продукт капитала в 200 ф. ст.) как *стоимости* труда, приведенного в движение обоими капиталами. В каком смысле? В том ли смысле, в каком это можно было бы сказать *также и* об [833] отношении отдельного сапога к аршину холста?

Стоимость труда — это та часть содержащегося в товаре рабочего времени, которую рабочий присваивает самому себе; это та часть продукта, в которой *воплощено принадлежащее ему самому рабочее время.* Поэтому, если вся стоимость товара распадается на оплаченное и неоплаченное рабочее время и если отношение неоплаченного рабочего времени к оплаченному одно и то же, т. е. если прибавочная стоимость во всех товарах составляет одну и ту же долю совокупной стоимости, то очевидно, что, раз товары относятся друг к другу как содержащиеся в них количества совокупного труда, они вместе с тем должны относиться друг к другу как *одинаковые доли* этих количеств совокупного труда, — следовательно, и как оплаченное рабочее время в одном товаре относится к оплаченному рабочему времени в другом.

$T : T' = Срв : Срв'$, где *Срв* обозначает совокупное рабочее время. $^{Срв}/_x$ = оплаченному рабочему времени в товаре *Т*, а $^{Срв'}/_x$ = оплаченному рабочему времени в товаре *Т'*, так как предполагается, что в обоих товарах оплаченное рабочее время составляет одну и ту же *долю* совокупного рабочего времени.

$$T : T' = Срв : Срв';$$
$$Срв : Срв' = {}^{Срв}/_x : {}^{Срв'}/_x.$$

Следовательно,

$$T : T' = {}^{Срв}/_x : {}^{Срв'}/_x$$

т. е. товары относятся друг к другу как *содержащиеся в них количества оплаченного рабочего времени,* или как содержащаяся в них стоимость труда.

Но в таком случае *стоимость труда* не есть определенная величина в том смысле, как этого хочет Бейли, а сама определяется [содержащимся в товаре] рабочим временем.

Далее, — оставляя в стороне превращение стоимостей в цены производства [Produktionspreise] и рассматривая только стоимости, — капиталы состоят из неодинаковых по своей величине

долей переменного и постоянного капитала. Поэтому при рассмотрении стоимостей оказывается, что содержащиеся в различных товарах прибавочные стоимости неодинаковы по своей величине, или что оплаченный труд не составляет одинаковую для всех товаров долю совокупного авансированного труда.

Вообще заработные платы — или стоимости труда — были бы здесь показателями стоимостей товаров не как стоимости, не поскольку заработные платы повышаются или падают, а поскольку содержащееся в каком-нибудь товаре *количество оплаченного труда,* представленное в заработной плате, было бы показателем *совокупного количества* труда, содержащегося в данном товаре по сравнению с другими товарами.

Одним словом, все дело сводится к тому, что раз стоимости товаров относятся друг к другу как $Рв : Рв'$ (т. е. как содержащиеся в них количества рабочего времени), то они относятся друг к другу и как $^{Рв}/_{x}: {}^{Рв'}/_{x}$, как содержащиеся в них количества оплаченного рабочего времени, *если* отношение оплаченного рабочего времени к неоплаченному во всех товарах одно и то же, т. е. *если* оплаченное рабочее время всегда равно совокупному рабочему времени, каково бы это последнее ни было, деленному на x. Но это «если» не соответствует действительному положению вещей. Даже при предположении, что рабочие в различных отраслях производства работают одинаковое прибавочное рабочее время, отношение оплаченного рабочего времени к затраченному рабочему времени в различных отраслях производства различно, так как различно отношение затраченного *непосредственного труда* к затраченному *накопленному труду.* Возьмем, например, капиталы $50v + 50c$ и $10v + 90c$. Пусть в обоих случаях неоплаченный труд составляет одну десятую оплаченного непосредственного труда. Тогда в товаре первого капиталиста будет содержаться 105 единиц стоимости, в товаре второго — 101. Оплаченное рабочее время в первом случае составляет $^1/_2$ авансированного труда, а во втором — всего лишь $^1/_{10}$.

[834] Бейли говорит:

«Если товары относятся друг к другу как количества производящего их труда, то они должны относиться друг к другу также и как стоимости этого труда; ибо обратное с необходимостью предполагало бы, что два товара *A* и *B* могут быть равными по стоимости, хотя стоимость затраченного труда в одном больше или меньше, чем в другом; или что товары *A* и *B* могут быть неравными по стоимости, хотя труд, затраченный на каждый из них, равен по стоимости. Но эта *разница в стоимости двух товаров, произведенных трудом равной стоимости,* была бы несовместима с *признанным равенством прибылей,* которое *г-н Рикардо признает вместе с другими авторами»* (цит. соч., стр. 79—80).

В последней фразе Бейли бессознательно нащупывает правильное возражение против Рикардо, который непосредственно отождествляет прибыль с прибавочной стоимостью, а стоимости — с ценами издержек. При правильной формулировке это возражение сводится к следующему: если товары продаются по своим *стоимостям,* то они дают *неодинаковые прибыли,* так как тогда прибыль равна той прибавочной стоимости, которая содержится в них самих. И это возражение правильно. Однако это говорит не против теории стоимости, а против ошибки Рикардо в применении этой теории.

Но насколько сам Бейли в приведенном выше месте был далек от правильного понимания вопроса, видно из следующей фразы:

«По мнению Рикардо, наоборот, «труд может повышаться или падать в стоимости, не оказывая влияния на стоимость товара». Это утверждение явным образом весьма отличается от формулированного выше, и его правильность в действительности зависит от ложности формулированного выше, или от правильности противоположного утверждения» и т. д. (цит. соч., стр. 81).

Осел! Сам раньше сказал, что результатом одного и того же труда могут быть 100, 200 или 300 квартеров хлеба. Это определяет отношение квартера хлеба к другим товарам, как бы ни изменялась стоимость труда, т. е. сколько бы из 100, 200 или 300 квартеров ни доставалось самому рабочему. Осел был бы еще хотя бы до некоторой степени последователен, если бы он сказал: стоимости труда могут повышаться или падать, и тем не менее стоимости товаров относятся друг к другу как стоимости труда, так как — согласно ошибочному предположению — повышение или падение заработной платы имеет всеобщий характер и стоимость заработной платы составляет всегда одну и ту же *пропорциональную долю* совокупного количества затраченного труда.

[γ) СМЕШЕНИЕ СТОИМОСТИ С ЦЕНОЙ. СУБЪЕКТИВИСТСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ БЕЙЛИ. К ВОПРОСУ О РАЗНИЦЕ МЕЖДУ ЦЕНАМИ ИЗДЕРЖЕК И СТОИМОСТЯМИ]

[Бейли говорит:]

«Способность *выражать* стоимость товаров не имеет никакого отношения к *постоянству их стоимостей»*

{конечно, не имеет; но она имеет большое отношение к установлению стоимости еще до того, как ей дают то или иное выражение, — к нахождению того, каким образом потребительные стоимости, так сильно отличающиеся друг от друга, подпадают

под общую категорию, под общее наименование *стоимостей,* так что стоимость одной вещи может быть выражена в другой вещи}, —

«ни в сравнении их друг с другом, ни в сравнении с примененным мерилом. Точно так же никакого отношения к постоянству стоимостей не имеет и способность сравнивать между собой эти *выражения стоимости».*

{Если стоимости различных товаров выражены в одном и том же третьем товаре, как бы ни изменялась его стоимость, то, разумеется, очень легко сравнивать между собой эти *выражения,* уже обладающие общим наименованием.}

«Стоит ли A $4B$ или $6B$»

{трудность состоит в том, чтобы приравнять A к какому бы то ни было количеству B, а это возможно только в том случае, если существует общее единое начало для A и B, т. е. если A и B являются различными воплощениями одного и того же единого начала. Если все товары должны быть выражены в золоте, в деньгах, то трудность остается той же самой. Для этого необходимо, чтобы имелось общее единое начало для золота и каждого из других товаров},

«и стоит ли C $8B$ или $12B$, — это совершенно безразлично для *возможности выражать* стоимость A и C в B и, конечно, столь же безразлично для возможности сравнивать между собой стоимость A и стоимость C, раз они выражены в третьем товаре B» (цит. соч., стр. 104—105).

Но как *выразить* A в B или в C? Товары A, B и C следует рассматривать как нечто отличное от того, чем они являются в качестве вещей, продуктов, потребительных стоимостей, чтобы *выразить* «их» друг в друге, или, что сводится к тому же самому, чтобы принимать их за эквивалентные выражения одного и того же единого начала. $A = 4B$. Стало быть, стоимость A *выражена* в $4B$, а стоимость $4B$ выражена в A, так что обе стороны уравнения выражают одно и то же. Они являются эквивалентами. Они — *равные* выражения стоимости. То же самое имело бы место, если бы они были неравными выражениями, т. е. если бы мы имели $A > 4B$ или $A < 4B$. Во всех этих случаях, поскольку [835] они суть стоимости, они различаются или равны только количественно, но являются всегда количествами одного и того же качества. Трудность состоит в том, чтобы найти это качество.

«Необходимое условие процесса измерения стоимостей состоит в том, чтобы привести измеряемые товары к *общему наименованию»*

{так, например, чтобы сравнить треугольник и все другие многоугольники, нужно лишь превратить последние в треугольники,

выразить их в треугольниках. Но для того чтобы сделать это, треугольники и многоугольники принимаются на деле за нечто *тождественное,* за различные формы одного и того же — пространства},

«что с одинаковой легкостью может быть сделано в любой момент времени; или, вернее, что уже *имеется* перед нами в готовом виде, так как практика регистрирует именно *цены* товаров, т. е. их стоимостное отношение к деньгам» (цит. соч., стр. 112).

«*Определить* стоимость — это то же самое, что *выразить* ее» (пит. соч., стр. 152).

Здесь он весь перед нами, этот молодчик. Нам даны стоимости, уже измеренные, выраженные в *ценах.* Поэтому [утверждает Бейли] мы можем удовольствоваться *незнанием* того, что представляет собой стоимость. Развитие меры стоимостей в деньги и, далее, развитие денег как масштаба цен Бейли смешивает с установлением самого *понятия стоимости* в ее развитии как имманентной меры товаров при обмене. Он прав в том отношении, что эти деньги не нуждаются в том, чтобы быть товаром, обладающим неизменной стоимостью, но отсюда он делает вывод, что нет необходимости в независимом от самого товара, отличном от него определении стоимости.

Коль скоро стоимость товаров как общее им единое начало дана, измерение их относительной стоимости совпадает с выражением этой стоимости. Но мы не получим *выражения* до тех пор, пока не найдем такого единого начала, которое отлично от непосредственного бытия товаров.

Это видно даже на приводимом у Бейли примере относительно расстояния между предметами *A* и *B*[*]. Для того чтобы говорить о расстоянии между ними, нами уже предположено, что оба они суть точки (или линии) пространства. Если их рассматривать как точки, притом точки одной и той же линии, то их расстояние может быть выражено в дюймах или футах и т. д. Единое в обоих товарах *A* и *B* — это, на первый взгляд, их способность к обмену. Они суть предметы, «способные к обмену». В качестве .«способных к обмену» предметов они суть величины одного и того же наименования. Но это «их» существование как «способных к обмену» предметов должно быть отлично от их существования как потребительных стоимостей. Что представляет собой оно?

Деньги уже сами являются *выражением* стоимости, предполагают ее. В качестве *масштаба* цен деньги, со своей стороны, уже предполагают превращение (теоретическое) товара в деньги.

[*] См. настоящий том, часть III, стр. 145—146. *Ред.*

Если стоимости всех товаров представлены как денежные цены, то я могу сравнивать их; они фактически уже сравнены. Но для того чтобы представить стоимости как цены, стоимость товаров должна быть предварительно представлена как деньги. Деньги суть лишь та форма, в которой стоимость товаров выступает в процессе обращения. Но как я могу выразить *x* хлопка в *y* денег? Вопрос этот сводится к тому, как я вообще могу выразить один товар в другом товаре, или представить товары как эквиваленты. Ответ на этот вопрос дает только анализ стоимости, независимо от выражения одного товара в другом.

«Ошибочно думать.., будто стоимостное отношение может существовать между товарами различных периодов, что по самой природе вещей невозможно; а если не существует отношения, то не может быть и измерения» (цит. соч., стр. 113).

Эта же нелепость уже фигурировала в том, что приводилось выше[*]. Уже при функционировании денег в качестве средства платежа существует «стоимостное отношение между товарами различных периодов». Весь процесс обращения есть постоянное сравнивание стоимостей товаров в различные периоды.

«Если они» (деньги) «не являются хорошим средством для сравнивания товаров в различные периоды, то это означает, что они неспособны выполнять функцию там, где никакой функции, которую они могли бы выполнять, и не существует» (цит. соч., стр. 118).

Как средство платежа и сокровище деньги призваны к тому, чтобы выполнять эту функцию сравнивания стоимости товаров в различные периоды.

То, что фактически является тайной всего этого вздора, просачивается в следующей фразе, которая *просто списана у автора «Observations on certain Verbal Disputes»*[**] и убеждает меня в том, что Бейли использовал тщательно замалчиваемые им «Observations» как плагиатор:

[836] «Богатство есть свойство людей, стоимость — свойство товаров. Человек или общество богаты, жемчуг или алмаз обладают высокой стоимостью» («A Critical Dissertation», стр. 165).

Жемчуг или алмаз драгоценны *как* жемчуг или алмаз, т. е. в силу их свойств, в качестве потребительных стоимостей для людей, — т. е. как *богатство*. Но в жемчуге или алмазе не содержится ничего такого, что определяло бы меновое отношение между ними и другими [потребительными стоимостями].

[*] См. настоящий том, часть III, стр. 153 и 156—157. *Ред.*
[**] Там же, стр. 130. *Ред.*

Бейли вдруг становится глубоким философом:

«Существует различие между трудом как *причиной* стоимости и трудом как *мерой* стоимости, вообще между *причиной* и *мерой* стоимости» (стр. 170 и следующие).

В действительности существует очень значительное различие (притом самим Бейли не замеченное) между «мерой стоимости» (в смысле денег) и «причиной стоимости». «Причина» стоимости превращает потребительные стоимости в *стоимость.* Внешняя мера стоимости уже предполагает существование *стоимости.* Золото, например, может служить мерой стоимости хлопка только при том условии, что золото и хлопок, как стоимость, обладают отличным от них обоих *единым началом.* «Причина» стоимости есть субстанция стоимости, а потому и имманентная мера стоимости.

«Все обстоятельства.., которые, опосредствованно или непосредственно, оказывают определяющее воздействие на *сознание* людей при обмене товаров, могут рассматриваться как причины стоимости» (стр. 182—183).

Это в действительности означает не что иное, как следующее: *причиной* стоимости товара, или эквивалентности между двумя товарами, являются те обстоятельства, которые побуждают продавца или же покупателя и продавца считать нечто за стоимость, или эквивалент, товара. «Обстоятельства», определяющие стоимость товара, ни в какой мере не познаны в результате того, что их квалифицируют как такие обстоятельства, которые воздействуют на «сознание» обменивающихся и которые, в качестве таких обстоятельств, присутствуют также и в сознании (а может быть, и не присутствуют или же присутствуют в виде искаженного представления) обменивающихся.

Те же самые (не зависящие от сознания, хотя и воздействующие на него) обстоятельства, которые заставляют производителей продавать свои продукты как *товары,* — обстоятельства, отличающие одну форму общественного производства от другой, — придают их продуктам (также и для их сознания) не зависящую от потребительной стоимости меновую стоимость. «Сознание» производителей этих продуктов может совсем не знать, чем в действительности определяется стоимость их товаров, или что делает их продукты стоимостями, — для него, для сознания, это может и не существовать. Производители продуктов поставлены в такие условия, которые определяют их сознание без того, чтобы они обязательно это знали. Каждый человек может употреблять деньги как деньги, не зная, что такое деньги. Экономические категории отражаются в сознании весьма искаженно. Бейли переносит вопрос в область сознания потому, что по части теории он зашел в тупик.

Вместо того чтобы сказать, что он сам понимает под «стоимостью» (или под «причиной стоимости»), Бейли нам говорит: это то, что представляют себе покупатель и продавец в акте обмена.

В действительности же в основе этой якобы философской фразы лежит следующее:

1) Рыночная цена определяется различными обстоятельствами, которые выражаются в соотношении между спросом и предложением и, как таковые, воздействуют на «сознание» людей, вступающих на рынке в торговую сделку. Весьма важное открытие!

2) При *превращении товарных стоимостей в цены издержек* учитываются «различные обстоятельства», которые воздействуют на сознание как «основания для компенсации» или представляются ему таковыми. Однако все эти основания для компенсации воздействуют на сознание капиталиста только как капиталиста и проистекают из самой природы капиталистического производства, а не из субъективного понимания покупателя и продавца. В головах покупателя и продавца они, наоборот, существуют как сами собой разумеющиеся «вечные истины».

Бейли, как и его предшественники, хватается за рикардовское смешение стоимостей и цен издержек, чтобы доказать, что стоимость не определяется трудом, так как цены издержек отклоняются от стоимостей. Это совершенно правильно против рикардовского отождествления [стоимостей с ценами издержек], но не против самого положения [об определении стоимости трудом].

В этой связи Бейли цитирует, во-первых, то, что сказано самим Рикардо по поводу изменения относительных стоимостей [837] товаров в результате повышения стоимости труда*. Он упоминает, далее, о «влиянии времени» (разница во времени производства без удлинения рабочего времени), имея в виду тот же случай, который вызвал сомнения уже у Милля**. Действительного *общего* противоречия, заключающегося в самом факте существования *средней нормы* прибыли несмотря на различное строение капитала, различные периоды его обращения и т. д., Бейли не замечает. Он повторяет лишь те отдельные формы проявления этого противоречия, на которые *уже* обратили внимание сам Рикардо и последующие авторы. Таким образом, здесь он выступает лишь как попугай, повторяющий чужие слова: он не двигает критику ни на шаг дальше.

Бейли отмечает далее: издержки производства суть главная причина «стоимости», а значит и главный элемент стоимости.

* См. настоящий том, часть II, стр. 192—216. *Ред.*

** См. настоящий том, часть III, стр. 83—85. *Ред.*

Однако он правильно замечает, — как это уже делали другие авторы, выступившие после Рикардо, — что само понятие *издержек производства* имеет различный смысл. Сам он в конечном счете заявляет о своем согласии с Торренсом относительно того, что стоимости определяются авансированным капиталом, что верно для цен издержек, но бессмысленно, если это не выведено из развития самой стоимости, т. е. если *стоимость товара* хотят вывести из более развитого отношения, из *стоимости капитала,* а не наоборот.

Последнее его возражение таково: товарные стоимости нельзя измерять рабочим временем, если рабочее время в одной отрасли не равно рабочему времени в другой отрасли, так что товар, в котором воплощено, например, 12 часов труда инженера, имеет вдвое большую стоимость, чем товар, в котором воплощено 12 часов труда сельского рабочего. Это сводится к тому, что, например, день простого труда не есть мера стоимости, если имеются другие рабочие дни, которые относятся к дням простого труда как дни сложного труда. Рикардо доказал, что этот факт не препятствует измерению товаров рабочим временем, если дано отношение между простым и сложным трудом[58]. Он, правда, упустил изложить, как развивается и определяется это отношение. Это относится к изложению вопроса о *заработной плате* и сводится, в конечном счете, к *различию стоимости самих рабочих сил,* т. е. к различию их издержек производства (которые определяются рабочим временем).

Вот места, где Бейли высказывает то, что было сжато подытожено выше:

«Фактически никто не оспаривает, что *издержки производства* суть основное обстоятельство, определяющее те количества, в каких обмениваются товары этой категории» (товары той категории, где не существует монополии и где всегда возможен рост продукции при расширении производства); «но наши лучшие экономисты не совсем согласны между собою в том, что следует понимать под этим термином; некоторые утверждают, •что *количество труда,* затраченное на производство товара, составляет его издержки; другие — что так следует называть *употребленный на это капитал»* (цит. соч., стр. 200).

«То, что работник производит без капитала, стоит ему его труда; то, что производит капиталист, стоит ему его капитала» (стр. 201).

(Именно это соображение определяет позицию Торренса. Капиталисту ничего не стоит тот труд, который он применяет, ему стоит только капитал, затрачиваемый им на заработную плату.)

«Стоимость основной массы товаров определяется затраченным на них капиталом» (стр. 206).

Против определения стоимости товаров только содержащимся в них количеством труда Бейли выдвигает следующее возражение :

«Это не может быть верно, если можно найти такого рода примеры: 1) случаи, когда два товара производятся одинаковыми количествами труда и тем не менее продаются за различные количества денег; 2) случаи, когда два товара, которые раньше были равны по стоимости, становятся неравными по стоимости, хотя затрачиваемое на каждый из них количество труда нисколько не изменилось» (стр. 209).

«Это не ответ» (по поводу случаев первого рода), «если мы вместе с г-ном Рикардо скажем, что «оценка труда различных качеств быстро устанавливается на рынке с достаточной для всех практических целей точностью», или если мы вместе с г-ном Миллем заявим, что «при оценке равных количеств труда принимаются, конечно, во внимание различные степени трудности и обученности». Примеры этого рода совершенно уничтожают общезначимость правила» (стр. 210).

«Возможны только два способа сравнивать одно количество труда с другим: один состоит в сравнивании их *по затраченному времени.* Другой — *по произведенному результату»* (последнее имеет место при сдельной работе). «Первый способ применим ко всем видам труда; второй может применяться только при сравнивании труда, затраченного на однородные предметы. Если, поэтому, при оценке двух различных видов труда затраченное время не определяет отношения между [839][59] количествами труда, то это отношение по необходимости остается неопределенным и неопределимым» (стр. 215).

«По поводу случаев второго рода. Возьмем два любых товара равной стоимости, *А* и *В,* из которых первый произведен с помощью основного капитала, а второй — трудом без применения машин, и предположим, что без какого бы то ни было изменения в основном капитале или в количестве труда произошло повышение стоимости труда. Согласно аргументации самого г-на Рикардо, стоимостное отношение между *А* и *В* немедленно же изменится, т. е. они станут неравными по стоимости» (стр. 215—216).

«К этим случаям мы можем еще добавить *влияние времени* на стоимость. Если один товар требует для своего производства больше времени, чем другой, то его стоимость будет больше, *даже если он не требует большего количества капитала и труда.* Г-н Рикардо признаёт влияние этой причины, но г-н Милль утверждает» и т. д. (стр. 217).

Наконец, Бейли еще замечает, и это — единственное новое, что он в этом отношении вносит:

«Указанные три категории товаров» {это, т. е. эти три категории товаров, опять-таки заимствовано у автора «Observations on certain Verbal Disputes»} (а именно: 1) товары, производимые при абсолютной монополии, 2) товары, производимые при ограниченной монополии, как например хлеб, и 3) товары, производимые при совершенно свободной конкуренции) «нельзя абсолютно отделить друг от друга. Все они не только без разбора обмениваются друг на друга, но и *смешиваются друг с другом в процессе производства.* Поэтому часть стоимости какого-нибудь товара может обусловливаться монополией, а другая часть — теми причинами, которые определяют стоимость немонополизированных продуктов. Так, например, какой-нибудь предмет может фабриковаться при самой свободной конкуренции из такого сырья, которое его производитель благодаря полной монополии может продавать в шесть раз дороже его фактических издержек»

(стр. 223). «В этом случае ясно, что хотя с полным правом можно сказать, что стоимость предмета определяется количеством капитала, затраченным на него фабрикантом, но никакой анализ не в состоянии свести стоимость этого капитала к количеству труда» (стр. 223—224).

Замечание это правильно. Однако монополия нас здесь не касается, так как мы имеем тут дело лишь с двумя категориями: со *стоимостью* и с *ценой издержек.* Ясно, что превращение стоимостей в цены издержек оказывает двоякое действие. Во-первых, прибыль, начисляемая на авансированный капитал, может быть выше или ниже той *прибавочной стоимости,* которая содержится в самом товаре, т. е. она может представлять больше или меньше *неоплаченного* труда, чем содержится в самом товаре. Это относится к переменной части капитала и к ее воспроизведению в товаре. Но помимо этого, точно так же и цена издержек постоянного капитала — или товаров, входящих в качестве сырья, вспомогательных материалов и орудий труда, вообще в качестве условий труда, в стоимость вновь произведенного товара, — может быть выше или ниже их стоимости. Таким образом, в стоимость вновь произведенного товара входит такая отклоняющаяся от стоимости часть цены, которая не зависит от количества вновь присоединенного труда, т. е. от количества того труда, благодаря которому эти условия производства, обладающие определенными ценами издержек, превращаются в новый продукт. Вообще ясно, что то, что относится к различию между ценой издержек и стоимостью *товара* как такового — товара как результата процесса производства, — относится точно так же и к *товару,* поскольку он в форме постоянного капитала входит в процесс производства как ингредиент, как предпосылка. Переменный капитал, какова бы ни была связанная с ним разница между стоимостью и ценой издержек товара, возмещается определенным количеством труда, которое образует составную часть стоимости нового товара, безразлично, выражена ли эта стоимость в его цене без изменения или она выше или ниже ее. Наоборот, эта разница между ценой издержек и стоимостью переносится в стоимость нового товара как уже предпосланный элемент, если речь идет о таком составном элементе стоимости, который входит в цену нового товара независимо от собственного процесса производства этого товара.

Таким образом, разница между ценой издержек и стоимостью товара порождается двояким путем: путем разницы между ценой издержек и стоимостью тех товаров, которые образуют предпосылку процесса производства нового товара, и путем разницы между той прибавочной стоимостью, которая действительно присоединена к издержкам производства, и той при-

былью, которая начисляется [на авансированный капитал]. Однако каждый товар, входящий в какой-нибудь другой товар в качестве постоянного капитала, сам выходит из другого процесса производства как результат, как продукт. И таким образом товар выступает попеременно то как предпосылка для производства других товаров, то как результат такого процесса производства, в котором существование других товаров есть предпосылка для его собственного производства. В земледелии (скотоводстве) один и тот же товар выступает то как продукт, то как условие производства.

Это имеющее большое значение отклонение цен издержек от стоимостей — которое обусловливается капиталистическим производством — не изменяет того положения, что цены издержек по-прежнему определяются стоимостями.

4) МАК-КУЛЛОХ

[а) ВУЛЬГАРИЗАЦИЯ И ПОЛНОЕ РАЗЛОЖЕНИЕ ТЕОРИИ РИКАРДО У МАК-КУЛЛОХА ПОД ВИДОМ ЕЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ. ЦИНИЧНАЯ АПОЛОГЕТИКА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА. БЕССОВЕСТНЫЙ ЭКЛЕКТИЗМ]

[840] Мак-Куллох — вульгаризатор экономической теории Рикардо и вместе с тем самый жалкий образчик ее разложения.

Вульгаризатор не только Рикардо, но также и Джемса Милля.

Вообще во всех отношениях вульгарный экономист, апологет существующего. Единственное, что до комизма его тревожит, это — тенденция прибыли к падению; положением рабочих он вполне доволен, вообще доволен всеми противоречиями буржуазной экономики, ложащимися тяжким бременем на рабочий класс. Здесь все цветет и процветает. Здесь он даже знает, что

«введение машин в одной отрасли производства с необходимостью создает такой же или еще больший спрос *на уволенных рабочих* в какой-нибудь другой отрасли производства»[60].

В этом вопросе Мак-Куллох отступает от Рикардо, подобно тому как в своих позднейших сочинениях он [в отличие от Рикардо] становится весьма сладкоречивым по отношению к земельным собственникам. А все его нежные заботы относятся к бедным капиталистам ввиду тенденции нормы прибыли к падению.

«В отличие от других представителей любой науки г-н Мак-Куллох, по-видимому, не ищет *характерных различий,* а ищет только *сходства;*

и, следуя этому принципу, он приходит к смешению материальных и нематериальных объектов, к смешению производительного труда с непроизводительным, капитала с доходом, предметов питания рабочего с самим рабочим, производства с потреблением и труда с прибылью» *(Malthus.* Definitions in Political Economy. London, 1827, стр. 69—70).

«Г-н Мак-Куллох в своих «Principles of Political Economy» (London, 1825) устанавливает различие между *действительной* и *относительной, или меновой, стоимостью.* Первая, говорит он на стр. 211 и 225, «зависит от количества труда, затраченного на присвоение или производство товара, а вторая — от того *количества труда или какого-либо другого товара, на* которое товар *обменивается»,* и обе эти стоимости, говорит он (стр. 215), *тождественны* при обычном положении вещей, т. е. в том случае, когда предложение товаров на рынке в точности соответствует действительному спросу на них. Но если они тождественны, то должны быть тождественны и те два количества труда, о которых он говорит; однако на стр. 221 он нам сообщает, что они не тождественны, ибо одно включает прибыль, между тем как другое ее исключает» ([*Cazenove.*] Outlines of Political Economy, etc. London, 1832, стр. 25).

А именно, Мак-Куллох говорит в этих своих «Principles of Political Economy», стр. 221:

«Фактически он» (товар) «всегда будет обмениваться на большее количество» {труда, чем тот труд, которым товар был произведен}, *«и как раз этот избыток и образует прибыль».*

Здесь перед нами блестящий образчик приемов этого шотландского архишарлатана.

Полемические замечания Мальтуса, Бейли и других заставляют его проводить различие между *действительной стоимостью* и *меновой,* или *относительной, стоимостью.* Но он проводит это различие — по сути дела — в таком виде, в каком находит его у Рикардо. *Действительная* стоимость — это товар с точки зрения труда, необходимого для *его* производства; *относительная* стоимость — это пропорция *различных товаров,* которые могут быть произведены за одно и то же время и которые *поэтому* представляют собой эквиваленты, вследствие чего стоимость одного из этих товаров может быть *выражена* в том количестве потребительной стоимости другого товара, которое стоит того же рабочего времени. *Относительная стоимость* товара, в этом рикардовском смысле, есть лишь другое выражение его *действительной стоимости* и означает лишь то, что товары обмениваются соответственно содержащемуся в них рабочему времени, или что *содержащееся в каждом из них рабочее время одинаково.* Поэтому, если рыночная цена товара равна его меновой стоимости (как это бывает, когда предложение и спрос покрывают друг друга), то купленный товар содержит столько же труда, как и проданный. Товар реализует лишь свою меновую стоимость, или продается лишь по своей *меновой*

стоимости, если в обмен на него получается *такое же количество труда,* какое в нем отдано.

Все это Куллох, действительно, констатирует правильно, повторяя, как попугай, за другими. Только он заходит здесь слишком далеко, поскольку мальтусовское определение меновой стоимости — то количество наемного труда, каким товар распоряжается — уже вошло в его нутро. Поэтому он определяет относительную стоимость как «то количество труда *или* какого-либо другого товара, на которое товар обменивается». Рассматривая относительную стоимость, Рикардо всегда говорит только о товарах за исключением труда, так как при обмене товаров прибыль реализуется только потому, что при обмене между товаром и трудом *не* имеет места обмен одинаковых количеств труда. Уже в самом начале своего сочинения Рикардо делает особый упор на то, что определение стоимости [841] товара содержащимся в нем рабочим временем toto coelo* отлично от определения этой стоимости тем количеством труда, какое товар может купить[61]. Тем самым Рикардо, с одной стороны, устанавливает различие между тем количеством труда, какое товар содержит, и тем количеством труда, каким он распоряжается; с другой стороны, Рикардо из относительной стоимости товара исключает обмен товара на труд. Ибо при обмене одного товара на другой обмениваются одинаковые количества труда, а когда товар обменивается на самый труд, то обмениваются неодинаковые количества труда, и капиталистическое производство покоится на неравенстве этого обмена. Рикардо не объясняет, как это *исключение* согласуется с понятием стоимости. Отсюда споры у экономистов, писавших после Рикардо. Но правильный инстинкт подсказывает ему это *исключение.* (В действительности это совсем не исключение, но исключение в *его* понимании.) Таким образом, Куллох идет дальше Рикардо, он, как это может показаться на первый взгляд, последовательнее его.

У него нет никакой трещины. Всё — из одного куска. Обменивается ли товар на товар или на труд, это меновое отношение одинаково является *относительной стоимостью* товара. И если обмениваемые товары продаются по их стоимости (т. е. если спрос и предложение покрывают друг друга), то эта относительная стоимость всегда есть выражение *действительной стоимости,* т. е. на обоих полюсах обмена мы имеем одинаковые количества труда. Следовательно, «при обычном положении вещей» товар обменивается также только на такое количество

---

* — совершенно, принципиально. *Ред.*

наемного труда, которое равно содержащемуся в этом товаре количеству труда. Рабочий получает в заработной плате столько же материализованного труда, сколько возвращает в обмен капиталисту в виде непосредственного труда. Тем самым исчезает источник прибавочной стоимости и уничтожается вся теория Рикардо.

Итак, г-н Куллох сначала опрокидывает теорию Рикардо под видом доведения ее до полной последовательности.

А что делает он дальше? Дальше он бесстыдно перебегает от Рикардо к Мальтусу, по учению которого стоимость товара определяется тем количеством труда, которое товар покупает и которое всегда должно быть больше содержащегося в товаре количества труда. Разница между Мак-Куллохом и Мальтусом заключается только в том, что у Мальтуса это высказано как то, чем оно и является на самом деле, т. е. как *антитеза* по отношению к Рикардо, а г-н Куллох принимает эту антитезу после того, как принял формулировку Рикардо с той кажущейся последовательностью (т. е. с последовательностью скудоумия), которая уничтожает смысл теории Рикардо. Поэтому внутреннейшего ядра учения Рикардо — как реализуется прибыль на основе обмена товаров *по их стоимости* — Куллох не понимает, и оно для него не существует. Так как меновая стоимость, — которая, по Куллоху, при «обычном состоянии рынка» равна действительной стоимости, но *«фактически»* всегда превышает ее, ибо на этом избытке покоится прибыль (недурное противопоставление и недурной анализ, основывающийся на словечке «фактически»), — есть то «количество труда *и л и* какого-либо другого товара», на которое товар обменивается, то к «любому другому товару» относится то, что относится к «труду». Другими словами, товар обменивается не только на большее количество непосредственного труда, чем то количество труда, которое в товаре содержится, но и на большее количество материализованного в других товарах труда, чем то количество труда, которое содержится в самом обмениваемом товаре, — т. е. прибыль есть.«прибыль от отчуждения», и тем самым мы снова пришли к меркантилистам. Мальтус прямо делает этот вывод. У Куллоха он выступает как нечто само собой разумеющееся, но только с претензией, что это есть развитие системы Рикардо.

И это полное разложение системы Рикардо, превращающее ее в галиматью, — разложение, которое при этом кичится тем, что оно-де является ее последовательным развитием, — чернь, в особенности континентальная чернь (в том числе, конечно, и г-н Рошер) приняла за *слишком далеко идущий,* до крайности

доведенный вывод из рикардовской системы, поверив, таким образом, г-ну Куллоху в том, будто усвоенная им рикардовская манера «сморкаться и плевать»[62], под которой он скрывает свой беспомощный, бездумный и бессовестный эклектизм, и впрямь есть научная попытка последовательно провести эту систему!

Мак-Куллох — просто-напросто человек, захотевший нажиться на экономической теории Рикардо, что ему и удалось в достойной удивления степени. Совершенно таким же образом *Сэй* наживался на теории Смита, с той только разницей, что Сэй, по крайней мере, имеет ту заслугу, что привел теорию Смита в известный формальный порядок и местами, не считая случаев непонимания, позволял себе также и некоторые теоретические сомнения. Так как Куллох впервые получил профессорскую кафедру в Лондоне благодаря экономической теории Рикардо, то он должен был первоначально выступать в качестве рикардианца и, в частности, участвовать также и в борьбе против земельных собственников. Как только он почувствовал твердую почву под ногами и на плечах Рикардо [842] добился известного положения, его главным стремлением стало преподносить политическую экономию, в особенности рикардовскую, в рамках вигизма и удалять из нее все неприятные для вигов выводы. Его последние сочинения о деньгах, налогах и т. п. являются всего лишь защитительными речами в пользу находившегося у власти в каждом данном случае кабинета вигов. Таким путем этот человек добрался до доходного местечка. Его статистические работы — просто стряпня, рассчитанная на дешевый успех и привлечение покупателей. Бездумное уничтожение теории и ее бездумная вульгаризация обнаруживаются здесь также и в самом молодчике как «a vulgarian»*, о чем мы еще кое-что скажем в дальнейшем, прежде чем покончить с этим спекулирующим шотландцем.

В *1828 г.* Мак-Куллох издал «Wealth of Nations» Смита, и четвертый том этого издания содержит его собственные «примечания и рассуждения», в которых он, для заполнения тома, отчасти перепечатывает уже ранее опубликованные им плохие статьи, не имеющие абсолютно никакого отношения к делу, как например статью о «майорате» и т. д., отчасти почти дословно повторяет свои лекции по истории политической экономии, или, как он сам говорит, «многое заимствует из них», отчасти же старается ассимилировать на свой манер то новое, что за этот промежуток времени было дано Миллем, а также противниками Рикардо.

* — вульгарном человеке, пошляке. *Ред.*

В своих «Principles of Political Economy»[63] г-н Мак-Куллох занимается лишь списыванием своих «примечаний и рассуждений», которые он сам уже списал из своих прежних «разбросанных произведений». Только в «Principles» дело еще ухудшается, ибо в «примечаниях» легче допускать непоследовательности, чем в якобы методическом изложении предмета. Так, приведенные выше положения из «Principles» Мак-Куллоха, отчасти дословно взятые из «примечаний и рассуждений», в этих «примечаниях» к Смиту выглядят все-таки несколько менее непоследовательными, чем в «Principles». {Его «Principles», кроме того, содержат заимствования из Милля, дополненные самыми нелепыми иллюстрациями, и перепечатку статей о хлебной торговле и т. д., которые он, возможно, уже под двадцатью различными заглавиями дословно вновь и вновь перепечатывал в различных периодических изданиях, часто даже в *одном и том же* журнале в различное время.}

В упомянутом *IV томе* своего издания А. Смита (Лондон, 1828 г.) Мак говорит (он повторяет дословно то же самое в своих «Principles of Political Economy», но без тех различений, которые он еще считал необходимыми в своих «примечаниях»):

«Необходимо различать между *меновой стоимостью* и *действительной стоимостью* — или *стоимостью издержек* — товаров или продуктов. Под *первой,* или под меновой стоимостью товара или продукта, понимают его способность, или возможность, обмениваться на другие товары *или* на труд, а под *второй,* или под действительной стоимостью, или стоимостью издержек, товара понимают то количество труда, которое требуется для его производства или присвоения, или, точнее, то количество труда, которое требовалось бы для производства или присвоения однородного товара в то время, к которому относится исследование» (назв. соч., стр. 85—86).

«Товар, произведенный определенным количеством труда» {когда предложение товаров равняется действительному спросу}, «будет неизменно обмениваться на любой другой товар, или покупать любой другой товар, произведенный таким же количеством труда. Однако он никогда не будет обмениваться на точно такое же количество труда, или покупать точно такое же количество труда, какое его произвело; но хотя он этого не будет делать, все же он *всегда* будет обмениваться на такое же количество труда, или покупать такое же количество труда, как и всякий другой товар, произведенный при одинаковых условиях, или таким же количеством труда, как и он сам» (там же, стр. 96—97).

«Фактически» (эту фразу Мак-Куллох дословно повторяет в «Principles», так как это «фактически» составляет фактически всю его аргументацию) «он» (товар) «всегда будет обмениваться на большее количество» {т. е. на большее количество труда, чем тот труд, которым товар был произведен}, «и *как раз этот избыток и образует прибыль.* У капиталиста не было бы никакого *мотива»* (как будто при обмене товаров и исследовании относительно их стоимости речь идет о «мотивах» покупателя) «обменивать продукт данного количества уже выполненного труда [843] на продукт та-

кого же *количества труда, подлежащего выполнению.* Это значило бы *ссужать»* {«обменивать» значило бы «ссужать»!}, «не получая никаких процентов за ссуду» (там же, стр. 96).

Начнем с конца.

Если бы капиталист не получал обратно больше труда, чем он авансировал в заработной плате, то он «ссужал» бы без «прибыли». Проблема состоит в том, чтобы объяснить, каким образом возможна прибыль, если товары (труд или другие товары) обмениваются по своей стоимости. А объяснение Мак-Куллоха гласит, что прибыль была бы невозможна, если бы обменивались эквиваленты. Сперва предполагается, что капиталист и рабочий «обмениваются». Затем для объяснения прибыли предполагается, что они «не» обмениваются, но что один из них ссужает (т. е. дает товар), а другой занимает, т. е. платит только после того, как получил товар. Или для объяснения прибыли говорится, что капиталист не получал бы «никакого процента», если бы не имел прибыли. При этом самый вопрос поставлен неправильно. Товар, которым капиталист уплачивает заработную плату, и товар, который он получает обратно как результат труда, суть различные *потребительные стоимости.* Следовательно, он не получает обратно то, что авансировал, точно так же как он не получает тот же самый товар, когда обменивает один товар на другой. Покупает ли он другой товар или покупает специфический [товар —] труд, который производит ему этот другой товар, — это одно и то же. Вместо той потребительной стоимости, которую он отдает, он получает другую потребительную стоимость, как и при всяком товарообмене. Если же, напротив, иметь в виду только стоимость товара, то в том, что «данное количество уже выполненного труда» обменивается на «такое же количество труда, подлежащего выполнению» (хотя в действительности капиталист платит только после того, как труд *уже* выполнен), нет уже никакого противоречия, как нет противоречия и в том, что известное количество выполненного труда обменивается на такое же количество выполненного труда. Последнее является нелепой тавтологией. Первое предполагает, что «труд, подлежащий выполнению», овеществлен в иной потребительной стоимости, чем выполненный труд. В этом случае, следовательно, имеется различие [между объектами обмена], а потому и проистекающий из самого отношения мотив к обмену, тогда как в другом случае такого мотива нет, так как здесь на *A* обменивается лишь *A,* поскольку при этом обмене речь идет [только] о количестве труда. Поэтому г-н Мак прибегает к *мотиву.* Мотив капиталиста — получить обратно большее «количество труда», чем

он отдает. Прибыль объясняется тем, что у капиталиста есть *мотив* получать «прибыль». Но точно так же можно было бы сказать при продаже товаров купцом, при всякой продаже товаров, имеющей целью не потребление, а прибыль: у продавца нет мотива обменивать определенное количество выполненного труда на такое же количество выполненного труда. Его мотив — получить взамен больше выполненного труда, чем он отдает. Поэтому он *должен* получить больше выполненного труда в форме денег или товаров, чем он отдает в форме товаров или денег. Он должен, следовательно, покупать дешевле, чем продает, и продавать дороже, чем купил. Таким образом, перед нами — «прибыль *от отчуждения»,* объясняемая не тем, что она соответствует закону стоимости, а тем, что покупатель и продавец не имеют, дескать, «мотива» покупать или продавать согласно закону стоимости. Таково первое «выдающееся» открытие Мака, весьма недурно выглядящее в рамках системы Рикардо, которая стремится показать, как вопреки «мотивам» покупателей и продавцов прокладывает себе путь закон стоимости.

[844] В остальном изложение Мака в «примечаниях» отличается от его изложения в «Principles» только следующим:

В «Principles» он проводит различие между «действительной стоимостью» и «относительной стоимостью» и говорит, что «при обычных условиях» они равны друг другу, но что «фактически» они не могут быть равны, если должна получаться прибыль. Таким образом, он говорит лишь то, что «факт» противоречит «принципу».

В «примечаниях» он различает три рода стоимости: «действительную стоимость», «относительную стоимость» товара при его обмене на другие товары и «относительную стоимость» товара, обмениваемого на труд. «Относительная стоимость» товара при его обмене на другой товар есть его *действительная* стоимость, *выраженная* в другом товаре, или в «эквиваленте». Напротив, его относительная стоимость при обмене на труд есть его действительная стоимость, выраженная в другой действительной стоимости, которая больше ее самой, — т. е. его стоимость есть обмен на большую стоимость, обмен на неэквивалент. Если бы товар обменивался на эквивалент в труде, то не было бы прибыли. Стоимость товара при его обмене на труд есть большая стоимость.

Проблема: Рикардовское определение стоимости противоречит обмену товара на труд.

Решение Мака: При обмене товара на труд закон стоимости не существует, существует его противоположность. Иначе

нельзя было бы объяснить прибыль. [Между тем] для него, рикардианца, прибыль должна быть объяснена законом стоимости.

Решение: Закон стоимости (в этом случае) есть прибыль. «Фактически» Мак высказывает только то, что говорят противники теории Рикардо, — а именно, что если бы закон стоимости господствовал при обмене между капиталом и трудом, то *не* существовало бы *никакой прибыли.* Они говорят, что ввиду этого рикардовский закон стоимости ошибочен. Он говорит, что закон не существует *для этого случая,* который он должен объяснить, исходя из этого закона, и что в этом случае под «стоимостью» люди «понимают» нечто другое.

Отсюда явствует, что Мак-Куллох ровно ничего не понимает в рикардовском законе. В противном случае он должен был бы сказать так: прибыль при обмене товаров, которые обмениваются соответственно содержащемуся в них рабочему времени, объясняется тем, что в товарах содержится «неоплаченный» труд. Следовательно, неравный обмен капитала и труда объясняет нам обмен товаров по их стоимости и прибыль, реализуемую в этом обмене товаров. Вместо этого Мак-Куллох говорит: товары, содержащие одинаковое количество рабочего времени, распоряжаются одинаковым избытком труда, в них не содержащимся. Таким способом он думает примирить рикардовские положения с мальтусовскими, протаскивая отождествление определения стоимости товаров рабочим временем с определением стоимости товаров способностью распоряжаться трудом. Но что это означает: товары, содержащие одинаковое количество рабочего времени, распоряжаются одинаковым *избытком* труда сверх того труда, который в них содержится? Это означает лишь то, что товар, в котором содержится *определенное* рабочее время, распоряжается определенным количеством прибавочного труда, сверх содержащегося в нем труда. Что это относится не только к товару А, в котором содержится *x* рабочего времени, но и к товару *B,* в котором тоже содержится *x* рабочего времени, — это заложено уже в словесном выражении мальтусовской формулы.

Разрешение противоречия у Мака, следовательно, таково: если бы действовал рикардовский закон стоимости, то была бы невозможна прибыль, а значит, были бы невозможны капитал и капиталистическое производство. Это как раз то, что утверждали противники Рикардо. И это то, что им отвечает Мак, чем; он их опровергает. При этом он совсем не замечает всего великолепия такого определения меновой стоимости [при обмене] на труд, которое состоит в том, что *стоимость есть обмен на некоторую нестоимость.*

[б) ИЗВРАЩЕНИЕ ПОНЯТИЯ ТРУДА ПУТЕМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЕГО НА ПРОЦЕССЫ ПРИРОДЫ. ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ МЕНОВОЙ СТОИМОСТИ И ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ. АПОЛОГЕТИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА ПРИБЫЛИ КАК «ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НАКОПЛЕННОГО ТРУДА»]

[845] Отказавшись, таким образом, от основы рикардовской политической экономии, г-н Мак тем временем идет еще дальше и разрушает основу самой этой основы.

Первая трудность в системе Рикардо заключалась в обмене между капиталом и трудом согласно с *«законом стоимости».*

Вторая трудность состояла в том, что *равновеликие капиталы,* каково бы ни было их органическое строение, приносят *равные прибыли* — или *общую норму прибыли.* В действительности это — неосознанная проблема исследования того, как стоимости превращаются в цены издержек.

Трудность получалась оттого, что *равновеликие капиталы* неодинакового-строения, — вызывается ли это неодинаковым соотношением между постоянным и переменным капиталом, между основным и оборотным капиталом или неодинаковым временем обращения, — приводят в движение *неравные* массы непосредственного труда, следовательно, также и неравные массы неоплаченного труда, и, стало быть, не могут присваивать себе в процессе производства равную прибавочную стоимость или равный прибавочный продукт. Стало быть, они не могут получать равные прибыли, если прибыль есть не что иное, как прибавочная стоимость, исчисленная по отношению к стоимости всего авансированного капитала. *Если же прибавочная стоимость представляет собой нечто другое, чем труд (неоплаченный), то труд вообще не является «основой и мерой» стоимости товаров*[64].

Трудности, которые здесь возникают, Рикардо сам обнаружил (хотя и не в общей их форме) и признал *исключениями* из правила [т. е. из закона] стоимости. Мальтус вместе с этими исключениями отбросил и правило, так как исключения составляли правило. Торренс, тоже в полемике против Рикардо, по крайней мере до некоторой степени сформулировал проблему, сказав, что *равновеликие капиталы приводят в движение неодинаковые массы труда, но тем не менее производят товары равных «стоимостей» и что поэтому стоимость определяется не трудом. То же мы видим у Бейли* и других. *Милль,* со своей стороны, признал констатированные Рикардо исключения как исключения, причем они, кроме одной-единственной формы, не вызвали

у него никаких сомнений. Одно-единственное *основание для выравнивания* прибылей капиталистов он нашел *противоречащим* правилу. Случай этот состоял в следующем: некоторые товары задерживаются в процессе производства (например, вино в погребе) без всякой затраты труда на них; это — такой период, в течение которого они подвергаются действию тех или иных естественных процессов природы. (Таков, например, продолжительный перерыв в работе — не указываемый Миллем — в земледелии, а также в кожевенном деле, прежде чем там начинается применение некоторых новых химических средств.) И тем не менее это время учитывается как приносящее прибыль. Время, в течение которого товар не подвергается процессу труда, учитывается как рабочее время. (То же самое бывает вообще там, где имеет место *более продолжительный период обращения.*) *Милль, так сказать, «вывернулся» из затруднительного положения, заявив, что то время, в течение которого вино,* например, стоит в погребе, *можно было бы* рассматривать как такое время, в течение которого оно впитывает труд, *хотя,* согласно предположению, этого фактически и не происходит. Иначе [указывает Милль] пришлось бы сказать, что «время» создает прибыль, а между тем время как таковое — это, дескать, «только дым и звук»[65]. К этой галиматье Милля присоединяется Куллох, или, точнее, он воспроизводит ее, на свой обычный напыщенный плагиаторский манер, в общей форме, в которой скрытая бессмыслица вылезает наружу и благополучно устраняется последний остаток рикардовской системы, как и вообще всякого экономического мышления.

Все вышеупомянутые трудности при ближайшем рассмотрении сводятся, в свою очередь, к следующей трудности:

Та часть капитала, которая в форме товаров входит в процесс производства как материал или орудие, никогда не присоединяет к продукту большей стоимости, чем та, какою она обладала до этого процесса производства. Это происходит потому, что она имеет стоимость лишь постольку, поскольку она есть воплощенный труд, и содержащийся в ней труд ни в какой мере не изменяется оттого, что она входит в процесс производства. Она настолько не зависит от процесса производства, в который входит, и настолько зависит от общественно определенного труда, требующегося для ее собственного производства, что ее собственная стоимость изменяется, если для ее воспроизводства требуется больше или меньше рабочего времени, чем содержится в ней. Поэтому, как стоимость, эта часть капитала входит в процесс производства, не изменяясь, и выходит из него тоже без изменений. Поскольку она вообще реально входит в него

и изменяется, это есть изменение, претерпеваемое ее *потребительной стоимостью,* претерпеваемое ею самою как *потребительной стоимостью.* И все те операции, которым подвергается сырье или которые выполняют орудия труда, суть лишь процессы, которые они проделывают как определенное сырье и как определенные орудия труда (веретено и т. д.), процессы их потребительной стоимости, не имеющие как таковые никакого отношения к их меновой стоимости. Меновая стоимость при этом [846] изменении сохраняется. Voila tout*.

Иначе обстоит дело с той частью капитала, которая обменивается на рабочую силу. Потребительная стоимость рабочей силы — это *труд,* элемент, создающий меновую стоимость. Так как труд, выполняемый рабочей силой при ее производственном потреблении, больше того труда, который требуется для ее собственного воспроизводства и который доставляет эквивалент заработной платы, то стоимость, получаемая капиталистом от рабочего в обмен на уплачиваемую ему заработную плату, больше той цены, которую капиталист уплатил за этот труд. Отсюда следует, при предположении одинаковой нормы эксплуатации труда, что из двух равновеликих капиталов тот, который приводит в движение меньше живого труда, — потому ли, что с самого начала его переменная часть меньше по отношению к постоянному капиталу, или потому, что у него [продолжительнее] время обращения или то время производства, в течение которого он не обменивается на труд, не приходит в соприкосновение с ним, не поглощает его, — что такой капитал создает меньше прибавочной стоимости и вообще создает товар меньшей стоимости. Как же при таких условиях созданные *стоимости* могут все-таки быть *равны,* а прибавочные стоимости — соответствовать авансированному капиталу? Рикардо не мог на это ответить, ибо вопрос, поставленный таким образом, *нелеп,* так как в действительности здесь не производятся ни равные стоимости, ни равные прибавочные стоимости. Однако Рикардо не понял генезиса общей нормы прибыли, а потому не понял и превращения стоимостей в специфически отличные от них цены издержек.

А Мак устраняет трудность, опираясь на нелепую «увертку» Милля. Затруднение устраняется тем, что пустой фразой отделываются от того характерного различия, из которого затруднение проистекает. Это характерное различие состоит в следующем. Потребительная стоимость рабочей силы — это труд, поэтому она и создает меновую стоимость. Потребительная

---

* — Вот и всё. *Ред.*

стоимость других товаров — это потребительная стоимость в отличие от меновой стоимости, вследствие чего ни одно изменение, претерпеваемое этой потребительной стоимостью, не влияет на их предопределенную меновую стоимость. Затруднение устраняется тем, что потребительные стоимости товаров называют меновыми стоимостями, а те операции, которые эти товары проделывают как потребительные стоимости, те услуги, которые они оказывают в производстве как потребительные стоимости, называют *трудом.* Ведь таким же образом в обыденной жизни говорят о труде рабочего скота и рабочих машин, а поэтический язык допускает и такие обороты речи, как: железо трудится при накаливании, или: железо трудится, когда оно стонет под ударами молота. Ведь оно даже и кричит. *И нет ничего легче, как доказать, что всякая «операция» есть труд, ибо труд есть некоторая операция. С таким же успехом можно доказать, что все телесное обладает ощущениями, ибо все ощущающее — телесно.*

«Труд можно с *полным правом* определить как любой такой вид действия, или операции, — все равно, выполняется ли он человеком, животными, машинами или силами природы, — который направлен на то, чтобы вызвать какой-нибудь желаемый результат» *(MacCulloch.* Notes and Supplemental Dissertations to Smith's Wealth of Nations, vol. IV, стр. 75).

И это относится отнюдь не [только] к орудиям труда. По существу дела это в такой же степени относится и к сырью. Шерсть подвергается физическому действию, или физической операции, когда она впитывает красящее вещество. Вообще ни на какую вещь нельзя оказывать физического, механического, химического и т. п. действия с целью «вызвать какой-нибудь желаемый результат» без того, чтобы вещь не реагировала сама. Следовательно, она не может подвергаться обработке, не работая, не трудясь сама. И таким путем все товары, входящие в процесс производства, увеличивают стоимость не только тем, что сохраняется их собственная стоимость, но и тем, что они создают новую стоимость благодаря тому, что они сами «трудятся», а не только являются овеществленным трудом. Этим, конечно, устраняется всякая трудность. В сущности это только перифразирование, переименование сэевских «производительных услуг капитала», «производительных услуг земли» и т. д., против чего постоянно полемизирует Рикардо и против чего Мак, mirabile dictu*, полемизирует в том же самом «рассуждении» или «примечании», в котором он с важным видом преподносит свое заимствованное у Милля и разукрашенное

* — странно сказать. *Ред.*

им открытие. В полемике с Сэем Мак-Куллох охотно обращается к своим рикардианским реминисценциям и вспоминает, что эти «производительные услуги» в действительности суть только те свойства, которые вещи как *потребительные стоимости* обнаруживают в процессе производства. Но, конечно. когда он наделяет эти «производительные услуги» сакраментальным названием *«труд»,* то все это сразу меняется.

[847] *После того как Мак благополучно превратил товары в рабочих,* само собой разумеется, что эти «рабочие» получают также заработную плату и что им, кроме их стоимости, которою они обладают как «накопленный труд», должна также уплачиваться еще и заработная плата за их «операции», или «действия». Эту заработную плату товаров [per] procura[*] прикарманивают капиталисты, она есть *«заработная плата накопленного труда»,* alias[**] *прибыль*[***]. И этим [по мнению Мак-Куллоха] доказано, что равная прибыль на равные капиталы, приводят ли они в движение много или мало труда, непосредственно следует из определения стоимости *рабочим временем.*

Удивительнее всего, как уже отмечено, то, что в тот самый момент, когда Мак, исходя из Милля, присваивает себе взгляды Сэя, он против того же Сэя бросает рикардовские фразы. Как дословно он списывает у Сэя, — с той только разницей, что там, где Сэй говорит о *действии,* он это действие называет *трудом,* — лучше всего можно видеть по следующим выдержкам из Рикардо, где последний полемизирует против Сэя:

«Г-н Сэй... вменяет ему» (А. Смиту) «в вину, как ошибку, то, что «он *одному лишь труду человека* приписывает способность производить стоимость. Более правильный анализ показывает нам, что стоимость своим существованием обязана действию труда, или, точнее, трудолюбия, дело-века в соединении с *действием тех сил,* которые доставляет природа, и с *действием капитала.* Незнакомство Смита с этим принципом помешало ему создать правильную теорию о влиянии машин на производство богатства»[66]. В противоположность мнению Адама Смита, г-н Сэй... говорит о стоимости, придаваемой товарам силами природы» и т. д. ... «Но, хотя эти силы природы значительно увеличивают *потребительную стоимость,* они никогда не *добавляют* к товару *меновой стоимости, о* которой идет речь у г-на Сэя» (*Ricardo.* Principles of Political Economy. 3rd edition, стр. 334—336). *«Машины* и силы природы могут в весьма значительной мере увеличивать богатство страны, ... но ... они ничего не прибавляют к стоимости этого богатства» (там же, стр. 335, примечание) [Русский перевод, том I, стр.235—236].

Рикардо, — подобно всем заслуживающим внимания экономистам, подобно А. Смиту (хотя один раз в припадке юмора

[*] — по уполномочию, по доверенности. *Ред.*
[**] — иначе говоря. *Ред.*
[***] См. настоящий том, часть III, стр. 189. *Ред.*

Смит называет быка производительным работником)[*], — выдвигает труд, как *человеческую,* более того, как социально определенную *человеческую деятельность,* в качестве единственного источника стоимости. От других экономистов Рикардо отличается как раз той последовательностью, с какой он стоимость товаров трактует как всего лишь «воплощение» общественно определенного труда. Все эти экономисты более или менее, — Рикардо больше других, — понимают, что меновую стоимость *вещей* надо рассматривать как всего лишь выражение, специфическую общественную форму производственной деятельности людей, нечто toto genere[**] отличное от вещей и их применения как вещей в производственном или непроизводственном потреблении. Стоимость для них есть в действительности лишь вещно выраженное отношение производственных деятельностей людей, различных видов их труда, друг к другу. Рикардо приводит против Сэя следующие слова Дестюта де Траси, которые, как он определенно заявляет, выражают и его, Рикардо, мнение:

«Так как не подлежит сомнению, что наши физические и духовные способности составляют наше единственное первоначальное богатство, то *применение этих способностей»* (человеческих способностей), *«труд того или иного рода»* (стало быть, труд как реализация *человеческих* сил), «есть наше единственное первоначальное сокровище, и только благодаря такому применению создаются все те вещи, которые мы называем богатством... Несомненно также, что все *эти вещи представляют только труд, создавший их,* и что если они имеют *стоимость* или даже две различные стоимости, они могут получать их только от ... того труда, от которого они происходят» *(Рикардо,* цит. соч., стр. 334) [Русский перевод, том I, стр.234].

Итак, товары, вообще вещи, обладают стоимостями только как *выражения* человеческого [848] труда — не поскольку они суть нечто сами по себе, как вещи, а поскольку они суть воплощения общественного труда.

И вот нашлись люди, осмелившиеся утверждать, будто жалкий Мак довел взгляды Рикардо до крайней степени заостренности, он, который в своем бездумном стремлении эклектически «использовать» рикардовскую теорию вперемешку с противоположными ей концепциями, *отождествляет* ее *принцип* и принцип всей политической экономии, *самый труд* как человеческую деятельность, притом общественно определенную человеческую деятельность, с теми физическими и т. п. действиями, которые свойственны товарам как *потребительным стоимостям,* как вещам! Он, который утрачивает само понятие труда!

[*] См. настоящий том, часть I, стр. 257. *Ред.*
[**] — совершенно, принципиально. *Ред.*

Обнаглев благодаря «увертке» Милля, Мак-Куллох занимается списыванием у Сэя, вместе с тем полемизируя против него при помощи рикардовских фраз, и притом списывает как раз те фразы Сэя, которые Рикардо в 20-й главе «Стоимость и богатство» решительно оспаривает как в корне противоположные его собственным взглядам и взглядам Смита. (Рошер, конечно, повторяет, что Мак есть до крайности доведенный Рикардо[67].) Только Мак еще более нелеп, чем Сэй, который «действие» огня, машин и т. д. не называет *трудом.* И более непоследователен. В то время как у Сэя «стоимость» создается ветром, огнем и т. д., Мак считает создающими стоимость только те потребительные стоимости, те вещи, которые могут быть монополизированы. Как будто ветер или пар или вода могут быть применены как двигательные силы без обладания ветряной мельницей, паровой машиной, водяным колесом! Как будто люди, имеющие в своем владении и монополизирующие те вещи, обладание которыми необходимо для применения сил природы, не монополизировали также и этих сил природы! Я могу иметь сколько угодно воздуха, воды и т. д. Но факторами производства они являются для меня только в том случае, если я имею те товары, те вещи, при употреблении которых они действуют как факторы производства. В этом отношении Мак стоит, стало быть, еще ниже Сэя.

Таким образом, в этой вульгаризации взглядов Рикардо перед нами полнейшее, скудоумиейшее разложение его теории.

«Поскольку, однако, этот результат» (результат, вызванный действием, или операцией, него бы то ни было) «создан трудом, *или* действием, таких сил природы, которые не могут быть ни монополизированы, ни обращены в собственность большим или меньшим числом индивидуумов при исключении других, постольку он не имеет *никакой стоимости.* То, что выполняется этими силами природы, выполняется ими *бесплатно» (MacCulloch.* Notes and Supplemental Dissertations to Smith's Wealth of Nations, vol. IV, стр. 75).

Как будто то, что выполняется хлопком, шерстью, железом или машинами, не выполняется тоже «бесплатно». Машина стоит, действие машины не оплачивается. Никакая потребительная стоимость какого бы то ни было товара не стоит чего бы то ни было, после того как оплачена его меновая стоимость.

«Человек, продающий китовый жир, не требует никакой платы за его природные свойства. При оценке издержек производства китового жира он учитывает стоимость труда, примененного для добывания этого жира, и это и есть стоимость китового жира» (*Carey.* Principles of Political Economy. Part the first. Philadelphia, 1837, стр. 47).

Выступая против Сэя, Рикардо как раз подчеркнул, что действие, например, машины стоит не больше, чем действие ветра или воды:

«Услуги, которые... выполняют для нас силы природы *и машины,..* полезны нам... тем, что они увеличивают потребительную стоимость; но так как *они* выполняют свою работу *бесплатно,* то... помощь, которую они нам оказывают, ничего не прибавляет к *меновой стоимости» (Рикардо,* цит. соч., стр. 336—337) [Русский перевод, том I, стр. 236].

Мак, следовательно, не понял даже самых простых положений Рикардо. Но хитрец думает так: если потребительная стоимость хлопка, машин и т. д. *ничего* не стоит, если она не оплачивается особо, помимо их меновой стоимости, то эта потребительная стоимость, напротив, *продается* теми, кто применяет хлопок, машины и т. д., — они продают то, что им ничего не стоит.

[849] Грубое скудоумие этого молодца можно видеть из того, что, приняв «принцип» Сэя, он затем с большой напыщенностью излагает теорию земельной ренты при помощи весьма подробного списывания у Рикардо.

Так как земля есть такая «сила природы,.. которая монополизирована или обращена в собственность большим или меньшим числом индивидуумов при исключении других», то ее естественное вегетативное действие, *или* «труд», ее производительная сила, имеет *стоимость,* и таким образом рента объясняется производительной силой земли, как у физиократов. Этот пример ярко характеризует манеру Мака вульгаризировать взгляды Рикардо. С одной стороны, он списывает рассуждения Рикардо, имеющие смысл только на основе рикардовских предпосылок, а с другой стороны, он воспринимает от других (оставляя за собой только «номенклатуру» или небольшие изменения в воспринятом) прямое отрицание этих предпосылок. Он должен был бы сказать: «Рента есть заработная плата земли», прикарманиваемая земельными собственниками.

«Если капиталист затрачивает одинаковую сумму на уплату заработной платы рабочим, на содержание лошадей и на наем машин и если эти рабочие, лошади и машины могут выполнить *одно и то же количество работы,* то ее стоимость, *очевидно,* будет одна и та же независимо от того, выполнили ли ее рабочие, лошади или машины» *(MacCulloch.* Notes and Supplemental Dissertations to Smith's Wealth of Nations, vol. IV, стр. 77).

Другими словами, это означает: стоимость продукта сообразуется со стоимостью затраченного капитала. Это — та проблема, которую надо разрешить. Согласно Маку, формулирование проблемы, *«очевидно»,* и есть ее разрешение. Но так как, например, машина выполняет большее количество работы, чем вытесняемые ею рабочие, то еще более «очевидно», что стоимость

продуктов машины, вместо того чтобы падать, должна была бы повыситься по сравнению со стоимостью продуктов тех рабочих, которые «выполняют ту же самую работу». Так как машина вырабатывает, быть может, 10000 штук за то время, за которое рабочий вырабатывает одну штуку, и так как каждая штука имеет *одну и ту же стоимость,* то продукт машины должен был бы быть в 10000 раз дороже, чем продукт рабочего.

Впрочем, в своем стремлении отличаться от Сэя, поскольку у него [в отличие от Сэя] создание *стоимости* приписывается не действию сил природы, а только действию монополизированных или произведенных трудом сил, Мак не в состоянии преодолеть словесное недержание и опять впадает в рикардианскую фразеологию. Так, например, он пишет:

«*Труд* ветра производит желаемое действие на корабль, производит в нем определенное изменение. Но *стоимость* этого изменения не увеличивается от действия, или труда, соответствующих сил природы и ни в какой степени не зависит от него; она зависит от *количества капитала* — или *продукта прошлого труда,* — принимавшего участие в производстве этого результата, точно так же как *издержки по размолу* пшеницы зависят не от действия ветра или воды, которые приводят в движение мельницу, а от количества капитала, *растраченного* при этой операции» (там же, стр. 79).

Здесь вдруг размол лишь постольку увеличивает стоимость пшеницы, поскольку капитал, «продукт прошлого труда», «растрачен» при операции размола, — следовательно, не потому, что жернов «трудится», а потому, что с «растрачиванием» жернова *«растрачивается»* также и содержащаяся в нем стоимость, воплощенный в нем труд.

После этих великолепных рассуждений Мак так резюмирует ту премудрость, которую он заимствовал у Милля и Сэя и благодаря которой он понятие стоимости приводит в согласие со всеми противоречащими ему явлениями:

«При обсуждении вопроса о *стоимости...* слово *труд* означает... или непосредственный труд человека, или *труд капитала,* произведенного человеком, или и то и другое» (там же, стр. 84).

Таким образом, под трудом [850] следует понимать труд человека, затем его накопленный труд и, наконец, *полезные применения* потребительных стоимостей, т. е. их проявляемые в потреблении (производственном) физические и т. п. свойства. Вне этих свойств потребительная стоимость есть ничто. Потребительная стоимость проявляет себя на деле только в потреблении. Итак: под меновой стоимостью продуктов труда нам предлагают понимать потребительную стоимость этих продуктов, ибо эта потребительная стоимость состоит лишь в ее *про-*

явлении на деле — или, как это называет Мак, в ее *«труде»* — при потреблении, будь это потребление производственное или непроизводственное. Но виды «операций», «действий» или «труда» потребительных стоимостей, равно как и их естественные меры, столь же различны, как и сами эти потребительные стоимости. Что же является тем единым началом, тем мерилом их, которое дает нам возможность сравнивать их между собой? [У Мак-Куллоха] оно создается общим словом «труд», которое подсовывается подо все эти совершенно различные проявления потребительных стоимостей после того, как самый труд был сведен к слову «операция» или «действие». К отождествлению потребительной стоимости и меновой стоимости — вот к чему, следовательно, приходит в конце концов эта вульгаризация взглядов Рикардо, которую мы поэтому должны рассматривать как последнее и самое грязное выражение разложения школы как школы.

«Прибыль на капитал есть лишь другое название для *заработной платы накопленного труда» (MacCulloch.* Principles of Political Economy. Edinburgh, 1825, стр. 291), —

т. е. другое название для заработной платы, уплачиваемой товарам за те услуги, которые они как *потребительные стоимости* оказывают в процессе производства.

Эта «заработная плата накопленного труда» имеет, впрочем. у г-на Мак-Куллоха еще и некоторый особый сокровенный смысл. Мы уже упомянули, что помимо его списываний у Рикардо, Милля, Мальтуса и Сэя, образующих основной фонд его произведений, сам он постоянно все снова перепечатывает и продает под различными названиями свой «накопленный труд», причем он всегда «многое заимствует» из того, за что уже раньше получил плату. Эта манера получать «заработную плату накопленного труда» была подробно разобрана уже *в 1826 г.* в одном специальном сочинении, а каких только дальнейших достижений на этом поприще получения заработной платы за накопленный труд не имеет Мак-Куллох за время с 1826 по 1862 год![68] (В качестве Фукидида Рошер присваивает себе также и эту жалкую фразу насчет «заработной платы накопленного труда».[69])

Упомянутое сочинение называется: *Mordecai Mullion.* Some Illustrations of Mr M'Culloch's Principles of Political Economy. Edinburgh, 1826[70]. Здесь показывается, каким способом наш пройдоха создал себе имя: $^{9}/_{10}$ он списывает у А. Смита, Рикардо и других авторов, а остальную $^{1}/_{10}$ постоянно списывает со своего собственного накопленного труда, «который он самым бесстыдным и отвратительным образом все снова и снова повторяет» [стр. 4]. Муллион, например, показывает, что Мак-Куллох

не только продает *одни и те же статьи* попеременно в «Edinburgh Review»[71], в «Scotsman»[72], в «Encyclopaedia Britannica»[73] как оригинальные «исследования», как новые работы, но что он, например, в журнале «Edinburgh Review» за разные годы *дословно* перепечатывает *одни и те же* статьи, лишь с некоторыми перестановками и под новыми вывесками. По этому поводу Муллион замечает об «этом невероятнейшем кропателе» [стр. 31], «этом экономнейшем из всех экономистов» [стр. 66]:

«Статьи г-на Мак-Куллоха так непохожи на небесные тела, как это только возможно, но в одном отношении они имеют сходство с небесными светилами — через определенные промежутки времени они возвращаются» (стр. 21).

Нет ничего удивительного в том, что Мак-Куллох верит в «заработную плату накопленного труда»!

Репутация г-на Мака показывает, как многого могут добиться своим бесстыдством этого рода пройдохи.

[850a] Каким образом Мак-Куллох эксплуатирует некоторые положения Рикардо для придания важности самому себе, — см. между прочим «Edinburgh Review» за *март 1824 г.* (эта мазня называется «Соображения о накоплении капитала»), где этот друг «заработной платы накопленного труда» разражается настоящей иеремиадой по поводу падения нормы прибыли.

«Автор... так выражает те опасения, которые ему внушает *падение прибыли:*

«Видимость процветания, которую являет Англия, обманчива; язва бедности незаметно поражает множество граждан, и основы мощи и величия страны поколеблены... Там, где норма процента низка, как это имеет место в Англии, норма прибыли тоже низка, и процветание страны уже перешло за свою высшую точку».

Эти утверждения не могут не изумить всякого, кто знает блестящее положение Англии» *(Prevost.* Reflexions sur le systeme de Ricardo, стр. 197).

Г-ну Маку не следовало бы беспокоиться по поводу того, что «земля» получает лучшую «заработную плату», чем «железо, кирпичи и т. д.». Причина, надо полагать, заключается в том, что она усерднее «трудится». [XIV — 850a]

* * *

[XV — 925] {Слепая свинья иногда тоже находит желудь. Нечто подобное произошло однажды и с Мак-Куллохом. Однако даже и тут, в том виде, в каком он это понимает, у него это всего лишь непоследовательность, так как он не проводит различия между прибавочной стоимостью и прибылью; а во-вторых, это опять-таки один из его бездумно эклектических плагиатов. Согласно таким парням, как Торренс, у которых стоимость

определяется капиталом, а также согласно Бейли, прибыль следует рассматривать в ее отношении к капиталу (авансированному). Эти парни, в отличие от Рикардо, не отождествляют прибыль с прибавочной стоимостью, — однако только потому, что они вообще не ощущают потребности объяснить прибыль на основе стоимости: они ту форму, в которой прибавочная стоимость проявляется на поверхности, — *прибыль* как отношение прибавочной стоимости к авансированному капиталу, — принимают за первоначальную форму. Фактически они только облекают в слова ту форму, которая выступает на поверхности явлений.

Вот эти места из книги Мака, который 1) является рикардианцем и 2) списывает — без какого бы то ни было опосредствования — у противников Рикардо:

«Положение Рикардо о том, что повышение прибыли может быть вызвано только падением заработной платы, а падение прибыли только повышением заработной платы, верно только в тех случаях, где *производительность труда остается без изменений» (MacCulloch.* Principles of Political Economy. Edinburgh, 1825, стр. 373), — т. е. производительность труда в той отрасли производства, которая доставляет постоянный капитал.

«Прибыль зависит от того отношения, в котором она находится к произведшему ее капиталу, а не от того отношения, в котором она находится к заработной плате. Если во всех отраслях производства произошло *всеобщее* удвоение производительности труда и если получаемое благодаря этому добавочное количество продукта делится между капиталистом и рабочими в прежней пропорции, то отношение между долей капиталиста и долей рабочих останется прежним, хотя *норма прибыли* по отношению к примененному капиталу повысится» (там же, стр. 373—374).

Даже и в этом случае, как замечает тот же Мак, можно было бы сказать, что *заработная плата* относительно упала по сравнению с продуктом, так как повысилась *прибыль.* (В этом случае, однако, именно повышение прибыли было бы причиной падения заработной платы.) Но такого рода расчет покоится на неправильном приеме исчисления заработной платы как доли в продукте, и мы уже видели выше, как на этом софистическом пути г-н Джон Стюарт Милль пытается обобщить рикардовский закон[74].} [XV — 925]

5) УЭЙКФИЛД [ЧАСТИЧНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ ТЕОРИИ РИКАРДО ПО ВОПРОСАМ О «СТОИМОСТИ ТРУДА» И О ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЕ]

[XIV — 850a] Действительные заслуги Уэйкфилда в понимании капитала освещены выше в разделе о *«Превращении прибавочной стоимости в капитал»*[75]. Здесь мы коснемся только того, что непосредственно относится к «теме».

«Если рассматривать труд как товар, а капитал, продукт труда, как другой товар и если стоимости этих двух товаров регулируются одинаковыми количествами труда, то данное количество труда при всех обстоятельствах обменивалось бы на такое количество капитала, какое было произведено тем же количеством труда; *прошлый труд* всегда обменивался бы на то же самое количество *настоящего труда.* Но стоимость труда по отношению к другим товарам — по крайней мере, поскольку заработная плата зависит от дележа [продукта между капиталистом и рабочим], — определяется не одинаковыми количествами труда, а соотношением между предложением и спросом» *(Уэйкфилд,* примечание к стр. 230 в I томе его издания «Богатства народов» А. Смита, Лондон, 1835).

Таким образом, по Уэйкфилду, прибыль была бы необъяснимой, если бы оплачивалась *стоимость* труда.

Во II томе своего издания А. Смита Уэйкфилд замечает:

«Прибавочный продукт[76] всегда образует ренту. *Однако может уплачиваться и такая рента, которая не состоит из прибавочного продукта»* (стр. 216).

«Если, как это имеет место в Ирландии, основная масса народа доводится до того, что она вынуждена питаться одной картошкой, жить в жалких лачугах, одеваться в лохмотья и за разрешение так жить должна отдавать всё, что эти люди могут произвести сверх лачуг, лохмотьев и картошки, то собственник земли, на которой они живут, получает тем больше, чем меньше то, чем они довольствуются, даже и тогда, когда валовой продукт капитала и труда при этом остается прежним. *То, что отдают несчастные арендаторы, присваивает себе земельный собственник. Таким образом, понижение жизненного уровня земледельцев является еще одной причиной прибавочного продукта...* Когда падает заработная плата, то это влияет на прибавочный продукт так же, как и понижение жизненного уровня земледельцев: при остающемся без изменения общем количестве валового продукта прибавочная его часть возрастает, производители получают меньше, а земельный собственник — больше» (стр. 220—221).

В этом случае прибыль называется *рентой,* совершенно так же, как она называется *процентом,* когда работник, как это бывает, например, в Индии, работает на ссуды от капиталиста (хотя сам он номинально и не зависит от капиталиста) и должен отдавать ему весь прибавочный продукт.

6) СТИРЛИНГ [ВУЛЬГАРНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ПРИБЫЛИ КАПИТАЛИСТА СООТНОШЕНИЕМ МЕЖДУ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ И СПРОСОМ]

«Количество каждого товара должно регулироваться таким образом, чтобы предложение данного товара находилось в меньшем отношении к спросу на него, чем предложение труда к спросу на труд. Разность между ценой, или стоимостью, товара и ценой, или стоимостью, затраченного на него труда образует *прибыль,* или тот *избыток,* который Рикардо не может объяснить на основе своей теории» *(Stirling, Patrick James.* The Philosophy of Trade, etc. Edinburgh, 1846, стр. 72—73).

[851] Этот же автор говорит нам:

«Если стоимости товаров относятся друг к другу соответственно их издержкам производства, то это можно назвать *уровнем стоимости»* (там же, стр. 18).

Следовательно, если бы спрос и предложение труда соответствовали друг другу, то труд продавался бы по своей *стоимости* (чего бы Стирлинг ни представлял себе под этой стоимостью). А если бы спрос и предложение товара, на который затрачен труд, соответствовали друг другу, то товар продавался бы по своим *издержкам производства,* под которыми Стирлинг понимает *стоимость труда.* Цена товара в этом случае равна стоимости затраченного на него труда. А цена труда находится на уровне его собственной *стоимости.* Следовательно, цена товара равна цене затраченного на него труда. Следовательно, в этом случае не было бы никакой прибыли, или никакого избытка.

Итак, Стирлинг объясняет прибыль, или избыток, следующим образом:

Предложение труда по отношению к спросу на труд должно быть больше, чем предложение товара, на который затрачен труд, по отношению к спросу на этот товар. Дело должно быть устроено так, чтобы товар продавался дороже, чем оплачивается содержащийся в нем труд.

Это г-н Стирлинг называет объяснением явления избытка, между тем как это всего лишь перифразирование того, что подлежит объяснению. При ближайшем рассмотрении тут возможны только три случая. 1) Цена труда стоит на «уровне стоимости», т. е. соотношение между спросом и предложением труда таково, что цена труда равна его стоимости. Тогда товар должен продаваться *выше* своей стоимости, т. е. необходимо устроить так, чтобы предложение товара стояло *ниже* спроса на него. Это — чистейшей воды *«прибыль от отчуждения»,* только с добавлением того условия, при котором она возможна. 2) Спрос на труд превышает его предложение, и цена труда превышает его стоимость. Тогда капиталист заплатил рабочему больше, чем стоит произведенный этим рабочим товар, и покупатель должен уплатить капиталисту двойной избыток: во-первых, тот, который капиталист вначале уплатил своему рабочему, а во-вторых, причитающуюся капиталисту прибыль. 3) Цена труда *ниже* его стоимости, предложение труда превышает спрос на труд. Тогда избыток получается оттого, что труд оплачивается *ниже своей* стоимости, а продается [в товаре] но своей *стоимости* или, по крайней мере, выше своей *цены.*

Если из рассуждений Стирлинга удалить содержащиеся в них нелепости, то избыток получается у Стирлинга оттого,

что труд покупается капиталистом *ниже* своей стоимости, а перепродается, в форме товара, *выше* своей цены.

Если два первых случая освободить от их смехотворной формы, предполагающей, что производитель должен «устроить» так, чтобы продавать свой товар выше его стоимости, или выше «уровня стоимости», то в них все сводится лишь к следующему:

если спрос на какой-нибудь товар превышает его предложение, то *рыночная цена* поднимается *выше* стоимости. Это, конечно, не есть какое-либо новое открытие и объясняет лишь такой «избыток», который никогда не представлял ни малейшей трудности ни для Рикардо, ни для кого-либо другого. [XIV — 851]

7) ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ [БЕСПЛОДНЫЕ ПОПЫТКИ НЕПОСРЕДСТВЕННО ВЫВЕСТИ ИЗ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ РИКАРДОВСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОБ ОБРАТНОЙ ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ МЕЖДУ НОРМОЙ ПРИБЫЛИ И ВЕЛИЧИНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ]

[а) СМЕШЕНИЕ НОРМЫ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ С НОРМОЙ ПРИБЫЛИ. ЭЛЕМЕНТЫ КОНЦЕПЦИИ «ПРИБЫЛИ ОТ ОТЧУЖДЕНИЯ». ПУТАНАЯ КОНЦЕПЦИЯ «АВАНСИРОВАННЫХ ПРИБЫЛЕЙ» КАПИТАЛИСТОВ]

[VII — 319] В цитированном выше сочиненьице[77], которое по сути дела содержит все оригинальные идеи г-на Джона Стюарта Милля по вопросам политической экономии (в отличие от его объемистого компендиума[78]), в четвертом *«Очерке»,* озаглавленном *«О прибыли и проценте»,* говорится:

«Орудия и сырье, подобно другим вещам, первоначально ничего кроме труда не стоили... Труд, затраченный на производство орудий и сырья, в соединении с тем трудом, который был затрачен позднее, чтобы при помощи орудий обработать сырье, дает всю сумму труда, затраченного на производство готового товара... *Поэтому возместить капитал означает не что иное, как возместить заработную плату, израсходованную на затраченный труд» (J. St. Mill.* Essays on some Unsettled Questions of Political Economy. London, 1844, стр. 94).

Это уже само по себе неверно, ибо затраченный труд и выданная заработная плата отнюдь не тождественны. Наоборот, затраченный труд равен сумме заработной платы и прибыли. Возместить капитал означает возместить и оплаченный труд (заработную плату) и не оплаченный капиталистом, но продаваемый им труд (прибыль). Г-н Милль здесь смешивает «затраченный труд» и ту часть затраченного труда, за которую платит капиталист, применяющий этот труд. Это смешение само по

себе не очень-то говорит в пользу его понимания рикардовской теории, от имени которой он выступает.

Относительно постоянного капитала надо еще мимоходом заметить следующее: хотя каждая часть постоянного капитала сводится к прошлому труду и поэтому можно себе вообразить, что в какое-то время он представлял прибыль или заработную плату или и ту и другую вместе, но как только этот постоянный капитал образовался, одна из частей его уже не может больше сводиться ни к прибыли, ни к заработной плате (например, семена и т. п.).

Милль не отличает прибавочной стоимости от прибыли. Поэтому он заявляет, что *норма прибыли* (это верно для прибавочной стоимости, уже превращенной в прибыль) равняется отношению цены продукта к цене затраченных на него средств производства (включая труд) (см. там же, стр. 92—93). И в то же время Милль хочет вывести законы *нормы прибыли* непосредственно из рикардовского закона о том, что «прибыль зависит от заработной платы, повышаясь по мере падения заработной платы и падая по мере повышения заработной платы» [там же, стр. 94], — из этого рикардовского положения, в котором Рикардо смешивает прибавочную стоимость и прибыль.

Г-ну Миллю самому не вполне ясен даже тот *вопрос,* который он старается разрешить. Поэтому мы дадим краткую формулировку *его* вопроса, прежде чем заслушать его ответ. Норма прибыли есть отношение прибавочной стоимости ко *всей сумме* авансированного капитала (постоянный капитал и переменный капитал, вместе взятые), тогда как сама прибавочная стоимость есть избыток того количества труда, которое рабочий выполняет, над тем количеством труда, которое ему авансировано в виде заработной платы; т. е. прибавочная стоимость рассматривается лишь по отношению к переменному, или затраченному на заработную плату, капиталу, а не ко всему капиталу. Поэтому норма прибавочной стоимости и норма прибыли представляют собой две различные нормы, хотя сама прибыль есть только sub certa specie* рассматриваемая прибавочная стоимость. Относительно нормы прибавочной стоимости правильно утверждение, что она «зависит» исключительно «от заработной платы, повышаясь по мере падения заработной платы и падая по мере повышения заработной платы». (Относительно суммы прибавочной стоимости это утверждение было бы неверно, так как она в одно и то же время зависит не только от той нормы, в какой присваивается прибавочный труд каждого из рабочих, но также

* — под определенным углом зрения. *Ред.*

и от числа одновременно эксплуатируемых рабочих.) Так как норма прибыли есть отношение прибавочной стоимости к совокупной стоимости всего авансированного капитала, то она, конечно, затрагивается и определяется падением или повышением прибавочной стоимости, т. е. повышением или падением заработной платы; но кроме этого определения норма прибыли заключает в себе еще и такие определения, которые [320] от повышения или падения заработной платы не зависят и не могут быть непосредственно сведены к нему.

Г-н Джон Стюарт Милль, который, с одной стороны, *непосредственно* отождествляет вместе с Рикардо прибыль и прибавочную стоимость, а с другой стороны (в полемике против антирикардианцев), понимает *норму прибыли не* в рикардовском смысле, а в ее настоящем смысле, как *отношение* прибавочной стоимости к совокупной стоимости всего авансированного капитала (переменного плюс постоянный), мучительно старается доказать, что норма прибыли *непосредственно* определяется законом, определяющим прибавочную стоимость и сводящимся просто-напросто к тому, что чем меньше та часть, которую рабочий присваивает самому себе из своего рабочего дня, тем больше та часть, которая достается капиталисту, и vice versa*. Мы рассмотрим теперь эти его мучительные старания, в которых хуже всего то, что ему самому не ясно, какую собственно проблему он хочет разрешить. Если бы он правильно формулировал самоё проблему, то он не мог бы дать *такого рода* ошибочное разрешение ее.

Итак, Милль говорит:

«Хотя верно, что орудия, сырые материалы и здания сами являются продуктом труда.., все же *всю сумму* их стоимости нельзя свести к заработной плате тех рабочих, которыми они были произведены». {Выше он говорил: возмещение капитала означает возмещение заработной платы.} «Необходимо включить в расчет еще ту прибыль, которая получена капиталистами на выданную ими заработную плату. Из готового продукта капиталист, производящий этот готовый продукт, должен возместить не только *ту заработную плату,* которая выплачена им самим и капиталистом, произведшим орудия труда, но также и прибыль производителя орудий, которую производитель готового продукта уплатил производителю орудий труда из своего собственного капитала» (там же, стр. 98). *«Прибыль»,* следовательно, «представляет не только *избыток,* остающийся [у производителя готового продукта] после возмещения издержек; она входит также и в самые издержки. Капитал [производителя готового продукта] затрачивается частью на выдачу или возмещение заработной платы, а частью на уплату прибылей других капиталистов, содействие которых было необходимо для получения средств производства» (стр. 98—99). «Поэтому тот или иной предмет может представлять собой *продукт такого же количества труда, как и прежде,* и всё же *его издержки производства*

* — наоборот. *Ред.*

уменьшаются, если оказывается возможным сэкономить какую-нибудь *часть той прибыли,* которую последний производитель должен уплатить предшествующим производителям... Тем не менее остается правильным утверждение, что норма прибыли изменяется в обратном отношении к издержкам производства заработной платы» (стр. 102—103).

Мы здесь, конечно, всегда исходим из предположения, что цена товара равняется его стоимости. На этой основе ведет свое исследование и сам г-н Милль.

Прежде всего необходимо заметить, что в приведенном только что рассуждении Милля прибыли очень похожи на «прибыли от отчуждения». Но не будем останавливаться на этом. Нет ничего более ошибочного, чем утверждение, что тот или иной предмет (если он продается по его *стоимости)* может «представлять собой продукт такого же количества труда, как и прежде», а «его издержки производства» вместе с тем благодаря какому-нибудь обстоятельству могут «уменьшиться». {Это было бы возможно только в установленном впервые мною смысле, т. е. в смысле различения между [действительными] издержками производства предмета и [его] издержками производства [для] капиталиста, поскольку последний за часть этих издержек производства не платит[79]. В этом случае действительно верно, что капиталист так же получает свою прибыль благодаря неоплаченному прибавочному труду своих собственных рабочих, как он ее может получить и благодаря тому, что он *недоплачивает* тому капиталисту, который ему доставляет его постоянный капитал; т. е. не уплачивает этому капиталисту части содержащегося в его товаре и не оплаченного этим капиталистом прибавочного труда (который именно поэтому и образует его прибыль). Это всегда сводится к тому, что он оплачивает товар *ниже* его стоимости. Норма прибыли (т. е. отношение прибавочной стоимости к совокупной стоимости всего авансированного капитала) может повышаться как благодаря тому, что то же количество авансированного капитала становится объективно дешевле (в результате роста производительности труда в тех отраслях производства, где производится постоянный капитал), так и благодаря тому, что оно становится субъективно дешевле для покупателя, который оплачивает это количество капитала *ниже* его стоимости. *Для покупателя* оно всегда является в этом случае результатом меньшего количества труда.}

[321] В приведенном выше месте Милль высказывает прежде всего ту мысль, что *постоянный капитал* того капиталиста, который производит готовый товар, сводится не только к заработным платам, но также и к прибылям. Ход мыслей у Милля при этом таков:

Если бы авансированный последним капиталистом постоянный капитал сводился только к заработным платам, то прибыль представляла бы собой избыток, остающийся у него после возмещения всех заработных плат, из которых состояла бы вся сумма авансированного капитала {а все (оплаченные) издержки, авансированные на производство готового продукта, сводились бы к заработным платам}. Стоимость всего авансированного капитала была бы равна стоимости всех заработных плат, содержащихся в продукте. Прибыль составляла бы избыток над этой суммой. А так как норма прибыли равняется отношению этого избытка к стоимости всего авансированного капитала, то эта норма очевидно повышалась бы или падала в зависимости от стоимости всего авансированного капитала, т. е. от *стоимости заработных плат,* совокупность которых составляет авансированный капитал. {Сам этот довод по сути дела нелеп, если рассматривать *общее* отношение прибыли и заработной платы. Ведь г-ну Миллю только надо было бы из всего совокупного продукта выделить на одну сторону ту часть, которая сводится к прибылям (безразлично, уплачиваются ли они *последнему* или предшествующим капиталистам, участвовавшим в производстве товара), а на другую сторону — ту часть, которая сводится к заработной плате; тогда сумма прибылей по-прежнему равнялась бы избытку над стоимостью суммы заработных плат, и рикардовское «обратное отношение» могло бы иметь силу непосредственно для нормы прибыли. Однако неверно, что сумма всего авансированного капитала сводится к прибыли и заработной плате.} Но авансированный последним капиталистом капитал сводится не только к заработным платам, а и к авансированным прибылям. Следовательно, прибыль последнего капиталиста является избытком не только над авансированными заработными платами, но также и над авансированными прибылями. Таким образом, *норма прибыли* определяется не одним только избытком над заработной платой, а остающимся у последнего капиталиста избытком над суммой заработных плат и прибылей, совокупность которых, согласно предположению, составляет весь авансированный капитал. Следовательно, эта норма может, очевидно, изменяться не только вследствие повышения или падения заработных плат, но также и вследствие повышения или падения прибыли. И если бы мы оставили в стороне то изменение нормы прибыли, которое проистекает из повышения или падения заработных плат; если бы мы предположили, — а ведь это нередко встречается на практике, — что стоимость заработных плат (т. е. их издержки производства, содержащееся в них рабочее время) осталась

прежней, не изменилась, то, следуя за г-ном Миллем, мы пришли бы к великолепному закону, что повышение и падение нормы прибыли зависит от повышения и падения прибыли.

«Издержки производства предмета уменьшаются, если оказывается возможным сэкономить какую-нибудь часть той прибыли, которую последний производитель должен уплатить предшествующим производителям».

Это, в сущности, очень правильно. Предположим, что ни одна часть прибыли предшествующих производителей не представляла собой простую накидку, profit upon alienation*, как говорит Джемс Стюарт. Тогда всякая экономия на той или другой «части прибыли» {поскольку такая экономия не достигается тем, что последующий производитель надувает предшествующего производителя, т. е. не уплачивает ему всей содержащейся в его товаре стоимости} является экономией в том количестве труда, которое требуется для производства товара. {Мы здесь оставляем в стороне ту прибыль, которая уплачивается, например, за время, когда капитал лежит без употребления в период производства, и т. д.} Если, скажем, раньше требовалось два дня, чтобы доставить сырой материал, например уголь, от шахты к фабрике, а теперь для этого требуется только один день, то один рабочий день «сэкономлен»; но это относится как к той части его, которая сводится к прибыли, так и к той части, которая сводится к заработной плате.

После того как г-н Милль самому себе выяснил, что норма *избытка* у последнего капиталиста или вообще норма прибыли зависит не только от непосредственного отношения между заработной платой и прибылью, но и от отношения последней прибыли или прибыли каждого определенного капиталиста к стоимости всего авансированного капитала, которая равна сумме (затраченного на заработные платы) переменного капитала плюс постоянный капитал, что, другими словами, [322] норма прибыли определяется не только отношением прибыли к той части капитала, которая затрачивается на заработную плату, т. е. не только издержками производства заработной платы, или стоимостью заработной платы, — он продолжает:

«Тем не менее остается правильным утверждение, что норма прибыли изменяется в обратном отношении к издержкам производства заработной платы».

Хотя это и неправильно, «тем не менее остается правильным»...

* — прибыль от отчуждения. *Ред.*

Иллюстрация, которую в связи с этим дает Милль, может служить классическим примером характерной для политико-экономов манеры иллюстрирования, и это тем более поразительно, что автор этой иллюстрации написал также и книгу по логике[80].

«Предположим, например, что 60 сельскохозяйственных рабочих, которые в качестве заработной платы получают 60 квартеров хлеба, употребляют основной капитал и семена, стоимость которых равняется тоже 60 квартерам, и что продукт их операций равен 180 квартерам. Если норма прибыли составляет 50%, то семена и орудия, использованные для производства 180 квартеров хлеба, должны быть продуктом труда 40 рабочих, ибо заработная плата этих 40 рабочих вместе с прибылью их нанимателя составляет 60 квартеров. *Поэтому, если продукт состоит из 180 квартеров, то он является результатом труда в общей сложности 100 рабочих.*

Предположим теперь, что при том же труде 100 рабочих *благодаря какому-либо изобретению отпала, надобность в каком бы то ни было основном капитале и семенах.* Результат в 180 квартеров раньше можно было получить только при затрате 120 квартеров; теперь его можно получить при затрате всего лишь 100 квартеров.

180 квартеров хлеба по-прежнему представляют собой результат того же количества труда, труда 100 рабочих. Поэтому один квартер хлеба по-прежнему является продуктом годового труда $^{10}/_{18}$ рабочего. Ибо *один квартер хлеба,* являющийся вознаграждением одного рабочего, представляет собой в действительности *продукт того же количества труда, что и раньше.* Тем не менее, однако, издержки его производства уменьшились. Теперь один квартер хлеба представляет собой продукт годового труда $^{10}/_{18}$ рабочего и ничего больше, тогда как раньше для его производства требовалось соединение этого количества труда с затратой, возмещающей прибыль [предшествующего капиталиста], что составляло на $^{1}/_{5}$ больше. Если бы издержки производства заработной платы остались прежними, то прибыль не могла бы повыситься. Каждый рабочий получал раньше 1 квартер хлеба; но 1 квартер хлеба раньше был результатом тех же издержек производства, что $1^{1}/_{5}$ квартера теперь. Поэтому, для того чтобы каждый рабочий получал прежние издержки производства, каждый должен был бы иметь 1 квартер хлеба плюс $^{1}/_{5}$ квартера» (цит. соч., стр. 99—103).

«Итак, если предположить, что рабочему платят тем же продуктом, который он производит, то ясно, что когда имеет место какая-нибудь экономия в затратах на производство этого продукта, а рабочий по-прежнему получает те же издержки производства, что и раньше, то ему необходимым образом достается большее количество продукта, увеличившееся соответственно росту производительной силы капитала. Но если это так, то затрата капиталиста будет находиться в таком же точно отношении к получаемому им продукту, как и прежде, и прибыль не повысится. Поэтому изменения нормы прибыли и изменения издержек производства заработной платы идут рука об руку и являются неотделимыми друг от друга. Следовательно, положение Рикардо, что прибыль может повышаться только при одновременном падении заработной платы, совершенно правильно, если под низкой заработной платой *подразумевать не одну только такую заработную плату, которая является продуктом меньшего количества труда,* но и такую *заработную плату, которая произведена с меньшими издержками, включая в эти издержки также и прибыли предшествующих капиталистов»* (там же, стр. 104).

Относительно этой великолепной иллюстрации заметим прежде всего следующее: в ней предполагается, что благодаря некоторому изобретению хлеб производится без семян (сырья) и без основного капитала; фабрикуется без сырья и без орудий труда, т. е. из воздуха, воды и земли голыми руками. [323] Под этим нелепым предположением скрывается не что иное, как предположение, что продукт производится *без постоянного капитала,* т. е. только вновь присоединенным трудом. В этом случае, конечно, доказано то, что подлежало доказательству, а именно, что прибыль и прибавочная стоимость тождественны, что, следовательно, и норма прибыли зависит *только* от отношения прибавочного труда к необходимому труду. Между тем затруднение возникло именно в результате того, что, поскольку прибавочная стоимость имеет отношение [не только к переменной части капитала, но и] к постоянной части капитала, — а это отношение мы и называем нормой прибыли, — норма прибавочной стоимости и норма прибыли отличаются друг от друга. Таким образом, если мы предположим, что постоянный капитал равен нулю, то затруднение, возникшее в результате существования постоянного капитала, будет у нас устранено тем, что мы отвлеклись от существования этого постоянного капитала. Другими словами, мы устранили затруднение тем, что *предположили* его *несуществующим.* Probatum est*.

Теперь мы дадим правильную формулировку проблемы, или миллевской иллюстрации проблемы.

В первом предположении мы имеем:

Постоянный капитал (основной капитал и семена)	Переменный капитал (капитал, затраченный на заработную плату)	Совокупный продукт	Прибыль
60 квартеров	60 квартеров (60 рабочих)	180 квартеров	60 квартеров

В этом примере предполагается, что присоединенный к постоянному капиталу труд равен 120 квартерам. А так как каждый квартер составляет заработную плату за один рабочий день (или за рабочий год одного рабочего, который можно рассматривать как один рабочий день, состоящий из 365 рабочих дней), то 180 квартеров совокупного продукта содержат лишь 60 рабочих дней [вновь присоединенного труда], из которых 30 возмещают заработную плату рабочих и 30 составляют прибыль. Мы, следовательно, предполагаем в действительности, что один рабочий день овеществляется в двух

* — Это испытанный прием. *Ред.*

квартерах; поэтому 60 рабочих овеществляют свои 60 рабочих дней в 120 квартерах, из которых 60 составляют их заработную плату и 60 образуют прибыль. Другими словами, рабочий половину рабочего дня работает на себя, для возмещения заработной платы, и половину — на капиталиста, создавая тем самым прибавочную стоимость для капиталиста. Поэтому норма прибавочной стоимости составляет здесь 100%, а не 50%. Но так как переменный капитал составляет лишь половину всего авансированного капитала, то норма прибыли выражается отношением не 60 квартеров к 60 квартерам, а 60 к 120; следовательно, она равна не 100%, а лишь 50%. Если бы постоянная часть капитала была равна нулю, то весь авансированный капитал состоял бы только из 60 квартеров, только из капитала, авансированного на заработную плату и равного 30 рабочим дням; прибыль и прибавочная стоимость, а следовательно также и их нормы, были бы тождественны. Прибыль составляла бы тогда 100%, а не 50%. Два квартера хлеба были бы продуктом одного рабочего дня, а 120 квартеров — продуктом 60 рабочих дней, хотя только один квартер хлеба составлял бы заработную плату за один рабочий день и только 60 квартеров хлеба — заработную плату за 60 рабочих дней. Другими словами, рабочий получал бы лишь половину (50%) своего продукта, между тем как капиталист получал бы вдвое больше своих затрат, т. е. 100% прибыли.

Ну а как обстоит дело с *постоянным капиталом* в 60 квартеров? Они также представляют собой продукт 30 рабочих дней. Если предположить, что в этом постоянном капитале элементы его производства находятся в таком же отношении друг к другу, какое предполагалось выше, т. е. что $^1/_3$ его состоит из постоянного капитала, а $^2/_3$ из вновь присоединенного труда, что, далее, нормы прибавочной стоимости и прибыли здесь опять-таки те же, то мы получим следующий расчет:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Совокупный продукт	Прибыль
20 квартеров	20 квартеров (заработная плата 20 рабочих)	60 квартеров	20 квартеров

Норма прибыли снова составляет здесь 50%, норма прибавочной стоимости 100%. Совокупный продукт является [324] продуктом 30 рабочих дней, но из них 10 рабочих дней (равных 20 квартерам) представляют прошлый труд (постоянный капитал), а 20 рабочих дней — вновь присоединенный труд 20 рабочих, из которых каждый в качестве заработной платы получает, однако, лишь половину своего продукта. Два квартера по-

прежнему являются продуктом труда одного рабочего, хотя один квартер по-прежнему составляет плату за труд одного рабочего и один квартер образует прибыль капиталиста, который присваивает себе половину труда рабочего.

Те 60 квартеров, которые были прибавочной стоимостью капиталиста, производящего готовый продукт, составляли норму прибыли в 50%, так как эти 60 квартеров прибавочной стоимости исчислялись не только на 60 квартеров, авансированных на заработную плату, но также и на 60 квартеров, авансированных на семена и основной капитал, т. е. всего на 120 квартеров.

Таким образом, если Милль принимает, что прибыль капиталиста, произведшего семена и основной капитал общей стоимостью в 60 квартеров, тоже равна 50%, если он, далее, предполагает, что между постоянным и переменным капиталом здесь существует такое же отношение, как и при производстве 180 квартеров хлеба, то он должен был бы сказать, что у производителей постоянного капитала прибыль равна 20 квартерам, заработная плата — 20 квартерам и постоянный капитал — 20 квартерам. Так как заработная плата равна одному квартеру, то 60 квартеров содержат 30 рабочих дней, подобно тому как 120 квартеров содержат 60 рабочих дней.

Но что говорит Милль?

«Если норма прибыли составляет 50%, то семена и орудия, использованные для производства 180 квартеров хлеба, должны быть продуктом труда 40 рабочих, ибо заработная плата этих 40 рабочих вместе с прибылью их нанимателя составляет 60 квартеров».

У первого капиталиста, который применял 60 рабочих, получавших по 1 квартеру в день (таким образом, на заработную плату капиталист этот затрачивал 60 квартеров), и который, далее, 60 квартеров затрачивал на постоянный капитал, 60 рабочих дней овеществлялись в 120 квартерах; но рабочие получали из них в качестве заработной платы только 60 квартеров. Другими словами, заработная плата составляла лишь половину продукта труда 60 рабочих. Следовательно, 60 квартеров постоянного капитала были равны продукту труда всего лишь 30 рабочих; если они состояли только из прибыли и заработной платы, то заработная плата составляла 30 квартеров и прибыль 30 квартеров; следовательно, заработная плата равнялась труду 15 рабочих, и прибыль тоже. Но если прибыль составляет лишь 50%, то это получается оттого, что, согласно предположению, из 30 дней, содержащихся в 60 квартерах постоянного капитала, 10 дней приходятся на прошлый труд (постоянный

капитал) и только 10 дней сводятся к заработной плате. Итак, 10 дней содержатся в постоянном капитале, 20 — это вновь присоединенные рабочие дни, из которых, однако, рабочие только 10 дней работают на себя и 10 на капиталиста. Но г-н Милль утверждает, что эти 60 квартеров являются продуктом труда 40 рабочих, тогда как раньше 120 квартеров были продуктом труда 60 рабочих. Раньше один квартер содержал в себе половину рабочего дня (хотя он составлял плату за целый рабочий день), а теперь половине рабочего дня были бы равны $^{3}/_{4}$ квартера. Между тем та $^{1}/_{3}$ продукта (60 квартеров), которая затрачена на постоянный капитал, имеет точно такую же стоимость, т. е. содержит столько же рабочего времени, как и всякая другая $^{1}/_{3}$ продукта. Если бы г-н Милль захотел весь постоянный капитал в 60 квартеров свести к заработной плате и прибыли, то это *нисколько* не изменило бы того количества рабочего времени, которое в нем содержится. В нем содержалось бы по-прежнему 30 рабочих дней; но прибыль и прибавочная стоимость совпали бы, так как здесь не надо было бы возмещать постоянный капитал. Прибыль составляла бы, следовательно, 100%, а не 50%, как раньше. Раньше прибавочная стоимость составляла тоже 100%; но прибыль составляла тогда только 50%, — как раз в результате того, что в исчисление прибыли входит и постоянный капитал.

Здесь, таким образом, перед нами двоякого рода ошибочный прием г-на Милля.

Что касается первых 180 квартеров, то там трудность заключалась в том, что прибавочная стоимость и прибыль не совпадали, ибо 60 квартеров прибавочной стоимости надо было исчислять не только на 60 квартеров (на ту часть совокупного продукта, которая равна заработной плате), а [325] на 120 квартеров, т. е. на постоянный капитал в 60 квартеров плюс заработная плата в 60 квартеров. Прибавочная стоимость составляла поэтому 100%, а прибыль лишь 50%. Г-н Милль устраняет эту трудность для тех 60 квартеров, из которых состоит постоянный капитал: он предполагает,. что здесь весь продукт делится между капиталистом и рабочими, т. е. что в создании постоянного капитала, состоящего из семян и орудий труда общей стоимостью в 60 квартеров, никакой постоянный капитал не участвует. То обстоятельство, которое надо было объяснить для капитала I, *заранее предполагается* отпавшим для капитала II, и тем самым исчезает сама проблема.

Во-вторых, после того как Милль предположил, что в стоимость 60 квартеров, составляющих постоянный капитал для I, входит лишь [непосредственный] труд, что там нет *прошлого*

труда, нет постоянного капитала, что, следовательно, прибыль и прибавочная стоимость — а значит, также и норма прибыли и норма прибавочной стоимости — совпадают, что между ними нет никакого различия, он потом, наоборот, предполагает, что *между ними имеет место различие,* как в случае I, и потому прибыль, как в случае I, составляет всего лишь 50%. Если бы в случае I треть продукта не состояла из постоянного капитала, то прибыль совпадала бы с прибавочной стоимостью. Совокупный продукт состоял бы лишь из 120 квартеров, равных 60 рабочим дням, из которых 30 получили бы рабочие (= 60 квартерам) и 30 — капиталист (= 60 квартерам). Норма прибыли равнялась бы норме прибавочной стоимости — 100%. В действительности она составляла 50%, потому что 60 квартеров прибавочной стоимости исчислялись не на 60 квартеров (заработная плата), а на 120 квартеров (заработная плата, семена и основной капитал). В случае II Милль предполагает, что производство совершается без какого бы то ни было постоянного капитала. Он предполагает также, что заработная плата здесь та же, т. е. один квартер. И тем не менее он думает, что прибыль и прибавочная стоимость здесь отличаются друг от друга, т. е. что прибыль составляет лишь 50%, хотя прибавочная стоимость достигает 100%. Фактически Милль предполагает, что те 60 квартеров, которые составляют эту треть совокупного продукта, содержат в себе больше рабочего времени, чем другая треть совокупного продукта; что эти 60 квартеров являются продуктом 40 рабочих дней, между тем как остальные 120 квартеров были продуктом только 60 рабочих дней.

Но в действительности здесь проглядывает старое заблуждение относительно «прибыли от отчуждения», которая не находится ни в какой связи с содержащимся в продукте рабочим временем, а также и с рикардовским определением стоимости. А именно, Милль предполагает, что заработная плата, которую один рабочий получает за один рабочий день, равна продукту его рабочего дня, или содержит столько рабочего времени, сколько он работает. Если в качестве заработной платы выплачивается 40 квартеров и прибыль равна 20 квартерам, то выплаченные в качестве заработной платы 40 квартеров содержат 40 рабочих дней. Плата за 40 рабочих дней равна продукту 40 рабочих дней. Если на 60 квартеров совокупного продукта приходится 50%, или 20 квартеров, прибыли, то отсюда следует. что 40 квартеров равны продукту труда 40 рабочих, так как согласно предположению 40 квартеров образуют заработную плату и 1 рабочий получает 1 квартер в день. Откуда же получаются остальные 20 квартеров? Указанные 40 рабочих работают

40 рабочих дней, так как они получают 40 квартеров. Следовательно, 1 квартер представляет собой продукт 1 рабочего дня. 40 рабочих дней производят поэтому только 40 квартеров и ни одного бушеля сверх этого. Откуда же берутся те 20 квартеров, которые образуют прибыль? В основе этого примера Милля лежит старое заблуждение относительно «прибыли от отчуждения», т. е. чисто номинального повышения цены продукта за пределы его стоимости. Но здесь, где стоимость представлена не в деньгах, а в соответственной части самого продукта, эта «прибыль от отчуждения» выступает как *абсолютно нелепая* и невозможная. Нетрудно себе представить, что если 40 квартеров хлеба составляют продукт труда 40 рабочих, получающих каждый по 1 квартеру заработной платы в день (или год), т. е. получающих в качестве заработной платы *весь свой продукт,* и если 1 квартер хлеба, будучи выражен в деньгах, равен 3 ф. ст., а 40 квартеров равны 120 ф. ст., то капиталист, продавая эти 40 квартеров за 180 ф. ст., получает 60 ф. ст. прибыли, т. е. 50% прибыли (60 ф. ст. = 20 квартерам хлеба). Но это представление приводит само себя к полному абсурду, когда утверждается, что капиталист из 40 квартеров хлеба, которые произведены его 40 рабочими в течение 40 рабочих дней и за которые он выплачивает 40 квартеров заработной платы, продает 60 квартеров. В его руках находятся только 40 квартеров, а *продает* он 60 квартеров, т. е. на 20 квартеров больше того количества, которое у него имеется для продажи.

[326] Итак, в первую очередь Милль пытается рикардовскии закон (а именно, ошибочный рикардовскии закон, смешивающий прибавочную стоимость и прибыль) доказать при помощи следующих милых предположений:

1) Предполагается, что капиталист, производящий постоянный капитал, сам не нуждается ни в каком постоянном капитале;

таким образом, Милль *этим своим предположением устраняет* и всю ту трудность, которая вносится постоянным капиталом.

2) Предполагается, что и при отсутствии постоянного капитала то различие между прибавочной стоимостью и прибылью, которое вносится постоянным капиталом, тем не менее продолжает существовать, хотя здесь нет никакого постоянного капитала.

3) Предполагается, что капиталист, производящий 40 квартеров пшеницы, может продать 60 квартеров пшеницы, так как его совокупный продукт продается, в качестве постоянного капитала, другому капиталисту, постоянный капитал которого равен 60 квартерам, и так как капиталист № 2 на эти 60 квартеров получает 50% прибыли.

Последняя нелепость сводится к представлению о «прибыли от отчуждения», которое здесь выступает как столь абсурдное только потому, что не номинальная стоимость, выраженная в деньгах, а та или иная часть самого проданного продукта должна образовать прибыль. Тем самым, стало быть, г-н Милль, желая защитить Рикардо, отрекся от его основного воззрения и оказался далеко позади Рикардо, А. Смита и физиократов.

Первая попытка Милля защитить рикардовское учение состоит, следовательно, в том, что он его с самого же начала опрокидывает, а именно опрокидывает тот его основной принцип, что прибыль составляет только часть стоимости товара, т. е. только ту часть содержащегося в товаре рабочего времени, которую капиталист в своем продукте продает, *но* за которую он рабочему *не заплатил.* По Миллю, капиталист оплачивает рабочему весь его рабочий день и тем не менее получает прибыль.

Посмотрим, как Милль оперирует далее.

Он предполагает, что в результате некоего изобретения отпадает необходимость при производстве хлеба употреблять семена и земледельческие орудия; т. е. согласно этому его предположению отпадает необходимость в постоянном капитале для последнего капиталиста, как это уже было предположено у Милля для производителя первых 60 квартеров, приходящихся на семена и на основной капитал. Теперь Милль должен был бы рассуждать следующим образом:

Капиталист I не должен теперь затрачивать 60 квартеров на семена и основной капитал, так как мы заявили, что его постоянный капитал равен нулю. Он должен, следовательно, затратить лишь 60 квартеров на заработную плату 60 рабочих, которые работают в течение 60 рабочих дней. Продукт этих 60 рабочих дней равняется 120 квартерам. Рабочие получают лишь 60 квартеров. Следовательно, капиталист получает 60 квартеров прибыли, т. е. 100%. Его норма прибыли в точности равна норме прибавочной стоимости, т. е. в точности равна [отношению] того рабочего времени, в течение которого рабочие работали не на себя, а на капиталиста, [к тому рабочему времени, в течение которого они работали на себя]. Они проработали 60 дней. Они производят 120 квартеров и получают 60 квартеров в качестве заработной платы. Они, следовательно, получают в качестве заработной платы продукт 30 рабочих дней, хотя они работали 60 дней. То количество рабочего времени, в которое обходятся 2 квартера, по-прежнему равно 1 рабочему дню-*Оплаченный* капиталистом рабочий день по-прежнему равен 1 квартеру, т. е. половине проработанного рабочего дня. Продукт уменьшился на $^1/_3$, со 180 квартеров до 120; и тем не менее

норма прибыли повысилась на 50 пунктов, а именно с 50% до 100%. Почему? Из 180 квартеров $^1/_3$ возмещала исключительно только затрату на постоянный капитал и, следовательно, не входила ни в прибыль, ни в заработную плату. С другой стороны, те 60 квартеров, которые рабочие произвели для капиталиста (те 30 рабочих дней, которые рабочие проработали на капиталиста), *исчислялись* не на 60 квартеров, затраченных на заработную плату (не на 30 рабочих дней, которые рабочие проработали на самих себя), а на 120 квартеров (60 рабочих дней), затраченных на заработную плату, семена и основной капитал. Поэтому, хотя из 60 дней рабочие работали 30 на себя и 30 на капиталиста и хотя затрата капиталиста на заработную плату в 60 квартеров давала ему 120 квартеров продукта, его норма прибыли была не 100%, а только 50%, так как исчислялась она *иначе:* в одном случае на 2 × 60, а в другом случае на 60. Прибавочная стоимость [327] в обоих случаях одна и та же, однако норма прибыли неодинакова.

А как подходит к этому вопросу Милль?

Он не предполагает, что капиталист [после внедрения изобретения, позволяющего обходиться без постоянного капитала 1 при затрате 60 квартеров получает 120 квартеров (из 60 рабочих дней присваивает себе 30); согласно его предположению, капиталист применяет теперь 100 рабочих, которые доставляют ему 180 квартеров, причем все время принимается, что заработная плата за 1 рабочий день равна 1 квартеру. Таким образом, получается такой расчет:

Затраченный капитал (только переменный, т. е. только затраченный на заработную плату)	Совокупный продукт	Прибыль
100 квартеров (вознаграждение за 100 рабочих дней)	180 квартеров	80 квартеров

Таким образом, капиталист получает теперь 80% прибыли. Прибыль здесь равна прибавочной стоимости. Следовательно, и норма прибавочной стоимости тоже равна только 80%; раньше она составляла 100%, т. е. была на 20 пунктов выше. Здесь мы, стало быть, имеем такое явление: норма прибыли возросла на 30 пунктов, а норма прибавочной стоимости понизилась на 20 пунктов.

Если бы капиталист по-прежнему затратил на заработную плату лишь 60 квартеров, то получился бы следующий расчет:

100	квартеров	дают	80	квартеров	прибавочной	стоимости
10	»	»	8	»	»	»
60	»	»	48	»	»	»

Между тем раньше 60 квартеров давали 60 квартеров прибавочной стоимости (следовательно, имеет место падение на 20%). Или, выражаясь иначе, раньше

			Совокупный продукт		Прибавочная стоимость	
60	квартеров	давали	120	квартеров	60	квартеров
10	»	»	20	»	10	»
100	»	»	200	»	100	»

Таким образом, прибавочная стоимость понизилась (в обоих случаях мы должны считать на 100 квартеров) со 100 квартеров до 80 квартеров, т. е. на 20%.

(60 : 48 = 100 : 80; 60 : 48 = 10 : 8; 60 : 48 = 5 : 4.

4 × 60 = 240 и 48 × 5 = 240.)

Перейдем, далее, к рабочему времени, овеществленному в одном кварте ре, или к стоимости одного квартера. Раньше 2 квартера были равны 1 рабочему дню, или 1 квартер равнялся половине рабочего дня, или $^{9}/_{18}$ однодневного труда одного рабочего. Теперь же 180 квартеров представляют собой продукт 100 рабочих дней; следовательно, 1 квартер есть продукт $^{100}/_{180}$ рабочего дня, т. е. $^{10}/_{18}$ рабочего дня. Другими словами, продукт вздорожал на $^{1}/_{18}$ рабочего дня, или труд стал менее производителен, так как раньше для производства 1 квартера рабочему требовалось лишь $^{9}/_{18}$ рабочего дня, а теперь ему требуется $^{10}/_{18}$ рабочего дня. Норма прибыли возросла несмотря на то, что прибавочная стоимость понизилась, а производительность труда в соответствии с этим уменьшилась, т. е. несмотря на то, что действительная стоимость (издержки производства) заработной платы увеличилась на $^{1}/_{18}$, т. е. на $11^{1}/_{3}$%. Раньше 180 квартеров составляли продукт 90 рабочих дней (1 квартер представлял собой продукт $^{90}/_{180}$ рабочего дня, т. е. $^{9}/_{18}$, или $^{1}/_{2}$ рабочего дня). Теперь они составляют продукт 100 рабочих дней (1 квартер представляет собой продукт $^{100}/_{180}$, т. е. $^{10}/_{18}$ рабочего дня). Предположим, что рабочий день равняется 12 часам, или 60 × 12 минутам, т. е. 720 минутам. [328] Тогда 18-я часть рабочего дня равна $^{720}/_{18}$, т. е. 40 минутам. Из этих 720 минут рабочий отдает капиталисту в первом случае половину от 720 минут, т. е. 360 минут. Следовательно, 60 рабочих отдают капиталисту 360 × 60 минут. Во втором случае рабочий из 720 минут отдает капиталисту $^{8}/_{18}$, т. е. всего лишь 320 минут. Но первый капиталист применяет 60 рабочих и, следовательно, присваивает себе 360 × 60, т. е. 21600 минут. Второй капиталист применяет

100 рабочих и, следовательно, присваивает себе 320 × 100, т. е. 32000 минут. Стало быть, у второго прибыль больше, чем у первого, так как 100 рабочих по 320 минут в день дают больше, чем 60 рабочих по 360 минут в день. Таким образом, это происходит только потому, что второй капиталист применяет на 40 рабочих больше; но от каждого рабочего он получает относительно меньше, чем первый капиталист. Прибыль второго капиталиста оказывается большей несмотря на то, что норма прибавочной стоимости и производительность труда здесь понизились, а издержки производства реальной заработной платы (т. е. содержащееся в ней количество труда) повысились. *Между тем г-н Милль хотел доказать прямо противоположное*[81].

Предположим, что капиталист № 1, не сделавший такого «изобретения», которое позволяет производить хлеб без семян и основного капитала, тоже применяет (подобно капиталисту № 2) 100 рабочих дней, тогда как в приведенном выше расчете он применял только 90 рабочих дней. Он, следовательно, должен был бы применять на 10 рабочих дней больше, из них $3^1/_3$ на свой постоянный капитал (семена и основной капитал) и $3^1/_3$ на заработную плату. Продукт этих 10 рабочих дней при прежнем уровне развития производства равняется 20 квартерам, из которых, однако, $6^2/_3$ квартера возмещают постоянный капитал, а $12^4/_3$ квартера составляют продукт $6^2/_3$ рабочего дня. Из них $6^2/_3$ квартера образуют заработную плату и $6^2/_3$ квартера — прибавочную стоимость.

Таким образом, мы получили бы следующий расчет:

Постоянный капитал	Заработная плата	Совокупный продукт	Прибавочная стоимость	Норма прибавочной стоимости
$66^2/_3$ квартера ($33^1/_3$ рабочего дня)	$66^2/_3$ квартера (плата за $66^2/_3$ рабочего дня)	200 квартеров (100 рабочих дней)	$66^2/_3$ квартера ($33^1/_3$ рабочего дня)	100%

На совокупный продукт 100 рабочих дней капиталист № 1 имеет прибыли $33^1/_3$ рабочего дня. Или на 200 квартеров совокупного продукта он имеет $66^2/_3$ квартера прибыли. Или, если мы будем затраченный им капитал исчислять в квартерах, то на $133^1/_3$ квартера (продукт $66^2/_3$ рабочего дня) капиталист № 1 имеет $66^2/_3$ квартера прибыли. Между тем капиталист № 2, затрачивая 100 квартеров, получал 80 квартеров прибыли. Прибыль капиталиста № 2, таким образом, больше прибыли

капиталиста № 1. Но капиталист № 1 производит 200 квартеров в то же рабочее время, в какое капиталист № 2 производит 180 квартеров. Один квартер капиталиста № 1 равен половине рабочего дня, один квартер капиталиста №2 равен $^{10}/_{18}$ (или $^{5}/_{9}$) рабочего дня, т. е. содержит на $^{1}/_{18}$ больше рабочего времени и, стало быть, дороже. Поэтому капиталист № 1 должен был бы сбить с позиции капиталиста № 2. Последний был бы вынужден отказаться от своего изобретения и приучиться по-прежнему употреблять для производства хлеба семена и основной капитал.

Прибыль капиталиста № 1 на 120 квартеров составляет 60 квартеров, или 50% (так же, как на $133^{1}/_{3}$ квартера она составляет $66^{2}/_{3}$ квартера).

Прибыль капиталиста № 2 на 100 квартеров составляет 80 квартеров, или 80%.

Прибыль № 2 : № 1 = 80 : 50 = 8 : 5 = 1 : $^{5}/_{8}$.

Напротив, прибавочная стоимость № 2 : № 1 = 80 : 100 = 8 : 10 = 1 : $^{10}/_{8}$ = 1 : $1^{2}/_{8}$ = 1 : $1^{1}/_{4}$.

Норма прибыли № 2 на 30 пунктов больше, чем норма прибыли № 1.

Прибавочная стоимость № 2 на 20 пунктов меньше, чем прибавочная стоимость № 1.

Капиталист № 2 применяет на $66^{2}/_{3}$% больше рабочих, в то время как капиталист № 1 за один рабочий день присваивает от каждого рабочего лишь на $^{1}/_{8}$ (или на $12^{1}/_{2}$%) больше труда.

[329] Итак, фактически г-н Милль доказал, что капиталист № 1, применяющий всего 90 рабочих дней, из которых одна треть содержится в постоянном капитале (семена, машины и т. д.), и нанимающий 60 рабочих, которым он оплачивает, однако, только 30 дней, что этот капиталист производит 1 квартер хлеба в половину (или $^{9}/_{18}$) рабочего дня, а в 90 рабочих дней производит 180 квартеров, из коих 60 квартеров покрывают 30 рабочих дней, содержащихся в постоянном капитале, 60 квартеров — заработную плату за 60 рабочих дней (или продукт 30 рабочих дней) и 60 квартеров — прибавочную стоимость (или продукт 30 рабочих дней). Прибавочная стоимость этого капиталиста № 1 равняется 100%. Его прибыль равняется 50%, ибо 60 квартеров прибавочной стоимости исчисляются не на 60 квартеров, не на ту часть капитала, которая затрачивается на заработную плату, а на 120 квартеров, т. е. на капитал вдвое больший (переменный плюс постоянный капитал).

Милль доказал, далее, что капиталист № 2, применяющий 100 рабочих дней, из которых он (благодаря своему изобретению)

ничего не затрачивает на постоянный капитал, производит 180 квартеров продукта, так что один квартер равен $^{10}/_{18}$ рабочего дня, или на $^{1}/_{18}$ рабочего дня (на 40 минут) дороже, чем у капиталиста № 1. Труд его рабочих менее производителен на $^{1}/_{18}$. Их заработная плата, поскольку рабочий по-прежнему получает в качестве платы за рабочий день 1 квартер, возросла на $^{1}/_{18}$ по ее действительной стоимости, т. е. по требующемуся для ее производства рабочему времени. Хотя теперь издержки производства заработной платы возросли на $^{1}/_{18}$ и совокупный продукт капиталиста №. 2 в сравнении с затраченным рабочим временем уменьшился, да и произведенная им прибавочная стоимость составляет только 80%, между тем как у капиталиста № 1 прибавочная стоимость составляла 100%, все же норма прибыли у капиталиста № 2 составляет 80%, тогда как норма прибыли у капиталиста № 1 была 50%. Почему? Потому, что, хотя издержки производства заработной платы у капиталиста № 2 возросли, он применяет больше рабочих, и потому, что у капиталиста № 2 норма прибавочной стоимости равна норме прибыли, так как произведенная им прибавочная стоимость исчисляется только на капитал, затраченный на заработную плату, а постоянный капитал равняется нулю. Но Милль хотел, как раз наоборот, доказать, что повышение нормы прибыли произошло, согласно рикардовскому закону, в результате *уменьшения издержек производства заработной платы.* Мы видели, что это повышение нормы прибыли имело место *несмотря на увеличение издержек производства заработной платы,* что, следовательно, рикардовский закон ошибочен, если прибыль и прибавочная стоимость *непосредственно* отождествляются, но под нормой прибыли понимается отношение прибавочной стоимости, или валовой прибыли (которая равна прибавочной стоимости), к совокупной стоимости всего авансированного капитала.

Г-н Милль продолжает:

«Результат в 180 квартеров раньше можно было получить только при затрате 120 квартеров; теперь его можно получить при затрате всего лишь 100 квартеров».

Г-н Милль забывает, что в первом случае затрата 120 квартеров равна затрате 60 рабочих дней, а во втором случае затрата 100 квартеров равна затрате $55^{5}/_{9}$ рабочего дня (т. е. что в первом случае 1 квартер равен $^{9}/_{18}$ рабочего дня, а во втором $^{10}/_{18}$ рабочего дня).

«180 квартеров хлеба по-прежнему представляют собой результат того же количества труда, труда 100 рабочих».

Извините пожалуйста! Эти 180 квартеров раньше были результатом 90 рабочих дней, а теперь они представляют собой результат 100 рабочих дней.

«Один квартер хлеба по-прежнему является продуктом годового труда $^{10}/_{18}$ рабочего».

Извините пожалуйста! Раньше это был продукт годового труда $^{9}/_{18}$ рабочего.

«Ибо *один квартер хлеба,* являющийся *вознаграждением* одного рабочего, представляет собой *в действительности продукт того же количества труда,* что и раньше».

Извините пожалуйста! Во-первых, теперь 1 квартер хлеба является «в действительности продуктом» $^{10}/_{18}$ рабочего дня, между тем как раньше он был продуктом $^{9}/_{18}$ рабочего дня; он стоит, следовательно, на $^{1}/_{18}$ рабочего дня больше труда. Во-вторых, *вознаграждение* одного рабочего, независимо от того, стоит ли квартер $^{9}/_{18}$ или $^{10}/_{18}$ рабочего дня, никогда нельзя смешивать с *продуктом его труда;* оно всегда составляет лишь часть этого продукта.

«Теперь один квартер хлеба представляет собой продукт годового труда $^{10}/_{18}$ рабочего и *ничего больше»* (это верно!), «тогда как раньше для его производства требовалось соединение этого количества труда с затратой, возмещающей прибыль [предшествующего капиталиста], что составляло на $^{1}/_{5}$ больше» [цит. соч., стр. 100—103].

Стой! Во-первых, [330] повторяем, неверно, что один квартер раньше стоил $^{10}/_{18}$ рабочего дня; он стоил только $^{9}/_{18}$ рабочего дня. Еще более неверно (если бы была возможна градация в абсолютно неверном), что к этим $^{9}/_{18}$ рабочего дня прибавлялось еще «возмещение прибыли, что составляло на $^{1}/_{5}$ больше». В 90 рабочих дней (считая вместе постоянный и переменный капитал) произведены 180 квартеров. 180 квартеров = 90 рабочим дням; 1 квартер = $^{90}/_{180} = {}^{9}/_{18} = {}^{1}/_{2}$ рабочего дня. Таким образом, не получается никакой «прибавки» к этим $^{9}/_{18}$, или к этой половине рабочего дня, в которую обходился 1 квартер в случае №. 1.

Но здесь мы открываем то, собственно, заблуждение, вокруг которого в скрытом виде вращается вся эта галиматья. Милль одурачил самого себя прежде всего тем, что предположил, что если 120 квартеров являются продуктом 60 рабочих дней, продукт которых делится на равные части между 60 рабочими и капиталистом, то те 60 квартеров, которые составляют постоянный капитал, могут представлять собой продукт 40 рабочих дней. В действительности они могли бы представлять собой только продукт 30 дней, независимо от того, в какой пропорции

капиталист и рабочие, производящие эти 60 квартеров, делят их между собой.

Однако не будем останавливаться на этом. Чтобы до конца разъяснить заблуждение Милля, предположим, что к прибыли сводится не $^{1}/_{3}$ из 60 квартеров постоянного капитала (т. е. не 20 квартеров), а вся сумма в 60 квартеров. Мы тем более можем сделать это предположение, что оно в интересах Милля, а не наших, и что оно упрощает проблему. Кроме того, приписать капиталисту, производящему постоянный капитал в 60 квартеров, такое *изобретение,* которое позволяет ему заставить 30 рабочих проработать *даром,* без всякого вознаграждения (как это имеет ведь место в форме барщины), 30 рабочих дней, производящих 60 квартеров или их стоимость, — куда легче, чем приписать миллевскому капиталисту «изобретение», позволяющее ему производить 180 квартеров хлеба без семян и основного капитала. Итак, предположим, что в указанных 60 квартерах содержится только прибыль капиталиста № 2, производящего постоянный капитал для капиталиста № 1, к что капиталист № 2 должен был продать продукт 30 рабочих дней, не заплатив ни одного фартинга своим 30 рабочим, из которых каждый проработал по одному рабочему дню. Можно ли сказать, что эти 60 квартеров, сводящиеся только к прибыли, входят в *издержки производства заработной платы* у капиталиста № 1 и вступают в «соединение» с тем рабочим временем, которое проработали его рабочие?

Конечно, капиталист и рабочие № 1 не могли бы произвести 120 квартеров (вообще не могли бы произвести ни одного квартера) без тех 60 квартеров, которые образуют их постоянный капитал и сводятся только к прибыли. Это для них необходимые условия производства, и к тому же такие условия производства, которые должны быть оплачены. Но эти 60 квартеров нужны им были для того, чтобы произвести 180 квартеров. Из этих 180 квартеров 60 возмещают упомянутые 60 квартеров. Это возмещение постоянного капитала ни в какой мере не затрагивает их 120 квартеров, являющихся продуктом их 60 рабочих дней. Если бы они могли произвести 120 квартеров без помощи тех 60 квартеров, которые составляют их постоянный капитал, то *их* продукт, продукт 60 рабочих дней, был бы прежним; но совокупный продукт был бы меньше именно потому, что имевшиеся раньше 60 квартеров не были бы воспроизведены. Норма прибыли капиталиста была бы больше, так как в его издержки производства не входили бы затраты, издержки на условия производства, дающие ему возможность получать прибавочную стоимость в 60 квартеров. Абсолютная прибыль была бы та же,

т. е. 60 квартеров. Но эти 60 квартеров ему стоили бы лишь затраты 60 квартеров. Теперь он на них затратил 120 квартеров. Эта затрата на постоянный капитал входит, следовательно, в издержки производства капиталиста, а не в издержки производства заработной платы.

Предположим, что благодаря какому-нибудь «изобретению» капиталист № 3 может, тоже не платя своим рабочим, производить 60 квартеров в 15 рабочих дней [вместо 30], отчасти потому, что он применяет лучшие машины и т. д. Этот капиталист № 3 вытеснил бы с рынка капиталиста № 2 и сделал бы капиталиста № 1 своим постоянным покупателем. Теперь, следовательно, затраты капиталиста № 1 уменьшились бы [331] с 60 до 45 рабочих дней. Рабочие по-прежнему должны были бы затрачивать 60 рабочих дней, чтобы из 60 квартеров [постоянного капитала] сделать 180 квартеров продукта. И им требовалось бы 30 рабочих дней для производства своей заработной платы. Для них 1 квартер равняется половине рабочего дня. Однако эти 180 квартеров стоили бы капиталисту затраты всего лишь 45 рабочих дней вместо 60. Но так как было бы нелепо предполагать, что зерно под наименованием семян стоит меньше рабочего времени, чем под наименованием просто зерна, то мы должны были бы предположить, что в первых 60 квартерах семена стоят столько же, как и раньше, но требуется меньше семян; или что по дешевела та составная часть стоимости постоянного капитала, которая в тех 60 квартерах содержится в качестве основного капитала.

* * *

Зафиксируем прежде всего то, что у нас до сих пор получилось в результате анализа миллевской «иллюстрации».

Во-первых, выяснилось следующее:

Мы предположили, что 120 квартеров хлеба произведены без всякого постоянного капитала и по-прежнему являются продуктом 60 рабочих дней, тогда как раньше 180 квартеров, из которых 60 квартеров равны постоянному капиталу, были продуктом 90 рабочих дней. В этом случае затраченный на заработную плату капитал в 60 квартеров, равный 30 рабочим дням, но распоряжающийся 60 рабочими днями, по-прежнему доставлял бы тот же продукт, 120 квартеров. Стоимость этого продукта тоже осталась бы неизменной, а именно 1 квартер был бы равен половине рабочего дня. Правда, раньше продукт составлял 180 квартеров, вместо теперешних 120 квартеров; но эта разница в 60 квартеров представляет только содержащееся в постоянном капитале рабочее время. Следовательно, издержки

производства заработной платы и сама заработная плата — как ее потребительная стоимость, так и ее меновая стоимость — остались бы неизменными: 1 квартер хлеба, равный половине рабочего дня. Прибавочная стоимость тоже осталась бы неизменной, а именно 60 квартеров на 60 квартеров, или $^1/_2$ рабочего дня на $^1/_2$ рабочего дня. Норма прибавочной стоимости в обоих случаях равна 100%. Тем не менее норма прибыли составляла в первом случае лишь 50%, между тем как теперь она составляет 100%. И это только потому, что 60 : 60 = 100%, а 60 : 120 = 50%. Это повышение нормы прибыли получается здесь не вследствие изменения издержек производства заработной платы, а просто оттого, что постоянный капитал предполагается равным нулю. Приблизительно то же самое получается и тогда, когда уменьшается стоимость постоянного капитала, а тем самым и совокупная стоимость всего авансированного капитала, и когда в результате этого увеличивается отношение прибавочной стоимости к капиталу, а ведь это отношение *и есть* норма прибыли.

В качестве нормы прибыли прибавочная стоимость исчисляется не только на ту часть капитала, которая действительно увеличивается и создает прибавочную стоимость, т. е. на затраченную на заработную плату часть капитала, но также и на стоимость сырья и машин, стоимость которых только вновь появляется в продукте, и, кроме того, на стоимость всего машинного оборудования, не только той части его, которая действительно входит в процесс образования стоимости и износ которой подлежит поэтому возмещению, но и той части, которая входит только в процесс труда.

Во-вторых:

Во втором примере Милля предполагалось, что если капитал № 1 доставляет 180 квартеров продукта, равняющихся 90 рабочим дням (так что 60 квартеров, или 30 рабочих дней, составляют постоянный капитал, 60 квартеров приходятся на переменный капитал, на заработную плату за 60 рабочих дней, из коих рабочим оплачиваются 30 рабочих дней, и 60 квартеров образуют прибавочную стоимость), то капитал № 2 доставляет тоже 180 квартеров, но здесь эти 180 квартеров равны 100 рабочим дням, так что из 180 квартеров 100 приходятся на заработную плату, а 80 — на прибавочную стоимость. Весь авансированный капитал затрачен здесь на заработную плату. Здесь постоянный капитал равен нулю; действительная стоимость заработной платы повысилась, хотя потребительная стоимость, получаемая рабочим, осталась та же, 1 квартер; но 1 квартер равен теперь $^{10}/_{18}$ рабочего дня, между тем как раньше он равнялся лишь

$^{9}/_{18}$ рабочего дня. Прибавочная стоимость понизилась со 100% до 80%, т. е. на $^{1}/_{5}$, или на 20%. Норма прибыли возросла с 50% до 80%, т. е. на $^{3}/_{5}$, или на 60%. Таким образом, в этом случае действительные издержки производства заработной платы даже не просто остались неизменными [как в случае *«во-первых»*], а, больше того, увеличились. Труд стал менее производительным, и поэтому количество выполняемого рабочим прибавочного труда уменьшилось. И тем не менее норма прибыли повысилась. Почему? Во-первых, потому, что здесь нет постоянного капитала, вследствие чего норма прибыли равна норме прибавочной стоимости. Во всех тех случаях, где капитал затрачивается не исключительно на заработную плату, — а при капиталистическом производстве затрачивать весь капитал исключительно только на заработную плату почти невозможно, — норма прибыли всегда должна быть меньше нормы прибавочной стоимости, и она должна быть меньше соответственно тому, насколько совокупная стоимость всего авансированного капитала больше стоимости той составной части капитала, которая затрачена на заработную плату. Во-вторых, норма прибыли повысилась потому, что капиталист № 2 применяет в сравнении с капиталистом № 1 значительно больше рабочих, чем то их количество, которое компенсировало бы разницу в производительности применяемого каждым из этих капиталистов труда.

В-третьих, если иметь в виду одну сторону дела, то случаи, приведенные здесь под рубриками *«во-первых»* и *«во-вторых»,* исчерпывают доказательство того положения, что изменение нормы прибыли может иметь место совершенно независимо от издержек производства заработной платы. Ибо под рубрикой *«во-первых»* было показано, что норма прибыли может повышаться несмотря на то, что издержки производства труда остаются неизменными. А под рубрикой *«во-вторых»* было показано, что для капитала № 2, по сравнению с капиталом № 1, норма прибыли повышается несмотря на то, что производительность труда падает и, стало быть, издержки производства заработной платы повышаются. Следовательно, этот же самый [VIII—332] случай доказывает нам, что если мы, наоборот, с капиталом № 2 сравниваем капитал № 1, то норма прибыли падает несмотря на то, что норма прибавочной стоимости повышается, производительность труда растет и, следовательно, издержки производства заработной платы падают. Они составляют [на квартер] для № 1 лишь $^{9}/_{18}$ рабочего дня, а для № 2 — $^{10}/_{18}$ рабочего дня, и тем не менее норма прибыли у № 2 на 60% выше, чем у № 1. *Во всех этих случаях изменения нормы прибыли*

не только не определяются [*противоположными*] *изменениями издержек производства заработной платы, но и происходят в том же направлении.* Правда, необходимо заметить, что отсюда не следует, что одно движение является *причиной* другого (например, норма прибыли понижается не оттого, что понижаются издержки производства заработной платы, или она повышается не оттого, что повышаются издержки производства заработной платы), а следует только то, что другие обстоятельства парализуют противоположные действия этих изменений. Но во всяком случае ошибочен рикардовский закон, что изменения нормы прибыли происходят в направлении, обратном изменениям заработной платы, и что одна повышается оттого, что другая понижается, и наоборот. Этот закон правилен только для *нормы прибавочной стоимости.* Однако в том, что норма прибыли и стоимость заработной платы повышаются и понижаются не в противоположном, а в одном и том же направлении, имеется (правда, не всегда) даже некоторая необходимая взаимосвязь. Там, где труд менее производителен, применяется больше ручного труда. А там, где труд более производителен, применяется больше постоянного капитала. Поэтому здесь те же самые обстоятельства, которые вызывают повышение или понижение нормы прибавочной стоимости, должны вызывать противоположное изменение в норме прибыли, т. е. должны, в случае повышения нормы прибавочной стоимости, вызывать понижение нормы прибыли, и т. д.

[б) ВЛИЯЕТ ЛИ НА НОРМУ ПРИБЫЛИ СОЕДИНЕНИЕ В РУКАХ ОДНОГО КАПИТАЛИСТА ПРОИЗВОДСТВА ГОТОВОГО ПРОДУКТА С ПРОИЗВОДСТВОМ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА ДЛЯ ЭТОГО ПРОДУКТА]

А теперь мы сформулируем этот случай в том виде, в каком его, собственно говоря, представлял себе Милль, хотя он и не дал ему правильной формулировки. Это вместе с тем объяснит настоящий смысл его разговоров об авансированной прибыли капиталиста.

В том виде, в каком пример дан у Милля, он не может оставаться, к какому бы «изобретению» и к какому бы «соединению»* мы ни прибегали. Ибо пример этот содержит в себе абсолютное противоречие и абсолютную нелепицу, и его собственные предпосылки уничтожают себя сами.

* См. настоящий том, часть [II, стр. 200: «... соединение этого количества труда с затратой, возмещающей прибыль...». *Ред.*

По Миллю, из 180 квартеров продукта 60 квартеров (семена и основной капитал) равняются 20 квартерам прибыли и 40 квартерам заработной платы за 40 рабочих дней. Таким образом, в том случае, если 20 квартеров прибыли отпадают, 40 рабочих дней все равно остаются. Согласно этому предположению, рабочие получают, стало быть, за свой труд весь продукт полностью, так что абсолютно нельзя понять, откуда же берутся 20 квартеров прибыли и их стоимость. Если предполагается, что они составляют всего лишь номинальную надбавку к цене, т. е. если они не выражают присвоенного капиталистом рабочего времени, то их отпадение должно быть совершенно так же прибыльно, как если бы в 60 квартерах мы считали 20 квартеров заработной платы для таких рабочих, которые не работали. Далее: 60 квартеров являются здесь лишь выражением стоимости постоянного капитала. Но они, по Миллю, являются продуктом 40 рабочих дней. А с другой стороны, предполагается, что остальные 120 квартеров составляют продукт 60 рабочих дней. Но под рабочими днями здесь надо понимать одинаковый средний труд. Следовательно, все это предположение абсурдно.

Таким образом, надо прежде всего признать, что в 180 квартерах продукта содержится только 90 рабочих дней, а в 60 квартерах, составляющих стоимость постоянного капитала, только 30 рабочих дней. Предположение, что прибыль, равняющаяся 20 квартерам, или 10 рабочим дням, может отпасть, опять-таки нелепо; ибо это значило бы предположить, что те 30 рабочих, которые используются для производства постоянного капитала, хотя и работают не у капиталиста, но, с другой стороны, настолько услужливы, что берут себе только заработную плату, $^1/_2$ своего рабочего времени, а остальной половины в своем товаре не учитывают; одним словом, что они продают свои рабочие дни на 50% ниже их стоимости. Следовательно, и это предположение нелепо.

Но предположим, что капиталист № 1 не покупает свой постоянный капитал у капиталиста № 2 с тем, чтобы его потом обработать, а в своем собственном предприятии соединяет производство постоянного капитала с обработкой его. Таким образом, он сам себе доставляет семена, земледельческие орудия и т. д. Отбросим также то «изобретение», благодаря которому семена и основной капитал становятся излишними. Итак, предположим, что наш капиталист затрачивает 20 квартеров (равных 10 рабочим дням) на постоянный капитал, требующийся для производства его постоянного капитала, и 10 квартерон на заработную плату за [каждые] 10 рабочих дней, из которых 5 дней рабочие работают даром.

Тогда получается следующий расчет:

[333]

Постоянный капитал	Переменный капитал для 80 рабочих	Прибавочная стоимость	Совокупный продукт
20 квартеров (10 рабочих дней)	60+20=80 квартеров (заработная плата за 80 рабочих дней) (= 40 рабочим дням)	60+20=80 квартеров (= 40 рабочим дням)	180 квартеров (= 90 рабочим дням)

Действительные издержки производства заработной платы остались те же; следовательно, осталась без изменений и производительность труда. Совокупный продукт остался тот же — 180 квартеров — и имеет по-прежнему ту же самую стоимость в 180 квартеров. Норма прибавочной стоимости осталась та же, 80 квартеров на 80 квартеров. Абсолютная сумма, или величина, прибавочной стоимости возросла с 60 до 80 квартеров, т. е. на 20 квартеров. Авансированный капитал уменьшился со 120 до 100 квартеров. Раньше мы имели на 120 квартеров 60 квартеров, т. е. имели норму прибыли в 50%. Теперь мы имеем 80 квартеров на 100 квартеров, т. е. имеем норму прибыли в 80%. Совокупная стоимость всего авансированного капитала уменьшилась со 120 квартеров на 20 квартеров, а норма прибыли возросла с 50% до 80%. Прибыль сама по себе, отвлекаясь от нормы, теперь составляет 80 квартеров, между тем как раньше она составляла 60 квартеров; она, следовательно, возросла на 20 квартеров, т. е. в такой же мере, как и сумма (не норма) прибавочной стоимости.

Здесь, стало быть, не произошло никакой перемены, никакого изменения в издержках производства реальной заработной платы. Возрастание нормы прибыли получается здесь

1) оттого, что хотя и не норма прибавочной стоимости, но зато абсолютная величина прибавочной стоимости повысилась с 60 до 80 квартеров, т. е. на $^1/_3$; и увеличилась она на $^1/_3$, или на $33^1/_3$%, оттого, что капиталист теперь вместо прежних 60 рабочих применяет непосредственно в своем собственном предприятии 80 рабочих, т. е. эксплуатирует на $^1/_3$, или на $33^1/_3$%, больше живого труда, и притом применяет он этих 80 рабочих в условиях той же нормы прибавочной стоимости, что и раньше, когда он применял только 60 рабочих.

2) В то время как абсолютная величина прибавочной стоимости (стало быть, валовая прибыль) повысилась, таким обра-

зом, на $33^1/_3$%, с 60 квартеров до 80 квартеров, норма прибыли увеличилась с 50% до 80%, на 30 пунктов, т. е. на $^3/_5$ (ибо $^1/_5$ от 50 составляет 10, а $^3/_5$ от 50 составляют 30), или на 60%. Дело в том, что стоимость затраченного капитала уменьшилась со 120 квартеров до 100, хотя стоимость той составной части капитала, которая затрачена на заработную плату, возросла с 60 до 80 квартеров (с 30 до 40 рабочих дней). Эта часть капитала увеличилась на 10 рабочих дней (= 20 квартерам). Наоборот, постоянная часть капитала уменьшилась с 60 до 20 квартеров, или с 30 рабочих дней до 10, т. е. на 20 рабочих дней. Таким образом, если мы из этих 20 рабочих дней вычтем те 10 рабочих дней, на которые возросла затраченная на заработную плату часть капитала, то получится, что весь затраченный капитал уменьшился на 10 рабочих дней (= 20 квартерам). Раньше он составлял 120 квартеров (= 60 рабочим дням), теперь он составляет всего лишь 100 квартеров (=50 рабочим дням). Следовательно, он уменьшился на $^1/_6$, т. е. на $16^2/_3$%.

Впрочем, все это изменение нормы прибыли — только кажущееся; оно представляет собой лишь перенос записей из одной бухгалтерской книги в другую. Капиталист № 1 имеет теперь вместо 60 квартеров прибыли 80, т. е. на 20 квартеров прибыли больше; но это как раз та прибыль, которую раньше получал производитель постоянного капитала и которую он теперь потерял, так как капиталист № 1, вместо того чтобы покупать свой постоянный капитал, сам его производит и потому, — вместо того чтобы [334] уплачивать производителю достоянного капитала ту прибавочную стоимость в размере 20 квартеров (10 рабочих дней), которую производитель постоянного капитала извлекал из занятых у него 20 рабочих, — кладет эту прибавочную стоимость в свой собственный карман.

По-прежнему на 180 квартеров продукта приходятся 80 квартеров прибыли с той только разницей, что раньше она распределялась между двумя лицами. Норма прибыли кажется большей оттого, что капиталист № 1 раньше рассматривал указанные 60 квартеров только как постоянный капитал, чем они для него и были, и поэтому не фиксировал своего внимания на той прибыли, которую получал производитель постоянного капитала. Норма прибыли так же не изменилась, как и прибавочная стоимость или какое-либо условие производства, включая производительность труда. [Также и] раньше капитал, затраченный производителем [постоянного капитала], был равен 40 квартерам (20 рабочим дням), а затраченный *капиталистом* № 1 [переменный капитал] был равен 60 квартерам (30 рабочим дням); вместе они составляли 100 квартеров (50 рабочих дней).

Прибыль у первого составляла 20 квартеров, у второго — 60 квартеров; итого 80 квартеров (40 рабочих дней). Весь продукт, равный 90 рабочим дням (180 квартерам), доставлял 80 квартеров прибыли на 100 квартеров, затраченных на заработную плату и постоянный капитал. Для общества в целом здесь по-прежнему доход, происходящий из прибыли, остался без изменений; без изменений осталось и отношение между прибавочной стоимостью и заработной платой.

Разница получается оттого, что, когда капиталист в качестве покупателя выступает на рынке товаров, он является простым товаровладельцем; он должен оплатить полную стоимость товара, все содержащееся в нем рабочее время, независимо от того, в какой пропорции капиталист и рабочие участвовали или участвуют в плодах этого рабочего времени. А когда он в качестве покупателя выступает на рынке труда, то он фактически покупает больше труда, чем оплачивает. Таким образом, когда он, вместо того чтобы покупать требующиеся ему сырье и машины, производит их тоже сам, то он сам присваивает себе тот прибавочный труд, который он иначе должен был бы оплатить продавцу сырья и машин.

Для отдельного капиталиста — не для нормы прибыли — разумеется, не безразлично, получает ли он сам ту или иную прибыль или уплачивает ее другому. (Поэтому при вычислении уменьшения нормы прибыли в результате роста постоянного капитала всегда берется среднее для всего общества, т. е. та совокупная масса стоимостей, которую общество в данный момент применяет как постоянный капитал, и отношение этой совокупной стоимости к массе капитала, затрачиваемого непосредственно на заработную плату.) Однако даже для отдельного капиталиста эта точка зрения редко имеет (и может иметь) определяющее значение при выборе им таких комбинаций, какие, например, бывают, когда один и тот же капиталист одновременно прядет и ткет, сам обжигает требующиеся ему кирпичи и т. д. Что здесь имеет определяющее значение — это фактическая экономия в издержках производства благодаря выигрышу времени на транспорте, экономия на помещении, топливе, двигательной силе и т. д., больший контроль над качеством сырья и т. д. Если бы капиталист захотел сам строить требующиеся ему машины, то он их производил бы в карликовом масштабе, как мелкий производитель, работающий на свои собственные потребности или на личные потребности нескольких постоянных клиентов, и машина стоила бы ему больше, чем тогда, когда он покупает ее у машиностроителя, работающего на рынок. А если бы он захотел одновременно прясть, ткать и строить

машины не только для себя, но и для рынка, то ему понадобился бы более крупный капитал, который он, вероятно, использовал бы более выгодно (разделение труда) в своем собственном деле. Указанная точка зрения может иметь определяющее значение лишь там, где капиталист образует для самого себя достаточный рынок, так что он может сам производить свой постоянный капитал в таких масштабах, которые делают это выгодным. Для этого его собственный спрос на постоянный капитал должен быть достаточно велик. В этом случае, даже если его труд менее производителен, чем труд тех, кто специально занимается производством этого постоянного капитала, он присваивает себе часть того прибавочного труда, который он иначе должен был бы оплатить другому капиталисту.

Мы видим, что это не имеет никакого отношения к норме прибыли. Следовательно, если, как в примере Милля, раньше было 90 рабочих дней и 80 рабочих, то в издержках производства не получится никакой экономии от того, что содержащийся в продукте прибавочный труд в количестве 40 рабочих дней (= 80 квартерам) раньше присваивался двумя капиталистами, а теперь попадает в карман одного капиталиста. 20 квартеров прибыли (10 рабочих дней) исчезают из одной бухгалтерской книги только для того, чтобы снова появиться в другой.

Эта экономия на предыдущих прибылях, если она не совпадает с экономией рабочего времени, а значит и с экономией в заработной плате, является, стало быть, всего лишь иллюзией[82].

[в) К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ НА ПРИБАВОЧНУЮ СТОИМОСТЬ, НА ПРИБЫЛЬ И НА ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ ИЗМЕНЕНИЙ СТОИМОСТИ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА]

[335] Но, *в-четвертых,* теперь остается еще тот случай, когда стоимость постоянного капитала, вследствие повышения производительности труда, падает; и здесь надо исследовать, касается ли этот случай действительных издержек производства заработной платы, или стоимости труда, и в какой мере он их касается. Таким образом, вопрос состоит в следующем: в какой мере изменение действительной стоимости постоянного капитала вызывает вместе с тем изменение в соотношении между прибылью и заработной платой? Стоимость постоянного капитала — его издержки производства — может оставаться постоянной, и тем не менее в продукт может входить то большее, то меньшее количество этого постоянного капитала. Даже если предположить, что стоимость постоянного капитала остается

постоянной, совокупная масса постоянного капитала будет расти по мере того, как развивается производительность труда и производство в крупном масштабе. Поэтому изменения в *относительной массе применяемого постоянного капитала при неизменных или даже возрастающих издержках его производства,* — изменения, которые всегда влияют на норму прибыли, — с самого начала исключаются из этого исследования.

Далее, из рассмотрения этого вопроса исключаются все те отрасли производства, продукты которых ни прямо, ни косвенным образом не входят в потребление рабочего. Но происходящие в этих отраслях производства изменения действительной нормы прибыли (т. е. изменения отношения прибавочной стоимости, действительно произведенной в этих отраслях производства, к затраченному капиталу) влияют на общую норму прибыли, получающуюся в результате нивелирования прибылей, совершенно так же, как изменения нормы прибыли в тех отраслях производства, продукты которых прямо или косвенно входят в потребление рабочих.

Вопрос должен быть, далее, сведен к следующему: каким образом изменение стоимости постоянного капитала может оказывать обратное действие на самоё прибавочную стоимость? Ибо раз дана прибавочная стоимость, то дано отношение прибавочного труда к необходимому труду, а значит и стоимость заработной платы, т. е. издержки ее производства. При этих обстоятельствах какое-либо изменение стоимости постоянного капитала может совсем не затронуть стоимость заработной платы и отношение прибавочного труда к необходимому, хотя оно при всех обстоятельствах должно оказать влияние на норму прибыли, на издержки производства прибавочной стоимости для капиталиста, а при известных обстоятельствах (а именно, когда продукт входит в потребление рабочих) и на количество тех потребительных стоимостей, в которых выражается заработная плата, хотя и не на ее меновую стоимость.

Предположим, что заработная плата дана. Пусть, например, на хлопкопрядильной фабрике заработная плата равна 10 рабочим часам, а прибавочная стоимость — 2 рабочим часам. Предположим, что благодаря хорошему урожаю хлопок-сырец стал вдвое дешевле. То же количество хлопка, которое прежде стоило фабриканту 100 ф. ст., стоит теперь лишь 50 ф. ст. То же количество хлопка поглощает прежнее количество прядильного и ткацкого труда. Таким образом, затратив 50 ф. ст. на хлопок, капиталист может теперь поглотить столько же прибавочного труда, сколько прежде при затрате 100 ф. ст.; или, если он продолжает тратить 100 ф. ст. на хлопок, то он получает теперь за

ту же цену такое количество хлопка, при помощи которого он может поглотить вдвое больше прибавочного труда. В обоих случаях норма прибавочной стоимости, т. е. ее отношение к заработной плате, оставалась бы одинаковой; но во втором случае масса прибавочной стоимости возросла бы, так как применяется вдвое больше труда при той же норме прибавочного труда. В обоих случаях норма прибыли повысилась бы, хотя здесь не произошло никакого изменения в издержках производства заработной платы. Она повысилась бы потому, что в норме прибыли прибавочная стоимость исчисляется на *издержки производства,* оплачиваемые капиталистом, на *совокупную стоимость* затраченного им капитала, и потому, что эти издержки производства уменьшились. Для того чтобы произвести ту же прибавочную стоимость, капиталисту приходится теперь затрачивать меньше капитала, чем прежде. Во втором случае возросла бы не только норма прибыли, но и масса прибыли, ибо возросла, вследствие применения большего количества труда, сама прибавочная стоимость, между тем как затраты на сырье при этом не увеличились. Также и в этом случае возрастание нормы и массы прибыли имело бы место без какого бы то ни было изменения стоимости труда.

С другой стороны, предположим, что вследствие неурожая стоимость хлопка повысилась вдвое, так что то же количество [336] хлопка, которое раньше стоило 100 ф. ст., теперь стоит 200 ф. ст. В этом случае норма прибыли уменьшается при всех обстоятельствах, а при известных обстоятельствах может уменьшиться также и масса, или абсолютная величина, прибыли. Если капиталист применяет то же количество рабочих, которые работают столько же, сколько и раньше, и при совершенно таких же условиях, как и раньше, то его норма прибыли падает, хотя отношение прибавочного труда к необходимому труду и потому норма и масса прибавочной стоимости остались *те же.* Норма прибыли падает оттого, что для капиталиста издержки производства прибавочной стоимости возросли, т. е. пришлось затратить на сырье на 100 ф. ст. больше, чтобы присвоить столько же чужого рабочего времени, как и прежде. Но если капиталист вынужден часть тех денег, которые он раньше тратил на заработную плату, затратить теперь на хлопок, чтобы купить хлопка, например, на 150 ф. ст., из которых раньше 50 ф. ст. входили в заработную плату, то уменьшаются и норма и сумма прибыли, причем последняя уменьшается оттого, что применяется меньше труда, хотя и при той же норме прибавочной стоимости. То же самое было бы и в том случае, если бы вследствие неурожая имелось недостаточно хлопка, чтобы поглотить

то же количество живого труда, как и прежде. В обоих случаях масса и норма прибыли уменьшаются, хотя не произошло никакого изменения в стоимости труда, а значит и в норме прибавочной стоимости, или в том количестве неоплаченного труда, которое получает капиталист, по сравнению с трудом, оплаченным им в заработной плате.

Итак, при неизменной *норме прибавочной стоимости,* а значит и при неизменной *стоимости труда,* изменение стоимости постоянного капитала должно вызывать изменение нормы прибыли и может сопровождаться изменением массы прибыли.

Теперь, что касается рабочего, то имеет место следующее:

Если падает стоимость хлопка, а потому и стоимость того продукта, в который входит хлопок, то рабочий по-прежнему получает заработную плату, равную 10 рабочим часам. Но ту часть хлопчатобумажных товаров, которую он потребляет сам, он теперь получает по более дешевой цене, и потому некоторая часть того, что он раньше тратил на хлопчатобумажные товары, может быть им затрачена на другие вещи. Лишь соответственно этому, т. е. соответственно его экономии на цене хлопчатобумажных товаров, растет количество доступных для него жизненных средств. Ибо во всем остальном он теперь за большее количество хлопчатобумажных товаров получает не больше того, что он раньше получал за меньшее количество этих товаров. Соответственно понижению стоимости хлопчатобумажных товаров повысилась относительная стоимость других товаров. Короче говоря, большее количество хлопчатобумажных товаров теперь не имеет большей стоимости, чем та, которую раньше имело меньшее количество этих товаров. *В этом случае, следовательно, стоимость заработной платы оставалась бы той же, но она представляла бы большее количество других товаров* (потребительных стоимостей). *Тем не менее норма прибыли повысилась бы, хотя норма прибавочной стоимости при том же предположении повыситься не могла бы.*

Обратное происходит при вздорожании хлопка. Если бы рабочий работал столько же часов в день и по-прежнему получал заработную плату, равную 10 рабочим часам, то стоимость его труда была бы той же, но потребительная стоимость [его заработной платы] — в той мере, в какой он сам потребляет хлопчатобумажные товары, — уменьшилась бы. В этом случае *потребительная стоимость заработной платы уменьшилась бы, стоимость ее осталась бы та же,* хотя норма прибыли уменьшилась бы. Таким образом, в то время как прибавочная стоимость и (действительная) заработная плата[83] падают и повышаются всегда в обратном отношении друг к другу (за исключе-

нием того случая, когда рабочий участвует в плодах абсолютного удлинения своего рабочего времени; однако в этом случае тем быстрее изнашивается его рабочая сила), норма прибыли может изменяться в сторону повышения или понижения — в первом случае несмотря на то, что стоимость заработной платы остается та же, а ее потребительная стоимость растет, во втором случае несмотря на то, что *стоимость заработной платы* остается та же, а ее потребительная стоимость уменьшается.

Поэтому повышение нормы прибыли как следствие падения *стоимости* постоянного капитала не имеет никакого непосредственного отношения к какому бы то ни было изменению действительной стоимости заработной платы (содержащегося в ней рабочего времени).

Таким образом, когда, как предположено выше, стоимость хлопка падает на 50%, то нот ничего более ошибочного, чем утверждать [как это получается у Милля], что в этом случае издержки производства заработной платы уменьшились, или что если бы рабочий, получающий заработную плату в хлопчатобумажных товарах, по-прежнему получал ту же стоимость, т. е., стало быть, большее *количество* хлопчатобумажных товаров, чем прежде (ибо 10 рабочих часов по-прежнему равны, скажем, 10 шиллингам, но на эти 10 шиллингов я могу купить больше хлопчатобумажных товаров, чем прежде, так как стоимость хлопка-сырца упала), то норма прибыли осталась бы прежней. Норма прибавочной стоимости остается прежней, но [337] норма прибыли повышается. *Издержки производства продукта* уменьшились бы, так как одна составная часть продукта — содержащееся в нем сырье — стоила бы меньшего количества рабочего времени, чем прежде. Издержки производства заработной платы остались бы те же, что и раньше, так как рабочий по-прежнему работает то же количество времени *на себя* и то же количество времени *на капиталиста.* (Ведь издержки производства заработной платы зависят не от того рабочего времени, какого стоят средства производства, с которыми работает рабочий, а от того рабочего времени, какое он затрачивает, чтобы возместить свою заработную плату. С точки зрения г-на Милля, издержки производства заработной платы рабочего были бы дороже оттого, что он, например, обрабатывает медь вместо железа или лен вместо хлопка; или они были бы дороже в том случае, когда он сажает льняное семя вместо семени хлопчатника или когда он работает с дорогой машиной. вместо того чтобы работать совсем без машины, лишь с простым ремесленным инструментом.) *Издержки производства прибыли* уменьшились бы, так как совокупная масса, совокупная сумма,

того капитала, который был авансирован, чтобы произвести прибавочную стоимость, уменьшилась бы. Издержки прибавочной стоимости никогда не бывают больше издержек той части капитала, которая затрачивается на заработную плату. Издержки прибыли, напротив, равны всей сумме издержек того капитала, который был авансирован, чтобы создать эту прибавочную стоимость. Они, следовательно, определяются не только стоимостью той составной части капитала, которая затрачивается на заработную плату и создает прибавочную стоимость, но также и стоимостью тех составных частей капитала, которые необходимы для того, чтобы можно было привести в действие обмениваемую на живой труд составную часть капитала. Г-н Милль смешивает издержки производства прибыли с издержками производства прибавочной стоимости, т. е. он смешивает прибыль и прибавочную стоимость.

Из всего вышесказанного вытекает важность дешевизны или дороговизны сырья для промышленности, обрабатывающей это сырье (не говоря уже об относительном удешевлении машин*), — даже при предположении, что рыночная цена равна стоимости товара, т. е. что рыночная цена товара падает в точном соответствии с падением стоимости содержащегося в нем сырья.

Полковник Торренс справедливо замечает поэтому относительно Англии:

«Для такой страны, как Англия, значение того или другого внешнего рынка должно измеряться не тем количеством готовых товаров, которое он от нее получает, а тем количеством элементов воспроизводства, которое он возвращает этой стране» (*R. Torrens.* A Letter to Sir R. Peel etc. On the Condition of England, etc. 2nd edition. London, 1849, стр. 275).

{Однако тот способ доказательства, при помощи которого Торренс обосновывает это положение, плох. Это обычный разговор о предложении и спросе. Дело у Торренса сводится к тому, что цена хлопка повышается, если английский капитал, обрабатывающий, например, хлопок, растет быстрее того капитала, который возделывает хлопок, например, в Соединенных Штатах. И тогда, говорит Торренс,

«стоимость хлопчатобумажных изделий будет падать в сравнении с приходящимися на их элементы издержками производства этих изделий» [там же, стр. 240].

А именно, в то время как цена сырья, в результате растущего спроса со стороны Англии, повышается, цена хлопчатобумажных изделий, вздорожавших вследствие повышения цен на сырье, будет падать, как это мы, действительно, видим, напри-

* Под *относительным* удешевлением машин я понимаю такое положение вещей, когда абсолютная стоимость применяемой массы машин увеличивается, но не в такой степени, в какой увеличивается масса этих машин и их эффективность.

мер, теперь (весной 1862 г.), когда пряжа не намного дороже хлопка-сырца, а ткань не намного дороже пряжи. Однако Торренс предполагает такой случай, когда для английского производственного потребления имеется достаточно хлопка, хотя и дорогого. Цена хлопка поднимается выше его стоимости. Поэтому, если хлопчатобумажные изделия продаются по своей стоимости, то это возможно лишь тем путем, что, поскольку возделыватель хлопка получает большее количество прибавочной стоимости от всего продукта, чем ему полагается, он фактически забирает себе часть прибавочной стоимости, полагающейся хлопчатобумажному фабриканту. Последний не может возместить себе эту часть прибавочной стоимости посредством повышения цены, так как вследствие повышения цены спрос уменьшился бы. Наоборот, в результате уменьшения спроса прибыль хлопчатобумажного фабриканта может упасть даже еще ниже, чем она должна была упасть в результате накидки на стоимость хлопка, сделанной возделывателем хлопка.

Спрос на сырье, например хлопок, ежегодно определяется не только фактическим, в данный момент существующим спросом, но и средним для данного года спросом, — стало быть, не только спросом находящихся в действии фабрик, но и спросом, увеличенным теми фабриками, которые, судя по имеющемуся опыту, откроются в течение наступающего года, т. е. *относительным приростом фабрик в течение года,* или тем добавочным спросом, [338] который будет соответствовать этому относительному приросту.

Наоборот, если цена хлопка и т. д. падает (например, в результате особенно хорошего урожая), то она большей частью опускается ниже его стоимости — опять-таки в силу закона спроса и предложения. Норма прибыли, а иногда, как показано выше, и масса прибыли, растет поэтому не только в такой степени, в какой она возросла бы, если бы цена подешевевшего хлопка равнялась его стоимости, но она растет и потому еще, что готовый продукт подешевел не на *всю* ту сумму, которая соответствовала бы разнице между стоимостью хлопка и ценой его, уплаченной хлопководу, т. е. и потому еще, что хлопчатобумажный фабрикант кладет в свой карман часть прибавочной стоимости, полагающейся хлопководу. Это не уменьшает спроса на его продукт, так как последний все равно падает в цене благодаря падению стоимости хлопка. Но он не падает в цене настолько, насколько цена хлопка-сырца упала ниже его собственной стоимости.

Кроме того, в такие времена спрос растет и по той причине, что занятость рабочих и их оплата находятся на высоком уровне,

так что они и сами в значительной степени выступают как потребители, как потребители своего собственного продукта. В тех случаях, когда сырье падает в цене не вследствие перманентного и продолжающего свое действие падения его средних издержек производства, а благодаря особенно хорошему урожаю (условия погоды), заработная плата рабочих не падает; наоборот, спрос на рабочих увеличивается. Результат *этого* спроса действует не только пропорционально его росту. Напротив, при внезапном вздорожании продукта, с одной стороны, многие рабочие увольняются, а, с другой стороны, фабрикант старается уберечь себя от потерь при помощи понижения заработной платы ниже ее нормального уровня. Таким образом, нормальный спрос рабочих падает, и это еще более усиливает уже имеющееся общее падение спроса и то действие, которое оно оказывает на рыночную цену.}

Что главным образом привело Милля к фантазии о том, что изменение стоимости постоянного капитала вызывает изменение стоимости труда, или издержек производства труда, так что, например, падение стоимости авансированного постоянного капитала вызывает падение стоимости труда, его издержек производства, а значит и заработной платы, — это его (рикардианское) представление о разделении продукта между рабочим и капиталистом. В результате падения стоимости сырья, например хлопка, падает стоимость пряжи. *Ее* издержки производства уменьшаются. Количество содержащегося в ней рабочего времени уменьшилось. Если бы, например, фунт пряжи был продуктом (двенадцатичасового) рабочего дня одного рабочего и стоимость хлопка, содержащегося в этом фунте пряжи. упала, то стоимость фунта пряжи уменьшилась бы в точности настолько, насколько уменьшилась стоимость хлопка, затраченного на пряжу. Например, 22 мая 1861 г. цена фунта тонкой пряжи № 40 второго сорта составляла 12 пенсов (1 шиллинг). 22 мая 1858 г. она составляла 11 пенсов (фактически $11^{6}/_{8}$, так как цена пряжи не понизилась на всю ту величину, на которую понизилась цена хлопка-сырца). Но в первом случае цена фунта хлопка-сырца нормального качества составляла 8 пенсов (фактически $8^{1}/_{8}$), во втором 7 пенсов (фактически $7^{3}/_{8}$). Таким образом, здесь стоимость пряжи понизилась в точности настолько, насколько понизилась стоимость хлопка-сырца, т. е. стоимость ее сырья. Следовательно, говорит Милль. труд остается таким же, как и раньше; если он раньше составлял 12 часов, то продукт по-прежнему представляет собой результат тех же 12 часов; но во втором случае к этому добавлялось еще на 1 пенс меньше прошлого труда, чем в первом; труд тот

же, но издержки производства труда уменьшились (а именно, на 1 пенс).

Хотя фунт пряжи как пряжи, как потребительной стоимости, по-прежнему представляет собой продукт двенадцатичасового труда, но *стоимость* фунта пряжи ни теперь, ни раньше не была [только] продуктом двенадцатичасового труда прядильщика. В первом случае $^2/_3$ от 12 пенсов, т. е. 8 пенсов, равнялись стоимости хлопка-сырца и не были продуктом прядильщика; во втором случае не были его продуктом $^2/_3$ от 11 пенсов, т. е. 7 пенсов. В первом случае в качестве продукта двенадцатичасового труда остаются 4 пенса, и во втором точно так же 4 пенса. В обоих случаях труд [прядильщика] присоединил лишь $^1/_3$ стоимости пряжи. Следовательно, в первом случае из одного фунта пряжи только $^1/_3$ фунта составляла продукт прядильщика (при абстрагировании от машины), и точно так же обстоит дело и во втором случае. Рабочий и капиталист должны по-прежнему разделить между собой лишь 4 пенса, равные $^1/_3$ фунта пряжи. Если рабочий покупает пряжу на 4 пенса, то он получает во втором случае больше пряжи, чем в первом случае, но большее количество пряжи стоит теперь как раз столько, сколько раньше стоило меньшее ее количество. Однако распределение 4 пенсов между капиталистом и рабочим остается прежним. Если время, затрачиваемое рабочим на воспроизводство или производство своей заработной платы, равно 10 часам, то его прибавочный труд равен 2 часам, как это было и раньше. Так же как и раньше, рабочий получает $^5/_6$ от 4 пенсов, или от $^1/_3$ фунта пряжи, а капиталист получает $^1/_6$ от этого количества. Таким образом, не произошло никакого [339] изменения в распределении продукта, пряжи. Тем не менее норма прибыли повысилась, так как стоимость сырья понизилась, а потому увеличилось отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, или к издержкам производства капиталиста.

Если мы для упрощения примера отвлечемся от машин и т. д., то оба случая могут быть представлены следующим образом:

	Цена фунта пряжи	Постоянный капитал	Присоединенный труд	Заработная плата	Совокупная затрата капиталиста	Прибавочная стоимость	Норма прибыли
Случай I	12 п.	8 п.	4 п.	$3^1/_3$ п.	$11^1/_3$ п.	$^2/_3$ п.	$5^{15}/_{17}$%
Случай II	11 п.	7 п.	4 п.	$3^1/_3$ п.	$10^1/_3$ п.	$^2/_3$ п.	$6^{14}/_{31}$%

Норма прибыли здесь, следовательно, повысилась, хотя *стоимость* труда осталась та же, а потребительная стоимость заработной платы, выраженной в пряже, повысилась. Норма прибыли повысилась (без какого-либо изменения того рабочего времени, которое рабочий присваивает себе) *только* потому, что стоимость хлопка, а тем самым и совокупная стоимость издержек производства капиталиста, понизилась. $^{2}/_{3}$ пенса на затрату в $11^{1}/_{3}$ пенса составляет, конечно, меньше, чем $^{2}/_{3}$ пенса на затрату в $10^{1}/_{3}$ пенса.

* * *

Из всего сказанного вытекает ошибочность следующих положений, которыми Милль заканчивает свою иллюстрацию[*]:

«Если бы издержки производства заработной платы остались прежними, то прибыль не могла бы повыситься. Каждый рабочий получал раньше 1 квартер хлеба; но 1 квартер хлеба раньше был результатом тех же издержек производства, что $1^{1}/_{5}$ квартера теперь. Поэтому, для того чтобы каждый рабочий получал прежние издержки производства, каждый должен был бы иметь 1 квартер хлеба плюс $^{1}/_{5}$ квартера» (цит. соч., стр. 103).

«Итак, если предположить, что рабочему платят тем же продуктом, который он производит, то ясно, что когда имеет место какая-нибудь экономия в затратах на производство этого продукта, а рабочий по-прежнему получает те же издержки производства, что и раньше, то ему необходимым образом достается большее количество продукта, увеличившееся соответственно росту производительной силы капитала. Но если это так, то затрата капиталиста будет находиться в таком же точно отношении к получаемому им продукту, как и прежде, и прибыль не повысится». (Это как раз и неверно.) «Поэтому изменения нормы прибыли и изменения издержек производства заработной платы идут рука об руку и являются неотделимыми друг от друга. Следовательно, положение Рикардо, что прибыль может повышаться только при одновременном падении заработной платы, совершенно правильно, если под низкой заработной платой подразумевать не одну только такую заработную плату, которая является продуктом меньшего количества труда, но и такую заработную плату, которая произведена с меньшими издержками, включая в эти издержки также и прибыли предшествующих капиталистов» (цит. соч., стр. 104).

Таким образом, согласно иллюстрации Милля, воззрение Рикардо совершенно правильно в том случае, если под низкой заработной платой (или вообще под издержками производства заработной платы) подразумевать не только противоположное тому, что говорит Рикардо, но и прямо-таки абсолютную бессмыслицу, а именно: под издержками производства заработной платы нам предлагается подразумевать не ту часть рабочего дня, которую рабочий затрачивает для возмещения своей

[*] См. настоящий том, часть III, стр. 200. *Ред.*

заработной платы, а еще и издержки производства обрабатываемого им сырья и используемых им машин, т. е. еще и то рабочее время, в течение которого он *не* работал ни на себя, ни на капиталиста.

* * *

В-пятых. Теперь — тот вопрос, который, собственно говоря, и подлежит здесь исследованию: какое влияние может оказать на прибавочную стоимость изменение стоимости постоянного капитала?

Когда мы говорим, что стоимость средней дневной заработной платы равна 10 часам, или, что одно и то же, что из всего рабочего дня, например в 12 часов, в течение которых работает рабочий, требуется 10 часов для производства и возмещения его заработной платы, и что только то время, в течение которого он работает сверх этих 10 часов, представляет собой неоплаченное рабочее время и образует такую стоимость, которую капиталист [340] получает, не заплатив за нее, то это означает только то, что в общей сумме жизненных средств, потребляемых рабочим, содержится 10 часов рабочего времени. Эти 10 рабочих часов выражаются в известной сумме денег, на которую рабочий покупает необходимые ему жизненные средства.

Но стоимость товаров определяется содержащимся в них рабочим временем, безразлично, содержится ли это рабочее время в сырье, в изношенных машинах или в том труде, который рабочий с помощью машин вновь присоединил к сырью. Поэтому, если бы произошло постоянное (а не только преходящее) изменение стоимости сырья или машин, входящих в данный товар, — изменение, вызванное изменением производительности труда, производящего это сырье и эти машины, короче, содержащийся в товаре постоянный капитал, — и если бы в результате этого изменения для производства соответствующей составной части товара теперь требовалось большее количество рабочего времени, чем раньше, или же меньшее количество его, то товар в силу этого сам стал бы дороже или дешевле (при неизменной производительности того труда, который превращает сырье в продукт, и при неизменной величине рабочего дня). В результате этого издержки производства рабочей силы, т. е. ее стоимость, повысились бы или понизились бы; так что если раньше рабочий из 12 часов работал на себя самого 10 часов, то он должен был бы теперь работать на самого себя 11 часов — или, в противоположном случае, только лишь 9 часов. В первом случае его работа на капиталиста, т. е. прибавочная

стоимость, уменьшилась бы наполовину, с 2 часов до 1. Во втором случае она увеличилась бы наполовину, с 2 часов до 3. В последнем случае норма прибыли и масса прибыли капиталиста увеличились бы: первая уже оттого, что стоимость постоянного капитала уменьшилась, обе они — оттого, что норма прибавочной стоимости (и ее абсолютная величина) увеличилась бы.

Только таким способом изменение стоимости постоянного капитала может влиять на стоимость труда, на издержки производства заработной платы, или на разделение рабочего дня между капиталистом и рабочим, а значит также и на прибавочную стоимость.

Однако это означает только то, что для капиталиста, который, например, прядет хлопок, необходимое рабочее время его собственных рабочих определяется производительностью труда не только в прядильной промышленности, но также в производстве хлопка, машин и т. д., а равным образом и производительностью во всех тех отраслях производства, продукты которых хотя и не входят как постоянный капитал — ни как сырье, ни как машины и т. д. — в его продукт (который, согласно предположению, входит в потребление рабочего), в пряжу, по образуют часть оборотного капитала, затрачиваемого на заработную плату, т. е. равным образом и производительностью труда, производящего предметы питания и т. д. То, что в одной отрасли производства выступает как продукт, в другой отрасли фигурирует как материал труда или как средство труда; поэтому постоянный капитал одной отрасли производства состоит из продукта другой отрасли производства и выступает в другой отрасли производства не как постоянный капитал, а как результат производства внутри этой отрасли. Для отдельного капиталиста не безразлично, происходит ли повышение производительности труда (а значит, и падение стоимости рабочей силы) в его собственной отрасли производства или в тех отраслях, которые доставляют его предприятию постоянный капитал. Для класса капиталистов — для капитала в целом — это одно и то же.

Таким образом, тот случай, с которым мы здесь имеем дело {когда падение (или противоположное изменение) стоимости постоянного капитала происходит не оттого, что в отрасли производства, применяющей этот постоянный капитал, производство ведется в расширенном масштабе, а оттого, что издержки производства самого постоянного капитала изменились}, целиком укладывается в те законы, которые были выведены относительно прибавочной стоимости[84].

Вообще, когда мы говорим о прибыли и о норме прибыли, то предполагается, что *прибавочная стоимость дана* и, следовательно, что все те факторы, которые влияют на прибавочную стоимость, уже *оказали* свое действие. Все это предполагается в качестве предпосылки.

* * *

В-шестых. Здесь еще можно было бы разобрать, как отношение постоянного капитала к переменному, а *потому* и норма прибыли, изменяется благодаря особой форме прибавочной стоимости, а именно удлинению рабочего времени за пределы нормального рабочего дня. [341] В результате этого уменьшается относительная стоимость постоянного капитала, а также та пропорциональная часть стоимости, которую постоянный капитал образует в совокупной стоимости продукта. Но оставим это для третьей главы[85], куда вообще относится большая часть того, что было разобрано здесь.

* * *

Г-н Милль, опираясь на данную им блестящую иллюстрацию, выставляет следующее общее (рикардианское) положение:

«*Единственное* выражение закона прибыли... это то, что прибыль зависит от издержек производства заработной платы» (пит. соч., стр. 104—105).

Необходимо сказать как раз обратное: норма прибыли {а о ней-то и говорит Милль} только в одном-*единственном* случае зависит *исключительно* от издержек производства заработной платы, и это есть тот случай, когда норма прибавочной стоимости и норма прибыли *тождественны.* Но это возможно только в том почти невозможном в капиталистическом производстве случае, когда весь авансируемый капитал авансируется непосредственно на заработную плату, когда никакой постоянный капитал, ни в качестве сырья, ни в качестве машин, зданий и т. д., не входит в продукт, или когда сырье и т. д., поскольку оно входит в продукт, само не является продуктом труда, т. е. ничего не стоит. *Только* в этом случае изменения нормы прибыли тождественны с изменениями нормы прибавочной стоимости, или — что одно и то же — с изменениями издержек производства заработной платы.

А в общем (и это включает также и только что указанный исключительный случай) норма прибыли равняется отношению

прибавочной стоимости к совокупной стоимости всего авансированного капитала.

Если мы обозначим прибавочную стоимость через *М,* а стоимость авансированного капитала через *К,* то норма прибыли будет *М:К,* или $^{M}/_{K}$. Это отношение определяется как величиной *М* {причем в определение величины *М* входят все обстоятельства, определяющие издержки производства заработной платы}, так и величиной *К.* Но *К,* совокупная стоимость авансированного капитала, состоит из постоянного капитала *с* и переменного (затрачиваемого на заработную плату) капитала *v.* Следовательно, норма прибыли равна $\frac{M}{v+c}$, или $^{M}/_{K}$. Но само *М*, прибавочная стоимость, определяется не только своей собственной нормой, т. е. отношением прибавочного труда к необходимому, или делением рабочего дня между капиталом и трудом, его делением на оплаченное и неоплаченное рабочее время. Масса прибавочной стоимости, т. е. абсолютная величина прибавочной стоимости, определяется также и числом рабочих дней, одновременно эксплуатируемых капиталом. А эта масса рабочего времени, примененного при определенной норме неоплаченного труда, зависит для определенного капитала от того времени, в течение которого продукт задерживается в собственном *процессе производства,* не требуя труда или того же количества труда, какое требовалось раньше (например, вино в период его выдерживания в погребе, зерно, однажды посеянное в землю, кожи или другие материалы, которые в продолжение известного времени подвергаются действию химических сил, и т. д.), а также от продолжительности времени обращения товара, от продолжительности метаморфоза товара, или от величины интервала между его завершением в качестве продукта и его воспроизводством в качестве товара. Сколько рабочих дней одновременно {если дана стоимость заработной платы, а значит и норма прибавочной стоимости} может быть применено, зависит в общем от *величины капитала,* затрачиваемого на заработную плату. А только что упомянутые обстоятельства изменяют вообще совокупную массу времени живого труда, которую капитал какой-нибудь определенной величины может применить на протяжении определенного *периода,* например в пределах одного года. Эти обстоятельства и определяют абсолютное количество рабочего времени, которое может быть применено данным капиталом. Но это ничего не меняет в том, что прибавочная стоимость определяется исключительно своей собственной нормой, помноженной на число одновременно

применяемых рабочих дней. Указанные обстоятельства определяют только последний из этих двух факторов — количество применяемого рабочего времени.

Норма прибавочной стоимости равна доле прибавочного труда в *одном* рабочем дне, т. е. равна прибавочной стоимости, производимой в один рабочий день. Например, если рабочий день равен 12 часам, а прибавочный труд равен 2 часам, то эти 2 часа составляют $^1/_6$ от 12 часов, или, лучше сказать, эти 2 часа мы должны исчислять на необходимый труд (или на уплаченную за него заработную плату, которая является *тем же* количеством рабочего времени в овеществленной форме), и тогда доля прибавочного труда будет равна $^1/_5$ ($^1/_5$ от 10 часов составляет 2 часа; $^1/_5$ = 20%). Здесь величина прибавочной стоимости (на один рабочий день) всецело определяется нормой прибавочной стоимости. Если теперь капиталист применяет 100 таких [342] рабочих дней, то прибавочная стоимость (ее абсолютная величина) равняется 200 рабочим часам. Норма прибавочной стоимости осталась прежней: 200 часов на 1000 часов необходимого труда, т. е. $^1/_5$ или 20%. Если норма прибавочной стоимости дана, то ее величина всецело зависит от числа применяемых рабочих, т. е. от абсолютной величины капитала, затрачиваемого на заработную плату, от переменного капитала. Если дано количество применяемых рабочих, т. е. *величина* капитала, затрачиваемого на заработную плату, переменного капитала, то величина прибавочной стоимости всецело зависит от ее нормы, т. е. от отношения прибавочного труда к необходимому, от издержек производства заработной платы, от разделения рабочего дня между капиталистом и рабочим. Если 100 рабочих (работающих 12 часов в день) отдают мне 200 рабочих часов, то абсолютная величина прибавочной стоимости равняется 200 часам, а норма прибавочной стоимости составляет $^1/_5$ одного [оплаченного] рабочего дня, или 2 рабочих часа. Прибавочная стоимость равна здесь 2 часам, помноженным на 100. Если 50 рабочих отдают мне 200 рабочих часов. то абсолютная величина прибавочной стоимости равняется 200 рабочим часам, а норма прибавочной стоимости составляет $^2/_5$ одного (оплаченного) рабочего дня, т. е. 4 рабочих часа. Прибавочная стоимость равна здесь 4 часам, помноженным на 50. Так как абсолютная величина прибавочной стоимости равна произведению ее нормы на число рабочих дней, то она может оставаться без изменений несмотря на то, что множители изменились в обратном отношении друг к другу.

Норма прибавочной стоимости всегда выражается отношением прибавочной стоимости к переменному капиталу. Ибо

переменный капитал равен абсолютной величине оплаченного рабочего времени, а прибавочная стоимость равняется абсолютной величине неоплаченного рабочего времени. Поэтому отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу всегда выражает отношение неоплаченной части рабочего дня к оплаченной. Предположим, что в предыдущем примере заработная плата за 10 часов равна, скажем, 1 талеру, где 1 талер представляет собой количество серебра, содержащее 10 рабочих часов. В таком случае 100 рабочих дней оплачиваются 100 талерами. Если теперь прибавочная стоимость равна 20 талерам, то норма прибавочной стоимости будет $^{20}/_{100}$, т. е. $^{1}/_{5}$, или 20%. Или, что одно и то же, на 10 рабочих часов (равных 1 талеру) капиталист получает 2 рабочих часа, а на 100 × 10, или 1000, рабочих часов он получает 200 рабочих часов, которые равны 20 талерам.

Итак, хотя норма прибавочной стоимости определяется исключительно отношением прибавочного рабочего времени к необходимому, иначе говоря, соответственной частью рабочего дня, требующейся рабочему для производства его заработной платы, или издержками производства заработной платы, но величина прибавочной стоимости, кроме того, определяется числом рабочих дней, абсолютным количеством рабочего времени, применяемым при данной определенной норме прибавочной стоимости, т. е. абсолютной величиной затрачиваемого на заработную плату капитала (если норма прибавочной стоимости дана). Но так как прибыль есть отношение не нормы прибавочной стоимости, а абсолютной величины прибавочной стоимости к совокупной стоимости всего авансированного капитала, то норма прибыли очевидно определяется не только нормой прибавочной стоимости, но также и абсолютной величиной прибавочной стоимости — величиной, зависящей от взаимоотношения нормы прибавочной стоимости и числа рабочих дней, от величины капитала, затрачиваемого на заработную плату, и издержек производства заработной платы.

Если норма прибавочной стоимости дана, то ее величина зависит исключительно от величины авансированного (затраченного на заработную плату) капитала. Средняя заработная плата везде одна и та же. Другими словами, предполагается, что во всех отраслях производства рабочий получает заработную плату, равную, например, 10 часам. (В тех отраслях, где заработная плата выше средней заработной платы, это для нашего исследования и для самого дела то же самое, как если бы капиталист применял *больше* простых рабочих.) Таким образом, если пред-

положить, что прибавочный труд везде одинаков, а значит одинаков и весь нормальный рабочий день (неодинаковости выравниваются отчасти тем, что один час сложного труда приравнивается, например, к двум часам простого труда), [343] то величина прибавочной стоимости зависит исключительно от величины авансированного [на заработную плату] капитала. Поэтому можно сказать, что массы прибавочной стоимости относятся друг к другу как величины авансированных (на заработную плату) капиталов. Однако это не может быть сказано о прибыли, так как прибыль представляет собой отношение прибавочной стоимости к совокупной стоимости всего авансированного капитала, а в капиталах одинаковой величины их составные части, затрачиваемые на заработную плату, или отношение переменного капитала ко всему капиталу, могут быть весьма различны и бывают весьма различны. Величины прибыли зависят здесь от отношения — в различных капиталах — переменного капитала ко всему капиталу, т. е. от $\frac{v}{c+v}$. Следовательно, если норма прибавочной стоимости дана, — а она всегда выражается дробью $^m/_v$, отношением прибавочной стоимости к переменному капиталу, — то норма прибыли определяется исключительно отношением переменного капитала ко всему капиталу.

Итак, норма прибыли *определяется, во-первых, нормой прибавочной стоимости,* или отношением неоплаченного труда к оплаченному; и она изменяется, повышается или падает (поскольку это действие не парализуется движением других определяющих моментов), с изменением нормы прибавочной стоимости. Норма же прибавочной стоимости повышается или падает в *прямой* зависимости от производительности труда и в *обратной* зависимости от издержек производства заработной платы, или от количества необходимого труда, т. е. в *обратной* зависимости от стоимости труда.

А *во-вторых,* норма прибыли определяется отношением переменного капитала ко всему капиталу: $\frac{v}{c+v}$. Дело в том, что абсолютная величина прибавочной стоимости, при данной норме прибавочной стоимости, зависит исключительно от величины переменного капитала, которая, при сделанном нами предположении, определяется количеством одновременно применяемых рабочих дней, абсолютной величиной применяемого рабочего времени, или лишь выражает это количество, эту величину. Норма же прибыли зависит от отношения этой, данной в переменном капитале, абсолютной величины прибавочной

стоимости, ко всему капиталу, т. е. от отношения переменного капитала ко всему капиталу, от $\frac{v}{c+v}$. Так как при исчислении нормы прибыли прибавочная стоимость *M* предполагается данной, а значит, предполагается данным также и *v,* то все изменения в $\frac{v}{c+v}$ могут проистекать лишь из изменении в величине *c,* т. е. постоянного капитала. Ибо если дано *v,* то сумма *c* + *v,* или *K,* может изменяться лишь тогда, когда изменяется *c,* а с изменением этой суммы изменяется и отношение $\frac{v}{c+v}$, или $^{v}/_{K}$.

Если $v = 100$ и $c = 400$, то $v + c = 500$, и $\frac{v}{v+c} = {}^{100}/_{500} = {}^{1}/_{5} = 20\%$. Таким образом, если норма прибавочной стоимости составляла $^{5}/_{10}$ или $^{1}/_{2}$ то прибавочная стоимость будет равна 50. Но так как переменный капитал составляет лишь $^{1}/_{5}$ всего капитала, то прибыль составит $^{1}/_{2}$ от $^{1}/_{5}$, т. е. $^{1}/_{10}$ всего капитала. И в самом деле, $^{1}/_{10}$ от 500 будет 50. Норма прибыли будет 10%. Отношение $\frac{v}{v+c}$ изменяется с каждым изменением величины *c,* но, конечно, не в том же числовом выражении. Если предположить, что первоначально как *v,* так и *c* были равны 10, т. е. что совокупный капитал состоял наполовину из переменного и наполовину из постоянного капитала, то $\frac{v}{v+c} = \frac{10}{10+10} = {}^{10}/_{20} = {}^{1}/_{2}$. Таким образом, если прибавочная норма [die Mehrrate] составляла $^{1}/_{2}v$, то она будет составлять $^{1}/_{4}$ от *K.* Или, если прибавочная стоимость составляет 50%, то в рассматриваемом случае, в котором переменный капитал составляет $^{K}/_{2}$, норма прибыли будет 25%. Если теперь предположить, что постоянный капитал удваивается, возрастает с 10 до 20, то $\frac{v}{c+v} = \frac{10}{20+10} = {}^{10}/_{30} = {}^{1}/_{3}$. Прибавочная норма, составлявшая $^{1}/_{2}$ от 10, была бы теперь равна $^{1}/_{2}$ от $^{1}/_{3}$ *K,* т. е. $^{1}/_{6}$ от 30, т. е. она равнялась бы 5. Половина от 10 тоже равняется 5. Исчисленные на 10, эти 5 единиц дают 50%. Исчисленные на 30, они дают $16^{2}/_{3}\%$. Между тем раньше эти 5 единиц исчислялись на 20 и давали $^{1}/_{4}$, т. е. 25%.) Постоянный капитал удвоился, т. е. увеличился с 10 до 20; но сумма *c* + *v* возросла лишь наполовину, а именно с 20 до 30. Постоянный капитал увеличился на 100%, сумма *c* + *v* лишь на 50%. Отношение

$\frac{v}{c+v}$, первоначально равнявшееся $^{10}/_{20}$, уменьшилось всего лишь до $^{10}/_{30}$, с $^{1}/_{2}$ до $^{1}/_{3}$, или с $^{3}/_{6}$ до $^{2}/_{6}$, т. е. уменьшилось лишь на $^{1}/_{6}$, в то время как постоянный капитал удвоился. Каким образом рост или уменьшение постоянного капитала затрагивает пропорцию $\frac{v}{c+v}$, очевидно зависит от той пропорции, в которой *c* и *v* первоначально составляли части всего капитала *K*, образуемого суммой *c* + *v*.

[344] *Постоянный* капитал (т. е. его стоимость) может возрастать (или падать), *во-первых,* при остающейся без изменений массе применяемого сырья, машин и т. д. Следовательно, в этом случае изменения в постоянном капитале не обусловлены производственными условиями того процесса производства, в который он входит как постоянный капитал, а происходят независимо от них. Но каковы бы ни были те *причины,* которые вызывают это изменение стоимости постоянного капитала, они всегда влияют на норму прибыли. В этом случае та же масса сырья, машин и т. д. имеет больше или же меньше стоимости, чем прежде, потому, что для их производства потребовалось больше или же меньше рабочего времени, чем прежде. Здесь изменения стоимости обусловлены производственными условиями тех процессов, из которых составные части постоянного капитала выходят в качестве продуктов. Выше* мы исследовали, как это действует на норму прибыли.

Но когда в одной и той же отрасли производства постоянный капитал (например, сырье) повышается или падает в стоимости в результате удорожания или удешевления производства самого этого постоянного капитала, то это оказывает на норму прибыли совершенно такое же влияние, какое имеет место в тех случаях, когда в одной из отраслей производства (или даже в той же самой) для одного товара применяется более дорогое сырье, чем для другого, — при одинаковых затратах на заработную плату.

Там, где при одинаковой затрате на заработную плату обрабатываемое одним капиталом сырье (например, пшеница) дороже сырья (например, овса), обрабатываемого другим капиталом (или: серебро и медь и т. д., шерсть и хлопок и т. д.), там норма прибыли на эти капиталы должна находиться в обратном отношении к дороговизне сырья. Поэтому, если в обеих отраслях производства получается в среднем одинаковая прибыль, то это возможно лишь в результате того, что внутри класса

* См. настоящий том, часть III, стр. 224—232. *Ред.*

капиталистов прибавочная стоимость распределяется между различными капиталистами не в соответствии с той прибавочной стоимостью, которую каждый капитал производит в своей особой сфере производства, а в соответствии с размерами применяемых капиталов. Это может происходить двояким образом. *А,* обрабатывающий более дешевый материал, продает свой товар по его действительной стоимости и, следовательно, получает в деньгах произведенную им самим прибавочную стоимость. Цена его товара равна его стоимости. *В,* обрабатывающий более дорогой материал, продает свой товар выше его стоимости, устанавливает цену на таком уровне, [при котором товар приносит ему такую же прибыль,] как если бы он обрабатывал более дешевый материал. Если затем *А* и *В* обменивают свои товары, то это то же самое для *А,* как если бы он скалькулировал в цене своего товара меньше прибавочной стоимости, чем на самом деле содержится в товаре. То же самое получилось бы в том случае, если бы оба, *А* и *В,* заранее установили норму прибыли в соответствии с величиной затраченного капитала, т. е. если бы они совокупную прибавочную стоимость распределили между собой в соответствии с величиной затраченных ими капиталов. А это и есть то, что понимается под общей нормой прибыли[86].

Само собой разумеется, что такого рода выравнивание не наступает в тех случаях, когда постоянная часть определенного капитала (например, сырье) повышается или падает в стоимости на короткое время — в результате влияния плохих или хороших урожаев и т. д., хотя не подлежит никакому сомнению, что чрезвычайные прибыли, получаемые владельцами хлопкопрядильных предприятий, например, в годы особенно обильного урожая хлопка, привлекают в эту отрасль промышленности массу нового капитала и стимулируют строительство массы новых фабрик и хлопкообрабатывающих машин. Поэтому, если вслед за тем наступает плохой для хлопка год, то это еще больше увеличивает потери [от внезапного повышения цен на хлопок].

Во-вторых, при неизменных издержках производства машин и сырья, короче — постоянного капитала, может потребоваться большая масса этого постоянного капитала и, стало быть, соответственно возрасти ее стоимость — по той причине, что изменились производственные условия тех процессов, в которые указанные составные части постоянного капитала входят в качестве средств производства. В этом случае, как и в предыдущем, возрастание стоимости постоянного капитала, конечно, вызывает падение нормы прибыли; но, с другой стороны, сами

эти изменения производственных условий свидетельствуют о том, что труд стал здесь производительнее и что, следовательно, норма прибавочной стоимости повысилась. Ибо прежнее количество живого труда потребляет здесь больше сырья, чем прежде, только потому, что он обрабатывает это сырье в более короткое время, и применяется здесь больше машин только потому, что стоимость этих машин меньше, чем стоимость того труда, который они заменяют. Здесь, следовательно, падение нормы прибыли более или менее компенсируется возрастанием нормы прибавочной стоимости, а потому и абсолютной величины прибавочной стоимости.

Наконец, оба обстоятельства, вызывающие изменение стоимости постоянного капитала, могут действовать совместно в весьма различных комбинациях. Например, [345] средняя стоимость хлопка-сырца понизилась, но одновременно в еще большей мере возросла стоимость всей массы хлопка, обрабатываемой за определенное время. Другой пример: возросла стоимость одного фунта шерсти и стоимость всей массы шерсти, обрабатываемой за определенное время. Третий пример: вся возросшая масса применяемых машин стала абсолютно дороже, но по отношению к их эффективности они стали дешевле, и т. д.

До сих пор предполагалось, что переменный капитал остается без изменения. Но переменный капитал может и сам уменьшаться не только относительно, по сравнению с величиной постоянного капитала, но и абсолютно — например, в земледелии. Или же переменный капитал может абсолютно возрастать. Но тогда получается то же самое, как если бы он оставался без изменения, поскольку постоянный капитал, по указанным выше причинам, возрастает либо в большей степени, либо в той же самой степени.

Если постоянный капитал остается без изменений, то каждое его увеличение или уменьшение по отношению к переменному капиталу объясняется лишь тем, что это относительное увеличение или уменьшение постоянного капитала происходит в результате абсолютного уменьшения или увеличения переменного капитала.

Если переменный капитал остается без изменений, то каждое увеличение или уменьшение постоянного капитала может объясняться лишь его собственным абсолютным увеличением или уменьшением.

Если изменения имеют место одновременно в обоих капиталах, то после вычета того изменения, которое одинаково в обоих, получается то же самое, как если бы один капитал остался без изменения, а другой увеличился или уменьшился.

Но раз уж дана *норма прибыли,* то масса прибыли зависит от величины применяемых капиталов. Крупный капитал с низкой нормой прибыли доставляет большую прибыль, чем малый капитал с высокой нормой прибыли.

* * *

Здесь можно закончить это отступление.

В сочинении Дж. Ст. Милля надо еще отметить только два следующих положения:

«*Капитал,* строго говоря, не обладает *производительной силой.* Единственная производительная сила есть сила труда, которая, конечно, пользуется помощью орудий и направляет свое действие на тот или иной материал» (цит. соч., стр. 90).

Строго говоря, Милль смешивает здесь капитал с теми вещественными составными частями, из которых он состоит. Но это положение хорошо для тех, которые совершают то же самое смешение и тем не менее говорят о производительной силе капитала. Также и здесь, конечно, утверждение Милля верно лишь постольку, поскольку имеется в виду производство стоимости. Ведь и природа производит, если говорить только о потребительной стоимости.

«*Производительная сила капитала* есть не что иное, как то количество действительной производительной силы, которым капиталист может распоряжаться благодаря своему капиталу» (пит. соч., стр. 91).

Здесь капитал правильно рассматривается как производственное отношение. [VIII—345]

* * *

[XIV—851] В одной из предыдущих тетрадей[87] я подробно разобрал те насильственные попытки, которые делает Милль (в «Some Unsettled Questions» etc. London, 1844), чтобы рикардовский закон о *норме прибыли* (о ее обратной пропорциональности по отношению к заработной плате) вывести непосредственно из теории стоимости, не делая различия между *прибавочной стоимостью* и *прибылью.*

[8) ЗАКЛЮЧЕНИЕ]

Все данное выше изображение рикардианской школы показывает, как разложение этой школы происходит по двум пунктам:

1) Обмен между капиталом и трудом соответственно закону стоимости.

2) Образование общей нормы прибыли. Отождествление прибавочной стоимости и прибыли. Непонятое отношение между стоимостями и ценами издержек.

[ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ]
ПРОЛЕТАРСКИЕ ПРОТИВНИКИ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМОВ, ИСХОДИВШИЕ ИЗ РИКАРДОВСКОЙ ТЕОРИИ

[852] В рикардовский период политической экономии перед нами выступают вместе с тем и противники [буржуазной политической экономии] — коммунизм (Оуэн) и социализм (Фурье, Сен-Симон) (социализм — только еще на самых начальных стадиях своего развития). Однако, в соответствии с нашим планом, нам надо здесь рассмотреть только тех противников, которые сами исходят из предпосылок политико-экономов.

Из цитируемых нами в дальнейшем сочинений будет видно, что все они, действительно, исходят из рикардовской формы.

1) ПАМФЛЕТ «THE SOURCE AND REMEDY OF THE NATIONAL DIFFICULTIES»

[а) ВЗГЛЯД НА ПРИБЫЛЬ, РЕНТУ И ПРОЦЕНТ КАК НА ПРИБАВОЧНЫЙ ТРУД РАБОЧИХ. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ НАКОПЛЕНИЕМ КАПИТАЛА И ТАК НАЗЫВАЕМЫМ «РАБОЧИМ ФОНДОМ»]

«The Source and Remedy of the National Difficulties, deduced from Principles of Political Economy, in a Letter to Lord John Russel». London, 1821 (без имени автора).

Этот малоизвестный памфлет (размером около 40 страниц), появившийся в то время, когда начал привлекать к себе внимание «этот невероятный кропатель»[88] Мак-Куллох, содержит существенный шаг вперед по сравнению с Рикардо. Прибавочную стоимость, или «прибыль», как ее называет Рикардо (который часто называет ее также и «прибавочным продуктом»), или *«процент»,* как ее называет автор памфлета, этот автор

прямо характеризует как *«прибавочный труд»,* труд, выполняемый рабочим бесплатно, — выполняемый сверх того количества труда, которым возмещается стоимость его рабочей силы, или производится эквивалент его заработной платы. Насколько важно было свести *стоимость к* труду, настолько же важно было *прибавочную стоимость,* которая представлена в *прибавочном продукте,* свести к *прибавочному труду.* По сути дела это было сказано уже А. Смитом[*] и составляет один из главных моментов в том, что дал Рикардо. Но у Рикардо это нигде не высказано и не зафиксировано в *абсолютной форме.*

Если у Рикардо и других политико-экономов интерес направлен только на то, чтобы понять отношения капиталистического производства и объявить их абсолютными формами производства, то рассматриваемый нами памфлет и остальные подлежащие здесь рассмотрению сочинения той же категории овладевают вскрытыми Рикардо и другими политико-экономами тайнами капиталистического производства для того, чтобы с позиций промышленного пролетариата выступить против капиталистического производства.

[Автор памфлета говорит:]

«Сколько бы ни *причиталось* на долю капиталиста» (с точки зрения капитала), «он *может получить только прибавочный труд* рабочего, так как рабочий должен *жить»* (назв. соч., стр. 23).

Эти необходимые условия жизни, этот минимум, на который может жить рабочий, а потому и количество прибавочного труда, какое может быть выжато из него, представляют собой, правда, нечто весьма относительное.

«Если по мере возрастания величины капитала его стоимость[89] не уменьшается, то капиталисты будут выжимать из рабочих продукт каждого рабочего часа сверх того минимума, на который рабочий *может* существовать. И каким бы ужасным и отвратительным это ни казалось, капиталист может в конце концов ориентироваться на такие продукты питания, производство которых требует наименьшего количества труда, и в конце концов может сказать рабочему: ты не должен есть хлеба, потому что ячменная мука дешевле; ты не должен есть мяса, потому что можно питаться свеклой и картошкой. И мы уже дошли до этого» (там же, стр.23—24).

«Если рабочего можно довести до того, что он будет питаться картошкой вместо хлеба, то неоспоримо верно, что при таком положении из его труда можно выколотить больше; т. е. если при питании хлебом он был вынужден *для содержания себя и своей семьи затрачивать труд понедельника и вторника,* то при питании картошкой ему потребуется для этого только половина понедельника, а *другая половина понедельника и весь вторник* высвободятся *в пользу государства или для капиталиста»* (там же, стр.26).

[*] См. настоящий том, часть I, стр. 53—59, и часть II, стр. 448. *Ред.*

Здесь прибыль и т. д. прямо сведена к присвоению такого рабочего времени, за которое рабочий не получает никакого эквивалента.

«Является общепризнанным, что уплачиваемый капиталистам процент, имеет ли он природу ренты, ссудного процента или предпринимательской прибыли, уплачивается из *труда других»* (там же, стр. 23).

Итак, рента, ссудный процент, предпринимательская прибыль суть лишь различные формы *«процента* на капитал», который в свою очередь сводится к *«прибавочному труду* рабочего». Этот прибавочный труд представлен в прибавочном продукте. Капиталист является владельцем прибавочного труда или прибавочного продукта. Прибавочный продукт есть капитал.

«Предположим, что... нет *никакого прибавочного труда,* нет, следовательно, ничего такого, что можно было бы накоплять как капитал...» (там же, стр. 4).

И сейчас же вслед за этим он говорит:

«Владельцы прибавочного продукта, *или* капитала...» (там же).

В совершенно другом тоне, чем ноющие рикардианцы, автор говорит:

«Естественным и необходимым следствием увеличения капитала является уменьшение его стоимости» (стр. 22).

Относительно Рикардо он заявляет:

«К чему стараться доказать нам, что никакое накопление капитала не понизит прибыль, так как, дескать, понизить прибыль может только повышение заработной платы, — раз оказывается, что если население не увеличивается с ростом капитала, заработная плата повышается вследствие несоответствия между капиталом и трудом, а если население при этом увеличивается, заработная плата повышается вследствие трудности добывать пищу?» (стр. 23).

[853] Если бы «стоимость капитала», — т. е. «процент на капитал», т. е. тот прибавочный труд, которым капитал распоряжается, который он себе присваивает, — не уменьшалась по мере возрастания величины капитала, то происходило бы нарастание процентов на проценты, имела бы место геометрическая прогрессия; и подобно тому как эта прогрессия, вычисленная в деньгах (см. *Прайса),* предполагает *невозможное* накопление (невозможную норму накопления), так и при сведении ее к ее настоящему элементу, к труду, она поглотила бы как «причитающийся на долю» капитала не только прибавочный труд, но и необходимый труд. (К фантазии Прайса вернуться в разделе о доходе и его источниках[90].)

«Если бы было возможно непрерывно увеличивать капитал и одновременно с этим поддерживать на прежнем уровне стоимость капитала, показателем него была бы неизменность ставки ссудного процента, то проценты, подлежащие уплате за пользование капиталом, вскоре превысили бы весь продукт труда... Капитал имеет тенденцию увеличивать капитал более чем в арифметической прогрессии. Является общепризнанным, что уплачиваемый капиталистам *процент,* имеет ли он природу ренты, ссудного *процента* или предпринимательской *прибыли,* уплачивается из труда других. Поэтому, если капитал продолжает накопляться, то при сохранении прежней процентной ставки тот труд, который отдается за пользование капиталом, должен все более возрастать, пока весь труд всех рабочих страны не будет поглощен капиталистом. Но это никогда не может произойти; ибо сколько бы ни *причиталось* на долю капиталиста, он может *получить только прибавочный труд* рабочего, так как рабочий должен жить» (стр. 23).

Но каким образом уменьшается «стоимость капитала», автору памфлета не ясно. Он сам говорит, что по мнению Рикардо это происходит либо оттого, что заработная плата повышается, когда капитал накопляется быстрее, чем возрастает население, либо оттого, что *стоимость* заработной платы (но не ее количество в жизненных средствах) увеличивается, когда население возрастает быстрее, чем накопляется капитал (или даже при их [одинаковом] *одновременном росте),* в результате уменьшающейся продуктивности земледелия. Но как объясняет это наш аноним? Последнего он не принимает; заработная плата по его мнению все больше понижается до возможного минимума. Он говорит, что [понижение «процента» на капитал] возможно лишь в результате того, что, хотя рабочего и эксплуатируют больше или столько же, та часть капитала, которая обменивается на живой труд, относительно уменьшается.

Во всяком случае, заслугой анонимного автора является то. что бессмыслица насчет геометрической прогрессии процентов сведена у него к ее настоящему смыслу, т. е. к бессмыслице*.

К тому же, по мнению анонимного автора, имеются два способа препятствовать тому, чтобы с возрастанием прибавочного продукта или прибавочного труда капитал вынужден был отдавать обратно рабочим все большую часть награбленного им.

* [XV — 862a] То обстоятельство, что прибавочная стоимость тождественна с прибавочным трудом, устанавливает *качественную* границу для накопления капитала, которая определяется продолжительностью *всего рабочего дня* (тем временем, в течение которого рабочая сила может действовать в пределах 24 часов), наличной в данный момент ступенью развития производительных сил и численностью *народонаселения,* лимитирующей *число* рабочих, могущих подвергаться эксплуатации одновременно. Если же, напротив, прибавочную стоимость рассматривать в лишенной понятия форме *процента,* т. е. как такое отношение, в котором капитал увеличивает себя посредством некоего мистического фокуса, то граница для накопления капитала оказывается всего лишь *количественной,* и абсолютно нельзя понять, почему капитал каждое утро все снова и снова не присоединяет к себе проценты в качестве нового капитала, создавая тем самым бесконечную прогрессию процентов на проценты. [XV — 862a]

Первый способ, это — превращение прибавочного продукта в основной капитал, что препятствует тому, чтобы «рабочий фонд», или та часть продукта, которая потребляется рабочими, обязательно возрастал с накоплением капитала.

Второй способ, это — внешняя торговля, дающая капиталистам возможность обменивать прибавочный продукт на заграничные предметы роскоши и таким образом самим потреблять его. Благодаря этому даже та часть продукта, которая состоит из *предметов необходимости,* вполне может возрастать без того, чтобы она обязательно должна была в форме заработной платы притекать обратно к рабочим, хотя бы до некоторой степени в соответствии со своим ростом.

Следует заметить, что первый способ, действующий лишь периодически, а затем парализующий свое действие (по крайней мере, в той степени, в какой основной капитал состоит из таких машин и т. д., которые сами входят в производство предметов необходимости), обусловливает превращение прибавочного продукта в капитал, тогда как второй способ обусловливает потребление все возрастающей части прибавочного продукта капиталистами, растущее потребление последних, а *не обратное превращение* прибавочного продукта в капитал. Если бы данный прибавочный продукт оставался в той форме, в которой он непосредственно существует, то значительная часть его должна была бы быть обменена с рабочими как переменный капитал. Следствием этого было бы повышение заработной платы и уменьшение абсолютной или относительной прибавочной стоимости. В этом собственно и заключается тайна проповедуемой Мальтусом необходимости растущего потребления «богатых», *чтобы та часть продукта, которая обменивается на труд, превращается в капитал, имела высокую стоимость, приносила солидную прибыль, поглощала много прибавочного труда.* Только предоставляет Мальтус усиленное потребление не самим промышленным капиталистам, а предназначает для этой *функции земельных собственников,* обладателей синекур и т. д., так как стремление к накоплению и стремление к расточительству, соединенные в одном и том же лице, сыграли бы скверную шутку друг с другом. Здесь также выступает наружу то, что было ошибочного во взглядах Бартона, Рикардо и других. Заработная плата определяется не той частью совокупной массы продукта, которая может быть потреблена как *переменный* капитал, или может быть превращена в таковой, а той частью этой массы, которая фактически превращается в него. Часть этих продуктов может даже в своем натуральном виде быть съедена всякого рода прихлебателями, другая часть может быть потреблена

в виде предметов роскоши благодаря внешней торговле и т. д.

Наш памфлетист упускает из виду две вещи.

В результате введения машин масса рабочих постоянно лишается работы, что создает избыточное население; таким образом, прибавочный продукт находит в готовом виде новую рабочую силу, на которую он может быть обменен и при отсутствии роста населения и без необходимости удлинять абсолютное рабочее время. Положим, раньше было занято 500 рабочих, а теперь занято 300, которые доставляют относительно большее количество прибавочного труда. Остальные 200 рабочих могут быть наняты на прибавочный продукт, как только последний достаточно вырастет. Часть прежнего [переменного] капитала превращается в основной капитал, другая часть дает занятие меньшему количеству рабочих, но извлекает из них, по сравнению с их числом, большее количество прибавочной стоимости и, в особенности, большее количество прибавочного продукта. Остальные 200 рабочих являются материалом, созданным для капитализирования нового прибавочного продукта.

[853a] Превращение *предметов необходимости* в *предметы роскоши* посредством внешней торговли, как это изложено в памфлете, важно само по себе —

1) потому, что это кладет конец нелепости, будто заработная плата зависит от массы произведенных предметов необходимости, как если бы эти предметы необходимости обязательно должны были быть потреблены в этой форме их производителями или хотя бы всем производящим народом en masse*, т. е. обязательно должны были быть обратно превращены в переменный капитал, или, как выражаются Бартон и Рикардо, в «оборотный капитал»;

2) потому, что этим определяется вся общественная форма отсталых стран — например, рабовладельческих штатов в Северо-Американских Соединенных Штатах (см. *Кернса*[91]) или *Польши* и т. д., — которые связаны с мировым рынком, покоящимся на капиталистическом производстве (что понимал уже старый *Бюш,* если он и это не украл у Стюарта). Как бы ни был велик тот прибавочный продукт, который такие страны извлекают из прибавочного труда своих рабов в простой форме, в виде хлопка-сырца или хлеба в зерне, они могут оставаться при этом простом, недифференцированном труде благодаря тому, что внешняя торговля дает им возможность придавать этому простому продукту любую форму потребительной стоимости.

* — в целом. *Ред.*

Утверждение, будто от величины «оборотного капитала» зависит та часть годового продукта, которая должна быть затрачена в виде заработной платы, было бы столь же основательно, как и утверждение, будто в том случае, когда значительная часть продукта состоит из «зданий» и когда строится много сравнительно с рабочим населением жилищ, пригодных для рабочих, рабочие должны в результате этого иметь хорошие и дешевые жилища, так как предложение жилищ увеличивается-де быстрее, чем спрос на них.

Верно, напротив, следующее: если прибавочный продукт велик и если значительную его часть капиталисты намерены употребить как капитал, то (при предположении, что эта солидная величина прибавочного продукта сама не получена уже на таком пути, который выбросил на улицу массу рабочих) спрос на труд должен расти, а потому должна возрастать и та часть прибавочного продукта, которая обменивается как заработная плата. При всех обстоятельствах, не *абсолютная величина* прибавочного продукта (в какой бы форме он ни существовал, хотя бы даже в форме предметов необходимости) является тем, что заставляет затрачивать этот прибавочный продукт в форме переменного капитала и потому ведет к росту заработной платы. Дело обстоит отнюдь не таким образом, а так, что страсть к капитализированию заставляет затрачивать значительную часть прибавочного продукта в форме переменного капитала и *поэтому* с накоплением капитала она привела бы к росту заработной платы, если бы машины постоянно не создавали избыточное население и если бы не было того, что все большая часть капитала (в частности, также и при помощи внешней торговли) обменивается на капитал, а не на труд. *Та часть прибавочного продукта, которая уже непосредственно производится в такой форме, в какой она может служить только капиталом, и та часть его, которая получает эту форму благодаря обмену с заграницей, растет быстрее той части, которая должна обмениваться на непосредственный труд.*

Фраза о том, что заработная плата зависит от существующего в данный момент капитала и что быстрое накопление капитала является поэтому единственным средством, могущим вызвать повышение заработной платы, сводится к нижеследующему.

С одной стороны, если отвлечься от той формы, в какой условия труда выступают как капитал, мы здесь имеем *тавтологию:* от *производительности труда,* выполняемого определенным числом рабочих, зависит то, как быстро может увеличиваться это число без ухудшения условий их жизни. Чем больше

они производят сырья, орудий труда и жизненных средств, тем больше средств они имеют не только для того, чтобы воспитывать своих детей, пока те еще не могут работать сами, но и для того, чтобы реализовывать труд вновь подрастающего поколения и таким образом делать прирост населения и прирост производства тождественными друг другу и даже развивать производство в еще большей степени, чем растет население, так как с ростом населения растет искусство рабочего, растет разделение труда, растет возможность применения машин, растет постоянный капитал, — короче, растет производительность труда.

Если рост населения зависит от производительности труда, то производительность труда зависит от роста населения. Здесь имеет место взаимодействие. Но, выражаясь капиталистически, это означает, что жизненные средства рабочего населения зависят от производительности капитала, от того, что возможно большая часть продукта рабочих противостоит им как то, что распоряжается их трудом. Рикардо сам *правильно* выражает это — я имею в виду тавтологию, — ставя заработную плату в зависимость от производительности капитала, а последнюю от производительности труда*.

Что труд зависит от роста капитала, означает, стало быть, не что иное, как, *с одной стороны,* ту тавтологию, что [854] прирост жизненных средств населения и средств для применения его труда зависит от производительности его собственного труда, и, *во-вторых,* выражая это капиталистически, — что труд *зависит от того,* что его собственный продукт противостоит ему как *чужая собственность,* а потому и его собственная производительность противостоит ему как *производительность* той вещи, которую он создает.

Практически это означает, что рабочий должен присваивать себе возможно меньшую часть своего продукта, чтобы возможно большая часть его продукта противостояла ему как *капитал;* он должен возможно больше уступать *безвозмездно* капиталисту, чтобы возможно больше возрастали средства последнего для покупки вновь труда рабочего на то, что у рабочего было отнято безвозмездно. В этом случае возможна такая ситуация, что, если капиталист заставил рабочего очень много работать даром, он потом, в обмен на это полученное им без эквивалента, заставляет его работать даром несколько меньше. Однако так как такой результат препятствует как раз тому, что является целью стремлений, т. е. *возможно более быстрому накоплению*

* См. настоящий том, часть II, стр. 601—602, и часть III, стр. 114—115. *Ред.*

капитала, то рабочий должен жить в таких условиях, что это уменьшение его бесплатной работы снова прекращается вследствие увеличения рабочего населения, будь то относительного, в результате введения машин, или абсолютного, в результате учащающихся браков. (Это — то же самое взаимоотношение, которое высмеивают рикардианцы, когда мальтузианцы проповедуют его в качестве взаимоотношения между земельными собственниками и капиталистами.) Рабочие должны бесплатно отдавать капиталу возможно большую часть своего продукта, чтобы при *более благоприятных* условиях купить себе обратно на свой новый труд часть отданного таким путем продукта. Но так как этот благоприятный поворот вместе с тем уничтожает условие благоприятного поворота, то он может быть лишь временным явлением и должен снова превратиться в свою собственную противоположность.

В-третьих. То, что имеет силу относительно превращения предметов необходимости в предметы роскоши посредством внешней торговли, имеет силу вообще относительно производства предметов роскоши, для неограниченного разнообразия и умножения которых внешняя торговля является, однако, действительно немаловажным условием. Хотя рабочие, занятые в производстве предметов роскоши, производят капитал для своего хозяина, но их продукт не может in natura[*] превратиться снова в капитал — ни в постоянный, ни в переменный.

Если не считать ту часть предметов роскоши, которая отправляется за границу для обмена на предметы необходимости, целиком или частично входящие в переменный капитал, то предметы роскоши представляют один лишь *прибавочный труд,* и притом прибавочный труд непосредственно *в той форме прибавочного продукта,* в которой он потребляется, как доход, богатыми. Предметы роскоши представляют, правда, прибавочный труд не одних только тех рабочих, которые их производят. Последние, напротив, выполняют в среднем столько же прибавочного труда, как и рабочие в других отраслях производства. Но подобно тому как любую $^1/_3$ продукта, содержащего в себе $^1/_3$ прибавочного труда, я могу рассматривать как воплощение этого прибавочного труда, а остальные $^2/_3$ продукта — как воспроизводство авансированного капитала, так и прибавочный труд производителей предметов необходимости, образующий заработную плату для производителей предметов роскоши, может быть представлен как необходимый труд рабочего класса, взятого в целом. Его прибавочный труд представлен: 1) в той

[*] — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

части предметов необходимости, которая потребляется капиталистами и их прихлебателями; 2) в совокупности предметов роскоши. По отношению к отдельному капиталисту или отдельным отраслям производства это представляется иначе. Для отдельного капиталиста часть произведенных им предметов роскоши представляет лишь эквивалент за авансированный капитал.

Если слишком большая часть прибавочного труда представлена непосредственно в форме предметов роскоши, то, очевидно, должна произойти заминка в накоплении и в расширении воспроизводства, так как слишком незначительная часть прибавочного продукта превращается обратно в капитал. Если форму предметов роскоши принимает слишком незначительная часть прибавочного труда, то накопление капитала (т. е. той части прибавочного продукта, которая может in natura снова служить в качестве капитала) будет происходить быстрее, чем увеличение населения, и норма прибыли будет падать, за исключением того случая, когда существует внешний рынок для предметов необходимости.

[б) К ВОПРОСУ ОБ ОБМЕНЕ МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И ДОХОДОМ ПРИ ПРОСТОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ И ПРИ НАКОПЛЕНИИ КАПИТАЛА]

Трактуя об обмене между капиталом и доходом*, я рассматривал заработную плату тоже как доход и вообще рассматривал только отношение постоянного капитала к доходу. То обстоятельство, что доход рабочих вместе с тем выступает как переменный капитал, важно лишь постольку, поскольку при накоплении — при образовании нового капитала — состоящий из жизненных средств (из предметов необходимости) избыток капиталиста, производящего жизненные средства, может непосредственно обмениваться на состоящий из сырья или орудий избыток капиталиста, производящего постоянный капитал. Здесь одна форма дохода обменивается на другую, [855] и когда обмен произведен, доход капиталиста *A* превращается в постоянный капитал капиталиста *B*, а доход капиталиста *B* — в переменный капитал капиталиста *A*.

При рассмотрении этого обращения, воспроизводства и способа взаимного возмещения капиталов и т. д. надлежит на первых порах оставить в стороне внешнюю торговлю.

---

* См. настоящий том, часть I, стр. 219—243. *Ред.*

Во-вторых, надо различать два явления:

1) воспроизводство в данном масштабе,

2) воспроизводство в расширенном масштабе, или накопление — превращение дохода в капитал.

К пункту 1-му.

Я показал:

Производители жизненных средств должны возместить 1) свой постоянный капитал, 2) свой переменный капитал. Та часть стоимости их продукта, которая представляет избыток над этими двумя частями, образует *прибавочный продукт,* материальное бытие *прибавочной стоимости,* которая, в свою очередь, является всего лишь представителем *прибавочного труда.*

Переменный капитал — та часть продукта производителей жизненных средств, которая представляет этот переменный капитал, — образует заработную плату, доход рабочего. Эта часть существует здесь уже в той *натуральной форме,* в которой она снова служит переменным капиталом. На эту часть, на эквивалент, воспроизведенный рабочим, снова покупается его труд. Это есть обмен между капиталом и непосредственным трудом. Рабочий получает эту часть в деньгах, на которые он обратно покупает свой собственный продукт или другие продукты той же категории. Это есть обмен *различных составных частей переменного капитала друг на друга,* после того как рабочий получил в деньгах чек на свою долю продукта. Это — обмен одной части вновь присоединенного труда на другую внутри одной и той же категории (жизненные средства).

Та часть прибавочного продукта (вновь присоединенного труда), которую капиталисты (производящие жизненные средства) потребляют сами, потребляется ими или in natura, или между ними происходит обмен одного вида прибавочного продукта, существующего в пригодной для потребления форме, на другой вид его. Это — обмен дохода на доход, причем тот и другой сводится к вновь присоединенному труду.

При упомянутой выше сделке нельзя, собственно, говорить об обмене дохода на капитал. Капитал (предметы необходимости) обменивается на труд (на рабочую силу). Следовательно, здесь обмениваются не доход и капитал. Конечно, как только рабочий получил заработную плату, он ее потребляет. Но на капитал он обменивает не свой доход, а свой труд.

Третья часть [продукта производителей жизненных средств, которая представляет их] постоянный капитал, обменивается на часть продукта тех производителей, которые производят постоянный капитал, — а именно, на ту часть их продукта,

которая представляет вновь присоединенный труд. А эта часть продукта производителей постоянного капитала состоит из эквивалента заработной платы (следовательно, из переменного капитала [этих производителей]) и из прибавочного продукта, прибавочной стоимости, дохода капиталистов, существующего в такой форме, в которой он может быть потреблен лишь производственно, а не индивидуально. Таким образом, это, *с одной стороны,* есть обмен *переменного капитала этих производителей* на часть жизненных средств, представляющую постоянный капитал [производителей жизненных средств]. Действительно, часть продукта производителей постоянного капитала, представляющая их переменный капитал, но существующая в форме постоянного капитала, обменивается на часть продукта производителей жизненных средств, представляющую постоянный капитал, но существующую в форме переменного капитала. Здесь имеет место обмен вновь присоединенного труда на постоянный капитал.

С другой стороны, та часть продукта производителей постоянного капитала, которая представляет прибавочный продукт, но существует в форме постоянного капитала, обменивается на часть жизненных средств, представляющую постоянный капитал для их производителей. Здесь имеет место обмен дохода на капитал. Доход капиталистов, производящих постоянный капитал, обменивается на жизненные средства и возмещает постоянный капитал капиталистов, производящих жизненные средства.

Наконец, та часть продукта капиталистов, производящих постоянный капитал, которая сама представляет постоянный капитал, возмещается отчасти in natura, отчасти путем (завуалированного деньгами) натурального обмена между производителями постоянного капитала.

Все это имеет место при предположении, что масштаб воспроизводства равен первоначальному масштабу производства.

Если мы теперь спросим, какая часть совокупного годового продукта представляет вновь присоединенный труд, то расчет будет очень прост:

A) Предметы [индивидуального] потребления. Они распадаются на три части. [Во-первых,] доход капиталистов, равный прибавочному труду, присоединенному в течение года.

Во-вторых, заработная плата, переменный капитал, равный тому вновь присоединенному труду, которым рабочие воспроизвели свою заработную плату.

Наконец, третья часть — сырье, машины и т. д. Это есть постоянный капитал, та часть стоимости продукта, которая лишь

сохраняется, а не производится. Следовательно, — не труд, вновь присоединенный в течение года.

[856] Если мы обозначим постоянный капитал [этой категории] через c', переменный капитал через v', а прибавочный продукт, доход, через r', то эта категория состоит из c' и $v' + r'$.

c' есть всего лишь сохранившаяся стоимость, а не вновь присоединенный труд (это c' представляет часть продукта); напротив, сумма $v' + r'$ есть труд, присоединенный в течение года.

Совокупный продукт [категории *A*] (или его стоимость) P^a за вычетом c' представляет, следовательно, вновь присоединенный труд.

Итак, если из продукта категории *A*, т. е. из P^a, вычесть c', то мы получим труд, вновь присоединенный в течение года.

B) Предметы производственного потребления.

Сумма $v'' + r''$ также и здесь представляет вновь присоединенный труд. Не представляет вновь присоединенного труда c'' — постоянный капитал, функционирующий в этой сфере.

Но $v'' + r'' = c'$, на которое они обмениваются. c' превращается в переменный капитал и доход для категории *B*. С другой стороны, v'' и r'' превращаются в c', в постоянный капитал категории *A*.

Если из продукта категории *B*, т. е. из P^b, вычесть c'', то мы получим труд, вновь присоединенный в течение года.

Но $P^b — c'' = c'$. Ибо весь продукт P^b за вычетом c'', т. е. постоянного капитала, применяемого в этой категории *B*, обменивается на c'.

После того как $v'' + r''$ обменены на c', дело может быть представлено таким образом:

P^a состоит лишь из вновь присоединенного труда, продукт которого распадается на прибыль и заработную плату, на эквивалент необходимого труда и эквивалент прибавочного труда. Ибо $v'' + r''$, замещающие теперь c', равны труду, вновь присоединенному в категории *B*.

Следовательно, весь продукт P^a, как его прибавочный продукт, так и его переменный капитал и его постоянный капитал, состоит из продуктов труда, вновь присоединенного в течение года.

Напротив, весь продукт P^b можно рассматривать таким образом, что он не представляет никакой части вновь присоединенного труда, а представляет только сохраненный прошлый труд. Ибо его часть c'' не представляет никакого вновь присоединенного труда, точно так же как и его часть c', которую он получил в обмен на $v'' + r''$ и которая в категории *A* представляла не вновь присоединенный труд, а авансированный постоянный капитал.

Таким образом, вся та часть годового продукта, которая как переменный капитал образует доход рабочих, а как прибавочный продукт — фонд потребления капиталистов, сводится к вновь присоединенному труду, тогда как вся остальная часть продукта, представляющая постоянный капитал, сводится только к сохраненному прошлому труду и лишь возмещает постоянный капитал.

Поэтому, насколько правильно утверждение, что вся та часть годового продукта, которая потребляется как доход, как заработная плата и прибыль (вместе с ответвлениями прибыли — рентой, процентом и т. д., а также с заработной платой непроизводительных работников), сводится к вновь присоединенному труду, настолько же ошибочно утверждение, что весь годовой продукт сводится к доходу, к заработной плате и прибыли, а потому лишь к совокупности тех или иных долей во вновь присоединенном труде. Отчасти он сводится к постоянному капиталу, который по стоимости *не* представляет вновь присоединенного труда, а как потребительная стоимость не входит ни в заработную плату, ни в прибыль. Он по своей стоимости представляет в собственном смысле слова накопленный труд, а по своей потребительной стоимости — потребление этого накопленного прошлого труда.

С другой стороны, точно так же правильно, что *труд, присоединенный в течение года,* не весь представлен той частью продукта, которая сводится к заработной плате и прибыли. Ибо на эту заработную плату и прибыль покупаются услуги, т. е. труд, не вошедший в тот продукт, в котором представлены заработная плата и прибыль. Это такие услуги, такие виды труда, которыми люди пользуются в процессе потребления продукта и которые не входят в его непосредственное производство.

[857] *К пункту 2-му.*

Иначе обстоит дело с накоплением, с превращением дохода в капитал, с *воспроизводством в расширенном масштабе,* поскольку последнее происходит не оттого только, что прежний капитал *применяется более производительно.* Здесь весь новый капитал состоит из вновь присоединенного труда, и притом из прибавочного труда в форме прибыли и т. д. Однако, насколько правильно то, что здесь весь элемент нового производства состоит и возникает из вновь присоединенного труда — из части прибавочного труда рабочих, — настолько же ошибочно, как это опять-таки предполагают политико-экономы, утверждение, будто при превращении его в капитал он сводится лишь к переменному капиталу, или заработной плате. Предположим, на-

пример, что часть прибавочного продукта фермера обменивается на часть прибавочного продукта фабриканта машин. Такого рода обмен дает возможность фабриканту машин превратить пшеницу в переменный капитал и предоставить работу большему количеству рабочих, непосредственно или косвенным образом. Фермер, напротив, в результате того же обмена превратит часть своего прибавочного продукта в постоянный капитал, и возможно, что вследствие такого превращения он, вместо того чтобы нанимать новых рабочих, уволит часть прежних. Фермер мог бы, далее, засеять больше земли. Тогда часть пшеницы превратится не в заработную плату, а в постоянный капитал, и т. д.

Только при этом накоплении обнаруживается, что всё, как доход, так и переменный и постоянный капитал, есть *присвоенный чужой* труд и что как условия труда, при помощи которых работает рабочий, так и эквивалент, получаемый им за свой труд, это — труд рабочего, полученный капиталистом *без эквивалента.*

Так обстоит дело даже при первоначальном накоплении. Предположим, я сберег 500 ф. ст. из *заработной платы.* Таким образом, они действительно представляют не просто *накопленный труд,* а, в отличие от «накопленного труда» капиталиста, *мой* собственный, мною и для меня накопленный труд. Я превращаю их в капитал, покупаю сырье и т. д. и нанимаю рабочих. Прибыль пусть составляет 20%, т. е. 100 ф. ст. в год. За 5 лет (если все время не происходит нового накопления и получаемые каждый год 100 ф. ст. проедаются) я в форме дохода «проел» свой капитал. На шестом году сам мой капитал в 500 ф. ст. представляет присвоенный без эквивалента чужой труд. А если бы я все время снова накоплял половину своей прибыли, то процесс [проедания моего первоначального капитала] происходил бы медленнее, потому что я не так много проедал бы, а [процесс присвоения чужого труда] — быстрее.

	Капитал	Прибыль	Съедено
Первый год	500	100	50
Второй год	550	110	55
Третий год	605	121	60
Четвертый год	665	133	66
Пятый год	731	146	73
Шестой год	804	160	80
Седьмой год	884	176	88
Восьмой год	972	194	97
....			
....			569

На восьмом году мой капитал почти удвоился, хотя я и проел больше, чем первоначальный капитал. В капитале 972 ф. ст. уже не представлено ни одного фартинга оплаченного труда, или такого труда, за который я отдал эквивалент. Я потребил в форме дохода весь мой первоначальный капитал. Следовательно, я получил за него эквивалент и эквивалент этот потребил. Новый капитал состоит лишь из присвоенного чужого труда.

При рассмотрении прибавочной стоимости как таковой натуральная форма продукта, а значит и прибавочного продукта, безразлична. При рассмотрении действительного процесса воспроизводства она приобретает важное значение отчасти для понимания самих его форм, отчасти для уяснения того влияния, которое оказывает на процесс воспроизводства производство предметов роскоши и т. д. Здесь мы снова имеем пример того, как *потребительная стоимость* как таковая приобретает экономическое значение.

[в) ЗАСЛУГИ АВТОРА ПАМФЛЕТА И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПУТАНИЦА В ЕГО ВЗГЛЯДАХ. ЗНАЧЕНИЕ ПОДНЯТЫХ ИМ ВОПРОСОВ О РОЛИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ И О «СВОБОДНОМ ВРЕМЕНИ» КАК ПОДЛИННОМ БОГАТСТВЕ]

[858] Вернемся теперь к нашему памфлету.

[Автор памфлета пишет:]

«Предположим, что всего труда страны как раз достаточно для производства того, что необходимо для содержания всего населения; в этом случае очевидно, что нет никакого прибавочного труда, нет, следовательно, ничего такого, что можно было бы накоплять как капитал. Предположим, что весь труд страны производит за *один* год столько, сколько было бы достаточно для содержания ее населения в течение двух лет; в таком случае очевидно, что или средства потребления, достаточные для содержания всего населения в течение одного года, должны погибнуть, или люди должны прекратить на один год производительный труд. Но *владельцы прибавочного продукта, или капитала,* не будут в течение следующего года содержать население в состоянии праздности и не допустят, чтобы продукты погибли; они применят труд людей для какой-нибудь такой работы, которая не является прямо и непосредственно производительной, — например, для производства машин и т. д. Но на третий год все население может снова вернуться к непосредственно производительному труду, и так как машины, произведенные в предыдущем году, теперь вступают в действие, то ясно, что в этом году продукт будет больше, чем в первом году, ибо прибавится еще продукт машин. Этот прибавочный продукт, следовательно, тем более или должен погибнуть, или должен быть употреблен так, как говорилось выше; а такое употребление снова увеличивает производительную силу труда общества вплоть до того момента, когда люди *должны* будут на некоторое время прекратить производитель-

ный труд, чтобы продукт их труда не погиб. Таково очевидное следствие прогрессирующего накопления капитала при простейшем состоянии общества» (стр. 4—5).

«Спрос других стран ограничен не только *нашей* способностью производить, но также и *их* способностью производить».

{Это ответ на утверждение Сэя, что не мы производим слишком много, а другие производят слишком мало[92]. Их способность производить не обязательно равна нашей.}

«Ибо, как бы мы ни старались, но за ряд лет весь мир может взять у нас едва ли больше, чем мы берем у мира, так что вся ваша хваленая внешняя торговля, о которой так много говорят, никогда не прибавила, не могла прибавить и никак не может прибавить ни единого шиллинга, ни единого гроша к богатству нашей страны, так как взамен каждого тюка шелка, каждого ящика чая, каждой бочки вина, которые когда-либо были ввезены, было вывезено нечто такое, что обладает равной стоимостью, и даже прибыли, получаемые нашими купцами от их внешней торговли, оплачиваются здешними потребителями тех товаров, которые ввозятся взамен вывезенных» (стр. 17—18).

«Внешняя торговля есть лишь товарообмен ради удобств и удовольствий капиталиста: последний не обладает сотней туловищ и сотней ног и не в состоянии потребить в виде одежды и чулок всего сукна и хлопчатобумажного трикотажа, которые производятся в стране, а потому они обмениваются на вина и шелка. Но эти *вина и шелка* точно так же *представляют прибавочный труд нашего собственного населения,* как и те сукна и чулки; и этим путем *разрушительная сила капиталиста увеличивается безгранично:* благодаря внешней торговле капиталистам удается перехитрить природу, которая ставит тысячи естественных границ их эксплуататорским требованиям и желанию эксплуатировать; теперь нет никаких границ ни для их могущества, ни для их желаний» (стр. 18).

Мы видим: автор памфлета принимает учение Рикардо о внешней торговле. У Рикардо это учение направлено лишь на то, чтобы доказать его *теорию стоимости* или показать, что оно не противоречит ей. В памфлете же подчеркивается, что *также и в результатах внешней торговли воплощается* не только национальный труд, но и *национальный прибавочный труд.*

Если бы прибавочный труд и прибавочная стоимость были представлены только в национальном прибавочном продукте, то увеличение стоимости ради стоимости, а потому и выжимание прибавочного труда находило бы предел в ограниченности, в узости круга тех потребительных стоимостей, в которых представлена создаваемая [национальным] трудом стоимость. Но только внешняя торговля развертывает истинную природу прибавочного продукта как стоимости, развивая содержащийся в нем труд как общественный труд, который представлен в неограниченном ряде различных потребительных стоимостей и действительно придает смысл абстрактному богатству.

«Единственно только *бесконечное разнообразие потребностей* и *видов* товаров» {следовательно, также и бесконечное разнообразие видов конкрет-

ного труда, производящего эти различные виды товаров}, *«необходимых для удовлетворения этих потребностей,* делает страсть к богатству» {а следовательно, и страсть присваивать труд других людей} «безграничной и ненасытной» *{Уэйкфилд,* примечание к стр. 64 в I томе его издания «Богатства народов» А. Смита, Лондон, 1835).

Но только внешняя торговля, развитие рынка в мировой рынок, развивает деньги в мировые деньги и *абстрактный труд* в общественный труд. Абстрактное богатство, стоимость, деньги — следовательно, *абстрактный труд* — развиваются в той мере, в какой конкретный труд превращается в охватывающую мировой рынок совокупность различных видов труда. Капиталистическое производство покоится на *стоимости,* или на развитии содержащегося в продукте труда как труда общественного. Но это [возможно] лишь на основе внешней торговли и мирового рынка. Таким образом, внешняя торговля и мировой рынок являются как предпосылкой, так и результатом капиталистического производства.

[859] Рассматриваемый нами памфлет не есть теоретическое исследование. Это — протест против тех ложных причин, которым политико-экономы приписывали тогдашнюю нужду и «национальные трудности». Поэтому здесь нет претензий на то, да и нельзя требовать того, чтобы понимание прибавочной стоимости как *прибавочного труда* повлекло за собой общую критику всей системы экономических категорий в целом. Автор, напротив, стоит на почве рикардовской системы и только последовательно делает тот вывод, который содержится в самой этой системе, и выдвигает его в интересах рабочего класса против капитала.

В остальном автор находится в плену тех экономических категорий, которые он нашел у своих предшественников. Как у Рикардо смешение прибавочной стоимости и прибыли приводит к неприятным противоречиям, так у него к таким же противоречиям приводит то, что прибавочную стоимость он окрестил *процентом на капитал.*

Правда, он стоит выше Рикардо в том отношении, что он, во-первых, сводит всякую прибавочную стоимость к прибавочному труду, а во-вторых, хотя и называет прибавочную стоимость *процентом на капитал,* вместе с тем подчеркивает, что под процентом на капитал он понимает общую форму прибавочного труда в отличие от его особых форм — ренты, ссудного процента и предпринимательской прибыли:

«Уплачиваемый капиталистам *процент,* имеет ли он *природу»* (следовало бы сказать: форму) *«ренты, ссудного процента* или *предпринимательской прибыли...»* (стр. 23).

Таким образом, автор памфлета отличает общую форму прибавочного труда или прибавочной стоимости от их особых форм, чего не делают Рикардо и А. Смит — по крайней мере, не делают сознательно и последовательно. Но название одной из этих особых форм, процент, он опять-таки принимает как название общей формы. А этого достаточно, чтобы снова впасть в экономическую тарабарщину.

«Прогрессирующее возрастание капитала в прочно установившемся обществе отмечалось бы понижением ссудного процента, или, что сводится к тому же, уменьшением того количества труда других, которое отдавалось бы за пользование капиталом» (стр. 6).

Эта фраза — несколько в духе Кэри. Но у автора памфлета не рабочий пользуется капиталом, а капитал пользуется рабочим. Так как под *процентом* он понимает прибавочный труд в любой форме, то все дело — «разрешение наших национальных трудностей» — сводится к повышению *заработной платы,* ибо уменьшение процента означает уменьшение прибавочного труда. А имеет он в виду то, что присвоение чужого труда при обмене труда на капитал должно уменьшаться, или что рабочий должен присваивать больше из своего собственного труда, а капитал — меньше.

Требование уменьшения прибавочного труда может иметь двоякое значение:

1) рабочие должны выполнять меньше труда сверх того времени, которое необходимо для воспроизводства рабочей силы, для создания эквивалента заработной платы;

2) менее значительная доля *совокупного количества труда* должна принимать *форму прибавочного труда,* т. е. такого времени, в течение которого рабочие даром работают на капиталиста; а стало быть, и менее значительная доля того продукта, в котором представлен труд, должна принимать форму *прибавочного продукта;* т. е. рабочий должен получать больше из своего собственного продукта, а капиталисту должно доставаться из этого продукта меньше, чем раньше.

Сам автор не имеет ясного представления по этому вопросу, как это видно также и из следующих строк, в которых собственно содержится последнее слово его сочинения:

«Нация по-настоящему богата лишь тогда, когда за пользование капиталом не уплачивается никакого процента, когда вместо 12 часов работают только 6 часов. Богатство есть *такое время, которым можно свободно располагать,* и ничего больше» (стр. 6).

Так как здесь под «процентом» понимается прибыль, рента, ссудный процент — короче, любая форма прибавочной стоимости — и так как, согласно самому автору памфлета, капитал

есть не что иное, как продукт труда, накопленный труд, который в состоянии в обмен на себя получать не только равное количество труда, но и прибавочный труд, то, по его мнению, выражение «капитал не приносит процента» означает: не существует никакого [860] капитала. Продукт не превращается в капитал. Не существует ни *прибавочного продукта,* ни *прибавочного труда.* Только тогда нация действительно богата.

Однако это может означать [одно из двух. Или]: не существует ни продукта, ни труда *сверх* того продукта и того труда, которые требуются для воспроизводства рабочих. Или: рабочие присваивают *самим себе* этот избыток будь то продукта или труда.

Но что автор имеет в виду *не только* последнее, явствует из того, что он с положением: «никакого процента за пользование капиталом» соединяет следующие положения: «нация действительно богата тогда, когда вместо 12 часов работают 6 часов», *«богатство есть такое время, которым можно свободно располагать, и ничего больше».*

А это может означать следующее:

Если работать должны все, если отпадает противоположность между работающими чрезмерно и бездельниками, — а это во всяком случае было бы следствием того, что капитал перестал существовать, что продукт не давал бы больше права на чужой *прибавочный труд,* — и если к тому же принять во внимание развитие производительных сил, как оно создано капиталом, то общество за 6 часов будет производить необходимое изобилие продуктов, будет за эти 6 часов производить больше, чем теперь производится за 12 часов, и вместе с тем все будут иметь 6 часов «времени, которым они могут свободно располагать», т. е. будут иметь настоящее богатство — такое время, которое не поглощается непосредственно производительным трудом, а остается свободным для удовольствий, для досуга, в результате чего откроется простор для свободной деятельности и развития. Время — это *простор* для развития способностей и т. д. Известно, что сами политико-экономы рабский труд наемных рабочих оправдывают тем, что он создает досуг, свободное время для *других,* для другой части общества, а тем самым — и для общества наемных рабочих [в целом].

Или же это может иметь и такой смысл:

Рабочие теперь работают 6 часов сверх того, что *(теперь)* требуется для их собственного воспроизводства. (Однако вряд ли таков может быть взгляд автора памфлета, так как то, что *теперь* требуется рабочим, он изображает как бесчеловечный минимум.) Если капитал перестанет существовать, то они будут

работать уже только 6 часов, и бездельники должны будут работать столько же. Материальное богатство для всех было бы этим низведено до уровня рабочих. Но все имели бы *свободное время,* время для своего развития.

Самому автору памфлета это, очевидно, не ясно. Тем не менее, во всяком случае остается этот прекрасный тезис:

«Нация действительно богата тогда, когда вместо 12 часов работают 6 часов. *Богатство есть такое время, которым можно свободно располагать, и ничего больше».*

Также и Рикардо, в главе *«Стоимость и богатство, их отличительные свойства»,* говорит, что подлинное богатство состоит в том, что создается возможно больше потребительных стоимостей возможно меньшей стоимости, т. е., другими словами, что в возможно меньшее рабочее время создается возможно большее изобилие материального богатства. Также и здесь «время, которым можно свободно располагать», и пользование тем, что создано в рабочее время других, выступает как истинное богатство, но, как и всё в капиталистическом производстве, а потому и у его истолкователей, — в рамках антагонизма. Противоположность богатства и стоимости позже выступает у Рикардо в той форме, что чистый продукт должен быть возможно больше по сравнению с валовым продуктом, а это — опять-таки в этой антагонистической форме — означает, что те классы общества, время которых лишь отчасти поглощено материальным производством или совсем не поглощено им, хотя они и пользуются плодами этого материального производства, должны быть возможно более многочисленны по сравнению с теми классами, время которых целиком поглощено материальным производством и потребление которых поэтому образует всего лишь одну из статей издержек производства, всего лишь условие того, чтобы они были такими вьючными животными для высших классов. Это все же означает пожелание того, чтобы на рабство труда, на принудительный труд обрекалась возможно меньшая часть общества. И это есть самое большее из того, до чего добираются те, кто стоит на капиталистической точке зрения.

Это автор памфлета отвергает. *Рабочее время,* даже когда меновая стоимость будет устранена, всегда останется созидающей субстанцией богатства и мерой *издержек,* требующихся для его производства. Но свободное время, *время, которым можно располагать,* есть само богатство: отчасти для потребления продуктов, отчасти для свободной деятельности, не определяемой, подобно труду, под давлением той внешней цели, которая должна быть осуществлена и осуществление которой является

естественной необходимостью или социальной обязанностью, — как угодно.

Само собой разумеется, что само рабочее время — тем, что оно будет ограничено нормальной мерой, далее, что оно будет затрачиваться уже не для другого, а для меня самого, — вместе с уничтожением социальных антагонизмов между хозяевами и рабочими и т. д. получит, как действительно социальный труд и, наконец, как базис для *свободного времени,* совершенно другой, более свободный характер и что *рабочее время* такого человека, который вместе с тем есть человек, располагающий свободным временем, должно будет обладать гораздо более высоким качеством, чем рабочее время рабочего скота.

2) РЕЙВНСТОН [ВЗГЛЯД НА КАПИТАЛ КАК НА ПРИБАВОЧНЫЙ ПРОДУКТ РАБОЧИХ. СМЕШЕНИЕ АНТАГОНИСТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ С САМИМ СОДЕРЖАНИЕМ ЕГО. ПРОИСТЕКАЮЩЕЕ ОТСЮДА ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПЛОДАМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ]

[861] *Piercy Ravenstone, M. A.* Thoughts on the Funding System, and its Effects. London, 1824.

Это — в высшей степени замечательное сочинение.

Автор памфлета «The Source and Remedy of the National Difficulties» рассматривает прибавочную стоимость в ее первичной форме, в форме *прибавочного труда.* Поэтому его основную точку зрения образует продолжительность рабочего времени. При этом *прибавочный труд* или прибавочную стоимость он рассматривает главным образом в их абсолютной форме, в форме удлинения рабочего времени за пределы того времени, которое необходимо для воспроизводства самого рабочего, а не в форме сокращения необходимого труда посредством развития производительных сил труда.

Сокращение этого необходимого труда составляет основную точку зрения у Рикардо, но в том виде, в каком оно происходит при капиталистическом производстве, как средство удлинить рабочее время, достающееся капиталу. В противоположность этому автор памфлета объявляет конечной целью *сокращение рабочего времени* для производителей и прекращение работы на *владельцев прибавочного продукта.*

Рейвнстон, по-видимому, предполагает рабочий день данным. Поэтому главным предметом его рассуждений, — в которых, так же как и у автора памфлета «The Source and Remedy of the National Difficulties», теоретические вопросы затрагиваются

только вскользь, — является относительная прибавочная стоимость, или тот прибавочный продукт, который достается капиталу в результате развития производительной силы труда. Как и вообще при такой точке зрения, прибавочный труд рассматривается здесь большей частью в форме прибавочного продукта, между тем как у автора памфлета прибавочный продукт рассматривается большею частью в форме прибавочного труда.

«Учить, что богатство и могущество нации зависят от ее *капитала,* — значит превращать труд в нечто подчиненное богатству, превращать людей в служителей собственности» (стр. 7).

В том антитезисе, который рикардовская теория вызвала к жизни на базе своих собственных предпосылок, характерным является следующее:

По мере того, как политическая экономия все более и более развивалась, — а это развитие, поскольку речь идет об основных принципах, получило наиболее заостренное выражение у Рикардо, — она все определеннее и определеннее изображала труд как единственный элемент стоимости и единственный [активный] созидатель потребительной стоимости, развитие производительных сил — как единственное средство для действительного увеличения богатства, а возможно большее развитие производительных сил труда — как экономический базис общества. Таков, действительно, базис *капиталистического производства.* И особенно сочинение Рикардо, когда оно доказывает, что закон стоимости не нарушается ни земельной собственностью, ни накоплением капитала, ни чем-либо еще, занято, собственно говоря, только тем, что пытается устранить из теории все те явления, которые противоречат этой концепции или кажутся противоречащими ей. Но в такой же мере, в какой труд понимается как *единственный* источник меновой стоимости и как активный источник потребительной стоимости, в такой же самой мере *«капитал»* теми же самыми политико-экономами, в особенности Давидом Рикардо (а после него, в еще большей степени, Торренсом, Мальтусом, Бейли и другими), рассматривается как регулятор производства, источник богатства и цель производства, между тем как труд выступает у них как наемный труд, носитель и действительное орудие которого в силу необходимости является паупером (к тому же тут выступает еще и мальтусовская теория народонаселения), всего лишь одной из статей издержек производства и простым инструментом производства, обреченным на минимум заработной платы и вынужденным опускаться ниже этого минимума всякий раз, как только рабочие оказываются в «излишнем» для капитала

количестве. В этом противоречии политическая экономия лишь высказала сущность капиталистического производства или, если угодно, сущность наемного труда, отчужденного от самого себя труда, которому созданное им богатство противостоит как чужое богатство, его собственная производительная сила — как производительная сила его продукта, его обогащение — как самообеднение, его общественная сила — как сила общества, властвующая над ним. Но эту определенную *специфическую,* историческую форму общественного труда, как она выступает в капиталистическом производстве, эти политико-экономы объявляют всеобщей, вечной формой, истиной, коренящейся в природе вещей, а *эти* производственные отношения — абсолютно (а не исторически) необходимыми, естественными и разумными отношениями общественного труда. Будучи всецело ограничены горизонтом капиталистического производства, они объявляют ту *антагонистическую* форму, в которой выступает здесь общественный труд, столь же необходимой, как необходим сам этот труд, освобожденный от указанного антагонизма. Таким образом, объявляя в одно и то же время единственным источником богатства, с одной стороны, *труд* в абсолютном смысле этого слова (ибо для них наемный труд и труд тождественны), а с другой стороны, в таком же абсолютном смысле *капитал,* нищету рабочего и богатство того, кто не работает, они постоянно движутся в абсолютных противоречиях, совершенно не подозревая этого. (*Сисмонди* своей догадкой об этом противоречии делает эпоху в политической экономии.) «Труд, *или* капитал» — в этой формулировке Рикардо[93] разительно выступают как само противоречие, так и та наивность, с какой оно высказывается в качестве чего-то тождественного.

Но так как то же самое реальное развитие, которым буржуазной политической экономии было придано это теоретически беспощадное выражение, развивает содержащиеся в самой действительности реальные противоречия и в особенности противоположность между растущим богатством «нации» в Англии и растущей нищетой рабочих, так как, далее, эти противоречия получили *теоретически* меткое, хотя и неосознанное выражение в теории Рикардо и других политико-экономов, то было вполне естественно, что те [XV—862] умы, которые стали на сторону пролетариата, ухватились за теоретически уже обработанное для них противоречие. Труд есть единственный источник меновой стоимости и единственный активный созидатель потребительной стоимости. Так говорите вы. С другой стороны, вы говорите, что *капитал* — это всё, а рабочий — ничто, или что рабочий представляет собой просто одну из статей издержек производ-

ства капитала. Вы сами себя опровергли. Капитал есть околпачивание рабочего — и больше *ничего. Труд* есть *всё.*

Таково, и в самом деле, последнее слово всех тех сочинений, которые защищают пролетарские интересы с точки зрения Рикардо, исходя из его собственных предпосылок. Подобно тому как Рикардо не понимает формулируемого в его системе тождества *капитала* и *труда,* так авторы этих сочинений *не понимают* того противоречия между капиталом и трудом, которое они изображают. Поэтому даже самые значительные среди них, как например Годскин, сами принимают как вечные формы все экономические предпосылки капиталистического производства и хотят только вычеркнуть капитал, основу и вместе с тем необходимое следствие этих предпосылок.

У *Рейвнстона* основная мысль такова:

Развитие производительных сил труда создает *капитал,* или *собственность,* т. е. прибавочный продукт для «idlers»[*] — бездельников, не-рабочих, — и притом труд порождает этот свой паразитический нарост, высасывающий его до мозга костей, тем в большей степени, чем больше развивается его производительная сила. Получает ли не-рабочий право на этот прибавочный продукт, или власть присваивать себе продукт чужого труда, благодаря тому, что он уже обладает богатством, или благодаря тому, что у него есть земля, земельная собственность, — это не меняет дела. И то и другое есть *капитал,* т. е. господство над продуктом чужого труда. Собственность — property — означает у Рейвнстона лишь *присвоение* продукта чужого труда, а это возможно только в том случае, если развивается *производительный труд,* и только в той степени, в какой он развивается. Под производительным трудом Рейвнстон понимает такой труд, который производит предметы необходимости. Одним из следствий развития капитала, или собственности, является непроизводительный труд, *«индустрия потребления»*[94]. Подобно автору памфлета «The Source and Remedy of the National Difficulties», Рейвнстон выступает как аскет. Тут он опять-таки сам находится в плену у представлений политико-экономов. Без *капитала,* без *собственности,* потребляемые рабочими предметы необходимости производились бы в избытке, но не было бы производства предметов роскоши. Или можно также сказать, что Рейвнстон, как и автор упомянутого памфлета, постольку понимает или, по крайней мере, фактически признаёт *историческую необходимость* капитала, поскольку капитал, по мнению памфлетиста, производит *прибавочный труд*

[*] — «праздных людей». *Ред.*

сверх того труда, который необходим для поддержания жизни рабочего, и вместе с тем приводит к созданию машин (у памфлетиста — «основного капитала») и внешней торговли, мирового рынка, отчасти для того, чтобы использовать вырванный у рабочих прибавочный продукт для увеличения производительной силы, отчасти для того, чтобы придать этому прибавочному продукту самые разнообразные формы потребительной стоимости, поднимающиеся над тем, без чего нельзя обойтись. Таким же образом по Рейвнстону без *капитала и собственности* не создавались бы ни «предметы удобства», ни машины, ни предметы роскоши, не было бы ни развития естественных наук, ни тех духовных продуктов, которые обязаны своим существованием досугу или стремлению богатых получать от не-рабочих эквивалент за свой «прибавочный продукт».

Памфлетист и Рейвнстон говорят это не в оправдание капитала, а делают из этого исходную точку для нападения на капитал, так как все это совершается лишь *в противоположность* интересам рабочих, а не *для* рабочих. Но тем самым они фактически признают, что это есть результат капиталистического производства, что капиталистическое производство есть, следовательно, некая историческая форма общественного развития, хотя и находящаяся в противоречии с интересами той части населения, которая образует основу всего этого развития. В этом отношении они разделяют, — хотя и с противоположного полюса, — ограниченность политико-экономов, смешивая *антагонистическую форму* этого развития с самим его содержанием. Одни хотят увековечить этот антагонизм ради его плодов. Другие готовы, чтобы избавиться от антагонизма, пожертвовать теми плодами, которые выросли в рамках этой антагонистической формы. Этим отличается это выступление против [буржуазной] политической экономии от одновременного выступления таких людей, как Оуэн, а, с другой стороны, также и от выступления Сисмонди, который ищет спасения в возврате к устаревшим формам антагонизма, чтобы избавиться от него в его острой форме.

[Рейвнстон пишет:]

«Нужда бедных создает его» (богатого) «богатство... Если бы все были равны, то никто не работал бы на другого. Предметы необходимости имелись бы в избытке, тогда как предметы роскоши совершенно отсутствовали бы» (стр. 10).

«Труд, производящий продукты, есть отец собственности; труд, помогающий другим потреблять продукты, — ее дитя» (стр. 12).

«Увеличение собственности, увеличение возможности содержать праздных людей и непроизводительный труд — вот что политическая экономия называет капиталом» (стр. 13).

«Так как назначение собственности состоит в расходовании, так как без расходования она остается совершенно бесполезной для ее владельца, то ее существование теснейшим образом связано с существованием [863] индустрии потребления» (там же).

«Если бы *труда* каждого человека *хватало только на обеспечение его собственного пропитания,* то *не могло бы существовать собственности,* и никакую часть труда народа нельзя было бы отвлечь на удовлетворение нужд воображения» (стр. 14—15).

«На всякой ступени развития общества по мере того, как увеличение народонаселения и усовершенствование технических приспособлений повышают производительность труда отдельного человека, *число тех, кто работает, постепенно уменьшается...* Собственность вырастает из усовершенствования средств производства; ее единственное назначение, это — поощрение праздности. Когда труда каждого человека едва хватает на его собственное содержание, то не будет праздных людей, так как собственность при таком положении вещей невозможна. Если труд одного человека может содержать пятерых, тогда на одного занятого в производстве человека будет приходиться четыре праздных человека: ведь только таким образом возможно потребить продукт... Стремление общества направлено к тому, чтобы возвеличить праздных людей за счет трудолюбивых, создать силу из изобилия» (стр. 11).

{По поводу ренты (это не совсем правильно, так как именно относительно ренты надо было бы объяснить, почему она достается земельному собственнику, а не арендатору, капиталисту-производственнику) Рейвнстон говорит то, что имеет силу для прибавочной стоимости вообще, поскольку она развивается в результате увеличения производительной силы труда:

«На ранних стадиях развития общества, когда у людей еще нет искусственных средств для содействия производительным силам их труда, та часть их выручки, которая может быть отдана в виде ренты, чрезвычайно мала; ибо земля не имеет стоимости от природы и всем своим продуктом обязана труду. Но всякое увеличение умения работать увеличивает ту часть продукта, которая может быть отложена для уплаты ренты. Там, где для содержания десяти человек требуется труд девяти, только $^{1}/_{10}$ валового продукта может доставаться на долю ренты. Где труда одного человека достаточно для содержания пяти, там на долю ренты или других требований государства, которые могут быть удовлетворены лишь из прибавочного продукта труда, достанется $^{4}/_{5}$ продукта. Первое, по-видимому, имело место в Англии в период завоевания, последнее имеет место ныне, когда только $^{1}/_{5}$ часть населения занята в земледелии» (стр. 45— 46). «Вот до какой степени верно то, что общество превращает каждое усовершенствование лишь в средство для увеличения праздности» (стр. 48).}

Примечание. Сочинение Рейвнстона оригинально. Его непосредственной темой, как указывает заглавие, является современная система государственных долгов. Между прочим Рейвнстон говорит:

«Вся война против французской революции [а затем против Наполеона] не сделала ничего более великого, чем превращение нескольких евреев в дворян и нескольких болванов в политико-экономов» (стр. 66—67).

«Система государственных долгов имеет и хорошую сторону: когда она отнимает у старинного дворянства страны значительную часть его собственности, чтобы передать эту собственность новоиспеченным гидальго в качестве награды за их ловкость в искусстве обмана и казнокрадства;.. когда она поощряет обман и подлость, одевает шарлатанство и самомнение в одежду мудрости, превращает целый народ в нацию биржевых спекулянтов;.. когда она подрывает все предрассудки относительно звания и рождения, чтобы сделать деньги единственным отличительным признаком между людьми,.. — она всем этим разрушает незыблемость собственности» (стр. 51—52).

3) ГОДСКИН

«Labour Defended against the Claims of Capital; or, the Unproductiveness of Capital Proved. With reference to the Present Combinations amongst Journeymen». By a Labourer. London, 1825.

Thomas Hodgskin. Popular Political Economy. Four Lectures delivered at the London Mechanics' Institution. London, 1827.

Первое, анонимное сочинение написано тоже Годскином. Если те памфлеты, о которых речь шла выше, и ряд других, подобных им, прошли бесследно, то эти сочинения Годскина, в особенности первое, произвели значительную сенсацию и всё еще причисляются (ср. *John Lalor.* Money and Morals. London, 1852 [стр. XXIV и 319—3221) к значительным произведениям английской политической экономии. Мы рассмотрим здесь по порядку оба эти сочинения.

[а) ПОЛОЖЕНИЕ О НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ КАПИТАЛА КАК НЕОБХОДИМЫЙ ВЫВОД ИЗ ТЕОРИИ РИКАРДО]

В брошюре «Labour Defended against the Claims of Capital; or, the Unproductiveness of Capital Proved» автор, как это выражено уже в заглавии, хочет доказать *«непроизводительность капитала».*

Рикардо нигде не утверждает, что капитал *производителен в смысле производства стоимости.* Капитал, по Рикардо, присоединяет к продукту только свою собственную стоимость, а его собственная стоимость зависит от рабочего времени, требующегося для его воспроизводства. Стоимостью он обладает лишь как «накопленный труд» (точнее, как [864] овеществленный труд), и только эту свою стоимость он присоединяет к тому продукту, в который он входит. Правда, в связи с вопросом об

общей норме прибыли Рикардо впадает в непоследовательность. Но это как раз и есть то противоречие, на котором его поймали его противники.

Что же касается производительности капитала в смысле производства *потребительной стоимости,* то у Смита, Рикардо и т. д. — вообще у политико-экономов — она означает только то, что продукты прежних полезных работ снова служат средствами производства: предметом труда, орудием труда и жизненными средствами для рабочего. Объективные условия труда выступают не в качестве простых предметов природы, как это имеет место в первобытном состоянии (в качестве простых предметов природы они никогда не бывают капиталом), а в качестве предметов природы, уже преобразованных человеческой деятельностью. Но в этом смысле слово «капитал» совершенно излишне и ничего не говорит. Пшеница кормит не потому, что она есть капитал, а потому, что она есть пшеница. Потребительная стоимость шерсти присуща ей как шерсти, а не как капиталу. Точно так же и действие паровой машины не имеет ничего общего с ее бытием как капитала. Она оказывала бы точно такую же услугу, если бы она не была «капиталом» и принадлежала не фабриканту, а рабочим. В действительном процессе труда все эти вещи оказывают услуги благодаря тому отношению, какое они, как *потребительные стоимости,* имеют к прилагаемому к ним труду, а не как меновые стоимости и тем более не как-капитал. То, что они здесь оказываются производительными, или, точнее, то, что производительность труда осуществляется в них как в своей материи [Stoff], коренится в их свойстве быть объективными условиями действительного труда, а не в их *общественном бытии* в качестве *самостоятельно противостоящих рабочему, отчужденных от него условий,* в качестве воплощенного в капиталисте *господина* над живым трудом. Они здесь потребляются и применяются как *богатство,* по верному замечанию *Гопкинса*[95] (не нашего Годскина), а не как *«чистое»* богатство, как продукт, а не как «чистый» продукт. Правда, в голове политико-эконома определенная общественная форма этих вещей в их отношении к труду и их реальная характеристика как моментов процесса труда так же переплетаются и так же неразрывно срослись одна с другой, как и в голове капиталиста. Тем не менее, как только политико-экономы приступают к анализу процесса труда, они вынуждены совершенно отказаться от выражения «капитал» и говорить о *материале труда, средствах труда и жизненных средствах.* Но в этой характеристике продукта как материала, орудия и жизненных средств для рабочего выражено только их

отношение, как *предметных* условий, к труду; самый труд выступает здесь как господствующая над ними деятельность. В этом нет абсолютно ничего от отношения между трудом и капиталом, а имеется лишь отношение человеческой целесообразной деятельности к ее собственным продуктам в процессе воспроизводства. Они не перестают быть ни продуктами труда, ни просто такими предметами, которыми труд свободно распоряжается. Они выражают лишь то отношение, в рамках которого труд присваивает себе созданный им самим — по крайней мере, созданный в этой форме — предметный мир; но они отнюдь не выражают никакого *иного господства этих вещей над трудом,* кроме того обстоятельства, что деятельность должна сообразоваться со своим материалом, — ведь в противном случае она не была бы целесообразной деятельностью, трудом.

О *производительности* капитала можно говорить лишь постольку, поскольку капитал рассматривается как выражение определенного общественного отношения производства. А когда капитал рассматривается таким образом, то сейчас же обнаруживается исторически преходящий характер этого отношения, всеобщее познание которого несовместимо с его дальнейшим существованием и которое само создает средства для своего уничтожения.

Но политико-экономы не рассматривают капитал как такое отношение, так как они не смеют признать его *относительный* характер, да и не понимают последнего; напротив, они лишь дают теоретическое выражение способу представления практиков, находящихся в плену у капиталистического производства, которое господствует над этими практиками и в котором они заинтересованы.

В своей полемике [против буржуазной политической экономии] Годскин сам исходит из ограниченного способа представления политико-экономов. Поскольку политико-экономы изображают капитал как вечное отношение производства, они сводят его к тем общим отношениям труда к его материальным условиям, которые общи всякому способу производства и не содержат ничего от специфического характера капитала. В той мере, в какой у них капитал рассматривается как создающий «стоимость», лучшие из них — и [в особенности] Рикардо — признают, что он не создает иной стоимости, кроме той, какую он получил раньше и получает постоянно от труда, так как содержащаяся в каком-либо продукте стоимость определяется рабочим временем, необходимым для его воспроизводства, т. е. тем, что собой представляет продукт как результат живого, теперешнего, а не прошлого труда. И производительность труда,

как подчеркивает Рикардо, проявляет свой рост как раз в постоянном обесценении продукта прошлого труда. С другой стороны, политико-экономы постоянно смешивают ту определенную специфическую форму, в которой эти вещи являются капиталом, с их свойствами как вещей и как простых моментов всякого процесса труда. Ту мистификацию, которая содержится в капитале как *«применителе труда» [employer of labour]*[96], они не объясняют и ограничиваются только тем, что постоянно бессознательно высказывают ее как нечто неотделимое от его, капитала, вещного характера.

[867][97] Первый памфлет[*], делая правильный вывод из теории Рикардо, сводит прибавочную стоимость к *прибавочному труду.* Это делается в противоположность тем противникам и последователям Рикардо, которые цепляются за его смешение прибавочной стоимости и прибыли.

Второй памфлет[**], в противоположность тем же противникам и последователям Рикардо, точнее определяет относительную прибавочную стоимость, зависящую от степени развития производительной силы труда. Рикардо говорил то же самое, но он избегает того вывода, который делает Рейвнстон: увеличение производительной силы труда увеличивает только чужое, господствующее над трудом богатство, капитал.

Наконец, третий памфлет[***] формулирует то общее положение, которое является необходимым следствием рикардовской трактовки вопроса: *капитал непроизводителен.* Это направлено против Торренса, Мальтуса и других, которые, — развивая дальше одну сторону учения Рикардо, — превращают его положение «труд есть творец стоимости» в противоположное положение «капитал есть творец стоимости». Вместе с тем здесь ведется полемика против положения об абсолютной зависимости труда от *наличной массы капитала* как условия существования труда, —положения, которое проходит красной нитью от Смита до Мальтуса и особенно у последнего (а также у Джемса Милля) возводится в абсолютную догму.

Первый памфлет приходит в конце концов к тезису:

«Богатство есть такое время, которым можно свободно располагать, и ничего больше»[****].

---

[*] — анонимный памфлет «The Source and Remedy of the National Difficulties». *Ред.*

[**] — памфлет Рейвнстона «Thoughts on the Funding System, and its Effects». *Ред.*

[***] — анонимный памфлет Годскина «Labour Defended against the Claims of Capital; or, the Unproductiveness of Capital Proved». *Ред.*

[****] См. настоящий том, часть III, стр. 263—265. *Ред.*

[б) ПОЛЕМИКА ПРОТИВ РИКАРДОВСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАПИТАЛА КАК НАКОПЛЕННОГО ТРУДА. КОНЦЕПЦИЯ СОСУЩЕСТВУЮЩЕГО ТРУДА. НЕДООЦЕНКА ЗНАЧЕНИЯ ОВЕЩЕСТВЛЕННОГО ПРОШЛОГО ТРУДА. НАЛИЧНОЕ БОГАТСТВО В ЕГО ОТНОШЕНИИ К ДВИЖЕНИЮ ПРОИЗВОДСТВА]

По мнению Годскина, «оборотный капитал» есть не что иное, как *сосуществование* различных видов общественного труда («сосуществующий труд»), а накопление представляет собой не что иное, как накопление производительной силы общественного труда, так что накопление мастерства и знаний (научной силы) самих рабочих является основным накоплением и несравненно важнее, чем идущее рука об руку с ним и лишь отражающее его накопление *наличных объективных* условий этой накопляемой деятельности, которые постоянно вновь производятся и вновь потребляются и накопляются только номинально:

«Производительный капитал и искусный труд — это одно и то же... Капитал и рабочее население означают совершенно одно и то же» [«Labour Defended against the Claims of Capital», стр. 33] [Русский перевод: *Годскин, Томас.* Сочинения. Москва, 1938, стр. 36].

Все это есть лишь дальнейшее развитие тезиса Галиани:

«Истинным богатством является... *человек»* («Della Moneta», издание Кустоди, Parte Moderna, том III, стр. 229).

Весь объективный мир, «мир материальных благ» отступает здесь на задний план как всего лишь момент, всего лишь исчезающее, всё снова и снова создаваемое проявление деятельности общественно производящих людей. Сравните этот «идеализм» с тем грубо материальным фетишизмом, в который превращается теория Рикардо у «этого невероятного кропателя»[98] Мак-Куллоха, где исчезает не только различие между человеком и животным, но даже и различие между живым и вещью. И после этого пусть только попробуют говорить, что перед лицом возвышенного спиритуализма буржуазной политической экономии ее пролетарская антитеза проповедовала грубый материализм, имеющий в виду исключительно животные потребности!

Ошибка Годскина состоит в том, что в своем исследовании о производительности капитала он не различает, в какой мере дело идет о производстве потребительной стоимости и в какой мере о производстве меновой стоимости.

Далее — но исторически это имеет свое оправдание — он берег капитал таким, каким он его находит у политико-эконо-

мов. С одной стороны, капитал (поскольку он участвует в действительном процессе труда) изображается у политико-экономов как простые вещные условия труда, или просто в его значении вещественного элемента труда, — и (в процессе образования стоимости) как всего лишь определенное количество труда, измеряемое временем, т. е. как что-то, ничем не отличающееся от самого этого количества труда. С другой стороны, — хотя таким образом, поскольку капитал выступает в действительном процессе производства, он на деле есть всего лишь *название* для самого труда, *иное наименование* для труда, — капитал у тех же политико-экономов изображается как господствующая над трудом и обусловливающая его сила, как основа его производительности и как чужое для него богатство. И это — без всякого опосредствования. Вот что Годскин находит у своих предшественников. И он противопоставляет реальную сторону экономического развития буржуазной мистификации этого развития.

«Капитал — это своего рода *кабалистическое слово,* как церковь или государство или какое-либо другое из тех *общих терминов,* которые те, кто стрижет остальное человечество, изобрели с целью скрыть руку, держащую ножницы» («Labour Defended», стр. 17) [Русский перевод, стр. 18].

Далее, Годскин в соответствии с той традицией, которую он находит у политико-экономов, различает оборотный и основной капитал, причем под оборотным капиталом он понимает главным образом ту часть оборотного капитала, которая состоит из жизненных средств для рабочих или используется в качестве таких жизненных средств.

«Разделение труда, утверждают политико-экономы, невозможно без *предшествовавшего накопления капитала»...* Но «те результаты, которые приписываются *запасу товаров,* фигурирующему под *названием оборотного капитала,* порождены *сосуществующим трудом»* (стр. 8—9) [Русский перевод, стр. 8—9].

Имея перед собой грубое понимание политико-экономов, Годскин вправе сказать, что «оборотный капитал» есть лишь «название» для «запаса» особых «товаров». Так как политико-экономы не выяснили того специфического общественного отношения, которое представлено в *метаморфозе товаров,* то и «оборотный» капитал они могут понимать *только* вещественно. Все различия капитала, проистекающие из процесса обращения, [868] и, в сущности, сам процесс его обращения, на деле есть не что иное, как метаморфоз товаров (получающих характер капитала в силу их отношения к наемному труду) в качестве момента процесса воспроизводства.

Разделение труда в некотором смысле есть не что иное, как *сосуществующий труд,* т. е. сосуществование *различных* видов труда, представленное в *различных видах* продуктов или, точнее, товаров. *Разделение труда,* в капиталистическом смысле, как разложение особого труда, производящего определенный товар, на некоторую сумму простых, распределенных между различными рабочими и взаимосвязанных операций, предполагает разделение труда внутри общества, вне мастерской, как *разделение занятий. С* другой стороны, разделение труда внутри мастерской увеличивает разделение труда внутри общества. Продукт может производиться как товар тем в более полном смысле, его меновая стоимость становится тем более независимой от его непосредственного бытия как потребительной стоимости, или его производство становится тем более независимым от его потребления производителями данного продукта, от его бытия как потребительной стоимости для производителей данного продукта, чем одностороннее он сам и чем больше многообразие тех товаров, на которые он обменивается, чем больше ряд тех потребительных стоимостей, в которых выражается его меновая стоимость, чем больше рынок для него. Чем в большей степени все это имеет место, тем в большей степени продукт может производиться как товар, — следовательно, также и в тем более *массовых количествах.* Безразличие потребительной стоимости продукта для его производителя выражается *количественно* в той массе, в какой продукт производится, а эта масса не находится ни в каком соотношении с потребительскими нуждами производителя данного продукта, даже когда он является вместе с тем и потребителем своего собственного продукта. Но одним из методов такого *производства en masse**, а потому и производства продукта [как товара] является *разделение труда* внутри мастерской. Таким образом, разделение труда внутри мастерской покоится на разделении занятий внутри общества.

Величина рынка имеет двоякий смысл: во-первых, количество потребителей, их число; а во-вторых, также и количество обособившихся друг от друга занятий. Увеличение последнего количества возможно и без увеличения первого. Например, когда прядение и ткачество отделяются от домашней промышленности и земледелия, все земледельцы становятся рынком для прядильщиков и ткачей. Точно так же и эти последние образуют теперь друг для друга рынок в результате разделения их занятий. Разделение труда внутри общества предполагает

* — в больших количествах, в массовом масштабе. *Ред.*

прежде всего другого такое обособление друг от друга различных видов труда, что их продукты по необходимости противостоят друг другу как товары и проходят через обмен, проделывают метаморфоз товаров, относятся друг к другу как *товары.* (Поэтому в средние века города запрещают деревне занятие возможно большим количеством профессий. Не только для того, чтобы исключить конкуренцию, — единственное, что видит здесь А. Смит, — но и для того, чтобы создать себе рынок.) С другой стороны, чтобы разделение труда внутри общества могло надлежащим образом развиваться, оно предполагает известную плотность населения. Еще более предполагает эту плотность населения развитие разделения труда внутри мастерской. Это последнее разделение труда, предпосылкой которого является определенная степень развития первого, со своей стороны, взаимодействуя с ним, усиливает его тем, что оно расчленяет ранее взаимосвязанные занятия на не зависящие друг от друга, умножает и дифференцирует косвенно требующиеся для них подготовительные работы и, увеличивая производство и народонаселение, высвобождая капитал и труд, создает новые потребности и новые способы их удовлетворения.

Поэтому когда Годскин говорит: «разделение труда» является результатом не *запаса товаров,* называемого оборотным капиталом, а результатом *«сосуществующего труда»,* то это было бы тавтологией, если бы он здесь под разделением труда понимал обособление занятий. Это означало бы только, что разделение труда является причиной или результатом разделения труда. Стало быть, Годскин может подразумевать только следующее: разделение труда внутри мастерской обусловлено обособлением занятий, общественным разделением труда, и является в известном смысле его результатом.

Не «запас товаров» создает это обособление занятий и тем самым разделение труда внутри мастерской, а указанное *обособление занятий* (и разделение труда) выражается в запасе товаров, или, точнее, выражается в том, что запас *продуктов* превращается в *запас товаров.* {Но у политико-экономов всегда неизбежно изображается как свойство вещи то, что является свойством, характерным признаком *капиталистического способа производства,* т. е. самого капитала, поскольку он выражает определенное отношение производителей друг к другу и к своему продукту.}

[869] Но если в экономическом смысле (см. Тюрго, Смита и т. д.) говорят о *«предшествовавшем накоплении капитала»* как об условии разделения труда, то под этим подразумевается предварительная концентрация *запаса товаров,* как *капитала,*

в руках покупателя труда, ибо тот вид кооперации, который характерен для разделения труда, предполагает *скопление рабочих* и, стало быть, накопление жизненных средств для них на время их работы, предполагает увеличенную производительность труда и, стало быть, увеличение количества сырья, орудий и вспомогательных материалов, которые должны быть налицо для того, чтобы работа совершалась непрерывно, так как для нее непрерывно требуется большая масса всего этого, — одним словом, предполагает наличие объективных условий производства, ведущегося в крупных масштабах.

Накопление капитала не может здесь означать «увеличение количества жизненных средств, сырья и орудий труда как *условие разделения труда»,* ибо, поскольку под накоплением капитала понимают такого рода накопление средств, оно считается следствием разделения труда, а не его предпосылкой.

Накопление капитала не может здесь означать также и то, что жизненные средства для рабочего должны быть вообще налицо до того, как взамен их будут произведены новые, или что сырьем и средствами труда для нового производства должны послужить уже произведенные продукты труда рабочего. Ибо это есть условие труда вообще и было столь же верно и *до развития* разделения труда.

С одной стороны, с точки зрения вещественного элемента, *накопление* означает здесь не что иное, как следующее: разделение труда делает необходимой концентрацию в отдельных пунктах тех жизненных средств и средств труда, которые раньше были распылены и раздроблены, пока работник в отдельных промыслах, — которые при этом предположении не могут быть очень многочисленны, — сам выполнял одну за другой все различные операции, требующиеся при производстве одного или нескольких продуктов. Здесь предполагается не *абсолютное* увеличение, а *концентрация:* в одном пункте собрано большее количество всех указанных средств и притом *относительно* больше [средств труда] по сравнению с числом собранных вместе рабочих. Для занятых в мануфактуре рабочих требуется, например, больше льна (по отношению к их числу), чем имелось того же льна по отношению ко всем тем крестьянам и крестьянкам, которые в порядке побочного занятия пряли лен. Итак, имеет место *конгломерация* рабочих и *концентрация* сырья, орудий и жизненных средств.

С другой стороны: на той исторической основе, из которой исходит этот процесс, — из которой развивается мануфактура, т. е. характеризующийся разделением труда промышленный способ производства, — эта концентрация может происходить

только в такой форме, что эти рабочие скопляются как наемные рабочие, т. е. как такие рабочие, которые вынуждены продавать свою рабочую силу, потому что условия их труда самостоятельно противостоят им как чужая собственность, чужая сила, а это включает в себя, что эти условия труда противостоят им как *капитал,* т. е. что указанные жизненные средства и средства труда, или, что то же самое, распоряжение ими посредством денег, находятся в руках отдельных владельцев денег или товаров, которые благодаря этому становятся *капиталистами.* Утрата работниками условий труда выступает как приобретение этими условиями труда обособленной от работников самостоятельности в качестве капитала, или как то обстоятельство, что этими условиями труда распоряжаются капиталисты.

Итак, первоначальное накопление, как мною показано[99], есть не что иное, как отделение условий труда в качестве самостоятельных сил, противостоящих труду и рабочим. Исторические процессы сделали это отделение моментом общественного развития. Раз капитал уже существует, то из самого способа капиталистического производства развивается сохранение и воспроизводство этого отделения во все больших размерах, пока не произойдет исторический переворот.

Не обладание деньгами делает капиталиста капиталистом. Для превращения денег в капитал должны быть налицо предпосылки капиталистического производства, первой исторической предпосылкой которого является указанное отделение. В рамках самого капиталистического производства это отделение, а потому и наличие условий труда в качестве капитала, дано; это есть постоянно воспроизводящаяся и расширяющаяся основа самого производства.

Накопление путем обратного превращения прибыли, или прибавочного продукта, в капитал становится теперь постоянным процессом, вследствие чего количественно увеличившиеся продукты труда, которые вместе с тем являются его объективными условиями, условиями воспроизводства, постоянно выступают по отношению к труду как *капитал,* как отчужденные от труда, господствующие над ним и индивидуализированные в капиталисте силы. Но тем самым специфической функцией капиталиста и становится накопление, т. е. обратное превращение части прибавочного продукта в условия труда. А отсюда дуралей политико-эконом делает тот вывод, что эта операция вообще не могла бы совершаться, если бы она не совершалась в этой антагонистической специфической форме. Воспроизводство в расширенном масштабе становится в его голове

неотделимым от капиталистической формы этого воспроизводства — *накопления.*

[870] Накопление только представляет как *беспрерывный процесс* то, что в *первоначальном накоплении* выступает как особый исторический процесс, как процесс возникновения капитала и как переход от одного способа производства к другому.

Политико-экономы, находясь в плену у тех представлений, в которых движутся агенты капиталистического производства, впадают в двойное, но взаимно обусловленное quidproquo[*].

С одной стороны, они превращают капитал из отношения в вещь, в «запас товаров» (при этом они уже забывают, что сами товары — это *не* просто вещи), которые, поскольку они в качестве условий производства служат для нового труда, называются капиталом, а соответственно способу своего воспроизводства — оборотным капиталом.

С другой стороны, они вещи превращают в капитал, т. е. то общественное отношение, которое представлено в вещах и посредством вещей, они рассматривают как такое свойство, которое присуще вещи как таковой, лишь только эта вещь входит как элемент в процесс труда, или в технологический процесс.

Таким образом, *[с одной стороны,] концентрация* в руках тех, кто не работает, *сырья и жизненных средств* в качестве сил, господствующих над трудом, в качестве *предварительного* условия разделения труда (в дальнейшем это последнее увеличивает не только концентрацию, но также, благодаря повышению производительной силы труда, и концентрируемую массу), т. е. *предварительное накопление капитала* как условие для разделения труда — означает для политико-экономов увеличение количества или концентрацию (они не проводят различия между тем и другим) жизненных средств и средств труда.

С другой стороны, эти жизненные средства и средства труда не функционировали бы, по их мнению, как объективные условия производства, если бы эти вещи не обладали свойством быть капиталом, если бы продукт труда, образующий условие труда, не потреблял самого труда, если бы прошлый труд не потреблял живого труда и если бы эти вещи не принадлежали — не рабочему, а — самим себе или per procura[**] капиталисту.

Как будто разделение труда не было бы в такой же степени возможно (хотя оно и не могло исторически с самого начала появиться в такой форме, в которой оно может выступить только

[*] — смешение понятий (буквально: принятие одного за другое). *Ред.*
[**] — по уполномочию, по доверенности. *Ред.*

как результат развития капиталистического производства), если бы условия труда принадлежали ассоциированным рабочим и если бы последние относились к ним как к тому, чем эти условия труда являются natura*, т. е. как к своим собственным продуктам и предметным элементам своей собственной деятельности.

Так как, далее, при капиталистическом производстве капитал присваивает себе прибавочный продукт рабочего и так как в силу этого те продукты труда, которые капитал уже *присвоил* себе, противостоят теперь рабочему в форме капитала, то ясно, что превращение прибавочного продукта в условия труда может исходить лишь от капиталиста и лишь в той форме, что продукт труда, присвоенный капиталистом без эквивалента, капиталист делает средством производства для нового безэквивалентного труда. Поэтому расширение воспроизводства выступает как превращение прибыли в капитал и как *сбережения* капиталиста, который, вместо того чтобы проесть полученный даром прибавочный продукт, делает его снова средством эксплуатации труда, но может выполнить это только путем превращения его снова в производительный капитал, что включает в себя превращение прибавочного продукта в средства труда. Поэтому политико-эконом делает тот вывод, что прибавочный продукт не мог бы служить элементом нового производства, если бы он предварительно не превратился из продукта рабочего в собственность его хозяина, чтобы затем снова служить в качестве капитала и повторить прежний процесс эксплуатации. К этому у худших политико-экономов присоединяется представление о накапливании запасов и об образовании сокровищ. Но даже и лучшие, как Рикардо, переносят представление о самоотречении с собирателя сокровищ на капиталиста.

Политико-экономы не рассматривают капитал как отношение. Они не могут рассматривать его таким образом, не рассматривая его вместе с тем как исторически преходящую, относительную, не абсолютную форму производства. Даже у Годскина нет такого понимания капитала. В той мере, в какой оно оправдывает капитал, оно не оправдывает оправдания капитала политико-экономами, а, напротив, опровергает это оправдание. Итак, к такому взгляду на капитал Годскин не имеет никакого отношения.

При тех взаимоотношениях, которые существовали между Годскином и политико-экономами, характер его полемики был,

* — по своей природе. *Ред.*

казалось бы, предопределен и очень прост. Годскин просто-напросто должен был, опираясь на одну сторону, «научно» развиваемую политико-экономами, выдвинуть ее против тех фетишистских представлений, которые они sans raison*, бессознательно и наивно перенимают из капиталистического способа представления, и сказать примерно так:

Употребление продуктов прошлого труда — вообще продуктов труда — в качестве материалов, орудий и жизненных средств необходимо, если рабочий хочет использовать свои продукты для нового производства. Этот определенный способ потребления его продукта производителен. Но какое же отношение имеет это использование продукта рабочего, этот способ потребления им своего продукта к господству этого продукта над самим рабочим, к бытию этого продукта в качестве капитала, к сосредоточению распоряжения сырьем и жизненными средствами [870a] в руках отдельных капиталистов и к лишению рабочих собственности на их продукт? Какое это имеет отношение к тому, что рабочие сперва должны даром отдавать свой продукт третьему лицу, чтобы потом выкупать его у последнего своим собственным трудом, для чего им приходится отдавать ему в обмен на этот продукт больше труда, чем в нем содержится, и таким путем создавать для капиталиста новый прибавочный продукт?

Прошлый труд выступает здесь в двух формах. Во-первых,— как *продукт, потребительная стоимость*. Процесс производства требует того, чтобы рабочие часть этого продукта потребили [в качестве жизненных средств], а другую часть использовали как сырье и орудия труда. Это относится к технологическому процессу и только показывает, как рабочие должны относиться в *промышленном производстве* к продуктам своего собственного труда, к своим собственным продуктам, чтобы сделать их средствами производства.

Во-вторых, прошлый труд выступает как *стоимость*. Это показывает только, что стоимость нового продукта рабочих представляет не только их теперешний, но также и их прошлый труд и что рабочие, увеличивая своим трудом старую стоимость, сохраняют ее именно тем, что они ее увеличивают.

Притязание капиталиста не имеет ничего общего с этим процессом как таковым. Конечно, раз капиталист присвоил себе продукты труда, прошлого труда, то в результате этого он обладает средством для присваивания новых продуктов и живого труда. Но это как раз и есть тот образ действия, который

* — не отдавая себе в этом отчета. *Ред.*

вызывает протесты. Необходимые для «разделения труда» предварительные концентрация и накопление как раз и не должны выступать как *накопление капитала.* Из того, что они необходимы, отнюдь не следует необходимость того, чтобы теми условиями, которые вчерашний труд создал для труда сегодняшнего, распоряжался капиталист. Если накопление капитала [согласно политико-экономам] означает не что иное, как накопление труда, то это отнюдь не включает того, что оно должно быть накоплением чужого труда.

Однако Годскин — странным, на первый взгляд, образом — не идет этим простым путем. В своей полемике против производительности капитала, в первую очередь — оборотного, но еще более — основного, он, по-видимому, оспаривает или отрицает значение для воспроизводства, как условия нового труда, самого *прошлого труда* или его *продукта,* т. е. значение прошлого, овеществленного в продуктах труда для труда как совершающейся в настоящий момент ενεργεια*. Чем вызван такой поворот?

Так как политико-экономы отождествляют прошлый труд с *капиталом* — прошлый труд берется здесь как в смысле конкретного, овеществленного в продуктах труда, так и в смысле общественного труда, материализированного рабочего времени, — то понятно, что они, как Пиндары** капитала, выдвигают на первый план *предметные* элементы производства и переоценивают их значение по сравнению с *субъективным элементом,* живым, непосредственным трудом. Для них труд становится адекватным только тогда, когда он становится *капиталом,* когда он противостоит самому себе, когда пассив труда противостоит его активу. Продукт поэтому господствует над производителем, предмет — над субъектом, осуществленный труд — над трудом осуществляющимся, и т. д. Во всех этих концепциях прошлый труд выступает не как всего лишь предметный момент живого труда, подчиненный живому труду, а наоборот; не как элемент власти живого труда, а как власть над этим трудом. Для того чтобы и *технологически* оправдать ту *специфическую общественную форму,* т. е. *капиталистическую форму,* в которой взаимоотношение труда и условий труда оказывается перевернутым, так что не рабочий применяет эти условия, а условия труда применяют рабочего, политико-экономы приписывают предметному моменту труда некую ложную важность в противовес самому труду. И именно

* — деятельности. *Ред.*
** — певцы-восхвалители (по имени древнегреческого поэта Пиндара). *Ред.*

поэтому Годскин, наоборот, настаивает на том, что этот предметный момент, — стало быть, все овеществленное богатство, — чрезвычайно незначителен по сравнению с живым процессом производства и в действительности обладает ценностью только как момент живого процесса производства, а сам по себе никакой ценности не имеет. При этом Годскин несколько недооценивает, — но это естественно в противовес фетишизму политико-экономов, — то значение, какое прошлое труда имеет для его настоящего.

Если бы в капиталистическом производстве, — а отсюда и в его теоретическом выражении, в политической экономии, — прошлый труд выступал только как пьедестал и т. д., созданный для труда самим трудом, то такого рода спора не могло бы быть. Предмет спора существует только потому, что в реальном бытии капиталистического производства, а также и в его теории, *овеществленный труд* выступает как антагонистическая противоположность самому труду, *живому труду.* Совершенно подобным же образом в находящемся в плену у религии процессе мышления продукт мышления не только претендует на господство над самим мышлением, но и осуществляет это господство.

[865] Таким образом, тезис Годскина о том, что

«те результаты, которые приписываются *запасу товаров,* фигурирующему под названием оборотного капитала, порождены *сосуществующим трудом»* (стр. 9),

означает прежде всего следующее:

Одновременное сосуществование живого труда порождает значительную часть тех результатов, которые приписываются продукту прошлого труда, фигурирующему под названием оборотного капитала.

Часть оборотного капитала состоит, например, из запаса жизненных средств, которые капиталист, как утверждают политико-экономы, накопил, чтобы содержать рабочих во время их работы.

Образование запасов вообще не является особенностью капиталистического производства, хотя, поскольку при нем производство и потребление наиболее велики, постольку и находящаяся на рынке — находящаяся в сфере обращения — масса товаров тоже наиболее велика. В концепции о накоплении капиталистом запаса жизненных средств все еще сквозит воспоминание о *накоплении, осуществляемом собирателем сокровищ, о* том, что англичане называют «hoarding»*.

* — «припрятыванье про запас». *Ред.*

Здесь следует прежде всего оставить в стороне фонд потребления, так как речь здесь идет о капитале и промышленном производстве. То, что попало в сферу индивидуального потребления, безразлично, потребляется ли оно быстрее или медленнее, перестало быть капиталом {хотя частично оно может быть обратно превращено в капитал, как например дома, парки, сосуды и т. д.}.

«Обладают ли в данный момент все капиталисты Европы пищей и одеждой хотя бы на одну неделю для всех тех рабочих, которые у них заняты? Рассмотрим этот вопрос сначала в отношении пищи. Часть пищи народа составляет *хлеб,* который всегда выпекается всего только за несколько часов до того, как его едят... Продукт булочника нельзя накоплять. Материал, из которого делают хлеб, будь то зерно или мука, никогда не может *сохраняться без постоянного труда...* Уверенность рабочего-прядильщика в том, что он достанет хлеб, когда последний ему понадобится, и уверенность его хозяина в том, что те деньги, которые он уплачивает рабочему, дадут рабочему возможность купить этот хлеб, порождаются просто тем фактом, что хлеб всегда можно было достать, когда он был нужен» (стр. 10) [Русский перевод, стр. 10—11].

«Другим предметом питания рабочего является молоко, а молоко производится... два раза в день. Если скажут, что молочный скот уже имеется налицо, то на это следует ответить, что он требует *постоянного ухода и постоянного труда и что его корм в течение большей части года является результатом ежедневного роста кормовых растений.* Поля, на которых он пасется, требуют рабочих рук... Точно так же обстоит дело и с мясом. Его нельзя накоплять, ибо едва оно доставлено на рынок, как начинает уже портиться» (стр. 10) [Русский перевод, стр. 11].

Даже предметы одежды из-за моли *«заготовляются лишь в очень небольшом количестве* по сравнению с общим потреблением их» (стр. 11) [Русский перевод, стр. 12].

«Милль справедливо говорит: «То, что производится в течение года, в течение года и потребляется», так что в действительности нельзя *накопить такой запас товаров, который давал бы людям возможность выполнять все те операции, которые тянутся дольше года.* Поэтому те, кто предпринимает такие операции, должны рассчитывать не *на уже произведенные товары,* а на то, что другие люди будут работать и производить то, что необходимо для их существования во время их работы над завершением их собственных продуктов. Таким образом, даже если рабочий согласится с тем, что необходимо некоторое накопление оборотного капитала для операций, заканчиваемых в течение года,.. то ясно, что при всех операциях, продолжающихся больше одного года, рабочий не рассчитывает и не может рассчитывать на *накопленный* капитал» (стр. 12) [Русский перевод, стр. 13].

«Если мы должным образом примем во внимание число и значение тех создающих богатство операций, которые не заканчиваются в течение года, а также те бесчисленные продукты ежедневного труда, необходимые для поддержания существования, которые потребляются немедленно после того, как они произведены, то мы поймем, что *успешность и производительная сила каждого из различных видов труда всегда зависят в большей степени от сосуществующего производительного труда других людей, чем от какого-либо* накопления оборотного капитала» (стр. 13) [Русский перевод, стр. 14].

«Тем, что капиталист *имеет возможность* содержать, а потому и применять *других работников,* он обязан своей *власти над трудом некоторых*

людей, а не своему обладанию *запасом товаров»* (стр. 14) [Русский перевод, стр. 15].

«Единственная вещь, о которой можно сказать, что она накопляется и подготовляется заранее, есть *искусство рабочего»* (стр. 12) [Русский перевод, стр. 12].

«Все те результаты, которые обычно приписываются накоплению оборотного капитала, обусловлены *накоплением и усвоением навыков искусного труда,* а эта важнейшая операция осуществляется, поскольку речь идет об основной массе рабочих, без какого бы то ни было *оборотного капитала»* (стр. 13) [Русский перевод, стр. 14].

«Число рабочих всегда по необходимости зависит от *количества оборотного капитала, или,* как я сказал бы, от того количества *продуктов сосуществующего труда,* которое дозволяют потреблять рабочим» (стр. 20) [Русский перевод, стр. 22].

[866] «Оборотный капитал... создается только для потребления, тогда как основной капитал... производится не для потребления, а для того, чтобы помогать рабочему при производстве тех вещей, которые потребляются» (стр. 19) [Русский перевод, стр. 21].

Итак, отметим прежде всего следующее:

«Успешность и производительная сила каждой особой отрасли труда всегда зависят в большей степени от *сосуществующего* производительного труда других людей, чем от какого-либо накопления оборотного капитала», т. е. «уже произведенных товаров». Эти «уже произведенные товары» противостоят «продуктам сосуществующего труда».

{Внутри каждой *отдельной* отрасли производства та часть капитала, которая сводится к орудиям труда и к материалу труда, всегда является предпосылкой в качестве «уже произведенных товаров». Нельзя прясть хлопок, который еще не «произведен», нельзя приводить в движение веретена, которые еще надо изготовить, и нельзя сжигать уголь, который еще не извлечен из шахты. Следовательно, они всегда входят в процесс [производства] как формы существования *прошлого труда.* И в этом смысле существующий труд зависит от предшествовавшего труда, а не только от сосуществующего труда, хотя этот предшествовавший труд, в форме ли средств труда или материала труда, может обладать какой-либо полезностью (производительной полезностью) всегда лишь в контакте с живым трудом как его предметный момент, — только как момент производственного потребления, т. е. потребления процессом труда.

Но при рассмотрении обращения и процесса воспроизводства мы вместе с тем видели, что после того как товар изготовлен и превращен в деньги, он может быть воспроизведен только потому, что все его элементы были *одновременно* произведены и воспроизведены «сосуществующим трудом»[100].

В производстве имеет место двоякое движение. Возьмем для примера хлопок. Он переходит из одной фазы производства

в другую. Сперва он производится как хлопок-сырец, затем подвергается множеству манипуляций, пока не делается пригодным для экспорта, или, если дальнейшая переработка происходит в той же стране, непосредственно переходит в руки прядильщика. Потом он передвигается от прядильщика к ткачу, от ткача к отбельщику, красильщику, отдельщику, а от них — в различные мастерские, которые перерабатывают его для специальных целей, в предметы одежды, постельное белье и т. д. Наконец, из рук последнего производителя он переходит в руки потребителя, в индивидуальное потребление, если не поступает в качестве средства труда (не материала) в производственное потребление. Но тем самым хлопок получил свою окончательную форму потребительной стоимости, чтобы быть потребленным либо производственно, либо индивидуально. То, что здесь выходит из одной сферы производства как продукт, входит в другую сферу производства как условие производства, проходя таким образом последовательные фазы вплоть до окончательного изготовления в качестве потребительной стоимости. Здесь прошлый труд постоянно выступает как условие труда, выполняемого в настоящий момент.

Но *одновременно* с тем, как продукт передвигается таким образом из одной фазы в другую, как он проделывает этот реальный метаморфоз, он производится в каждой отдельной фазе. В то время как ткач перерабатывает пряжу, прядильщик прядет хлопок, а новый хлопок-сырец находится в процессе своего производства.

Так как непрерывный, возобновляющийся процесс производства есть процесс воспроизводства, то он в такой же мере обусловлен и *сосуществующим трудом,* который одновременно производит различные фазы продукта, в то время как продукт проделывает свои метаморфозы, переходя из одной фазы в другую. Хлопок, пряжа и ткань — все это производится не только одно после другого и одно из другого, но и производится и воспроизводится *одновременно,* рядом друг с другом. То, что представляется результатом предшествовавшего труда, когда я рассматриваю процесс производства отдельного товара, вместе с тем представляется результатом сосуществующего труда, когда я рассматриваю процесс его *воспроизводства,* т. е. рассматриваю процесс производства данного товара в его течении и в совокупности его условий, а не только в одном изолированном акте или в ограниченном пространстве. Это не только кругооборот через различные фазы, но и параллельное производство товара во всех его фазах, относящихся к особым сферам производства и образующих различные отрасли труда.

Если один и тот же крестьянин сперва возделывает лен, потом делает из него пряжу, а затем ткет, то имеет место последовательность этих операций, но не их одновременность, как это предполагает способ производства, основанный на разделении труда внутри общества.

Если рассматривать процесс производства отдельного товара в какой-нибудь из его фаз, то предшествующий труд получает, правда, смысл лишь благодаря тому живому труду, которому он доставляет его условия производства. Но, с другой стороны, эти условия производства, без которых живой труд не может осуществиться, всегда вступают в процесс как готовые результаты предшествовавшего труда. Стало быть, содействующий труд тех отраслей труда, которые доставляют условия производства, выступает всегда в форме пассива и в качестве такого пассива является предпосылкой. Этот момент подчеркивают политикоэкономы. Напротив, в воспроизводстве и обращении тот общественно опосредствующий труд, на который опирается процесс производства товара в каждой особой сфере и которым он обусловлен, выступает как сосуществующий, одновременный труд, в форме настоящего времени. Товар одновременно производится в своих начальных формах и в своих готовых формах или в следующих друг за другом формах. Без этого он не мог бы, после того как он проделал свои реальные метаморфозы, обратно превратиться из денег в условия своего осуществления. [870b] Таким образом, товар является продуктом предшествовавшего труда лишь постольку, поскольку он выступает вместе с тем и как продукт одновременного, живого труда. В этом смысле все вещественное богатство, фиксируемое капиталистическим воззрением, оказывается лишь быстро исчезающим моментом в потоке совокупного производства, включающего в себя и процесс обращения.}

[в)] ТАК НАЗЫВАЕМОЕ НАКОПЛЕНИЕ КАК ВСЕГО ЛИШЬ ЯВЛЕНИЕ ОБРАЩЕНИЯ (ЗАПАСЫ И Т. Д. — РЕЗЕРВУАРЫ ОБРАЩЕНИЯ)

Годскин рассматривает оборотный капитал только в одной из его составных частей. Но одна часть оборотного капитала постоянно превращается в основной капитал и в вспомогательные материалы, и только другая часть его превращается в предметы потребления. Более того. Даже та часть оборотного капитала, которая в конце концов превращается в товары, поступающие в индивидуальное потребление, все время, кроме той последней формы, в которой она выходит как конечный

продукт из заключительной фазы, существует на более ранних стадиях своего производства одновременно в таких своих начальных формах, в которых она еще не может войти в потребление, т. е. существует в виде сырья или полуфабриката, в различной степени отдаленного от конечной формы продукта.

У Годскина речь идет о том, каково отношение выполняемого в настоящий момент труда, который рабочий отдает капиталисту, к труду, содержащемуся в предметах, в которые превращается заработная плата и которые, стало быть, действительно являются теми потребительными стоимостями, из которых состоит переменный капитал. Признаётся, что рабочий не может работать, если не находит эти предметы готовыми для потребления. И поэтому политико-экономы говорят, что оборотный капитал — прошлый труд, уже произведенные товары, которые накопил капиталист, — образует условие труда, в частности также и условие разделения труда.

Когда речь идет об условиях производства и специально об оборотном капитале в годскиновском смысле слова, то обыкновенно говорят, что капиталист должен был накопить жизненные средства, необходимые для потребления рабочего, до того как будет готов производимый этим рабочим новый товар, т. е. во время его работы, когда производимый им самим товар находится только in statu nascendi*. Здесь проскальзывает представление, что капиталист накопляет так, как собиратель сокровищ, или что *он* собирает запас жизненных средств так, как пчелы собирают мед.

Однако это — лишь modus loquendi**.

Прежде всего, мы не говорим здесь о лавочниках, торгующих жизненными средствами. Они, конечно, должны постоянно иметь полный запас товаров. Их магазины, лавки и т. д. суть просто те резервуары, по которым распределяются товары после того, как они стали пригодны для обращения. Это накопление является лишь *промежуточной стадией,* в которой товар находится до того, как он из обращения переходит в потребление. Это — его наличие на рынке в качестве *товара.* Как товар он налицо, собственно говоря, только в этой форме. Находится ли он в руках третьего или четвертого продавца, вместо того чтобы находиться в руках первого продавца (производителя), и перешел ли он, наконец, в руки того продавца, который продает его действительному потребителю, — это нисколько не меняет дела. Это касается лишь того, что на промежуточных

* — в состоянии возникновения. *Ред.*
** — способ выражаться, оборот речи. *Ред.*

этапах товар представляет обмен капитала на капитал (собственно говоря, капитала плюс прибыль, так как производитель продает в товаре не только капитал, но и полученную на свой капитал прибыль), а на последнем этапе — обмен капитала на доход (в том случае, если товар, как предполагается здесь, предназначен к тому, чтобы перейти не в производственное, а в индивидуальное потребление).

Товар, готовый для потребления и приведенный в пригодное для продажи состояние, находится, как товар, на рынке, в фазе обращения; все товары находятся в этой фазе, поскольку им надо проделать свой первый метаморфоз, превращение в деньги. Если это называется «накоплением», то накопление означает не что иное, как «обращение», или бытие товаров как товаров. Следовательно, такого рода «накопление» было бы прямой противоположностью собиранию сокровищ, которое стремится вечно сохранять товар в этом пригодном для обращения состоянии и достигает этого лишь тем, что извлекает его, в форме денег, из обращения. Если производство, а значит и потребление, является многообразным и массовым, то немалая масса самых различных товаров будет постоянно находиться на этой *остановке,* на этом *промежуточном этапе,* одним словом — в обращении, или на рынке. Таким образом, если рассматривать это с *количественной* стороны, то большое накопление означает здесь не что иное, как большое производство и большое потребление.

Остановка товаров, пребывание их в этом моменте процесса, их бытие на рынке вместо бытия на фабрике или в частном доме (в качестве предметов потребления), в лавке, в магазине торговца, это — лишь [871] короткий момент в процессе их жизни. Неподвижное самостоятельное бытие этого «мира благ», «мира вещей» есть лишь видимость. Почтовая станция всегда наполнена, но всегда все новыми путешественниками. Одни и те же товары (товары того же рода) постоянно производятся вновь в сфере производства, находятся на рынке и подвергаются потреблению. Они, не те же самые товары, но товары одного и того же рода, всегда находятся *одновременно* на этих трех этапах. Если промежуточная стадия удлиняется, так что товары, вновь поступающие из сферы производства, застают рынок еще занятым старыми товарами, то возникает заминка, затор; рынок оказывается переполненным, товары обесцениваются, налицо *перепроизводство.* Таким образом, там, где промежуточная стадия обращения обособляется как нечто самостоятельное, переставая быть всего лишь кратковременной остановкой потока в ходе его движения, где бытие товаров в фазе обращения

выступает как *накопление [Aufhaufung],* это отнюдь не является свободным актом производителя, отнюдь не является целью или имманентным жизненным моментом производства, подобно тому как прилив крови к голове, ведущий к апоплексии, не является имманентным моментом кровообращения. Капитал в качестве *товарного капитала* (так он выступает в этой фазе обращения, на рынке) не должен застывать, а должен быть лишь краткой остановкой в ходе движения. В противном случае нарушается процесс воспроизводства. Весь механизм приходит в расстройство. Таким образом, это выступающее в отдельных пунктах в концентрированном виде предметное богатство незначительно и может быть только незначительным в сравнении с постоянным потоком производства и потребления. Поэтому также и согласно Смиту богатство есть *«годичное»* воспроизводство. Оно, следовательно, датировано не каким-либо отдаленным прошлым, а всего лишь вчерашним днем. С другой стороны, если воспроизводство из-за каких-либо помех приостанавливается, то пустеют склады и т. д., наступает недостаток, и тотчас же обнаруживается, что то постоянство, которым, как кажется, обладает имеющееся в наличности богатство, есть лишь постоянство его замещения, его воспроизводства, постоянное овеществление общественного труда.

У торговца тоже имеет место процесс *Т—Д—Т.* Нас здесь не интересует та сторона дела, что торговец при этом получает «прибыль». Он продает товар и снова покупает тот же товар (товар того же рода). Он продает его потребителю и покупает его вновь у производителя. Один и тот же товар (товар того же рода) постоянно превращается здесь в деньги, а деньги постоянно превращаются обратно в тот же товар. Но это движение лишь представляет постоянное воспроизводство, постоянное производство и потребление; ибо воспроизводство включает потребление. (Для того чтобы было возможно воспроизводство товара, он должен быть продан, должен войти в потребление.) Товар должен на деле показать себя как потребительную стоимость. (Ибо то, что для продавца выступает как *Т—Д,* для покупателя выступает как *Д—Т,* т. е. как превращение денег в товар как потребительную стоимость.) Процесс воспроизводства, являясь единством обращения и производства, включает потребление, которое само есть момент обращения. Потребление само есть момент и условие процесса воспроизводства. На деле, если рассматривать процесс в целом, торговец уплачивает за товар производителю теми же деньгами, на которые потребитель покупает у него товар. По отношению к производителю торговец представляет потребителя, а по отношению

к потребителю — производителя; он является покупателем и продавцом одного и того же товара. Те деньги, на которые он покупает, представляют собой на деле, с чисто формальной стороны, заключительный метаморфоз товара потребителя. Этот последний превращает свои деньги в товар как потребительную стоимость. Таким образом, их переход в руки торговца означает потребление товара или, с формальной стороны, переход товара из обращения в потребление. Поскольку торговец на эти деньги снова покупает у производителя, это есть первый метаморфоз товара производителя, означающий здесь переход товара в *промежуточную стадию,* где он пребывает в обращении как *товар.* Процесс *Т—Д—Т,* — поскольку он является превращением товара в деньги потребителя и обратным превращением денег, владельцем которых теперь становится торговец, в тот же товар (в товар того же рода), — выражает не что иное, как *постоянный* переход товара в потребление, ибо для этого то место, которое освобождается товаром, поступающим в потребление, должно быть занято товаром, выходящим из процесса производства и теперь вступающим в эту промежуточную стадию.

[872] *Пребывание товара* в обращении до его замены новым товаром зависит, конечно, вместе с тем от продолжительности того времени, в течение которого товары находятся в сфере производства, следовательно от продолжительности времени их воспроизводства, и бывает различно в соответствии с различием этой продолжительности. Например, воспроизводство хлеба требует одного года. Хлеба, собранного, например, этой осенью (1862 г.), поскольку он не служит снова в качестве семян, должно хватить для потребления в течение всего предстоящего года — вплоть до осени 1863 года. Он сразу выбрасывается в обращение (даже в амбарах фермеров он находится уже в обращении) и здесь поглощается различными резервуарами обращения — складами, хлебными торговцами, мельниками и т. д. Эти резервуары являются как отводными каналами для производства, так и питательными каналами для потребления. Пока товар находится в них, он является *товаром* и потому находится на рынке, в обращении. Годичное потребление извлекает его из обращения лишь кусочками, каплями. Возмещение, поток новых товаров, которые его вытесняют, приходит лишь через год. Эти резервуары поэтому опорожняются также лишь постепенно, по мере поступления того, что служит возмещением для потребленного товара. Если остается излишек и если новый урожай выше среднего, то происходит затор. То пространство, которое должен занять на рынке этот определенный товар,

оказывается переполненным. Чтобы всем можно было найти себе место на рынке, товары понижают свои рыночные цены, что снова приводит их в движение. Если их масса, как потребительных стоимостей, слишком велика, то они приспосабливаются к тому пространству, которое они должны занять, путем сжимания своих *цен.* Если эта масса слишком мала, то они расширяются путем вздувания своих *цен.*

С другой стороны, товары, быстро портящиеся как потребительные стоимости, имеют и в резервуарах обращения лишь мимолетное пребывание. То время, в течение которого они должны превратиться в деньги и должны быть воспроизведены, предуказано природой их потребительной стоимости, которая портится и потому перестает быть товаром, если она не потребляется ежедневно или почти ежедневно. Ибо меновая стоимость исчезает вместе с ее носителем, потребительной стоимостью, если только само исчезновение потребительной стоимости не является актом производства.

Вообще же ясно, что, хотя *абсолютная масса* собранных в резервуарах обращения товаров увеличивается с развитием народного хозяйства, так как увеличиваются производство и потребление, эта самая масса — по сравнению с совокупным годовым производством и потреблением — уменьшается. *Переход* товаров из обращения в потребление ускоряется, и притом в силу ряда причин. Быстрота воспроизводства увеличивается в следующих случаях:

1) Когда товар быстро проходит через свои различные фазы производства и процесс производства в каждой фазе производства сокращается; это бывает обусловлено тем, что уменьшается рабочее время, необходимое для производства товара в каждой из его форм; следовательно, это происходит вместе с развитием разделения труда, машин, применения химических процессов и т. д. {С развитием химии искусственно ускоряется перевод товара из одного агрегатного состояния в другое, его соединение с другими телами, например при окрашивании, его отделение от других веществ, например при белении, — одним словом, искусственно ускоряется как изменение формы тех же веществ (их агрегатного состояния), так и тот обмен веществ, который надо произвести; не говоря уже, например, о том, что для вегетативного и органического воспроизводства растениям и животным доставляются более дешевые вещества, т. е. такие вещества, которые стоят небольшого рабочего времени.}

2) Отчасти благодаря комбинированию различных отраслей производства, т. е. благодаря образованию для определенных производственных отраслей объединяющих их центров

производства, [а отчасти] благодаря *развитию средств сообщения* товар быстро переходит из одной фазы производства в другую; другими словами, сокращается промежуточный период, уменьшается время пребывания товара на промежуточном этапе между одной фазой производства и другой, или сокращается *переход* из одной фазы производства в другую.

3) Все это развитие — как сокращение каждой из различных фаз производства, так и убыстрение перехода из одной фазы в другую — предполагает производство в больших масштабах, массовое производство и вместе с тем производство на основе большого постоянного, в особенности основного капитала; а потому и непрерывное течение производства, непрерывное не в том смысле, в каком мы только что рассматривали это течение, т. е. не в смысле непрерывности путем приближения друг к другу и взаимного проникновения отдельных фаз производства, а в том смысле, что в производстве не происходит *преднамеренных* перерывов. Такого рода перерывы имеют место до тех пор, пока работа ведется на заказ, как это происходит у [873] ремесленников, а также все еще и в мануфактуре в собственном смысле слова (если мануфактура сама уже не преобразована крупной промышленностью). Теперь же производство ведется в таких масштабах, какие только допускает капитал. Этот процесс не ждет спроса, а является функцией капитала. Капитал все время продолжает работать в тех же масштабах (не говоря уже о накоплении или расширении) с постоянным развитием и расширением производительных сил. Таким образом, производство не только совершается *быстро,* так что товар быстро получает ту форму, в которой он становится пригодным для обращения, но и происходит непрерывно. Производство выступает здесь лишь как постоянное воспроизводство и вместе с тем является массовым производством.

Таким образом, если товары надолго задерживаются в резервуарах обращения, если они здесь скопляются, то эти резервуары скоро переполняются в результате той быстроты, с какою следуют одна за другой волны производства, и в результате массовости того материала, который они постоянно нагнетают в резервуары обращения. В этом именно смысле *Корбет,* например, говорит: «Рынок *всегда* переполнен»[101]. Но те же самые обстоятельства, которые порождают эту быстроту и массовость воспроизводства, уменьшают также необходимость собирания товаров в этих резервуарах. Отчасти — в отношении *производственного потребления* — это содержится уже в приближении друг к другу тех фаз производства, через которые должны проходить сами товары или их составные части. Если

уголь производится ежедневно в массовых количествах и доставляется фабриканту к самой двери железной дорогой, пароходами и т. д., то фабриканту не нужно иметь никакого запаса или нужен лишь небольшой запас угля, или, что то же самое, когда сюда вклинивается торговец, последнему нужен лишь небольшой запас помимо того, что он ежедневно продает и что ежедневно вновь подвозится ему. Так же обстоит дело с пряжей, железом и т. п. Но, оставляя в стороне *производственное потребление,* в сфере которого запасы товаров (т. е. запасы составных частей товаров) должны указанным образом уменьшиться, торговец [предметами индивидуального потребления] тоже располагает, во-первых, быстротой средств сообщения, а во-вторых, уверенностью в постоянном быстром воспроизводстве и подвозе. Поэтому, хотя его запас товаров, возможно, и увеличился по своим размерам, каждый элемент этого запаса находится в его резервуаре, в этом переходном состоянии, более короткое время. По отношению ко всей массе товаров, которую он продает, т. е. по отношению к размерам как производства, так и потребления, запас товаров, *сохраняемых, собранных* в его складе в каждый данный момент, незначителен. Иначе обстоит дело на менее развитых ступенях производства, где воспроизводство совершается медленно, — следовательно, в резервуарах обращения должно задерживаться больше товаров, — средства сообщения медленны, сношения затруднительны, вследствие чего *возобновление запаса* осуществляется с перерывами и потому проходит много промежуточного времени между опорожнением резервуара и его наполнением вновь, *возобновлением* запаса товаров. В этом случае происходит нечто аналогичное тому, что имеет место с такими продуктами, воспроизводство которых, вследствие природы их потребительной стоимости, осуществляется лишь в годичные или полугодичные, одним словом, в более или менее продолжительные сроки.

{Как средства сообщения действуют на опорожнение резервуаров, показывает, например, хлопок. Так как между Ливерпулем и Соединенными Штатами постоянно курсируют корабли, — быстрота сообщения является одним моментом, а постоянство — другим, — то отправляется не весь хлопок сразу. Он поступает на рынок постепенно. (Производитель не хочет, кроме того, сразу переполнить рынок.) В Ливерпуле хлопок лежит на товарных складах, правда, уже в резервуаре обращения, но не в таком количестве — по сравнению с общим потреблением этого товара, — которое было бы необходимо в том случае, если бы из Америки приходил корабль всего лишь один или два раза после шестимесячного путешествия. Манчестерский

фабрикант и т. д. наполняет свой склад примерно в объеме своего непосредственного потребления, так как электрический телеграф и железная дорога делают возможной в любой момент доставку хлопка из Ливерпуля в Манчестер.}

Особого рода наполнение резервуаров обращения — наполнение не вследствие перегруженности рынка, которая в этих условиях создается бесконечно легче, чем при патриархально медленном темпе производства, — является лишь спекулятивным и происходит лишь в исключительных случаях, в связи с действительным или ожидаемым падением или повышением цен.

Об этом *относительном уменьшении* запасов, т. е. об относительном уменьшении количества товаров, находящихся в обращении, по сравнению с общей массой производства и потребления — см. *Лалора, «Economist»*[102], *Корбета* (соответствующие цитаты поместить после Годскина). [874] *Сисмонди* ошибочно видел в этом нечто достойное сожаления (посмотреть также и его)[103].

(Правда, с другой стороны, мы имеем при этом постоянное *расширение рынка,* и в той же мере, в какой сокращается тот *промежуток времени,* в течение которого товар находится на рынке, увеличивается *пространственный охват,* или рынок расширяется пространственно, и периферия по отношению к центру, т. е. по отношению к сфере производства товара, описывается все большим радиусом.)

С быстротой воспроизводства связано — или является лишь другим выражением этой быстроты — то обстоятельство, что потребление действует по принципу «из рук да в рот», что оно так же быстро меняет свое белье и костюмы, как и свои мнения, а не ходит 10 лет в одном и том же сюртуке и т. д. Потребление даже таких предметов, где это не обусловлено природой потребительной стоимости, все больше совпадает по времени с производством, становится, следовательно, все более зависимым от труда данного момента, сосуществующего труда (так как фактически здесь имеет место обмен сосуществующего труда), — и все это в той же мере, в какой прошлый труд становится все более важным моментом производства, хотя само это прошлое всегда является совсем недалеким и лишь относительным.

(Как сильно создавание запасов связано с неразвитостью производства, показывает следующий пример. Пока скот лишь с большими трудностями переносил зимовку, зимой не было свежего мяса. Лишь только скотоводство преодолело это затруднение, само собой прекратилось и создавание того *запаса,* который проистекал из необходимости заменять свежее мясо солониной или копченым мясом.)

Только там, где продукт вступает в обращение, он становится товаром. Производство продукта как товара, а значит и обращение, чрезвычайно расширяется с капиталистическим производством в силу следующих причин:

1) *Производство en masse, количество, массовость,* т. е. такое производство, которое количественно не находится ни в каком соответствии с потребностью производителя [в его собственном продукте]; в самом деле, *чистой случайностью* является то, становится ли он хотя бы в самой минимальной степени потребителем своего собственного продукта. Там, где производитель потребляет свой собственный продукт в массовых количествах, это происходит только в том случае, если он производит часть составных элементов своего собственного капитала. Напротив, на прежней стадии развития общества товаром становится только — или же главным образом — избыток продукта над тем, что идет на удовлетворение собственных потребностей.

2) *Качественная односторонность* продукта, находящаяся в обратном отношении к увеличивающемуся многообразию потребностей. Это влечет за собой большее разделение и обособление ранее связанных между собой отраслей производства — одним словом, увеличение разделения труда внутри общества, к чему присоединяется еще создание новых отраслей производства и увеличение многообразия видов товаров. (В конце, после Годскина, привести также и высказывания *Уэйкфилда* по этому вопросу.) Эта пестрая дифференциация товаров бывает двоякого рода. Во-первых, различные *фазы одного и того же продукта,* а также и промежуточные работы над продуктом (стало быть, труд, производящий его составные элементы и т. д.) распадаются на различные, не зависящие друг от друга отрасли труда; другими словами, *один и тот же* продукт в различных своих фазах превращается в *различные виды товаров.* А во-вторых, [появление новых видов товаров] связано с высвобождением труда и капитала (или труда и прибавочного продукта), а с другой стороны, с открытием новых способов использования одной и той же потребительной стоимости. Вследствие тех изменений, о которых говорилось в пункте 1-м, возникают новые потребности (например, потребность в быстрых и всесторонних средствах сообщения, возникающая вместе с применением пара в промышленности), а потому и новые способы их удовлетворения, — или же открываются новые способы использования одной и той же потребительной стоимости, или новые материалы, или новые методы производства (как например гальванопластика), чтобы иначе обрабатывать старый материал, и т. д.

Все это сводится к тому, что *один продукт* в своих *следующих друг за другом фазах,* или *состояниях,* превращается в *различные товары,* или же к тому, что создаются *новые продукты,* или новые *потребительные стоимости* в качестве товаров.

3) *Превращение в наемных рабочих того большинства населения,* которое раньше основную массу продуктов потребляло in naturalibus*.

4) *Превращение фермера в промышленного капиталиста* {а вместе с этим превращение ренты в денежную ренту, вообще всех натуральных поставок (налоги и т. д., земельная рента) в денежные платежи}. Вообще: промышленная эксплуатация земли, в результате чего подвергаются обмену веществ как ее химические, так и механические условия производства, даже семена и т. д., скот и т. д., удобрения и т. д., — вместо того чтобы, как прежде, ограничиваться применением собственного навоза.

5) *Мобилизация целой массы прежде «неотчуждаемых» благ, превращающая их в товары,* и создание таких форм собственности, которые состоят лишь из обращающихся бумаг. С одной стороны — отчуждение землевладения (вместе с отсутствием у масс всякой собственности дано также и то, что они, например, к своему жилищу относятся как к товару). С другой стороны — железнодорожные акции и вообще всевозможные акции.

[г) ПОЛЕМИКА ГОДСКИНА ПРОТИВ КОНЦЕПЦИИ «НАКОПЛЕНИЯ» КАПИТАЛИСТОМ ЖИЗНЕННЫХ СРЕДСТВ ДЛЯ РАБОЧЕГО. НЕПОНИМАНИЕ ГОДСКИНОМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧИН ФЕТИШИЗАЦИИ КАПИТАЛА]

[875] Вернемся теперь к Годскину.

Под *«накоплением»* капиталистом [жизненных средств] *для* рабочего нельзя, разумеется, понимать то обстоятельство, что товары при своем переходе из производства в потребление находятся в резервуарах обращения, в обращении, на рынке. Такое толкование этого «накопления» означало бы, что продукты обращаются ради рабочего и становятся *товарами* ради него, вообще — что производство продуктов в качестве товаров имеет место ради рабочего.

Как и всякий другой [товаровладелец], рабочий должен тот товар, который он продает фактически, хотя и не по форме, — т. е. свой труд, — сперва превратить в деньги, чтобы затем обратно превратить эти деньги в товары для потребления. Ясно

* — в натуральном виде. Здесь имеется в виду потребление в условиях натурального хозяйства. *Ред.*

как день, что разделение труда (поскольку оно основано на товарном производстве), наемный труд, вообще капиталистическое производство не могут иметь место без того, чтобы предметы потребления, а также и средства производства, не находились на рынке как *товары,* что этого рода производство невозможно *без* обращения товаров, без пребывания товаров в резервуарах обращения. Ибо продукт является товаром κατ' ἐξοχὴν* лишь внутри обращения. То, что рабочий должен необходимые ему жизненные средства находить в форме *товаров,* столь же верно для него, как и для всякого другого.

К тому же, торговцу жизненными средствами рабочий противостоит не как рабочий капиталисту, а как деньги — товару, как покупатель — продавцу. Здесь не имеет места отношение наемного труда и капитала, если не считать того случая, когда дело идет о *собственных* рабочих торговца. Но даже эти последние, поскольку они у него покупают, противостоят ему не как рабочие. Это имеет место лишь постольку, поскольку он у них покупает. Поэтому оставим в стороне этого *агента обращения.*

Что же касается промышленного капиталиста, то его *запас —* его «накопление» — состоит;

Во-первых, из его основного капитала — зданий, машин и т. д., которые рабочий не потребляет, или, поскольку он их потребляет, то потребляет в процессе труда, производственно, *для* капиталиста; хотя они и образуют для рабочего средства труда, но они никогда не являются для него жизненными средствами.

Во-вторых, из его сырья и вспомогательных материалов, запас которых, в той части, которая не входит непосредственно в производство, как мы видели, имеет тенденцию к уменьшению. Эти вещи тоже не являются жизненными средствами для рабочего. Это *«накопление»* капиталиста для рабочего означает только то, что капиталист делает рабочему одолжение, отнимая у рабочего собственность на условия его труда и превращая эти средства его труда (которые сами суть лишь превращенный продукт его труда) в средства эксплуатации труда. Во всяком случае, рабочий, употребляя в качестве средств труда машины и сырье, питается не ими.

В-третьих, из его товаров, находящихся на складе, в кладовой, до того как они поступают в обращение. Эти товары суть продукты труда, а не жизненные средства, накопленные для содержания его, труда, самого во время производства.

* — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

Таким образом, «накопление» капиталистом жизненных средств для рабочего означает только то, что капиталист должен обладать достаточным количеством денег, чтобы выплачивать заработную плату, на каковые деньги рабочий извлекает из резервуаров обращения свои средства потребления (а если рассматривать класс в целом — выкупает для себя часть своего собственного продукта). Но эти деньги суть лишь превращенная форма того товара, который рабочий продал и доставил. В этом смысле жизненные средства «накоплены» для рабочего точно так же, как они накоплены для его капиталиста, который тоже покупает на деньги (превращенную форму того же товара) средства потребления и т. д. Деньги эти могут быть простым знаком стоимости; стало быть, они отнюдь не обязательно должны быть представителями «прошлого труда», а лишь выражают в руках каждого человека реализованную им цену — не прошлого труда (или прежнего товара), а того труда или того товара, которые данный человек продает как труд или товар настоящего времени. Мы имеем здесь только формальное бытие[104]. Или же, — так как рабочий и при прежних способах производства должен был питаться и вообще потреблять жизненные средства во время производства, независимо от продолжительности того времени, которого требовало производство его продукта, — то «накопление» жизненных средств для рабочего означает, что рабочий должен сперва превратить продукт своего труда в продукт капиталиста, в капитал, чтобы затем получить в уплату обратно часть этого продукта в форме денег.

[876] В этом процессе (а для этого процесса, как такового, по сути дела совершенно безразлично, является ли то, что получает рабочий, продуктом одновременного или прошлого труда, получает ли он продукт параллельно выполняемого труда или свой собственный прежний продукт) Годскина интересует следующее:

Значительная часть, наибольшая часть ежедневно потребляемых рабочим продуктов, — которые он должен потреблять независимо от того, готов ли его собственный продукт или нет, — отнюдь не является *накопленным трудом* прежних времен. Это, напротив, в значительной мере — продукты труда, произведенные в тот же день, в ту же неделю, в течение которых рабочий производит свой товар. Таковы хлеб, мясо, пиво, молоко, газеты и т. д. Годскин мог бы добавить, что они отчасти являются продуктами *будущего* труда, ибо на заработную плату, откладываемую в течение шести месяцев, рабочий покупает сюртук, изготовляемый лишь в конце этих шести месяцев, и т. д. (Мы видели, что все производство предполагает *одновременное* воспроиз-

водство входящих в него ингредиентов и продуктов в различных формах сырья, полуфабриката и т. д. А всякий основной капитал предполагает для своего воспроизводства *будущий* труд, он предполагает будущий труд также и для своего эквивалента, без которого его нельзя воспроизвести.) В течение года, говорит Годскин, рабочему (в связи с характером воспроизводства хлеба, производства растительного сырья и т. д.) приходится до известной степени «рассчитывать» на прошлый труд. {Относительно, например, дома это сказать нельзя. В тех случаях, когда та или иная потребительная стоимость, в силу ее природы, изнашивается лишь постепенно, не сразу потребляется, а только используется, наличие на «рынке» такого рода продуктов прежнего труда отнюдь не является результатом какого-то особого акта, придуманного для рабочих. Рабочий и раньше «имел жилище», до того, как капиталист «накопил» для него смертоносные вонючие трущобы. (См. об этом у *Ленга*[105].)} (Не говоря уже об этом множестве повседневных потребностей, имеющих решающее значение особенно для *рабочего,* который может удовлетворять почти исключительно только повседневные потребности, — мы видели, что вообще *производство и потребление* все больше и больше совпадают по времени, так что, если рассматривать все общество в целом, потребление всех членов общества все больше и больше опирается на их *одновременное* производство, или, точнее, на продукты *одновременного* производства.) Но когда трудовые операции распространяются на несколько лет, рабочий должен «рассчитывать» только на свое собственное производство, на одновременный и будущий труд рабочих, производящих другие товары.

Рабочий всегда должен находить жизненные средства в готовом виде как товары на рынке (те «услуги», которые он покупает, eo ipso* создаются всего лишь в тот момент, когда они покупаются), — стало быть, относительно, как продукт предшествующего труда, а именно такого труда, который предшествует их бытию в качестве продуктов, но отнюдь не предшествует его собственному труду, на цену которого он покупает эти продукты. Они могут быть продуктами, совпадающими во времени с этим трудом, и в большинстве случаев и являются таковыми для тех, кто живет по принципу «из рук да в рот».

Если принять все это во внимание, то «накопление» капиталистом жизненных средств для рабочего сводится к следующему:

1) Товарное производство предполагает, что предметы потребления, которые потребители не производят сами, они

* — тем самым. *Ред.*

находят в готовом виде как товары на рынке, или что *товары вообще* производятся как *товары.*

2) Наибольшая часть потребляемых рабочим товаров в той их последней форме, в которой они противостоят ему как товары, является на самом деле продуктами *одновременного* труда (следовательно, они никоим образом не накоплены капиталистами).

3) При капиталистическом производстве произведенные самим рабочим средства труда и жизненные средства противостоят ему, первые — как постоянный, последние — как переменный капитал; все эти его условия производства выступают как собственность капиталиста; а переход их от рабочего к капиталисту и частичный обратный приток к рабочему его продукта или стоимости его продукта называется «накоплением» оборотного капитала для рабочего. Эти жизненные средства, которые рабочий должен потреблять всегда до того, как закончен его продукт, становятся «оборотным капиталом» потому, что рабочий, вместо того чтобы самому непосредственно *покупать* их, или *оплачивать* стоимостью своего прошлого продукта или за счет своего будущего [877] продукта, должен сперва получить от капиталиста *чек* на них — деньги, — такой чек, выдача которого становится возможной для капиталиста лишь благодаря прошлому, будущему или в настоящий момент производимому продукту рабочего.

Годскин стремится здесь доказать зависимость рабочего от сосуществующего труда других рабочих в противовес его зависимости от прошлого труда —

1) для того, чтобы устранить «фразу о накоплении»,

2) потому, что «труд, выполняемый в настоящий момент», противостоит капиталу, тогда как «прошлый труд» всегда уже рассматривается политико-экономами как eo ipso капитал, как *отчужденная,* враждебная самому труду и независимая форма труда.

Но понимание того значения, которое повсюду присуще *одновременному труду* в противовес труду прошлому, само по себе является весьма важным моментом.

Итак, Годскин приходит к такому выводу:

Капитал или есть всего лишь слово и очковтирательство, или он выражает не *вещь,* а отношение: общественное отношение труда одного человека к *сосуществующему труду* другого, причем следствия, *результаты* этого отношения приписываются тем вещам, из которых состоит так называемый оборотный капитал. При всяком бытии товара в качестве денег его реализация в потребительных стоимостях зависит от одновре-

менного труда. ([Труд] всего года сам есть одновременный [труд].) Лишь незначительная часть товаров, входящих в непосредственное потребление, является продуктами более чем одного года, а если они и являются такими продуктами (например, скот и т. д.), то они требуют ежегодно нового труда. Все трудовые операции, требующие более продолжительного времени, чем год, основываются на непрерывно продолжающемся годичном производстве.

«Тем, что капиталист имеет возможность *содержать,* а потому и применять *других* работников, он обязан своей власти над *трудом некоторых людей,* а не своему обладанию запасом товаров» (стр. 14) [Русский перевод, стр. 15].

Между тем деньги каждому дают «власть» над «трудом некоторых людей», над овеществленным в их товарах трудом, а также и над воспроизводством этого труда — и, значит, постольку над самим трудом.

Что, по Годскину, действительно «накопляется», но не как мертвая масса, а как нечто живое, это — *искусство* рабочего, степень развития труда. {Правда (чего Годскин не отмечает, так как ему важно было, в противовес грубому пониманию политико-экономов, сделать ударение на *субъекте,* так сказать на субъективном в субъекте, в противоположность вещи), имеющаяся в каждый данный момент ступень развития производительной силы труда, служащая отправным пунктом, существует не только в виде навыков и способностей рабочего, но вместе с тем и в тех предметных органах, которые этот труд создал себе и ежедневно возобновляет.} Это и есть подлинное prius*, образующее исходный пункт, и это prius является результатом определенного хода развития. *Накопление* является здесь *ассимиляцией,* постоянным сохранением и вместе с тем преобразованием уже воспринятого, осуществленного. В таком именно смысле Дарвин делает «накопление» посредством наследственности у всех организмов, у растений и животных, движущим принципом их формирования, так что различные организмы сами формируют себя посредством «накопления» и являются лишь «изобретениями», постепенно накопляемыми изобретениями живых субъектов. Но это не единственное prius для производства. У животного и у растения таким prius'ом является внешняя для них природа, — следовательно, как неорганическая природа, так и их отношение к другим животным и растениям. Человек, который производит в обществе, находит перед собой точно так же и уже модифицированную природу

* — первичное, предшествующее. *Ред.*

(в частности, элементы природы, превращенные в органы его собственной деятельности) и определенные взаимоотношения производителей друг к другу. Указанное накопление является отчасти результатом исторического процесса, отчасти, у отдельного рабочего, передачей искусства от поколения к поколению. При этом накоплении, говорит Годскин, никакой оборотный капитал не оказывает основной массе рабочих никакого содействия.

Годскин показал, что «запас готовых товаров» (жизненных средств) всегда невелик по сравнению с совокупным потреблением и производством. Напротив, степень искусности наличного населения является в каждый данный момент предпосылкой совокупного производства, — следовательно, главным накоплением богатства, важнейшим сохраненным результатом предшествующего труда, существующим, однако, в самом живом труде.

[878] «Все те результаты, которые обычно приписываются накоплению оборотного капитала, обусловлены *накоплением и усвоением навыков искусного труда,* а эта важнейшая операция осуществляется, поскольку речь идет об основной массе рабочих, без какого бы то ни было оборотного капитала» (стр. 13) [Русский перевод, стр. 14].

Фразу политико-экономов о том, что число рабочих (а потому и благосостояние или нищета наличного рабочего населения) зависит от наличной массы оборотного капитала, Годскин правильно комментирует следующим образом:

«Число рабочих всегда по необходимости зависит от *количества оборотного капитала, или,* как я сказал бы, от того *количества продуктов сосуществующего труда,* которое *дозволяют* потреблять рабочим» (стр. 20) [Русский перевод, стр. 22].

То, что приписывают *«оборотному капиталу»,* некоему «запасу товаров», есть результат «сосуществующего труда».

Итак, Годскин говорит другими словами: действия определенной общественной формы труда приписываются вещи, продуктам этого труда; само отношение фантастически представляется в *вещном* образе. Мы видели, что это есть специфическая характерная черта труда, покоящегося на товарном производстве, на меновой стоимости, и что это quidproquo* проявляется в товаре и в деньгах (чего не видит Годскин), а в еще большей степени — в капитале[106]. Действия, производимые вещами как предметными моментами процесса труда, в капитале приписываются этим вещам как такие действия, которыми эти вещи обладают в своей персонификации, в своей самостоятельности, противостоящей труду. Они [по представ-

* — принятие одного за другие. *Ред.*

лонию политико-экономов] перестали бы производить эти действия, если бы перестали противостоять труду в этой *отчужденной форме. Капиталист* как капиталист есть всего лишь персонификация капитала, — одаренное собственной волей, личностью порождение труда, враждебное труду. Годскин считает это чисто субъективной иллюзией, за которой скрываются мошенничество и интересы эксплуатирующих классов. Он не видит того, как этот способ представления проистекает из самого реального отношения, не видит, что не последнее есть выражение первого, а наоборот. В таком же смысле английские социалисты говорят: «Нам нужен капитал, а не капиталист»[107]. Но если они устраняют капиталиста, то они лишают условия труда характера *капитала.*

* * *

{Автор сочинения «Observations on certain Verbal Disputes», Бейли и другие замечают[*], что слова «value, valeur»[**] выражают свойство, принадлежащее вещам. И действительно, они первоначально выражают не что иное, как потребительную стоимость вещей для человека, такие их свойства, которые делают их полезными или приятными для человека и т. д. По самому существу дела слова «value, valeur, Wert»[**] этимологически не могут иметь другого происхождения. Потребительная стоимость выражает природное отношение между вещами и людьми, фактически — бытие вещей для человека. *Меновая стоимость* представляет собой значение, привитое к слову Wert (= потребительная стоимость) позднее, в результате общественного развития, создавшего меновую стоимость. Это есть *общественное* бытие вещи.

«*Санскритское* Wer означает «покрывать, защищать», отсюда — «уважать, почитать» и «любить, ценить». Производное от этого слова прилагательное Wertas означает «превосходный, почтенный»; *готское* wairth, *древневерхненемецкое* wert, *англосаксонское* weorth, vordh, wurth, *английское* worth, worthy, *голландское* waard, waardig, *немецкое* wert, *литовское* wertas («почтенный, ценный, дорогой, ценимый»).

Санскритское Wertis, *латинское* virtus[***], *готское* wairthi, *немецкое* Wert» [*Chavee.* Essai d'etymologie philosophique. Bruxelles, 1844, стр. 176].

Der Wert[****] вещи есть на деле ее собственная virtus[***], тогда как ее меновая стоимость совершенно независима от вещных свойств данной вещи.

[*] См. настоящий том, часть III, стр. 130 и 165. *Ред.*
[**] — ценность, стоимость. *Ред.*
[***] — сила, доблесть, достоинство, превосходное качество. *Ред.*
[****] — ценность, стоимость. *Ред.*

«Санскритское Wal означает «покрывать, укреплять»; *[латинское]* vallo*, valeo**; vallus*** — то, что прикрывает и защищает; valor — это сама сила». Отсюда *[французское]* valeur, *[английское]* value. «Сравни с Wal *немецкое* walle, walte****, *английское* wall*****, wield******»[108] *[Chavée.* Essai d'étymologie philosophique. Bruxelles, 1844, стр. 70].}

* * *

Затем Годскин переходит к *основному капиталу.* Это есть произведенная производительная сила и, в своем развитии в крупной промышленности, орган, созданный для себя *общественным* трудом.

Вот места, относящиеся к основному капиталу:

«Все орудия и машины являются продуктом труда... Пока они представляют собой всего лишь результат *прошлого* труда и не применяются целесообразно рабочими, они не возмещают расходов по их изготовлению... Большинство из них теряет в стоимости, если их держать без применения... *Основной капитал получает свою полезность не от прошлого, а от настоящего труда,* и он *приносит своему владельцу прибыль* не потому, что он был накоплен, а потому, что он есть *средство для приобретения власти над трудом»* (стр. 14—15) [Русский перевод, стр. 16].

Здесь, наконец, правильно схвачена природа капитала.

[879] «После того как те или иные орудия изготовлены, что сами *они* производят? Ничего. Напротив, они начинают ржаветь и разрушаться, если их не использует или не применяет труд... Следует ли рассматривать то или иное орудие как производительный капитал или не следует, это всецело зависит от того, *применяется* ли оно каким-нибудь производительным рабочим или не применяется» (стр. 15—16) [Русский перевод, стр. 16—17].

«Легко понять, почему... строитель дороги должен получать некоторую долю тех выгод, которые извлекает из дороги только тот, кто пользуется ею; но я не понимаю, *почему все эти выгоды должны принадлежать самой дороге* и *присваиваться* под наименованием прибыли на их капитал рядом лиц, которые ее не сооружают и ею не пользуются» (стр. 16) [Русский перевод, стр. 18].

«Громадная польза паровой машины зависит не от накопления железа и дерева, а от того *практического и живого знания сил природы,* которое одним людям дает возможность строить машины, а другим — управлять ими» (стр. 17) [Русский перевод, стр. 18].

«Без знаний они» (машины) «не могли бы быть изобретены, без ловкости и искусства рабочих-машиностроителей они не могли бы быть изготовлены, а без умения и труда других рабочих они не могли бы производительно применяться. Но не существует ничего другого, кроме требующихся знаний, искусства и труда, на чем капиталист мог бы обосновать притязание на какую бы то ни было долю продукта» (стр. 18) [Русский перевод, стр. 20].

---

* — обносить валом, укреплять, защищать. *Ред.*
** — быть сильным, крепким, здоровым. *Ред.*
*** — вал. *Ред.*
**** — господствую, хозяйничаю, управляю. *Ред.*
***** — стена. *Ред.*
****** — владеть, иметь в руках. *Ред.*

«*Унаследовав знания ряда поколений* и *живя совместно большими массами,* люди имеют возможность благодаря своим умственным способностям завершать то, что сделано природой» (стр. 18) [Русский перевод, стр. 20].

«Производительный труд страны зависит не от *количества* основного капитала, а от его *качества»* (стр. 19) [Русский перевод, стр. 21].

«Как средство прокармливать и содержать людей, основной капитал в отношении своей эффективности всецело зависит от искусности рабочего, и поэтому производительный труд страны в той мере, в какой это относится к основному капиталу, *пропорционален степени развития знаний и навыков народа»* (стр. 20) [Русский перевод, стр. 22].

[д)] СЛОЖНЫЕ ПРОЦЕНТЫ; ОСНОВАННОЕ НА НИХ ОБЪЯСНЕНИЕ УМЕНЬШЕНИЯ НОРМЫ ПРИБЫЛИ

«Достаточно беглого взгляда, чтобы каждый мог убедиться, что с развитием общества *простая прибыль* не уменьшается, а увеличивается, т. е. что одно и то же количество труда, которое в более ранний период производило 100 квартеров пшеницы и 100 паровых машин, теперь будет производить некоторое большее количество их... Действительно, мы видим, что в нашей стране в настоящее время на прибыль живет в богатстве гораздо большее количество лиц, чем прежде. Однако ясно, что *никакой труд, никакая производительная сила,* никакая изобретательность и никакое искусство *не в состоянии удовлетворить всепоглощающие требования сложных процентов.* Но все сбережения *делаются из дохода капиталиста»* (стало быть, из «простой прибыли»), «так что в действительности эти требования постоянно предъявляются, и столь же постоянно производительная сила труда отказывается их удовлетворить. Поэтому здесь постоянно подводится некоторого рода баланс[109]» (стр. 23) [Русский перевод, стр. 25—26].

Например, капитал в 100 из 10% составил бы через 20 лет, если прибыль постоянно вновь накопляется, приблизительно 673, а так как небольшая разница здесь не имеет значения, то мы можем сказать — 700. Таким образом, капитал за 20 лет увеличился бы в семь раз. По этому масштабу, если бы мы имели дело только с простыми процентами, капитал должен был бы приносить ежегодно 30% вместо 10, т. е. втрое большую прибыль, и чем больше увеличивали бы мы ряд лет, тем больше возрастала бы при пересчете на простые ежегодные проценты процентная ставка, или норма прибыли, и это возрастание всегда будет происходить тем быстрее, чем больше будет становиться капитал.

Но на деле капиталистическое накопление есть не что иное, как обратное превращение процента в капитал (так как здесь для наших целей, т. е. для целей этого расчета, процент и прибыль тождественны), — стало быть, сложные проценты. Сегодня капитал составляет 100; он производит прибыль (или процент) 10. При присоединении их к капиталу получается 110, это теперь составляет капитал. Приносимые им проценты составляют, стало быть, не только проценты на капитал в 100, но проценты

на 100*К* + 10*П*, т. е. сложные проценты. Таким образом, в конце второго года мы имеем (100*К* + 10*П*) + 10*П* + 1*П* = (100*К* + 10*П*) + 11*П* = 121. Этому равняется теперь *капитал к* началу третьего года. В третьем году мы имеем:

(100*К* + 10*П*) + 11*П* + 12,1***П*,** так что капитал к концу третьего года составляет 133,1.

[880] Обозначая штрихом сложные проценты, мы получим такую таблицу:

Капитал	Проценты	Сумма
1-й год 100	10	110
2-й год 100+10 = 110	10+1'	121
3-й год 100+ 20 + 1 = 121	10 + 2' + 0,1'	133,1
4-й год 100 + 30+ 3,1 = 133,1	10 + 3,31'	146,41
5-й год 100 + 40 + 6,41 = 146,41	10 + 4,641'	161,051

и т. д.

Во 2-м году капитал содержит в себе *проценты* (простые) на сумму 10.

В 3-м году капитал содержит в себе *проценты* на сумму 21.

В 4-м году капитал содержит в себе *проценты* на сумму 33,1.

В 5-м году капитал содержит в себе *проценты* на сумму 46,41.

В 6-м году капитал содержит в себе *проценты* на сумму 61,051.

В 7-м году капитал содержит в себе *проценты* на сумму 77,1561.

В 8-м году капитал содержит в себе *проценты* на сумму 94,87171.

В 9-м году капитал содержит в себе *проценты* на сумму 114,358881.

Другими словами, уже на 9-м году больше половины капитала [который к этому времени равен 214,358881] состоит из процентов, и таким образом та часть капитала, которая состоит из процентов, возрастает в геометрической прогрессии.

Мы видели, что через 20 лет капитал увеличился бы в семь раз, между тем как даже при «самых крайних» предположениях Мальтуса население может удвоиться лишь в 25 лет. Но допустим, что оно удваивается в 20 лет и, следовательно, что за этот период удваивается также и рабочее население. Если вычислить средний результат каждого года, то процент должен был бы составить 30%, в три раза больше, чем он есть. Но, при неизменной норме эксплуатации, удвоившееся население через 20 лет (а ведь в течение значительной части этих 20 лет новое поколение еще неработоспособно; оно работоспособно едва в течение половины этого периода, несмотря на работу детей) сможет выполнить лишь вдвое больше труда, чем прежде, а следовательно, также лишь вдвое больше — но не в три раза больше — прибавочного труда.

Норма прибыли (а потому [в данной связи] также и норма процента) определяется:

1) При предположении неизменяющейся нормы эксплуатации — числом занятых рабочих, абсолютной массой применя-

емых рабочих; следовательно, ростом населения. Хотя эта масса применяемых рабочих и увеличивается, но с накоплением капитала и с промышленным развитием отношение ее ко всей сумме применяемого капитала уменьшается (следовательно, при неизменяющейся норме эксплуатации норма прибыли уменьшается). Точно так же и всему населению никогда не приходит в голову возрастать в такой же геометрической прогрессии, как сложные проценты. На определенной ступени промышленного развития рост населения объясняет увеличение массы прибавочной стоимости и прибыли, но вместе с тем и падение нормы прибыли.

2) Абсолютной величиной нормального рабочего дня, т. е. увеличением нормы прибавочной стоимости. Норма прибыли может, следовательно, повышаться вследствие удлинения рабочего времени сверх нормального рабочего дня. Однако это имеет свои *физические* и — с определенного момента — свои общественные границы. Что в той же мере, в какой рабочие приводят в движение больше капитала, тот же самый капитал распоряжается большим количеством абсолютного рабочего времени, — [881] это не подлежит сомнению.

3) Если нормальный рабочий день остается без изменения, то прибавочный труд может быть относительно увеличен посредством сокращения необходимого рабочего времени и удешевления — соответственно развитию производительной силы труда — жизненных средств, входящих в потребление рабочего. Но это же развитие производительной силы труда уменьшает переменный капитал по сравнению с постоянным. Физически невозможно, чтобы прибавочное рабочее время, например, двух человек, которые заменяют 20 рабочих, было равно, благодаря какому бы то ни было увеличению абсолютного или относительного прибавочного рабочего времени, прибавочному рабочему времени 20 человек. Даже если эти 20 человек выполняют ежедневно только два часа прибавочного труда, они доставляют 40 часов прибавочного труда, тогда как все время жизни двух человек за один день составляет только 48 часов.

Стоимость рабочей силы понижается не в той же пропорции, в какой увеличивается производительная сила труда или капитала. Это увеличение производительной силы повышает также и во всех тех отраслях, которые не производят непосредственно или косвенно предметов необходимости, отношение постоянного капитала к переменному, не вызывая при этом никакого изменения в стоимости труда. Развитие производительной силы неравномерно. Природе капиталистического производства свойственно, что оно развивает промышленность

быстрее, чем земледелие. Это проистекает не из природы земли, а из того, что земле требуются другие общественные отношения для того, чтобы она действительно эксплуатировалась в соответствии со своей природой. Капиталистическое производство устремляется к земле только после того, как его влияние истощило ее и обеднило ее природные качества. К этому присоединяется еще то, что вследствие собственности на землю земледельческие продукты по сравнению с другими товарами оплачиваются дороже, так как оплачиваются по *своей* стоимости, а не снижаются до цен издержек. Между тем они образуют главную составную часть предметов необходимости. Далее, сюда присоединяется еще и то, что вследствие закона конкуренции, когда обработка $^{1}/_{10}$ земли обходится дороже, остальные $^{9}/_{10}$ обрабатываемой земли тоже «искусственно» поражаются этим относительным не плодородием.

Для того чтобы с накоплением капитала норма прибыли оставалась без изменения, она должна была бы в действительности возрастать. Если бы капитал все время доставлял 10% прибавочного труда, то *один и тот же рабочий* должен был бы при накоплении процентов на проценты и при проистекающем отсюда увеличении применяемого капитала давать втрое, вчетверо, впятеро больше — в той прогрессии, в какой нарастают сложные проценты, — а это абсурд.

Та *масса капитала,* которую рабочий приводит в движение и стоимость которой он сохраняет и воспроизводит своим трудом, совершенно отлична от той *стоимости,* которую он дополнительно присоединяет, т. е. от прибавочной стоимости. Если масса капитала = 1000, а дополнительно присоединенный труд = 100, то воспроизведенный капитал составит 1100. Если масса капитала = 100, а дополнительно присоединенный труд = 20, то воспроизведенный капитал составит 120. Норма прибыли в первом случае = 10%, во втором = 20%. Тем не менее из 100 можно накопить больше, чем из 20. И поэтому поток капитала {оставляя в стороне обесценение капитала вследствие повышения производительной силы} — или его «накопление» — мчится все дальше и дальше соответственно тому весу, каким капитал уже обладает, а не соответственно высоте нормы прибыли. Это объясняет увеличение накопления — по массе — несмотря на падение нормы прибыли, не говоря уже о том, что в условиях возрастающей производительности даже при понижении нормы прибыли возможно накопление более значительной части дохода, чем при высокой норме прибыли в условиях меньшей производительности. Высокая норма прибыли, — в той мере, в какой она основывается на высокой норме при-

бавочной стоимости, — возможна в том случае, если рабочий день очень продолжителен, хотя труд и не отличается производительностью. Высокая норма прибыли возможна [также и] потому, что, хотя труд и не отличается производительностью, потребности рабочего, а *вследствие этого* и минимум заработной платы, очень невелики. Незначительности минимума заработной платы будет соответствовать ничтожная интенсивность труда. В обоих случаях капитал накопляет медленно, несмотря на высокую норму прибыли. Население не увеличивается, а рабочее время, которого стоит продукт, велико, хотя заработная плата, уплачиваемая рабочему, и мала.

[882] Падение нормы прибыли, имеющее место несмотря на неизменяющуюся и даже повышающуюся норму прибавочной стоимости, я объяснил тем, что переменный капитал уменьшается по отношению к постоянному капиталу, т. е. тем, что уменьшается живой настоящий труд по отношению к тому прошлому труду, который при этом применяется и воспроизводится*. Годскин и автор памфлета «The Source and Remedy of the National Difficulties» объясняют падение нормы прибыли невозможностью для рабочего удовлетворить требования *«сложных процентов»,* т. е. требования накопления капитала:

> «Никакой труд, никакая производительная сила, никакая изобретательность и никакое искусство не в состоянии удовлетворить всепоглощающие требования сложных процентов. Но все сбережения делаются из дохода капиталиста» (стало быть, из «простой прибыли»), «так что в действительности эти требования постоянно предъявляются, и столь же постоянно производительная сила труда отказывается их удовлетворить. Поэтому здесь постоянно подводится некоторого рода баланс» (цит. соч., стр. 23) [Русский перевод, стр. 25—26]**.

По общему смыслу это сводится к одному и тому же. Когда я говорю, что норма прибыли по мере накопления капитала уменьшается, так как постоянный капитал увеличивается по сравнению с переменным, то это значит, если оставить в стороне определенную форму частей капитала: применяемый капитал увеличивается по сравнению с применяемым трудом. Прибыль падает не потому, что рабочего меньше эксплуатируют, а потому, что по сравнению с применяемым капиталом применяется вообще меньше труда.

Предположим, что отношение переменного капитала к постоянному равно, например, 1:1. В таком случае, если совокупный капитал равен 1000, то $c = 500$ и $v = 500$; если норма прибавочной стоимости = 50%, то 50% от 500 будет 50 × 5,

* См. настоящий том, часть II, стр. 485—486 и 658. *Ред.*
** См настоящий том, часть III, стр. 309. *Ред.*

т. е. 250. Следовательно, норма прибыли будет 250 на 1000, т. е. $^{250}/_{1000}$, или $^{1}/_{4}$ т. е. 25%.

Если же совокупный капитал = 1000 и c = 750, а v = 250, то при 50%-ной норме прибавочной стоимости 250 дают 125. А норма прибыли будет $^{125}/_{1000}$ т. е. $^{1}/_{8}$, или $12^{1}/_{2}$%.

Если мы примем, что заработная плата одного рабочего равна 25 ф. ст. в год, то в первом случае при заработной плате в 500 ф. ст. применены 20 рабочих, во втором случае при заработной плате в 250 ф. ст. — 10 рабочих. Один и тот же капитал в 1000 ф. ст. применяет 20 рабочих в одном случае и лишь 10 во втором. В первом случае масса капитала относится к числу рабочих дней как 1000:20; во втором — как 1000:10. На каждого из 20 рабочих приходится в первом случае примененного капитала (постоянного и переменного) 50 ф. ст. (ибо 20 × 50 = 500 × 2 = 1000). Во втором случае на каждого рабочего приходится примененного капитала 100 ф. ст. (ибо 100 × 10 = 1000). В соответствии с этим та частица капитала, которая сводится к заработной плате одного рабочего, в обоих случаях одинакова.

Даваемая мною формула содержит новое основание, почему при накоплении на одну и ту же массу капитала приходится меньше рабочих, или, что одно и то же, почему большая масса капитала приходится на *один и тот же* труд. Скажу ли я, что приходится 1 рабочий на примененный капитал, равный 50, в одном случае и 1 рабочий на 100 единиц капитала — в другом, т. е. лишь $^{1}/_{2}$ рабочего на 50 единиц капитала; скажу ли я, следовательно, что в одном случае 1 рабочий приходится на 50 единиц капитала, во втором — $^{1}/_{2}$ рабочего на 50 единиц капитала, или же скажу, что в одном случае приходится 50 единиц капитала на 1 рабочего, а во втором — 50 × 2 единиц капитала на 1 рабочего, — это одно и то же.

Именно эту последнюю формулу применяют Годскин и другие. Накоплять — значит вообще, по их мнению, требовать сложные проценты, а это означает, что на *одного и того же* рабочего приходится больше капитала и что соответственно величине капитала, приходящейся на одного рабочего, он должен теперь давать больше прибавочного труда. Так как приходящийся на одного рабочего капитал увеличивается соответственно сложным процентам, а его рабочее время, напротив, имеет вполне определенные границы и его необходимое рабочее время «никакой производительной силой» не может быть сокращено в такой степени, которая соответствовала бы требова-

ниям этих сложных процентов, то здесь «постоянно подводится некоторого рода баланс». «Простая прибыль» остается при этом без изменения или даже возрастает (эта «простая прибыль» в действительности есть прибавочный труд или прибавочная стоимость). Но с накоплением капитала за формой простого процента начинает скрываться сложный процент.

[883] Далее ясно: если сложные проценты = накоплению, то — оставляя в стороне абсолютные границы накопления — это образование процентов зависит от размеров, интенсивности и т. д. самого процесса накопления, т. е. от *способа производства.* В противном случае сложные проценты суть не что иное, как присвоение *чужого капитала* (чужой собственности) в форме процентов, как это было в Риме и вообще при ростовщичестве.

Годскин представляет себе дело так. Первоначально на одного рабочего приходится, например, 50 ф. ст. капитала, причем рабочий, положим, доставляет на него 25 ф. ст. прибыли. Через несколько лет, вследствие превращения части процентов в капитал и повторения этого из года в год, на одного рабочего приходится уже 200 ф. ст. капитала. Если бы ежегодные проценты — 50% — капитализировались всегда полностью, то этот процесс совершился бы менее чем за четыре года. Подобно тому как раньше рабочий на капитал в 50 ф. ст. приносил 25 ф. ст. прибыли, так теперь он должен был бы на капитал в 200 ф. ст. приносить 100 ф. ст. прибыли, или в четыре раза больше, чем раньше. Но это невозможно. Для этого ему надо было бы или работать вчетверо больше времени, т. е. 48 часов в сутки, если он раньше работал 12 часов, или вследствие развития производительной силы труда стоимость труда должна была бы уменьшиться в четыре раза.

Если рабочий день равен 12 часам, 25 ф. ст. составляют годовую заработную плату и рабочий доставляет 25 ф. ст. прибыли в год, то он должен работать на капиталиста столько же, сколько и на самого себя, т. е. 6 часов, или половину рабочего дня. Если рабочий должен доставить 100 ф. ст. прибыли, то ему надо работать на капиталиста 4 × 6 часов в течение 12 часов, а это — абсурд. Предположим, что рабочий день удлинен до 15 часов. Даже и в этом случае рабочий не в состоянии давать 24 часа за 15 часов работы. Тем более он не в состоянии давать за 15-часовой рабочий день 30 часов, что было бы необходимо ввиду того, что ему надо работать 24 часа на капиталиста и 6 часов на себя. Если бы все свое рабочее время он работал на капиталиста, он мог бы дать только 50 ф. ст., т. е. только удвоить «процент» — на 200 ф. ст. капитала дать 50 ф. ст. прибыли, тогда как раньше он на 50 ф. ст. доставлял 25 ф. ст.

прибыли. Раньше норма прибыли составляла 50%, теперь — 25%. Но и получение 25% является невозможным при капитале в 200 ф. ст., так как рабочий должен жить. Как бы ни возрастала производительная сила, все же, если стоимость, создаваемая за 12 часов, равна, как в вышеприведенном примере, 75 ф. ст., то за 24 часа она будет равна 2 × 75, т. е. 150 ф. ст. А так как рабочий должен жить, то он никак не может доставить 150 ф. ст. прибыли, а тем более 200. Его прибавочный труд всегда является всего лишь *частью* его рабочего дня, откуда, однако, отнюдь не следует, что, как это думает г-н Родбертус*, прибыль никогда не может быть равна 100%. Она никогда не может равняться 100% в том случае, если ее исчислять на весь рабочий день (ибо в последнем она *сама* уже учтена), но она вполне может равняться 100% по отношению к оплаченной части рабочего дня.

Так, в вышеприведенном примере прибыль составляет 50%:

Капитал: постоянный	Капитал: переменный	Прибавочная стоимость	Норма прибав. стоимости	Норма прибыли
25	25	25	100%	50%

Здесь прибыль, составляющая половину рабочего дня, равна $^1/_3$ всего продукта.

[884] Если бы рабочий отдавал капиталисту $^3/_4$ рабочего дня, то мы имели бы следующее:

Капитал: постоянный	Капитал: переменный	Прибавочная стоимость	Норма прибав. стоимости	Норма прибыли
25	$12^1/_2$			
Совокупный капитал $37^1/_2$		$37^1/_2$	300%	100%

При пересчете на 100 мы имеем:

Капитал: постоянный	Капитал: переменный	Прибавочная стоимость	Норма прибав. стоимости	Норма прибыли
$66^2/_3$	$33^1/_3$			
Совокупный капитал 100		100	300%	100%

Рассмотрим теперь более детально, что может скрываться за этой концепцией, согласно которой *прибыль падает* потому, что в ходе накопления она представляет не *«простую прибыль»* (следовательно, норма эксплуатации рабочего не уменьшается, а, как утверждает Годскин, увеличивается), а *«сложную прибыль»,* между тем как труд ни при каких условиях не может угнаться за требованиями сложных процентов.

---

* См. настоящий том, часть II, стр. 38—89, *Ред.*

Прежде всего следует заметить, что это требует дальнейших определений, чтобы вообще иметь смысл. Рассматриваемый как продукт накопления (т. е. присвоения прибавочного труда) — а такое рассмотрение необходимо по отношению ко всему воспроизводству в целом, — всякий капитал составлен из прибыли (из «процента», если это слово отождествлять с прибылью, а не с «ссудным процентом»). Следовательно, если норма прибыли = 10%, то это — «проценты на проценты», прибыль на прибыль. И было бы совершенно непонятно, чем в экономическом отношении 10 на 100 должны отличаться от 11 на 110. Таким образом, получилось бы, что и «простая прибыль» невозможна, или, по крайней мере, что и простая прибыль должна падать, ибо эта простая прибыль в действительности является в такой же мере сложной, как и сложная прибыль. Если же понимать дело более узко, т. е. иметь в виду только капитал, приносящий проценты, то сложные проценты поглотили бы прибыль и больше, чем прибыль; и то обстоятельство, что производитель (капиталист или не-капиталист) должен платить заимодавцу проценты на проценты, совпадает с тем, что ему, кроме прибыли, приходится со временем уплачивать заимодавцу и часть своего капитала.

Итак, прежде всего надо заметить, что годскиновская концепция имеет смысл лишь в том случае, если предполагается, что капитал возрастает быстрее, чем население, т. е. чем рабочее население. (Даже и это последнее возрастание относительно. Природе капитала свойственно одну часть рабочего населения изнурять чрезмерным трудом, а другую превращать в пауперов.) Если население увеличивается в той же самой степени, как и капитал, то нет никаких оснований, почему бы тот прибавочный труд, который я могу извлекать при помощи 100 ф. ст. из *x* рабочих, я не мог извлекать из 8*x* рабочих при помощи 800 ф. ст. [885] 8 раз по 100*K* предъявляет не больше требований к 8 раз по *x* рабочим, чем 100*K* к *x* рабочим. Здесь, следовательно, приводимое Годскином *основание* отпадает. (В действительности дело обстоит иначе. Даже если население возрастает в той же самой степени, как и капитал, капиталистическое развитие приводит к тому, что часть населения становится избыточным населением в результате того, что постоянный капитал развивается за счет переменного капитала.)

{«В отношении *труда* весьма существенное значение имеет то, распределяете ли вы их» *(товары)* «так, чтобы вызвать *большее предложение труда* или же меньшее, распределяете ли вы их там, где они будут условиями для труда, или же там, где они будут поощрять праздность» («An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand» etc. London, 1821, стр. 57).

«Этому увеличению предложения труда способствует увеличивающаяся *численность* населения» (там же, стр. 58).

«Если товары оказываются не в состоянии *распоряжаться таким количеством труда,* каким они распоряжались раньше, то это имеет значение только там, где этот труд будет производить не больше продукта, чем раньше. Если же труд сделался более производительным, то производство не будет сокращено несмотря на то, что *существующая масса товаров распоряжается теперь меньшим количеством труда, чем раньше»* (там же, стр. 60).

Это — против Мальтуса. Верно, производство не будет сокращено, но норма прибыли сократится. Эти циничные выражения, согласно которым «масса товаров *распоряжается* трудом», содержат в себе тот же цинизм, который имеется в даваемом Мальтусом определении стоимости*. Выражение *«товар распоряжается трудом»* великолепно и вполне характерно для природы капитала.

Этот же автор правильно замечает против Уэста:

«Автор сочинения «Essay on the Application of Capital to Land» говорит, что труд будет оплачиваться выше в том случае, если налицо большое увеличение капитала, а *это*... будет иметь место тогда, когда прибыль на капитал очень высока. «Чем больше прибыль на капитал», добавляет он, «тем выше будет заработная плата труда». Ошибочность этого утверждения заключается в том, что здесь опущено одно или два слова: «Чем больше *была* прибыль на капитал,.. тем выше *будет* заработная плата труда»... Высокая прибыль и высокая заработная плата *не совпадают во времени;* они не имеют места в одной и той же *сделке;* одна противодействует другой и понижает ее уровень. С таким же успехом можно было бы рассуждать так: «предложение товара растет наиболее быстро тогда, когда цена наиболее высока, поэтому большое предложение и высокая цена идут рука об руку». Это—смешение причины и следствия» (там же, стр. 100—101).}

Итак, положение Годскина имеет смысл лишь в том случае, когда — в результате процесса накопления — одному и тому же рабочему приходится приводить в движение *больше капитала,* или когда капитал по сравнению с трудом возрастает, — стало быть, когда, например, капитал, составлявший раньше 100, в результате накопления превращается в 110 и когда тот же самый рабочий, который доставлял прибавочную стоимость в 10, должен, в соответствии с возрастанием капитала, доставлять прибавочную стоимость в 11, т. е. сложные проценты. Таким образом, не только прежний капитал, который рабочий приводил в движение раньше, должен — после того как он воспроизведен — принести ту же прибыль («простую прибыль»), но такую прибыль должен принести этот капитал, увеличенный на его, рабочего, прибавочный труд, так что рабочий должен теперь доставить прибавочный труд, во-первых, на первона-

---

* См. настоящий том, часть III, стр. 8—9 и 24. *Ред.*

чальный капитал (или его стоимость), а во-вторых, еще и на свой собственный накопленный, т. е. капитализированный, прибавочный труд. А так как этот капитал ежегодно возрастает, то тот же самый рабочий должен был бы постоянно доставлять все больше труда.

Но чтобы вообще на одного и того же рабочего приходилось больше капитала, чем раньше, — это возможно только [в двух следующих случаях].

Случай № 1. Если производительная сила труда остается неизменной, то на одного рабочего только в том случае может приходиться больше капитала, чем раньше, если рабочий удлиняет свое абсолютное рабочее время, — например, работает 15 часов вместо 12, — или если он работает интенсивнее, чем раньше, за 12 рабочих часов выполняет работу 15 часов, за 4 часа работу 5 часов, или за $^4/_5$ часа работу $^5/_5$ часа. Так как за определенное число часов рабочий воспроизводит свои жизненные средства, то в данном случае в пользу капиталиста точно таким же образом выигрывается 3 часа, как если бы увеличилась производительная сила труда, тогда как на самом деле здесь увеличился труд, а не его производительная сила. Если бы эта интенсификация труда распространилась во всех отраслях труда, то стоимость товара необходимым образом уменьшилась бы соответственно уменьшению рабочего времени, которого он стоит. Эта степень интенсивности сделалась бы средней интенсивностью труда, его естественным качеством. Если же она имеет [886] место только в определенных отраслях, то это равносильно сложному труду, т. е. простому труду, возведенному в степень. Та или иная доля часа более интенсивного труда считается тогда за то же самое, что час более экстенсивного труда, и создает точно такую же стоимость. Так, например, в вышеприведенном случае $^4/_5$ часа более интенсивного труда создают такую же стоимость, как и $^5/_5$, или один час, более экстенсивного труда.

И то и другое, удлинение рабочего времени и увеличение труда посредством большей интенсивности последнего, посредством, так сказать, сжимания пор труда, имеет свои границы (хотя, например, булочники в Лондоне, как правило, работают 17, а то и больше часов), вполне определенные физические границы, и когда они достигнуты, прекращаются сложные проценты, «сложная прибыль».

В пределах этих границ имеет силу следующее:

Если капиталист ничего не платит за удлинение или интенсификацию труда, то его *прибавочная стоимость* (а также и прибыль, если не происходит изменения в *стоимости* постоянного

капитала, так как мы предполагаем, что способ производства остается тем же) — его прибыль (при указанных условиях) — возрастает быстрее, чем увеличился его капитал. За прирост капитала он не оплачивает никакого необходимого труда.

Если же он платит за добавочный труд в той же пропорции, как и прежде, то прибавочная стоимость возрастает пропорционально увеличению капитала. Прибыль возрастает быстрее. Ибо здесь имеет место более быстрый оборот основного капитала; к тому же изнашивание машин ускоряется не в такой мере, в какой ускоряется их использование. Сокращаются затраты на основной капитал, так как для 200 рабочих, работающих одновременно, нужно больше машин, зданий и т. д., чем для 100 рабочих с удлиненным рабочим днем. Точно так же в последнем случае требуется меньше надсмотрщиков и т. д. (Для капиталиста это создает в высшей степени приятную возможность без всяких дальнейших затруднений расширять или сокращать свое производство в соответствии с условиями рынка. Кроме того, это увеличивает его власть, так как той части рабочих, которая перегружена трудом, соответствует незанятая или полузанятая резервная армия, в результате чего усиливается конкуренция среди рабочих.)

Хотя в этом случае чисто арифметическое отношение между необходимым трудом и прибавочным трудом не нарушается и мы здесь имеем единственный случай, когда оба они могут увеличиваться в одинаковой степени, эксплуатация труда тем не менее возрастает, — как при удлинении рабочего дня, так и при интенсификации его (уплотнении), если только одновременно с этой интенсификацией рабочий день не подвергается сокращению (как при введении закона о десятичасовом рабочем дне). Рабочий сокращает продолжительность существования своей рабочей силы, истощает ее в гораздо большей степени, чем увеличивается его заработная плата, и еще больше превращается всего лишь в рабочую машину. Но даже и не говоря об этом последнем обстоятельстве, если рабочий при нормальном рабочем дне живет,, предположим, 20 лет, а при удлиненном или уплотненном рабочем дне только 15, то в одном случае он продает стоимость своей рабочей силы в течение 15 лет, а в другом — в течение 20. В одном случае она должна быть возмещена в течение 15 лет, в другом — в течение 20 лет.

Стоимость в 100, существующая на протяжении 20 лет, будет возмещена, если ежегодно уплачивается 5%, ибо 5 × 20 = 100. Стоимость в 100, существующая на протяжении 15 лет, будет возмещена, если ежегодно уплачивается $6^{2}/_{3}$%). Однако в рассматриваемом случае рабочий из 3 добавочных часов полу-

чает лишь то, что соответствует однодневной стоимости его рабочей силы при расчете на 20 лет. Предположим, что он работает 8 часов необходимого труда и 4 часа прибавочного труда. Тогда он из каждого часа получает $^2/_3$ часа, ибо $\frac{12 \times 2}{3} = 8$. Соответственно этому из 3 часов сверхурочного времени он получит два часа, или из каждого сверхурочного часа — $^2/_3$. Но это является стоимостью его рабочей силы в час лишь при том предположении, что его рабочая сила существует в течение 20 лет. Если рабочий продает ее в течение только 15 лет, то ее стоимость в час соответствующим образом повышается.

Антиципация будущего — действительная антиципация — вообще имеет место при производстве богатства только по отношению к рабочему и к земле. У них обоих будущность, посредством преждевременного чрезмерного напряжения и истощения, посредством нарушения равновесия между расходом и приходом, может быть *realiter*[*] антиципирована и разрушена. С обоими это и происходит при капиталистическом производстве. Что же касается так называемой антиципации, например, при государственных долгах, то о такого рода антиципации будущего Рейвнстон справедливо замечает:

[887] «Заявляя, что расходы сегодняшнего дня они отодвигают в будущее, и уверяя, что можно обременять потомство в целях удовлетворения потребностей нынешнего поколения, они [защитники системы государственных долгов] утверждают нелепость, будто можно потреблять то, что еще не существует, будто можно питаться хлебом еще до того, как брошены в землю его семена» *(Ravenstone.* Thoughts on the Funding System, стр. 8). «Вся мудрость наших государственных людей сводится к перенесению в больших размерах собственности от одной группы лиц к другой, к созданию громадного фонда для выдачи наград за спекуляции и казнокрадство» (там же, стр. 9).

Иначе обстоит дело с рабочим и землей. То, что здесь расходуется, существует как δυναμιζ[**], а в результате форсированного расходования этой δυναμιζ сокращается продолжительность ее существования.

Наконец, если капиталист вынужден платить за сверхурочное время больше, чем за нормальное рабочее время, то, согласно вышесказанному, это отнюдь не является повышением заработной платы, а только компенсацией за повысившуюся стоимость сверхурочного времени, причем добавочная плата редко достигает необходимой для этого высоты. В действительности, когда рабочий работает сверхурочно, лучше оплачивать надо было бы не только сверхурочное время, но вообще каждый

[*] — реально, на самом деле. *Ред.*
[**] — сила, способность. *Ред.*

рабочий час, чтобы оплатить хотя бы только более быстрое изнашивание рабочей силы.

Таким образом, при всех обстоятельствах мы здесь имеем большую эксплуатацию труда. Вместе с тем здесь при всех обстоятельствах налицо [относительное] уменьшение прибавочной стоимости по мере накопления капитала, а также и уменьшение нормы прибыли, поскольку это не парализуется экономией на постоянном капитале. [887]

[887] Таков, стало быть, один из тех случаев, когда с накоплением капитала — с появлением «сложной прибыли» — норма прибыли должна уменьшаться. Если для капитала в 300 (первая доза) норма прибыли была равна 10% (и прибыль составляла, следовательно, 30), а для добавочного капитала в 100 она равна 6%, то для 400 вся прибыль составит 36. Следовательно, вообще на 100 прибыль составит 9. С 10% норма прибыли понизилась до 9%.

Но, как сказано, на этой основе (т. е. при неизменной производительности труда) после достижения определенного пункта прибыль на добавочный капитал должна не только уменьшиться, но и совсем исчезнуть, так что все накопление, основанное на этой «сложной прибыли», должно приостановиться. В рассматриваемом случае уменьшение прибыли связано с увеличением эксплуатации труда, и ее исчезновение на известном пункте наступает не потому, что рабочий или кто-либо другой получает весь свой продукт, а потому, что физически невозможно работать сверх определенного количества рабочего времени или увеличивать интенсивность труда сверх определенной степени интенсивности.

Случай № 2. Единственным иным случаем, когда при неизменном количестве рабочих на каждого рабочего может приходиться больше капитала, чем раньше, и поэтому добавочный капитал может быть употреблен, затрачен на усиленную эксплуатацию того же количества рабочих, [888] является *увеличение производительности труда, изменение способа производства.* Это обусловливает изменение в органическом соотношении между постоянным и переменным капиталом. Другими словами, увеличение капитала по отношению к труду тождественно здесь с увеличением постоянного капитала по отношению к переменному и вообще по отношению к массе применяемого им живого труда.

Здесь, следовательно, концепция Годскина сводится к общему закону, выведенному мною.

Прибавочная стоимость, эксплуатация рабочего увеличивается, но одновременно с этим падает норма прибыли, так как

переменный капитал по сравнению с постоянным уменьшается и масса живого труда вообще относительно уменьшается по сравнению с тем капиталом, который приводит ее в движение. Более значительная часть произведенного за год продукта труда присваивается капиталистом под вывеской капитала и менее значительная часть под вывеской прибыли.

{Отсюда фантазия *попа Чалмерса,* будто чем меньшие массы годового продукта капиталисты затрачивают как капитал, тем большие прибыли они загребают[110], причем им в этом деле приходит на помощь «установленная церковь»[111], чтобы позаботиться о потреблении значительной части прибавочного продукта вместо капитализирования его. Проклятый поп смешивает причину и следствие. К тому же масса прибыли, при уменьшившейся норме прибыли, возрастает с увеличением затрачиваемого капитала. Кроме того, возрастает количество потребительных стоимостей, в котором представлена эта уменьшившаяся процентная доля продукта. Это, однако, обусловливает вместе с тем централизацию капитала, так как теперь условия производства требуют применения больших масс капитала. Это обусловливает поглощение более мелких капиталистов крупными и «декапитализацию» первых. Здесь мы вновь, только в другой форме, имеем перед собой отделение условий труда от самого труда (ибо у мелких капиталистов еще наблюдается собственный труд в большей или меньшей степени. Вообще труд капиталиста находится в обратном отношении к величине его капитала, т. е. к той степени, в какой он является капиталистом. Этот процесс скоро привел бы капиталистическое производство к развязке, если бы постоянно наряду с центростремительной силой не действовали парализующие ее тенденции к децентрализации, которые здесь не подлежат рассмотрению, так как это относится к главе о конкуренции капиталов), — то отделение условий труда от самого труда, которое образует понятие капитала и *первоначального* накопления и которое затем выступает как постоянный процесс в накоплении капитала, а здесь, наконец, выражается в централизации уже существующих капиталов в немногих руках и в декапитализации многих.}

То обстоятельство, что (относительное) уменьшение количества труда не компенсируется в полной мере повышением его производительности, или что отношение прибавочного труда к затрачиваемому капиталу не возрастает в *той же* пропорции, в какой уменьшается относительная *масса применяемого труда,* вызывается отчасти тем, что стоимость труда, или количество необходимого труда, уменьшается только тогда, когда развитие

производительности труда имеет место в определенных сферах приложения капитала, и что даже и в этих сферах производительность труда развивается неравномерно и сопровождается действием парализующих факторов; так, например, сами рабочие, хотя они и не могут воспрепятствовать понижению заработной платы (по стоимости), не допускают понижения ее абсолютно до минимума, а, наоборот, вынуждают предоставлять им количественно некоторое участие в росте общего богатства.

Однако и это возрастание прибавочного труда является относительным и возможно лишь в определенных границах. Для того чтобы оно соответствовало требованиям сложных процентов, необходимое рабочее время должно было бы в этом случае быть точно так же сведено к нулю, как в ранее рассмотренном случае [прибавочное рабочее время] должно было бы быть растянуто до бесконечности.

Такое повышение или падение нормы прибыли, которое обусловливается повышением или понижением заработной платы вследствие изменения в спросе и предложении [труда] или вследствие временного повышения или понижения цены предметов необходимости (в сравнении с предметами роскоши), вызванного этим изменением спроса и предложения и обусловленным им повышением или понижением заработной платы, — точно так же не имеет никакого отношения к общему закону [889] повышения или падения нормы прибыли, как повышение или понижение рыночных цен товаров вообще не имеет никакого отношения к определению их стоимости. Это следует рассмотреть в главе о реальном движении заработной платы. Если отношение между спросом и предложением благоприятно для рабочих и их заработная плата повышается, то *возможно* (но отнюдь не обязательно), что вместе с этим временно повышаются цены некоторых предметов необходимости, в особенности продуктов питания. Правильно замечает по этому поводу анонимный автор «Inquiry into those Principles» etc.:

В этом случае произойдет «увеличение спроса на предметы необходимости в сравнении со спросом на такие предметы, без которых можно обойтись, так что соотношение между этими двумя видами спроса будет совершенно иным, чем то, какое существовало бы, если бы он осуществлял эту власть» (капиталист свою власть над товарами), «чтобы получать вещи для своего собственного потребления. Предметы необходимости будут тем самым обмениваться на большее количество вещей вообще... И по меньшей мере часть этих предметов необходимости будет состоять из продуктов питания» (стр. 21—22).

Далее анонимный автор правильно развивает концепцию Рикардо:

«Итак, во всяком случае, повышение цены на хлеб не было *первоначальной* причиной того повышения заработной платы, которое привело к понижению прибыли, а, наоборот, сперва повышение заработной платы было причиной повышения цены на хлеб, а затем та особенность земли, в силу которой усиленная обработка приносит относительно все меньшую и меньшую выручку, сделала часть этого повышения цены *постоянной* и воспрепятствовала тому, чтобы закон народонаселения в полной мере оказал *противодействие* происшедшему увеличению заработной платы» (стр. 23).

Объясняя падение прибыли невозможностью для живого труда удовлетворить требования «сложных процентов», Годскин и автор памфлета «The Source and Remedy of the National Difficulties», хотя они и не подвергли этот вопрос дальнейшему анализу, стоят гораздо ближе к истине, чем Смит и Рикардо, которые объясняют падение прибыли ростом заработной платы: один — ростом реальной и поминальной заработной платы, другой — ростом номинальной заработной платы, которому скорее соответствует уменьшение реальной заработной платы. Годскин и все эти пролетарские противники [политико-экономов] не без здравого смысла отмечают тот факт, что с развитием капитала относительно возросло число лиц, живущих на прибыль.

[e) ГОДСКИН ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ХАРАКТЕРЕ ТРУДА И ОБ ОТНОШЕНИИ МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И ТРУДОМ]

Теперь приведем еще несколько заключительных положений из брошюры Годскина «Labour Defended against the Claims of Capital».

Развитие меновой стоимости продукта и тем самым — развитие содержащегося в товаре труда как общественного труда:

«Почти каждый продукт искусства и умения является *результатом соединенного и комбинированного труда*».

(Это — результат капиталистического производства.)

«Человек так зависит от человека, и эта зависимость так *возрастает* по мере развития общества, что едва ли какой-либо труд какого-либо отдельного индивидуума... имеет малейшую ценность, если он не составляет частицу большого общественного труда».

{Это место процитировать при изложении тезиса о том, что лишь на основе капитала *товарное* производство, или производство продукта как товара, принимает всеобъемлющий характер и захватывает самую сущность продукта.}

«... Там, где введено разделение труда, прежде чем рабочий может реализовать то, что он заработал, появляются другие люди со своими

оценками тех или иных работ, и уже не оказывается более ничего такого, что можно было бы назвать естественным вознаграждением за труд индивидуума. Каждый рабочий производит лишь известную часть целого, и так как каждая часть не имеет сама по себе никакой ценности или полезности, то здесь нет ничего такого, за что рабочий мог бы ухватиться и сказать: «Это мой продукт, это я удержу для себя». Между началом какой-нибудь комбинированной операции, например операции по изготовлению сукна, и дележом конечного продукта между различными лицами, комбинированные усилия которых изготовили его, неоднократно вклинивается даваемая людьми оценка тех или других работ, и вопрос заключается в том, сколько из этого совместного продукта достанется на долю каждого из тех индивидуумов, соединенный труд которых произвел его.

Я не знаю иного способа решить этот вопрос, [890] как передать его на свободное обсуждение самих рабочих» (стр. 25) [Русский перевод, стр. 27-28].

«Я должен добавить, что вряд ли один вид труда является более ценным, чем другой. Несомненно то, что все они одинаково необходимы» (стр. 26) [Русский перевод, стр. 29].

В заключение Годскин говорит следующее об *отношении между капиталом и трудом:*

«Предприниматели — такие же работники, как и их наемные рабочие. В этом отношении их интересы в точности совпадают с интересами их рабочих. Но одновременно с этим они являются также или капиталистами, или агентами капиталистов, и в этом отношении их интересы решительно противоположны интересам их рабочих» (стр. 27) [Русский перевод, стр. 30].

«Широкое распространение образования среди наемных рабочих нашей страны уменьшает изо дня в день значение труда и искусства почти всех предпринимателей и хозяев, так как оно увеличивает число людей, обладающих их специальными знаниями» (стр. 30) [Русский перевод, стр. 33].

«Капиталист — это *угнетающий посредник* между различными рабочими». Если его исключить, то «станет ясно, что *капитал,* или *способность применять труд,* и *сосуществующий труд* — это одно и то же; и что *производительный капитал* и *искусный труд* — это также *одно и то же.* Следовательно, капитал и рабочее население означают совершенно одно и то же. В системе природы рот соединен с руками и умом» (стр. 33) [Русский перевод, стр. 36].

Вместе с той формой отчуждения, которую различные моменты общественного труда имеют по отношению друг к другу и которая представлена в *капитале,* исчезает капиталистический способ производства. Таков результат рассуждений Годскина.

* * *

Первоначальное накопление капитала. Включает в себя централизацию условий труда. Оно является обособлением условий труда по отношению к рабочему и самому труду. Его исторический акт есть исторический акт возникновения капитала — *исторический* процесс отделения, превращающий усло-

вия труда в капитал, а труд в наемный труд. Тем самым дана основа капиталистического производства.

Накопление капитала на основе самого капитала, — следовательно, также и на основе отношения капитала и наемного труда. Оно воспроизводит во все более широких размерах отделение и обособление предметного богатства по отношению к труду.

Концентрация капитала. Накопление крупных капиталов путем уничтожения мелких. Притяжение. Декапитализация промежуточных сочетаний капитала и труда. Это всего лишь последняя степень и форма того процесса, который превращает условия труда в капитал, затем воспроизводит капитал и отдельные капиталы в более широких размерах, наконец отделяет капиталы, образовавшиеся во многих пунктах общества, от их владельцев и централизует их в руках крупных капиталистов. Приобретая эту крайнюю форму противоположности и противоречия, производство, хотя и в отчужденной форме, превращается в общественное производство. Мы здесь имеем общественный труд и общность орудий производства в действительном процессе труда. Капиталисты в качестве *функционеров* указанного процесса, который вместе с тем ускоряет это *общественное* (ассоциированное) производство, а тем самым и развитие производительных сил, становятся в той же мере излишними, в какой они [per] procura* общества загребают себе доходы и превозносятся как *собственники* этого общественного богатства и *командиры* общественного труда. С ними происходит то же, что и с феодалами, притязания которых, как и их *услуги,* сделались излишними с возникновением буржуазных обществ, превратились просто-напросто в устаревшие и не соответствующие своей цели привилегии и тем самым быстро приблизились к своей гибели. [XV—890]

[ж) ФОРМУЛИРОВКИ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИИ ГОДСКИНА В ЕГО «POPULAR POLITICAL ECONOMY»]

[XVIII — 1084] *Th. Hodgskin.* Popular Political Economy. Four Lectures delivered at the London Mechanics' Institution. London, 1827.

«Легко выполняемый труд — это только *унаследованное искусство»* (стр. 48) [Русский перевод, стр. 74].

«Так как все выгоды, проистекающие из разделения труда, по природе вещей сосредоточены в рабочих и принадлежат рабочим, то в том случае, если рабочих лишают этих выгод и если в ходе развития общества богатеют

* — по уполномочию, по доверенности. *Ред.*

от увеличивающегося искусства рабочих только те, кто никогда не работает, — это должно иметь своей причиной несправедливое присвоение, узурпацию и грабеж со стороны тех, кто богатеет, и согласие на покорность со стороны тех, кого доводят до нищеты» (стр. 108—109) [Русский перевод, стр. 111].

[1085] «Рабочие, действительно, размножаются слишком быстро, если сравнивать их размножение только со спросом капиталистов на их услуги» (стр. 120) [Русский перевод, стр. 118—119].

«Мальтус отмечает то влияние, которое увеличение *числа рабочих* оказывает на уменьшение доли, получаемой каждым рабочим из годового продукта, при предположении, что та часть этого продукта, *которая распределяется* между рабочими, является определенной и фиксированной величиной, ни в какой мере не регулируемой тем, что рабочие производят в течение года» (стр. 126) [Русский перевод, стр. 122].

«Труд есть единственная мера стоимости; но труд, творец всякого богатства, *не является товаром»* (стр. 186) [Русский перевод, стр. 162, примечание].

Относительно влияния денег на увеличение богатства Годскин справедливо замечает:

«Если человек за небольшие количества подверженных порче продуктов может получить то, что порче не подвержено, то у него не будет искушения выбрасывать первые. Так употребление денег увеличивает богатство, предотвращая мотовство» (стр. 197) [Русский перевод, стр. 169].

«Главная польза розничной торговли обусловлена тем обстоятельством, что количество, в каком товары лучше всего производятся, не является тем количеством, в каком они лучше всего распределяются [для индивидуального потребления]» (стр. 146) [Русский перевод, стр. 136].

«Как теория капитала, так и практика, состоящая в том, что продолжительность труда доводится до той точки, на которой труд, сверх издержек на содержание рабочего, может произвести еще и прибыль для капиталиста, противоречат, по-видимому, естественным законам, регулирующим производство» (стр. 238) [Русский перевод, стр. 196].

Относительно *накопления капитала* Годскин говорит приблизительно то же самое, что и в первом своем сочинении. Все же в интересах полноты приведем здесь главные места:

«Рассмотрим, например, основной капитал — точка зрения, наиболее благоприятная для тех, кто утверждает, что капитал помогает производству. Необходимо различать троякого рода обстоятельства, при которых результаты накопления капитала весьма различны.

1) Когда капитал производится и применяется одним и тем же лицом. Ясно само собой, что всякое накопление в его руках орудий, какие он производит и какими он пользуется, облегчает его труд. *Границей таково накопления является способность рабочего производить и применять подобные орудия.*

2) Когда капитал производится и применяется разными лицами, распределяющими между собой в справедливых пропорциях продукт своего совместного труда. Капитал производится одним рабочим, а применяется другим; они делят товар пропорционально тому труду, который каждый из них затратил при производстве товара... Однако факт этот я предпочел бы выразить таким образом, что сказал бы: та часть общества, которая за-

нята производством орудий, в то время как другая часть общества применяет их, образует определенную *отрасль разделения труда,* увеличивающую производительную силу и содействующую всеобщему богатству. До тех пор пока продукт этих двух классов рабочих распределяется между ними, накопление и умножение орудий, производимых и применяемых ими, оказывается столь же благотворным, как если бы они производились и применялись одним лицом.

3) Когда капитал является собственностью класса таких лиц, которые его и не производят и не применяют... Капиталист, будучи лишь *собственником* орудий, не является, как таковой, работником. Он никак не содействует производству».

{Другими словами, производству содействует *орудие,* а не тот титул собственника, который *А* имеет по отношению к этому орудию, не то обстоятельство, что орудие принадлежит не-рабочему.}

«Капиталист *завладевает продуктом одного рабочего и передает его другому рабочему* — или на определенное время, как это бывает с большей частью видов основного капитала, или навсегда, как это бывает с заработной платой, — передает, исходя из мысли о том, что этот продукт может быть использован или потреблен с выгодой для *него*, капиталиста. Он никогда не допускает, чтобы продукт одного рабочего, попадающий к нему в руки, был использован или потреблен другим рабочим иначе, как к его, капиталиста, собственной выгоде. Он применяет или одалживает свою собственность, *чтобы получать долю в продукте,* или естественном доходе, *рабочих;* и всякое *накопление такой собственности* в его руках представляет собой *не что иное, как расширение его власти над продуктом труда,* и задерживает развитие национального богатства. Так обстоит дело в настоящее время... Так как капиталист, собственник всего продукта, не позволяет рабочим ни производить орудия, ни применять их, если только *он* не получает прибыль сверх того, чего стоит содержание рабочих, то ясно, что производительному труду здесь поставлены гораздо более узкие границы, чем те, которые предписывает природа. *По мере того, как капитал накопляется в руках третьих лиц, возрастает вся та сумма прибыли, которую требует себе капиталист,* и тем самым создается искусственное препятствие для роста производства и населения... При нынешнем состоянии общества, при котором рабочие никогда не бывают собственниками капитала, *всякое накопление капитала увеличивает ту сумму прибыли, которая от них требуется,* и делает невозможным всякий такой труд, который обеспечивал бы только то, что необходимо для приличного существования рабочего... Раз уж признаётся, что труд производит все, даже капитал, то *нелепо приписывать производительную силу орудиям, производимым и применяемым трудом»* (стр. 243—247) [Русский перевод, стр. 199—202].

«Заработная плата не облегчает производство, как его облегчают орудия... *Труд, а не капитал, оплачивает всякую заработную плату»* (стр. 247) [Русский перевод, стр. 202].

[1086] «Большинство *авансов капиталистов* состоит *в обещаниях уплатить...*

Изобретение и употребление бумажных денег обнаружило тот факт, что капитал отнюдь не есть *результат сбережений.* До тех пор пока капиталист должен был обладать действительно накопленными драгоценными металлами или товарами, чтобы реализовать свое богатство, или распоряжаться трудом других людей, можно было полагать, что накопление

капитала является результатом действительных сбережений и что от него зависит прогресс общества. Но когда были изобретены бумажные деньги и печатаемые на пергаменте ценные бумаги и когда обладатель одного лишь кусочка такого пергамента стал получать годовой доход в клочках бумаги, за которые он получал все, что ему было нужно для его пользования или потребления, а если он не тратил все эти клочки бумаги, он к концу года становился богаче, чем был в начале года, или имел право получить в следующем году еще большее количество бумажек, что давало ему еще больше власти над продуктами труда, — тогда стало до очевидности ясно, что капитал не есть результат сбережений и что индивидуальный капиталист обогащается не благодаря действительному и материальному сбережению, а благодаря тому, что он делает нечто такое, что дает ему возможность... получать больше из продукта труда других людей...

Фабрикант сукна имеет либо монету, либо бумажку, посредством которых он выплачивает заработную плату. Эту заработную плату его рабочие обменивают на продукт других рабочих, которые не сохраняют заработную плату первых, состоит ли она в звонкой монете или в бумажных деньгах, и она возвращается обратно к фабриканту, который в обмен на нее отдает сукно, изготовленное его собственными рабочими. Возвратившеюся к нему монетой или бумажкой он снова выплачивает заработную плату, и снова эта монета или бумажка проделывает тот же самый кругооборот...

Его» (капиталиста) *«собственности,* служит ли она для *выплаты заработной платы* или же состоит в полезных орудиях, приписывается вся та огромная помощь, которая оказывается труду *знанием и искусством, воплощенными в машинах...* Соединенный труд рудокопа, плавильщика, кузнеца, механика, кочегара и множества других людей, а не мертвые машины, выполняет то, что делается паровыми машинами... *При обычном способе выражения производительная сила этого искусства рабочих приписывается его видимому продукту,* орудиям труда, причем те, кто является *лишь собственниками последних,* не производящими и не применяющими их, воображают себя в высшей степени производительными людьми» (стр. 248—251) [Русский перевод, стр. 202—205].

Полемику Годскина против разговоров об *«опасности вызвать у капитала стремление к эмигрированию из страны»,* против взгляда на процент с капитала как на необходимый стимул для развития производства, или относительно теории сбережений — см. в тетради IX, стр. 47[112]. Привести это в главе о вульгарных экономистах.

«По мере роста населения происходит увеличение как производства, так и потребления, и это есть все, что подразумевается под понятиями накопления или увеличения национального богатства» (стр. 257) [Русский перевод, стр. 208]. [XVIII—1086]

[з) ГОДСКИН О ВЛАСТИ КАПИТАЛА И О ПЕРЕВОРОТЕ В ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ]

[XIII — 670a] [*Hodgskin.*] The Natural and Artificial Right of Property Contrasted. London, 1832.

«В настоящее время все богатство общества попадает сначала в руки *капиталиста,* и даже большая часть земли куплена им. *Он уплачивает* ренту земельному собственнику, заработную плату — рабочему, налоги и

десятину — сборщикам податей и *удерживает в свою собственную пользу значительную, даже наибольшую, и притом непрерывно растущую, часть годового продукта труда.* Капиталиста можно теперь назвать *первым собственником* всего общественного богатства, хотя нет такого закона, который предоставлял бы ему право на эту собственность» (стр. 98).

«Этот переворот в сфере собственности совершился *в результате взимания процентов на капитал* и в результате нарастания сложных процентов, и весьма знаменательно, что все законодатели Европы стремились *воспрепятствовать этому путем законов* против ростовщичества» (стр. 98, примечание).

«Власть капиталиста над всем богатством страны есть результат *полнейшей революции в праве собственности,* а между тем на основании какого закона или какого ряда законов совершилась эта революция?» (стр. 99). [XIII—670a]

[4)] БРЕЙ КАК ПРОТИВНИК ПОЛИТИКО-ЭКОНОМОВ [113]

[X — 441] *Bray, J. F.* Labour's Wrongs and Labour's Remedy, etc. Leeds, 1839.

Так как существование человека обусловлено трудом, а труд предполагает средства труда, то «земля — эта великая арена всякой деятельности и *сырой материал* всякого богатства — должна быть общей собственностью всех ее обитателей» (стр. 28) [Русский перевод: *Брей, Дж. Ф.* Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению. Москва, 1956, стр. 50—51].

«Жизнь зависит от пищи, а пища от труда. Эта зависимость имеет абсолютный характер. Поэтому, если какой-нибудь индивидуум уклоняется от труда, то это возможно лишь при том условии, что увеличивается труд остальной массы людей» (стр. 31) [Русский перевод, стр. 54].

«Все несправедливости и все страдания, которые причиняли или которым подвергались люди, проистекают в конечном счете из того, что некоторые индивидуумы и классы узурпировали право на землю и лишили этого права других индивидуумов и другие классы... После того как люди присвоили себе право собственности на землю, их следующим шагом были присвоение себе права собственности на самого человека» (стр. 34) [Русский перевод, стр. 57].

Брей объявляет своей целью

«борьбу против политико-экономов на их собственной почве и их собственным оружием» (для доказательства того, что не при всякой социальной системе нищета должна быть уделом рабочего). «Прежде чем получить возможность опровергать делаемые с помощью такого метода выводы, политико-экономы должны будут отвергнуть или опровергнуть те установленные истины и принципы, на которых основаны их собственные аргументы» (стр. 41) [Русский перевод, стр. 65—66].

«По мнению самих политико-экономов, для производства богатства необходимы: 1) труд, 2) накопление прошлого труда, или капитал, и 3) обмен...». Таковы, по их собственному мнению, *всеобщие условия производства.* «Эти условия производства имеют силу для общества в целом, и природа их такова, что ни отдельные индивидуумы, ни отдельные классы не могут быть изъяты из их действия» (стр. 42) [Русский перевод, стр. 66—67].

«Заповедь: Трудись! — остается одинаково обязательной для всех сотворенных существ... Только человек может обойти этот закон; а природа этого закона такова, *что* он может быть обойден одним человеком только за счет другого» (стр. 43) [Русский перевод, стр. 67].

«Согласно истинной природе труда и обмена, строгая справедливость требует» {Брей при этом ссылается на даваемые политико-экономами определения меновой стоимости товаров}, «чтобы все вступающие в обмен имели не только *взаимные,* но и *равные* выгоды... Если бы осуществлялась справедливая система обмена, то стоимость всех товаров определялась бы совокупностью издержек их производства, и равные стоимости всегда обменивались бы на равные стоимости... До настоящего времени рабочие давали и дают капиталисту труд целого года в обмен на стоимость полугодового труда, и отсюда возникло то неравенство могущества и богатства, которое существует теперь вокруг нас. Неизбежным следствием неравенства обмена — покупки по одной цене и продажи по другой — является то, что капиталисты продолжают быть капиталистами, а рабочие—рабочими, одни — классом тиранов, а другие — классом рабов» (стр. 47—49) [Русский перевод, стр. 72—74].

«При нынешней системе обмен не только не доставляет взаимной выгоды каждой из обменивающихся сторон, как это утверждают политико-экономы, но можно с уверенностью сказать, что в большинстве сделок между капиталистом и производителем обмен совсем не имеет места... Что дает фабрикант или земельный собственник за труд рабочих? Труд? Нет, ибо капиталист не работает. Капитал? Нет, ибо запасы его богатства постоянно возрастают... Капиталист поэтому не может обменять *ничего* такого, что принадлежит ему самому. Вся эта сделка поэтому ясно показывает, что капиталисты и земельные собственники только тем и занимаются, что дают рабочему за его труд в течение одной недели часть того богатства, которое они от него, рабочего, получили в течение предыдущей недели; а это как раз сводится к тому, что они получают от рабочего нечто, не давая ему за это ничего... Богатство, которое капиталист, как это кажется, дает в обмен на труд рабочего, не было создано ни трудом капиталиста, ни его богатством, — оно первоначально было получено в результате труда рабочего и ежедневно снова отбирается у него посредством мошеннической системы неравного обмена. Вся сделка между производителем и капиталистом представляет собой явный обман, чистейший фарс» (стр. 49—50) [Русский перевод, стр. 74—75].

«Закон, гласящий «Да будет накопление!», выполняется только наполовину и поставлен на службу интересам одного особого класса в ущерб всему остальному обществу» (стр. 50) [Русский перевод, стр. 75—76].

«При нынешней социальной системе весь рабочий класс в целом зависит в отношении средств труда от капиталистов, или нанимателей; но там, где один класс в силу своего положения в обществе зависит от другого класса в отношении *средств труда,* он подобным же образом зависит от него и в отношении *жизненных средств.* А это положение вещей до такой степени противоречит самому назначению общества и настолько возмутительно с точки зрения разума.., что ни на одну минуту невозможно ни оправдывать, ни защищать его. Оно наделяет отдельного человека такой властью, какой не должен был бы быть облечен ни один смертный» (стр. 52) [Русский перевод, стр. 77].

«Наш повседневный опыт учит нас, что когда мы отрезаем ломоть от каравая хлеба, этот ломоть не может снова вырасти. Каравай есть лишь совокупность ломтей, и чем больше мы их съедаем, тем меньше их остается для еды. Так обстоит [442] дело с караваем рабочего, но каравай капиталиста не следует этому правилу. Вместо того чтобы уменьшаться, его кара-

вай постоянно растет; капиталист беспрестанно отрезает, но все время происходит прирост... Если бы обмен был равный, богатство нынешних капиталистов постепенно перешло бы от них к рабочим классам; каждый израсходованный богачом шиллинг делал бы его на один шиллинг менее богатым» (стр. 54—55) [Русский перевод, стр. 79—80].

Брей там же показывает еще, что

«почти совершенно невозможно, чтобы какой-нибудь капиталист мог унаследовать хотя бы одну тысячу фунтов стерлингов из действительно накопленного труда своих предков, принадлежавших к рабочему классу» (стр. 55) [Русский перевод, стр. 80—81].

«Из учений самих политико-экономов следует, что не может быть обмена без накопления, а накопления без труда» (стр. 55) [Русский перевод, стр. 81].

«При нынешней системе, когда каждый рабочий дает нанимателю **по** меньшей мере шесть дней труда за эквивалент, стоящий лишь четырех или пяти дней труда, барыши нанимателя неизбежно являются потерей для рабочего» (стр. 56) [Русский перевод, стр. 81].

«Итак, как ни пытаться обосновывать происхождение богатства — дарением, индивидуальным накоплением, обменом или наследованием, мы находим одно за другим доказательства того, что в этом обосновании права собственности имеется изъян, сразу же лишающий его всякого подобия справедливости и всякого значения... Все это богатство выросло на костях и мускулах рабочих классов в течение ряда веков и было отнято у них посредством мошеннической и кабальной системы неравного обмена» (стр. 56—57) [Русский перевод, стр. 82].

«Если рабочий при нынешней системе хочет стать богатым, то, вместо того чтобы обменивать свой собственный труд, он должен стать капиталистом, или тем, кто обменивает труд других людей, и тогда, грабя других тем же способом, каким грабили его самого, т. е. посредством неравного обмена, он получит возможность сколачивать большие барыши из небольших потерь других людей» (стр. 57) [Русский перевод, стр. 82—83].

«Политико-экономы и капиталисты написали и напечатали много книг с целью внушить рабочим ложное представление, будто «прибыль капиталиста *не составляет* потери для производителя». Нам говорят, что труд и шагу не может ступить без капитала, что капитал подобен лопате в руках землекопа, что капитал столь же необходим для производства, как и самый труд... Эта взаимозависимость капитала и труда не имеет ничего общего с отношениями между капиталистом и рабочим и не доказывает, что первый должен жить за счет последнего... Не капиталист, а капитал имеет существенное значение для операций производителей. Между капиталом и капиталистом существует такая же большая разница, как между грузом корабля и накладной, сопровождающей этот груз» (стр. 59) [Русский перевод, стр. 84—85].

«Из взаимосвязи между капиталом и трудом с очевидностью вытекает, что чем больше капитала, или накопленного продукта, имеется в стране, тем легче будет производство и тем меньше труда потребуется для достижения данного (определенного) результата. Так, британский народ при помощи своего теперешнего огромного накопления капитала — своих построек, машин, кораблей, каналов и железных дорог — может в течение одной недели произвести больше промышленного богатства, чем его предки 1000 лет тому назад могли произвести в течение полустолетия. Этим мы обязаны не превосходству наших физических сил, а нашему капиталу. Ибо там, где недостает капитала, производство развивается медленно

и туго, и наоборот. Отсюда ясно, что всякий выигрыш для капитала есть в такой же мере выигрыш и для труда, что всякое увеличение капитала ведет к облегчению тяжести труда и что поэтому всякая потеря для капитала должна быть потерей также и для труда. Хотя эта истина была давно подмечена политико-экономами, она не получила у них честного выражения».

{Действительно, эти молодчики рассуждают так:

Накопленные продукты труда — т. е. непотребленные продукты — облегчают труд и делают его более плодотворным. Поэтому плоды этого облегчения и т. д. должны идти на пользу не самому труду, а накоплению. Поэтому не накопление должно быть собственностью труда, а труд должен быть собственностью накопления — собственностью своих собственных продуктов. Поэтому рабочий должен накоплять не для себя, а для другого, и накопление должно противостоять ему как капитал.

У политико-экономов вещественный элемент капитала так сросся с социальной определенностью его формы как капитала — с его антагонистическим характером как господствующего над трудом продукта труда, — что они не могут высказать ни одного положения, не противореча самим себе.}

«Политико-экономы *всегда отождествляли капитал с одним классом общества, а труд с другим классом,* хотя обе эти силы не имеют такой связи от природы и не должны были бы иметь ее также и искусственно. Политико-экономы всегда изображают дело так, будто благополучие рабочего и даже самое его существование возможны лишь при том условии, что он своим трудом содержит капиталиста в роскоши и праздности. Им не хотелось бы видеть рабочего обедающим до тех пор, пока он не произвел два обеда — один для себя самого, а другой для своего хозяина, причем последний получает свою порцию косвенно, посредством неравного обмена» (стр. 59—60) [Русский перевод, стр. 85—86].

«Когда рабочий произвел какую-нибудь вещь, то она принадлежит уже не ему, а капиталисту, она перешла от одного к другому благодаря невидимой магии неравного обмена» (стр. 61) [Русский перевод, стр. 87].

«При нынешней системе капитал и труд, лопата и землекоп, представляют собой две раздельные и антагонистические силы» (стр. 60) [Русский перевод, стр. 86J.

[443] «Но даже если бы вся земля, все дома и все машины принадлежали капиталистам [по справедливости], а рабочего класса не существовало, то капиталисты не могли бы уже обойти великое условие «Да будет труд!». Несмотря на все их богатство, у них остался бы лишь выбор между трудом и голодной смертью. Они не могли бы питаться землею или домами; земля не производит пищи, а машина не вырабатывает одежды без приложения человеческого труда. Поэтому если капиталисты и собственники говорят, что рабочий класс обязан их содержать, то они тем самым фактически утверждают, что производители принадлежат им совершенно так же, как земля и дома, и что рабочий создан лишь на потребу богача» (стр. 68) [Русский перевод, стр. 94—95].

«Производитель в обмен на то, что он дает капиталисту, получает не труд капиталиста и не продукт труда капиталиста, а — работу. При помощи денег рабочие классы вынуждаются не только выполнять тот труд,

к которому их естественно обязывает самосохранение, но и обременять себя трудом для других классов. Несущественно, получают ли производители от непроизводящего класса золото, серебро или другие товары; вся суть в том, что рабочий класс выполняет свой собственный труд и содержит самого себя, а сверх этого выполняет еще и труд капиталиста и содержит его. Каково бы ни было *номинальное* вознаграждение, получаемое производителями от капиталистов, их действительное вознаграждение состоит в том, что на их плечи *перекладывается тот труд, который должны были бы выполнять капиталисты»* (стр. 153—154) [Русский перевод, стр. 187—188].

«Мы принимаем, что население Соединенного Королевства составляет 25 млн. человек. Предположим, что их содержание обходится в среднем по меньшей мере в 15 ф. ст. на человека в год. Это составляет 375 млн. ф. ст. как годичную сумму стоимости содержания всего населения Соединенного Королевства. Но мы производим не только средства существования, ибо наш труд создает также много предметов, не предназначенных для личного потребления. Мы ежегодно увеличиваем наш запас накоплений, или капитал, увеличивая число наших домов, кораблей, орудий, машин, дорог и других приспособлений для дальнейшего производства и исправляя, кроме того, все то, что износилось. Таким образом, хотя наше содержание стоит, как сказано, только 375 млн. ф. ст. в год, совокупная годичная стоимость создаваемого народом богатства составит не меньше 500 млн. ф. ст. ...

Действительными производителями мы можем считать лишь $^1/_4$ населения, или примерно 6 млн. мужчин в возрасте от 14 до 50 лет. Можно сказать, что из этого числа при нынешних условиях едва ли 5 миллионов участвуют в производстве» (дальше Брей говорит, что непосредственно в материальном производстве участвуют только 4 миллиона); «ибо тысячи работоспособных мужчин вынуждены сидеть без дела, в то время как та работа, которую они должны были бы выполнять, выполняется женщинами и детьми; а сотни тысяч мужчин в Ирландии вовсе не могут найти себе работу. Таким образом, менее 5 млн. мужчин вместе с несколькими тысячами детей и женщин должны производить для 25 миллионов...

Имеющееся теперь число рабочих не могло бы без применения машин содержать самих себя и имеющееся число бездельников и непроизводительных работников. Применяемые в настоящее время в земледелии и в промышленности всевозможные машины выполняют, по подсчетам, труд приблизительно 100 млн. работоспособных мужчин... Эти машины и их применение при нынешней системе породили те сотни тысяч бездельников и пожирателей прибыли, которые теперь угнетают рабочих...

Нынешний общественный строй был оплодотворен машинами и машинами же он будет разрушен... Сами машины хороши, без них нельзя обойтись; но плохо их применение, то обстоятельство, что ими владеют отдельные лица, а не вся нация...

Из 5 млн. мужчин, участвующих в настоящее время в производстве, одни работают только 5 часов в день, а другие — 15 часов; если вдобавок к этому принять во внимание потерю времени вследствие вынужденного безделья большой массы рабочих в периоды застоя в делах, то мы обнаружим, что наша годовая продукция создается и распределяется менее чем одной пятой частью общества, работающей в среднем по 10 часов в день...

Если принять, что богатые не-производители всякого рода, вместе с их семьями и челядью, составляют лишь 2 млн. человек и что их содержание стоит в среднем столько же, сколько содержание рабочих, т. е. 15 ф. ст. на человека, то уже эта масса в 2 млн. человек будет стоить рабочему классу 30 млн. ф. ст. в год... Но по самой скромной оценке их содержание стоит не меньше 50 ф, ст. на человека. Это составляет общую сумму

в 100 млн. ф. ст. в качестве годичной стоимости содержания чистейших трутней общества, совершенно непроизводительных...

К этому, присоединяются удвоенные и учетверенные доходы, получаемые различными классами мелких собственников, промышленников и торговцев в форме [444] прибыли и процентов. По самой скромной оценке потребляемая этим многочисленным слоем общества часть богатства не меньше нем на 140 млн. ф. ст. в год *превышает* среднее потребление равного им числа наилучше оплачиваемых рабочих. Итак, вместе со своим правительством оба класса ничего не делающих и живущих на прибыль людей, охватывающие, быть может, $^{1}/_{4}$, всего населения, поглощают ежегодно около 300 млн. ф. ст., или больше половины всего производимого богатства. На каждого рабочего империи это составляет в среднем потерю свыше 50 ф. ст. в год... Остается в среднем не больше чем примерно 11 ф. ст. на человека в год для распределения между остальными $^{3}/_{4}$ нации. По подсчетам, произведенным в 1815 году, получается, что годовой доход всего народа Соединенного Королевства составлял около 430 млн. ф. ст., из которых рабочий класс получил 99742547 ф. ст., а класс, живущий на ренту, пенсии и прибыль, — 330778825 ф. ст. Стоимость всей собственности страны в то время исчислялась примерно в 3 млрд. ф. ст.» (стр. 81—85) [Русский перевод, стр. 108—113].

Сравни таблицу Кинга[114] и т. д.

В 1844 г. *население Англии* составляло: высшее и низшее дворянство — 1181000 человек, *торговцы, промышленники, фермеры и т. д.* — 4221000 человек (обе эти категории вместе — 5402000 человек), рабочие, пауперы и т. д. — 9567000 человек (*Banfield, T. C.* The Organization of Industry. 2nd edition. London, 1848 [стр. 22—23]). [X—444]

[ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ]
РАМСЕЙ

[1) ПОПЫТКА РАЗЛИЧЕНИЯ МЕЖДУ ПОСТОЯННЫМ И ПЕРЕМЕННЫМ КАПИТАЛОМ. ВЗГЛЯД НА КАПИТАЛ КАК НА НЕСУЩЕСТВЕННУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ФОРМУ]

[XVIII — 1086] *Ramsay, George* (of Trinity College). An Essay on the Distribution of Wealth. Edinburgh, 1836.

Переходя к Рамсею, мы снова возвращаемся к политико-экономам.

{Для того чтобы торговый капитал можно было отнести к области производства, Рамсей называет его «транспортировкой товаров из одного места в другое» *(Рамсей,* назв. соч., стр. 19). Рамсей, стало быть, смешивает торговлю с транспортной промышленностью.}

Главная заслуга Рамсея состоит в следующем:

Прежде всего в том, что он фактически проводит различие между *постоянным и переменным капиталом.* Правда, делается это в такой форме, что заимствованные из процесса обращения различия между основным и оборотным капиталом он *номинально* сохраняет как единственные различия, но основной капитал он определяет таким образом, что тот включает в себя все элементы постоянного капитала. Под *основным* капиталом Рамсей понимает поэтому не только машины и орудия, здания, в которых работают или хранят результат труда, рабочий и племенной скот, но равным образом и всякого рода сырье (включая полуфабрикаты и т. п.), «семена земледельца и сырье промышленника» (стр. 22—23). Кроме того, Рамсей относит к основному капиталу «удобрения всякого рода, изгороди в сельском хозяйстве и потребляемое в промышленности топливо» (стр. 23).

«*Оборотный капитал* состоит исключительно из продуктов питания и других предметов необходимости, авансируемых рабочим до завершения продукта их труда» (там же).

Итак, мы видим, что под «оборотным капиталом» Рамсей понимает не что иное, как [1087] ту часть капитала, которая сводится к заработной плате, а под основным капиталом — ту часть капитала, которая сводится к объективным условиям труда, — средства труда и материал труда.

Конечно, ошибка Рамсея заключается в том, что это взятое из непосредственного процесса производства разделение капитала отождествляется у него с различием, проистекающим из процесса обращения. Это есть следствие его приверженности традиции политико-экономов.

С другой стороны, Рамсей также смешивает чисто вещественный состав определенного указанным образом основного капитала с его бытием как «капитала». В действительный процесс труда «оборотный капитал» (т. е. переменный капитал) не входит; в него входит то, что куплено на оборотный капитал, то, чем он замещен, — живой труд. То, что помимо этого входит в процесс труда, есть постоянный капитал, т. е. труд, овеществленный в объективных условиях труда — в материале труда и средствах труда. Поэтому Рамсей говорит:

«Только основной капитал, а не оборотный, является, строго говоря, источником национального богатства» (стр. 23). «Труд и основной капитал представляют собой единственные элементы издержек производства» (стр. 28).

То, что действительно расходуется при производстве товара, это — сырье, машины и т. д. и живой труд, приводящий их в движение.

«Оборотный» капитал является излишним, посторонним по отношению к процессу производства.

«Если бы мы предположили, что рабочие не оплачиваются до завершения продукта их труда, то не было бы никакой надобности в оборотном капитале. Производство велось бы в тех же размерах. Это доказывает, что оборотный капитал не является *непосредственным* фактором производства и *даже вообще не имеет для него существенного значения,* а представляет собой лишь *ухищрение, сделавшееся необходимым вследствие плачевной бедности основной массы народа»* (стр. 24). «С точки зрения нации один лишь основной капитал образует элемент издержек производства» (стр. 26).

Другими словами: овеществленный в условиях труда — в материале и средствах труда — труд, который Рамсей называет «основным капиталом», и живой труд, или, короче, объективированный, овеществленный труд и живой труд, являются необходимыми условиями производства, элементами национального богатства. Напротив, лишь «ухищрением», вызванным «плачевной бедностью основной массы народа», является [по Рамсею] то, что жизненные средства рабочего принимают

вообще форму «оборотного капитала». Условием производства является труд, а не наемный труд; следовательно, не является условием производства также и то, что жизненные средства рабочего противостоят ему как «капитал», как «аванс капиталиста». Рамсей упускает из виду то обстоятельство, что если жизненные средства не противостоят рабочему в качестве «капитала» (в качестве «оборотного капитала», как он его называет), то и объективные условия труда тоже не противостоят ему в качестве «капитала» (в качестве «основного капитала», как он его называет). Рамсей всерьез, а не только на словах, как это делают другие политико-экономы, хочет свести капитал к «той части национального богатства, которая применяется для облегчения воспроизводства или предназначена для такого применения» [стр. 21]. Поэтому он объявляет наемный труд, а следовательно и капитал — *ту социальную форму, которую средства воспроизводства получают на основе наемного труда,* — чем-то несущественным и вызванным лишь бедностью основной массы народа.

Итак, здесь мы подошли к тому пункту, где сама политическая экономия, на основании своего анализа, объявляет *капиталистическую форму* производства, а потому и *капитал,* не абсолютным, а лишь «случайным», историческим условием производства.

Однако Рамсей в своем анализе не пошел достаточно далеко для того, чтобы сделать правильные выводы из своих предпосылок, из того нового определения, которое он дал капиталу в непосредственном процессе производства.

[2) ВЗГЛЯДЫ РАМСЕЯ НА ПРИБАВОЧНУЮ СТОИМОСТЬ И СТОИМОСТЬ. СВЕДЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ К ПРИБЫЛИ. НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНАЯ ТРАКТОВКА ВОПРОСА О ВЛИЯНИИ ИЗМЕНЕНИЯ СТОИМОСТИ ПОСТОЯННОГО И ПЕРЕМЕННОГО КАПИТАЛА НА НОРМУ ПРИБЫЛИ И МАССУ ПРИБЫЛИ. ОРГАНИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ КАПИТАЛА, НАКОПЛЕНИЕ И ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА]

Рамсей близко подходит к правильному пониманию прибавочной стоимости:

«Оборотный капитал всегда будет применять больше труда, чем было прежде затрачено на него самого. Ибо если бы он не мог применять больше труда, чем было прежде затрачено на него самого, то какую выгоду мог бы получить владелец от его применения как такового?» (стр. 49). «Или станут утверждать, что то *количество труда,* которое может применять какой-либо оборотный капитал, всего лишь равно *тому труду, который прежде был затрачен* на его производство? Это означало бы, что стоимость затраченного капитала равняется стоимости продукта» (стр. 52).

Это означает, следовательно, что капиталист обменивает меньшее количество овеществленного труда на большее количество живого труда и что этот избыток неоплаченного живого труда образует избыток стоимости продукта над стоимостью потребленного при его производстве капитала, образует, другими словами, *прибавочную стоимость* (прибыль и т. д.). Если бы количество труда, оплачиваемое капиталистом в заработной плате, равнялось тому количеству труда, которое он в продукте получает обратно от рабочего, то стоимость продукта была бы не больше стоимости капитала и не существовало бы прибыли. Как ни близок здесь Рамсей к пониманию действительного происхождения прибавочной стоимости, все же им еще настолько владеет традиция политико-экономов, что он тотчас же снова сбивается с пути. Прежде всего, самый способ объяснения им этого обмена между переменным капиталом [1088] и трудом является двусмысленным. Если бы этот обмен был совершенно ясен для Рамсея, то дальнейшее недоразумение было бы невозможно. Рамсей говорит:

«Оборотный капитал, созданный, например, трудом 100 рабочих, приведет в движение 150 рабочих. Следовательно, продукт в конце года будет в этом случае результатом труда 150 рабочих» (стр. 50).

При каких условиях продукт труда 100 рабочих может купить труд 150 рабочих?

Если бы заработная плата, получаемая одним рабочим за 12 рабочих часов, равнялась стоимости, создаваемой за 12 рабочих часов, то на продукт его труда можно было бы снова купить только один рабочий день, а-на продукт 100 рабочих дней — только 100 рабочих дней. Но если стоимость однодневного продукта труда рабочего равна 12 рабочим часам, а стоимость однодневной заработной платы, которую он получает, равна 8 рабочим часам, то стоимостью его однодневного продукта можно оплатить (на нее можно вновь купить) $1^1/_2$ рабочих дня или $1^1/_2$ рабочих. А на продукт 100 рабочих дней можно нанять 100 ($1 + {}^1/_2$ рабочего или рабочего дня) = 100 + 50 = 150 рабочих. Следовательно, для того чтобы продукт труда 100 рабочих мог привести в движение 150 рабочих, необходимо, чтобы каждый из 100 рабочих, и вообще каждый рабочий, работал даром на капиталиста половину того времени, которое он работает на себя, или чтобы он треть рабочего дня работал даром. У Рамсея все это выражено неясно. Двусмысленность выступает у него в заключительной фразе: «Следовательно, продукт в конце года будет в этом случае результатом труда 150 рабочих». Конечно, он будет результатом труда 150 рабочих, подобно

тому как продукт труда 100 рабочих был результатом труда 100 рабочих. Двусмысленность (и, несомненно, неясность, более или менее приближающая Рамсея к Мальтусу) состоит в следующем: кажется, будто прибыль получается только благодаря тому, что вместо 100 рабочих теперь применяется 150. Точно так же, как если бы прибыль от 150 рабочих получалась благодаря тому, что теперь при помощи продукта труда 150 рабочих приводятся в движение 225 рабочих (согласно пропорции 100:150 = 150:225, или 20:30 = 30:45, или 4:6 = 6:9). Но не в этом суть.

Если совокупный рабочий день 100 рабочих обозначить через x, то x есть то количество труда, которое дают эти 100 рабочих. А получаемая ими заработная плата составляет $^2/_3x$. Следовательно, стоимость продукта труда этих рабочих равна x, стоимость их заработной платы равна $x - {}^1/_3x$, а созданная ими прибавочная стоимость равна $^1/_3x$.

Если весь продукт труда 100 рабочих снова затрачивается на заработную плату, то на него можно нанять 150 рабочих, продукт труда которых равен заработной плате 225 рабочих. Рабочее время 100 рабочих есть рабочее время 100 рабочих. Но их *оплаченный* труд есть продукт труда $66^2/_3$ рабочих, т. е. он составляет лишь две трети стоимости, содержащейся в продукте труда 100 рабочих. Двусмысленность проистекает оттого, что кажется, будто 100 рабочих или 100 рабочих дней (все равно, считать ли продолжительность рабочего дня равной одному году или одному дню) доставляют 150 рабочих дней — такой продукт, в котором содержится стоимость, созданная за 150 рабочих дней; тогда как, наоборот, стоимости, созданной в течение 100 рабочих дней, достаточно для того, чтобы *оплатить* 150 рабочих дней. Если бы капиталист по-прежнему продолжал применять 100 рабочих, то его прибыль осталась бы неизменной. Он по-прежнему продолжал бы платить 100 рабочим продукт, равный рабочему времени $66^2/_3$ рабочих, а остаток клал бы себе в карман. Если же он весь продукт 100 рабочих снова затрачивает на заработную плату, то он осуществляет *накоплением* присваивает теперь прибавочный труд, равный 50 рабочим дням, тогда как прежде он присваивал лишь $33^1/_3$ рабочего дня.

Отсутствие у Рамсея ясности по этому вопросу тотчас же обнаруживается в том, что в качестве аргумента против определения стоимости рабочим временем он снова приводит «необъяснимое» иначе явление, что *норма прибыли* одинакова для капиталов, эксплуатирующих различное количество труда:

«Применение основного капитала в значительной степени видоизменяет тот принцип, что стоимость зависит от количества труда. Ибо некоторые товары, на которые затрачено одинаковое количество труда, требуют весьма различного времени для того, чтобы они были готовы к потреблению. Но так как в течение этого времени капитал не приносит дохода, то *для того, чтобы данное применение капитала было не менее прибыльно, чем другие его применения,* при которых продукт скорее готов для потребления, товар, когда он, наконец, поступает на рынок, *должен повыситься в стоимости на всю сумму недополученной прибыли.* Это показывает, как капитал может регулировать стоимость независимо от труда» (стр. 43).

Это показывает, наоборот, то, как капитал регулирует средние цены[115] независимо *от стоимости* того или иного продукта, как капитал обменивает товары не по их стоимости, а таким образом, чтобы «одно применение капитала было не менее [1089] прибыльно, чем другие». Рамсей не преминул также воспроизвести известный еще со времени [Джемса] Милля пресловутый пример с «вином в погребе»*, ибо в политической экономии бездумная традиция могущественнее, чем в любой другой науке. И Рамсей заключает: «следовательно, капитал есть источник стоимости, не зависящий от труда» (стр. 55), тогда как самое большее он имел бы право сделать такой вывод: та прибавочная стоимость, которую капитал реализует в той или иной особой отрасли, не зависит от количества труда, применяемого этим особым капиталом. [1089]

[1090] Неправильная концепция Рамсея является здесь тем более странной, что он, с одной стороны, понимает, так сказать, *природную основу* прибавочной стоимости, а с другой стороны, констатирует в одном случае, что *распределение прибавочной стоимости* — ее выравнивание в общую норму прибыли — не увеличивает самой прибавочной стоимости.

[*Во-первых,* Рамсей говорит:]

«Существование прибыли обусловлено тем законом материального мира, в силу которого щедрость природы, если ей содействуют и ею управляют труд и искусство человека, вознаграждает труд нации столь богатыми результатами, что он доставляет *избыток* продуктов над тем, что абсолютно необходимо для возмещения в натуральной форме потребленного основного капитала и *для увековечения расы занятых в производстве рабочих...»* [стр. 205].

{Вот тоже [1091] великолепный результат капиталистического производства: *«увековечение* расы рабочих»! Конечно, если бы производительность труда была достаточна лишь для воспроизводства условий труда и для сохранения жизни рабочего, то никакой *избыток* не был бы возможен, а следовательно, не было бы ни прибыли, ни капитала. Но то обстоятельство, что

* См. настоящий том, часть III, стр. 83—85, 181, 236. *Ред.*

природа не имеет никакого отношения к тому, что, несмотря на наличие этого *избытка,* увековечивается раса рабочих, а избыток принимает форму прибыли и на этой основе «увековечивается» раса капиталистов, — это обстоятельство признал сам Рамсей, когда он заявил, что «оборотный капитал» (так он называет заработную плату, наемный труд) не является существенным условием производства, а обязан своим существованием лишь «плачевной бедности основной массы народа». Рамсей не сделал того вывода, что капиталистическое производство «увековечивает» эту «плачевную бедность», хотя он, с другой стороны, признаёт это, когда говорит, что капиталистическое производство «увековечивает расу рабочих» и оставляет им ровно столько, сколько необходимо для этого увековечения. В вышеуказанном смысле можно сказать, что прибавочная стоимость и т. д. базируется на некотором *законе природы,* на производительности человеческого труда в его взаимодействии с природой. Однако сам Рамсей указывает на *абсолютное удлинение рабочего времени* как на источник прибавочной стоимости (стр. 102); он указывает также и на повышающуюся вследствие прогресса в промышленности производительность труда.}

«... Достаточно валовому продукту хотя бы чуть-чуть превысить то, что безусловно необходимо для вышеназванных целей, и уже становится возможным отделение от общей массы продукта особого дохода под названием прибыли, который принадлежит другому классу людей» (стр. 205). *«Само существование капиталистических предпринимателей как особого класса зависит от производительности труда»* (стр. 206).

Во-вторых, говоря о выравнивании нормы прибыли путем повышения цен в некоторых отраслях, вызванного [общим] повышением заработной платы, Рамсей замечает:

«Повышение цен в некоторых отраслях производства в результате общего повышения заработной платы отнюдь не избавило капиталистических предпринимателей от сокращения их прибыли, оно даже *ничуть не уменьшило их совокупной потери,* а способствовало лишь *более равномерному распределению этой потери между различными группами, составляющими этот класс»* (стр. 163).

И если капиталист, вино которого является продуктом 100 рабочих (пример Рамсея), продает его так же дорого, как и другой капиталист, товар которого является продуктом 150 рабочих, дабы «данное применение капитала было не менее прибыльно, чем другие его применения», то ясно, что содержащаяся в вине и в другом товаре прибавочная стоимость вследствие этого не увеличивается, а только равномерно распределяется между различными группами капиталистов. [1091]

[1089] Рамсей приводит снова также и рикардовские «исключения» [из определения стоимости рабочим временем]. Эти

«исключения» нам нужно будет рассмотреть в *нашем* тексте там, где мы будем говорить о превращении стоимости в цену производства [price of production][116], А именно, сказать об этом нужно будет, вкратце, следующее. Если предположить, что продолжительность рабочего дня в различных отраслях производства (поскольку это не компенсируется интенсивностью труда, неприятностью труда и т. д.) одинакова, или, точнее, если предположить, что одинаков прибавочный труд, одинакова норма эксплуатации, — то изменение нормы прибавочной стоимости может произойти лишь в том случае, если заработная плата повышается или падает. Такого рода изменение нормы прибавочной стоимости, соответствующее повышению или падению заработной платы, различным образом влияло бы на цены производства [Produktionspreise] товаров в зависимости от органического строения капитала. Тот капитал, переменная составная часть которого велика по сравнению с постоянной частью, получал бы вследствие падения заработной платы большее количество прибавочного труда, а вследствие повышения заработной платы присваивал бы меньше прибавочного труда, чем те капиталы, у которых постоянная составная часть больше по сравнению с переменной частью. Таким образом, повышение или падение заработной платы воздействовало бы на норму прибыли в обеих отраслях в обратном направлении, т. е. вызывало бы противоположные отклонения от общей нормы прибыли. Поэтому, для того чтобы сохранялась общая норма прибыли, цена товаров первого рода при повышении заработной платы повысится, цена товаров второго рода понизится. (Каждый род капитала, конечно, лишь в той степени *непосредственно* затрагивается колебаниями заработной платы, в какой он применяет много или мало живого труда в сравнении с величиной всего затрачиваемого капитала.) Наоборот, когда заработная плата падает, цена товаров первого рода понизится, а цена товаров второго рода повысится.

Собственно говоря, все это едва ли относится к рассмотрению первоначального превращения стоимостей в цены производства и первоначального установления общей нормы прибыли, так как это, скорее, вопрос о том, каким образом *общее повышение или падение заработной платы* повлияло бы на цены производства, регулируемые общей нормой прибыли.

Еще меньшее отношение имеет этот случай к различию между основным и оборотным капиталом. Банкир и купец применяют почти исключительно один только оборотный капитал, по очень мало применяют переменного капитала, т. е. они затрачивают относительно мало капитала на живой труд. Владе-

лец рудника, наоборот, применяет бесконечно больше основного капитала, чем капиталист-портной. Но применяет ли он живой труд в такой же пропорции — это большой вопрос. Только потому, что Рикардо выдвинул этот специальный, сравнительно незначительный случай в качестве *единственного различия.* между ценой производства и стоимостью (или, как он ошибочно говорит; в качестве исключения из определения стоимости рабочим временем) и представил его в форме различия между основным и оборотным капиталом, получилось то, что эта ошибка перешла как важная догма — и притом в неправильной форме — во всю последующую политическую экономию. (Владельца рудника следует противопоставлять не портному, а банкиру и купцу.)

[Рамсей говорит:]

«Повышение заработной платы ограничено производительностью труда. Другими словами,.. рабочий никогда не может получит:.. за труд одного дня или одного года больше того, что он, с помошью всех других источников богатства, может произвести в течение этого же времени... Его заработная плата необходимым образом должна быть меньше этого, так как *часть валового продукта* всегда идет на возмещение основного капитала» (т. е., как это получается по Рамсею, *постоянного капитала:* сырья, машин и т. д.) «вместе с прибылью на него» (стр. 119)

У Рамсея здесь смешаны две различные вещи. Содержащееся в однодневном продукте количество «основного капитала» не есть продукт однодневного труда рабочего, т. е. эта часть *стоимости* продукта, представленная определенной частью продукта in natura*, не является продуктом однодневного труда. Прибыль же, действительно, представляет собой вычет из этого однодневного продукта рабочего или из стоимости этого однодневного продукта.

Если Рамсей не выработал себе ясного представления о природе прибавочной стоимости, если он, в частности, всецело остается в плену старой путаницы об отношении между стоимостью и ценой производства и о превращении прибавочной стоимости в среднюю прибыль, то, напротив, из своего понимания основного и оборотного капитала он сделал другой, правильный, [1090] вывод.

Предварительно приведем еще одно положение Рамсея о «стоимости»;

«*Стоимость* соответствует не только тому капиталу, который действительно был потреблен, но и тому капиталу, который остается без изменения, т. е. она соответствует всему примененному капиталу» (стр. 74).

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

В действительности это должно было бы означать следующее: *прибыль,* а потому и *цена производства* соответствуют всему примененному капиталу, тогда как стоимость явно не может менять свою величину в зависимости от той части капитала, которая в стоимость продукта не входит.

[Из своего понимания основного и оборотного капитала Рамсей сделал следующий вывод:]

С прогрессом общества (т. е. капиталистического производства) основная часть капитала увеличивается за счет его оборотной части, т. е. за счет той части, которая затрачивается на труд. Поэтому спрос на труд по мере роста богатства, или по мере накопления капитала, *относительно* уменьшается. В промышленности «бедствия», порождаемые для рабочих развитием производительной силы, имеют временный характер, но они то и дело возобновляются. В земледелии, в особенности при превращении пахотных земель в пастбища, эти бедствия имеют постоянный характер. Общий результат таков: с прогрессом общества, т. е. с развитием капитала (стало быть, с развитием национального богатства), это развитие богатства оказывает все меньшее и меньшее влияние на положение рабочего, alias* положение рабочего относительно *ухудшается* в той же пропорции, в какой возрастает общественное богатство, т. е. происходит накопление капитала, или, что то же самое, в той же пропорции, в какой увеличивается масштаб воспроизводства. Как мы видим, эти результаты весьма далеки от наивной концепции А. Смита или от апологетической концепции вульгарной политической экономии. У А. Смита накопление капитала тождественно возрастанию спроса на труд, непрерывному повышению заработной платы и *потому* — падению прибылей. В его время спрос на труд на самом деле возрастал по меньшей мере в такой же степени, в какой происходило накопление капитала, так как тогда еще господствовала мануфактура, а крупная промышленность не вышла еще из пеленок.

[Рамсей говорит:]

«Спрос на труд зависит (прямо, непосредственно) только от величины оборотного капитала» (стр. 87). (Это у Рамсея тавтология, так как оборотный капитал у него равняется капиталу, затрачиваемому на заработную плату.) «С прогрессом цивилизации основной капитал страны возрастает за счет оборотного капитала» (стр. 89). «Спрос на труд поэтому не всегда возрастает с увеличением капитала, по крайней мере он возрастает не в такой же степени» (стр. 88). «Только в том случае, когда вследствие новых изобретений оборотный капитал увеличивается по сравнению со своими прежними размерами»

* — иначе говоря. *Ред.*

{здесь опять проскальзывает ошибочное воззрение, будто увеличение общего количества жизненных средств тождественно увеличению той части жизненных средств, которая предназначена для рабочих},

«возникает больший спрос на труд. Этот спрос будет тогда расти, но не пропорционально накоплению всего капитала в целом. В тех странах, где промышленность достигла значительного развития, отношение основного капитала к оборотному постепенно становится все большим и большим. *Поэтому всякое увеличение национального фонда, предназначенного для воспроизводства, оказывает с прогрессом общества все меньшее и меньшее влияние на положение рабочего»* (стр. 90—91). «Всякое увеличение основного капитала происходит за счет оборотного капитала, т. е. за счет спроса на труд» (стр. 91).

«Бедствия, которые изобретение машин приносит рабочему населению, занятому в промышленности, имеют, вероятно, лишь временный характер, *однако они могут постоянно возобновляться,* так как новые усовершенствования постоянно содействуют сбережению труда» [стр. 91].

В промышленности эти бедствия имеют, согласно Рамсею (стр. 91—92), временный характер в силу следующих причин. [Во-первых:] капиталисты, применяющие *новые машины,* получают добавочные прибыли; следовательно, растет их способность делать сбережения и увеличивать свой капитал. Часть этих сбережений применяется также и в качестве оборотного капитала. Во-вторых: цена промышленного товара падает соответственно уменьшению издержек производства; следовательно, потребители делают сбережения, в результате чего увеличивается легкость накопления капитала, часть которого может попасть в ту отрасль промышленности, где произошло уменьшение издержек производства товара. В-третьих: падение цен этих продуктов увеличивает спрос на них.

«Таким образом, хотя введение машин может лишить работы значительное количество людей, тем не менее, вероятно, все они или даже еще большее число рабочих по прошествии большего или меньшего промежутка времени снова получат работу» (стр. 92—93).

«В земледелии дело обстоит совершенно иначе. Спрос на сырье возрастает не так быстро, как спрос на промышленные товары... Самым губительным для сельского населения является превращение пахотной земли в пастбище... Почти все те фонды, на которые раньше содержались рабочие, теперь затрачиваются на крупный рогатый скот, на овец и на другие элементы основного капитала» (стр. 93). [1090]

[1091] Рамсей правильно замечает:

«Заработную плату, точно так же как и *прибыль,* следует рассматривать как действительную *часть готового продукта,* совершенно отличную, с точки зрения нации, от издержек его производства» (стр. 142).

«Основной капитал,.. если его брать независимо от результатов его применения,.. представляет собой чистую потерю... Только труд, отвлекаясь от заработной платы, от того, что уплачено за него, является, наряду

с потребленным основным капиталом, элементом издержек производства. Труд есть жертва. Чем-больше затрачивается его вводной отрасли хозяйства, тем меньше остается для другой. Поэтому, если труд применяется в невыгодных предприятиях, нация страдает от растраты главного источника богатства... *Оплата труда* не образует элемента издержек» (стр. 142—143).

(Это очень правильно, что у Рамсея *труд,* а не *оплаченный* труд, не заработная плата, выступает как элемент стоимости.)

Рамсей правильно описывает *реальный* процесс воспроизводства:

«Каким образом возможно сравнение продукта с затраченным на него капиталом?.. Если иметь в виду нацию в целом,.. то совершенно ясно, что *все различные элементы затраченного капитала* должны быть *воспроизведены* в той или другой отрасли хозяйства, так как в противном случае производство страны не могло бы дальше вестись в прежних размерах. Сырой материал промышленности, орудия, употребляемые в ней, а также и в сельском хозяйстве, многочисленные и сложные машины в промышленности, постройки, необходимые для производства или хранения продуктов, — все это, в качестве составных частей, должно входить как в совокупный продукт страны, так и во все авансы ее капиталистических предпринимателей. Количество совокупного продукта может быть поэтому сравнено с количеством авансов — благодаря тому, что каждый предмет можно себе представить стоящим как бы рядом с другим предметом того же рода» (стр. 137—139). «Что же касается каждого капиталиста в отдельности»

{это — неправильная абстракция. Нация только и существует как класс капиталистов, и весь этот класс в целом действует совершенно так же, как каждый капиталист в отдельности. Оба способа рассмотрения различаются лишь тем, что один фиксирует и изолирует потребительную стоимость, а другой — меновую стоимость},

«то — в силу того обстоятельства, что он не *возмещает* свои затраты в натуре, а большую часть их должен получить посредством обмена, для него необходима определенная доля продукта, — в силу этого каждый отдельный капиталистический предприниматель вынужден обращать гораздо больше внимания на меновую стоимость своего продукта, чем на его количество» (стр. 145—146).

[1092] «Чем больше *стоимость его продукта превышает стоимость авансированного капитала, тем большей будет его прибыль.* Таким образом, капиталист будет исчислять прибыль, сравнивая стоимость со стоимостью, а не количество с количеством. Это — первое различие, которое следует отметить в способе исчисления прибыли у наций и у отдельных капиталистов».

{Также и нация в целом, при предположении, что она есть что-то иное, нежели совокупность капиталистов, может в известном смысле сравнивать стоимость со стоимостью следующим образом: она может исчислять совокупное рабочее время, в какое ей обходится возмещение потребленной части ее постоянного капитала и той части продукта, которая вошла

в индивидуальное потребление, — и то рабочее время, которое затрачено на создание избытка, предназначенного для расширения масштаба воспроизводства.}

«Второе различие состоит в том, что так как капиталистический предприниматель всегда *авансирует* рабочему *заработную плату вместо того, чтобы выплачивать ее из готового товара,* то он считает этот аванс так же, как и потреблённый основной капитал, частью своих расходов, хотя заработная плата, с точки зрения нации, не является элементом издержек».

{Для совокупного процесса воспроизводства фактически отпадает и это различие. Капиталист всегда выплачивает заработную плату *из готового товара;* т. е. из товара, произведенного рабочим вчера, он выплачивает ему назавтра его заработную плату; иными словами, в форме заработной платы он фактически дает рабочему лишь чек на получение продукта, *подлежащего изготовлению в будущем,* или *почти готового* продукта, производство которого завершается к тому моменту, когда он покупается. *Авансирование* исчезает как всего лишь видимость, коль скоро мы рассматриваем воспроизводство, т. е. процесс производства в его непрерывности.}

«Норма прибыли капиталистического предпринимателя будет, следовательно, зависеть от избытка стоимости его продукта над стоимостью авансированного капитала, как основного, так и оборотного» (стр. 146).

{То же самое имеет место и с «точки зрения нации». Прибыль капиталистического предпринимателя всегда зависит от того, во что ему самому обходится производство продукта, все равно, готов ли этот продукт или нет к тому времени, когда он выплачивает. заработную плату.}

Заслуга Рамсея состоит, во-первых, в том, что он опровергает общераспространенный со времени А. Смита ошибочный взгляд, будто стоимость совокупного продукта распадается на доходы с различными наименованиями; во-вторых, в том, что он определяет норму прибыли двояким образом: нормой заработной платы, т. е. нормой прибавочной стоимости, и стоимостью постоянного капитала. Но он совершает противоположный грех по сравнению с Рикардо. Рикардо хочет насильственно уравнять норму прибавочной стоимости с нормой прибыли. Рамсей, наоборот, выдвигает двоякое определение нормы прибыли: 1) определение ее нормой прибавочной стоимости (стало быть, нормой заработной платы) и 2) определение ее отношением этой прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу (здесь, стало быть, Рамсей фактически определяет норму прибыли той долей, какую постоянный капитал составляет во всем капитале), — и это двоякое определение он, не уяснив

себе сути дела, выставляет как два параллельные обстоятельства, определяющие норму прибыли. Рамсей не видит того превращения, которое происходит с прибавочной стоимостью, прежде чем она становится прибылью. Поэтому, если Рикардо, для того чтобы провести теорию стоимости, пытается насильственно свести норму прибыли к норме прибавочной стоимости, то Рамсей пытается свести прибавочную стоимость к прибыли. В дальнейшем мы увидим, что тот способ, каким он изображает влияние стоимости постоянного капитала на норму прибыли, является или весьма недостаточным, или прямо ошибочным.

[Рамсей говорит:]

«Прибыль должна повышаться или понижаться в такой же точно степени, в какой понижается или повышается та *доля* валового продукта или *его стоимости,* которая требуется для возмещения необходимых авансов... Поэтому норма прибыли зависит от двух обстоятельств: во-первых, от той доли всего продукта, которая достается рабочим; во-вторых, от той доли, которая должна быть отложена для возмещения основного капитала *в натуре или путем обмена»* (стр. 147—148).

Стало быть, другими словами, норма прибыли зависит от избытка стоимости продукта над суммой оборотного и основного капитала; следовательно, она зависит от той доли, которую, во-первых, оборотный капитал и, во-вторых, основной капитал составляют в стоимости всего продукта. Если мы знаем, откуда получается этот *избыток,* то дело обстоит просто. Но если мы знаем только то, что прибыль зависит от *отношения* избытка к этим затратам, то мы можем иметь самое ошибочное представление о происхождении этого избытка, можем, например, подобно Рамсею, воображать, будто он отчасти проистекает из основного (постоянного) капитала:

[1093] «Несомненно, что увеличившаяся легкость производства различных вещей, входящих в состав основного капитала, способствует, посредством уменьшения этой доли*, повышению нормы прибыли, подобно тому как в предыдущем случае это было вызвано удешевлением воспроизводства элементов оборотного капитала, который служит для содержания труда» (стр. 164).

Например, у фермера:

«Как бы ни изменялась величина валового продукта, то количество его, которое требуется для возмещения всего того, что в различных формах было потреблено в процессе производства, не подлежит никакому изменению. Это количество должно рассматриваться как *постоянное, пока производство ведется в прежних размерах.* Следовательно, чем *больше валовой продукт,* тем меньше должна быть та доля его, которую фермер должен откладывать для упомянутых целей» (стр. 166).

«Чем легче фермер, производящий предметы питания и такое сырье, как лен, конопля, лес и т. д., может их воспроизводить, тем больше будет

* — т. е. доли валового продукта, требующейся для возмещения «основного капитала». *Ред.*

повышаться прибыль. Прибыль фермера повышается благодаря *возрастанию количества* его продукта; *совокупная стоимость продукта остается неизменной,* но фермеру для возмещения различных элементов основного капитала, которыми *он может снабдить себя сам,* требуется теперь меньшая, чем прежде, доля всего продукта, а стало быть, и меньшая доля его стоимости. Что же касается промышленного капиталиста, то он выигрывает благодаря увеличившейся покупательной способности своего продукта» (стр. 166—167).

Предположим, что урожай равен 100 квартерам, а на семена требуется 20 квартеров, т. е. $^1/_5$ урожая. Предположим далее, что в следующем году урожай удваивается (при той же самой затрате труда); он равен теперь 200 квартерам. Если масштаб производства остается прежним, то на семена требуется, как и раньше, 20 квартеров, но это теперь составляет лишь $^1/_{10}$ урожая. Однако надо иметь в виду, что стоимость прежних 100 квартеров равна стоимости теперешних 200 квартеров; следовательно, один квартер первого урожая равен [по стоимости] двум квартерам второго. В первом случае оставалось 80 квартеров, во втором случае остается 180 квартеров. Так как величина заработной платы не имеет отношения к рассматриваемому здесь вопросу о влиянии изменения стоимости постоянного капитала на норму прибыли, то допустим, что заработная плата по стоимости остается неизменной. Стало быть, если в первом случае она составляет 20 квартеров, то во втором случае она равна 40 квартерам. Допустим, наконец, что другие составные части постоянного капитала, которые фермер не воспроизводит in natura, равняются стоимости 20 квартеров в первом случае и, стало быть, стоимости 40 квартеров во втором случае.

Таким образом, мы имеем следующий расчет:

1) *Продукт* равен 100 квартерам. *Семена* равны 20 квартерам. *Остальной постоянный капитал* равен 20 квартерам. *Заработная плата* равна 20 квартерам. *Прибыль* равна 40 квартерам.

2) *Продукт* равен 200 квартерам. *Семена* равны 20 квартерам. *Остальной постоянный капитал* равен 40 квартерам. *Заработная плата* равна 40 квартерам. *Прибыль* равна 100 квартерам, которые по стоимости равны 50 квартерам продукта № 1. Следовательно, во втором случае получалось бы 10 квартеров сверхприбыли.

Таким образом, здесь вследствие изменения стоимости постоянного капитала увеличилась бы не [только] норма прибыли, но и сама прибыль. Хотя заработная плата осталась в первом и во втором случае одной и той же, возросло бы отношение прибыли к заработной плате, т. е. увеличилась бы норма прибавочной стоимости. Это, однако, только видимость. Прибыль

во втором случае состояла бы, во-первых, из 80 квартеров, равных [по стоимости] 40 квартерам продукта № 1 и образующих такое же отношение к заработной плате, как и в первом случае; во-вторых, прибыль состояла бы из 20 квартеров, равных только 10 квартерам продукта № 1, которые превратились бы из постоянного капитала в доход.

Но правилен ли этот расчет? Мы должны предположить, что во втором случае результат [удвоение урожая] достигается осенью следующего года несмотря на то, что работа велась при прежних условиях. Для большей ясности предположим, что квартер в первом случае стоит 2 ф. ст. Тогда во втором случае фермер на выращивание урожая, который дал ему осенью 200 квартеров, затратил 20 квартеров семян-(40 ф. ст.), 20 квартеров на остальной постоянный капитал (40 ф. ст.), 20 квартеров на заработную плату (40 ф. ст.). *Всего* 120 ф. ст., а продукт равен 200 квартерам. В первом случае он тоже затратил только 120 ф. ст. (60 квартеров), а продукт равнялся 100 квартерам (200 ф. ст.). Для прибыли оставалось 80 ф. ст., или 40 квартеров. Так как 200 квартеров во втором случае являются продуктом такого же количества труда [как и 100 квартеров в первом случае], то они тоже стоят лишь 200 ф. ст. Следовательно, во втором случае для прибыли остается тоже лишь 80 ф. ст., которые теперь, однако, равняются 140 квартерам[117]. Таким образом, квартер стоит [фермеру] лишь $^4/_7$ ф. ст., а не 1 ф. ст. Другими словами, стоимость квартера понизилась бы с 2 до $^4/_7$ ф. ст., т. е. на $1^3/_7$ ф. ст., а не с 2 до 1 ф. ст., или лишь наполовину, как было предположено выше для второго случая в противоположность первому.

Весь продукт фермера во втором случае равен 200 квартерам стоимостью в 200 ф. ст. Но из них 120 ф. ст. возмещают те 60 квартеров, которые фермер затратил на производство и из которых каждый стоил ему 2 ф. ст. Следовательно, остаются 80 ф. ст. прибыли, соответствующие 140 остающимся квартерам. Как это получается? Квартер во втором случае стоит 1 ф. ст., но затраченные на производство 60 квартеров стоили по 2 ф. ст. Они стоили фермеру столько, как если бы он затратил 120 квартеров из нового урожая. Таким образом, остающиеся 140 квартеров стоят 80 ф. ст., или имеют не большую стоимость, чем имели остававшиеся в первом случае 40 квартеров. Правда, фермер продает каждый из 200 квартеров по 1 ф. ст. (если он продает весь свой продукт) и выручает таким образом 200 ф. ст. Но из 200 квартеров 60 стоили ему по 2 ф. ст. каждый; остающиеся квартеры доставляют ему поэтому лишь по $^4/_7$ ф. ст. [или приблизительно по $^1/_2$ ф. ст.].

Если теперь фермер снова затрачивает 20 квартеров [на семена] (10 ф. ст. [считая по $^1/_2$ ф. ст. за квартер]), 40 квартеров на заработную плату (20 ф. ст.) и 40 квартеров на остальной постоянный капитал (20 ф. ст.), если он, следовательно, затрачивает всего 100 квартеров вместо прежних 60 и получает урожай в 180 квартеров, то эти 180 квартеров не имеют той стоимости, какую раньше имели 100 квартеров [считая по 1 ф. ст. за квартер]. Правда, фермер применил столько же живого труда, как и раньше, и поэтому [1094] стоимость переменного капитала, так же как и стоимость прибавочного продукта, осталась той же, что и раньше. Но он затратил меньше овеществленного труда, так как то же самое количество семян — 20 квартеров, — которое раньше стоило 20 ф. ст., теперь стоит всего лишь 10 ф. ст.

Расчет, стало быть, получается такой:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость
1) 20 кв. (20 ф. ст.) семена 20 кв. (20 ф. ст.) орудия труда и т. д.	20 кв. (20 ф. ст.)	40 кв. (40 ф. ст.)
2) 20 кв. (10 ф. ст.) семена 40 кв. (20 ф. ст.) орудия труда и т. д.	40 кв. (20 ф. ст.)	80 кв. (40 ф. ст.)

Продукт в первом случае равен 100 квартерам (100 ф. ст.).

Продукт во втором случае равен 180 квартерам (90 ф. ст.). Тем не менее [несмотря на понижение стоимости продукта] норма прибыли во втором случае повысилась бы; ибо раньше прибыль в 40 ф. ст. получалась на затрату в 60 ф. ст., тогда как теперь прибыль в 40 ф. ст. получается на затрату в 50 ф. ст. Первое отношение составляет $66^2/_3$%, второе — 80%.

Во всяком случае, повышение *нормы прибыли* получается не оттого, что *стоимость* остается неизменной, как предполагает Рамсей. Так как уменьшилась часть труда, затраченного на производство продукта, а именно, та часть его, которая содержится в постоянном капитале (в данном случае — в семенах), то стоимость продукта падает, если *производство* продолжается *в прежнем масштабе,* подобно тому как падает стоимость 100 фунтов пряжи, когда дешевеет содержащийся в них хлопок. Но отношение переменного капитала к постоянному повышается (хотя *стоимость* переменного капитала при этом и не повышается). Иными словами, уменьшается отношение совокупной суммы затраченного капитала к прибавочной стоимости. Отсюда — повышение нормы прибыли.

Если бы то, что говорит Рамсей, было правильно, т. е. если бы стоимость осталась неизменной, то возросла бы *прибыль,*

сумма прибыли и — как следствие этого — норма прибыли. Об одном лишь повышении нормы не могло бы быть и речи.

Однако вопрос [о влиянии изменения стоимости постоянного капитала на норму прибыли] для специального случая [когда часть постоянного капитала возмещается в натуральной форме] еще не исчерпан. В земледелии этот специальный случай получает следующее выражение:

Определенное количество семян фигурирует в урожае по *прежней цене продукта,* и эта часть вошла в урожай in natura. Остальные затраты были покрыты продажей хлеба по его прежней цене. При этих прежних затратах количество продукта удваивается. Так, например, в вышеприведенном случае при затрате 20 квартеров на семена (40 ф. ст.) и при прочих затратах, равных 40 квартерам (80 ф. ст.), урожай, вместо прежних 100 квартеров (200 ф. ст.), из которых 40 квартеров (80 ф. ст.) прибыли приходились на 60 квартеров (120 ф. ст.) совокупных затрат, составляет теперь 200 квартеров. Затраты при этом урожае по абсолютной величине те же, что и раньше: они составляют 60 квартеров, стоимость которых была равна 120 ф. ст., но вместо избытка в 40 квартеров теперь имеется избыток в 140 квартеров. Избыток in natura теперь значительно увеличился. Но так как затраченный труд в обоих случаях один и тот же, то 200 квартеров имеют теперь не большую стоимость, чем прежде имели 100 квартеров. Следовательно, они стоят 200 ф. ст., т. е. стоимость одного квартера упала с 2 ф. ст. до 1 ф. ст. Но так как избыток равен 140 квартерам, то, казалось бы, он должен стоить 140 ф. ст., ибо каждый из квартеров стоит ровно столько, сколько другой.

Дело предстанет перед нами в наиболее простом виде, если мы сперва рассмотрим его независимо от процесса воспроизводства и предположим, что фермер ликвидирует свое хозяйство и продает весь свой продукт. Тогда, чтобы покрыть свои затраты (возместить свои расходы) в 120 ф. ст., он фактически должен продать 120 квартеров. Этим покрывается авансированный капитал. Следовательно, остается избыток в 80 квартерон, а не в 140, и так как эти 80 квартеров равны 80 ф. ст., то они стоят абсолютно столько же, сколько стоил избыток в первом случае.

Процесс *воспроизводства,* однако, несколько видоизменяет дело. А именно, фермер возмещает из своего собственного продукта 20 квартеров семян in natura. [По стоимости] они возмещаются ему в продукте 40 квартерами. Но в процессе воспроизводства он по-прежнему должен оплачивать их лишь 20 квартерами in natura. Его остальные затраты [выраженные

в квартерах] возрастают соответственно уменьшению стоимости квартера (если заработная плата при этом не понижается). Для возмещения остальной части постоянного капитала ему теперь требуется 40 квартеров вместо прежних 20 квартеров, а для возмещения заработной платы — также 40 квартеров вместо 20. Всего фермер должен затратить 100 квартеров там, где раньше он затрачивал 60 квартеров; но он не должен затрачивать 120 квартеров, как этого требовало бы удешевление хлеба, так как те 20 квартеров [на семена], которые прежде стоили 40 ф. ст., он теперь возмещает 20 квартерами стоимостью в 20 ф. ст. (ибо здесь имеет значение лишь потребительная стоимость этих 20 квартеров). Таким образом, фермер, очевидно, выгадал [1095] эти 20 квартеров, которые теперь стоят 20 ф. ст. И его избыток равен теперь не 80 ф. ст., а 100 ф. ст., не 80 квартерам, а 100. (Если выразить этот избыток в квартерах по их прежней стоимости, то он равен теперь не 40 квартерам, а 50.) Это — несомненный факт, и если рыночная цена хлеба вследствие его изобилия не понизится, то фермер может продать по новой стоимости на 20 квартеров больше, чем прежде, и выгадать 20 ф. ст.

В связи с *воспроизводством* фермер получил эти 20 ф. ст. избытка на ту же затрату потому, что труд стал более производительным, хотя норма прибавочной стоимости здесь не повысилась, т. е. рабочий не дал большего, чем прежде, количества прибавочного труда, или не получил меньшей, чем прежде, доли из *воспроизведенной части* продукта (представляющей живой труд). Напротив, предполагается, что при воспроизводстве рабочий получает 40 квартеров, тогда как раньше он получал только 20 квартеров. Таким образом, перед нами своеобразное явление. Оно не имеет места без воспроизводства, но происходит в связи с ним и происходит потому, что фермер часть своих затрат возмещает in natura. В этом случае возросла бы не только норма прибыли, но и прибыль. (Что касается самого процесса воспроизводства, то фермер или может продолжать его теперь в прежнем масштабе, и тогда, если урожай снова столь же благоприятен, продукт понижается в цене, — так как часть постоянного капитала стоила меньше, — но норма прибыли повышается; или же фермер может увеличить масштаб своего производства, может больше засеять при тех же затратах, и тогда повышаются и прибыль, и норма прибыли.)

Возьмем теперь фабриканта. Предположим, что он затратил 100 ф. ст. на производство хлопчатобумажной пряжи и что прибыль составляет 20 ф. ст. Продукт, следовательно, равен 120 ф. ст. Пусть из 100 ф. ст. затрата на хлопок составила 80 ф. ст. Если теперь стоимость хлопка падает наполовину,

то фабриканту надо будет затратить на хлопок только 40 ф. ст. и 20 ф. ст. — на все остальное, стало быть, всего надо будет затратить 60 ф. ст. вместо 100 ф, ст. Прибыльно-прежнему равна 20 ф. ст. Совокупный продукт равняется теперь 80 ф. ст, (если фабрикант не расширяет масщтаб своего производства). Итак, 40 ф. ст. остаются у фабриканта в кармане, он может израсходовать их на себя или вложить в дело в качестве добавочного капитала. Тогда в соответствии с новым масштабом производства фабрикант [дополнительно] затратил бы $26^2/_3$ ф. ст. на хлопок и $13^1/_3$ ф. ст. на труди т. д. Прибыль [на дополнительную затрату в 40 ф. ст.] равнялась бы $13^1/_3$ ф. ст. Совокупный продукт составил бы теперь $60 + 40 + 33^1/_3 = 133^1/_3$ ф. ст.

Суть дела заключается здесь, стало быть, не в том, что фермер возмещает свои семена in natura, ибо фабрикант покупает свой хлопок, а не возмещает его из своего собственного продукта. Рассматриваемое нами явление сводится, стало быть, к следующему: здесь имеет место высвобождение некоторой части из той части капитала, которая раньше была связана в виде постоянного капитала, или превращение части капитала в доход. Если при этом в процессе воспроизводства затрачивается ровно столько же капитала, что и раньше, то получается тот же самый результат, как если бы на прежней ступени производства был применен добавочный капитал. Следовательно, это есть своего рода накопление, проистекающее из возросшей производительности тех отраслей производства, которые доставляют подлежащие производительному потреблению составные части капитала. Однако такое падение стоимости сырья, если оно вызвано благоприятным урожаем, сводится на нет плохими урожаями, в результате которых происходит вздорожание сырья. Капитал, высвобождающийся указанным образом при одном или нескольких хороших урожаях, является поэтому в известной мере резервным капиталом на случай плохих урожаев. Например, фабрикант, у которого период оборота [основного капитала] составляет 12 лет, должен так вести свое дело, чтобы он мог в течение этих 12 лет продолжать производство по меньшей мере в *том же самом масштабе.* Поэтому приходится учитывать, что те *цены, по которым возмещается* [сырье], колеблются и что выравнивание этих цен происходит в течение более или менее длинного ряда лет.

Противоположное действие, по сравнению с удешевлением составных частей капитала, оказывает повышение их цен (переменный капитал мы оставляем здесь в стороне, хотя когда заработная плата падает, то приходится затрачивать меньший, по стоимости, переменный капитал; когда заработная плата

повышается, то приходится затрачивать больший переменный капитал). Для того чтобы производство продолжалось в прежнем масштабе, теперь необходима большая затрата капитала. Следовательно, не говоря уже о падении нормы прибыли, здесь должен быть применен резервный капитал, или часть дохода должна быть превращена в капитал, хотя она и не действует при этом как добавочный капитал.

В одном случае [при понижении цен] происходит *накопление,* хотя стоимость авансированного капитала осталась той же самой (но его вещественные составные части увеличились). Норма увеличения стоимости капитала и абсолютная величина прибыли возрастают, так как мы имеем здесь то же самое, как если бы на прежней ступени производства был вложен добавочный капитал. В другом случае [при повышении цен] *накопление* имеет место в том смысле, что возросла стоимость авансированного капитала, возросла та часть стоимости совокупного продукта, которая функционирует в качестве капитала. Но вещественные составные части капитала *не* увеличились. Норма прибыли падает. (Масса прибыли уменьшается лишь в том случае, если теперь занято не такое же количество рабочих, как раньше, или если заработная плата рабочих тоже повысилась.)

Упомянутое явление превращения капитала в доход заслуживает быть отмеченным потому, что оно создает *видимость* не зависящего от массы прибавочной стоимости увеличения (или же, в противоположном случае, уменьшения) массы прибыли. Мы видели*, как при [1096] известных условиях этим явлением объясняется часть ренты.

В рассмотренном выше случае (если 20 избыточных квартеров, равных 20 ф. ст., тотчас же снова не употребляются на расширение масштаба производства, т. е. если они не используются для накопления) высвобождается денежный капитал в 20 ф. ст. И здесь мы имеем пример того, как из воспроизводства может осаждаться *избыточный денежный капитал* несмотря на то, что сумма товарной стоимости осталась той же самой. Это происходит путем превращения части капитала, существовавшего раньше в форме основного (постоянного) капитала, в денежный капитал.

Как мало указанное выше явление [превращения части капитала в доход] относится к [рамсеевскому]. определению *нормы прибыли,* становится ясным, если представить себе фермера (или фабриканта), начинающего свое дело при новых условиях

---

* См. настоящий том, часть II, стр. 504—509. *Ред.*

производства. Раньше, для того чтобы начать дело, требовался капитал в 120 ф. ст.: 40 ф. ст. — на покупку 20 квартеров семян, 40 ф. ст. — на приобретение прочих элементов постоянного капитала и 40 ф. ст. — на выплату заработной платы. А прибыль такого фермера составила бы 80 ф. ст., 80 ф. ст. на 120 ф. ст. затрат, или 2 на 3, т. е. $66^2/_3$%.

Теперь фермер должен авансировать 20 ф. ст. на покупку 20 квартеров семян, 40 ф. ст., как и раньше, — на остальной постоянный капитал, 40 ф. ст. — на заработную плату, так что затрачиваемый им капитал равен 100 ф. ст. А прибыль в 80 ф. ст. на 100 ф. ст. затрат составит 80%. Масса прибыли осталась *той же самой,* но ее *норма* возросла на 20%. Мы видим, следовательно, что падение стоимости семян (или падение цены, по которой *возмещаются* семена) само по себе не имеет никакого отношения к увеличению прибыли, а заключает в себе только увеличение нормы прибыли.

К тому же и сам фермер (или, в другом случае, фабрикант) тоже рассматривает это дело не как увеличение своей прибыли, а как высвобождение части своего капитала, раньше связанного в производстве. И притом он так рассматривает дело в силу следующего простого расчета. Раньше авансированный в производстве капитал равнялся 120 ф. ст., теперь он равен 100 ф. ст., тогда как 20 ф. ст. находятся в кармане фермера в качестве свободного капитала, в качестве денег, которые могут быть применены любым образом. Но в обоих случаях весь его капитал в целом равен только 120 ф. ст., т. е. величина его капитала не возросла. Правда, высвобождение $^1/_6$ части капитала из той его формы, которая прикована к процессу воспроизводства, оказывает такое же *действие,* как и добавочный капитал.

Рамсей не добрался до сути этого вопроса потому, что он вообще не выяснил отношения между стоимостью, прибавочной стоимостью и прибылью.

* * *

Рамсей правильно разъясняет, в какой мере машины и т. д. — поскольку они влияют на переменный капитал — оказывают действие на прибыль и норму прибыли. А именно, они оказывают это действие путем удешевления рабочей силы, путем увеличения относительного прибавочного труда, или, если рассматривать совокупный процесс воспроизводства, путем уменьшения той доли валового продукта, которая идет на возмещение заработной платы:

«Увеличение или уменьшение производительности труда, применяемого в производстве товаров, не входящих в состав основного капитала,

не может иметь никакого влияния на норму прибыли, за исключением того случая, когда оно изменяет ту долю валового продукта, которая идет на содержание труда» (цит. соч., стр. 168).

«Когда фабрикант благодаря введению усовершенствованных машин удваивает количество производимых им продуктов, то стоимость его товаров должна в конце концов уменьшиться пропорционально увеличению их количества».

{Здесь предполагается, что на самом деле, учитывая, кроме всего прочего, также и износ машин, удвоившееся количество продукта стоит не больше, чем стоило раньше вдвое меньшее количество. Если оно стоит больше этого, то стоимость единицы продукта падает, но не *пропорционально* увеличению количества продукта. Последнее может удвоиться, между тем как стоимость единицы товара (в том случае, если стоимость совокупного продукта возросла) может уменьшиться не с 2 до 1, а лишь с 2 до $1^1/_4$ и т. д.}

«... Фабрикант выигрывает лишь постольку, поскольку он получает возможность дешевле одеть рабочего, в результате чего на заработную плату идет меньшая, чем раньше, доля совокупного продукта... Фермер выигрывает» {вследствие увеличения производительности труда у фабриканта} «тоже лишь постольку, поскольку часть его затрат состоит в одежде для рабочих и он, точно так же как и фабрикант, может теперь оплачивать ее дешевле» (стр. 168—169).

Понижение [или повышение] стоимости составных частей постоянного капитала потому оказывает влияние на норму прибыли, что оно воздействует на *отношение прибавочной стоимости* ко всей сумме затраченного капитала. Что же касается понижения (или, наоборот, повышения) заработной платы, то оно потому влияет на норму прибыли, что непосредственно воздействует на *норму прибавочной стоимости.*

Предположим, например, что в вышеприведенном случае (допустим, что фермер является льноводом) цена семян, равная 40 ф. ст. (20 квартеров), осталась прежней, что те же 40 ф. ст. (20 квартеров) расходуются на остальной постоянный капитал, но что заработная плата — т. е. заработная плата для *того же самого* числа рабочих — понизилась с 40 до 20 ф. ст. (с 20 до 10 квартеров). В этом случае сумма [вновь созданной] *стоимости,* равной заработной плате плюс прибавочная стоимость, остается прежней. Так как число рабочих остается тем же самым, то их труд по-прежнему воплощается в стоимости, равной 40 ф. ст. + 80 ф. ст. = 120 ф. ст. Но из этих 120 ф. ст. на рабочих теперь приходится 20 ф. ст., а 100 ф. ст. — на прибавочную стоимость. {Иными словами, здесь предполагается, что не произошло никаких усовершенствований, которые повлияли бы на число рабочих, занятых в данной отрасли производства.}

Авансированный капитал составляет теперь 100 ф. ст. вместо 120 ф. ст., как и в том случае, когда стоимость семян уменьшилась наполовину. Но прибыль составляет теперь 100 ф. ст., т. е. норма прибыли составляет 100%, тогда как в другом случае [при понижении стоимости семян], когда затраченный капитал также уменьшился со 120 до 100 ф. ст., она составляла 80%. Как и в том случае, теперь [1097] высвобождаются 20 ф. ст., или $^1/_6$ капитала. Но в том случае прибавочная стоимость оставалась неизменной, равной 80 ф. ст. (следовательно, ее норма составляла 200%, так как на заработную плату приходилось 40 ф. ст.). Теперь величина прибавочной стоимости повышается до 100 ф. ст. (следовательно, норма прибавочной стоимости повышается до 500%, так как на заработную плату приходится 20 ф. ст.).

Здесь повысилась не только норма прибыли, но и сама *прибыль,* так как повысилась норма прибавочной стоимости, а потому и сама прибавочная стоимость. Это отличает данный случай от другого, чего не видит Рамсей. Такое возрастание прибыли всегда должно иметь место, если только оно не парализуется соответствующим уменьшением нормы прибыли вследствие одновременного изменения в стоимости постоянного капитала. Например, в приведенном выше случае затраченный капитал составляет 120 ф. ст., прибыль — 80 ф. ст., т. е. $66^2/_3$%. В нашем случае затраченный капитал равняется 100 ф. ст., прибыль составляет 100 ф. ст., т. е. 100%. Но если бы вследствие изменения в цене постоянного капитала затрата увеличилась с 100 до 150 ф. ст., то прибыль, возросшая с 80 до 100 ф. ст., по-прежнему представляла бы лишь норму прибыли в $66^2/_3$%.

[Рамсей, далее, говорит:]

«Те товары, которые не входят ни в основной, ни в оборотный капитал, не могут влиять на прибыль путем какого бы то ни было изменения производительности труда, применяемого в их производстве. Такими товарами являются всякого рода предметы роскоши» (стр. 169—170). «Капиталистические предприниматели выигрывают от изобилия предметов роскоши, так как при таком изобилии их прибыль будет распоряжаться большим количеством этих предметов для их личного потребления; но на норму этой прибыли ни в какой степени не влияет ни изобилие, ни недостаток предметов роскоши» (стр. 171).

Прежде всего надо заметить, что часть предметов роскоши может входить в процесс производства как элемент постоянного капитала. Например, виноград входит в производство вина, золото — в производство предметов роскоши, алмаз применяется при шлифовке стекол и т. д. Но Рамсей исключает этот случай, коль скоро он говорит: «товары, которые не входят в основной капитал». И тогда ошибочным оказывается дальней-

шее его положение: «Такими товарами являются всякого рода предметы роскоши».

Что касается, однако, производительности труда в отраслях промышленности, изготовляющих предметы роскоши, то она может возрастать только в силу тех же самых причин, что и во всех других отраслях производства: либо вследствие того, что возрастает продуктивность таких кладовых природы, как рудники, земля и т. д., из которых извлекают сырье для производства предметов роскоши, или открываются более продуктивные кладовые этого рода; либо вследствие того, что применяется разделение труда или же — и это главным образом — применяются машины (а также усовершенствованные инструменты) и силы природы. {Такое усовершенствование, как дифференцирование инструментов, относится к *разделению труда.*} (Не следует забывать и *химических процессов.)*

Так вот предположим, что вследствие применения машин (или химических процессов) сокращается время производства предметов роскоши; требуется меньше труда для того, чтобы их произвести. На заработную плату, на *стоимость* рабочей силы это не может оказать ни малейшего влияния, так как предметы роскоши не входят в потребление рабочих (по крайней мере, никогда не входят в ту часть их потребления, которая определяет стоимость их рабочей силы). {Сокращение времени производства предметов роскоши может оказывать влияние на *рыночную цену* рабочих, если рабочие в результате этого выбрасываются на улицу, вследствие чего увеличивается предложение на рынке труда.} Следовательно, сокращение времени производства предметов роскоши не оказывает влияния на норму прибавочной стоимости, стало быть и на норму прибыли в той мере, в какой норма прибыли определяется нормой прибавочной стоимости. Напротив, оно, конечно, может оказывать влияние на норму прибыли, коль скоро им затрагивается либо *масса* прибавочной стоимости, либо отношение переменного капитала к постоянному капиталу и к совокупному капиталу.

Если, например, [в производстве каких-нибудь предметов роскоши] машины позволяют применять 10 рабочих там, где раньше их применялось 20, то норма прибавочной стоимости. действительно, нисколько не изменяется. Удешевление предметов роскоши не дает рабочему возможности жить дешевле. Для воспроизводства своей рабочей силы ему нужно то же самое рабочее время, что и прежде.

{Поэтому на практике капиталист, производящий предметы роскоши, стремится понизить заработную плату ниже стоимости рабочей силы, ниже ее минимума, что становится для него

возможным вследствие *относительного перенаселения* (например, у вышивальщиц), которое порождается возрастающей производительностью труда в других отраслях производства. Или, что имеет место также и в других отраслях, капиталист, производящий предметы роскоши, стремится удлинить *абсолютное рабочее время;* в этом случае он, действительно, создает *абсолютную прибавочную стоимость.* Верно только то, что *повышающаяся производительность труда* в промышленности, изготовляющей предметы роскоши, не может понизить *стоимость* рабочей силы, не может создать относительную прибавочную стоимость, вообще не может создать *ту форму* прибавочной стоимости, которая обусловлена *возрастающей производительностью* труда *как таковой.*}

Но масса прибавочной стоимости определяется двумя факторами: [во-первых,] нормой прибавочной стоимости, т. е. прибавочным трудом (абсолютным или относительным) отдельного рабочего; во-вторых, количеством одновременно применяемых рабочих. Следовательно, поскольку возрастающая производительность труда в промышленности, изготовляющей предметы роскоши, уменьшает *количество рабочих,* приводимых в движение определенной суммой капитала, она уменьшает *массу прибавочной стоимости;* стало быть, при прочих равных условиях, она уменьшает и *норму прибыли.* Норма прибыли уменьшается также и в тех случаях, когда количество рабочих уменьшается или остается *прежним,* а капитал, затрачиваемый на машины и сырье, увеличивается, т. е. — при всяком уменьшении переменного капитала по сравнению с совокупным капиталом, которое здесь [по предположению] не выравнивается или не парализуется в той или иной мере понижением заработной платы. Но так как норма прибыли этой отрасли точно [1098] так же участвует в выравнивании общей нормы прибыли, как и норма прибыли всякой другой отрасли, то повышение производительности труда в промышленности, изготовляющей предметы роскоши, должно было бы в данном случае повлечь за собой понижение общей нормы прибыли.

Наоборот, если бы производительность труда повысилась не в промышленности, производящей предметы роскоши, а в тех отраслях, которые доставляют ей постоянный капитал, то норма прибыли в производстве предметов роскоши возросла бы.

{*Прибавочная стоимость* (т. е. ее величина, масса, ее совокупная сумма) определяется нормой прибавочной стоимости, помноженной на число занятых рабочих. Те или иные обстоятельства могут оказывать влияние одновременно на оба фактора в одном и том же направлении или в противоположных направ-

лениях, или же они могут влиять только на один из факторов. Оставляя в стороне абсолютное удлинение рабочего дня, повышение производительности труда в производстве предметов роскоши влияет только на число занятых рабочих. Таким образом, необходимым следствием этого является уменьшение массы прибавочной стоимости и потому — нормы прибыли, даже если бы постоянный капитал при этом не возрастал. Если же постоянный капитал возрастает, то уменьшившаяся прибавочная стоимость исчисляется на увеличившийся совокупный капитал.}

* * *

Рамсей ближе других подошел к правильному пониманию нормы прибыли. Поэтому и недостатки [традиционной концепции] выступают у него яснее, чем у других. Он отмечает все основные моменты, но делает это односторонне и потому неправильно.

Свой взгляд на прибыль Рамсей резюмирует следующим образом:

«Итак, норма прибыли отдельного капиталиста определяется следующими факторами: 1) производительностью труда, создающего предметы первой необходимости, которые требуются рабочему для того, чтобы он мог питаться, одеваться и т. д.; 2) производительностью труда, создающего те предметы, которые входят в состав основного капитала; 3) *нормой реальной заработной платы»* {которая должна здесь означать количество предметов необходимости и т. д., получаемых рабочим, какова бы ни была цена относящихся к ним товаров}. «Изменение первого и третьего из этих факторов влияет на прибыль путем изменения той доли валового продукта, которая достается рабочему; изменение *второго* фактора влияет на прибыль путем изменения той доли, которая требуется для возмещения — либо *непосредственно,* либо *посредством обмена* — основного капитала, потребленного в производстве. Ибо прибыль, по существу, это — вопрос относительно доли» (цит. соч., стр. 172).

Справедлив упрек Рамсея по адресу Рикардо (хотя его собственная трактовка проблемы тоже является неудовлетворительной):

«Рикардо забывает, что весь продукт разлагается не только на заработную плату и прибыль, но что одна часть необходима еще для возмещения основного капитала» (стр. 174, примечание).

* * *

{Уже при самом первом рассмотрении накопления, т. е. превращения прибавочной стоимости в капитал, можно отметить, что весь прибавочный труд выступает в виде *капитала* (постоянного

и переменного) и в виде *прибавочного труда,* образующего прибыль, процент, ренту. Ибо в этом превращении прибавочной стоимости в капитал обнаруживается, что сам прибавочный труд принимает форму капитала и что неоплаченный труд рабочего противостоит рабочему как *совокупность объективных условий труда.* В этой форме совокупность объективных условий труда противостоит рабочему как чужая собственность, так что капитал, образующий предпосылку для труда рабочего, выступает как нечто независимое от этого труда. Он выступает как готовая сумма стоимости, которую рабочий должен лишь увеличить. Когда речь идет об эксплуатации, имеются в виду не продукт прошлого труда рабочего (и не какие-нибудь обстоятельства, затрагивающие, повышающие стоимость [продукта] прошлого труда *независимо от того особого процесса труда,* в который входит этот прошлый труд рабочего) и не возмещение этого продукта, а всегда лишь способ и степень эксплуатации его нынешнего труда. Когда отдельный капиталист продолжает свое производство в том же самом (или расширяющемся) масштабе, возмещение капитала кажется такой операцией, которая не затрагивает рабочего, ибо и сам рабочий, если бы условия труда принадлежали ему, тоже должен был бы возмещать их из валового продукта, чтобы продолжать воспроизводство в том же самом масштабе или расширять его (а последнее тоже необходимо в связи с естественным ростом населения). Но это возмещение капитала затрагивает рабочего в трояком отношении. 1) Увековечение условий труда как чужой по отношению к рабочему собственности, как капитала, ведет к увековечению его положения как наемного рабочего, а потому увековечивает и его удел — часть своего рабочего времени постоянно работать даром в пользу постороннего лица. 2) Расширение этих условий производства, alias накопление капитала, увеличивает количество и численность тех классов, которые живут на прибавочный труд рабочего. Накопление капитала ухудшает положение рабочего *относительно,* увеличивая относительное богатство капиталиста и его партнеров; оно, далее, ухудшает положение рабочего тем, что увеличивает (посредством разделения труда и т. д.) количество относительного прибавочного труда рабочего и уменьшает ту долю валового продукта, которая сводится к заработной плате. 3) Наконец, так как условия труда нагромождаются против отдельного рабочего во все более гигантских скоплениях, все в большей степени выступая как социальные силы, то для рабочего отпадает возможность самому овладеть ими, как это иногда бывало при мелком производстве.}

[3) РАМСЕЙ О РАЗДЕЛЕНИИ «ВАЛОВОЙ ПРИБЫЛИ» НА «ЧИСТУЮ ПРИБЫЛЬ» (ПРОЦЕНТ) И «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ПРИБЫЛЬ». АПОЛОГЕТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЕГО ВЗГЛЯДАХ НА «ТРУД ПО НАДЗОРУ», НА «СТРАХОВАНИЕ, ПОКРЫВАЮЩЕЕ РИСК», И НА «СВЕРХПРИБЫЛЬ»]

[1099] Рамсей называет *валовой прибылью* то, что я называю просто прибылью. Он делит эту *валовую прибыльна, чистую прибыль* (процент) и *предпринимательскую прибыль* (предпринимательский доход, промышленную прибыль)*.

По вопросу о *падении общей нормы прибыли* Рамсей, так же как и Рикардо, полемизирует с А. Смитом. Он возражает А. Смиту:

«Конкуренция между капиталистическими предпринимателями может, правда, выравнить прибыль, значительно превышающую обычный уровень» {такого рода выравнивания отнюдь недостаточно для того, чтобы объяснить образование общей нормы прибыли}, «но неверно, что конкуренция *понижает самый этот обычный уровень»* (стр. 179—180).

«Если бы было возможно, чтобы цена каждого товара, как сырья, так и фабрикатов, падала вследствие конкуренции между производителями, то это отнюдь еще не могло бы влиять на прибыль. Каждый капиталистический предприниматель продавал бы свой продукт за меньшую сумму денег, но, с другой стороны, соответственно уменьшилась бы и каждая статья его затрат, относится ли она к основному или к оборотному капиталу» (стр. 180—181).

Рамсей выступает также против Мальтуса:

«Мысль о том, что прибыль выплачивается потребителями, без сомнения, совершенно абсурдна. Кто такие эти потребители? Это должны быть или земельные собственники, собственники капиталов, предприниматели, рабочие — или же люди, получающие жалованье за услуги» (стр. 183).

«Единственный вид конкуренции, который может *влиять на общую норму валовой прибыли,* это — конкуренция между капиталистическими предпринимателями и рабочими» (стр. 206).

В этой последней фразе положение Рикардо сведено к тому, что в нем есть правильного. Норма прибыли может падать независимо от конкуренции между капиталом и трудом, но *единственным видом конкуренции,* в результате которого она может падать, является *эта* конкуренция. Однако сам Рамсей *не* указывает

* [1130] {Почему г-н Сениор, «Outline» которого появился приблизительно одновременно с «Essay on the Distribution of Wealth» *Рамсея,* где в главе IV [второй части] подробно рассматривается разделение прибыли на «предпринимательскую прибыль» и «чистую прибыль с капитала», или «процент», будто бы первым открыл это разделение прибыли, известное уже в 1821 и 1822 гг.. — это можно объяснить только тем, что Сениор, являясь всего лишь апологетом существующего строя и потому вульгарным экономистом, очень близок сердцу г-на Рошера[118].} [1130]

нам той причины, в силу которой общая норма прибыли имеет тенденцию к падению. Единственное, что он говорит — и это правильно, — сводится к тому, что *норма процента* может падать совершенно независимо от существующей в стране нормы валовой прибыли. А именно, Рамсей говорит:

«Даже если предположить, что капитал никогда не берется взаймы иначе, как для производительного применения, то все же возможно, что ставка процента изменяется без какого-либо изменения нормы валовой прибыли. Ибо, по мере того как нация подвигается вперед по пути богатства, возникает и все больше возрастает класс людей, которые благодаря трудам» {эксплуатации, грабежу} «своих предков обладают такими фондами, на одни лишь проценты с которых они могут жить. Точно так же многие из тех, кто в юности и в зрелом возрасте был активно занят предпринимательской деятельностью, отходят от дел, чтобы на старости лет спокойно жить на проценты с тех сумм, которые они сами накопили. Оба эти класса имеют тенденцию увеличиваться с ростом богатства страны, потому что те, кто начинает дело с более или менее значительным капиталом, имеют шансы раньше сколотить себе состояние, чем те, кто начинает дело с небольшим капиталом. Поэтому в старых и богатых странах отношение той части национального капитала, собственники которой не хотят применять его сами, ко всему производительному капиталу общества выше, чем то же отношение в недавно заселенных и бедных странах. Как многочислен класс рантье в Англии! По мере роста класса *рантье* растет также и класс людей, ссужающих капитал, ибо это одни и те же люди. Уже по одной только этой причине ставка процента в старых странах должна была бы иметь тенденцию к понижению» (стр. 201—202).

О *норме чистой прибыли* (норме процента) Рамсей говорит, что

«она зависит частью от нормы валовой прибыли, частью от той пропорции, в какой эта последняя распадается на процент и предпринимательскую прибыль. Эта пропорция зависит от конкуренции между теми, кто ссужает капитал, и теми, кто берет его взаймы. Предполагаемая норма валовой прибыли влияет на эту конкуренцию, но не *регулирует* ее исключительно. И конкуренция потому не регулируется исключительно нормой валовой прибыли, что, с одной стороны, многие берут взаймы, не имея в виду производительного применения, а, с другой стороны, *та доля всего национального капитала, которая отдается взаймы, изменяется с богатством страны независимо от какого бы то ни было изменения валовой прибыли»* (стр. 206—207). *«Предпринимательская прибыль зависит от чистой прибыли с капитала,* а не последняя от первой» (стр. 214).

[1100] Помимо вышеупомянутого обстоятельства, Рамсей справедливо отмечает еще следующее:

«Ставка ссудного процента является мерой чистой прибыли лишь там, где цивилизация достигла такого уровня, что не возникает сомнения в возвращении данных взаймы денег... В Англии, например, мы в настоящее время совсем не можем себе представить, что в проценты, получаемые с фондов, данных взаймы под так называемое надежное обеспечение, входит вознаграждение за риск» (стр. 199, примечание).

О *капиталистическом предпринимателе,* которого он называет master-capitalist, Рамсей замечает:

«Капиталистический предприниматель является всеобщим распределителем богатства: он выплачивает рабочим заработную плату, [денежному] капиталисту — ссудный процент, земельному собственнику — ренту. На одной стороне находятся предприниматели, на другой — рабочие, [денежные] капиталисты и земельные собственники. Интересы этих двух больших классов диаметрально противоположны. Именно предприниматель *нанимает* труд, капитал и землю, и, конечно, он стремится получить их в свое пользование за возможно более низкую плату, тогда как владельцы этих источников богатства прилагают все усилия к тому, чтобы *сдать* их *внаем* по возможности дороже» (стр. 218—219).

Промышленная прибыль (труд по надзору).

В целом то, что Рамсей говорит о *промышленной прибыли* (в частности, также и о труде по надзору), представляет собой наиболее разумное из того, что было сказано по этому поводу, хотя часть его доказательств заимствована у *Шторха*[119].

Эксплуатация труда стоит труда. Поскольку труд, выполняемый капиталистическим предпринимателем, обусловлен лишь противоположностью между капиталом и трудом, он входит в издержки на его надсмотрщиков (промышленных унтер-офицеров) и уже учтен под рубрикой заработной платы, совершенно так же как издержки, вызываемые надсмотрщиком над рабами и его кнутом, учтены в издержках производства рабовладельца. Эти издержки, совершенно так же как и большая часть торговых издержек, относятся к faux frais* капиталистического производства. Там, где речь идет об общей *норме прибыли, к* расчет не принимаются также и те хлопоты, которые доставляют капиталистам их собственная конкуренция друг с другом и их попытки надуть друг друга; равным образом в расчет здесь не принимается и та бóльшая или меньшая ловкость, с которой один капиталистический предприниматель в отличие от другого умеет при наименьших издержках выжать из своих рабочих наибольшее количество прибавочного труда и реализовать этот выжатый прибавочный труд в процессе обращения. Рассмотрение всего этого относится к исследованию конкуренции капиталов. Это исследование имеет дело вообще с борьбой между капиталистами и с их усилиями урвать себе возможно большее количество прибавочного труда, и оно касается только распределения прибавочного труда между различными отдельными капиталистами, но не затрагивает ни его происхождения, ни его общих размеров.

---

* — побочные издержки, не участвующие непосредственно в процессе производства, но при данных условиях являющиеся необходимыми. *Ред.*

На долю труда по надзору остается лишь общая функция организации разделения труда и кооперации определенных индивидов. Этот труд вполне представлен заработной платой управляющего в более крупных капиталистических предприятиях. Из того, что могло бы идти на образование общей нормы прибыли, он уже вычтен. Лучшим практическим доказательством служат кооперативные фабрики рабочих в Англии[120], так как, несмотря на уплачиваемый ими более высокий процент, они доставляют прибыль выше средней, даже после вычета заработной платы управляющего, которая, естественно, определяется рыночной ценой этого рода труда. Те капиталистические предприниматели, которые являются своими собственными управляющими, сберегают одну из статей издержек производства, сами себе выплачивают заработную плату и получают поэтому норму прибыли выше средней. Если бы завтра эта фраза апологетов [о том, что предпринимательская прибыль есть плата за надзор] была всерьез осуществлена на деле и прибыль капиталистического предпринимателя была бы ограничена *заработной платой за управление и руководство,* то послезавтра наступил бы конец капиталистическому производству, присвоению чужого прибавочного труда и превращению этого прибавочного труда в капитал.

Но даже если рассматривать [вознаграждение за] этот труд по надзору как заработную плату, скрытую в *общей норме прибыли,* то здесь имеет силу закон, излагаемый, среди прочих экономистов, Рамсеем [цит. соч., стр. 227—231]: в то время как прибыль (как предпринимательская прибыль, так и валовая прибыль [включающая процент]) пропорциональна величине затрачиваемого капитала, доля, идущая на оплату труда по надзору, *обратно* пропорциональна величине капитала, — она ничтожно мала у большого капитала и подавляюще велика у маленького капитала, т. е. там, где капиталистическое производство существует лишь номинально. Если мелкий капиталист, почти целиком сам выполняющий требующийся в его предприятии труд, кажется получающим очень высокую, по сравнению с. его капиталом, норму прибыли, то фактическое положение таково, что в действительности, коль скоро он не нанимает нескольких рабочих, прибавочный труд которых он присваивал бы себе, он не получает *никакой прибыли* и лишь *номинально* является капиталистом (будь то промышленным или торговым). Такой «капиталист» отличается от наемного рабочего тем, что благодаря своему номинальному капиталу он действительно является господином и собственником своих собственных условий труда, а потому не имеет над собою хозяина [1101] и

сам присваивает себе все свое рабочее время, вместо того чтобы оно присваивалось посторонним лицом. То, что здесь выступает как прибыль, есть лишь избыток над обычной заработной платой, который получается как раз благодаря присвоению [этим мелким собственником] своего собственного прибавочного труда. Однако эта форма свойственна только тем сферам, которыми капиталистический способ производства realiter[*] еще не овладел.

[Рамсей говорит:]

«Предпринимательскую прибыль можно разложить на 1) заработную плату предпринимателя, 2) страхование, покрывающее его риск, 3) его *сверхприбылью* (цит. соч., стр. 226).

Что касается пункта № 2, то сюда он не имеет абсолютно никакого отношения. Корбетом (да и самим Рамсеем [цит. соч., стр. 222—225]) было показано[121], что *страхование,* которым покрывается риск, лишь равномерно распределяет убытки капиталистов, или распределяет их более широко, среди всего класса капиталистов. Из этого равномерно распределенного убытка должна быть вычтена прибыль страховых компаний, прибыль тех капиталов, которые вложены в страховое дело и осуществляют это равномерное распределение убытков. Эти компании, точно таким же образом как торговые или денежные капиталисты, получают часть прибавочной стоимости, не участвуя непосредственно в ее производстве. Это относится к вопросу о распределении прибавочной стоимости между различными группами капиталистов и о вычетах, падающих вследствие такого распределения на отдельный капитал. Это не имеет никакого отношения ни к природе, ни к величине прибавочной стоимости. Рабочий не может, конечно, дать капиталисту больше, чем свой прибавочный труд. Он не может платить капиталисту еще особо за то, что последний *страхует* себя как обладателя плодов этого прибавочного труда. Самое большее можно было бы сказать, что даже и вне капиталистического производства производители несли бы в этом отношении известные расходы, т. е. должны были бы часть своего труда или продуктов своего труда затрачивать на страхование своих продуктов, своего богатства или его элементов — от случайностей и т. д. Вместо того чтобы каждый капиталист страховал самого себя, он достигает того же самого результата более надежным и дешевым способом, поручая это дело определенной части [совокупного] капитала. Страхование оплачивается частью прибавочной стоимости; распределение этой последней между

[*] — реально, на самом деле. *Ред.*

капиталистами и обеспечение ее [от несчастных случаев] но имеют никакого отношения ни к ее происхождению, ни к ее величине.

Остается, следовательно, рассмотреть: во-первых, «заработную плату» предпринимателя и, во-вторых, «сверхприбыль», как Рамсей называет здесь ту часть прибавочной стоимости, которая приходится на долю промышленного капиталиста в отличие от капиталиста, живущего на проценты, и которая поэтому также и по своей абсолютной величине определяется соотношением между процентом и промышленной прибылью — между теми двумя частями, на которые распадается приходящаяся на долю капитала (в отличие от земельной собственности) часть прибавочной стоимости.

Что касается «заработной платы» предпринимателя, то прежде всего само собой разумеется, что при капиталистическом производстве на долю капиталиста или оплачиваемого им служащего — представителя этого капиталиста — выпадают функции капитала как повелителя над трудом. Вместе с капиталистическим производством исчезла бы также и эта функция в той мере, в какой она проистекает не из природы кооперативного труда, а из господства условий труда над самим трудом. Однако сам Рамсей отбрасывает эту составную часть [предпринимательской прибыли] или сводит ее к столь незначительным размерам, что о ней не стоит и говорить:

«Заработная плата предпринимателя, так же как и труд по надзору, остается почти той же самой, будет ли предприятие большим или небольшим» (цит. соч., стр. 227—229). «Рабочий никогда не сможет сказать, что он в состоянии выполнить столько же работы, сколько выполняют двое, трое и т. д. ему подобных. Но промышленный капиталист или фермер может заменить десять или более ему подобных» (стр. 255).

Третья часть предпринимательской прибыли — это *«сверхприбыль»* (она включает в себя [компенсацию за] такой риск, который всего лишь *возможен,* который есть не что иное, как возможная потеря прибыли и капитала, а фактически выступает как страхование и поэтому в свою очередь — как доля определенных капиталов особой отрасли в совокупной прибавочной стоимости).

«Эта сверхприбыль», — говорит Рамсей, — «в точности представляет собой тот доход, который проистекает из *возможности распоряжаться употреблением капитала»* {т. е. из возможности распоряжаться трудом других людей}, «независимо от того, принадлежит ли этот капитал данному капиталисту или занят им у другого... Чистая прибыль» (процент) «изменяется в точном соответствии с величиной капитала; напротив, отношение сверхприбыли к применяемому капиталу тем больше, чем больше капитал» (стр. 230).

Другими словами, это означает не что иное, как следующее: «заработная плата предпринимателя» находится в обратном отношении к величине капитала. Чем в большем масштабе действует капитал, чем более способ производства является *капиталистическим,* тем незначительнее та составная часть промышленной прибыли, которая может быть сведена к «заработной плате», и в тем более чистом виде выступает действительный характер промышленной прибыли, — выступает тот факт, что она есть часть «сверхприбыли», т. е. прибавочной стоимости, т. е. неоплаченного, прибавочного труда.

Вся противоположность промышленной прибыли и процента находит свой смысл лишь в противоположности между рантье и промышленным капиталистом, но она совершенно не касается ни отношения рабочего к капиталу, ни природы капитала, ни происхождения его прибыли и т. д.

О *ренте с земель, используемых для производства не хлеба, а других сельскохозяйственных продуктов,* Рамсей говорит следующее:

«Таким образом, рента, уплачиваемая за один род продуктов, становится причиной *высокой стоимости других»* (цит. соч., стр. 279).

В заключительной главе [«О национальном доходе»] Рамсей говорит:

«Доход отличается от годового валового продукта просто-напросто отсутствием в нем всех тех предметов, которые предназначены для сохранения *основного капитала»* (т. е., как это получается у Рамсея, *постоянного капитала:* сырье во всех фазах производства продукта, вспомогательные материалы, машины и т. д.) (стр. 471).

[1102] Рамсей сказал уже раньше* и снова повторяет в последней главе, что

«оборотный капитал» (это означает у него капитал, затрачиваемый на заработную плату) является, по сути дела, излишним, «он не только не есть *непосредственный* фактор производства, но даже вообще не имеет для производства *существенного значения»* (стр. 468).

Рамсей только не делает отсюда само собой разумеющегося вывода, что вместе с наемным трудом и затрачиваемым на заработную плату капиталом отрицается *необходимость* капиталистического производства вообще и что условия труда тем самым перестают противостоять рабочим как «капитал», или, по терминологии Рамсея, как «основной капитал». Одна часть условий труда только потому и выступает как основной *капитал,* что другая часть выступает как оборотный *капитал.* Но коль скоро капиталистическое производство предположено как факт,

* См настоящий том, часть III, стр. 338. *Ред.*

Рамсей объявляет *заработную плату* и *валовую прибыль с капитала* (включая промышленную прибыль, или, как он ее называет, предпринимательскую прибыль) необходимыми формами дохода (стр. 478, 475).

Конечно. Обе эти формы дохода действительно резюмируют в наиболее простом и всеобщем виде сущность капиталистического производства и тех двух классов, на которых зиждется это производство. Напротив, *ренту,* т. е. земельную собственность, Рамсей объявляет излишней для капиталистического производства формой (стр. 472), но он забывает, что она является необходимым продуктом этого способа производства. То же самое относится и к его заявлению, что «чистая прибыль на капитал», или процент, не является, необходимой формой:

«Рантье должны были бы лишь превратиться [в случае резкого уменьшения валовой прибыли] в промышленных капиталистов, а это безразлично для богатства нации... Для валовой прибыли, безусловно, нет необходимости быть столь высокой, чтобы доставлять отдельный доход собственнику капитала и отдельный доход тому, кто этот капитал применяет» (стр. 476—477).

Рамсей здесь опять забывает высказанное им самим положение, что по мере развития капитала с необходимостью образуется непрерывно растущий класс рантье[*].

[Рамсей говорит:]

«Валовая прибыль с капитала и предпринимательская прибыль... необходимы для процесса производства» (стр. 475).

Конечно. Без прибыли нет капитала, а без капитала нет капиталистического производства.

* * *

Итак, в общем итоге у Рамсея, во-первых, получается, что капиталистический способ производства, основанный на наемном труде, не является необходимой, т. е. абсолютной, формой общественного производства. (Сам Рамсей высказывает это лишь в той ограниченной, формулировке, что «оборотный капитал» и «заработная плата» были бы излишни, если бы основная масса народа не была так бедна, что она вынуждена получать свою долю в продукте авансом, до того как продукт готов.) Во-вторых, у Рамсея получается, что процент в отличие от промышленной прибыли, равно как и земельная рента (т. е. созданная самим капиталистическим производством форма земельной собственности) являются такими наростами, которые несущественны для капиталистического производства и которые оно

[*] См. настоящий том, часть III, стр. 366. *Ред.*

могло бы отбросить. Если бы этот буржуазный идеал был действительно осуществим, результатом явилось бы только то, что вся прибавочная стоимость непосредственно доставалась бы промышленным капиталистам и общество (в экономическом отношении) было бы сведено к простой противоположности между капиталом и наемным трудом, — упрощение, которое, несомненно, ускорило бы гибель этого способа производства. [1102]

* * *

[1102] {В газете «Morning Star»[122] от 1 декабря 1862 г. один фабрикант жалуется:

«Если *вычесть* из *валового продукта* заработную плату, земельную ренту, процент на капитал, издержки на сырье и *выручку агента, купца или торговца,* то оставшееся составляло *прибыль фабриканта,* жителя Ланкашира, владельца, на котором лежит *бремя содержать рабочих для столь многочисленных участников распределения валового продукта».*

Если оставить в стороне стоимость и рассматривать валовой продукт in natura, то ясно, что по возмещении постоянного капитала и капитала, затраченного на заработную плату, остается та часть продукта, которая представляет прибавочную стоимость. Но из этого остатка часть отпадает в качестве ренты, отпадает также и выручка агентов, купцов или торговцев, применяют ли они свой собственный капитал или нет, — все это берется из той части валового продукта, которая представляет прибавочную стоимость. Следовательно, для фабриканта все это представляет собой *вычет.* Сама его прибыль, если он занял капитал, делится в свою очередь на промышленную прибыль и процент.}

{*К дифференциальной ренте.* Труд рабочего, работающего на более плодородной земле, производительнее труда рабочего, работающего на менее плодородной земле. Если бы, следовательно, первый рабочий получал плату in natura, то ему доставалась бы меньшая доля валового продукта, чем рабочему, работающему на менее плодородной земле. Или, что одно и то же, его относительный прибавочный труд, хотя он работает то же количество часов в день, был бы больше относительного прибавочного труда другого рабочего. Но его заработная плата стоит столько же, сколько заработная плата другого рабочего. Поэтому и прибыль капиталиста, применяющего его, не больше, чем прибыль капиталиста, применяющего другого рабочего. Прибавочная стоимость, заключенная в избытке его продукта, большая относительная производительность его труда, или его дифференциальный прибавочный труд, прикарманивается земельным собственником.} [1102]

[ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ]
ШЕРБЮЛЬЕ

[1102] *Cherbuliez.* Riche ou pauvre. Paris, 1841 (перепечатка с женевского издания).

(Еще большой вопрос, следует ли этого парня включить отдельно в этот ряд [политико-экономов], поскольку большая часть сказанного им — в духе Сисмонди, или же то, что у Шербюлье есть дельного, лучше привести при случае в виде цитат[123].) [1102]

[1) РАЗЛИЧЕНИЕ ДВУХ ЧАСТЕЙ КАПИТАЛА: ЧАСТИ, СОСТОЯЩЕЙ ИЗ МАШИН И СЫРЬЯ, И ЧАСТИ, СОСТОЯЩЕЙ ИЗ «ФОНДА ЖИЗНЕННЫХ СРЕДСТВ» ДЛЯ РАБОЧИХ]

[1103] «Капитал», — говорит Шербюлье, — «это сырье, орудия, фонд жизненных средств [approvisionnement]» (стр. 16). «Нет никакой разницы между капиталом и любой другой частью богатства. Только благодаря особому применению вещь становится капиталом, т. е. она становится капиталом тогда, когда она применяется в *акте производства* в качестве сырья, орудия или фонда жизненных средств» (стр. 18).

Это, следовательно, обычная манера сводить капитал к тем вещественным элементам, в виде которых он выступает в процессе труда: к средствам труда и к жизненным средствам. К тому же последнее неточно, поскольку жизненные средства, хотя они и являются условием, предпосылкой существования производителей во время производства, не входят в самый процесс труда; в него не входит ничего, кроме предмета труда, средств труда и самого труда. Здесь, стало быть, *капиталом* именуются объективные моменты процесса труда, общие всем формам производства, хотя *«фонд жизненных средств»* (подра-

зумевающий уже заработную плату) молчаливо предполагает *капиталистическую* форму этих условий труда.

Шербюлье, совершенно так же как Рамсей, считает, что *«фонд жизненных средств»,* — или то, что Рамсей называет оборотным капиталом, — уменьшается (по крайней мере относительно, по сравнению со всем капиталом в целом, а также абсолютно, поскольку машины постоянно вытесняют рабочих). Но он, как и Рамсей, по-видимому, полагает, что здесь с необходимостью уменьшается масса тех жизненных средств, тех предметов необходимости, которые могут быть применены как производительный капитал. Дело обстоит совсем не так. Здесь все время смешивается та часть валового продукта, которая возмещает капитал и применяется в качестве капитала, и та часть, которая представляет прибавочный продукт. «Фонд жизненных средств» уменьшается потому, что значительная доля капитала, т. е. применяемой в качестве капитала части валового продукта, воспроизводится в виде уже не переменного, а постоянного капитала. [С другой стороны] более значительная доля прибавочного продукта, состоящего из жизненных средств, съедается непроизводительными работниками и теми, кто вовсе не работает, или обменивается на предметы роскоши. Voila tout*.

Конечно, тот факт, что все меньшая часть совокупного капитала превращается в переменный капитал, может быть выражен также и иначе. Часть капитала, состоящая из переменного капитала, равна той части совокупного продукта, которую рабочий присваивает самому себе, производит для самого себя. Следовательно, чем меньше эта часть, тем меньше и то число рабочих, которого — из их совокупного количества — достаточно для ее воспроизводства (точно так же как в этом случае отдельный рабочий тем меньшую часть рабочего времени работает на самого себя). Как и совокупный труд, совокупный продукт рабочих распадается на две части. Одну часть рабочие производят для самих себя, другую для капиталиста. Как рабочее время отдельного рабочего можно разделить на две части, так это можно сделать и с рабочим временем всего рабочего класса. Если прибавочный труд равен половине рабочего дня, то это то же самое, как если бы половина рабочего класса производила средства существования для рабочего класса, а другая половина — сырье, машины и готовые продукты для капиталиста, отчасти как производителя, отчасти как потребителя.

* — Вот и всё. *Ред.*

Смешно, что Шербюлье и Рамсей полагают, будто та часть валового продукта, которая может быть потреблена рабочими, войти in natura* в их потребление, неизбежно должна была уменьшиться или что она вообще уменьшилась. Уменьшилась только та часть, которая потребляется в этой форме, т. е. в качестве *переменного капитала.* Тем большая, напротив, часть съедается прислугой, солдатами и т. д. или вывозится за границу и обменивается на более утонченные жизненные средства.

Как у Рамсея, так и у Шербюлье важно только то, что они фактически противопоставляют *переменный* и *постоянный капитал,* а не застревают на взятом из обращения различении между основным и оборотным капиталом. Ибо Шербюлье противопоставляет часть капитала, сводящуюся к «фонду жизненных средств», той его части, которая состоит из сырья, вспомогательных материалов и средств труда — орудий, машин. Между тем, две из этих составных частей постоянного капитала — сырье и вспомогательные материалы — по своей форме обращения принадлежат к оборотному капиталу.

При изменении в составных частях капитала важно не то, что относительно больше рабочих занято производством сырья и машин, чем непосредственным производством жизненных средств, — это относится лишь к разделению труда, — а важно то отношение, в каком продукт должен возмещать прошлый труд (т. е. постоянный капитал) и оплачивать живой труд. Чем большие масштабы принимает капиталистическое производство — чем больше, стало быть, накопленный капитал, — тем большая доля стоимости [совокупного] продукта приходится на те машины и то сырье, в которые превращается капитал, применяемый в производстве машин и сырья. Тем большая часть продукта должна быть, следовательно, возвращена производству in natura или путем обмена между производителями различных частей постоянного капитала. Доля той части продукта, которая принадлежит производству, становится тем больше, и относительно тем меньше становится та часть, которая представляет живой, вновь присоединенный труд. Конечно, выраженная в товарах, в потребительных стоимостях, эта последняя часть растет, ибо указанный факт равнозначен повышению производительности труда. Но тем больше еще уменьшается относительно та часть этой части, которая достается рабочему. И тот же процесс вызывает постоянный относительный избыток рабочего населения.

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

[2) К ВОПРОСУ О ПРОГРЕССИРУЮЩЕМ УМЕНЬШЕНИИ КОЛИЧЕСТВА РАБОЧИХ В СРАВНЕНИИ С ВЕЛИЧИНОЙ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА]

[1104] {Неоспоримым фактом является то, что с развитием капиталистического производства растет та часть капитала, которая вкладывается в машины и сырье, и уменьшается та часть, которая расходуется на заработную плату. Это единственный вопрос, занимающий Рамсея и Шербюлье. Для нас же главным является следующее: объясняет ли этот факт уменьшение нормы прибыли (которое к тому же далеко не так велико, как об этом говорят)? При этом речь идет не только о количественном соотношении, но и о *стоимостном соотношении.*

Если один рабочий может переработать в пряжу столько же хлопка, сколько прежде перерабатывали 100 рабочих, то сырье должно возрасти в 100 раз и, кроме того, процесс может осуществляться только с помощью такой прядильной машины, которая позволяет одному рабочему управлять работой 100 веретен. Но если одновременно с этим один сельскохозяйственный рабочий производит теперь столько же хлопка, сколько прежде производили 100 рабочих, а один рабочий в машиностроении производит теперь целую прядильную машину вместо одного веретена, то стоимостное соотношение между трудом, затрачиваемым на прядение, на хлопок и на орудия прядильного производства, осталось бы совершенно таким же, каким оно было прежде.

Что касается *машин,* то они стоят не столько же, сколько труд, который они заменили, хотя прядильная машина гораздо дороже, чем веретено. Отдельный капиталист, имеющий прядильную машину, должен располагать большим капиталом, чем отдельный прядильщик, покупающий самопрялку. Но если принять в расчет число рабочих, требующихся для работы на прядильной машине, то ее применение обходится дешевле, чем применение самопрялок. Иначе прядильная машина не вытеснила бы самопрялку. Место прядильщика занимает капиталист. Но тот капитал, который прядильщик затрачивал на самопрялку, по отношению к величине продукта *больше,* чем капитал, затрачиваемый капиталистом на прядильную машину.}

Увеличение производительности труда (поскольку оно связано с машинами) тождественно уменьшению количества рабочих по сравнению с числом и мощностью применяемых машин. Вместо простого и дешевого орудия мл имеем перед собой целый набор таких орудий (хотя и видоизмененных) и, кроме того, еще все те машины, которые представляют собой двигательные

и передаточные устройства, а затем материалы (как например уголь и т. д.), применяемые для создания двигательной силы (каковой является, например, пар), и, наконец, соответствующие здания. Если один рабочий наблюдает за 1800 веретенами, вместо того чтобы вертеть одну самопрялку, то в высшей степени нелепо было бы спрашивать, почему эти 1800 веретен не столь же дешевы, как одна самопрялка. Высокая производительность здесь как раз и обусловлена массой капитала, применяемого в виде машин. Пропорция износа машин касается только товара; рабочий противостоит всей совокупности машин, и точно так же стоимость затраченного на труд капитала противостоит стоимости капитала, затраченного на машины.

Не подлежит никакому сомнению, что машины становятся дешевле по двум причинам: благодаря применению машин в производстве того сырья, из которого делаются машины, и благодаря применению машин при превращении этого сырья в машины. Но это предполагает две вещи: *во-первых,* что и в этих двух отраслях, если вводимые в них машины сравнивать с теми орудиями, которые употреблялись в мануфактурном производстве, затрачиваемый на машины капитал растет по стоимости в противоположность капиталу, затрачиваемому на труд; *во-вторых,* что если становятся дешевле отдельная машина и ее составные части, то одновременно с этим развивается целая система машин: вместо орудия появляется не только отдельная машина, а целая система, и такие орудия, которые раньше, быть может, играли главную роль, как например вязальная игла, ныне собираются в одном месте многими тысячами (в чулочных или подобных им машинах). Всякая отдельная машина, противостоящая рабочему, представляет собой уже огромный набор орудий, какие он раньше употреблял каждое в отдельности, как например 1800 веретен вместо одного. Но машина содержит, кроме того, и такие элементы, которых не было в старом орудии, и т. д. Несмотря на то, что отдельные элементы становятся дешевле, вся масса машин неимоверно повышается в цене, а рост производительности состоит в постоянном увеличении этой массы.

Далее, одной из причин удешевления машин, помимо того что становятся дешевле их составные части, является удешевление источника двигательной силы (например, парового котла) и передаточных устройств. Экономия в двигательной силе. Но она получается именно благодаря тому, что во все возрастающей мере тот же самый двигатель приводит в движение большую систему машин. Этот двигатель относительно становится дешевле, или издержки на него не возрастают пропорционально

увеличению той системы машин, к которой он применяется; сам он становится дороже по мере увеличения своих размеров, но это увеличение его цены не пропорционально увеличению его размеров, — даже если издержки на него абсолютно возрастают, относительно они уменьшаются. Это, следовательно, является важным мотивом для того, чтобы — независимо от цены отдельной машины — увеличивать затрачиваемый на машины капитал, который противостоит труду. Такой фактор, как возрастающая скорость работы машин, чрезвычайно увеличивает их производительную силу, но не имеет никакого отношения к самой стоимости этих машин.

Следовательно, само собой разумеющимся положением, или тавтологией, является то, что происходящему благодаря машинам возрастанию производительности труда соответствует возрастание стоимости машин по сравнению с массой применяемого труда (а потому и со стоимостью этого труда, с переменным капиталом).

[1105] Все те обстоятельства, в силу которых применение машин удешевляет цену товаров, сводятся, во-первых, к уменьшению количества труда, поглощаемого единицей товара, а во-вторых, к уменьшению износа машин, стоимость которого входит в единицу товара. Чем медленнее происходит изнашивание машин, тем меньше труда требуется для их воспроизводства. Это увеличивает, стало быть, количество и стоимость капитала, состоящего из машин, в сравнении с капиталом, существующим в виде труда.

Итак, остается лишь вопрос о сырье. Что его количество должно возрастать соответственно росту производительности труда, — это ясно. Речь идет о массе сырья в ее отношении к массе труда. Это отношение даже больше, чем оно кажется.

Предположим, например, что еженедельно потребляется 10000 фунтов хлопка. Считая в году 50 недель, это составит 10000 × 50 = 500000 фунтов в год. Предположим, что заработная плата составляет в год 5000 ф. ст. Фунт хлопка стоит, скажем, 6 пенсов, что составляет 250000 шилл., или 12500 ф. ст. в год. Предположим, что капитал делает пять оборотов в течение года. Тогда в одну пятую часть года потребляется 100000 фунтов хлопка стоимостью в 2500 ф. ст. И в эту же пятую часть года на заработную плату расходуется 1000 ф. ст., т. е. больше трети стоимости того капитала, который вложен в хлопок. Выходит, что это ничуть не меняет отношения между массой сырья и массой труда. Если теперь стоимость хлопка каждую пятую часть года составляет 10000 ф. ст., а стоимость труда 1000 ф. ст., то отношение между ними будет 1:10.

(Это отношение будет 1:10 также и в том случае, если рассматривать продукт всего года: 50000 ф. ст. на одной стороне и 5000 ф. ст. на другой.)

{Стоимость товара в той мере, в какой она зависит от машин, определяется входящим в товар износом этих машин; она определяется, стало быть, стоимостью машин лишь постольку, поскольку стоимость машин сама входит в процесс образования стоимости, т. е. поскольку стоимость машин потребляется в процессе труда. Напротив, прибыль определяется (оставляя в стороне сырье) стоимостью всех машин, входящих в процесс труда, независимо от потребления этой стоимости. Поэтому прибыль должна падать в соответствии с тем, как уменьшается совокупное количество [живого] труда по отношению к той части капитала, которая затрачивается на машины. [Однако] она падает не в точно такой же пропорции, потому что увеличивается прибавочный труд.}

В связи с сырьем возникает следующий вопрос. Если, например, производительная сила в прядильном производстве увеличивается в десять раз, т. е. если один рабочий вырабатывает столько пряжи, сколько прежде вырабатывали десять рабочих, то почему бы одному негру не производить столько же хлопка, сколько раньше производили десять негров, иначе говоря, почему бы в данном случае *стоимостному соотношению* не остаться прежним? Прядильщик за то же самое время потребляет в десять раз больше хлопка, но негр за то же самое время производит в десять раз больше хлопка. В десять раз большее количество хлопка, таким образом, оказалось бы не дороже, чем раньше в десять раз меньшее его количество. Следовательно, несмотря на увеличение количества сырья, его стоимостное отношение к переменному капиталу осталось бы прежним. Действительно, только благодаря значительному удешевлению хлопка эта отрасль промышленности вообще могла так развиться*. Чем дороже материал (как например золото и серебро), тем меньше при изготовлении из него предметов роскоши применяются машины и разделение труда. Это происходит потому, что затраты капитала на сырье слишком велики, а спрос на эти предметы, вследствие дороговизны идущего на них сырья, ограничен.

На поставленный выше вопрос можно весьма просто ответить, что часть сырья, — например шерсть, шелк, кожи, — производится посредством животно-*органических* процессов, а *хлопок, лен* и т. д. — посредством растительно-*органических*

* [1105] {Если бы завтра хлопок подешевел в десять раз, то послезавтра прядильная промышленность шагнула бы вперед еще быстрее, и т. д.) [1105]

процессов; капиталистическому производству до сих пор не удавалось и никогда не удастся распоряжаться этими процессами так, как чисто механическими процессами или неорганическими химическими процессами. Такое сырье, как кожи и т. д., и другие составные части животных становятся дороже отчасти уже потому, что нелепый закон земельной ренты с прогрессом цивилизации повышает стоимость этих продуктов. Что касается каменного угля и металлов (а также леса), то они сильно подешевели с прогрессом производства, однако при истощении рудников добыча металлов тоже становится более трудным делом, и т. д.

{Если о ренте с хлебных полей и о ренте с рудников можно сказать, что она не удорожает стоимости продукта (а удорожает лишь его рыночную цену), являясь скорее выражением его стоимости (избытком стоимости продукта *над* его ценой производства), то, напротив, не подлежит никакому сомнению, что рента со скота, рента с домов и т. д. есть не следствие, а *причина* возрастания стоимости этих продуктов.}

Удешевление сырья, вспомогательных материалов и т. д. сдерживает рост стоимости этой части капитала, но не устраняет его. Оно до известной степени парализует падение нормы прибыли.

Этим исчерпывается вся эта дребедень. [1105]

[1105] {При рассмотрении прибыли прибавочная стоимость предполагается данной. Рассматривается лишь влияние изменений в постоянном капитале на норму прибыли. Есть только один способ, каким прибавочная стоимость непосредственно влияет на постоянный капитал, а именно — через *абсолютный прибавочный труд,* через удлинение рабочего дня, приводящее к уменьшению доли постоянного капитала в стоимости [продукта]. Относительный прибавочный труд, — там, где рабочий день остается неизменным (мы оставляем в стороне увеличение интенсивности труда), — увеличивает стоимостное отношение прибыли к совокупному капиталу [только] в результате роста самой прибавочной стоимости. Абсолютное прибавочное рабочее время относительно уменьшает издержки на постоянный капитал.}

[3) ДОГАДКА ШЕРБЮЛЬЕ О ЗАВИСИМОСТИ НОРМЫ ПРИБЫЛИ ОТ ОРГАНИЧЕСКОГО СТРОЕНИЯ КАПИТАЛА; ПУТАНИЦА У НЕГО ПО ЭТОМУ ВОПРОСУ. ШЕРБЮЛЬЕ О «ЗАКОНЕ ПРИСВОЕНИЯ» ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ]

[1106] Вернемся к Шербюлье.

Формулы, которые он дает для нормы прибыли, являются или математическими выражениями для прибыли в ее обычном понимании и не заключают в себе никакого закона, или же они

к тому же прямо ошибочны, хотя Шербюлье и имеет некоторое *смутное представление о* предмете, приближается к его пониманию.

«Коммерческая прибыль[124] определяется *стоимостью продуктов* в сравнении с *различными элементами* производительного капитала» [цит. *соч.,* стр. 70].

{В действительности прибыль есть отношение прибавочной стоимости продукта к стоимости совокупного авансированного капитала, вне зависимости от различия в его элементах. Но сама прибавочная стоимость определяется величиной переменного капитала и нормой увеличения его стоимости, а *отношение* этой прибавочной стоимости к совокупному капиталу в свою очередь определяется отношением между переменным и постоянным капиталом, а также изменением стоимости постоянного капитала.}

«Двумя главными элементами этого определения являются, очевидно, цена сырья и размер фонда жизненных средств, необходимого для того, чтобы пустить это сырье в переработку. Экономический прогресс общества действует на эти два элемента в *противоположном* направлении. Он имеет тенденцию удорожать сырье, увеличивая стоимость всех продуктов добывающих отраслей производства[125], действующих на основе таких фондов, которые являются частной собственностью и пространственно ограниченны. Напротив, фонд жизненных средств с прогрессом общества уменьшается» (относительно), к чему мы вернемся в дальнейшем.

«Общая сумма продуктов минус общая сумма капитала, потребленного для их получения, дает общую сумму прибыли за определенный промежуток времени. Общая сумма продуктов *возрастает пропорционально примененному капиталу,* а не пропорционально потребленному капиталу. *Норма прибыли,* или то отношение, в котором прибыль находится к капиталу, является поэтому результатом комбинации двух других отношений, а именно: *отношения между примененным и потребленным капиталом* и *отношения между потребленным капиталом и продуктом»* (цит. соч., стр. 70).

Шербюлье сначала правильно говорит, что прибыль определяется *стоимостью* продукта в ее отношении к «различным элементам» производительного капитала. Внезапно он перескакивает к самому продукту, к массе продуктов. Но, во-первых, масса продуктов может увеличиваться без того, чтобы увеличилась стоимость этой массы. Во-вторых, сравнивать массу готового продукта с массой тех продуктов, из которых состоял потребленный и непотребленный капитал, можно в лучшем случае только так, как это делает Рамсей, а именно — когда совокупный национальный продукт сопоставляется с его затраченными in natura составными элементами*. Но у капи-

---

* См. настоящий том, часть III, стр. 348. *Ред.*

тала в каждой отдельной сфере производства форма продукта отлична от его составных элементов (даже в таких отраслях производства, как земледелие и т. д., где часть продукта образует in natura элемент производства этого продукта). Почему Шербюлье прибегает к этой увертке? Потому, что, несмотря на свою догадку о том, что для нормы прибыли решающее значение имеет органическое строение капитала, он нащупанную им противоположность между переменным капиталом и другой составной частью капитала совершенно не использовал для объяснения прибавочной стоимости, которую он вообще не объясняет, как не объясняет и самой стоимости. Он не показал, откуда получается прибавочная стоимость, и поэтому прибегает к *прибавочному продукту, т. е. к потребительной стоимости.*

Хотя всякая прибавочная стоимость представлена в каком-нибудь прибавочном продукте, прибавочный продукт сам по себе, напротив, не представляет прибавочной стоимости. {Допустим, что продукт вообще не содержит прибавочной стоимости, например, когда крестьянин владеет своими собственными орудиями (и, кроме того, своей собственной землей) и работает лишь ровно столько времени, сколько работает любой наемный рабочий для возмещения своей заработной платы, — скажем, 6 часов. Если бы год был урожайным, то крестьянин произвел бы вдвое больше продукта, но стоимость всего его продукта осталась бы прежней. В этом случае не было бы прибавочной стоимости, хотя имелся бы прибавочный продукт.}

Само по себе ошибочным было уже то, что Шербюлье представил переменный капитал в «пассивной» и только вещественной форме «фонда жизненных средств», т. е. в форме той потребительной стоимости, в которую переменный капитал превращается в руках рабочего. Если бы Шербюлье, напротив, взял его в той форме, в какой он действительно представлен, а именно, как деньги (наличное бытие меновой стоимости, т. е. определенного количества общественного рабочего времени как такового), то для *капиталиста* переменный капитал превратился бы в тот труд, который капиталист получает в обмен на свой переменный капитал (а в этом обмене овеществленного труда на живой в переменном капитале произошло бы движение, и он бы возрос); как труд, а не как «фонд жизненных средств», переменный капитал становится элементом производительного капитала. «Фонд жизненных средств», напротив, есть потребительная стоимость, то ее вещественное наличное бытие, в котором переменный капитал реализуется для рабочего как его доход. Таким образом, в качестве *«фонда жизненных средств»*

переменный капитал есть совершенно такой же *«пассивный»* элемент, как и обе другие части капитала, которые Шербюлье называет «пассивными»*.

То же самое ошибочное представление мешает Шербюлье из *отношения* этого активного элемента к пассивному вывести объяснение нормы прибыли и ее падения по мере развития общества. По сути дела, ни к каким другим выводам он не приходит, кроме того вывода, что «фонд жизненных средств» [1107] уменьшается вследствие развития производительной силы, тогда как рабочее население возрастает, и что, следовательно, в результате избытка населения заработная плата падает ниже своей стоимости. Шербюлье ничего не объясняет на основе обмена стоимостей, а значит и на основе оплаты рабочей силы по ее стоимости, и тем самым прибыль *по существу* выступает у него (хотя он этого и не говорит) как *вычет из заработной платы,* который фактическая прибыль порой, конечно, может включать в себя, но который никогда не может служить обоснованием категории прибыли.

Сведем, прежде всего, первое положение Шербюлье к его правильному выражению:

«Стоимость общей суммы продуктов минус *стоимость* общей суммы капитала, потребленного для их получения (производства), дает общую сумму прибыли за определенный промежуток времени».

Это есть та первая (обычная) форма, в которой прибыль проявляется и выступает — также и для капиталистического сознания. Alias**: прибыль — это избыток стоимости продукта, полученного за определенное время, над стоимостью потребленного капитала. Или: избыток стоимости продукта над издержками производства продукта. Даже «определенный промежуток времени» появляется у Шербюлье как снег на голову, так как Шербюлье не показал нам процесса обращения капитала. Итак, первое его положение есть не что иное, как обычное определение прибыли, та непосредственная форма, в которой она являет себя.

Второе положение Шербюлье гласит:

«Общая сумма продуктов возрастает пропорционально примененному капиталу, а не пропорционально потребленному капиталу».

Другими словами, это опять-таки означает:

«Стоимость общей суммы продукта *возрастает* пропорционально авансированному капиталу» (как потребленному, так и непотребленному).

---

* [1110] На стр. 59 Шербюлье называет сырье и машины «двумя *пассивными элементами капитала»* в противоположность «фонду жизненных средств». [1110]

** — Иначе говоря. *Ред.*

Целью здесь является только то, чтобы *хитростью получить* отнюдь не доказанное и в своей непосредственной формулировке ошибочное положение (ибо оно уже предполагает выравнивание [индивидуальных прибылей] в общую норму прибыли) о том, что величина прибыли зависит от величины примененного капитала. А видимость причинной связи должна создаваться тем, что *«общая сумма продуктов возрастает* пропорционально *примененному* капиталу, а не пропорционально потребленному капиталу».

Возьмем рассматриваемое положение в обеих формулировках — в той, в какой оно дано у Шербюлье, и в той, в какой оно должно было бы быть дано. В том контексте, в каком оно находится, и согласно тому выводу, для которого оно предназначено служить как medius terminus*, оно должно было бы гласить:

«Стоимость общей суммы продуктов *возрастает* пропорционально примененному капиталу, а не пропорционально потребленному капиталу».

Здесь, очевидно, предпринимается хитроумная попытка объяснить прибавочную стоимость тем, что-де *избыток стоимости продукта* создается избытком примененного капитала над потребленным. Но непотребленный капитал (машины и т. д.) сохраняет свою стоимость (ибо «непотребленный» как раз и означает, что его стоимость не потреблена), он сохраняет по окончании процесса производства ту же стоимость, какую он имел до его начала. Если произошло *изменение стоимости,* то оно могло произойти только в той части капитала, которая была потреблена и потому вошла в процесс образования стоимости. Подход Шербюлье к объяснению прибыли неправилен в действительности также и в том смысле, что, например, капитал, одна треть которого не потреблена, а две трети потреблены в производстве, безусловно дает при *одинаковой норме эксплуатации труда* (и отвлекаясь от выравнивания нормы прибыли) более высокую прибыль, чем капитал, две трети которого не потреблены, а одна треть потреблена. Ибо второй капитал содержит, очевидно, больше машин и т. д. и прочего постоянного капитала, тогда как первый содержит меньше этого элемента и приводит в движение большее количество живого труда, а значит также и большее количество прибавочного труда.

А если мы возьмем ту формулировку, которую дает своему положению сам Шербюлье, то прежде всего надо сказать, что

* — средний термин (умозаключения). Здесь в смысле второй посылки. *Ред.*

она не приносит ему никакой пользы, так как масса продуктов, или масса потребительных стоимостей как таковая, вообще не определяет ни стоимости, ни прибавочной стоимости, ни прибыли. Но что за всем этим скрывается? Часть постоянного капитала, состоящая из машин и т. д., входит в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости, и тем самым содействует увеличению массы продуктов, ничего не присоединяя к их стоимости. (Ибо в той мере, в какой она своим изнашиванием присоединяет к продукту стоимость, она ведь сама относится к *потребленному* капиталу, а не к *примененному* капиталу в его отличии от потребленного.) Но эта непотребленная часть постоянного капитала сама по себе не создает *возрастания массы продуктов.* Она содействует созданию в данное рабочее время большего количества продукта. Поэтому, если бы работа производилась только в течение такого рабочего времени, какое содержится в *«фонде жизненных средств»,* то масса продуктов не увеличилась бы. Следовательно, избыток продукта создается не избытком примененного капитала над потребленным, а тем изменением, которое происходит в этой части *потребленного капитала* (при предположении, что речь идет не о тех отраслях производства, где, как в земледелии, *масса* продукта не зависит или может не зависеть от массы затраченного капитала и где производительность труда отчасти зависит от не поддающихся контролю природных условий).

Если же Шербюлье рассматривает постоянный капитал — потребленный или непотребленный — как не зависящий от [продолжительности] рабочего времени, от изменения, происходящего с переменным капиталом в процессе увеличения стоимости, то он с таким же успехом мог бы сказать:

«Общая сумма [1108] продуктов возрастает» (по крайней мере, в обрабатывающей промышленности) «пропорционально росту той части потребленного капитала, которая состоит из сырья».

Ибо рост продукта физически тождествен росту этой части капитала. С другой стороны, в земледелии (а также в добывающей промышленности) при более плодородной почве там, где применяется мало непотребленного капитала (т. е. постоянного капитала) и относительно много потребленного капитала (например, заработной платы), масса продуктов может быть гораздо больше, чем в более развитой стране, где отношение примененного капитала к потребленному гораздо выше.

Таким образом, второе положение Шербюлье сводится к попытке протащить прибавочную стоимость (необходимую основу прибыли) путем хитроумного трюка.

[Делаемый у Шербюлье вывод гласит:]

«*Норма прибыли,* или то *отношение,* в котором прибыль находится к капиталу, является поэтому результатом комбинации двух других отношений, а именно: *отношения между примененным и потребленным капиталом* и *отношения между потребленным капиталом и продуктом»* (стр. 70).

Раньше нужно было объяснить *прибыль.* Но вместо этого объяснения получилось только такое определение прибыли, которое выражает всего лишь способ ее проявления, выражает всего лишь тот факт, что прибыль есть избыток стоимости совокупного продукта над издержками производства продукта, или над стоимостью потребленного капитала, т. е. получилось обыденное определение прибыли.

Теперь нужно объяснить *норму прибыли.* Но опять получается только обыденное определение: норма прибыли есть отношение прибыли к совокупному капиталу, или, что то же самое, отношение избытка стоимости продукта над издержками его производства к совокупному капиталу, авансированному на производство. Искаженное понимание и неуклюжее применение близкого к правильному различения элементов капитала и неосознанная догадка о том, что прибыль и норма прибыли находятся в прямой связи с соотношением этих элементов, приводят, таким образом, только к тому, что повторяются в более доктринерской форме общеизвестные фразы, в которых, на самом деле, лишь констатируется существование прибыли и нормы прибыли, но ничего не говорится о их сущности.

Дело не становится лучше оттого, что Шербюлье выражает доктринерские формулы алгебраически:

«Обозначим через $П$ совокупный продукт за определенный период, примененный капитал — через $К$, прибыль — через $п$, *отношение* прибыли к капиталу (норму прибыли) — через $н$, потребленный капитал — через $к$. Тогда $П — к = п$, $н = {}^{п}/_{К}$; стало быть, $Кн = п$. Следовательно, $П — к = Кн$; следовательно, $н = \frac{П - н}{К}$» (стр. 70, примечание).

Все это означает только то, что норма прибыли равна отношению прибыли к капиталу, а прибыль равна избытку стоимости продукта над издержками его производства.

Вообще то, что стоит перед умственным взором Шербюлье, когда он говорит о потребленном и непотребленном капитале, есть различие между основным и оборотным капиталом: он здесь не придерживается им же самим, в отличие от этого, констатированного различия в капитале, проистекающего из процесса производства. Прибавочная стоимость уже предпослана

обращению, и как бы ни влияли на норму прибыли те различия, которые проистекают из обращения, к происхождению прибыли они не имеют никакого отношения.

«Производительный капитал состоит из потребляемой части [фонд жизненных средств, сырье, вспомогательные материалы] и непотребляемой части [орудия, инструменты, машины]. С ростом богатства и населения потребляемая часть имеет тенденцию к увеличению, так как добывающие отрасли производства требуют все более и более значительного количества труда. С другой стороны, тот же самый прогресс увеличивает *массу* примененного капитала в гораздо большей степени, чем массу *потребленного* капитала. Поэтому, хотя вся масса потребленного капитала имеет тенденцию к возрастанию, действие этого процесса оказывается нейтрализованным, так как масса продукта растет в еще более быстрой прогрессии, и следует принять, что *общая сумма прибылей* возрастает по меньшей мере столь же сильно, как и *общая сумма примененного капитала»* (стр. 71).

«Возрастает масса прибылей, но не норма прибыли, представляющая собой отношение этой массы к примененному капиталу, $н = \frac{П - к}{К}$. Ясно, что *П — к,* или прибыль (так как *П — к = п), может* возрастать даже при уменьшении *н,* если *К* возрастает быстрее, чем *П — к*» (стр. 71, примечание).

Здесь еще до некоторой степени затронута та причина, которая вызывает падение нормы прибыли; но после предыдущих искажений это может привести только к путанице и к опровергающим самих себя противоречиям. Сперва возрастает масса потребленного капитала, но масса продуктов растет еще быстрее (т. е. здесь еще быстрее растет избыток стоимости продуктов над издержками их производства), ибо масса продуктов растет пропорционально примененному капиталу, а последний возрастает быстрее потребленного капитала. *Почему* основной капитал возрастает быстрее, чем, например, масса сырья, нигде не сказано. Но пусть так. Масса прибыли возрастает *пропорционально примененному* капиталу, совокупному капиталу, и, тем не менее, [1109] *норма прибыли* должна-де падать, потому что совокупный капитал возрастает быстрее, чем масса продуктов, или, лучше сказать, быстрее, чем масса прибыли.

Сначала Шербюлье говорит, что *масса прибыли возрастает* по меньшей мере в той же пропорции, что и «общая сумма примененного капитала», а потом утверждается, что норма прибыли *падает,* так как общая сумма примененного капитала возрастает быстрее, чем масса прибыли. Сперва *П—к* возрастает «по меньшей мере» пропорционально величине *К,* а затем падает $\frac{П - к}{К}$, так как *К* растет еще быстрее, чем *П—к,* которое «возрастает по меньшей мере столь же сильно, как и *К».* Если устранить всю эту путаницу, то останется только тавтология, что

$\frac{П-к}{К}$ *может* падать даже при возрастании *П—к,* т. е. что даже при возрастании прибыли норма прибыли может падать тогда, когда она падает. Норма означает лишь отношение *П—к* к *К,* [и это отношение уменьшается в том случае,] когда капитал растет быстрее, чем масса прибыли.

Итак, в общем итоге получается следующая премудрость: норма прибыли может падать, т. е. отношение возрастающей массы прибыли к капиталу может падать, если капитал возрастает быстрее массы прибыли, или если масса прибыли, несмотря на ее абсолютное возрастание, относительно, в сравнении с капиталом, уменьшается. Это не что иное, как другое выражение для падения нормы прибыли. А в возможности этого явления — и даже в факте его существования — никогда не было сомнения. Единственное, о чем здесь шла речь, это как раз о том, как объяснить причину этого явления, — а Шербюлье падение нормы прибыли, падение массы прибыли по отношению к совокупному капиталу объясняет таким возрастанием массы прибыли, которое по меньшей мере идет в ногу с возрастанием капитала! У него, очевидно, была смутная догадка о том, что масса применяемого живого труда относительно уменьшается в сравнении с прошлым трудом, хотя абсолютно она возрастает, и что *поэтому* норма прибыли должна уменьшаться. Но эта догадка так и осталась у него неосознанной. Чем ближе порог, который надо переступить, тем превратнее становятся формулировки, если этот порог на деле не переступается, и тем сильнее иллюзия, что порог остался уже позади.

Напротив, очень дельно то, что Шербюлье говорит о *выравнивании общей нормы прибыли.*[126] [1109]

[1109] «После вычета земельной ренты остаток от *суммы прибылей,* т. е. от избытка продуктов над потребленным капиталом, делится между капиталистическими производителями *пропорционально капиталу, примененному каждым из них,* тогда как та доля продуктов, которая соответствует потребленному капиталу и предназначена для его возмещения, делится пропорционально тому капиталу, который эти капиталисты действительно потребили. Этот *двойной закон дележа* осуществляется благодаря *действию конкуренции,* которая стремится выравнить выгоды всех применений капитала. Этот двойной закон дележа, в конечном счете, определяет для продуктов различных видов их соответствующие *стоимости,* и *цены»* (стр. 71—72).

Это — очень хорошо. Только заключительные слова неверны, а именно, что это образование общей нормы прибыли определяет *стоимости* и *цены* (следовало бы сказать: цены производства) товаров. Определение стоимости, напротив, есть prius*, служащее

* — первичное, предшествующее. *Ред.*

предпосылкой для нормы прибыли и для образования цен производства. Каким образом вообще то или иное *распределение* «суммы прибылей», т. е. прибавочной стоимости, [1110] которая сама есть лишь часть совокупной стоимости товаров, может определять эту *«сумму* прибылей», стало быть прибавочную стоимость, стало быть и самые стоимости товаров? Формулировка Шербюлье правильна лишь постольку, поскольку под относительными стоимостями товаров подразумеваются их цены производства. Все ошибки у Шербюлье проистекают оттого, что он не рассматривает самостоятельно происхождение и законы стоимости и прибавочной стоимости.

Впрочем, отношение между наемным трудом и капиталом он до известной степени понимает правильно:

«Лица, не получающие ничего путем dévolution» (передача имущества по закону, наследование и т. д.) «и не имеющие ничего для обмена, могут получить то, в чем они нуждаются, лишь тогда, когда они предложат капиталистам свой *труд.* Они получают право только на те вещи, которые предоставляются им в качестве *цены труда,* но у них нет права ни на *продукт* этого труда, ни на ту *стоимость,* которую они к нему присоединили» (стр. 55—56). *«Продавая* свой труд в обмен на определенный фонд жизненных средств, пролетарий полностью отказывается от всякого права на другие части капитала. Присвоение этих продуктов остается таким же, каким оно было раньше; упомянутая сделка [между пролетарием и капиталистом] его нисколько не видоизменяет. Продукты по-прежнему принадлежат исключительно капиталисту, который предоставил сырье и фонд жизненных средств. *Таково необходимое следствие закона присвоения, основным принципом* которого было, наоборот, *исключительное право каждого работника на продукт своего труда»* (стр. 58).

Этот основной принцип, согласно Шербюлье, гласит:

«Работник имеет исключительное право на стоимость, являющуюся результатом его труда» (стр. 48).

Каким образом закон товаров, в силу которого товары образуют эквиваленты и обмениваются соответственно их стоимости, т. е. соответственно содержащемуся в них рабочему времени, каким образом этот закон оборачивается так, что капиталистическое производство, (а только на основе капиталистического производства для продукта существенно то, что он производится как товар) покоится, наоборот, на том, что часть труда присваивается без обмена, — этого Шербюлье не понимает и не объясняет. Он только чувствует, что здесь происходит какой-то *переворот.*

Сформулированный у Шербюлье «основной принцип» есть чистая фикция. Он порождается видимостью, создаваемой *товарным обращением.* Товары обмениваются соответственно их стоимости, т. е. соответственно содержащемуся в них труду.

Индивиды противостоят здесь друг другу только как товаровладельцы и потому могут приобрести товар другого только путем отчуждения своего собственного товара. Поэтому создается *видимость,* будто они могут обменивать только свой собственный труд, так как обмен товаров, содержащих *чужой* труд, если сами эти товары получаются опять-таки не путем обмена собственного товара, предполагает иные отношения между людьми, чем отношения [простых] товаровладельцев — покупателей и продавцов. В капиталистическом производстве исчезает эта видимость, которую являет людям собственная поверхность капиталистического производства. Но не исчезает иллюзия, будто первоначально люди противостоят друг другу только как товаровладельцы и потому каждый является собственником лишь постольку, поскольку он является работником. Это «первоначально», как сказано, есть обманчивая иллюзия, которая порождается видимостью, создаваемой капиталистическим производством, — исторически такого явления никогда не существовало. Вообще человек (изолированно или в обществе) выступает в качестве собственника всегда до того, как он выступает в качестве работника, даже если собственность есть только то, что он считает своим из окружающей его природы (или что он, в качестве члена семьи, рода, общины, считает своим отчасти из окружающей его природы, отчасти из общих, уже произведенных средств производства). И как только прекращается первоначальное животное состояние, собственность человека на окружающую его природу всегда предварительно опосредствуется его бытием в качестве члена общины, семьи, рода и т. д., его отношением к другим людям, которое обусловливает и его отношение к природе. «Не имеющий собственности работник» как «основной принцип» есть, напротив, лишь порождение цивилизации и притом на определенной исторической ступени — на ступени «капиталистического производства». Здесь перед нами закон «экспроприации», а не «присвоения» [«appropriation»], во всяком случае не присвоения вообще, как это представляет себе Шербюлье, а такого рода присвоения, которое соответствует определенному, специфическому способу производства. [1110]

[1111] Шербюлье говорит:

«Продукты присваиваются до того, как они превращаются в капитал. Это превращение в капитал не высвобождает их от имевшего место присвоения» (стр. 54).

Это относится не только к продуктам, но и к труду. Сырье и т. д. и средства труда принадлежат капиталисту; они представ-

ляют собой *превращенную* форму его денег. С другой стороны, если капиталист купил рабочую силу, или ежедневное (например, по 12 часов в день) употребление рабочей силы, за сумму денег, равную продукту 6 рабочих часов, то ему принадлежит труд 12 часов; этот труд *присвоен* капиталистом еще до того, как он осуществлен. Самим процессом производства он превращается в капитал. Но это его превращение в капитал является более поздним актом, чем его присвоение.

«Продукты» превращаются в капитал: *вещественно,* поскольку они функционируют в процессе труда в качестве условий труда, условий производства — предмета труда и средств труда, — *по форме,* поскольку не только их *стоимость* сохраняется в продукте, но и сами они становятся средством всасывания *труда и прибавочного труда,* т. е. поскольку они фактически функционируют в качестве поглощателей труда. [1112] С другой стороны, *присвоенная до* процесса производства рабочая сила *в* самом процессе производства превращается непосредственно в капитал, превращаясь в условия труда и в прибавочную стоимость: овеществление рабочей силы в продукте сохраняет постоянный капитал, возмещает переменный капитал и присоединяет прибавочную стоимость. [1112]

[4) К ВОПРОСУ О НАКОПЛЕНИИ КАК РАСШИРЕННОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ]

[Шербюлье говорит:]

[1110] «Всякое накопление богатства доставляет средства для ускорения дальнейшего накопления» (пит. соч., стр. 29).

{Взгляд Рикардо (перешедший от Смита), что всякое накопление сводится к затратам на заработную плату, был бы ошибочен даже и в том случае, если бы накопление ни в одной своей части не совершалось in natura, как это бывает, например, тогда, когда фермер высевает больше семян, чем раньше, когда скотовод увеличивает поголовье племенного или откармливаемого на убой скота, когда машиностроитель владеет частью прибавочной стоимости в машиностроительной машине. Этот взгляд был бы ошибочен и в том случае, если бы не существовало того явления, что все производители, производящие составные элементы той или другой части капитала, создают постоянное перепроизводство, рассчитывая на факт ежегодного накопления, т. е. увеличения общего масштаба производства.

Кроме того, земледелец может часть своего прибавочного зерна обменять со скотоводом, который может превратить это зерно в переменный капитал, между тем как земледелец [путем такого обмена] превратил свое зерно в постоянный капитал. Льновод [1111] продает часть своего прибавочного продукта прядильщику, который превращает его в постоянный капитал; на эти самые деньги льновод может купить орудия, а производитель орудий, в свою очередь, железо и т. д., — так что все эти элементы непосредственно становятся постоянным капиталом. Но оставим это в стороне.

Предположим, что фабрикант машин хочет превратить добавочный капитал размером в 1000 ф. ст. в элементы производства. В таком случае, он, правда, затратит часть этого добавочного капитала на заработную плату, — скажем, 200 ф. ст. Но на остающиеся 800 ф. ст. он покупает железо, уголь и т. д. Допустим, что это железо, уголь и т. д. должны быть еще произведены. Если у железопромышленника или углепромышленника нет к этому времени в наличии избыточного (накопленного) запаса их товаров, так же как нет добавочных машин и они их не могут прямо купить (ибо в этом случае опять имел бы место обмен постоянного капитала на постоянный капитал), то железопромышленник и углепромышленник смогут произвести добавочное количество железа и угля для фабриканта машин только тем путем, что они заставят работать дольше свои старые машины. Тогда эти машины скорее подлежали бы возмещению, но часть их стоимости вошла бы в новый продукт. Однако оставим и это в стороне. Железопромышленнику во всяком случае требуется больше угля; следовательно, здесь он должен по крайней мере часть того, что приходится на его долю из 800 ф. ст., превратить непосредственно в постоянный капитал. Но оба они, углепромышленник и железопромышленник, продают свой уголь и свое железо так, что в них содержится неоплаченный, прибавочный труд. И если он составляет одну четверть, то из 800 ф. ст. уже 200 ф. ст. не сводятся к заработной плате, не говоря уже о той части стоимости их продуктов, которая сводится к износу старых машин.

Прибавочный продукт всегда состоит из тех предметов в их натуральной форме, которые производит отдельный капитал, — из угля, железа и т. д. Если продуктами обмениваются такие производители, продукты которых обоюдно служат друг для друга элементами производства, то часть прибавочного продукта прямо превращается в постоянный капитал. А та часть, которая обменивается на продукты, производимые производителями жизненных средств, и которая возмещает их постоянный

капитал, создает необходимый переменный капитал. Производители таких жизненных средств, которые уже не могут в качестве элементов входить в производство этих жизненных средств (кроме как в качестве переменного капитала), получают добавочный постоянный капитал как раз посредством того же самого процесса, посредством которого другие производители получают добавочный переменный капитал.

В той мере, в какой воспроизводство является накоплением, оно отличается от простого воспроизводства следующими особенностями.

Во-первых. Накопленные элементы производства — как та их часть, которая относится к переменному капиталу, так и та, которая относится к постоянному капиталу, — состоят из вновь присоединенного труда; они не превращаются целиком в доходы, хотя и проистекают из прибыли; прибыль, или прибавочный труд, превращается во все эти элементы производства. Между тем, при простом воспроизводстве часть продукта представляет прошлый труд (т. е. в данном случае труд, выполненный не в текущем году).

Во-вторых. Само собой разумеется, если в определенных отраслях производства удлиняется рабочее время, т. е. если там никаких добавочных орудий или машин не применяется, то новый продукт отчасти оплачивает более быстрый износ старых орудий или машин, и это ускоренное потребление старого постоянного капитала тоже есть момент накопления.

В-третьих. Благодаря добавочному денежному капиталу, который образуется в процессе [расширенного] воспроизводства, — отчасти в результате высвобождения капитала, отчасти в результате превращения части продукта в деньги, отчасти просто в результате того, что производитель, выручив деньги [за свой добавочный товар], уменьшает тем самым спрос на товары других, например на товары продавца предметов роскоши, — нет никакой необходимости, как при простом воспроизводстве, в систематическом возмещении элементов производства.

На избыточные деньги каждый может покупать продукты или распоряжаться продуктами, даже если тот производитель, у которого он их покупает, не тратит своего дохода на продукт первого и не возмещает этим продуктом своего капитала.} {Всякий раз, когда тот или иной добавочный капитал (переменный или постоянный) не дополняется соответствующим капиталом на другой стороне, он должен на одной стороне осесть как денежный капитал, хотя бы этот денежный капитал существовал только в форме долговых требований.}

[5) ЭЛЕМЕНТЫ СИСМОНДИЗМА У ШЕРБЮЛЬЕ. К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЧЕСКОМ СТРОЕНИИ КАПИТАЛА. АБСОЛЮТНОЕ УМЕНЬШЕНИЕ ПЕРЕМЕННОГО КАПИТАЛА В БОЛЕЕ РАЗВИТЫХ ОТРАСЛЯХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА. ИЗМЕНЕНИЯ СТОИМОСТНЫХ СООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПОСТОЯННЫМ И ПЕРЕМЕННЫМ КАПИТАЛОМ ПРИ ОСТАЮЩЕМСЯ НЕИЗМЕННЫМ ОРГАНИЧЕСКОМ СТРОЕНИИ КАПИТАЛА. ОРГАНИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ КАПИТАЛА И РАЗЛИЧНЫЕ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ОСНОВНЫМ И ОБОРОТНЫМ КАПИТАЛОМ. РАЗЛИЧИЯ В ОБОРОТЕ КАПИТАЛА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРИБЫЛЬ]

В остальном взгляды Шербюлье представляют собой удивительное сочетание взаимоисключающих концепций Сисмонди и Рикардо. [1111]

[1112] *В духе Сисмонди* следующие места:

«Предположение о *неизменном соотношении* между различными элементами капитала не осуществляется ни на одной ступени экономического развития общества. Соотношение между ними существенным образом *изменчиво,* и притом по двум причинам: 1) разделение труда и 2) замена человеческой силы силами природы. Обе эти причины имеют тенденцию уменьшать *отношение* фонда жизненных средств к двум другим элементам капитала» (стр. 61—62).

«При таком положении вещей *увеличение производительного капитала* не обязательно влечет за собой увеличение фонда жизненных средств, предназначенного образовать цену труда; оно может, по крайней мере временно, сопровождаться абсолютным уменьшением этого элемента капитала и, следовательно, *понижением цены труда»* (стр. 63).

{Это, в духе Сисмонди, [истолковывается как] влияние [уменьшения фонда жизненных средств] на *высоту заработной платы* — единственная исходная точка зрения Шербюлье. Это совершенно отпадает в таком исследовании, которое исходит из предпосылки, что труд оплачивается по его стоимости, и при котором колебания *рыночной цены* труда выше или ниже этого пункта (выше или ниже стоимости труда) не принимаются во внимание.}

«Производитель, желающий ввести в своем предприятии новое разделение труда или использовать природный источник двигательной силы, не станет ждать, пока он накопит достаточно капитала, чтобы и в этих условиях применить *всех* тех рабочих, в которых он нуждался прежде. В случае разделения труда он удовлетворится, быть может, пятью рабочими, чтобы произвести то, что он раньше производил с десятью; в случае применения природного источника двигательной силы он применит, быть может, только одну машину и двух рабочих. Фонд жизненных средств [ранее составлявший 3000] уменьшится вследствие этого в первом случае

до 1500, а во втором до 600. Но так как наличное число рабочих остается без изменения, то *их конкуренция* скоро приведет к падению пены труда ниже ее первоначального уровня. Таков один из самых поразительных результатов *закона присвоения.* Абсолютное увеличение богатства, т. е. продуктов труда, не вызывает соответствующего увеличения фонда жизненных средств рабочих и может даже вызвать уменьшение этого фонда, уменьшение той доли, которая достается рабочим из всех видов продуктов» (стр. 63—64). «Причинами, определяющими *цену труда»* (здесь речь все время идет только о *рыночной цене* труда), -«являются абсолютное количество производительного капитала и соотношение между различными элементами капитала — два социальных факта, на которые воля рабочего не может оказывать никакого влияния» (стр. 64). «Шансы рабочего почти всегда неблагоприятны» (там же).

Соотношение между различными элементами производительного капитала определяется двояким образом.

Во-первых, речь идет здесь об органическом строении производительного капитала. Мы подразумеваем под этим технологическое строение. При *данной производительной силе* труда, — которую можно принять постоянной, пока не произойдет какого-нибудь изменения, — в каждой сфере производства определенную величину образует то количество сырья и средств труда, т. е. то количество постоянного капитала, в его *вещественных элементах,* которое приходится на определенное *количество живого труда* (оплаченного и неоплаченного), т. е. на определенное количество *вещественных элементов переменного* капитала.

Если овеществленный труд невелик по сравнению с применяемым живым трудом, то доля продукта, представляющая живой труд, велика, как бы ни делилась эта часть продукта между капиталистом и рабочим. И наоборот. Поэтому и прибавочный труд, при данной норме эксплуатации труда, в одном случае велик, в другом мал. Изменения могут произойти здесь только вследствие такого изменения в способе производства, которое изменяет технологическое соотношение обеих частей капитала. Даже в этом случае абсолютное количество применяемого живого труда может, при различной *величине* капиталов, быть равным или даже бо́льшим у капитала, применяющего больше постоянного капитала. Но *относительно* оно должно быть меньшим. Для капиталов одной и той же величины, или при расчете на определенную соответственную часть совокупного капитала, например на 100, оно должно быть абсолютно и относительно меньшим. Все изменения, являющиеся следствием развития (а не падения) производительной силы труда, уменьшают ту часть продукта, в которой представлен живой труд, уменьшают переменный капитал. Так как заработная плата повсюду предполагается одинаковой, то мы можем ска-

зать, рассматривая капиталы [1113] в различных отраслях производства, что указанные изменения абсолютно уменьшают *переменный* капитал в тех отраслях, которые стоят на более высокой ступени развития производства.

Это — о тех изменениях, которые проистекают из изменения в способе производства.

А во-вторых, если органическое строение капиталов и различие между ними, проистекающее из различия их органического строения, предполагать данными, то *стоимостное соотношение* [между постоянным и переменным капиталом] может изменяться несмотря на то, что технологическое строение остается тем же. Здесь может иметь место следующее: *а)* изменение в стоимости постоянного капитала, *b)* изменение в стоимости переменного капитала, *с) изменение и того и другого,* в одинаковых или неодинаковых соотношениях.

а) Если технологическое строение остается тем же и имеет место изменение в стоимости постоянного капитала, то эта стоимость или уменьшается, или увеличивается. Если она уменьшается и применяется только прежнее количество живого труда, т. е. если *ступень,* или *масштаб, производства* остается без изменения, если, следовательно, применяется, например, по-прежнему 100 рабочих, то вещественно требуется по-прежнему то же самое количество сырья и средств труда. Но отношение прибавочного труда ко всему авансированному капиталу будет большим, чем прежде. Норма прибыли повышается. В обратном случае она падает. В первом случае для капиталов, уже применявшихся в данной сфере производства (а не для тех, которые вновь вложены в нее после того, как имело место изменение стоимости элементов постоянного капитала), общая сумма применяемого капитала уменьшается, или некоторая часть этого капитала высвобождается, хотя производство продолжается в том же масштабе; или же высвободившийся таким путем капитал дополнительно вкладывается в производство и действует как накопление капитала. Масштаб производства увеличивается, и пропорционально этому возрастает абсолютное количество прибавочного труда. При данном *способе производства* всякое накопление капитала, какова бы ни была норма прибавочной стоимости, ведет к увеличению общего количества прибавочной стоимости.

Наоборот, если стоимость элементов постоянного капитала повышается, то *или масштаб производства* (следовательно, масса всего авансированного капитала) должен увеличиться, чтобы можно было применять *то же количество* труда (тот же переменный капитал, не изменившийся в своей стоимости), что

и прежде, и тогда, хотя абсолютная величина прибавочной стоимости и ее норма остаются неизменными, отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу уменьшается, и, следовательно, норма прибыли падает. *Или же* масштаб производства и общая сумма авансированного капитала не увеличиваются. В этом случае при всех обстоятельствах переменный капитал должен уменьшиться.

Если на [вздорожавший] постоянный капитал затрачивается та же сумма, что и прежде, то она представляет меньшее количество его вещественных элементов, а так как *технологическое соотношение* осталось прежним, то приходится применять меньше труда. Весь авансированный капитал тогда уменьшается на величину высвободившегося труда; общая стоимость авансированного капитала уменьшается, но в этом уменьшившемся капитале постоянный капитал составляет (с точки зрения стоимости) большую долю, чем прежде. Прибавочная стоимость уменьшилась абсолютно, потому что применяется меньше труда, и отношение остающейся прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу уменьшилось, потому что переменный капитал уменьшился по сравнению с постоянным капиталом.

С другой стороны, если совокупный капитал применяется в прежних размерах, то, — поскольку меньшая стоимость переменного капитала (представляющая уменьшившееся количество всего применяемого живого труда) поглощается большей стоимостью постоянного капитала (первая уменьшается в той же пропорции, в какой увеличивается вторая), — абсолютное количество прибавочной стоимости уменьшается, так как применяется меньше труда, и в то же время уменьшается отношение этой прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу. Таким образом, норма прибыли падает здесь вследствие двух причин: уменьшения количества прибавочного труда и уменьшения того отношения, в каком этот прибавочный труд находится ко всему авансированному капиталу.

В первом случае (при понижающейся стоимости элементов постоянного капитала), где *норма прибыли* при всех обстоятельствах *повышается,* для увеличения *суммы прибыли* необходимо расширение *масштаба производства.* Предположим, что капитал равен 600, из которых половина — постоянный капитал, половина — переменный. Если бы постоянная часть уменьшилась по своей стоимости наполовину, то было бы по-прежнему 300 переменного капитала, но только 150 постоянного. Совокупный примененный капитал составлял бы только 450, а 150 высвободилось бы. Если бы эти 150 единиц были обратно присоединены к капиталу, то из них 100 были бы теперь затрачены

как переменный [1114] капитал. Здесь, следовательно, если в производстве продолжает применяться тот же капитал, что и прежде, расширяется *масштаб производства* и увеличивается масса применяемого труда.

В обратном случае (при повышающейся стоимости элементов постоянного капитала), где *норма прибыли* при всех обстоятельствах падает, для того чтобы сумма прибыли *не уменьшилась* и *масса* применяемого труда (следовательно, и масса прибавочной стоимости) осталась *неизменной,* необходимо расширение *масштаба производства,* т. е. увеличение авансированного капитала. Если же этого не происходит, если авансируется лишь столько же капитала, сколько авансировалось раньше, или даже меньше прежнего, то уменьшается не только норма прибыли, но и масса прибыли.

В обоих случаях остается без изменения норма прибавочной стоимости, которая при изменении в *технологическом* строении капитала, наоборот, изменяется: растет, когда постоянный капитал увеличивается (потому что труд тогда более производителен), и падает, когда он уменьшается (потому что труд тогда менее производителен).

b) Если изменение в стоимости переменного капитала происходит независимо от *органического строения,* то это возможно только потому, что упали или поднялись в цене жизненные средства, которые производятся не в этой сфере производства, а извне входят в нее в качестве товаров.

Если *стоимость переменного* капитала падает, то он представляет по-прежнему то же количество живого труда, только стоит это количество живого труда теперь меньше. Следовательно, если *масштаб производства* остается прежним (так как стоимость постоянного капитала не изменилась), то уменьшается та часть совокупного капитала, которая авансировалась на покупку труда. Теперь надо затратить меньше капитала, чтобы оплатить то же количество рабочих. Таким образом, здесь при *остающемся неизменным масштабе производства* уменьшается сумма затрачиваемого капитала. Норма прибыли повышается, и это происходит по двоякого рода причинам. *Увеличилась прибавочная стоимость;* отношение живого труда к овеществленному осталось прежним, но большая прибавочная стоимость приходится на меньший совокупный капитал. Если же высвободившаяся часть присоединяется к капиталу, то это тождественно *накоплению.*

Если *стоимость переменного капитала* повышается, то для применения прежнего количества рабочих необходимо затратить больше совокупного капитала, потому что стоимость

постоянного капитала остается неизменной, а стоимость переменного повысилась. Масса применяемого труда остается прежней, по прибавочный труд составляет меньшую, чем прежде, часть всей массы применяемого труда, и эта меньшая, чем прежде, часть приходится на больший, чем прежде, капитал. Это в том случае, если *масштаб производства остается неизменным,* в то время как стоимость всего капитала повысилась. Если эта стоимость не повышается, то *масштаб производства* должен уменьшиться. Масса применяемого труда уменьшается, и меньшая, чем прежде, часть этой уменьшившейся массы представляет собой прибавочный труд, отношение которого ко всему авансированному капиталу в свою очередь уменьшается.

Органические изменения и те изменения, которые вызваны изменением стоимости, могут при известных обстоятельствах оказывать одинаковое воздействие на норму прибыли. Однако между ними имеется следующее различие: если изменения стоимости вызваны не просто колебаниями рыночных цен, т. е. если они не являются временными, то они всегда должны иметь своей причиной органическое изменение в тех сферах, которые доставляют рассматриваемой нами сфере элементы постоянного или переменного капитала.

c) Третий случай здесь не подлежит дальнейшему рассмотрению.

При равновеликих капиталах в *различных сферах производства* — или при расчете на равную долю совокупного капитала, например на каждые 100 — *органическое строение* может быть *одинаковым,* хотя *стоимостное соотношение* постоянного и переменного капитала будет *различным* соответственно различной стоимости применяемой массы вспомогательных материалов и сырья. Например, медь вместо железа, железо вместо свинца, шерсть вместо хлопка и т. д.

С другой стороны, когда *стоимостное соотношение* одинаково, может ли быть различным органическое строение?

При одинаковом органическом строении [двух капиталов в различных сферах производства] относительные массы постоянного капитала и живого труда, приходящиеся на каждые 100 единиц капитала, *одинаковы* — количественные соотношения между ними одни и те же. Возможно, что стоимость постоянного капитала будет одинаковой, хотя приводимые в движение относительные массы труда различны. Если машины или сырье в одном случае дороже, чем в другом (или наоборот), то для них может потребоваться, например, меньше труда, но тогда и стоимость переменного капитала будет относительно меньше (или наоборот).

[1115] Возьмем капиталы *A* и 5, Пусть c' и v' будут составными частями капитала *A* (по стоимости), а c и v — составными частями капитала *B* (по стоимости). Если $c' : v' = c : v$, то $c'v = v'c$. Следовательно, и $^{c'}/_{c} = {}^{v'}/_{v}$.

При равенстве *стоимостных соотношений* между постоянным и переменным капиталом возможно только следующее. Если в одной сфере *выполняется больше прибавочного труда,* чем в другой {например, ночной труд невозможен в земледелии, и хотя отдельного сельскохозяйственного рабочего можно принудить к чрезмерному труду, но совокупное количество труда, могущее применяться при данной величине участка земли и т. д., ограничено тем предметом (зерном), который надо произвести, между тем как при данной величине фабрики масса производимых продуктов зависит (δυναμει*) от количества часов, в течение которых ведется работа, — т. е. различием в способе производства обусловлено то, что в одной сфере, при данном масштабе производства, может применяться больше прибавочного труда, чем в другой}, то стоимостное соотношение между постоянным и переменным капиталом может быть одинаковым, но тем не менее отношение массы применяемого труда к совокупному капиталу будет различным.

Или же предположим, что материал и труд (в силу его принадлежности к труду более высокого *рода)* дороже в одинаковом отношении. В этом случае капиталист *A* применяет 5 рабочих там, где капиталист *B* применяет 25, и эти 5 рабочих стоят 100 ф. ст., как и те 25, так как их труд дороже (следовательно, и их прибавочный труд стоит дороже). Вместе с тем эти 5 рабочих перерабатывают 100 фунтов сырья *y* стоимостью в 500 ф. ст., а рабочие капиталиста *B* перерабатывают 1000 фунтов сырья *x* стоимостью в 500 ф. ст., потому что у капиталиста *A* дороже материал и менее развита производительная сила труда. Здесь в обоих случаях *стоимостное отношение* переменного капитала к постоянному будет 100 ф. ст. к 500 ф. ст., но *органическое строение* капиталов *A* и *B* различно.

Стоимостное соотношение одно и то же: стоимость постоянного капитала у капиталиста *A* равна стоимости постоянного капитала у капиталиста *B,* и *A* расходует на заработную плату столько же капитала, сколько и *B.* Но масса его продукта меньше. Хотя абсолютно ему требуется такая же масса труда, что и капиталисту *B,* но относительно ему требуется больше, так как его постоянный капитал дороже. За одно и то же время *A*

* — потенциально. *Ред.*

перерабатывает меньше сырья и т. д., но это меньшее количество стоит столько же, сколько большее количество сырья *у В. В* этом случае *стоимостное соотношение* одно и то же, органическое строение — различно. В другом случае это, при одинаковом стоимостном соотношении, возможно только тогда, когда различно количество прибавочного труда или различны стоимости различных видов труда.

Понятие органического строения капитала можно сформулировать так: это есть различное соотношение, в каком в различных сферах производства нужно затратить постоянный капитал, чтобы поглотить одну и ту же массу труда. *Соединение одной и той же массы труда* с предметом труда требует больше в одном случае, чем в другом, либо и сырья и машинного оборудования, либо только одного из них.

{При весьма различных соотношениях между основным и оборотным капиталом соотношение между *постоянным и переменным* капиталом может быть *одинаковым,* а потому может быть одинаковой и прибавочная стоимость, хотя производимые в течение года *стоимости* должны быть различны. Предположим, что в угольной промышленности, где не применяется никакого сырья (оставляя в стороне вспомогательные материалы), основной капитал составляет половину всего капитала, переменный — другую половину. Предположим, что в швейной промышленности основной капитал равен нулю (как и в предыдущем случае, мы оставляем в стороне вспомогательные материалы), но сырье равно половине и переменный капитал, как и в первом случае, тоже равен половине всего капитала. Тогда оба капитала (при одинаковой эксплуатации труда) будут реализовать одинаковую *прибавочную стоимость,* так как по отношению к капиталу, на каждые 100 единиц капитала, они применяют одинаковую массу труда. Но предположим, что основной капитал в угольной промышленности оборачивается один раз в 10 лет, между тем как в обоих случаях нет никакого различия в обороте оборотного капитала. Если прибавочная стоимость равна 50, то вся стоимость, произведенная в предприятии швейной промышленности к концу года (предполагается, что переменный капитал в обоих случаях оборачивается один раз в год), будет равна 150. Напротив, стоимость, произведенная к концу первого года углепромышленником, равна 105 (а именно, 5 приходится на основной капитал, 50 на переменный, 50 на прибавочный труд). Вся стоимость его продукта плюс основной капитал составляет 150 (а именно, продукт равен 105, а остающийся основной капитал равен 45), как у капиталиста в швейной промышленности. Производство различных величин стоимости не исклю-

чает, следовательно, производства *одинаковых* прибавочных стоимостей.

Во втором году основной капитал углепромышленника был бы равен 45, переменный капитал составлял бы 50, прибавочная стоимость равнялась бы 50. Следовательно, авансированный капитал был бы равен 95, а прибыль равнялась бы 50. Норма прибыли *повысилась бы,* так как стоимость основного [1116] капитала уменьшилась бы вследствие износа одной десятой части его в первом году. Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что у всех капиталов, где применяется много основного капитала, — при неизменном масштабе производства — норма прибыли должна *повышаться* в той мере, в какой ежегодно падает стоимость машин, основного капитала, вследствие уже возмещенного износа. Если углепромышленник в течение десяти лет продает свой продукт всегда по одной и той же цене, то он во втором году должен получить более высокую норму прибыли, чем в первом, и т. д. Или же надо было бы предположить, что работы по ремонту и т. д. находятся в прямом отношении к износу, так что общая сумма той части капитала, которая ежегодно авансируется под рубрикой основного капитала, остается неизменной. Указанная сверхприбыль могла бы компенсироваться также и тем, что с течением времени стоимость основного капитала падает и независимо от износа, поскольку старым машинам приходится конкурировать с более совершенными, позднее изобретенными новыми машинами. Но, с другой стороны, эта повышающаяся норма прибыли, которая естественно порождается износом, уменьшением стоимости основного капитала, позволяет старым машинам конкурировать с более совершенными новыми машинами, у которых еще приходится принимать в расчет их полную стоимость. Наконец, если бы углепромышленник продавал [в конце второго года] дешевле, исходя из такого расчета: 50 на 100 авансированного капитала составляли 50% прибыли, 50% на 95 дают $47^1/_2$, — т. е. если бы он продавал то же количество продукта [не за 105, а] за $102^1/_2$, то он продавал бы дешевле, чем тот, чьи машины находятся, например, еще только первый год в работе. Большие вложения основного капитала предполагают владение крупным капиталом. А так как эти владельцы крупного капитала господствуют на рынке, то кажется, что добавочную прибыль (ренту) они получают лишь по указанной причине. В земледелии эта рента получается потому, что работают на относительно более плодородной земле, а здесь потому, что работают с помощью относительно более дешевых машин.}

{Многое из того, что приписывают соотношению между основным и оборотным капиталом, относится в действительности к различию между переменным и постоянным капиталом. Во-первых, соотношение между постоянным и переменным капиталом [в тех или других отраслях производства] может быть одинаковым несмотря на то, что соотношение между основным и оборотным капиталом будет различным. А во-вторых, когда мы говорим о постоянном и переменном капитале, то речь идет о первичном разделении капитала на живой труд и *овеществленный,* а *не* о модификациях этого соотношения в результате процесса обращения или в результате влияния процесса обращения на воспроизводство.

С самого начала ясно, что различие между основным и оборотным капиталом лишь постольку может влиять на прибавочную стоимость (оставляя в стороне те различия в массе применяемого живого труда, которые связаны с соотношением между переменным и постоянным капиталом), поскольку оно влияет на *оборот* совокупного капитала. Стало быть, надо исследовать, как *оборот* капитала влияет на прибавочную стоимость. С этим, очевидно, тесно связаны два обстоятельства: 1) прибавочная стоимость не может так быстро (так часто) накопляться, превращаясь обратно в капитал; 2) *авансируемый капитал* должен расти, как для того, чтобы приводить в действие то же количество рабочих и т. д., так и вследствие удлинения срока тех авансов, которые капиталист вынужден предоставлять самому себе на свое собственное потребление. Эти обстоятельства важны при рассмотрении *прибыли.* Здесь же следует прежде всего рассмотреть лишь вопрос о том, как они влияют на прибавочную стоимость. И оба эти обстоятельства нужно всегда четко разграничивать.}

{Все, что увеличивает *авансы,* не увеличивая соответственно прибавочной стоимости, уменьшает норму прибыли, даже если прибавочная стоимость остается прежней; все, что уменьшает авансы, оказывает противоположное действие. Следовательно, поскольку величина основного капитала по отношению к оборотному капиталу — или различный оборот капитала — влияет на величину авансов, постольку она влияет на норму прибыли, даже если это никак не затрагивает прибавочную стоимость.}

{Норма прибыли есть не просто прибавочная стоимость, исчисляемая на авансированный капитал, а масса прибавочной стоимости, реализованной в течение данного периода, т. е. в определенный отрезок времени обращения. Следовательно, поскольку различие основного и оборотного капитала влияет на

массу прибавочной стоимости, реализуемой определенным капиталом *в течение данного периода,* постольку оно влияет на норму прибыли. Сюда входят два момента: различие в величине *авансов* (по отношению к реализованной прибавочной стоимости) и, во-вторых, различие в *продолжительности того времени,* на которое нужно производить эти авансы, прежде чем они возвратятся с той или иной прибавочной стоимостью.}

[1117] {На время воспроизводства, или, точнее, на число циклов воспроизводства, совершающихся в определенный промежуток времени, существенное влияние оказывают два обстоятельства:

1) *Более продолжительное нахождение продукта в сфере собственно производства.*

Во-первых, возможно, что один продукт для своего производства требует больше времени, чем другой, будь то более продолжительный отрезок одного года, или целый год, или больше чем один год. (Последнее, например, в строительстве, в скотоводстве и в производстве некоторых предметов роскоши.) В этом случае, в зависимости от строения производительного капитала, от его деления на постоянный и переменный капитал, продукт непрерывно поглощает труд, часто (например, в производстве предметов роскоши, в строительстве) очень много труда по отношению к постоянному капиталу. Следовательно, по мере того как удлиняется время производства продукта, но такого производства, которое является вместе с тем и равномерным продолжением процесса труда, имеет место продолжающееся поглощение труда и прибавочного труда. Например, в скотоводстве или в строительстве, если последнее требует, скажем, больше одного года. Продукт может поступить в обращение, т. е. быть проданным, брошенным на рынок, только тогда, когда он готов. Прибавочный труд первого года вместе с остальным трудом объективирован в незакопченном продукте первого года. Он не меньше и не больше, чем в других отраслях производства, где господствует такое же соотношение между постоянным и переменным капиталом. Но стоимость этого продукта не может быть *реализована,* в смысле превращения ее в деньги, а следовательно, не может быть реализована и прибавочная стоимость. Поэтому эта прибавочная стоимость не может ни накопляться в качестве капитала, ни использоваться для потребления. И авансированный капитал, и прибавочная стоимость служат, так сказать, фундаментом для дальнейшего производства. Они являются его предпосылкой и входят тем или иным способом как полуфабрикаты, как своего рода сырье, в производство второго года.

Предположим, что авансированный капитал равен 500, труд равен 100, прибавочная стоимость равна 50, так что авансированный во втором году на производство капитал равен 550 плюс те 500, которые авансируются дополнительно во втором году. Прибавочная стоимость опять равна 50. Таким образом, к концу второго года стоимость продукта равняется 1100 ф. ст., из которых 100 — прибавочная стоимость. В этом случае прибавочная стоимость такая же, как если бы капитал целиком был воспроизведен в первом году, а во втором году снова было вложено 500 ф. ст. И в первом, и во втором году переменный капитал равен 100, а прибавочная стоимость равна 50. Но *норма прибыли* различна. В первом году она составляет $^{50}/_{500}$, т. е. 10%. А во втором году авансировано 550 + 500 = 1050, и одна десятая от этой суммы равняется 105. Если, следовательно, принять норму прибыли одинаковой, то стоимость продукта составит: в первом году 550, во втором году 550 + 500 + 55 + 50 = 1155. И стоимость продукта в конце второго года равняется 1155. В ином случае она составила бы только 1100. Прибыль здесь больше, чем созданная прибавочная стоимость, составляющая только 100. Если включить в счет еще и издержки капиталиста на его собственное потребление, которые он должен себе авансировать в течение двух лет, то затраченный капитал будет еще больше по отношению к прибавочной стоимости. Правда, зато и *вся* прибавочная стоимость первого года превращается в капитал во втором году. Далее, затраченный на заработную плату капитал увеличился, так как авансированные в первом году 100 ф. ст. не воспроизводятся к концу первого года и поэтому во втором году приходится авансировать 200 ф. ст. на тот же самый труд, на который в ином случае достаточно было бы 100 ф. ст., воспроизводящихся в первом году.

Во-вторых, возможно, что, после того как процесс труда закончился, продукт должен еще оставаться в сфере производства, чтобы подвергнуться воздействию естественных процессов, не требующих никакого труда или требующих относительно лишь совсем незначительного труда, — например, вино в погребе. И только по истечении этого срока капитал может быть воспроизведен. Очевидно, что здесь, каково бы ни было соотношение переменного и постоянного капитала, получается то же самое, как если бы было затрачено больше постоянного и меньше переменного капитала. Меньшую величину составляет прибавочный труд, как и вообще труд, применяемый здесь в течение определенного периода. Если *норма прибыли* одинакова, то это объясняется ее выравниванием, а не произведенной в данной

сфере прибавочной стоимостью. Чтобы поддерживать процесс воспроизводства — непрерывность производства, — необходимо предварительно авансировать больше капитала. И опять-таки по этой причине здесь уменьшается *отношение* прибавочной стоимости к авансированному капиталу.

В-третьих, возможны *перерывы в процессе труда* во время нахождения продукта в процессе производства, как это происходит, например, в земледелии, а также в таких процессах, как дубление кож и т. д., где химические процессы создают перерыв в процессе труда, прежде чем продукт может перейти из одной фазы производства в следующую, более высокую. Если в такого рода случаях благодаря открытиям в области химии сокращается продолжительность этого перерыва, то производительность труда повышается, прибавочная стоимость увеличивается, а овеществленный труд авансируется процессу производства на более короткое время. Во всех тех случаях, где происходят перерывы в процессе труда, прибавочная стоимость меньше, авансированный капитал больше.

2) То же самое имеет место и тогда, когда тот или иной оборотный капитал, вследствие отдаленности рынка, оборачивается медленнее, чем оборотный капитал в среднем. Также и в этом случае авансированный капитал больше, прибавочная стоимость меньше, и меньше то *отношение,* в котором она находится к авансированному капиталу.} {В последнем случае капитал дольше задерживается в сфере обращения, в вышеуказанных случаях — в сфере производства.}

[1118] {Предположим, что в какой-нибудь отрасли транспортной промышленности авансированный капитал равен 1000, основной капитал равен 500 и изнашивается в пять лет, переменный капитал равен 500 и оборачивается четыре раза в год. Тогда стоимость годового продукта составит 100 + 2000 + 100 (если [годовая] норма прибавочной стоимости равна 20%), всего — 2200. С другой стороны, предположим, что в какой-нибудь отрасли швейной промышленности постоянный оборотный капитал равен 500 (основной равен 0), переменный равен 500, прибавочная стоимость равна 100. Оборачивается он, положим, четыре раза в год. Тогда стоимость годового продукта составит 4 (500 + 500) + 100 = 4100. Прибавочная стоимость в обоих случаях одинакова. Последний капитал весь оборачивается четыре раза в год, или раз в четверть года. Из первого капитала в течение года оборачиваются 600 [из которых 500 оборачиваются четыре раза в год]. Следовательно, в четверть года оборачивается 500 + $^{100}/_{4}$, т. е. 525. Следовательно, 175

в один месяц, 350 в 2 месяца, и 1400 в 8 месяцев. Всему капиталу (1000) для полного оборота требуется $5^5/_7$ месяца. В один год оборачивается только $2^1/_{10}$ его.

Нам могут сказать, что первый капитал, чтобы получить прибыль в 10%, накидывает в четверть года на стоимость в 1000 меньше, чем второй. Но здесь дело не в накидывании. Первый капиталист получает больше прибавочной стоимости [чем второй] на свой потребленный капитал, но не на свой примененный капитал. Различие проистекает здесь из {относительной величины] прибавочной стоимости, а не из накидывания прибыли. В основе различия здесь лежит стоимость, а не прибавочная стоимость. В обоих капиталах переменный капитал 500 оборачивается четыре раза в год. Оба они получают в год прибавочную стоимость, равную 100, и [годовая] норма прибавочной стоимости у обоих равна 20%. Но в четверть года прибавочная стоимость составляет 25 ф. ст., — значит, более высокий процент? 25 на 500 в каждую четверть года составляет 5% в четверть года и, стало быть, 20% в год.

У первого капиталиста половина его капитала оборачивается четыре раза в год, а из другой половины в год оборачивается только одна пятая часть. Половина четыре раза равна целому *два раза.* Следовательно, его капитал оборачивается в год $2^1/_{10}$ раза. У второго капиталиста весь капитал оборачивается четыре раза в год. Но это абсолютно ничего не меняет в прибавочной стоимости. Если владелец второго капитала непрерывно продолжает процесс воспроизводства, то он должен постоянно превращать 500 в сырье и т. д. и у него всегда имеется только 500 на оплату труда, между тем как у первого капиталиста тоже есть 500 на оплату труда, а остальными 500 он раз навсегда (т. е. на 5 лет) владеет в такой форме, в которую ему не нужно превращать их всё снова и снова. Но это [равенство прибавочных стоимостей] имеет место только в том случае, если несмотря на различие в величине основного и оборотного капитала соотношение между переменным и постоянным капиталом [у обоих капиталов] одинаково.

Если у обоих капиталов половина представляет собой постоянный капитал, половина — переменный, то [у первого капитала] половина может представлять собой основной капитал только в том случае, если оборотный постоянный капитал равен пулю, а [у второго капитала] половина может представлять собой оборотный постоянный капитал только в том случае, если основной капитал равен нулю. Следует заметить, что хотя оборотный постоянный капитал может быть равен нулю, как, скажем, в добывающей промышленности и в транспортной промышлен-

ности, где всё же вспомогательные материалы вместо сырья образуют оборотный постоянный капитал, но основной капитал (кроме как у банкиров и т. д.) никогда не равняется нулю. Однако дело не меняется, если постоянный капитал в обоих случаях находится в одном и том же отношении к переменному капиталу, хотя бы он в одном случае содержал больше основного и меньше оборотного постоянного капитала, а в другом случае, наоборот, меньше основного и больше оборотного постоянного капитала. Здесь имеет место только различие во времени воспроизводства одной половины капитала и во времени воспроизводства совокупного капитала. Один капиталист должен авансировать 500 ф. ст. на 5 лет, прежде чем они вернутся к нему, другой — на четверть года или на год. Возможность распоряжения капиталом различна. Различны не авансы, а время, на которое они авансируются. Это различие нас здесь не интересует. Прибавочная стоимость и прибыль, если рассматривать весь авансированный капитал, здесь одинаковые: 100 ф. ст. в первый год на авансированные 1000 ф. ст. Во втором году более высокая норма прибыли окажется скорее на стороне основного капитала, потому что переменный капитал остался прежним, а стоимость основного капитала уменьшилась. Первый капиталист авансирует во втором году только 400 основного капитала и 500 переменного и по-прежнему получает 100 ф. ст. прибыли. Но 100 на 900 составляет $11^{1}/_{9}$%, между тем как второй капиталист, продолжая воспроизводство, по-прежнему авансирует 1000 и получает 100 ф. ст. прибыли, что составляет 10%.

Дело, конечно, меняется, если вместе с основным капиталом возрастает по отношению к переменному капиталу постоянный капитал в целом, или если вообще для приведения в движение того же количества труда приходится авансировать больше капитала. В вышеприведенном примере вопрос состоит не в том, как часто оборачивается совокупный капитал или насколько велик аванс, а в том, как часто оборачивается та часть капитала, которой достаточно для приведения в движение такой же массы производительного труда, что и в другом случае, чтобы возобновить процесс производства. Но если бы в вышеприведенном примере основной капитал был равен [не 500, а] 1000, а оборотный [по-прежнему] равнялся бы только 500, то дело изменилось бы. Однако это изменение произошло бы не потому, что речь идет об основном капитале. Ведь если бы оборотный постоянный капитал во втором случае (например, вследствие дороговизны материала) стоил 1000 [вместо 500], то дело изменилось бы точно таким же образом. Так как в первых

случаях [обоих примеров] чем больше основной капитал, тем больше относительная величина всего авансированного капитала по отношению к переменному капиталу, то это и порождает путаницу. Вообще же вся эта история относительно оборота капитала, собственно говоря, заимствована первоначально из области торгового капитала, где это обусловливается другими законами: в торговом капитале, как я показал[127], норма прибыли действительно определяется средним числом оборотов независимо от строения этого капитала, который, впрочем, состоит главным образом из оборотного капитала. Ибо прибыль торгового капитала определяется общей нормой прибыли.}

[1119] {Вся штука в следующем.

Предположим, что основной капитал равен *x.* Если он оборачивается лишь один раз в 15 лет, то в год оборачивается $^1/_{15}$ часть его, но тогда и возмещению подлежит ежегодно только $^1/_{15}$ часть этого капитала. Если бы он возмещался 15 раз в год, то дело от этого нисколько бы не изменилось. Масса его осталась бы прежней. Но продукт вследствие этого стал бы дороже. Конечно, возможность распоряжаться капиталом меньше, и риск обесценения больше, чем если бы то же количество капитала было авансировано в форме оборотного капитала. Но это нисколько не влияет на *прибавочную стоимость,* хотя это входит в исчисление *нормы прибыли* господами капиталистами, так как при исчислении износа этот риск обесценения включается в счет.

Что же касается другой части капитала, то предположим, что оборотная часть постоянного капитала (сырье и вспомогательные материалы) равна 25000 ф. ст. в год, а заработная плата равна 5000 ф. ст. Тогда, если бы этот капитал оборачивался только один раз в год, на весь год надо было бы авансировать 30000 ф. ст., и если прибавочная стоимость равна 100%, т. е. составляет 5000 ф. ст., то прибыль в конце года составила бы 5000 ф. ст. на 30000, т. е. $^1/_6$, или $16^2/_3$%.

Но если бы этот капитал оборачивался каждую пятую часть года, то нужен был бы только аванс капитала в 5000 ф. ст. на постоянный оборотный капитал и 1000 ф. ст. на заработную плату. Прибыль — 1000 ф. ст., а в $^5/_5$ года — 5000 ф. ст. Но эта прибавочная стоимость получается на капитал в 6000 ф. ст., так как больше этой суммы никогда и не авансируется. Прибыль была бы, следовательно, 5000 на 6000, или $^5/_6$, т. е. в 5 раз больше, чем в первом случае: $83^1/_3$% (мы отвлекаемся от основного капитала). Таким образом, здесь имеет место весьма значительное различие в норме прибыли, потому что в действительности труд на 5000 ф. ст. покупается капиталом в 1000 ф. ст.,

а сырье и т. д. на 25000 ф. ст. — капиталом в 5000 ф. ст. Если бы при этой различной норме оборота капиталы были одинаковы по своей величине, то в первом случае могло бы быть авансировано только 6 000 ф. ст. Или ежемесячно только 500 ф. ст., из которых $^{5}/_{6}$ состояли бы из постоянного капитала, а $^{1}/_{6}$ из переменного капитала. Эта $^{1}/_{6}$ равна $83^{1}/_{3}$ ф. ст., на которые 100% прибавочной стоимости дали бы $83^{1}/_{3}$ ф. ст., и это составило бы в год $(83 + {}^{1}/3)12 = {}^{12}/_{3}$ (или 4) + 996 = 1000. Но 1000 на 6000 составляет $16^{2}/_{3}$%.}

[6) ЭКЛЕКТИЧЕСКОЕ СОЕДИНЕНИЕ У ШЕРБЮЛЬЕ ВЗАИМОИСКЛЮЧАЮЩИХ КОНЦЕПЦИЙ РИКАРДО И СИСМОНДИ]

Вернемся к Шербюлье.

В духе Сисмонди следующее рассуждение:

«Экономический прогресс общества, поскольку он характеризуется абсолютным возрастанием производительного капитала и *изменением соотношения* между различными элементами этого капитала, предоставляет рабочим некоторые выгоды: 1) Повышение производительности труда, в особенности благодаря применению машин, вызывает столь быстрое возрастание производительного капитала, что несмотря на происшедшее изменение соотношения между *фондом жизненных средств* и остальными элементами капитала этот фонд тем не менее абсолютно возрастает, что позволяет не только применять прежнее число рабочих, но и дать работу еще и добавочному числу рабочих, так что результат прогресса, *если не считать некоторых временных перерывов,* сводится для рабочих к увеличению производительного капитала и к возрастанию спроса на труд. 2) Рост производительности капитала имеет тенденцию значительно понижать стоимость целого ряда продуктов и, следовательно, *делать их доступными для рабочего,* круг удовлетворяемых потребностей которого благодаря этому расширяется...

Однако:

1) Происходящее временами уменьшение фонда жизненных средств, образующих цену труда, даже если оно кратковременно и частично, приводит к весьма плачевным для рабочего результатам. 2) Обстоятельства, способствующие экономическому прогрессу данного общества, в значительной части случайны, они не зависят от воли производителей-капиталистов. Поэтому действие этих причин не является постоянным» и т. д. «3) Не столько *абсолютное* потребление рабочего, сколько его *относительное* потребление делает положение рабочего счастливым или несчастным. Какое значение имеет для рабочего, что он может добыть себе некоторые продукты, ранее недоступные людям его круга, если *количество тех продуктов, которые ему недоступны, возросло в еще большей пропорции, если расстояние, отделяющее его от капиталиста,* только увеличилось, если его социальное положение стало еще более низким и еще более неблагоприятным? За исключением предметов потребления, совершенно необходимых для поддержания сил, *ценность предметов нашего потребления весьма относительна.*

Забывают, что наемный рабочий — это мыслящий человек, одаренный теми же способностями, движимый теми же побуждениями, что и работник-капиталист» (стр. 65—67).

[1120] «Какие бы выгоды ни приносил наемным рабочим быстрый рост общественного богатства, *он не устраняет причину их нищеты...* Они остаются *лишенными всякого права на капитал, а следовательно, вынужденными продавать свой труд и отказываться от всяких притязаний на продукты этого труда»* (стр. 68). «В этом и состоит основной порок закона присвоения... *Зло коренится в этом полном отсутствии связующвго звена* между наемным рабочим и тем капиталом, который приводится в движение его трудом» (стр. 68—69).

Эта последняя фраза насчет *«связующего звена»* целиком в духе Сисмонди и вообще нелепа.

О *нормальном человеке, отождествляемом с капиталистом,* и т. д. — см. там же, стр. 74—76.

О *концентрации капиталов* и устранении мелких капиталистов — стр. 85—88.

«Если при современном положении вещей действительная прибыль получается от сбережений капиталистов, то [при иной системе распределения] она с таким же успехом могла бы получаться и от сбережений наемных рабочих» (стр. 88—89).

(С другой стороны,] *Шербюлье*

1) разделяет взгляд [Джемса] Милля, что все налоги следует взимать с земельной ренты[128] (стр. 128), но, так как невозможно «установить налог таким образом, чтобы он действительно взимался с ренты и затрагивал только ренту», так как трудно отличить прибыль от ренты, — это, мол, совершенно невозможно тогда, когда собственник земли сам ее обрабатывает, — то Шербюлье

2) идет дальше и приходит к правильному выводу из учения Рикардо:

«Почему не делают следующего шага и *не отменяют частную собственность на землю?»* (стр. 129). «Земельные собственники — это праздные люди, которые содержатся на общественный счет без какой бы то ни было пользы для производства и для общего благосостояния общества». «Землю делают производительной применяемые в земледелии капиталы. Земельный собственник ничем этому не содействует. Он существует только для того, чтобы получать ренту, которая не составляет части прибыли с его капиталов и не является ни продуктом труда, ни продуктом производительных сил земли, а есть результат той цены, до которой конкуренция между потребителями поднимает земледельческие продукты» и т. д. (стр. 129). «Так как отмена частной собственности на землю ничего не изменила бы в тех причинах, которые порождают ренту, то рента продолжала бы существовать; но ее взимало бы государство, которому принадлежала бы вся земля и которое сдавало бы в аренду участки, годные для обработки, частным лицам, обладающим достаточными капиталами для их эксплуатации» (стр. 130). Рента заменила бы все государственные доходы. «В результате всего этого освобожденная промышленность, избавленная от всех оков, получила бы неслыханное развитие» и т. д. (стр. 130).

Но как примирить этот рикардианский вывод с благочестивым пожеланием в духе Сисмонди: наложить «оковы» на капитал, на капиталистическое производство? Как примирить его с такими вот стенаниями:

«Капитал в конце концов станет повелителем мира, если какой-нибудь переворот не остановит того процесса развития, который совершает паше общество при [нынешнем] господстве закона присвоения» (стр. 152). «Повсюду капитал уничтожит все старые социальные различия, чтобы вместо них установить это простое деление людей на богатых и бедных: на богатых, которые наслаждаются и управляют, и на бедных, которые работают и повинуются» (стр. 153). «Всеобщее присвоение *производительных фондов и продуктов* во все времена низводило многочисленный класс пролетариев до состояния подчинения и политической неправоспособности; но это присвоение сочеталось некогда с системой ограничительных законов, которые, *сковывая развитие промышленности и накопление капиталов,* [1121] ставили преграды возрастанию класса обездоленных, ограничивали тесными рамками его гражданские свободы и этим путем всячески содействовали тому, чтобы обезвредить этот класс. Ныне капитал разорвал часть этих оков. Он готовится разорвать их все» (стр. 155—156).

«Деморализация пролетариев — таково второе последствие [нынешнего] распределения богатств»[129] (стр. 156).

[ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ] **РИЧАРД ДЖОНС**

1) *R. JONES.* AN ESSAY ON THE DISTRIBUTION OF WEALTH, AND ON THE SOURCES OF TAXATION. PART I: RENT. LONDON, 1831 [ЭЛЕМЕНТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ. ПРЕВОСХОДСТВО ДЖОНСА НАД РИКАРДО ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ ТЕОРИИ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ И ЕГО ОШИБКИ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ]

Отличительной чертой уже этого первого сочинения Джонса — о *ренте* — является то, чего недостает всем английским экономистам после сэра Джемса Стюарта, а именно: элементы понимания *исторического* различия способов производства. (Такому в общем и целом правильному различению исторических форм не противоречат очень существенные археологические, филологические и исторические ошибки, на которые указывалось Джонсу. См., например, «Edinburgh Review», том LIV, статья IV[130].)

У новейших экономистов, следующих за Рикардо, Джонс нашел определение ренты как *добавочной прибыли,* определение, исходящее из того, что фермер является капиталистом (или что землю эксплуатирует сельскохозяйственный капиталист), который ожидает средней прибыли от этого особого применения капитала, и предполагающее, что само земледелие подчинено капиталистическому способу производства. Короче говоря, земельная собственность рассматривается здесь лишь в той преобразованной форме, которую придал ей капитал как господствующее производственное отношение общества, в ее современной буржуазной форме. Джонс отнюдь не разделяет той иллюзии, что капитал существует с начала мира.

Взгляды Джонса на происхождение ренты вообще резюмированы в следующих положениях:

«Способность земли даже при самом примитивном труде человека доставлять больше, чем необходимо для содержания земледельца, и таким образом давать ему возможность платить дань собственнику земли, — таково происхождение ренты» (стр. 4) [Русский перевод: *Джонс, Ричард.* Экономические сочинения. Ленинград, 1937, стр. 27].

«Итак, рента происходит от *присвоения земли* в такое время, когда основная масса населения вынуждена либо обрабатывать ее на любых условиях, либо умирать с голоду и когда скудный капитал этих людей, состоящий из орудий, семян и т. д., с непреодолимой необходимостью прикован вместе с ними к земле, так как его совершенно недостаточно для того, чтобы они могли просуществовать, занимаясь не земледелием, а чем-нибудь другим» [стр. 11] [Русский перевод, стр. 30—31].

Джонс исследует ренту во всех ее превращениях: от самой примитивной формы барщинного труда до современной фермерской ренты. Каждый раз он приходит к выводу, что определенной форме труда и условий труда соответствует определенная форма ренты, т. е. земельной собственности. Так, у него рассматриваются одна за другой отработочная рента, или рента в виде барщинного труда крепостных крестьян, переход от отработочной ренты к ренте продуктами, издольническая рента, райятская[131] рента и т. д., — исследование, подробности которого нас здесь не интересуют. Во всех более ранних формах ренты лицом, непосредственно присваивающим чужой *прибавочный труд,* является не капиталист, а собственник земли. *Рента* (как ее понимают на основе [феодальных] *воспоминании* физиократы) выступает исторически (что еще в самых широких масштабах имеет место у народов Азии) как всеобщая форма *прибавочного труда,* труда, выполняемого безвозмездно. В отличие от капиталистических отношений, здесь присвоение этого прибавочного труда не опосредствуется обменом, а имеет своей основой насильственное господство одной части общества над другой. (Отсюда и прямое рабство, крепостничество или отношения политической зависимости.)

Так как здесь мы должны рассматривать земельную собственность лишь постольку, поскольку ее понимание обусловливает понимание капитала, то мы не будем останавливаться на аргументации Джонса, а сразу перейдем к тому результату, который очень выгодно отличает его от всех его предшественников.

Но предварительно еще несколько побочных замечании.

Говоря о *барщинном труде* — и о тех формах крепостничества (а также рабства), которые ему более или менее соответствуют, — [1122] Джонс *бессознательно* выделяет те две формы, к которым сводится всякая прибавочная стоимость (всякий прибавочный труд). Вообще характерно то, что собственно барщинный труд *в его самой грубой форме яснее всего показывает существенные черты наемного труда.*

«Рента» (там, где имеет место барщинный труд) «может быть увеличена в этих условиях лишь двумя путями: или путем более умелого и более эффективного применения труда крепостных крестьян» (это —

относительный прибавочный труд), «чему, однако, препятствует неспособность земельных собственников, как класса, развивать агрономическую науку, *или* путем увеличения *количества* вымогаемого у крепостных труда, и тогда, если земля собственников будет обрабатываться лучше, то тем хуже будет обрабатываться земля крепостных, от которой в этом случае отбирается труд» (там же, глава II [стр. 61]) [Русский перевод, стр. 58].

Эту книгу Джонса о *ренте* отличает от его «Syllabus», подлежащего рассмотрению ниже, в разделе 2-м, следующее: в первом сочинении Джонс исходит, как из чего-то данного, из различных форм земельной собственности, а во втором — из различных форм труда, которым они соответствуют.

Джонс показывает также, как этим различным производственным отношениям соответствуют различные степени развития общественной производительной силы труда.

Барщинный труд (точно так же, как и труд рабов) имеет то общее с наемным трудом, поскольку дело касается ренты, что последняя уплачивается *трудом,* а не *продуктами, а* тем более не *деньгами.*

При издольнической ренте *«авансирование капитала* земельным собственником и *предоставление непосредственным работникам самостоятельности в деле обработки земли* указывают на все еще продолжающееся отсутствие здесь промежуточного класса капиталистов» (стр. 74) [Русский перевод, стр. 66].

«Райятские ренты — это *те ренты продуктами, которые работник, извлекающий свою заработную плату из земли, уплачивает суверену как ее собственнику»* (глава IV [стр. 109]) [Русский перевод, стр. 85]. (Они свойственны главным образом Ламу.) «Райятские ренты часто сочетаются с отработочными рентами и с издольническими рентами» (стр. 136 и следующие) [Русский перевод, стр. 100]. Главным земельным собственником является здесь суверен.

«Процветание или, вернее, *существование городов* в Азии целиком зависит от *местных расходов правительства»* (стр. 138) [Русский перевод, стр. 101].

«Коттерские[132] ренты... — это все те ренты, *которые по договору должны уплачиваться в денежной форме* крестьянами-арендаторами, извлекающими свои средства существования из земли» (стр. 143) [Русский перевод, стр. 104]. *(Ирландия.)* «На большей части поверхности земного шара не существует денежных рент» [там же].

«Все эти формы» (отработочная, райятская, издольническая, коттерская рента и т. д. — короче говоря, все формы крестьянских рент) «препятствуют полному развитию производительных сил земли» [стр. 157] [Русский перевод, стр. 113].

«Различия в производительности труда различных людей зависят, *во-первых,* от *степени* изобретательности, используемой при применении ручного труда, и, *во-вторых,* от того, в какой мере чисто *физическим усилиям человека помогают накопленные результаты прошлого труда,* т. е. они зависят от различий в умении, знаниях и капитале, применяемых в производстве» [стр. 157—158] [Русский перевод, стр. 113].

«Малочисленность неземледельческих классов. Ясно, что относительная численность тех людей, которые могут существовать не занимаясь земле-

дельческим трудом, *всецело определяется производительностью труда земледельцев»* (гл. VI [стр. 159—160]) [Русский перевод, стр. 114].

«В Англии арендаторы, которые взялись за обработку земли в поместьях земельных собственников после того, как труд крепостных вышел из употребления, нашлись в самой деревне. Это были *йомены»* (там же [стр. 166]) [Русский перевод, стр. 117—118].

Мы подходим, наконец, к тому пункту, который нас здесь больше всего интересует, к *фермерским рентам.* Именно здесь разительно выступает превосходство Джонса; он доказывает, что то, что Рикардо и другие рассматривают как вечную форму земельной собственности, есть ее буржуазная форма, которая вообще появляется только тогда, когда, во-первых, земельная собственность перестает быть отношением, господствующим над производством, а потому и над обществом, и, во-вторых, само земледелие ведется капиталистически, что предполагает развитие крупной промышленности (по крайней мере, мануфактуры) в городах. Джонс показывает, что рента в рикардовском смысле существует только в таком [1123] обществе, базисом которого является капиталистический способ производства. С превращением земельной ренты в добавочную прибыль прекращается также *прямое* влияние земельной собственности на заработную плату, а это означает, другими словами, лишь то, что отныне не земельный собственник, а капиталист становится *тем, кто непосредственно присваивает прибавочный труд.* Относительная величина ренты зависит уже только от распределения *прибавочной стоимости* между капиталистом и земельным собственником, а не от самого извлечения этого прибавочного труда. Этот момент по сути дела выступает у Джонса, хотя ясно он этого и не высказывает.

По сравнению с Рикардо Джонс делает существенный шаг вперед как в смысле исторического подхода к объяснению явлений, так и в отношении экономических подробностей. Мы проследим его теорию шаг за шагом. В ней, конечно, встречаются и нелепости.

В нижеследующих положениях Джонс правильно выясняет те исторические и экономические условия, при которых земельная рента является добавочной прибылью, иначе говоря, выражением *современной* земельной собственности.

«Фермерские ренты могут существовать лишь тогда, когда *наиболее важные взаимоотношения различных классов общества уже не проистекают из собственности на землю и из владения землей»* (стр. 185) [Русский перевод, стр. 128].

Капиталистический способ производства начинается в промышленности и подчиняет себе земледелие лишь позднее.

«Первыми под *власть капиталистов* попадают мастеровые и ремесленники» (стр. 187) [Русский перевод, стр. 129].

«Одним из непосредственных следствий такого рода системы является *возможность перемещать по своему усмотрению* в другие отрасли хозяйства труд и капитал, применяемые в земледелии».

{И лишь при наличии этой возможности может идти речь о выравнивании прибылей в земледелии и промышленности.}

«Пока арендатор сам был работающим крестьянином, вынужденным ввиду отсутствия других средств к существованию извлекать их из земли, он был прикован нуждой к этой земле; незначительный капитал, которым он, может быть, обладал, был фактически прикован к земле вместе с его владельцем, так как этого капитала было недостаточно для обеспечения его существования, если он не употреблялся исключительно для обработки земли. С появлением капиталистического предпринимателя эта зависимость от земли прекращается, и если *от применения рабочих в земледелии нельзя выручить столько же, сколько от их труда в различных других отраслях,* которых при таком состоянии общества имеется множество, то занятие земледелием будет оставлено. Рента при таком положении вещей необходимым образом состоит только из *добавочной прибыли»* (стр. 188) [Русский перевод, стр. 130]. «Влияние ренты на величину заработной платы прекращается» [там же]. «Когда использование работника переходит в руки капиталиста, то его *зависимость от земельного собственника прекращается»* (стр. 189) [Русский перевод, стр. 130].

Каким образом возникает *добавочная прибыль,* Джонс, как мы увидим дальше, собственно говоря, не объясняет, или, вернее, объясняет это лишь по-рикардовски, т. е. различием в степени естественного плодородия различных земель.

«Когда рента *состоит из добавочной прибыли,* рента с определенного участка земли может возрастать по трем причинам:

1) увеличение продукта вследствие того, что при его производстве применяется большее количество накопленного капитала;

2) более эффективное применение уже вложенного капитала;

3) если капитал и продукт остаются без изменения, — уменьшение доли производящих классов в этом продукте и соответствующее увеличение доли земельного собственника.

Эти причины могут также действовать совместно в различных сочетаниях» (стр. 189) [Русский перевод, стр. 130—131].

Посмотрим, как обстоит дело с этими различными причинами. Прежде всего; все они предполагают, что рента проистекает из добавочной прибыли. А затем не подлежит ни малейшему сомнению, что первая из этих причин, которую Рикардо лишь однажды вскользь упоминает*, указана совершенно правильно. Если увеличивается применяемый в земледелии капитал, то увеличивается и масса ренты, хотя *цены на хлеб* и т. д. не повышаются и вообще не происходит никакого другого изменения. Ясно, что в этом случае *повышается* также

---

* См. настоящий том, часть II, стр. 112, 136 и 346—347. *Ред.*

цена земли, хотя хлебные цены не повышаются и в них вообще не происходит никакого изменения.

Ренту с *наихудшей земли* Джонс объясняет *монопольной ценой.* Действительный источник ренты сводится у него, стало быть, к следующему: либо *монопольная цена* (как у Бьюкенена, Сисмонди, Гопкинса и др.), когда имеется *абсолютная рента* (проистекающая не из различия в плодородии различных сортов почвы), либо *дифференциальная рента* (как у Рикардо).

{*Ad vocem** *абсолютной ренты.* Возьмем *золотоносный рудник.* Допустим, что применяемый капитал равен 100 ф. ст., средняя прибыль равна 10 ф. ст., рента равна 10 ф. ст. Предположим, что капитал состоит наполовину из постоянного капитала (в данном случае — из машин и вспомогательных материалов) и наполовину из переменного капитала. 50 ф. ст. постоянного капитала означают лишь то, что в них содержится столько же рабочего времени, сколько [1124] в золото на 50 ф. ст. Поэтому та часть продукта, которая равна 50 ф. ст., возмещает потребленный постоянный капитал. Если остаток продукта равен 70 ф. ст. и на 50 ф. ст. переменного капитала приводится в движение 50 рабочих, то [труд] 50 рабочих (предположим, что рабочий день равен 12 часам) должен найти себе выражение в 70 ф. ст. золота, из которых 50 ф. ст. оплачивают заработную плату, а 20 ф. ст. воплощают неоплаченный труд. Стоимость продукта всех капиталов такого органического строения равна тогда 120 ф. ст. Продукт тогда составляет $50c + 70$, а эти последние 70 ф. ст. представляют 50 рабочих дней и равны $50v + 20m$. Капитал в 100 ф. ст., который применял бы больше постоянного капитала и меньшее число рабочих, произвел бы продукт меньшей стоимости. Однако все обычные промышленные капиталы, хотя стоимость их продукта при таких условиях равнялась бы 120 ф. ст., продавали бы его лишь по его цене производства в 110 ф. ст. Но в случае с золотоносным рудником, даже независимо от собственности на землю, это невозможно, так как стоимость здесь выражается в натуральной форме продукта. Следовательно, здесь с необходимостью должна получаться рента в 10 ф. ст.}

«Хлеб может продаваться по *монопольной цене* (т. е. по цене, превышающей *издержки и прибыли тех, кто производит его при, наименее благоприятных условиях)* или же по такой цене, которая *оплачивает* лишь *обычную прибыль.* Если взять первый случай, то, оставляя в стороне все различия в плодородии обрабатываемых участков земли, *увеличение продукта, полученное благодаря увеличению капитала* (при прежних ценах), может повысить ренту пропорционально увеличению затраченного

* — По поводу. *Ред.*

капитала. Предположим, например, что 10% составляют обычную норму прибыли. Если хлеб, на производство которого израсходовано 100 ф. ст., может быть продан за 115 ф. ст., то рента составит 5 ф. ст. Если быв результате повышения культуры земледелия примененный на той же самой земле капитал, так же как и продукт, увеличились вдвое, то 200 ф. ст. капитала дадут продукт в 230 ф. ст., и рента составит 10 ф. ст., т. е. тоже увеличится вдвое» (стр. 191) [Русский перевод, стр. 131—132].

{Это относится как к абсолютной, так и к дифференциальной ренте.}

«В небольшом по размерам обществе хлеб всегда может продаваться по *монопольной цене*... Это возможно и в более обширных странах, если население постоянно возрастает быстрее, чем увеличивается продукция земледелия. Но монопольная цена на хлеб — весьма необычное явление для стран, отличающихся значительными размерами и большим разнообразием почв. Если имеет место значительное повышение хлебных цен, то в обработку вводится больше земель или же вкладывается больше капитала на прежней земле, пока не установится цена, дающая едва ли больше обычной прибыли на произведенные затраты. Тогда дальнейший рост земледелия приостанавливается, и в таких странах хлеб обычно продается по цене, не превышающей ту, которая достаточна для возмещения капитала, примененного при наименее благоприятных условиях, и для получения обычной нормы прибыли на него, а рента, уплачиваемая с более плодородных земель, измеряется тогда величиной избытка их продукта над продуктом наихудшей почвы, обрабатываемой с затратой такого же капитала» (стр. 192) [Русский перевод, стр. 132].

«Все, что необходимо для повышения ренты на всей земельной площади страны, обладающей землями различного качества, сводится к тому, чтобы лучшие земли давали несколько больше продукта, чем земли заведомо худшего качества, на тот добавочный капитал, который вкладывается в них по мере развития земледелия; ибо в этом случае, пока можно будет находить средства для применения нового капитала, с обычной нормой прибыли, на любой земле между *A* и *Z**, ренты возрастут на всех землях, качество которых выше этой особой земли» (стр. 195) [Русский перевод, стр. 134].

«Если земля *A*, обрабатываемая при затрате в 100 ф. ст., приносит ежегодно 110 ф. ст., — причем 10 ф. ст. составляют обычную прибыль, — земля *B* при затрате в 100 ф. ст. приносит 115 ф. ст., земля *C* при затрате в 100 ф. ст. приносит 120 ф. ст. и т. д. до земли *Z*, то *B* дает ренту в 5 ф. ст., *а C* — ренту в 10 ф. ст. Предположим теперь, что каждая из этих земель обрабатывается при затрате в 200 ф. ст. В этом случае *A* доставит 220 ф. ст., *B* — 230 ф. ст., *C* — 240 ф. ст. и т. д., так что рента на земле *B* составит 10 ф. ст., на земле *C* — 20 ф. ст. и т. д.» (стр. 193) [Русский перевод, стр. 133].

«Общее накопление применяемого в земледелии капитала, увеличивая продукт всех сортов почвы более или менее в соответствии с их первоначальным качеством, *должно само по себе повысить ренту независимо от какого бы то ни было прогрессирующего уменьшения выручки от примененного труда и капитала* и вообще *совершенно независимо от какой бы то ни было другой причины»* (стр. 195) [Русский перевод, стр. 134].

* *A* и *Z* — первая и последняя буквы латинского алфавита — обозначают здесь наихудшую и наилучшую землю данной страны. *Ред*.

Заслуга Джонса состоит в том, что он впервые ясно подчеркивает, что раз мы уже предположили существование ренты, то ее рост {всегда при предположении, что не происходит никаких переворотов в способе производства} будет вообще вызываться увеличением сельскохозяйственного капитала» капитала, примененного к земле. Это может иметь место не только тогда, когда цены остаются без изменения, но даже и тогда, когда они *падают* ниже их прежнего уровня.

[11251 Против утверждений об убывающей производительности [земледелия] Джонс замечает:

«Некогда средний урожай зерна в Англии не превышал 12 бушелей с акра. Теперь он приблизительно вдвое больше» (стр. 199) [Русский перевод, стр. 136].

«Каждая последующая затрата капитала и труда, вкладываемая в землю, может применяться более экономно и эффективно, чем предыдущая» (стр. 199—200) [Русский перевод, стр. 136—137].

«Рента увеличивается вдвое, втрое, вчетверо и т. д., когда капитал, вложенный в ту же землю, что и прежде, увеличивается вдвое, втрое, вчетверо, без уменьшения выручки и без изменения в относительном плодородии обрабатываемых земель» (стр. 204) [Русский перевод, стр. 139].

Итак, это — первый пункт, где Джонс имеет преимущество перед Рикардо. Раз рента уже существует, она может возрастать благодаря простому увеличению примененного к земле капитала, независимо от какого бы то ни было изменения как в относительном плодородии различных земель, так и в выручке от последовательно примененных доз капитала, и без каких-либо изменений в *цене* земледельческих продуктов.

Следующий пункт у Джонса таков:

«Для роста ренты не является существенно необходимым, чтобы *отношение между плодородием различных земель* оставалось в точности *неизменным»* (стр. 205) [Русский перевод, стр. 140].

{Джонс упускает здесь из виду, что, наоборот, *увеличение различий* в плодородии земель, даже когда весь земледельческий капитал применяется более производительно, должно увеличить и, действительно, увеличит массу дифференциальной ренты. *Уменьшение* различий в плодородии земель должно, наоборот, уменьшить дифференциальную ренту, т. е. ренту, проистекающую из *этих различий. С* устранением причины устраняется и следствие. И тем не менее рента (оставляя в стороне абсолютную ренту) может возрастать, но тогда уже только вследствие увеличения применяемого в земледелии капитала.}

«Рикардо упустил из виду, что *добавочный капитал* неизбежно приносит *неодинаковые результаты на землях неодинакового плодородия»* (там же).

(Это означало бы, следовательно, только то, что применение добавочного капитала увеличивает различия в относительном плодородии земель и этим путем повышает дифференциальную ренту.)

«Если числа, находящиеся в определенном отношении друг к другу, помножить на одно и то же число, то отношение между членами ряда останется таким же, каким оно было между первоначальными числами, но *разность между величинами* отдельных произведений будет каждый раз возрастать. Если 10, 15, 20 помножить на 2 или на 4 и они превратятся в 20, 30, 40 или в 40, 60, 80, то отношения их друг к другу не нарушатся; 80 и 60 находятся в таком же отношении к 40, как 20 и 15 к 10, но *разность между величинами их произведений* будет каждый раз возрастать: вначале мы имели разности 5 и 10, потом — разности 10 и 20 и, наконец, — разности 20 и 40» (стр. 206—207) [Русский перевод, стр. 140—141].

Закон этот состоит просто-напросто в следующем:

1) 10,	5	15,	10	20.	Разность 5 [и 10].	Сумма разностей 15.
2) 20,	10	30,	20	40.	Разность 10 [и 20].	Сумма разностей 30.
3) 40,	20	60,	40	80.	Разность 20 [и 40].	Сумма разностей 60.
4) 80,	[40]	120,	[80]	160.	[Разность 40 и 80.	Сумма разностей 120.]

Разность между членами увеличилась вдвое во 2-м ряду, вчетверо в 3-м ряду. Сумма разностей тоже увеличивается вдвое во 2-м ряду, вчетверо в 3-м ряду, и т. д.

Таков, следовательно, второй закон.

Первый закон (Джонс относит его только к дифференциальной ренте) гласил: масса ренты возрастает вместе с массой применяемого капитала. Если для капитала в 100 масса ренты равна 5, то для капитала в 200 она будет равна 10.

[1126] *Второй закон:* Если все другие обстоятельства остаются без изменения и не изменяется отношение разностей [выручки на] капиталы, применяемые на различных землях, то *общая масса этих разностей* и, следовательно, величина совокупной ренты, или сумма этих разностей, возрастает с возрастанием абсолютной величины этих разностей, вызываемым увеличением применяемых капиталов. Следовательно, *второй закон* утверждает: масса дифференциальной ренты возрастает пропорционально увеличению разности продукта, получаемого с различных земель, при неизменном соотношении их плодородия, но при равномерном возрастании капитала, применяемого на этих землях.

«Далее: если на землях разрядов *A, B, C* применяется 100 ф. ст., дающих продукт в 110, 115 и 120 ф. ст., а впоследствии 200 ф. ст. с валовым доходом в 220, 228 и 235 ф. ст., то относительно различия в величине продукта уменьшились, и земли эти *по плодородию приблизились друг к другу.* Тем не менее *разности между величиной их продукта* увеличились с 5 и 10

до 8 и 15, и ренты поэтому повышаются. Таким образом, улучшения, имеющие тенденцию приближать друг к другу степень плодородия обрабатываемых земель, вполне могут повышать ренту даже и без содействия какой-либо другой причины» (стр. 208) [Русский перевод, стр. 141].

«Возделывание турнепса и овцеводство и те новые капиталы, которые были применены для этого, внесли большие изменения в плодородие худших земель, чем в плодородие лучших. Тем не менее это увеличило *абсолютный продукт тех и других* и поэтому повысило ренты, уменьшив в то же время различия в плодородии обрабатываемых земель» (там же) [Русский перевод, стр. 141—142].

«Что касается мнения Рикардо, что улучшения могут вызывать падение ренты, то здесь следует вспомнить о том, как медленно на практике изобретаются, разрабатываются и распространяются улучшения в земледелии» (стр. 211) [Русский перевод, стр. 143].

{Это последнее положение имеет лишь практический интерес, оно не касается самого существа дела; в нем отмечено только то, что эти улучшения происходят недостаточно быстро для того, чтобы значительно увеличить предложение сравнительно со спросом и таким путем понизить рыночные цены.}

Вначале мы имели:

	A	*B*	*C*
1)	10,	15,	20.

Капитал, применяемый в каждом разряде, равен 100. Продукт равен 110, 115, 120. *Разность* составляет 5 + 10 = 15.

В результате введенных улучшений здесь теперь применяется вдвое больший капитал, 200 вместо 100 в каждом из разрядов *A*, *B, C,* но этот капитал действует на различные разряды по-разному, и мы имеем продукты, равные 220 (т. е. продукт разряда *A* удвоился), 228 и 235.

Итак:

	A	*B*	*C*
2)	20,	28,	35.

Капитал, применяемый в каждом разряде, теперь равен 200. Продукт равен 220, 228 и 235. *Разность* составляет 8 + 15 = 23. Но норма этой разности уменьшилась. 5:10 (т. е. отношение разности *B*—*A* к *A* в случае 1-м) = $^1/_2$ и 10:10 = 1, тогда как отношение 8:20 равно только $^2/_5$ и 15:20 = $^3/_4$. Норма разности уменьшилась, но по своей массе сама разность увеличилась. Это, однако, не образует никакого нового закона, а только свидетельствует о возрастании ренты по мере возрастания применяемого капитала, как в первом законе, хотя возрастание продукта на землях *A, B, C* происходит не пропорционально разностям, выражающим их первоначальные различия в плодородии. Если вследствие этого повышения плодородия (которое, однако, для *B и C* означает [относительное] уменьшение плодородия, потому что иначе их продукт должен был бы равняться 230 и 240) цены упадут, то нет никакой необходимости

в том, чтобы рента повысилась или хотя бы только осталась неизменной.

[1127] Как вывод из второго закона, как его дальнейшее применение, следует

третий закон: Если улучшения, «улучшения, повышающие эффективность капитала, применяемого в земледелии», увеличивают *добавочные прибыли,* получаемые на тех или иных участках земли, то они увеличивают ренту.

Сюда относятся (вместе с предыдущими) следующие положения Джонса:

«Итак, первым источником повышения фермерских рент являются *растущее накопление* и *неодинаковые результаты, приносимые капиталом на различной земле»* (стр. 234) [Русский перевод, стр. 156].

{Это, однако, может относиться только к таким улучшениям, которые непосредственно влияют на плодородие земли, как например удобрения, севооборот и т. д.}

«Улучшения, повышающие эффективность капитала, применяемого в земледелии, вызывают повышение ренты, увеличивая *добавочные прибыли, получаемые на тех или иных участках земли.* Они всегда вызывают это увеличение добавочной прибыли, *если только не увеличивают массу продуктов земли так быстро, что это опережает рост спроса.* Такие улучшения, повышающие эффективность применяемого капитала, обычно появляются с развитием земледельческого искусства и с накоплением *более значительных масс вспомогательного капитала»* (постоянного капитала). «За происходящим по этой причине повышением ренты обычно следует *введение в обработку худших земель* без какого-либо уменьшения выручки на земледельческий капитал, применяемый на наихудших из используемых участков» (стр. 244) [Русский перевод, стр. 161].

{Джонс совершенно правильно замечает, что падение прибыли *не доказывает* того, что производительность земледелия уменьшается. Но сам он возможность падения прибыли объясняет весьма несовершенным образом. Он ссылается на то, что может измениться или количество продукта, или распределение его между рабочими и капиталистами. Здесь еще нет даже отдаленного представления о действительном законе падения нормы прибыли.

«Падение прибыли не является доказательством уменьшающейся производительности земледелия» (стр. 257) [Русский перевод, стр. 168].

«Прибыль зависит отчасти от *массы* продукта труда, отчасти от *распределения* этого продукта между рабочими и капиталистами; поэтому масса ее может изменяться в результате изменения любого из этих факторов» (стр. 260) [Русский перевод, стр. 170].

Отсюда и ошибочный закон, формулируемый Джонсом:

«Когда, оставляя в стороне действие налогового обложения, имеет место явное уменьшение дохода производительных классов, вместе взя-

тых» (здесь не сказано, что понимается под доходом — потребительная стоимость или меновая, имеется ли в виду масса прибыли или ее норма), «и наблюдается *падение нормы прибыли, не компенсируемое повышением заработной платы,* или наоборот» (это и есть ошибочный рикардовский закон), «то можно сделать тот вывод, что произошло некоторое уменьшение производительной силы труда и капитала» (стр. 273) [Русский перевод, стр. 177].}

Джонс правильно понимает то обстоятельство, что с развитием общества может иметь место *относительное возрастание* стоимости земледельческих продуктов по сравнению с промышленными продуктами, хотя абсолютно земледелие в действительности прогрессирует:

«В процессе развития страны обычно бывает так, что мощность и искусность промышленности возрастают *в большей степени,* чем тот рост, которого можно ожидать от земледелия при растущем народонаселении. Это бесспорная истина. Поэтому по мере развития страны можно ожидать *возрастания относительной стоимости земледельческих продуктов без какого-либо положительного уменьшения* производительности земледелия» (стр. 265) [Русский перевод, стр. 173].

Но это не объясняет *положительного* возрастания *денежных цен* земледельческих продуктов — за исключением того случая, когда происходит такое падение стоимости золота, которое в промышленности уравновешивается и перевешивается еще большим падением цен на промышленные товары, между тем как в земледелии такого уравновешивания не происходит. Это может иметь место даже [1128] и тогда, когда не происходит всеобщего падения стоимости золота (денег), но, например, какая-нибудь страна покупает на результат своего однодневного труда больше денег, чем конкурирующие с ней страны.

Джонс объясняет причины, почему он *не верит* в действие в Англии рикардовского закона, абстрактную возможность которого он, однако, допускает:

«Если рента возрастает по причине, выдвигаемой Рикардо, а именно, вследствие «применения добавочного количества труда с относительно меньшей выручкой» и вследствие вытекающего отсюда перехода к земельным собственникам части продукта, получаемого на лучших землях, то тогда с необходимостью должна возрастать та *доля валового продукта,* которую земельные собственники берут себе *в среднем* в качестве ренты. Во-вторых, в этом случае в земледелии должен применяться труд более значительной части населения, чем до этого» (стр. 280—281) [Русский перевод, стр. 180—181].

(Последнее неточно. Возможно, что применяется больше косвенного [secondary] труда, что больше товаров, доставляемых промышленностью и торговлей, входит в процесс земледелия без соответственного увеличения валового продукта и без

применения большего количества непосредственного [земледельческого] труда. Его может быть применено даже меньше.)

«В английской статистике мы находим три факта: расширение площади обрабатываемой земли, сопровождаемое увеличением общей суммы ренты всей страны; уменьшение доли населения, занятого в земледелии; падение доли земельного собственника в продукте» (стр. 282) [Русский перевод, стр. 182].

(Последнее объясняется совершенно так же, как и падение нормы прибыли, — увеличением той части продукта, которая возмещает постоянный капитал. При этом рента может возрастать по своей массе и стоимости.)

«А. Смит говорит: «По мере развития улучшений в земледелии рента, увеличиваясь по отношению к обрабатываемой площади, уменьшается по отношению к продукту земли»[133]» (стр. 284) [Русский перевод, стр. 183].

Джонс называет постоянный капитал «вспомогательным [auxiliary] капиталом».

«Из различных отчетов, представленных в разное время министерству земледелия, следует, что в Англии весь капитал, применяемый в земледелии, относится к капиталу, затрачиваемому на содержание рабочих, как 5:1, т. е. что вспомогательного капитала употребляется в четыре раза больше, чем капитала, идущего на содержание того труда, который используется непосредственно в земледелии. Во Франции это отношение равно 2:1» (стр. 223) [Русский перевод, стр. 149].

«Когда определенное количество добавочного капитала прилагается *в форме результата прошлого труда,* чтобы способствовать труду применяемых в настоящий момент рабочих, то для того, чтобы применение такого капитала было прибыльным и потому постоянно возможным, достаточно *меньшей годовой выручки,* чем если бы такое же количество нового капитала было затрачено на содержание добавочного числа рабочих» (стр. 224) [Русский перевод, стр. 150].

«Предположим, что 100 ф. ст. затрачиваются в земледелии на содержание трех рабочих, которые производят свою собственную заработную плату и 10% прибыли на нее, т. е. всего 110 ф. ст. Допустим, что величина затрачиваемого капитала удвоилась. При этом сначала применяются трое новых рабочих. Прирост продукта должен равняться 110 ф. ст., т. е. заработной плате трех добавочных рабочих плюс 10 ф. ст. прибыли. Предположим теперь, что добавочные 100 ф. ст. применены в форме орудий, удобрений или в форме какого-нибудь другого результата прошлого труда, тогда как число занятых рабочих осталось прежним. Пусть этого вспомогательного капитала хватает в среднем на пять лет. В этом случае годовая выручка капиталиста должна быть такой величины, чтобы она могла оплатить 10% прибыли [на добавочный капитал] и 20 ф. ст. для покрытия ежегодного износа этого капитала; следовательно, чтобы сделать прибыльным постоянное применение вторых 100 ф. ст., необходима годовая выручка в 30 ф. ст., вместо 110 ф. ст., необходимых для прибыльного применения непосредственного труда. Ясно поэтому, что накопление вспомогательного капитала в земледелии возможно и тогда, когда уже стало невозможным употребление того же количества капитала на содержание добавочного труда, и что накопление такого капитала в земледелии может продолжаться

дальше в течение неограниченного периода» (стр. 224—225) [Русский перевод, стр. 150].

«Таким образом, возрастание вспомогательного капитала, с одной стороны, увеличивает власть человека над силами земли при том же количестве [1129] труда, непосредственно или опосредствованно затрачиваемого на ее обработку, а с другой стороны, *уменьшает минимум годовой выручки,* необходимый для того, чтобы сделать прибыльным прогрессирующее применение определенных количеств нового капитала» (стр. 227) [Русский перевод, стр. 152].

«Предположим, например, земледельческий капитал в 100 ф. ст., целиком идущий на выплату заработной платы и приносящий 10% прибыли. В этом случае доход фермера равняется одной десятой дохода рабочих. Если такой капитал увеличится в два, три и т. д. раза, то доход фермера будет находиться в прежнем отношении к доходу рабочих. Но если число рабочих останется прежним, а масса капитала увеличится вдвое, то прибыль составит 20 ф. ст., или пятую часть дохода рабочих. Если капитал увеличится в четыре раза, то прибыль составит 40 ф. ст., или две пятых дохода рабочих. Если капитал возрастет до 500 ф. ст., то прибыль составит 50 ф. ст., или половину дохода рабочих. *Соответственно этому* возрастут и богатство, влияние и, вероятно, также, до некоторой степени, численность капиталистов в обществе... С *ростом капитала* обычно становится необходимым также и *применение некоторого количества добавочного непосредственного труда.* Однако это обстоятельство не мешает *неуклонному относительному росту вспомогательного капитала»* (стр. 231—232) [Русский перевод, стр. 154—155].

В этом отрывке прежде всего важно замечание, что с ростом капитала «вспомогательный капитал» возрастает в сравнении с переменным, иначе говоря, что последний *относительно* уменьшается по сравнению с постоянным капиталом.

Уменьшение *годовой выручки* в сравнении с авансированным капиталом, когда возрастает та часть «вспомогательного капитала», которая состоит из основного капитала, т. е. та часть постоянного капитала, оборот которой длится несколько лет и стоимость которой ежегодно входит в продукт лишь в форме износа, — имеет место везде, а не только в земледелии. Правда, в промышленности количество перерабатываемого в течение года сырья увеличивается еще гораздо быстрее, чем растет величина основного капитала (сравни, например, количество хлопка, потребляемое мюль-машиной еженедельно, а следовательно и ежегодно, с тем количеством хлопка, которое требуется для самопрялки). Но если мы примем, что, например, швейное производство (крупных размеров) перерабатывает сырье такой же совокупной *стоимости,* что и прядение (сырья здесь меньше по количеству, но оно дороже, чем в прядении), тогда годовая выручка в швейном производстве должна быть значительно большей, чем в прядении, так как в прядении значительная часть затрачиваемого капитала (основного) входит в продукт только в виде годичного начисления.

Стоимость годовой выручки в земледелии (где то, что можно рассматривать как сырье, — семена, — увеличивается не в такой степени, как другие части постоянного капитала, в особенности основной капитал), конечно, меньше тогда, когда капитал возрастает таким образом, что вместо переменного возрастает только постоянный капитал. Ибо переменный капитал должен быть возмещен в продукте полностью, а основной — только в виде годичного начисления, в той мере, в какой он ежегодно потребляется. Если предположить, что *цена зерна* дана, если квартер равен $^1/_2$ ф. ст., то нужны 220 квартеров, чтобы возместить, при 10% прибыли, переменный капитал в 100 ф. ст., тогда как для возмещения износа в 20 ф. ст. и прибыли в 10 ф. ст. нужны лишь 60 квартеров (= 30 ф. ст.). Меньшая абсолютная выручка (здесь, как и при подобных условиях в промышленности) дает такую же прибыль. Всё же у Джонса здесь имеются различного рода ошибки.

Прежде всего, нельзя сказать (при *сделанных* предположениях), что производительные силы земли возросли. Они возросли по сравнению с непосредственно примененным трудом, но не по сравнению со всем примененным капиталом. Можно лишь сказать, что необходим меньший *валовой продукт,* чтобы доставлять прежний *чистый продукт,* т. е. прежнюю прибыль.

[1130] Далее, возрастание дохода фермера по сравнению с *доходом рабочих* в этой *особой* сфере важно, правда, постольку, поскольку здесь та часть совокупного продукта, которая превращается в прибыль, все время увеличивается по сравнению с той частью, которая достается рабочим. Тем самым неуклонно возрастают и расширяются «богатство и влияние» фермера-капиталиста по сравнению с «богатством и влиянием» его рабочих. Но Джонс, по-видимому, считает так: 10 на 100 составляют $^1/_{10}$; 20 ф. ст. на 120 (а именно, 100, затраченные на труд, и 20, выражающие износ) составляют $^1/_6$, и эти же 20 ф. ст. составляют $^1/_5$ выплаченной рабочим заработной платы, и т. д. Однако нет ничего ошибочнее утверждения, будто, говоря в общем виде, норма прибыли может повышаться при уменьшении капитала, затрачиваемого на труд. Как раз наоборот. В этом случае реализуется относительно меньше прибавочной стоимости, и норма прибыли понижается. Что касается специально отдельного фермера (как и каждого отдельного предприятия), то норма прибыли может остаться одинаковой, применяется ли там при капитале в 200 ф. ст. труд трех или шести рабочих.

Чтобы рента могла представлять собой добавочную прибыль, т. е. избыток над средней прибылью, предполагается, что земледелие не только *формально* подчинено капиталистическому

производству, но что происходит выравнивание норм прибыли в различных отраслях производства и, в частности, между земледелием и промышленностью. В других случаях рента может составлять *избыток над заработной платой* (чем является и прибыль). Она может представлять также часть прибыли или даже быть вычетом из заработной платы.

2) *R. JONES.* AN INTRODUCTORY LECTURE ON POLITICAL ECONOMY, DELIVERED AT KING'S COLLEGE, LONDON, 27th FEBRUARY, 1833. TO WHICH IS ADDED A SYLLABUS OF A COURSE OF LECTURES ON THE WAGES OF LABOR. LONDON, 1833 [ПОНЯТИЕ «ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАЦИИ» И ПОПЫТКА С ЕГО ПОМОЩЬЮ ОХАРАКТЕРИЗОВАТЬ РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА. ПУТАНИЦА ОТНОСИТЕЛЬНО «РАБОЧЕГО ФОНДА»]

[В «Introductory Lecture» Джонс пишет:]

«Почти повсюду, в определенный период истории того или другого народа, собственность на землю находится либо в руках правительства страны, либо в руках лиц, получающих свое право от правительства» (стр. 14) [Русский перевод, стр. 216].

«Под экономической структурой нации я понимаю те отношения между различными классами, которые установились первоначально вследствие введения собственности на землю и в результате распределения ее прибавочного продукта, а затем подверглись модификации и изменению (в большей или меньшей степени) благодаря *появлению капиталистов,* как агентов, занятых производством и обменом богатства и дающих рабочему населению пропитание и работу» (стр. 21—22) [Русский перевод, стр. 220— 221]. [1130][134]

[1130] Джонс понимает под «рабочим фондом» [«Labor Fund»]

«всю совокупность доходов, потребляемых работниками, каков бы ни был источник этих доходов» («Syllabus», стр. 44).

Главное у Джонса (термин «рабочий фонд» принадлежит, надо полагать, Мальтусу?)[135] заключается в следующем: вся экономическая структура общества вращается вокруг *формы труда,* т. е. вокруг той формы, в какой работник присваивает себе жизненные средства, или ту часть своего продукта, на которую он существует; этот «рабочий фонд» имеет различные формы, и *капитал* есть только одна из его форм, исторически более поздняя форма. Лишь у Джонса существенное различение, установленное А. Смитом — оплачивается ли труд капиталом или непосредственно из дохода, — достигает своего

полного развития, на какое оно только способно, и становится решающим ключом к пониманию различных экономических структур общества. Тем самым одновременно исчезает нелепое представление, что, поскольку в капитале доход рабочего выступает сперва в форме чего-то присвоенного капиталистом, alias* чего-то *сбереженного* им, то это-де есть нечто большее, чем различие формы.

«Даже у западноевропейских наций мы еще находим последствия того общественного устройства, которое вытекает из особого способа распределения продукта их земли и труда, способа распределения, установившегося [1131] в ранний период их существования как земледельческих наций» (а именно, распределения между 1) классом земледельцев, 2) классом земельных собственников и 3) их слугами, челядью и ремесленниками, которые непосредственно или косвенно участвуют в потреблении дохода земельных собственников) («Introductory Lecture», стр. 16) [Русский перевод стр. 217—218].

«Основным фактором, движущей силой тех *изменений,* которые претерпевает это экономическое устройство общества, является *капитал,* т. е. *накопленное богатство, употребляемое с целью получения прибыли...* У всех наций указанная здесь особая часть богатства играет важнейшую роль в видоизменении связей между различными классами общества и оказывает определяющее влияние на производительную силу этих классов... В Азии и в части Европы (раньше это имело место во всей Европе) *неземледельческие* классы содержатся почти целиком на доходы других классов, главным образом на доходы землевладельцев. Если вы нуждаетесь в труде ремесленника, вы снабжаете его материалом; он приходит в ваш дом, вы кормите его и выплачиваете ему заработную плату. Через некоторое время появляется капиталист; *он доставляет материал, авансирует заработную плату рабочего, становится его нанимателем;* теперь он и является *владельцем произведенного продукта,* который он обменивает на ваши деньги... Налицо, таким образом, промежуточный класс между земельными собственниками и частью *неземледельцев,* и получение этими неземледельцами работы и средств существования зависит теперь от этого промежуточного класса. Узы, раньше связывавшие общество, ослабевают и распадаются; другие связи, другие принципы взаимозависимости соединяют теперь различные классы общества, — возникают *новые экономические отношения»* и т. д. ... «Здесь, в Англии, не только основная масса неземледельческого населения почти полностью зависит от того, что ей платят капиталисты, но и трудящиеся земледельцы тоже являются их слугами» (там же, стр. 16 и следующие) [Русский перевод, стр. 218—219].

«Syllabus of a Course of Lectures on the Wages of Labor» Джонса отличается от его книги *о ренте* следующим. В книге о ренте рассматриваются различные формы земельной собственности, которым соответствуют различные общественные формы труда. В «Syllabus» Джонс исходит из этих различных форм труда и как нечто порожденное ими рассматривает различные формы земельной собственности и капитал. Той форме, в какой

* — иначе говоря. *Ред.*

работнику противостоят условия труда, — следовательно, в особенности земля, природа, так как это отношение включает все остальные, — соответствует социальная определенность его труда. Но на самом деле эта социальная определенность его труда всего лишь находит в указанной форме свое объективное выражение.

Мы увидим поэтому, что различные формы «рабочего фонда» соответствуют различиям в том, каково отношение работника к его собственным условиям производства. Тот способ, каким он присваивает себе свой продукт (или его часть), зависит от отношения работника к его условиям производства.

«Рабочий фонд», — говорит Джонс, — «можно подразделить на три категории:

1) Доходы, производимые такими работниками, которые сами их потребляют, и ни на один момент не принадлежащие другим лицам». {В этом случае работник, какова бы ни была *особая* форма его дохода, должен быть фактическим владельцем своих орудий производства.}

«2) Доходы, принадлежащие классам, отличным от работников, и затрачиваемые этими классами на непосредственное содержание труда.

3) *Капитал* в собственном смысле.

Все эти различные виды рабочего фонда можно наблюдать в нашей собственной стране. Но если мы посмотрим на другие страны, то обнаружим, что те части этого фонда, которые у нас более всего ограниченны, в некоторых других странах образуют главные источники существования населения и определяют характер и положение большинства народа» и т. д. («Syllabus», стр. 45—46).

К пункту 1-му. «Заработная плата *трудящихся земледельцев, или наделенных землею крестьян...* Эти трудящиеся земледельцы, или крестьяне, являются либо *наследственными владельцами надела,* либо *собственниками,* либо *арендаторами.* Арендаторы — это *крепостные, издольщики, коттеры.* Последние характерны для Ирландии. Нечто вроде ренты или прибыли часто входит в доходы земледельцев-крестьян всех этих категорий, но *если их существование зависит главным образом от вознаграждения за их физический труд,* то их следует рассматривать как получателей заработной платы [wages-labourers].

Итак, в число трудящихся крестьян входят:

α) *Наследственные владельцы надела, являющиеся трудящимися* [1132] *земледельцами.* Древняя Греция. Современная Азия, в особенности Индия.

β) *Крестьяне-собственники.* Франция, Германия, Америка, Австралия, древняя Палестина.

γ) Коттеры» (стр. 46—48).

Здесь характерно то, что работник воспроизводит «рабочий фонд» для самого себя. Этот «рабочий фонд» *не превращается в капитал.* Подобно тому как работник непосредственно производит свой «рабочий фонд», так он его непосредственно и присваивает, хотя прибавочный труд работника, в зависимости от той особой формы, в какой данный работник относится к своим условиям производства, присваивается либо целиком им самим,

либо частично им самим, либо целиком другими классами. Та, что Джонс эту категорию работников называет «получателями заработной платы» [wages-labourers], — это только экономический предрассудок. У них нет ничего из того, что характеризует получателя заработной платы, наемного рабочего. Это — великолепное представление буржуазной политической экономии: раз при господстве капитала та часть продукта, которую рабочий присваивает себе самому, является *заработной платой,* то и та часть продукта любого работника, которую потребляет он сам, обязательно должна представлять собой *заработную плату.*

К пункту 2-му. [Население, содержащееся на этот вид рабочего фонда,] «в Англии сводится к домашним слугам, солдатам, матросам и *немногим ремесленникам, работающим за собственный счет* и оплачиваемым *из дохода их работодателей.* На значительной части земного шара этот вид рабочего фонда содержит почти всех *неземледельческих работников.* Прежнее преобладание этого фонда в Англии. Варвик — делатель королей[136]. Английское дворянство. Нынешнее преобладание этого фонда на Востоке. Ремесленники, слуги. Большие армии, содержащиеся на этот фонд. Последствия сосредоточения этого фонда в руках суверена по всей Азии. Внезапный расцвет тех или иных городов. Внезапный упадок. Самарканд, Кандагар и другие» (стр. 48—49).

Джонс упускает из виду две основные формы: во-первых, азиатскую общину с характерным для нее единством земледелия и промышленности; во-вторых, цеховое устройство городов средневековья, отчасти также и в древнем мире.

К пункту 3-му. «*Капитал* никогда не следует смешивать с существующим во всем мире *рабочим фондом вообще,* значительная часть которого состоит из доходов. Все виды доходов нации... участвуют в накоплении, благодаря которому образуется капитал. В различных странах и на различных ступенях развития общества они участвуют в этом накоплении в различной мере. Примеры таких случаев, когда накопление происходит главным образом за счет заработной платы и ренты» (стр. 50).

То обстоятельство, что прибавочный труд превращается в капитал (вместо того чтобы *непосредственно* в качестве дохода обмениваться на труд), создает впечатление, что капитал есть *сбережение* из дохода. Такова исходная точка зрения у Джонса. И действительно, в процессе развития общества масса капитала оказывается состоящей из обратно превращенного в капитал дохода. Однако при капиталистическом производстве также и первоначальный «рабочий фонд» сам выступает как *сбережение* капиталиста. Сам воспроизведенный «рабочий фонд», вместо того чтобы оставаться во владении работника, как это было в случае 1-м, выступает как собственность капиталиста, как

чужая для рабочего собственность. А этот момент у Джонса не получил развития.

То, что Джонс в этом проспекте курса лекций говорит о норме прибыли и ее влиянии на накопление, слабовато:

«При прочих равных условиях способность нации делать сбережения из своей прибыли изменяется с изменениями в *норме прибыли:* эта способность увеличивается, когда норма прибыли высока, уменьшается, когда она низка; но когда норма прибыли понижается, *все прочие условия не остаются без изменения. Количество применяемого капитала в сравнении с численностью населения* имеет возможность *увеличиваться».*

{Джонс не понимает того, каким образом из *«возможности»* увеличения применяемого капитала проистекает то, что именно *в результате «увеличения количества* применяемого *капитала в сравнении с численностью населениям* норма прибыли *понижается.* Но он приближается к правильному взгляду.}

«Стимулы к накоплению и возможности для него могут возрастать... *Низкая норма прибыли* обычно сопровождается *быстрым темпом накопления* по сравнению с численностью населения, как в Англии, а *высокая норма прибыли* — более медленным, по сравнению с численностью населения, темпом накопления, [1133] как в Польше, России, Индии и т. д.» (стр. 50—51).

Там, где норма прибыли высока (оставляя в стороне такие случаи, как в Северной Америке, где, с одной стороны, господствует капиталистическое производство, а с другой стороны, стоимость всех продуктов земледелия низка), там это *обычно* вызывается тем, что капитал состоит главным образом из переменного капитала, т. е. преобладает непосредственный труд. Возьмем капитал в 100, где пятая часть представляет переменный капитал, и предположим, что прибавочный труд составляет одну треть рабочего дня. В этом случае прибыль равна 10%. Предположим теперь, что четыре пятых капитала состоят из переменного капитала, а прибавочный труд составляет шестую часть рабочего дня. В этом случае прибыль равна 16%.

«Ошибочность теории, будто там, где с прогрессом наций *норма прибыли* понижается, должны уменьшаться средства существования для растущего населения. В основе этого заблуждения лежат: 1) ошибочное представление, будто накопление из прибылей должно происходить медленно там, где норма прибыли низка, и быстро там, где она высока; 2) ошибочное предположение, что прибыль является единственным источником накопления; 3) ошибочное предположение, что все работники на земле живут за счет накоплений и *сбережений из дохода* и никогда не живут за счет *самого дохода»* (стр. 51).

[Джонс отмечает]

«изменения, происходящие в экономической структуре наций, когда *задачу авансировать заработную плату берет на себя капитал».* [1133]

[1157] В следующем положении Р. Джонс делает правильное обобщение: [1157]

[1133] *«Количество капитала, идущего на содержание труда, может изменяться независимо от каких бы то ни было изменений в величине всего капитала»* (это — важное положение)... «Иногда можно наблюдать, как учащаются большие *колебания в числе занятых рабочих* и связанные с этим большие страдания, *в то время как сам капитал становится более обильным»* (стр. 52)[137]. [1133]

[1157] Совокупный капитал может оставаться *прежним* и при этом может произойти *изменение* (в особенности уменьшение) в величине переменного капитала. Изменение соотношения между обеими составными частями капитала не означает обязательно изменения в величине совокупного капитала.

С другой стороны, рост совокупного капитала может быть связан не только с относительным, но и с абсолютным уменьшением переменного капитала; он всегда связан с сильными колебаниями в последнем и, следовательно, с «колебаниями в числе занятых рабочих». [1157]

[Далее в том же проспекте курса лекций о заработной плате Джонс пишет:]

[1133] *«Периоды постепенного перехода работников от их зависимости от одного фонда к их зависимости от другого фонда... Перевод трудящихся земледельцев на оплату капиталистами... Перевод неземледельческих классов на наем капиталистами»* (52—53).

То, что Джонс называет здесь «переводом», есть то, что я называю «первоначальным накоплением». Различие только в форме. Это тоже антипод пошлого взгляда на «сбережения».

* * *

«Рабство. Рабов можно подразделить на пастушеских, земледельческих, домашних, наконец, рабов смешанного типа: земледельческих и домашних. Мы встречаем рабов в качестве крестьян, обрабатывающих землю, в качестве прислуги или ремесленников, которые содержатся на доход богатых, *в качестве рабочих, которые содержатся на капитал»* (стр. 58—59).

Но пока господствует рабовладение, капиталистические отношения каждый раз могут выступать лишь спорадически, как подчиненные отношения, и ни в коем случае не могут выступать в качестве господствующих отношений.

3) *R. JONES.* TEXT-BOOK OF LECTURES ON THE POLITICAL ECONOMY OF NATIONS. HERTFORD, 1852

[a) ЗАРОДЫШ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА В СОЧЕТАНИИ С БУРЖУАЗНЫМ ФЕТИШИСТСКИМ ВЗГЛЯДОМ НА КАПИТАЛ КАК НА ВСЕГО ЛИШЬ «НАКОПЛЕННЫЙ ЗАПАС». ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА]

[В «Text-book of Lectures on the Political Economy of Nations» Джонс пишет:]

«Производительность труда народов зависит в действительности от двух обстоятельств. Во-первых, от *плодородия или скудости первичных источников»* (земля и вода) «производимого ими богатства. Во-вторых, от *эффективности* труда, применяемого ими при использовании этих источников или при обработке получаемых из них товаров» (стр. 4) [Русский перевод, стр. 285].

«Эффективность человеческого труда зависит:

1) от *непрерывности, с* какой он выполняется;

2) от *знаний* и *искусности, с* какими он применяется для осуществления цели производителя;

3) от *механической силы,* которая ему помогает» (стр. 6) [Русский перевод, стр. 287].

«Сила, используемая работниками при производстве богатства.., может быть увеличена:

1) тем, что они ставят себе на службу такие *двигательные силы,* которые превосходят их собственные..;

2) тем, что они применяют данное количество или данный род двигательной [1134] силы, имеющейся в их распоряжении, таким способом, который *механически более выгоден.* Так, например, паровая машина в 40 лошадиных сил действует на железной дороге иначе, нем на шоссейной дороге» (стр. 8) [Русский перевод, стр. 288—289].

«Лучший тип плуга выполнит при двух лошадях столько же работы и такого же качества, как и плуг худшего образца с четырьмя лошадьми» (стр. 9) [Русский перевод, стр. 290].

«Паровая машина не есть только *орудие;* она дает *добавочную двигательную силу,* а не только *средства для механически более выгодного использования тех сил,* которыми уже располагает рабочий» (стр. 10, примечание) [Русский перевод, стр. 290—291].

Таково, стало быть, по мнению Джонса, различие между орудием и машиной. Орудие дает рабочему средство механически более выгодно применять те силы, которыми он уже располагает; машина доставляет прирост двигательной силы.(?)

«Капитал... состоит из богатства, *сбереженного из дохода* и употребляемого *с целью получения прибыли»* (стр. 16) [Русский перевод, стр. 295]. «Возможными источниками капитала... являются, очевидно, все те доходы всех составляющих общество индивидов, из которых могут быть сделаны какие-либо сбережения. Отдельные виды дохода, в наибольшей степени способствующие росту национального капитала, *меняются на различных*

стадиях развития народов и поэтому *совершенно различны* у народов, находящихся на различных ступенях этого развития» (там же). «Таким образом, *прибыль* далеко не является единственным источником образования или увеличения капитала, а на ранних стадиях общественного развития она даже является незначительным источником накопления по сравнению с заработной платой и рентой» (стр. 20) [Русский перевод, стр. 299]. «После того как имел место значительный рост сил национального производства, относительная роль прибыли как источника накопления возрастает» (стр. 21) [Русский перевод, стр. 299].

Капитал, в соответствии с этим, есть часть того богатства, из которого состоит доход, часть, расходуемая не как доход, а для производства прибыли. Прибыль есть уже такая форма прибавочной стоимости, которая предполагает специально капитал. Коль скоро существование капиталистического способа производства, т. е. существование капитала, предположено, объяснение Джонса правильно. Иначе говоря, оно правильно тогда, когда предполагается именно то, что должно быть объяснено. Но Джонс имеет здесь в виду вообще все те доходы, которые расходуются не как доход, а с целью обогащения, т. е. расходуются производительно.

Здесь, однако, важны два момента.

Во-первых. Известное накопление богатства имеет место на всех ступенях экономического развития, а именно отчасти в виде расширения масштаба производства, отчасти в виде образования сокровищ и т. д. Пока в обществе преобладают «заработная плата» и рента, т. е., согласно предыдущему, пока большая часть того прибавочного труда и того прибавочного продукта, которые вообще не достаются самому работнику, поступает к земельному собственнику (в Азии — к государству), а с другой стороны, работник сам воспроизводит свой «рабочий фонд», не только сам производит свою «заработную плату», но и выплачивает ее себе сам, причем в большинстве случаев (в этом состоянии общества — почти всегда) он имеет возможность присвоить себе по крайней мере некоторую часть своего прибавочного труда и своего прибавочного продукта, — при таком состоянии общества «заработная плата» и рента являются также и главными источниками накопления. (Прибыль здесь сводится к прибыли купцов и т. д.) Лишь тогда, когда капиталистическое производство стало господствующим, когда оно существует не всего лишь спорадически, а так, что подчиняет себе способ производства общества; когда капиталист на деле весь прибавочный труд и весь прибавочный продукт непосредственно присваивает прежде всего себе, хотя он и вынужден выплачивать часть его землевладельцу и т. д., — лишь с этого момента прибыль становится главным источником капитала,

накопления, того богатства, которое сберегается из дохода и употребляется с целью получения прибыли. Это вместе с тем предполагает (что подразумевается само собой, поскольку речь идет о господстве капиталистического способа производства), что «имел место значительный рост сил национального производства».

Таким образом, тем ослам, которые воображают, что без прибыли на капитал накопление не могло бы иметь место, или которые оправдывают прибыль тем, что капиталист приносит жертву, делая из своего дохода *сбережения* для производительных целей, Джонс отвечает, что эта функция «накапливания» выпадает преимущественно на долю капиталиста именно при этом специфическом способе производства (капиталистическом), что при прежних способах производства главными действующими лицами в этом процессе были сам работник и отчасти земельный собственник и что прибыль не играла там почти никакой роли.

Функция накопления, естественно, всегда переходит к тем, кто 1) присваивает себе прибавочную стоимость, и 2) среди тех, кто присваивает себе прибавочную стоимость, в особенности к тому, кто в то же время является агентом в самом производстве. Поэтому, когда говорят, [1135] что прибыль оправдана *тем,* что капиталист сколачивает свой капитал путем «сбережений» из прибыли и что он выполняет функцию накопления, то этим говорят только то, что капиталистический способ производства оправдан самим фактом своего существования, — что в равной мере относится к предыдущим и последующим способам производства. Когда говорят, что другим путем накопление невозможно, то забывают, что этот определенный способ накопления — при посредстве капиталиста — имеет определенную историческую дату своего возникновения и движется в направлении к (тоже исторической) дате своей гибели.

Во-вторых. Раз в руки капиталистов per fas et nefas* перешло столько накопленного богатства, что они могут завладеть производством, то основную массу существующего капитала — по истечении известного времени, — можно считать возникшей исключительно из прибыли (дохода), т. е. из капитализированной прибавочной стоимости.

Джонс недостаточно отмечает один пункт, который он, собственно говоря, лишь молчаливо подразумевает, а именно: если работающий производитель сам себе выплачивает «заработную плату» и его продукт не принимает сперва такую форму,

* — правдами и неправдами. *Ред.*

в которой он «сберегается» из дохода других людей и затем обратно выплачивается последними работнику, то необходимо, чтобы работник владел своими условиями производства (в качестве ли собственника, арендатора или наследственного владельца надела и т. д.). Для того чтобы его «заработная плата» (а вместе с тем «рабочий фонд») противостояла ему как чужой капитал, эти условия производства должны быть им предварительно утрачены, они должны принять форму чужой собственности. Лишь после того как вместе с условиями производства у работника отняли его «рабочий фонд» и все это обособилось в виде противостоящего рабочему *капитала,* лишь после этого начинается дальнейший процесс, который состоит не просто в воспроизведении этих первоначальных условий, а в их дальнейшем развитии, так что как условия производства, так и «рабочий фонд» выступают перед рабочим в качестве «сбережений» из дохода других людей, сделанных для того, чтобы превратиться в капитал. Утратив владение своими условиями производства и, тем самым, своим «рабочим фондом», рабочий утратил также и функцию накопления, и всякое делаемое им добавление к богатству выступает в виде дохода других людей, который предварительно должен быть «сбережен» этими людьми, — т. е. не должен быть израсходован в качестве дохода, — чтобы выполнять функции капитала и «рабочего фонда» для рабочего.

Так как сам Джонс описывает такое состояние общества, при котором дело обстоит еще не так, при котором еще существует единство [между работником и условиями труда], то ему, естественно, надлежало бы представить указанное *«отделение»* как действительный процесс образования капитала. Раз это «отделение» налицо, процесс образования капитала, конечно, наступает, — он продолжается и расширяется, — ибо прибавочный труд рабочего теперь всегда противостоит рабочему как чужой доход, путем «сбережения» которого только и может происходить накопление богатства и расширение масштаба производства.

Обратное превращение дохода в капитал. Если *капитал* {т. е. отделение условий производства от работника} есть источник прибыли {т. е. источник того, что прибавочный труд выступает как доход капитала, а не труда}, то теперь прибыль становится источником капитала, источником образования нового капитала, т. е. источником того, что добавочные условия производства противостоят рабочему как капитал, как средства для того, чтобы сохранять его в качестве рабочего и все снова и снова присваивать его прибавочный труд. Первоначальное

единство между работником и условиями труда имеет {мы не говорим об отношениях рабства, когда сам работник принадлежит к объективным условиям труда} две основные формы: азиатская община (первобытный коммунизм) и мелкое семейное земледелие (с которым связана домашняя промышленность) того или иного типа. Обе эти формы; являются детскими формами, одинаково мало пригодными для того, чтобы развивать труд как *общественный* труд и повышать производительную силу общественного труда. Отсюда необходимость разъединения, разрыва, противоположности между трудом и собственностью (под последней следует понимать собственность на условия производства). Самой крайней формой этого разрыва, при которой вместе с тем производительные силы общественного труда достигают самого мощного развития, является форма капитала. Первоначальное единство может быть восстановлено лишь на той материальной основе, которую создает капитал, и лишь при посредстве тех революций, которые в процессе этого созидания претерпевают рабочий класс и все общество.

У Джонса недостаточно отмечен еще и следующий пункт:

Тот доход, который непосредственно как доход обменивается на труд, если только это не доход ведущего свое собственное хозяйство работника, нанимающего для себя вторичного работника, есть доход землевладельца, проистекающий из той ренты, которую ведущий свое собственное хозяйство работник платит землевладельцу и которую этот последний вместе со своими слугами и челядью не потребляет целиком in natura*, а частично использует для покупки продуктов и услуг вторичных работников. Этот обмен дохода на труд всегда предполагает, следовательно, первое отношение [отношение между землевладельцем и ведущим свое собственное хозяйство работником, платящим ренту землевладельцу].

[1136] {Подобно тому как часть прибыли даже в том случае, когда промышленный капиталист применяет свой собственный капитал, считается процентом только потому, что этот вид дохода имеет отдельную форму существования, так на основе капиталистического способа производства, даже и тогда, когда работник владеет своими средствами производства и не нанимает никакого другого работника, эти средства производства рассматриваются как капитал, а та часть собственного труда работника, которую он реализует сверх того, что образует обычную заработную плату, выступает как прибыль, обязанная своим существованием его капиталу. Сам работник при этом

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

оказывается разложенным на различные экономические типы. В качестве своего собственного рабочего он получает свою заработную плату, а в качестве капиталиста — свою прибыль. Это замечание относится к главе «Доход и его источники»[138].}

«Существует различие между влиянием, оказываемым на производительные силы народов тем *богатством, которое было сбережено и расходуется в виде заработной платы с целью получения прибыли,* и тем богатством, которое авансируется на содержание труда из дохода. Имея в видя это различие, я употребляю слово *капитал* исключительно для обозначения той части богатства, которая была сбережена из дохода и употребляется с целью получения прибыли» (стр. 36—37) [Русский перевод, стр. 314].

«Мы могли бы... понимать под капиталом *всякое богатство, предназначенное для содержания труда,* безразлично, проделало ли оно *предварительный процесс сбережения или нет...* В таком случае, прослеживая у различных народов и при различных условиях положение трудящихся классов и тех, кто им платит, мы должны были бы проводить различие между *таким капиталом, который был сбережен,* и *таким капиталом, который не подвергался процессу накопления,* короче, между таким капиталом, который является доходом, и таким капиталом, который не является доходом» (стр. 36) [Русский перевод, стр. 313—314].

«Во всех странах Старого света, за исключением Англии и Голландии, *заработная плата* земледельцев *не авансируется из фондов, сбереженных и накопленных из доходов,* а *производится самими работниками* и никогда *не существует ни в какой иной форме, кроме как в форме запаса для их собственного непосредственного потребления»* (стр. 37) [Русский перевод, стр. 314].

От других политико-экономов (исключая, пожалуй, Сисмонди) Джонса отличает то, что он как существенный момент подчеркивает социальную определенность формы капитала и к этой определенности формы сводит все различие между капиталистическим способом производства и другими способами производства. Эта социальная определенность формы капитала состоит в том, что труд непосредственно превращается в капитал и что, с другой стороны, этот капитал покупает труд не ради его потребительной стоимости, а для увеличения своей собственной стоимости, для создания прибавочной стоимости (более высокой меновой стоимости), «с целью получения прибыли».

Но вместе с тем здесь обнаруживается, что само «сбережение дохода» с целью превращения его в капитал и само «накопление» лишь по *форме* отличаются от других условий, в которых «богатство предназначено для содержания труда». Земледельческие рабочие в Англии и Голландии, получающие свою заработную плату от капитала «авансом», точно так же «производят свою заработную плату сами», как и французский крестьянин или ведущий свое собственное хозяйство русский крепостной. Если рассматривать процесс производства в его непрерывности, то

капиталист сегодня авансирует рабочему в качестве «заработной платы» лишь некоторую часть продукта, «произведенного» этим рабочим вчера. Различие [между капиталистическим способом производства и другими способами производства] заключается, стало быть, не в том, что в одном случае рабочий производит свою собственную заработную плату, а в другом не производит. Различие заключается в том, что этот его продукт [в одном случае] выступает как *заработная плата;* что в одном случае [в условиях капиталистического способа производства] продукт рабочего (та часть продукта рабочего, которая образует «рабочий фонд»), во-первых, выступает как *чужой* доход; затем, однако, во-вторых, затрачивается не как доход, а также и не на такой труд, в виде которого доход потребляется непосредственно как доход, и, в-третьих, противостоит рабочему как *капитал,* который возвращает рабочему эту часть продукта в обмен не просто на эквивалент, а на большее количество труда,,чем овеществлено в передаваемом рабочему продукте. Таким образом, продукт рабочего выступает, во-первых, как чужой доход, во-вторых, как «сбережения» из дохода для покупки труда с целью получения прибыли, т. е. он выступает в качестве *капитала.*

Этот процесс, в котором собственный продукт рабочего противостоит ему как *капитал,* и имеет в виду Джонс, когда он говорит, что «рабочий фонд» «проделал предварительный процесс сбережения», «подвергся процессу накопления», что этот фонд, прежде чем быть обратно превращенным в средства существования рабочего, «существует в *иной форме»* (здесь Джонс прямо говорит об одном лишь *изменении формы),* нежели «в форме запаса для непосредственного потребления работников». Все различие состоит в том *превращении формы,* которое претерпевает произведенный рабочим «рабочий фонд», прежде чем он снова возвращается к рабочему в форме заработной платы. Поэтому в случае с самостоятельными крестьянами или с самостоятельными ремесленниками «рабочий фонд» никогда и не принимает форму «заработной платы».

[1137] «Сбережение» и «накопление» здесь, — поскольку речь идет о «рабочем фонде», — являются всего лишь *названиями* для тех превращений формы, которые претерпевает продукт работника. Работник, ведущий свое собственное хозяйство, так же потребляет свой продукт, как и наемный рабочий, или, вернее, последний потребляет свой продукт так же, как и первый. Разница только в том, что у наемного рабочего его продукт *выступает* как нечто сбереженное, или накопленное, из дохода *другого лица* — капиталиста. В действительности

же дело, наоборот, обстоит так, что этот процесс дает возможность капиталисту «сберегать», или «накоплять», для самого себя прибавочный труд рабочего; потому Джонс и подчеркивает так сильно то обстоятельство, что при некапиталистическом способе производства накопление проистекает не из прибыли, а из «заработной платы», т. е. из дохода самостоятельного земледельца или такого ремесленника, который обменивает свой труд непосредственно на доход (да и как же иначе из среды этих самостоятельных земледельцев и ремесленников могли бы возникнуть буржуа?), и из ренты, получаемой земельными собственниками. Но для того чтобы «рабочий фонд» проделал эти превращения, необходимо также, чтобы и условия производства противостояли работнику тоже как капитал, чего нет в других формах. Увеличение *богатства* в этом последнем случае представляется не исходящим от рабочего, а получающимся из прибыли посредством сбережения, посредством обратного превращения прибавочной стоимости в капитал, — подобно тому как сам «рабочий фонд» (прежде чем увеличиться посредством нового накопления) противостоит рабочему в качестве капитала.

«Сбережение», в буквальном значении этого слова, имеет смысл лишь в отношении того капиталиста, который капитализирует свой доход, в противоположность тому капиталисту, который его проедает, расходует в качестве дохода, но оно не имеет ни малейшего смысла для характеристики отношения между капиталистом и рабочим.

Два основных факта характеризуют капиталистическое производство:

Во-первых, концентрация средств производства в немногих руках, вследствие чего они перестают выступать в качестве непосредственной собственности отдельного работника, а выступают как силы общественного производства, хотя вначале еще только в качестве собственности неработающих капиталистов. Последние являются в буржуазном обществе их опекунами и пользуются всеми плодами этого опекунства.

Во-вторых, организация самого труда как труда общественного посредством кооперации, разделения труда и соединения труда с результатами господства общества над силами природы.

И тем и другим путем капиталистическое производство уничтожает частную собственность и частный труд, хотя еще только в антагонистических формах.

Смысл того, что у А. Смита составляет главное различие между производительным и непроизводительным трудом, а

именно, что первый обменивается непосредственно на капитал, а второй непосредственно на доход, — смысл этого различия вполне выясняется лишь у Джонса. Здесь обнаруживается, что первого рода труд характеризует капиталистический способ производства; второй же — там, где он господствует, — принадлежит прежним способам производства, а там, где он только изредка встречается, он ограничивается (или должен был бы ограничиваться) такими сферами, где нет непосредственного производства богатства.

«Капитал — это тот инструмент, при помощи которого приводятся в действие все факторы, увеличивающие эффективность человеческого труда и производительные силы народов... Капитал — это накопленный результат *прошлого труда,* употребляемый для достижения определенного эффекта на определенном участке работы по производству богатства» (стр. 35) [Русский перевод, стр. 312].

(В примечании к этому месту Джонс говорит:

«Будет уместно и разумно считать акт производства незаконченным до тех пор, пока произведенный товар не доставлен в руки того человека, который должен его потребить; все, что было сделано до того, имеет в виду эту цель. Лошадь и повозка лавочника, которые доставляют нам чай из Хартфорда в наш колледж, так же необходимы, если мы хотим иметь этот чай, чтобы потребить его, как и труд китайца, собравшего и высушившего чайные листья».)

«Но... *этот капитал...* не во всяком обществе выполняет *все те задачи, которые он может выполнять.* Во всех случаях он берется за их выполнение лишь постепенно и в определенной последовательности, *и примечателен и в высшей степени важен тот факт, что та особая функция,* выполнение которой *существенно* для *значительного развития мощи капитала во всех его других функциях, есть как раз та функция,* которую *капитал* в отношении большей части работников земного шара *вообще еще никогда не выполнял»* (стр. 35—36).

«Я имею в виду *авансирование заработной платы»* (стр. 36) [Русский перевод, стр. 313].

«Заработная плата авансируется капиталистами в случаях, распространяющихся менее чем на одну четвертую часть работников земного шара... Это обстоятельство... имеет первостепенное значение при объяснении относительного прогресса народов» (там же).

[1138] «Капитал, или накопленный запас, лишь позднее, после того как он выполнял различные другие функции при производстве богатства, берет на себя функцию *авансирования* работнику его заработной платы» (стр. 79) [Русский перевод, стр. 350].

В последней фразе Джонса (со стр. 79) капитал по сути дела охарактеризован как «отношение», не только как «накопленный запас», а как вполне определенное производственное отношение. «Запас» не может «брать на себя функцию авансирования заработной платы». И Джонс подчеркивает, что *основной формой капитала,* — той формой, в которой он придает отличительный характер всему процессу общественного производства,

господствует над ним и приводит к совершенно новому развитию производительных сил общественного труда, революционизируя все социальные и политические отношения, — является та форма, в которой капитал противостоит наемному труду, выплачивает заработную плату. Джонс отмечает, что до выступления капитала в этой, имеющей решающее значение, функции капитал выполняет другие функции, выступает в других, подчиненных, но исторически более ранних, формах, но что его мощь во всех его функциях достигает своего полного развития лишь с выступлением его в качестве промышленного капитала. С другой стороны, в своей третьей лекции: «О том, как капитал *или* капиталисты» {здесь, в этом *«или»,* и зарыта собака: только в результате этой персонификации накопленный запас становится капиталом} «постепенно берут на себя последовательные функции в производстве богатства», — Джонс не говорит нам, каковы эти более ранние функции. В действительности это могут быть лишь функции торгового капитала или капитала, занятого торговлей деньгами. Но хотя Джонс столь близко подходит к правильному взгляду и в известном смысле сам высказывает его, он, с другой стороны, как политико-эконом все же до такой степени находится в плену буржуазного фетишизма, что ни один черт не может поручиться, что Джонс здесь не имеет в виду те различные функции, для которых «накопленный запас» может служить просто в качестве накопленного запаса. Положение Джонса:

«Капитал, или *накопленный запас,* лишь позднее, после того как он выполнял различные другие функции при производстве богатства, *берет на себя* функцию *авансирования* работнику его заработной платы» (стр. 79)

— есть полное выражение того противоречия, что, с одной стороны, у Джонса имеет место правильное историческое рассмотрение капитала, а с другой стороны, оно затемнено свойственным политико-экономам ограниченным представлением, будто «запас» как таковой и есть «капитал». Поэтому «накопленный запас» становится у Джонса личностью, которая «берет на себя функцию авансирования заработной платы» работникам. Джонс разрушает свойственную политико-экономам ограниченность, еще сам находясь в плену у нее, — и разрушение ее становится необходимым, коль скоро капиталистический способ производства рассматривается как исторически определенный способ производства и уже не представляется больше вечным естественным отношением производства.

Мы видим, какой большой скачок сделан от Рамсея до Джонса. Как раз ту функцию капитала, которая делает его капиталом, — авансирование заработной платы, — Рамсей объ-

являет случайной функцией, вызванной лишь нищетой основной массы народа и безразличной для процесса производства как такового. В этой ограниченной форме Рамсей *отрицает* необходимость капиталистического способа производства. Джонс же {поразительно, что оба они были попами английской государственной церкви[139]. Английские попы всё же, по-видимому, думают больше, чем континентальные} показывает, что именно эта функция делает капитал капиталом и обусловливает характерные особенности капиталистического способа производства. Джонс показывает, как эта форма возникает лишь на известной ступени развития производительных сил и создает тогда совершенно новый материальный базис. Но поэтому Джонс гораздо глубже, чем Рамсей, понимает также и «упразднимость», лишь исторически преходящую необходимость этой формы. Джонс отнюдь не считает капиталистические отношения вечными отношениями:

«Когда-нибудь в будущем может возникнуть такой порядок вещей, — и *отдельные части света, возможно, приближаются к нему,* — при котором работники и владельцы накопленного запаса будут тождественны; но в развитии народов... этого до сих пор *никогда еще* не было, и для того чтобы проследить и понять *это развитие,* мы должны наблюдать, как работники постепенно переходят из-под власти заказчиков, которые платят им из своего дохода, во власть предпринимателей, платящих им авансированием капитала, из валового продукта которого владельцы его рассчитывают реализовать для себя особого рода доход. Это, возможно, не является столь же *желательным порядком вещей, как тот, при котором работники и капиталисты тождественны;* но мы должны *тем не менее принимать его как известную стадию в ходе развития производства,* которая до сих пор была характерна для развития передовых народов. До этой стадии жители Азии еще не дошли» (стр. 73) [Русский перевод, стр. 344].

[1139] Здесь Джонс без всяких обиняков заявляет, что он «принимает» капитал и капиталистический способ производства лишь как переходную фазу в развитии общественного производства, как такую фазу, которая, с точки зрения развития производительных сил общественного труда, означает громадный прогресс в сравнении со всеми предшествовавшими формами, но которая отнюдь не есть конечный результат, а, напротив, в присущей ей форме антагонизма между «владельцами накопленного богатства» и «фактическими работниками» заключает в себе необходимость своей гибели.

Джонс был профессором политической экономии в Хейлибери, *преемником Мальтуса.* Здесь мы видим, как действительная наука политической экономии кончает тем, что рассматривает буржуазные производственные отношения как всего лишь *исторические,* которые ведут к более высоким отношениям, где

исчезает тот антагонизм, на котором основаны буржуазные производственные отношения. Своим анализом политическая экономия разбивает те кажущиеся самостоятельными по отношению друг к другу формы, в которых выступает богатство. Ее анализ (даже уже у Рикардо) идет настолько далеко, что

1) исчезает *самостоятельная вещественная форма богатства,* и оно просто выступает скорее как деятельность людей. Все, что не является результатом человеческой деятельности, результатом труда, есть природа и в качестве таковой не является социальным богатством. Призрак товарного мира рассеивается, и этот мир выступает всего лишь как постоянно исчезающее и постоянно вновь создаваемое объективирование человеческого труда. Всякое вещественно прочное богатство есть лишь мимолетное овеществление этого общественного труда, кристаллизация процесса производства, мерой которого является время — мера самого движения.

2) Те многообразные формы, в которых различные составные части богатства притекают к различным частям общества, утрачивают свою кажущуюся самостоятельность. Процент — это лишь часть прибыли, рента — только добавочная прибыль. Поэтому и процент и рента растворяются в прибыли, а сама прибыль сводится к *прибавочной стоимости,* т. е. к неоплаченному труду. Но стоимость товара сама сводится лишь к рабочему времени. Рикардианская школа заходит даже так далеко, что одну из форм присвоения этой прибавочной стоимости — земельную собственность (ренту) — она отрицает как бесполезную, коль скоро ее получают частные лица [а не государство]. Рикардианская школа отрицает земельного собственника как функционера капиталистического производства. Антагонизм, таким образом, сводится к антагонизму между капиталистом и наемным рабочим. Но это отношение между капиталистом и наемным рабочим рикардианская политическая экономия рассматривает как нечто данное, как закон природы, на котором покоится сам процесс производства. Позднейшие экономисты — такие, как Джонс — идут дальше этого и признают уже только *историческую* правомерность этого отношения. Но с того момента, когда буржуазный способ производства и соответствующие ему отношения производства и распределения признаются *историческими,* приходит конец заблуждению, рассматривающему буржуазный способ производства как естественный закон производства, и открывается перспектива нового общества, новой экономической общественной формации, к которой буржуазный способ производства образует лишь переход.[140] [1139]

[1139] Нам предстоит рассмотреть у Джонса еще разные вопросы:

1) Каким образом именно капиталистический способ производства — авансирование заработной платы капиталом — изменяет форму [производства] и производительные силы. 2) Рассуждения Джонса о накоплении и норме прибыли.

Но прежде всего здесь надо еще отметить следующий пункт:

[1140] «Капиталист явился только посредником в предоставлении работникам выгоды от расходования доходов окружающими их покупателями в новой форме и при новых обстоятельствах» (стр. 79) [Русский перевод, стр. 349].

Это относится к тем неземледельческим работникам, которые раньше жили непосредственно на доход землевладельцев и т. д. Вместо того чтобы эти работники непосредственно обменивали свой труд (или продукт своего труда) на указанные доходы, теперь капиталист обменивает продукт их труда — собранный и сконцентрированный в его руках — на эти доходы, или последние превращаются в капитал, обмениваются на капитал, образуя выручку капитала. Вместо того чтобы быть непосредственной выручкой труда, они образуют теперь непосредственную выручку капитала, применяющего рабочих.[141] [1140]

[1144] После того как Джонс изобразил *капитал* как специфическое производственное отношение, существенная особенность которого состоит в том, что накопленное богатство выступает в качестве авансирующего заработную плату, а сам «рабочий фонд» фигурирует как «богатство, сбереженное из дохода и употребляемое с целью получения прибыли», он рассматривает характерные для этого способа производства изменения в развитии производительных сил. Очень хорошо Джонс говорит о том, как с *изменением* материальных производительных сил изменяются экономические отношения, а вместе с ними — социальное, моральное и политическое состояние народов:

«По мере того как *общества изменяют свои производительные силы,* они *неизбежно изменяют и свои обычаи.* В ходе своего развития все разнообразные классы общества обнаруживают, что они связаны с другими классами *новыми отношениями,* занимают *новое положение* и окружены новыми моральными и социальными опасностями и *новыми условиями* социального и политического прогресса» (стр. 48) [Русский перевод, стр. 323—324].

Прежде чем заняться рассмотрением того, каким образом Джонс изображает влияние капиталистической формы производства на развитие производительных сил, приведем еще несколько мест, находящихся в связи с тем, что было приведено выше.

«*Изменения в экономической организации обществ* и в тех факторах и средствах, — обильных или скудных, — при помощи которых

выполняются задачи производства, *сопровождаются большими,* политическими, социальными, моральными и интеллектуальными изменениями. Эти изменения неизбежно оказывают решающее влияние на различные политические и социальные элементы населения, в недрах которого они совершаются; это влияние распространяется на интеллектуальный склад, на привычки, обычаи, нравы и счастье народов» (стр. 45) [Русский перевод, стр. 320—321].

«Англия — это единственная большая страна, которая сделала... первый шаг в продвижении по направлению к совершенству *в смысле производящей машины,* единственная страна, где население — как земледельческое, так и неземледельческое — подчинено руководству капиталистов и где воздействия принадлежащих капиталистам средств и тех особых функций, которые могут выполнять одни только капиталисты, повсеместно ощущаются не только в громадном росте богатства страны, но также и во всех экономических отношениях и в положении ее населения. Однако Англию — я говорю это с сожалением, но без малейшего колебания — нельзя считать удачным примером [1145] судьбы народа, развивающего подобным образом свои производительные силы» (стр. 48—49) [Русский перевод, стр. 324].

«Рабочий фонд в целом состоит: 1) из такой заработной платы, которую производят сами работники; 2) из доходов других классов, затрачиваемых на содержание труда; 3) из капитала, или из богатства, сбереженного из дохода и применяемого для авансирования заработной платы с целью получения прибыли. Тех, кто содержится на первую часть рабочего фонда, мы будем называть *ненаемными работниками.* Тех, кто содержится на вторую часть, — *оплачиваемыми обслуживателями.* Тех, кто содержится на третью часть, — *наемными рабочими.* Получение заработной платы из какой-нибудь одной из этих трех частей рабочего фонда определяет *взаимоотношения работника с другими классами общества* и тем самым определяет — иногда непосредственно, иногда более или менее косвенно — ту степень непрерывности, искусности и силы, с какою выполняются задачи производства» (стр. 51—52) [Русский перевод, стр. 326].

«На первую часть рабочего фонда, на *производимую самими работниками заработную плату,* содержится больше половины — вероятно, даже больше двух третей — трудящегося населения мира. Эти работники повсюду состоят из крестьян, наделенных землей и обрабатывающих ее... Вторая часть рабочего фонда, — *доход, затрачиваемый на содержание труда,* — содержит значительное большинство *производительных* неземледельческих работников Востока. Некоторое значение эта часть рабочего фонда имеет на континенте Европы, тогда как в Англии она охватывает лишь немногочисленных ремесленников, занятых случайными работами и представляющих собой *остатки более многочисленного класса...* Третья часть рабочего фонда, *капитал,* дает в Англии занятие значительному большинству ее работников, тогда как в Азии она содержит лишь небольшое число лиц, а в континентальной Европе эта часть содержит лишь неземледельческих работников, которые в целом не составляют, вероятно, и четверти всего производительного населения» (стр. 52) [Русский перевод, стр. 326—327].

«Я не выделил особо *рабский труд... Гражданские права* работников не оказывают влияния на их *экономическое положение.* Можно наблюдать, как рабы, подобно свободным людям, содержатся на любой вид рабочего фонда» (стр. 53) [Русский перевод, стр. 327].

Однако если «гражданские права» работников не оказывают влияния на «их экономическое положение», то их экономическое

положение оказывает влияние на их гражданские права. Наемный труд в национальном масштабе, а потому также и капиталистический способ производства, возможен только там, где рабочий лично свободен. Он покоится на личной свободе рабочих.

Смитовское различение производительного и непроизводительного труда правильно сводится Джонсом к его сущности, к капиталистическому и некапиталистическому труду, так как он правильно проводит смитовское различение работников, оплачиваемых капиталом, и работников, оплачиваемых из дохода. Но сам Джонс под противопоставлением *производительного* и *непроизводительного* труда понимает, очевидно, противопоставление такого труда, который входит в производство материального [богатства], и такого, который в него не входит. Это следует из того [цитированного выше] места [со стр. 52], где Джонс говорит о *производительных работниках,* зависящих от затрачиваемого на них дохода. Далее, из следующих мест:

«Та часть общества, которая *непроизводительна в смысле производства материального богатства,* может быть *полезной* или *бесполезной»* (стр. 42) [Русский перевод, стр. 318].

«Разумно считать *акт производства* незаконченным до тех пор, пока *произведенный товар* не доставлен в руки того человека, который должен его потребить» (стр. 35, примечание) [Русский перевод, стр. 312].

Различие между работниками, живущими за счет капитала, и работниками, живущими за счет дохода, относится к форме труда. В этом состоит все различие между капиталистическим и некапиталистическим способами производства. Напротив, если понятие производительных и непроизводительных работников брать в более узком смысле, то производительным трудом будет всякий такой труд, который входит в производство *товара* (производство охватывает здесь все акты, через которые должен пройти товар от первичного производителя до потребителя), каким бы ни был этот труд — физическим или нефизическим (научным), — а непроизводительным трудом будет такой труд, который не входит в производство товара и целью которого производство товара не является. Это различение нельзя упускать из виду, и то обстоятельство, что все другие виды деятельности в свою очередь воздействуют на материальное производство, и vice versa*, абсолютно ничего не меняет в необходимости такого различения.

* — наоборот. *Ред.*

[б) ДЖОНС О ВЛИЯНИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ПРОИЗВОДСТВА НА РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ. ВОПРОС ОБ УСЛОВИЯХ ПРИМЕНИМОСТИ ДОБАВОЧНОГО ОСНОВНОГО КАПИТАЛА]

[1146] Мы переходим теперь к вопросу о *развитии производительных сил* под влиянием капиталистического способа производства.

[Джонс говорит:]

«Здесь, пожалуй, будет уместно указать на то, как этот факт» {авансирование заработной платы капиталом} «влияет на *производительные силы* работников, или на *непрерывность, знания* и *силу, с* которыми осуществляется труд... Капиталист, оплачивающий рабочего, может содействовать *непрерывности его труда,* во-первых, *тем, что он делает такую непрерывность возможной,* во-вторых, тем, что он *осуществляет надзор* и *принуждает к* ней. Множество различных работников во всем мире бродит по улицам в поисках заказчиков, их заработная плата зависит от *случайных потребностей* людей, как раз в этот момент нуждающихся в их услугах или в тех предметах, которые они изготовляют. С подобным положением столкнулись в Китае первые миссионеры: «Там ремесленники с утра до вечера бегают по городу в поисках заказчиков. Большая часть китайских рабочих работает в частных домах. Вам нужна, например, одежда. Портной утром приходит к вам и вечером уходит домой. Так же обстоит дело со всеми другими ремесленниками. Они постоянно бегают по улицам в поисках работы, даже кузнецы, таскающие с собой свой молот и свой горн для обычных работ. И цирюльники тоже... обходят улицы с креслом на плечах и с тазом и котелком для горячей воды в руках»[142]. Это до сих пор остается обычным явлением на всем Востоке и отчасти также в Западном мире.

Так вот, этого рода работники не могут *непрерывно работать в течение сколько-нибудь продолжительного времени.* Они должны подобно извозчикам передвигаться по улицам в поисках заказчиков и, когда не находят их, вынуждены оставаться праздными. Если с течением времени в их экономическом положении наступает перемена и они *становятся рабочими капиталиста, авансирующего им их заработную плату,* то имеют место двоякого рода последствия: во-первых, они теперь *могут* работать непрерывно; во-вторых, здесь имеется лицо, *функция и интересы которого заключаются в том, чтобы заставить* рабочих *действительно* непрерывно работать... Капиталист... располагает ресурсами, позволяющими ему ждать заказчиков... Таким образом, здесь имеет место *возросшая непрерывность в труде* всего этого класса людей. *Они работают ежедневно с утра до вечера,* и работа их *не прерывается* ожиданием или поисками заказчика, который должен потребить изготовляемый ими предмет.

Но *непрерывность труда рабочих,* которая таким образом делается *возможной,* обеспечивается и увеличивается благодаря *надзору капиталиста.* Он *авансировал их заработную плату,* он *должен получить продукт их труда. В его интересах и его привилегия — следить за тем, чтобы они не работали с перерывами или медленно.*

Если непрерывность труда таким образом обеспечена, то действие даже одного этого изменения на производительную силу труда громадно... *Производительная сила удваивается.* Двое рабочих, непрерывно работающих весь год с *утра до вечера,* произведут, вероятно, больше, чем четверо

рабочих, не имеющих постоянной работы и теряющих много времени на поиски заказчиков и на возобновление прерванных работ» (стр. 37—38) [Русский перевод, стр. 314—316].

[Относительно сказанного здесь Джонсом следует заметить:]

Во-первых. Переход от тех работников, которые оказывают случайные услуги, шьют сюртук или брюки в доме земельного собственника и т. д., к тем рабочим, которым дает работу капитал, очень хорошо изображен уже у *Тюрго.*

Во-вторых. Эта непрерывность труда отличает капиталистический труд от той формы труда, которую изображает Джонс, но не от крупного производства, основанного на рабском труде.

В-третьих. Неправильно называть увеличением производительной силы труда *увеличение* самого *труда* вследствие увеличения его продолжительности и устранения перерывов в работе. Увеличение производительной силы труда имеет здесь место лишь постольку, поскольку непрерывность труда увеличивает личное искусство рабочего. Под [увеличением] производительной силы труда мы понимаем большую эффективность, с которой применяется данное количество труда, а не какое-либо изменение в количестве применяемого труда. То, о чем говорит Джонс, относится скорее к формальному подчинению труда капиталу и достигает своего полного развития лишь с развитием основного капитала. (Об этом — сейчас.)

Джонс правильно подчеркивает то обстоятельство, что капиталист рассматривает труд как свою собственность, из которой ничто не должно пропадать. Если же перед нами труд, зависящий непосредственно от дохода, то речь идет только о потребительной стоимости труда.

[1147] Далее, Джонс вполне правильно отмечает, что усидчивый, продолжающийся с утра до вечера труд неземледельческих рабочих отнюдь не есть нечто данное от природы, а сам является *продуктом* экономического развития. В противоположность азиатской форме труда и западной форме деревенского труда (господствовавшей прежде, а отчасти наблюдающейся еще и теперь), городской труд средневековья образует уже большой шаг вперед и является подготовительной школой для капиталистического способа производства, для непрерывности и постоянства труда.

{Об этой *непрерывности труда* в анонимной брошюре «An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption» etc., London, 1821, говорится следующее:

«Капиталист, кроме того, содержит, так сказать, *контору по найму* труда: он *страхует от* неуверенности в возможности найти сбыт для труда.

Если бы капиталиста не было, то эта неуверенность во многих случаях мешала бы приступить к той или иной работе. Благодаря его капиталу заботы по приисканию покупателя и по посещению рынка становятся сравнительно незначительными» (стр. 102).

В той же брошюре мы читаем:

«Там, где капитал в значительной мере состоит из *основного* капитала, или же там, где он вложен в землю,.. предприниматель в гораздо большей степени (чем в том случае, когда применяется меньше основного капитала) *вынужден* продолжать применять приблизительно то же самое количество оборотного капитала, что и раньше, чтобы не лишиться *какой бы то ни было* прибыли от той части, которая является основным капиталом» (стр. 73).}

{[Джонс говорит далее:]

«Быть может, наиболее разительную картину того положения, какое сложилось в Китае в результате зависимости работников от доходов их заказчиков, можно увидеть на китайской выставке, которую так долго держал открытой в Лондоне ее американский владелец. Выставка заполнена изображениями ремесленников с их небольшими наборами инструментов, ищущих заказчиков и пребывающих в праздности, если заказчики не появляются. Здесь наглядно выступает неизбежное в подобном случае отсутствие *той непрерывности труда,* которая является одним из трех основных элементов его производительности. Для всякого осведомленного наблюдателя достаточно заметно *также отсутствие основного капитала и машин,* которые являются едва ли менее важными элементами производительности труда» (стр. 73) [Русский перевод, стр. 344—345].

«Подобную же картину можно наблюдать в городах Индии, там, где появление европейцев еще не изменило положения. Однако в сельских местностях Индии ремесленники обеспечиваются особым способом... Те ремесленники и другие неземледельческие работники, которые были действительно необходимы данной деревне, содержались на часть общих доходов ее жителей. За счет этого фонда по всей стране жили многочисленные группы потомственных работников, чей труд удовлетворял простые потребности и вкусы, которых земледельцы не могли удовлетворить своим собственным трудом. Положение и права этих сельских ремесленников вскоре стали, подобно всем правам на Востоке, наследственными. Ремесленники находили своих заказчиков среди других деревенских жителей. Жители деревень были оседлы и неподвижны, и такими же были и обслуживавшие их ремесленники...

Городские ремесленники находились и находятся в совершенно ином положении. Они получали свою заработную плату в сущности из того же фонда — из избыточного дохода с земли, — но как способ его распределения, так и лица, распределяющие его, здесь были иные, в результате чего ремесленники утратили *постоянную оседлость* и были вынуждены предпринимать частые и обычно пагубные переселения... Такие *ремесленники не прикованы к определенной местности, своей зависимостью от масс основного капитала.* (Как, например, в Европе, где хлопчатобумажные и другие предприятия привязаны к местностям, богатым водяной силой или топливом для производства пара, и где значительные массы богатства существуют в виде зданий, машин и т. д.)... Иначе обстоит дело тогда, когда работник целиком [1148] зависит от *непосредственного получения* части доходов тех людей, которые потребляют производимые им товары... *Такого рода работники не прикованы к данной местности каким-либо основным капиталом.* Если их заказчики на более или менее продолжительное время, а иногда

даже и на короткое время, меняют свое местожительство, неземледельческие работники вынуждены следовать за ними, чтобы не умереть с голоду» (стр. 73—74) [Русский перевод, стр. 345—346].

«Большая часть этого предназначенного для ремесленников фонда распределялась в Азии государством и его чиновниками. Главным центром распределения являлась, естественно, *столица»* (стр. 75) [Русский перевод, стр. 346—347].

«От Самарканда к югу до Биджапура и Серингапатама мы можем проследить развалины исчезнувших столиц, население которых покинуло их *внезапно* (а не в результате постепенного упадка, как в других странах), *как только были основаны новые центры распределения королевских доходов,* т. е. всей массы избыточных доходов с земли» (стр. 76) [Русский перевод, стр. 347].

Смотри *д-ра Бернье*[143], который сравнивает индийские города с военными лагерями. Все это покоится, стало быть, на господствовавшей в Азии форме земельной собственности.}

* * *

От *непрерывности* труда мы переходим теперь к разделению труда, развитию знаний, применению машин и т. д. [Джонс пишет:]

«Сказанным отнюдь не исчерпывается *влияние, оказываемое* на *непрерывность труда переменой тех хозяев, которые оплачивают работников. Различные виды работ могут теперь подвергнуться дальнейшему разделению...* Если он» (капиталист) «дает работу не одному человеку, а нескольким, то он может разделить ее между ними; он может постоянно использовать каждого рабочего для выполнения определенной части общей работы, той части, которую этот рабочий выполняет лучше всего... Если капиталист богат и нанимает достаточное количество рабочих, то работа может *подразделяться* до тех пор, пока она вообще способна на дальнейшее подразделение. И тогда достигается полная непрерывность труда... Взяв на себя функцию авансирования заработной платы, капитал теперь шаг за шагом довел до совершенства *непрерывность* труда. Одновременно капитал увеличивает те *знания* и то *искусство, с* которыми этот труд применяется для получения требуемого результата.

Класс капиталистов сначала отчасти, а в конце концов и совершенно *освобождается от необходимости физического труда.* Их *интерес требует, чтобы производительная сила* применяемых ими *рабочих* была возможно более велика. Поэтому *их внимание направлено,* и притом почти исключительно, *на увеличение этой силы.* Мысль все больше и больше нацеливается на изыскание наилучших средств для достижения всех целей человеческого труда; *знания* расширяются, увеличивают сферу своего применения и содействуют труду почти во всех отраслях производства...

Но пойдем дальше и обратимся к *механической силе.* Капитал, применяемый не для *оплаты* труда, а для *содействия* ему, мы будем называть *вспомогательным капиталом».*

{Под «вспомогательным капиталом» Джонс, следовательно, понимает ту часть постоянного капитала, которая не состоит из сырья.}

«Масса вспомогательного капитала нации может, при выполнении определенных условий, беспредельно возрастать, даже если число рабочих

остается тем же самым. С каждым шагом в этом направлении растет третий элемент эффективности человеческого труда, а именно — его *механическая сила... Итак, масса вспомогательного капитала увеличивается по отношению к населению...* Какие же условия должны быть выполнены для того, чтобы масса вспомогательного капитала, применяемого в целях содействия им» {рабочим, нанятым капиталистом}, «могла возрастать? Налицо должны быть одновременно три условия:

1) средства для сбережения добавочного капитала;

2) желание сберечь его;

3) какое-нибудь изобретение, дающее возможность, посредством применения вспомогательного капитала, увеличить производительную силу труда, и притом увеличить ее в такой степени, чтобы *труд, сверх ранее производившегося им богатства, воспроизводил еще примененный добавочный вспомогательный капитал, по мере потребления последнего, с некоторой прибылью на него...*

Если *вся та масса вспомогательного капитала, которая может быть прибыльно применена при данном состоянии знаний, уже налицо,..* то лишь *возросший уровень знаний* может указать средства для применения большей массы капитала. Далее, такое применение практически осуществимо только в том случае, когда изобретенные средства *настолько повышают силу труда, что он в состоянии воспроизводить добавочный капитал за то время, в течение которого капитал этот изнашивается.* Если этого нет, капиталист потеряет свое богатство... Но, помимо этого, возросшая эффективность труда рабочих должна *производить еще некоторую прибыль,* ибо в противном случае у капиталиста вообще не было бы побуждения применять свой капитал в производстве... До тех пор пока *посредством применения новых масс вспомогательного капитала возможно достижение обеих указанных целей,* не существует твердой и окончательной границы для все возрастающего применения таких новых масс капитала. Рост капитала может идти нога в ногу с *ростом знаний.* Но знания никогда не стоят на месте. И так как они ежечасно развиваются во всех направлениях, то ежечасно могут появляться новые орудия, новые машины, новые двигательные силы, дающие нации возможность с выгодой для себя добавлять кое-что к массе вспомогательного капитала, содействующего ее труду, и *этим путем увеличивать разницу между производительностью ее труда* и производительностью труда более бедных и менее искусных наций» (цит. соч. [стр. 38—41]) [Русский перевод, стр. 316—318].

[1149] Прежде всего, отметим замечание Джонса, что новые изобретения, приспособления или устройства должны быть способны «увеличить производительную силу труда в такой степени, чтобы труд, сверх ранее производившегося им богатства, воспроизводил еще примененный добавочный вспомогательный капитал, по мере потребления последнего», или чтобы труд «воспроизводил добавочный капитал *за то время, в течение которого капитал этот изнашивается».* Это, стало быть, означает только то, что износ возмещается по мере того, как происходит изнашивание, или что добавочный капитал возмещается в среднем за то же самое время, в течение которого он потребляется. Часть стоимости продукта — или, что сводится к тому же самому, часть продукта — должна возместить потребленный «вспомогательный капитал», и притом за такой проме-

жуток времени, чтобы к тому моменту, когда он будет целиком потреблен, он мог бы быть целиком воспроизведен, или чтобы новый капитал того же рода мог занять место потребленного капитала. Но что является условием этого? В результате применения добавочного «вспомогательного капитала» производительность труда должна возрасти настолько, чтобы часть продукта могла быть выделена для возмещения этой составной части либо in natura, либо путем обмена.

Если производительность труда стала настолько высока, т. е. если количество продуктов, производимых в течение одинакового рабочего дня, возросло настолько, что единица товара теперь *дешевле* единицы товара при прежнем процессе производства, хотя при этом *сумма товаров* своей совокупной ценой покрывает годичный (например) износ машин, так что приходящаяся на единицу товара соответственная часть износа ничтожно мала, то «вспомогательный капитал» воспроизводится. Если из совокупного продукта мы вычтем, во-первых, ту часть, которая возмещает износ, и, во-вторых, ту часть, которая возмещает стоимость сырья, то останется часть, оплачивающая заработную плату, и та часть, которая покрывает прибыль и при прежней цене единицы товара приносит даже большую прибавочную стоимость [чем до применения добавочного «вспомогательного капитала»].

Увеличение продукта могло бы иметь место и без выполнения этого условия. Если бы, например, количество фунтов пряжи увеличилось [только] в 10 раз (а не в 100 и т. д.), а приходящаяся на стоимость единицы продукта доля того добавка, который идет на возмещение износа машин, понизилась с $^1/_6$ до $^1/_{10}$ то пряжа, произведенная при помощи машин, была бы дороже пряжи, произведенной при помощи веретена[144]. Если добавочный капитал в 100 ф. ст. затрачен в земледелии на гуано и если это гуано должно быть возмещено в один год, а стоимость одного квартера продукта (при прежних методах производства) равнялась 2 ф. ст., то нужно было бы произвести 50 добавочных квартеров только для того, чтобы возместить износ[145]. Иначе этот добавочный капитал не мог бы быть применен (мы оставляем здесь в стороне прибыль).

Замечание Джонса, что добавочный капитал должен быть «воспроизведен» (разумеется, путем продажи продукта или же in natura) «за то время, в течение которого капитал этот изнашивается», означает лишь то, что товар должен возместить содержащийся в нем износ. Чтобы снова начать воспроизводство, все содержащиеся в товаре элементы стоимости должны быть возмещены к тому времени, когда снова должно начаться

воспроизводство товара. В земледелии это время воспроизводства дано природными условиями, и то время, в течение которого должен быть возмещен износ, здесь дано совершенно так же, как и то время, в течение которого должны быть возмещены все другие элементы стоимости, например, зернового хлеба.

Для того чтобы процесс воспроизводства мог начаться, т. е. для того чтобы могло иметь место возобновление процесса производства в собственном смысле слова, должен быть пройден процесс обращения, т. е. товар должен быть продан (если только он не возмещает себя сам in natura, как, например, семена), и деньги, за которые товар продан, должны быть снова превращены в элементы производства. Для зернового хлеба и других земледельческих продуктов существуют определенные, предписанные сменой времен года сроки такого воспроизводства, существуют, стало быть, крайние *границы,* положительные границы для продолжительности процесса обращения. [Это — во-первых.]

Во-вторых, такие положительные границы процесса обращения проистекают вообще из природы товаров как потребительных стоимостей. Все товары в определенные сроки портятся, хотя ultima Thule* их существования различна. Если их не потребляют люди (в целях производства или в порядке индивидуального потребления), то их потребляют стихийные силы природы. Они становятся хуже и, в конце концов, разрушаются. Если пропадает потребительная стоимость товаров, то к черту летит и их меновая стоимость, и их воспроизводство прекращается. Следовательно, крайние границы времени обращения товаров определены естественными сроками периодов воспроизводства, свойственными товарам как потребительным стоимостям.

В-третьих, для того чтобы процесс производства товаров был непрерывным, т. е. для того чтобы одна [1150] часть капитала постоянно находилась в процессе производства, а другая постоянно в процессе обращения, должны иметь место весьма различные деления капитала на эти части — в зависимости от естественных границ периодов воспроизводства, в зависимости от границ существования различных потребительных стоимостей или в зависимости от различия тех сфер, в которых капитал действует.

В-четвертых, все сказанное относится одновременно ко всем элементам стоимости товара. Но у тех товаров, в производстве

* — нечто последнее, крайняя точка, крайний предел, конечная цель (буквально: крайняя Фула — островная страна, находившаяся, по представлению древних, на крайнем севере Европы). *Ред.*

которых участвует много основного капитала, кроме границ, предписываемых периоду обращения их собственными потребительными стоимостями, определяющее значение имеет также и потребительная стоимость основного капитала. Он изнашивается в течение определенного периода времени и, следовательно, в течение определенного периода времени должен быть воспроизведен. Положим, например, корабль изнашивается в течение 10 лет или прядильная машина — в течение 12 лет. Полученный за 10 лет фрахт или проданная за 12 лет пряжа должны быть достаточны для того, чтобы новый корабль через 10 лет заменил старый или новая прядильная машина через 12 лет заменила старую. Если основной капитал потребляется в течение полугода, то продукт в течение полугода должен вернуться из обращения.

Таким образом, помимо естественных сроков смертности товаров как потребительных стоимостей, сроков, весьма различных для различных потребительных стоимостей; помимо требований непрерывности процессов производства, в результате чего опять-таки поставлены различные крайние границы времени обращения, смотря по тому, больше или меньше времени должны товары оставаться в сфере производства и больше или меньше времени они могут оставаться в сфере обращения; помимо всего этого сюда присоединяется еще третье обстоятельство: различные сроки смертности — а потому и необходимости воспроизводства — «вспомогательного капитала», входящего в производство товара.

Вторым условием [применения «вспомогательного капитала», увеличивающего производительную силу труда] Джонс считает «прибыль», которую должен «производить» «вспомогательный капитал» и получение которой, действительно, есть conditio sine qua non[*] всякого капиталистического производства, какова бы ни была особая определенность формы применяемого капитала. Джонс нигде не объяснил нам, как, собственно, он представляет себе генезис этой прибыли. Но так как он выводит ее только из «труда», а ту прибыль, которую приносит «вспомогательный капитал», выводит только из возросшей эффективности труда рабочих, то всякая прибыль должна у Джонса сводиться к абсолютному или относительному прибавочному труду. Ведь вообще прибыль коренится в том, что капиталист, — после вычета *части продукта,* возмещающей in natura или путем обмена те составные части капитала, которые состоят из сырья и средств труда, — во-первых, уплачивает из остающейся доли

[*] — необходимое, обязательное условие. *Ред.*

продукта заработную плату, а, во-вторых, часть продукта присваивает себе в качестве *прибавочного продукта,* который он продает или потребляет in natura. (Последнее в условиях капиталистического производства не должно приниматься в расчет, за исключением небольшого числа капиталистов, непосредственно производящих необходимые жизненные средства.) Однако этот прибавочный продукт точно так же, как и другие части продукта, представляет собой овеществленный труд рабочего, но только труд неоплаченный, продукт труда, присвоенный капиталистом без эквивалента.

Новым в трактовке вопроса у Джонса является указание на то, что увеличение «вспомогательного капитала» за определенные пределы зависит от *роста знаний.* Джонс говорит, что для роста «вспомогательного капитала» необходимы: 1) средства для сбережения добавочного капитала, 2) желание сберечь его, 3) какое-нибудь изобретение, дающее возможность в такой степени увеличить производительную силу труда, чтобы можно было воспроизводить добавочный капитал и производить на него прибыль.

Что здесь необходимо в первую очередь, это — наличие *прибавочного продукта,* либо в его натуральной форме, либо превращенного в деньги.

Если взять, например, производство хлопка, то было время, когда плантаторы в Америке (так же, как теперь в Индии) могли бы засевать хлопком большие площади, однако у них не было средств для своевременного превращения хлопка-сырца в хлопковое волокно путем очистки. Часть выращенного хлопка гнила на поле. Конец этому был положен изобретением хлопкоочистительной машины. Часть продукта превращается теперь в хлопкоочистительную машину, но эта последняя не только возмещает свои издержки, но и увеличивает прибавочный продукт. Подобное же действие оказывает появление нового рынка, способствующее, например, превращению кож в деньги. (Таким же образом действует и улучшение транспортных средств.)

Каждая новая машина, потребляющая уголь, является вместе с тем средством для превращения в капитал существующего в виде угля прибавочного продукта. Превращение части прибавочного продукта в «вспомогательный капитал» может происходить двояким способом: [во-первых,] путем увеличения существующего «вспомогательного капитала», его воспроизводства в расширенном масштабе; [во-вторых,] путем открытия новых потребительных стоимостей или путем нового применения старых потребительных стоимостей, а также путем изобре-

тения новых машин или двигателей, в результате чего создаются новые виды «вспомогательного капитала». Расширение знаний, конечно, является здесь одним из условий увеличения «вспомогательного капитала», или, что одно и то же, одним из условий превращения прибавочного продукта или прибавочных денег (важное значение при этом имеет внешняя торговля) в добавочный «вспомогательный капитал». Так, например, изобретение телеграфа открыло совершенно новое поле для вложения «вспомогательного капитала», точно так же железные дороги и т. д., точно так же все производство гуттаперчи или индийского каучука.

[1151] Этот пункт насчет расширения знаний важен.

Накопление вовсе не обязательно должно непосредственно приводить в движение новый труд, оно может ограничиваться тем, что старому труду дается новое направление. Например, та же самая механическая мастерская, которая раньше производила [ручные] ткацкие станки, теперь изготовляет механические, и часть [ручных] ткачей переходит в это изменившееся производство, тогда как остальная часть выбрасывается на улицу.

Когда какая-либо машина заменяет труд, она во всяком случае требует (для своего собственного производства) меньше нового труда, чем заменяет. Возможно, что старому труду дается при этом только новое направление. Во всяком случае высвобождается труд, который после больших или меньших мытарств и блужданий может быть применен в другом направлении. Так поставляется человеческий материал для какой-нибудь новой сферы производства. Что же касается *непосредственного* высвобождения капитала, то здесь высвобождается не тот капитал, который покупает машину, так как ведь он вложен в нее. И даже если предположить, что машина дешевле заработной платы вытесненных ею рабочих, то теперь требуется больше сырья и т. д. Если уволенные рабочие обходились в 500 ф. ст. в год, а новая машина тоже стоит 500 ф. ст., то капиталист прежде должен был затрачивать ежегодно 500 ф. ст., тогда как теперь машина существует, быть может, 10 лет, и капиталист в действительности затрачивает ежегодно только 50 ф. ст. Что здесь во всяком случае высвобождается (после того как мы вычтем расходы на добавочных рабочих, занятых в производстве машины и таких вспомогательных материалов для нее, как, например, уголь), это — тот капитал, который составлял доход уволенных рабочих, или тот, в обмен на который рабочие расходовали свою заработную плату. Этот капитал по-прежнему существует. Если рабочие вытесняются просто

как двигательная сила, без сколько-нибудь значительного изменения самой машины, если, например, теперь машина приводится в движение водой или ветром, тогда как раньше она приводилась в движение рабочими, то высвобождается двойной капитал: капитал, раньше употреблявшийся на оплату рабочих, и тот капитал, на который рабочие обменивали свой денежный доход. Такого рода пример приводит Рикардо*.

Но определенная часть продукта, которая раньше превращалась в заработную плату, теперь непременно воспроизводится в качестве «вспомогательного капитала».

Значительная часть труда, ранее употреблявшаяся непосредственно на производство жизненных средств, теперь употребляется на производство «вспомогательного капитала». Это опять-таки противоречит взгляду А. Смита, согласно которому накопление капитала равнозначно применению *большего* количества производительного труда. Помимо того, о чем говорилось выше, здесь может иметь место просто изменение в применении труда и перемещение труда от непосредственного производства жизненных средств в производство средств производства, железных дорог, мостов, машин, каналов и т. д.

* * *

{Насколько важны для накопления наличная масса средств производства и наличный масштаб производства, видно из нижеследующего отрывка:

«Поразительная быстрота, с какою в Ланкашире может быть воздвигнута большая хлопчатобумажная *фабрика,* включающая в себя прядильное и ткацкое отделения, является следствием того, что у инженеров, конструкторов и машиностроителей имеются *огромные коллекции* всякого рода *образцов,* начиная с гигантских паровых машин, водяных колес, железных балок и стоек и кончая мельчайшей деталью ватермашины или ткацкого станка. В течение последнего года г-н Фэрберн только на своей машиностроительной фабрике (независимо от его заведения по конструированию машин и паровых котлов) построил водяные колеса мощностью в 700 лошадиных сил и паровые машины мощностью в 400 лошадиных сил. Всякий раз, когда возросший спрос на товары привлекает новый капитал, средства для выгодного его применения создаются с такой быстротой, что новый капитал может реализовать прибыль, равную его собственной стоимости, прежде чем подобного рода *фабрика* могла бы быть пущена в ход во Франции, Бельгии или Германии» *(A. Ure.* Philosophie des Manufactures etc. Tome I. Paris, 1836, стр. 61—62).

[1152] Развитие промышленности ведет к удешевлению машин, отчасти относительному — в сравнении с мощностью

* См. настоящий том, часть II, стр. 613—615. *Ред.*

машин, отчасти абсолютному; но в то же время с этим связано громадное скопление машин на фабрике, так что по отношению к применяемому живому труду стоимость машинного оборудования возрастает, хотя стоимость отдельных составных частей его уменьшается.

Двигательная сила — машина, производящая двигательную силу — становится дешевле в той мере, в какой совершенствуются механизм, передающий двигательную силу, и рабочая машина, т. е. в той мере, в какой уменьшается трение и т. д.

«Преимущества, проистекающие из применения самодействующих орудий, не только *усовершенствовали точность машинного оборудования* фабрики и *ускорили его изготовление,* но и в значительной степени *понизили его цену и увеличили его подвижность.* В настоящее время превосходную ватермашину можно купить по 9 шилл. 6 пенсов за веретено, а сельфактор приблизительно по 8 шилл. за веретено, включая патентную пошлину за сельфактор. Веретена на хлопчатобумажной фабрике *движутся с таким незначительным трением, что одна лошадиная сила* приводит в движение 500 веретен на тонкопрядильной машине, 300 веретен на сельфакторе и 180 веретен на ватермашине; этой одной лошадиной силой обслуживаются также и все подготовительные машины, а именно — чесальная машина, ровничная машина и т. д. Трех лошадиных сил достаточно для того, чтобы приводить в движение 30 больших ткацких станков вместе с их шлихтовальной машиной» (*A. Ure.* Philosophie des Manufactures. Tome I. Paris, 1836, стр. 62—63).}

* * *

[Джонс далее отмечает:]

«На подавляющей части земного шара громадное большинство трудящихся классов даже вообще не получают от капиталистов свою заработную плату; они или сами производят ее, или получают ее из дохода своих заказчиков. Здесь еще не сделан первый крупный шаг, обеспечивающий *непрерывность* их труда. Им помогают в труде *лишь то знание* и то *количество механической силы,* какие могут находиться в *распоряжении людей, работающих при помощи собственных рук ради средств существования.* Искусность и наука более развитых стран, гигантские двигательные силы, накопленные орудия и машины, которые эти силы могут приводить в движение, — все это отсутствует в тех видах труда, где участвуют только такие работники» (стр. 43) [Русский перевод, стр. 319].

{Даже в Англии:

«Возьмем земледелие... Знания, необходимые для хорошего ведения сельского хозяйства, распространены в стране мало и неповсеместно. Очень незначительная часть земледельческого населения пользуется всем тем капиталом, который... можно было бы применить в этой отрасли национального труда... Работой на крупных фабриках занята лишь небольшая часть наших неземледельческих работников. В сельских мастерских, у всех ремесленников и мастеровых, небольшими коллективами выполняющих свою отдельную работу, разделение труда является неполным, а непрерывность труда поэтому несовершенной... Выйдите за пределы

больших городов, взгляните на обширные пространства страны, ивы увидите, какая значительная часть национального труда весьма и весьма далека от совершенства как в отношении непрерывности труда, так и в отношении его искусности и силы» (стр. 44) [Русский перевод, стр. 320].}

С развитием капиталистического производства связано отделение *науки от труда* и в то же время — применение науки, как таковой, к материальному производству.

* * *

Относительно *земельной ренты* Джонс правильно замечает следующее:

Рента в современном смысле, всецело зависящая от прибыли, предполагает

«возможность перемещать капитал и труд из одной отрасли производства в другую,.. подвижность капитала и труда, и в тех странах, где земледельческий капитал и земледельческий труд не обладают подобной подвижностью,.. мы не можем ожидать ни одного из тех результатов, которые, как мы видели, проистекают в Англии исключительно из этой подвижности» (стр. 59) [Русский перевод, стр. 332].

Эта «подвижность капитала и труда» вообще является *реальной* предпосылкой для образования общей нормы прибыли. Она предполагает безразличие к *определенному виду* труда. Здесь в действительности имеет место (за счет рабочего класса) трение между тем односторонним характером, который, с одной стороны, разделение труда и машины придают *рабочей силе,* и тем обстоятельством, что эта рабочая сила, с другой стороны, противостоит капиталу {который этим отличается от своей неразвитой формы в цеховой промышленности} лишь как живая возможность всякого труда вообще, которому, смотря по тому, какая прибыль может быть получена в той или иной сфере производства, дается то или другое направление, так что различные массы, труда могут перебрасываться из одной сферы в другую.

В Азии и т. д. «основная масса населения состоит из трудящихся крестьян. Применяемые ими *отсталые системы обработки земли* [1153] *предоставляют длинные промежутки досуга.* И подобно тому, как крестьянин производит свою собственную пищу,.. он *точно так же изготовляет большую часть других предметов первой необходимости, которые он потребляет — свою одежду, свои орудия, свою мебель, даже свои постройки:* ибо в этом классе существует лишь незначительное разделение занятий. *Нравы и обычаи таких людей не меняются;* они передаются от родителей к детям; нет ничего такого, что могло бы изменить или нарушить **их»** (стр. 97) [Русский перевод, стр. 362].

Напротив, вместе с характерной для капиталистического производства подвижностью капитала и труда и постоянными революциями в способе производства, а потому и в производственных отношениях, в отношениях обмена и в образе жизни, появляется большая подвижность в обычаях, в образе мышления народа и т. д.

Сравним с только что приведенным местом относительно «промежутков досуга» в условиях «отсталых систем обработки земли» два следующих высказывания:

1) «Если на ферме применяется паровая машина, то она образует *составную часть такой системы,* которая дает работу наибольшему числу рабочих в земледелии, и это во всех случаях связано с уменьшением числа применяемых лошадей» («On the Forces used in Agriculture». Доклад г-на *Джона Ч. Мортона,* прочитанный в Обществе искусств и ремесел[146] 7 декабря 1859 г.).

2) *«Различие во времени,* требующемся для производства земледельческих продуктов и для производства продуктов других видов труда, является главной причиной большой зависимости земледельцев. Они не могут доставить свой товар на рынок раньше, чем по истечении года. В течение всего этого времени они вынуждены покупать в кредит у сапожника, портного, кузнеца, колесного мастера и различных других работников, в продуктах которых они нуждаются, а эти продукты изготовляются в течение немногих дней или недель. Вследствие этого природой обусловленного обстоятельства и вследствие более быстрого возрастания богатства, производимого неземледельческим трудом по сравнению с трудом земледельческим, монопольные собственники всей земли, хотя они монополизировали также и законодательство, не в состоянии избавить себя и своих слуг, фермеров, от превращения в самый зависимый из всех классов общества» *(Hodgskin.* Popular Political Economy. London, 1827, стр. 147, примечание) [Русский перевод, стр. 136].

Капиталист тем отличается от капитала, что он должен жить, т. е. должен ежедневно и ежечасно потреблять часть прибавочной стоимости в качестве дохода. Следовательно, чем продолжительнее период производства до того момента, когда капиталист может доставить свой товар на рынок, или чем больше времени требуется для поступления с рынка выручки за его проданный товар, тем в большей мере капиталист в промежуточное время вынужден жить в долг (это здесь не подлежит нашему рассмотрению) или же у него должен быть накоплен тем больший запас денег, который им расходуется как доход. Тем дольше капиталист вынужден *авансировать* себе свой собственный доход. Тем больше должен быть его капитал. Капиталист вынужден часть своего капитала постоянно держать неиспользованной, чтобы она могла служить фондом потребления.

{Поэтому в мелком земледелии домашняя промышленность соединена с земледелием. Запасы на год и т. д.}

[в) ДЖОНС О НАКОПЛЕНИИ И НОРМЕ ПРИБЫЛИ. ВОПРОС ОБ ИСТОЧНИКЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ]

Мы переходим теперь к учению Джонса о *накоплении.* До сих пор были отмечены лишь два своеобразных момента во взглядах Джонса на накопление: во-первых, что источником накопления отнюдь не обязательно должна быть прибыль; во-вторых, что *накопление «вспомогательного капитала»* зависит от *прогресса знаний.* Джонс ограничивает этот прогресс изобретением новых механических приспособлений, двигателей и т. д. Однако это положение имеет общее значение. Например, когда зерно употребляется в качестве сырья для изготовления водки, возникает новый источник накопления, ибо в этом случае прибавочный продукт может быть превращен в новые формы, может служить удовлетворению новых потребностей и может войти в качестве элемента производства в новую сферу производства. То же самое имеет место при изготовлении из зерна крахмала и т. д. Тем самым сфера обмена этих и вообще всех товаров расширяется. То же самое имеет место, когда уголь употребляется для целей освещения и т. д.

Разумеется, и внешняя торговля — посредством увеличения разнообразия потребительных стоимостей и массы товаров — тоже является важным фактором в процессе накопления.

Так вот, то, что Джонс говорит о накоплении в первую очередь, относится к *связи между накоплением и нормой прибыли* (генезис последней ему далеко не ясен):

«Способность нации накоплять капитал из прибылей *не изменяется пропорционально изменению нормы прибыли...* Наоборот, способность накоплять капитал из прибылей *обычно изменяется в направлении, противоположном изменению нормы прибыли,* т. е. она велика там, где норма прибыли низка, и мала там, где норма прибыли высока. Так, А. Смит говорит: [1154] «Хотя та часть дохода населения, которая своим источником имеет прибыли на капитал, в богатых странах всегда значительно больше, чем **в** бедных, но это происходит *потому, что капитал там значительно больше; в сравнении же с капиталом* прибыли в богатых странах обычно значительно ниже» («Wealth of Nations», книга II, глава 3).

В Англии и Голландии *норма прибыли* ниже, чем в любой другой части Европы» (стр. 21) [Русский перевод, стр. 300].

«В течение того периода, когда ее» (Англии) «богатство и капитал возрастали наиболее быстро, *норма прибыли* постепенно понижалась» (стр. 21—22) [Русский перевод, стр. 300].

«Массы производимой прибыли... зависят *не от одной только нормы прибыли,..* а *от нормы прибыли в сочетании с величиной применяемого капитала»* (стр. 22) [Русский перевод, стр. 300].

«Возрастание количества капитала у более богатой нации... обычно сопровождается также падением нормы прибыли, или уменьшением отношения между годовым доходом, получаемым с применяемого капитала,

и совокупной величиной этого капитала» (там же) [Русский перевод стр. 301].

«Если кто-либо скажет, что *при прочих равных условиях возможность накопления из прибыли определяется нормой прибыли,* то на это следует ответить, что этот случай, если он вообще возможен на практике, является столь редким, что не заслуживает рассмотрения. Из наблюдений мы знаем, что понижение нормы прибыли есть явление, обычно сопровождающее *возрастание различия в массе капитала,* применяемого различными нациями, и что поэтому, когда у более богатых наций норма прибыли понижается, *все прочие условия не остаются равными.*

Если кто-либо будет утверждать, что прибыль может упасть так низко, что накопление из прибыли станет вообще невозможным, то на это следует ответить, что нелепо исходить в аргументации из допущения подобного падения прибыли, ибо уже задолго до того, как норма прибыли достигла бы такого уровня, капитал ушел бы за границу, чтобы получать более высокую прибыль где-нибудь в другой стране, и возможность экспорта капитала всегда будет устанавливать известный предел, ниже которого прибыль в данной стране никогда не упадет, *пока существуют другие страны, где норма прибыли выше»* (стр. 22—23) [Русский перевод, стр.301].

«Кроме *первичных* источников накопления... существуют еще *производные,* каковы, например, доходы владельцев государственных процентных бумаг, чиновников и т. д.» (стр. 23) [Русский перевод, стр. 302].

Все это bel et bon*. Совершенно верно, что *накопляемые массы* [прибыли] зависят отнюдь не от одной только нормы прибыли, а от нормы прибыли, умноженной на применяемый капитал; т. е. что они в такой же мере зависят и от величины применяемого капитала. Если применяемый капитал равен *К,* а норма прибыли равна *н,* то [максимальное] накопление равно *Кн,* и ясно, что это произведение может увеличиваться, когда множитель *К* увеличивается быстрее, чем уменьшается множитель *н.* И таков, действительно, факт, установленный наблюдением. Но это еще ничего не говорит нам о raison d'etre, о *причине* этого факта. Сам Джонс весьма близко подошел к этой причине, заметив, что «вспомогательный капитал» непрерывно возрастает в сравнении с тем рабочим населением, которое приводит его в движение.

Если падение прибыли проистекает из рикардовской причины, из возрастания ренты, то отношение совокупной прибавочной стоимости к применяемому капиталу остается прежним. Разница только в том, что одна часть ее — рента — растет за счет другой части — прибыли, — а это оставляет неизменным отношение совокупной прибавочной стоимости [к совокупному капиталу], ибо прибыль, процент и рента образуют лишь отдельные ее категории. Рикардо, таким образом, по существу отрицает само явление.

* — очень хорошо. *Ред.*

С другой стороны, одно только понижение процентной ставки ничего не доказывает, как ничего не доказывает и ее повышение, хотя процентная ставка, конечно, всегда является показателем той минимальной нормы, ниже которой прибыль *не может* упасть. Ибо прибыль всегда должна быть больше средней нормы процента.

[1155] Важнейшее следствие закона падения нормы прибыли, помимо того ужаса, который он внушает политико-экономам, состоит в том, что он предполагает постоянно растущую концентрацию капиталов и, следовательно, постоянно растущую декапитализацию более мелких капиталистов. Таков вообще результат всех законов капиталистического производства. И если мы отделим от этого факта тот антагонистический характер, которым он отличается на основе капиталистического производства, то что же тогда выражает этот факт, этот процесс прогрессирующей централизации? Только то, что производство утрачивает свой частный характер и становится общественным процессом, и притом реально, а не всего лишь формально, как при всяком таком обмене, при котором производство является общественным вследствие абсолютной зависимости производителей друг от друга и необходимости для них представить свой труд как труд абстрактно общественный (как деньги). Ибо средства производства применяются теперь как общие средства производства и потому — не в силу того, что они являются собственностью отдельных лиц, а в силу их отношения к производству — как общественные средства производства; равным образом и труд на отдельных предприятиях выполняется теперь в общественном масштабе.

У Джонса имеется особый раздел, озаглавленный: *«Обстоятельства, определяющие склонность к накоплению».* [Эти обстоятельства Джонс сводит к следующим пяти пунктам:]

«1) Различия в темпераментах и склонностях народов;

2) Различия в распределении доходов нации между различными классами населения;

3) Различная степень развития гарантий надежного пользования сбереженным капиталом;

4) Различная степень возможности прибыльно и надежно вкладывать последовательные сбережения;

5) Различия в возможностях для различных слоев населения улучшать свое положение путем сбережений» (стр. 24) [Русский перевод, стр. 303].

Все эти пять причин сводятся по существу к тому, что накопление зависит от той ступени развития *капиталистического способа производства,* которая достигнута той или иной определен-ной нацией.

Возьмем, прежде всего, *пункт 2.* Там, где капиталистическое производство развито, главным источником накопления служит прибыль, т. е. капиталисты сосредоточивают в своих руках большую часть национального дохода, и даже часть земельных собственников стремится капитализировать свой доход.

Пункт 3. Юридические и полицейские гарантии возрастают по мере того, как капиталисты получают в свои руки управление государством.

Пункт 4. С развитием капитала растут и умножаются, с одной стороны, сферы производства, а с другой стороны, развивается организация кредита, позволяющая ссудодателям (банкирам) сосредоточивать в своих руках каждый сбереженный грош.

Пункт 5. При капиталистическом производстве улучшение положения человека в обществе зависит только от денег, и каждый может воображать, что он когда-нибудь станет Ротшильдом.

Остается *пункт 1.* Не все народы имеют одинаковые данные для капиталистического производства. Некоторые самобытные народы, как например турки, не имеют для этого ни темперамента, ни склонности. Но это исключения. С развитием капиталистического производства создается средний уровень буржуазного общества и вместе с тем средний уровень темпераментов и склонностей у самых различных народов. Капиталистическое производство, подобно христианству, по самому существу своему космополитично. Поэтому-то христианство и является специфической религией капитала. И тут и там имеет значение только человек. Сам по себе один человек стоит не больше и не меньше, чем другой. Для христианства все зависит от того, имеет ли человек веру, а для капитала — имеет ли он кредит. Кроме того, у первого сюда еще присоединяется, конечно, божественное предопределение, а у второго — случай, имеет ли человек деньги с самого рождения или нет.

* * *

Источник прибавочной стоимости и первоначальная рента:

«После того как земля обращена в частную собственность и подверглась обработке, она почти всегда возвращает затраченному на ней труду *больше, чем необходимо* для продолжения обработки ее прежним способом. *Все, что земля производит* [1156] *сверх этого,* мы будем называть *ее прибавочным продуктом.* Этот прибавочный продукт является *источником первоначальных рент,* и он определяет границы тех доходов, какие постоянно могут получать с земли ее *собственники* в отличие от тех, кто ее *арендует»* (стр. 19) [Русский перевод, стр. 298].

Эти *первоначальные ренты* являются той общественной формой, в которой впервые выступает прибавочная стоимость, и этот взгляд, в скрытом виде, лежит в основе учения физиократов.

Абсолютная и относительная прибавочная стоимость имеют то общее между собой, что обе они предполагают известную степень развития производительной силы труда. Если бы у человека (у каждого человека) всего его рабочего дня (всего рабочего времени, которым он располагает) было достаточно только на прокормление его самого (или, в лучшем случае, еще и его семьи), то отпали бы прибавочный труд, прибавочный продукт и прибавочная стоимость. Эта предпосылка известной степени развития производительной силы труда основывается на естественном плодородии природных источников богатства — земли и воды, — которое в различных странах и т. д. различно. Первоначально потребности просты и примитивны, а потому незначителен и тот минимум продуктов, какой нужен для поддержания существования самих производителей. Точно так же незначителен здесь и прибавочный продукт. С другой стороны, в этих условиях число живущих за счет прибавочного продукта тоже очень невелико, так что прибавочный продукт представляет собой здесь сумму небольших прибавочных продуктов сравнительно большого числа производителей.

Основой абсолютной прибавочной стоимости — т. е. реальным условием ее существования — является *естественное плодородие земли,* природы, тогда как относительная прибавочная стоимость основывается на развитии общественных производительных сил.

На этом мы покончим с Джонсом. [XVIII — 1156]

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОХОД И ЕГО ИСТОЧНИКИ. ВУЛЬГАРНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ [147]

[1)] РАЗВИТИЕ КАПИТАЛА, ПРИНОСЯЩЕГО ПРОЦЕНТЫ, НА ОСНОВЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА [ФЕТИШИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА. КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ, КАК НАИБОЛЕЕ ПОЛНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЭТОГО ФЕТИШИЗМА. ВУЛЬГАРНЫЕ ЭКОНОМИСТЫ И ВУЛЬГАРНЫЕ СОЦИАЛИСТЫ О ПРОЦЕНТЕ НА КАПИТАЛ]

[XV — 891] Форма дохода и источники дохода выражают отношения капиталистического производства в *наиболее фетишистской* форме. Это — их бытие в том виде, в каком оно проявляется на поверхности, оторванное от скрытой под ней связи и посредствующих промежуточных звеньев. Так *земля* становится источником *земельной ренты, капитал* — источником *прибыли,* а *труд* — источником *заработной платы.* Та извращенная форма, в которой выражается действительно существующее извращение, естественным образом воспроизводится в представлениях агентов этого способа производства. Это — особого рода фикция без фантазии, религия вульгарного обывателя. Вульгарные экономисты — их надо строго отличать от экономистов-исследователей, являвшихся предметом нашей критики, — фактически переводят [на язык политической экономии] представления, мотивы и т. д. находящихся в плену у капиталистического производства носителей его, представления и мотивы, в которых капиталистическое производство отражается лишь в своей поверхностной видимости. Они переводят их на доктринерский язык, но с точки зрения господствующей части [общества], капиталистов, и поэтому не наивно и объективно, а апологетически. Скудоумное и педантичное высказывание вульгарных представлений, с необходимостью возникающих у носителей этого способа производства, весьма и весьма отличается от стремления таких политико-экономов, как физиократы, А. Смит, Рикардо, понять внутреннюю связь явлений.

Однако из всех этих форм наиболее завершенным фетишем является *капитал, приносящий проценты.* Здесь перед нами

первоначальный исходный пункт капитала, деньги, и формула *Д—Т—Д',* сведенная к ее двум крайним членам, *Д—Д'.* Деньги, создающие большее количество денег. Это — первоначальная и всеобщая формула капитала, сокращенная до бессмысленного резюме.

Земля, или *природа,* как источник *земельной ренты,* т. е. земельной собственности, — это достаточно фетишистично. Но в результате милого смешения потребительной стоимости и меновой стоимости здесь у обыденного представления еще имеется возможность прибегать [для объяснения ренты] к производительной силе самой природы, которая посредством какого-то фокуса персонифицируется в земельном собственнике.

Труд как источник *заработной платы,* т. е. той доли рабочего в его продукте, которая определяется специфической общественной формой труда; труд как источник того, что рабочий за свой труд покупает себе у продукта (у капитала, рассматриваемого вещественно) разрешение производить и обладает в труде таким источником, благодаря которому к нему возвращается часть его продукта в виде платы от этого продукта как работодателя, — это тоже достаточно недурно. Но обыденное представление здесь все же в той мере согласуется с действительным положением дела, что хотя оно и смешивает труд с наемным трудом, а потому и продукт наемного труда, заработную плату, с продуктом труда, тем не менее здравому человеческому рассудку остается ясным одно, а именно — что труд сам создает свою заработную плату.

Что касается *капитала,* то, поскольку он рассматривается в *процессе производства,* о нем всегда в большей или меньшей степени сохраняется представление, что это есть орудие для ловли чужого труда. Считается ли это «справедливым» или «несправедливым», обоснованным или необоснованным, — здесь всегда предполагается и подразумевается отношение капиталиста к рабочему.

Поскольку *капитал* выступает в *процессе обращения,* что представителям обыденного воззрения особенно бросается в глаза в *купеческом капитале,* как такой разновидности капитала, которая занята только этой операцией, то здесь прибыль толкуется отчасти при помощи неопределенного представления о всеобщем надувательстве, отчасти же при помощи более определенного представления о том, что купец надувает промышленного капиталиста так, как промышленный капиталист надувает рабочего, или же что купец надувает потребителя так, как производители надувают друг друга. Как бы то ни было,

Первая страница экскурса «Доход и его источники.
Вульгарная политическая экономия»
(страница 891 в XV тетради рукописи 1861—1863 годов)

прибыль объясняется здесь из обмена, стало быть из общественного отношения, а не из вещи.

Напротив, в *капитале, приносящем проценты,* фетиш получает свое завершение. Здесь перед нами капитал в его готовом виде, — следовательно, единство процесса производства и процесса обращения, — и потому в определенный период времени он приносит определенную прибыль. В форме капитала, приносящего проценты, остается только это последнее определение, без опосредствования процессом производства и процессом обращения. В капитале и прибыли существует еще воспоминание о том, что было до этого, хотя из-за различия между прибылью и прибавочной стоимостью, из-за единообразной прибыли всех капиталов — общей нормы прибыли — капитал уже [892] очень затемняется, становится чем-то темным и мистическим.

В капитале, приносящем проценты, получает свое завершение этот *автоматический фетиш,* самовозрастающая стоимость, деньги, создающие деньги, и в этой форме он уже не несет на себе никаких следов своего происхождения. Превращение общественного отношения в отношение вещи (денег, товара) к себе самой здесь завершено.

Дальнейшее исследование процента и его отношения к прибыли сюда не относится, как не относится сюда и исследование того, в какой пропорции прибыль делится на промышленную прибыль и процент. Ясно одно, а именно: что в капитале и проценте получает свое завершение капитал как таинственный и самосозидающий источник процента, т. е. источник своего собственного увеличения. Вот почему для [обыденного] представления капитал и существует преимущественно в этой форме. Это — капитал *par excellence*[*].

Так как на основе капиталистического производства определенная сумма стоимости, представленная в деньгах или товарах, — собственно говоря, в деньгах, в превращенной форме товара, — дает возможность извлекать gratis[**] из рабочих определенное количество труда, присваивать определенную прибавочную стоимость, прибавочный труд, прибавочный продукт, то ясно, что сами деньги могут продаваться как капитал, как товар sui generis[***], или что капитал можно покупать в форме товара или денег.

Капитал может продаваться как источник прибыли. Посредством денег и т. д. я даю другому человеку возможность присваивать себе прибавочную стоимость. Естественно поэтому,

[*] — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*
[**] — даром, безвозмездно. *Ред.*
[***] — своего собственного рода, особого рода. *Ред.*

что я получаю часть этой прибавочной стоимости. Подобно тому как земля имеет стоимость в силу того, что она дает мне возможность перехватывать часть прибавочной стоимости, и я поэтому оплачиваю в земле лишь эту перехватываемую при ее помощи прибавочную стоимость, — так и в капитале я оплачиваю создаваемую при его помощи прибавочную стоимость. Так как в процессе капиталистического производства, помимо реализации прибавочной стоимости, стоимость капитала увековечивается, воспроизводится, то естественно, что деньги или товары, когда они продаются в качестве капитала, возвращаются после определенного периода к продавцу и что продавец денег никогда не отчуждает их, как отчуждают продаваемый товар, а сохраняет за собой собственность на них. Деньги или товары продаются в этом случае не как деньги или товары, а как возведенные во вторую степень, как *капитал,* как самовозрастающие деньги или товарные стоимости. Они не только увеличивают себя, но и сохраняют себя в совокупном процессе производства. Поэтому они остаются капиталом для продавца, возвращаются к нему обратно. Продажа состоит здесь в том, что третье лицо, которое применяет их как производительный капитал, обязано определенную часть своей прибыли, которую оно получает лишь благодаря этому капиталу, уплатить владельцу капитала. Подобно земле, деньги сдаются в аренду как такая создающая стоимость вещь, которая сохраняется в этом процессе созидания стоимости, постоянно все снова и снова возвращается, а поэтому и может быть возвращена первоначальному продавцу. Только благодаря возвращению к первоначальному продавцу деньги являются капиталом. Не будь этого возвращения денег, он продавал бы их как товар, или покупал бы на них как на деньги.

Но во всяком случае форма, рассматриваемая сама по себе (в действительности деньги периодически отчуждаются как средство для эксплуатации труда, для получения прибавочной стоимости), здесь такова, что вещь выступает теперь как капитал, а капитал как всего лишь вещь, весь же результат капиталистического процесса производства и обращения — как некое присущее самой вещи свойство; и от владельца денег, т. е. товара в той его форме, которая всегда способна к обмену, зависит, израсходует ли он их в качестве денег или отдаст взаймы в качестве капитала.

Здесь перед нами отношение капитала как основной суммы к самому себе как к плоду, и его собственной стоимостью определяется размер той прибыли, которую он приносит, причем сам он в результате этого процесса не исчезает (как это и соответствует природе капитала).

Понятно поэтому, почему поверхностная критика, подобно тому как она хочет сохранить товар и борется против денег, обращается теперь со своей реформаторской мудростью против капитала, приносящего проценты, не затрагивая при этом действительного капиталистического производства, и нападает только на один из результатов последнего. Эта ведущаяся с позиций капиталистического производства полемика против капитала, приносящего проценты, которая ныне величает себя «социализмом», встречается к тому же как момент развития самого капитала, например, в XVII столетии, когда промышленному капиталисту приходилось еще отвоевывать себе положение в борьбе со старомодным ростовщиком, который тогда еще был сильнее его.

[893] Наиболее полным *овеществлением [Versachlichung], извращением* и *сумасшествием* капитала как капитала, приносящего проценты, — в чем, однако, лишь наиболее ощутимым образом выступает внутренняя природа капиталистического производства, его сумасшедший характер, — является капитал. приносящий «сложные проценты», где капитал выступает как какой-то Молох, который требует себе весь мир как причитающуюся ему жертву, но по вине некоего таинственного рока никогда не удовлетворяет своих законных, из самой своей природы вытекающих требований, постоянно встречает препятствия на пути их удовлетворения.

Характерным движением капитала — как в процессе производства, так и в процессе обращения — является возвращение денег или товаров к их исходному пункту, к капиталисту. Это выражает, с одной стороны, реальный метаморфоз, состоящий в том, что товар превращается в условия своего производства, а условия производства снова превращаются в форму товара: воспроизводство; с другой стороны — формальный метаморфоз, состоящий в том, что товар превращается в деньги, а деньги снова превращаются в товар. Наконец, это же возвращение к исходному пункту выражает здесь возрастание стоимости, *Д—Т—Д'*. Первоначальная стоимость, но увеличивающаяся в ходе процесса, всегда остается в руках того же капиталиста. Изменяются только те формы, в каких он владеет ею, — владеет ли он ею в форме денег, в форме товара или в форме самого процесса производства.

В капитале, приносящем проценты, это *возвращение* капитала к своему исходному пункту получает совершенно *внешний* облик, отделенный от того действительного движения, формой которого оно является. *А* затрачивает свои деньги не как деньги, а как капитал. Здесь не происходит никакого

превращения денег. Они лишь переходят из одних рук в другие. Их действительное превращение в капитал происходит лишь в руках *В*. Но для *А* они стали капиталом благодаря своему переходу из рук *А* в руки *В*. Действительное возвращение капитала из процесса производства и обращения имеет место для *В*. А для *А* возвращение денег осуществляется таким же образом, как и их отчуждение. Из рук *В* деньги обратно переходят в руки *А*. Последний *ссужает* деньги, а не расходует их.

Всякое перемещение денег в действительном процессе производства капитала выражает какой-нибудь момент воспроизводства: либо превращение денег в труд, либо превращение готового товара в деньги (завершение акта производства), либо обратное превращение денег в товар (возобновление процесса производства, повторение воспроизводства). Перемещение денег, когда они *ссужаются* как *капитал,* т. е. когда они не превращаются в капитал, а вступают как капитал в обращение, выражает всего лишь передачу тех же самых денег из одних рук в другие. Титул собственности остается в руках ссудодателя, а владение деньгами переходит в руки промышленного капиталиста. Но для ссудодателя превращение денег в капитал начинается с того момента, когда он затрачивает их не как деньги, а как капитал, т. е. когда он передает их в руки промышленного капиталиста. (Деньги остаются для него капиталом и в том случае, когда он ссужает их не промышленнику, а расточителю, или когда он ссужает их рабочему, не могущему внести плату за квартиру. На этом основывается все ломбардное дело.) Правда, другое лицо действительно превращает их в капитал, но эта операция совершается за пределами той, какая происходит между ссудодателем и ссудополучателем. *В последней это опосредствование погашено,* не видимо, непосредственно не заключено. Вместо действительного превращения денег в капитал здесь имеется лишь бессодержательная форма этого превращения денег в капитал. Как это имеет место с рабочей силой, *потребительной стоимостью денег становится здесь то,* что они создают меновую стоимость, *большую меновую стоимость, чем та, которая содержится в них самих.* Они *ссужаются как самовозрастающая стоимость,* как товар, по такой товар, который именно этим своим свойством отличается от товара как такового, а потому и *обладает особой формой отчуждения.*

Исходным пунктом капитала является товаровладелец, владелец денег, одним словом — капиталист. Так как у капитала исходный и конечный пункт совпадают, то капитал возвращается к капиталисту. Но здесь капиталист существует двоя-

ким образом: как собственник капитала и как промышленный капиталист, действительно превращающий деньги в капитал. Фактически [894] капитал исходит от второго капиталиста и возвращается обратно к нему, но только как к временному владельцу. Капиталист существует здесь двояким образом: юридически и экономически. Как собственность, капитал и возвращается поэтому к юридическому капиталисту, к побочному супругу. Однако возвращение капитала, которое включает сохранение его стоимости и делает его сохраняющейся и увековечивающейся стоимостью, опосредствовано для капиталиста № 2, но отнюдь не для капиталиста № 1. Поэтому и возвращение капитала выступает здесь не как следствие и результат ряда экономических процессов, а как следствие особой юридической сделки между покупателем и продавцом, как следствие того, что капитал в данном случае *отдан взаймы, а не продан, т. е.* что он *отчужден лишь на время.* В действительности *продается лишь его потребительная стоимость,* которая *здесь состоит в том,* чтобы производить *меновую стоимость,* приносить прибыль, производить большую стоимость, чем та, которую содержит он сам. Как деньги, капитал не изменяется от употребления. Но как деньги он отдается другому лицу и как деньги он притекает обратно.

Та форма, в которой капитал притекает обратно, зависит от способа воспроизводства данного капитала. Если капитал ссужается как деньги, то он возвращается в форме оборотного капитала, — возвращается вся его стоимость плюс прибавочная стоимость, в данном случае та часть прибавочной стоимости или прибыли, которая сводится к проценту; отданная в ссуду сумма денег плюс приращение, возникшее из нее.

Если капитал ссужается в форме машин, зданий и т. д., одним словом, в той вещественной форме, в которой он в процессе производства должен функционировать в качестве основного капитала, то он возвращается обратно в форме основного капитала, в качестве аннуитета, т. е., например, ежегодного платежа, равного возмещению за изнашивание, соответствующему той части стоимости основного капитала, которая вошла в обращение, — плюс та часть прибавочной стоимости, которая начисляется как прибыль (здесь: как часть прибыли, как процент) на основной капитал (не поскольку это — основной капитал, а поскольку это вообще капитал определенной величины).

Уже в прибыли как таковой прибавочная стоимость — а потому и ее, прибыли, действительный источник — затемнена и мистифицирована:

1) тем, что, рассматриваемая формально, прибыль есть *прибавочная стоимость,* исчисляемая на весь авансированный капитал, так что каждая часть капитала, как основного так и оборотного, затраченная на сырье, машины или труд, приносит одинаковую прибыль;

2) тем, что, подобно тому как у отдельного данного капитала, например в 500, если прибавочная стоимость составляет 50, то и каждая часть капитала, например каждая пятая часть, приносит 10%, — *так* теперь вследствие установления *общей нормы прибыли* всякий капитал в 500 или в 100, в какой бы сфере он ни был занят, каково бы ни было в нем соотношение переменного и постоянного капитала, каким бы различным ни было время его оборота и т. д., приносит в один и тот же период времени такую же среднюю прибыль, например в 10%, как и всякий другой капитал, действующий при совершенно иных органических условиях. Тем, следовательно, что *прибыль* отдельных капиталов, рассматриваемых порознь, и *прибавочная стоимость,* созданная ими самими в их собственных сферах производства, становятся реально различными величинами.

Во втором пункте, впрочем, получает лишь дальнейшее развитие то, что заключалось уже в первом.

Но процент как раз и покоится на этой уже совершенно внешней форме прибавочной стоимости, форме, отличной от того ее первого простого облика, в котором она еще носит на себе следы своего происхождения, и отнюдь не распознаваемой с первого же взгляда, — на ее бытии как *прибыли.* Процент непосредственно предполагает не прибавочную стоимость, а *прибыль,* частью которой, отнесенной в особую категорию, особую рубрику, он всего лишь и является. Таким образом, в проценте прибавочную стоимость еще гораздо труднее узнать, чем в прибыли, так как он имеет непосредственное отношение к прибавочной стоимости лишь постольку, поскольку последняя выступает в форме прибыли.

Время возвращения капитала зависит от действительного процесса производства; у капитала, приносящего проценты, его возвращение как капитала *кажется* зависящим всего лишь от соглашения между ссудодателем и ссудополучателем. Поэтому с точки зрения этой сделки возвращение капитала выступает уже не как такой результат, который определяется процессом производства, а так, как будто капитал ни на один момент не утрачивал форму денег. Конечно, фактически эти сделки определяются действительными возвращениями капитала, но в самой сделке это *не проявляется.*

[895] Процент, в его отличии от прибыли, представляет *силу голой собственности* на *капитал,* т. е. он превращает собственность на *деньги* (на сумму стоимости, на товар в любой форме) потенциально в собственность на капитал, а потому превращает товары или деньги, взятые сами по себе, в самовозрастающую стоимость. Конечно, условия труда являются капиталом лишь постольку, поскольку они по отношению к рабочему функционируют как его не-собственность, а потому как чужая собственность. Но как чужая для рабочего собственность они функционируют только в антагонистическом отношении к труду. *Антагонистическое бытие этих условий труда по отношению к труду делает их собственника капиталистом,* а эти принадлежащие ему условия труда — капиталом. Однако в руках денежного капиталиста *А* капитал не обладает этим антагонистическим характером, делающим его капиталом и, стало быть, приводящим также к тому, что собственность на деньги выступает как капиталистическая собственность. *Та реальная определенность формы, в силу которой деньги или товар становятся капиталом, здесь погашена.* Денежный капиталист *А* никак не противостоит рабочему, он противостоит лишь другому капиталисту *В.* Он ему продает в действительности лишь «употребление» денег, те результаты, какие они вызовут, когда будут превращены в производительный капитал. Но на самом деле употребление, потребление — это не то, что он здесь продает непосредственно. Когда я продаю товар, я продаю определенную потребительную стоимость. Когда я на товар покупаю деньги, я покупаю ту функциональную потребительную стоимость, которою обладают деньги как превращенная форма товара. Потребительную стоимость товара я не продаю наряду с его меновой стоимостью, равно как и не покупаю особую потребительную стоимость денег наряду с самими деньгами. Но до своего превращения в капитал и функционирования в качестве капитала, чего деньги не делают в руках ссудодателя, — деньги как деньги не имеют другой потребительной стоимости, кроме той, какою они обладают как товар (золото, серебро—их, денег, вещественная субстанция) или как деньги, как превращенная форма товара. На самом деле то, что ссудодатель продает промышленному капиталисту, то, что происходит в этой сделке, состоит лишь в следующем: ссудодатель предоставляет промышленному капиталисту на определенное время собственность на деньги. Он отчуждает свой титул собственности на известный срок, и тем самым промышленный капиталист на известный срок покупает себе эту собственность. Поэтому деньги ссудодателя выступают как

капитал еще до того, как они отчуждены: голая собственность на деньги или на товар, отделенная от процесса капиталистического производства, выступает как капитал.

Дело ничуть не меняется от того, что деньги проявляют себя как капитал только после их отчуждения, подобно тому как потребительная стоимость хлопка ничуть не меняется от того, что она проявляет себя на деле лишь после его отчуждения прядильщику, или потребительная стоимость мяса ничуть не меняется от того, что она проявляет себя на деле только после того, как мясо из лавки мясника перешло на стол потребителя. Деньги, коль скоро они не расходуются на потребление, товар, коль скоро он не служит опять-таки для потребления собственника этого товара, делают поэтому своего собственника капиталистом и сами по себе — отдельно от процесса капиталистического производства и *до* превращения их в «производительный» капитал — выступают как капитал, т. е. как самовозрастающая, самосохраняющаяся и увеличивающая самоё себя стоимость. Создавать стоимость, приносить проценты, является их имманентным свойством совершенно так же, как свойством грушевого дерева является приносить груши. И именно как такую приносящую проценты вещь продает свои деньги промышленному капиталисту ссудодатель. Так как деньги эти сохраняются, являются самосохраняющейся стоимостью, то промышленный капиталист может вернуть их в любой условленный срок. Так как они ежегодно создают определенную прибавочную стоимость, определенный процент, точнее, так как в каждый промежуток времени на них нарастает стоимость, то ссудополучатель может уплачивать ссудодателю эту прибавочную стоимость ежегодно или в другие, определенные в договоре сроки. Ведь в качестве капитала деньги ежедневно приносят прибавочную стоимость совершенно так же, как это делает наемный труд. Хотя процент есть лишь *фиксированная под особым названием часть* прибыли, он *здесь выступает* как такое *созидание прибавочной стоимости,* которое присуще капиталу как таковому, в отрыве от процесса производства, и потому свойственно голой собственности на капитал, собственности на деньги и товары, в отрыве от отношений, порождающих антагонизм между этой собственностью и трудом и потому придающих этой собственности характер капиталистической собственности, — свойственно голой собственности на капитал и потому капиталу в собственном смысле слова. Напротив, *промышленная прибыль* выступает здесь как всего лишь надбавка к проценту, которую ссудополучатель зарабатывает себе путем производительного применения получен-

ного в ссуду капитала, т. е. путем эксплуатации рабочих при помощи этого капитала (иначе это выражают еще и так: путем приложения своего труда как труда капиталиста, так что функции капиталиста здесь приравниваются к труду, больше того — отождествляются с наемным трудом, поскольку [896] промышленный капиталист, действительно функционирующий в процессе производства, на самом деле выступает как деятельный агент производства, как работник, в отличие от ленивого, бездеятельного ссудодателя, выполняющего функции собственника в отрыве от процесса производства и вне этого процесса).

Таким образом, не *прибыль,* а *процент* выступает как *созидание стоимости* капиталом, проистекающее из капитала как такового, а потому — из голой собственности на капитал; процент выступает поэтому как такой доход, созидание которого свойственно капиталу. В такой форме его поэтому и берут вульгарные экономисты. В этой форме стерто всякое опосредствованно и завершен *фетишистский облик* капитала, равно как завершено и представление о *капитале-фетише.* Этот облик с необходимостью возникает в результате того, что юридическая собственность на капитал отделяется от экономической собственности на него и присвоение части прибыли, под названием процента, осуществляется таким *потенциальным капиталом* — или таким *собственником капитала,* — который совершенно отделен от процесса производства.

Для вульгарного экономиста, который хочет изобразить капитал как самостоятельный источник стоимости, самостоятельный источник созидания стоимости, эта форма, естественно, является настоящей находкой, такой формой, в которой уже нельзя распознать источник прибыли и при которой результат капиталистического процесса, отделенный от самого процесса, получает некое самостоятельное бытие. В *Д—Т—Д'* еще содержится опосредствованно. В *Д—Д'* мы имеем иррациональную форму капитала, извращение и овеществление [Versachlichung] производственного отношения в наивысшей степени.

Общей норме прибыли соответствует, естественно, общая *норма процента,* или общая *процентная ставка.* Мы не намерены заниматься здесь дальнейшим выяснением этого вопроса, так как анализ капитала, приносящего проценты, относится не к этому общему отделу, а к отделу о *кредите*[148]. Но для полного выяснения этой формы проявления капитала важно отметить то, что общая норма прибыли в гораздо меньшей степени выступает как осязательный твердый факт, чем *норма процента,* или *процентная ставка.* Правда, процентная ставка

постоянно колеблется. Сегодня (на денежном рынке для промышленного капиталиста, а только об этом идет у нас речь) она составляет 2, завтра 3, послезавтра 5%. Но эта ставка равна 2, 3, 5% для всех ссудодателей. Это есть общее отношение любой денежной суммы в 100 ф. ст. — приносить 2, 3, 5%, тогда как такая же сумма стоимости, действительно функционирующая в качестве капитала, в различных сферах производства приносит весьма различные действительные прибыли, отклонения которых от идеального среднего уровня прибыли ведут к тому, что этот средний уровень прибыли устанавливается из указанных отклонений всегда только посредством некоторого процесса, некоторой реакции, и это достигается всегда только в более или менее продолжительные периоды обращения капитала. На протяжении некоторого ряда лет норма прибыли в определенных сферах стоит на более высоком уровне, на протяжении следующего ряда лет — на более низком. Средняя прибыль получится как *среднее* при соединении вместе этих периодов или ряда подобных эволюций. Но в силу этого она никогда не выступает как нечто непосредственно данное, а только как средний результат противоречивых колебаний. Иначе обстоит дело с процентной ставкой. В своей *всеобщности* она — ежедневно фиксируемый факт, такой факт, который для промышленного капиталиста служит в его операциях даже предпосылкой и одной из статей при калькуляциях. Общая норма прибыли существует на деле лишь как идеальное *среднее число,* поскольку она служит для оценки действительных прибылей; она существует лишь как среднее число, как абстракция, поскольку она фиксируется как нечто само по себе готовое, определенное, данное; в реальной же действительности она существует лишь в форме тенденции, определяющей движение выравнивания действительных различных норм прибыли, будь то отдельных капиталов в одной и той же сфере или различных капиталов в различных сферах производства.

[897] То, что ссудодатель требует от капиталиста, исходит из расчета *общей нормы прибыли* (средней), а не из индивидуальных отклонений от нее, имеющихся у отдельных капиталистов. *Среднее* становится здесь *предпосылкой.* Сама процентная ставка *изменяется,* но для всех *ссудодателей.*

Определенная, одинаковая процентная ставка, напротив, существует не только в среднем, но и фактически (хотя и с вариациями между минимумом и максимумом, в зависимости от того, считается ли данный ссудополучатель первоклассным дебитором или нет), и отклонения от нее выступают скорее как

исключения, обусловленные особыми обстоятельствами. Метеорологические бюллетени отмечают положение барометра не с большей точностью, чем биржевой бюллетень показывает положение процентной ставки — не для того или другого отдельного капитала, а для всего *находящегося на денежном рынке, т. е. ссужаемого, капитала.*

Здесь не место выяснять, откуда проистекает эта большая фиксированность и одинаковость процентной ставки на ссужаемый капитал в отличие от менее осязательной формы общей нормы прибыли и в противоположность ей. Выяснение этого относится к отделу о кредите. Но ясно одно: колебания *нормы прибыли,* — совершенно оставляя в стороне те особые преимущества, какими пользуются отдельные капиталисты в пределах одной и той же сферы производства, — зависят внутри каждой сферы от уровня рыночных цен в каждый данный момент и от их колебаний вокруг цен издержек. Различие *норм прибыли* в *различных* сферах может быть установлено только посредством сравнивания рыночных цен в различных сферах — т. е. рыночных цен *различных* товаров — с ценами издержек этих товаров. Падения нормы прибыли в какой-нибудь отдельной сфере ниже идеального среднего уровня достаточно, если оно удерживается более или менее продолжительное время, для того, чтобы отвлечь капитал от этой сферы или исключить для нее приток нового капитала в среднем размере. Ибо распределение капитала по отдельным сферам производства выравнивается не столько путем перераспределения уже вложенного капитала, сколько путем притока нового, добавочного капитала. Наличие, наоборот, *сверхприбыли* в отдельных сферах можно установить [также] лишь посредством сравнивания рыночных цен с ценами издержек. Как только различие так или иначе обнаруживается, начинается отлив капиталов от одних сфер производства и приток их к другим. Помимо того, что это — такой акт выравнивания, который требует времени, сама средняя прибыль в каждой отдельной сфере выступает лишь в виде некоторой средней величины из тех норм прибыли, которые реализуются в течение, например, 7-летнего цикла и т. д., в зависимости от природы данного капитала. Следовательно, простых колебаний *вверх* и *вниз,* если они не превышают средней меры, не принимают чрезвычайной формы, не достаточно для того, чтобы вызвать перемещение капитала, тем более, что тут для перемещения капитала возникают еще те трудности, которые вытекают из особенностей основного капитала. Кратковременные конъюнктуры могут действовать лишь в ограниченной мере и притом больше в отношении притока или отлива добавочного капитала,

чем в отношении перераспределения уже вложенного в различные сферы капитала.

Мы видим, что все это в целом есть очень сложное движение, причем здесь играют роль, с одной стороны, рыночные цены в каждой отдельной сфере, сравнительные цены издержек различных товаров, состояние спроса и предложения в пределах каждой сферы, а с другой стороны, конкуренция капиталистов различных сфер; кроме того, более быстрое или более медленное выравнивание зависит здесь от особенностей органического строения капиталов (например, больше основного или оборотного капитала) и от особенностей природы их товаров, смотря по тому, насколько легче природа их как потребительных стоимостей допускает более быстрое снятие их с рынка, уменьшение или увеличение их предложения, соответственно состоянию рыночных цен.

Совершенно иначе обстоит дело с денежным капиталом. На денежном рынке противостоят друг другу только две категории: покупатели и продавцы, спрос и предложение. На одной стороне класс капиталистов, берущих взаймы, на другой — класс капиталистов, дающих взаймы. Товар имеет здесь одну и ту же форму — форму денег. Здесь стерты все те особые формы, которые капитал принимает в зависимости от того, в какой особой сфере производства или обращения он вложен. Капитал существует здесь в лишенной различий, равной самой себе форме самостоятельной меновой стоимости — в форме денег. Здесь прекращается конкуренция отдельных сфер; все они, как заемщики денег, свалены в одну кучу, и капитал противостоит им всем без различия тоже в такой форме, в которой он еще безразличен к формам своего применения. Если капитал, функционирующий в процессе производства, [898] *только в движении конкуренции между отдельными сферами проявляет себя как общий капитал всего класса, то здесь он действительно всей своей массой выступает так в спросе на капитал.* С другой стороны, денежный капитал (капитал на денежном рынке) действительно обладает той формой, в которой он, как общий для всех элемент, безразличный к тому или иному особому его применению, распределяется между различными сферами среди всего класса капиталистов, соответственно потребностям производства каждой отдельной сферы. К этому присоединяется еще то, что с развитием крупной промышленности денежный капитал, поскольку он выступает на рынке, все в большей мере представлен не отдельным капиталистом, собственником той или иной частицы находящегося на рынке капитала, а банкирами, которые его концентрируют, организуют и подчиняют

своему контролю совсем иначе, чем реальное производство. Таким образом, со стороны спроса денежному капиталу противостоит класс в его целом, а со стороны предложения он выступает как ссудный капитал *en masse*[*], как ссудный капитал всего общества, концентрированный в немногих резервуарах.

Таковы некоторые из тех причин, в силу которых *общая норма прибыли* кажется расплывающимся миражем по сравнению с *фиксированной ставкой процента,* величина которой, правда, колеблется, но так, что это совсем не мешает тому, чтобы она колебалась одинаково для всех заемщиков и потому всегда противостояла им как фиксированная данная величина, подобно тому как изменение стоимости денег не препятствует тому, чтобы они обладали одинаковой стоимостью по отношению ко всем товарам. Подобно тому как ежедневно колеблются рыночные цены товаров, что не мешает их ежедневной *котировке,* так колеблется и процентная ставка, которая столь же регулярно отмечается в котировках в качестве *цены* денег. Это происходит потому, что сам капитал здесь предлагается как особого рода товар — *деньги.* Поэтому фиксация его цены является, как и у всех других товаров, фиксацией его *рыночной цены.* Поэтому норма процента всегда выступает как *общая норма процента,* как определенное количество денег за определенное количество денег. Напротив, норма прибыли даже внутри *одной и той же* сферы может быть различна при одинаковых рыночных ценах товаров (в зависимости от тех условий, при которых отдельные капиталы производят один и тот же товар; ибо особая норма прибыли зависит не от рыночной цены товара, а от разности между рыночной ценой и издержками производства), и выравнивается она внутри различных сфер только в процессе, посредством постоянных колебаний. Одним словом: только в денежном капитале, в ссужаемом денежном капитале капитал стал *товаром,* свойство которого самовозрастать имеет *фиксированную цену,* отмечаемую в существующем в каждый данный момент проценте.

Как капитал, *приносящий проценты,* и именно в его непосредственной форме *приносящего проценты денежного капитала* (другие формы капитала, приносящего проценты, которые здесь нас не интересуют, являются в свою очередь производными от этой формы и предполагают ее), капитал получил поэтому свою чистейшую фетишистскую форму. *Во-первых,* вследствие его постоянного пребывания в форме *денег,* т. е. в такой форме,

[*] — в целом. *Ред.*

в которой стерта всякая определенность его и не видны его реальные элементы, он существует только как бытие самостоятельной меновой стоимости, как стоимость, получившая самостоятельное бытие. В реальном процессе капитала денежная форма является мимолетной. На денежном рынке капитал всегда существует в этой форме. *Во-вторых,* созданная капиталом прибавочная стоимость, опять-таки в форме денег, представляется здесь принадлежащей капиталу как таковому, а потому принадлежащей просто собственнику денежного капитала, капитала, отделенного от проделываемого им процесса. *Д—Т—Д'* превращается здесь в *Д—Д',* и, подобно тому как формой капитала здесь служит лишенная различий денежная форма — ведь деньги суть именно та форма, в которой погашено различие товаров как потребительных стоимостей, а потому погашено также и *различие производительных капиталов, состоящих из условий существования этих товаров, различие особых форм самих производительных капиталов,* — так и та прибавочная стоимость, которую создает денежный капитал, те возросшие деньги, в которые он превращается или которыми он является, выступают в виде определенной нормы, масштабом которой служит величина самой денежной суммы. При ставке в 5% 100 ф. ст. как капитал равны 105 ф. ст. Так получается совершенно осязательная форма самовозрастающей стоимости, или денег, создающих деньги, и вместе с тем — совершенно иррациональная форма, непонятная, мистифицированная. При анализе капитала мы исходили из *Д — Т— Д,* где *Д — Д'* было лишь результатом[149]. Теперь мы имеем *Д — Д' в качестве субъекта.* Как дереву свойствен рост, так капиталу в этой его чистой форме денег свойственно порождение денег (τοχοζ[*]). Ту непонятную форму, которая предстает перед нами на поверхности и из которой мы поэтому исходили в своем анализе, мы находим снова как результат такого процесса, в котором форма капитала становится все более отчужденной и все менее связанной с его внутренней сущностью.

[899] Мы исходили из денег как превращенной формы товара. Мы приходим к *деньгам как превращенной форме капитала.* Совершенно аналогичным образом наше исследование явило нам товар как предпосылку и как результат процесса производства капитала.

В этой своей форме, наиболее причудливой и вместе с тем наиболее близкой обыденному представлению, капитал является как «основной формой» вульгарных экономистов, так и ближе

[*] — роды, порождение, порожденное; процент. *Ред.*

всего лежащим пунктом для нападения со стороны поверхностной критики. Первое — отчасти потому, что здесь меньше всего проявляется внутренняя связь и капитал выступает в такой форме, в которой он *кажется* самостоятельным источником стоимости; отчасти потому, что в этой форме совершенно затушеван и погашен его *антагонистический* характер, не видна противоположность между капиталом и трудом. С другой стороны, в этой форме капитал подвергается нападкам потому, что здесь он выступает в наиболее иррациональном виде и представляет наиболее легкий пункт для нападения со стороны вульгарных социалистов.

Полемика буржуазных экономистов XVII столетия (Чайлд, Калпепер и т. д.) против процента как самостоятельной формы прибавочной стоимости есть лишь борьба возникающей промышленной буржуазии против старомодных ростовщиков, монополистов денежного богатства того времени. Приносящий проценты капитал является здесь еще допотопной формой капитала, которая еще только должна быть подчинена промышленному капиталу и стать в зависимое от него положение, какое приносящий проценты капитал теоретически и практически должен занимать на основе капиталистического производства. Буржуазия не преминула прибегнуть здесь к помощи государства, как она это делала и в других случаях, когда надо было приспособить существующие, унаследованные от прежних времен производственные отношения к ее собственным нуждам и потребностям.

Ясно, что какое-нибудь иное распределение прибыли между различными категориями капиталистов, т. е. повышение промышленной прибыли за счет понижения процентной ставки и наоборот, никак не затрагивает сущности капиталистического производства. Поэтому тот социализм, который направлен против капитала, приносящего проценты, как «основной формы» капитала, не только сам по уши увяз в представлениях, свойственных буржуазному горизонту. Больше того, в той мере, в какой его полемика не является такими нападками и такой критикой, которые, хотя и вслепую, направлены против самого капитала (отождествляемого, однако, с одной из его производных форм), он, этот социализм, представляет собой всего лишь социалистически переряженное стремление к развитию буржуазного кредита и, стало быть, выражает только неразвитость отношений в той стране, где эта полемика наряжается в социалистические одежды. Такого рода социализм сам есть лишь один из теоретических симптомов капиталистического развития, хотя эти буржуазные стремления могут принимать весьма

сногсшибательные формы, как, например, форму требования «безвозмездного кредита»[150]. Сюда же относится сен-симонизм с его прославлением банкирства (*Crеdit Mobilier*[151] появился позднее).

[2)] КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ, И ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ В ИХ ОТНОШЕНИИ К ПРОМЫШЛЕННОМУ КАПИТАЛУ. БОЛЕЕ СТАРЫЕ ФОРМЫ. ПРОИЗВОДНЫЕ ФОРМЫ

Торговая и процентная формы старше формы капиталистического производства, промышленного капитала, который является *основной формой* капиталистических отношений, господствующих в буржуазном обществе, так что все другие формы являются лишь производными от этой основной формы или вторичными по отношению к ней, — производными, как это имеет место для капитала, приносящего проценты; вторичными, т. е. в смысле капитала в некоторой особой функции (относящейся к процессу его обращения), как это имеет место для торгового капитала. Поэтому промышленный капитал в процессе своего возникновения должен еще подчинить себе эти формы и превратить их в свои собственные производные или особые функции. Эти более старые формы он застает в эпоху своего образования и возникновения. Он застает их как *предпосылки,* но не как им самим установленные предпосылки, не как формы своего собственного жизненного процесса. Совершенно аналогичным образом он первоначально застает товар, но не как свой собственный продукт, и денежное обращение, но не как момент своего собственного воспроизводства. Когда капиталистическое производство развилось уже во всех своих формах и сделалось господствующим способом производства. капитал, приносящий проценты, оказывается подчиненным промышленному капиталу, а торговый капитал — лишь вытекающей из процесса обращения формой самого промышленного капитала. Но как самостоятельные формы [900] капитал, приносящий проценты, и торговый капитал должны быть сначала сломлены и подчинены промышленному капиталу. По отношению к капиталу, приносящему проценты, применяется административная власть (государство), осуществляется насильственное понижение процентной ставки, так что он уже не может диктовать условия промышленному капиталу. Но это — форма, свойственная наименее развитым ступеням капиталистического производства. Настоящий способ, применяемый промышленным капиталом для подчинения себе капитала,

приносящего проценты, это — создание свойственной промышленному капиталу формы — *кредитной системы.* Насильственное понижение процентной ставки есть такая форма, которую промышленный капитал сам еще заимствует от методов более раннего способа производства и которую он отбрасывает как бесполезную и не соответствующую цели, как только он становится силен и завоевывает себе почву. *Кредитная система* есть его собственное создание, она сама является формой промышленного капитала, которая начинается с мануфактуры и развивается дальше вместе с крупной промышленностью. Кредитная система первоначально является *полемической формой* против старомодных ростовщиков (золотых дел мастера в Англии, евреи, ломбардцы и т. д.). Сочинения, в которых в XVII столетии раскрываются ее первые тайны, все написаны в этой полемической форме.

Что касается *торгового капитала,* то он в различных формах становится подчиненным промышленному капиталу, или, что то же самое, становится функцией последнего, промышленным капиталом в некоторой особой функции. *Купец,* вместо того чтобы покупать товар, покупает наемный труд, с помощью которого он производит товар, предназначаемый им для продажи, для торговли. Но в результате этого сам торговый капитал лишается той твердо определенной формы, которую он имел по отношению к производству. Этим превращением купца в производителя товаров мануфактура боролась со средневековыми цехами, и в результате этого ремеслу отводились более узкие рамки. В средние века *купец* (кроме как в отдельных разбросанных пунктах, где развилась мануфактура, — в Италии, Испании и т. д.) — только *передатчик товаров,* произведенных городскими цехами или крестьянами[152].

Упомянутое превращение купца в промышленного капиталиста есть вместе с тем превращение торгового капитала всего лишь в форму промышленного капитала. С другой стороны, *производитель товаров* становится купцом. Например, производитель сукна, вместо того чтобы получать необходимый ему материал постепенно, небольшими партиями, от купца и работать на последнего, сам покупает в соответствии со своим капиталом материал и т. д. Условия производства входят в процесс производства как купленные им самим товары. И, вместо того чтобы производить для отдельного купца или для определенных заказчиков, производитель сукна производит теперь для всего торгового мира.

В первой форме купец господствует над производством и торговый капитал господствует над приводимым им в движение

трудом городских ремесленников и крестьянскими домашними промыслами. Кустарная и домашняя промышленность находится у него в подчинении. Во второй форме производство превращается в капиталистическое. Производитель сам — купец; торговый капитал опосредствует здесь только процесс обращения, выполняет определенную функцию в процессе воспроизводства капитала. Здесь перед нами две формы. Купец становится в качестве купца производителем товаров, промышленником. Промышленник, производитель товаров, становится купцом.

Первоначально *торговля* была предпосылкой для превращения цехового, деревенско-домашнего и феодального сельскохозяйственного производства в капиталистическое. Она развивает продукт в товар отчасти тем, что создает для него рынок, отчасти тем, что доставляет новые товарные эквиваленты, а для производства — новые материалы, и тем самым вызывает к жизни новые отрасли производства, которые с самого начала основаны на торговле: на производстве для рынка и на элементах производства, доставляемых мировым рынком.

Как только мануфактура до некоторой степени окрепла, она, — а еще больше крупная промышленность, — сама создает себе рынок, завоевывает его, отчасти насильственно открывает себе рынки, которые она, однако, закрепляет за собой своими *товарами.* В дальнейшем торговля является уже только слугой промышленного производства, для которого все расширяющийся рынок сделался жизненным условием, так как все растущее массовое производство, ограниченное не наличными пределами торговли (в той мере, в какой последняя выражает лишь существующий спрос), а единственно только величиной наличного капитала и степенью развития производительной силы труда, постоянно переполняет наличный рынок и потому постоянно содействует расширению и преодолению его границ. Здесь торговля — слуга промышленного капитала: она выполняет функцию, вытекающую из его условий производства.

Посредством *колониальной системы* (вместе с запретительной системой) промышленный капитал, в первые периоды своего развития, стремится насильственно обеспечить себя рынком и рынками. Промышленный капиталист имеет перед собой мировой рынок; поэтому он сравнивает [901] и постоянно должен сравнивать свои собственные издержки производства с рыночной ценой не только в своей стране, но и на всем мировом рынке. Он производит всегда с учетом рыночных цен мирового рынка. В более ранний период это сравнивание производится только торговцами, обеспечивая тем самым торговому капиталу господство над производительным капиталом. [901]

* * *

[902] Итак, *процент* есть не что иное, как часть прибыли (которая, со своей стороны, сама есть не что иное, как прибавочная стоимость, неоплаченный труд), выплачиваемая промышленным капиталистом собственнику того чужого капитала, с помощью которого он исключительно или частично «работает». Процент есть та часть прибыли — прибавочной стоимости, — которая фиксируется как некая особая категория, отделяется от совокупной прибыли под особым названием. Это отделенно процента от прибыли отнюдь не касается его происхождения, а касается только способа его *выплаты* или присвоения. Вместо того чтобы быть присвоенной самим промышленным капиталистом, — хотя он есть то лицо, в руках которого непосредственно находится вся прибавочная стоимость, как бы она ни распределялась между ним и другими лицами под названием ренты, промышленной прибыли и процента, — эта часть прибыли вычитается им из его собственного дохода и выплачивается собственнику капитала.

Если дана норма прибыли, то относительная высота нормы процента зависит от той пропорции, в какой прибыль делится на процент и промышленную прибыль; если дана пропорция этого деления, то абсолютная высота нормы процента (т. е. отношение процента к капиталу) зависит от нормы прибыли. Как определяется эта пропорция деления, здесь не место исследовать. Это относится к рассмотрению реального движения капитала, т. е. реального движения капиталов, между тем как здесь мы имеем дело с общими формами капитала.

Образование приносящего проценты капитала, его отделение от промышленного капитала, есть *необходимый* продукт развития самого промышленного капитала, самого капиталистического способа производства. Деньги (сумма стоимости, всегда способная к превращению в условия производства) — или те условия производства, в которые они каждое мгновение могут быть превращены и превращенной формой которых они всего лишь являются, — если их применяют как капитал, распоряжаются определенным количеством чужого труда, большим количеством труда, чем содержится в них самих. При обмене на труд деньги не только сохраняют свою стоимость, но увеличивают ее, порождают прибавочную стоимость. Стоимость денег или товаров как *капитала* определяется не той стоимостью, которую они имеют как деньги или товары, а тем количеством прибавочной стоимости, которое они «производят» для своего владельца. Продукт капитала есть прибыль. На основе капиталистического производства только лишь различным *применением*

денег является то, расходуются ли они как деньги или как капитал. Деньги (товар) на основе капиталистического производства суть капитал *an sich*[*] (совершенно так же, как *рабочая сила* есть труд *an sich);* ибо, во-первых, они могут быть превращены в условия производства и являются фактически только абстрактным выражением этих условий производства, их бытием в качестве *стоимости,* а во-вторых, предметные элементы богатства обладают an sich свойством быть капиталом, потому что их противоположность — наемный труд, то, что делает их капиталом, — имеется налицо как базис общественного производства.

Рента тоже есть только название для одной части прибавочной стоимости, которую промышленный капиталист должен выплачивать другому лицу, совершенно так же как *процент* ость другая часть прибавочной стоимости, которую он, правда, инкассирует (как и ренту) сам, но должен выплачивать третьему лицу. Однако здесь имеется большое различие. В результате существования собственности на землю собственник земли *мешает* капиталу выравнивать стоимости сельскохозяйственных продуктов по их ценам издержек. Монополия земельной собственности дает ему возможность поступать таким образом. Она дает ему возможность класть в свой карман разницу между стоимостью и ценой издержек. С другой стороны — поскольку речь идет о дифференциальной ренте — эта монополия дает ему возможность забирать себе избыток рыночной стоимости продукта над индивидуальной стоимостью продукта определенной земли, вместо того чтобы эта разница, как в других отраслях, попадала, в качестве добавочной прибыли, в карман капиталистов, работающих при более благоприятных условиях, чем те средние условия, которые удовлетворяют основную массу спроса, определяют главную массу продукции и потому регулируют рыночную стоимость в каждой особой сфере производства.

Земельная собственность есть *средство* перехватить часть произведенной промышленным капиталом прибавочной стоимости. Наоборот, данный взаймы *капитал* есть *средство* — в той мере, в какой капиталист работает при помощи взятого взаймы капитала, — произвести *целиком* [903] самоё прибавочную стоимость. То обстоятельство, что деньги (товары) могут быть даны взаймы как капитал, означает только то, что они *an sich* являются капиталом. Упразднение земельной собственности и рикардианском смысле, т. е. ее превращение в государствен-

[*] — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

ную собственность, при которой ренту платят не лендлорду, а государству, является идеалом, сокровенным стремлением капитала, вырастающим из его глубочайшей сущности. Капитал не может прямо упразднить земельную собственность. Но путем ее превращения в ренту [выплачиваемую государству] он как *класс* присваивает ее себе для покрытия своих государственных расходов, т. е. присваивает себе окольным путем то, чего он непосредственно не может удерживать в своих руках. Упразднение же процента и приносящего проценты капитала есть упразднение самого капитала и капиталистического производства. Пока деньги (товары) могут служить в качестве капитала, они могут быть проданы как капитал. Поэтому вполне достойно мелкобуржуазных утопистов то, что они, приемлющие товар, но не деньги, приемлют промышленный капитал, но не капитал, приносящий проценты, приемлют прибыль, но не процент.

Дело обстоит не так, что существуют два различных капитала — приносящий проценты и приносящий прибыль, — а так, что *один и тот же* капитал, функционирующий в процессе производства как капитал, приносит прибыль, распределяющуюся между двумя различными капиталистами: капиталистом, стоящим вне процесса производства и, в качестве собственника, представляющим капитал *an sich* {существенным условием последнего является, однако, то, что он представлен *частным собственником;* без этого он не становится капиталом, противостоящим наемному труду}, и капиталистом, представляющим функционирующий капитал, капитал, находящийся в процессе производства.

[3) ОБОСОБЛЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ВИДЕ РАЗЛИЧНЫХ ДОХОДОВ. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ПРОЦЕНТОМ И ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРИБЫЛЬЮ. ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ ФЕТИШИЗИРОВАННЫХ ФОРМ ДОХОДА]

Дальнейшее «окостенение» или обособление *подразделений* прибыли выступает таким образом, что *прибыль всякого* капитала — следовательно, также и *средняя прибыль,* основанная на взаимном выравнивании капиталов, — распадается или разлагается на две не зависящие друг от друга, или самостоятельные по отношению друг к другу, составные части: процент и промышленную прибыль, которая теперь иногда называется также просто *прибылью* или получает такое новое название, как *«заработная плата за труд по надзору».* Если норма прибыли (средняя прибыль) равна 15%, а *норма процента* (которая, как мы видели, всегда фиксируется в *общей* форме) равна 5%

(общая норма процента всегда отмечается на денежном рынке как «стоимость» или «цена» денег), то капиталист, даже тогда, когда он является собственником капитала и не *занял* ни одной части его, так что прибыль не должна делиться между двумя капиталистами, рассматривает дело так, что из этих 15% пять процентов представляют *процент* на его капитал и только 10% представляют ту прибыль, которую он получил благодаря производительному применению капитала. Эти 5% он как «промышленный капиталист» должен самому себе как «собственнику» капитала; они причитаются его *капиталу an sich,* а потому также и ему как собственнику *капитала an sich* (что вместе с тем есть для-себя-бытие капитала, или бытие капитала как капиталиста, как такой собственности, которая исключает из себя других), капитала, абстрагированного от процесса производства, в отличие от функционирующего капитала, капитала, находящегося в процессе производства, и от «промышленного капиталиста» как представителя этого функционирующего, «работающего» капитала. «Процент» есть плод капитала, поскольку последний не «работает», не функционирует, а прибыль — плод «работающего», функционирующего капитала. Это аналогично тому, как фермер-капиталист, являющийся одновременно земельным собственником, — собственником земли, которую он эксплуатирует капиталистически, — ту часть своей прибыли, которая образует *ренту,* эту добавочную прибыль, приписывает не себе как капиталисту, а себе как собственнику земли, не капиталу, а собственности на землю, так что он как капиталист должен «ренту» себе как собственнику земли. Таким образом, капитал в одном своем качестве [как приносящий проценты] противостоит тому же самому капиталу в его другом качестве [как приносящему промышленную прибыль] в таких же обособленно фиксированных формах, как противостоят друг другу земельная собственность и капитал, которые на деле образуют основанные на двух существенно различных средствах производства титулы на присвоение чужого труда.

Если в одном случае пять партнеров владеют хлопчатобумажной фабрикой, которая представляет 100000 ф. ст. капитала и приносит 10% прибыли, т. е. 10000 ф. ст., то каждый из партнеров получает $^{1}/_{5}$ этой прибыли, т. е. 2000 ф. ст. Если в другом случае у *одного* капиталиста такой же капитал вложен в фабрику и приносит ту же самую прибыль в 10000 ф. ст., то капиталист не считает так, что он получает 2000 ф. ст. прибыли как партнер и 8000 ф. ст. компанейской прибыли для несуществующих четырех партнеров. Само по себе *одно лишь разделение прибыли* между различными [904] капиталистами, имею-

щими различные юридические титулы на один и тот же капитал и являющимися в той или другой форме совладельцами *одного и того же* капитала, отнюдь не создает, следовательно, различных категорий для получающихся этим путем частей прибыли. Почему же их создает случайное разделение прибыли между лицом, дающим взаймы капитал, и тем, кто его берет взаймы?

Prima facie* речь идет здесь всего лишь о таком делении прибыли, при котором имеются два собственника капитала, — собственники под различными титулами, — а это prima facie юридический, а не экономический момент. Само по себе совершенно безразлично, производит ли капиталист при помощи собственного или чужого капитала, или в какой пропорции он производит при помощи собственного и при помощи чужого капитала. Каким же образом получается так, что это деление прибыли на [промышленную] прибыль и процент не оказывается случайным делением, зависящим от того случайного обстоятельства, приходится ли данному капиталисту действительно делиться с *другим* или нет, оперирует ли он в данном случае при помощи собственного или при помощи чужого капитала? Почему, напротив, даже тогда, когда капиталист производит только при помощи собственного капитала, он все же при всех обстоятельствах раздваивается на просто собственника капитала и на того, кто этот капитал применяет, — на капитал вне процесса производства и капитал в процессе производства, на капитал, который *сам по себе* приносит процент, и капитал, который приносит прибыль как *находящийся в процессе* [производства]?

В основе этого лежит один реальный момент. Деньги (как выражение стоимости товара вообще) только потому присваивают себе в процессе производства прибавочную стоимость, как бы она ни называлась и на какие бы части она ни распадалась, что уже *до* процесса производства они предполагаются как *капитал. В* процессе производства они сохраняются, производятся и воспроизводятся как капитал, и притом в постоянно увеличивающемся масштабе. Но когда капиталистический способ производства уже существует, когда производство совершается на его основе и в рамках соответствующих ему общественных отношений, когда, следовательно, речь не идет только о процессе образования капитала, — в этих условиях уже *до* процесса производства деньги существуют как *капитал* an sich, по характеру своему, хотя этот характер осуществляется лишь в процессе и вообще приобретает действительность только в самом процессе. Если бы деньги не входили в процесс как

* — На первый взгляд. *Ред.*

капитал, то они и не выходили бы из него как капитал, т. е. как деньги, приносящие прибыль, как самовозрастающая стоимость, как стоимость, создающая прибавочную стоимость.

Здесь происходит то же, что и с деньгами [как таковыми]. Вот эта монета, например, есть не что иное, как кусок металла. Деньгами она является лишь благодаря своей функции в процессе обращения. Но если наличие процесса обращения товаров уже предположено, то монета не только функционирует в качестве денег, но и служит в качестве денег предпосылкой для процесса обращения в каждом отдельном случае еще до того, как она в него входит.

Капитал есть не только результат, но и предпосылка капиталистического производства. Поэтому деньги и товары являются an sich скрытым капиталом, капиталом в возможности: все товары являются им постольку, поскольку они могут быть превращены в деньги, а деньги — постольку, поскольку они могут быть превращены в такие товары, которые образуют элементы капиталистического процесса производства. Деньги, стало быть, — как чистое выражение стоимости товаров и условий труда, — an sich являются как капитал предпосылкой капиталистического производства. Что такое капитал, рассматриваемый не как результат, а как предпосылка процесса? Что делает его капиталом еще до того, как он входит в процесс, так что последний только развивает его имманентный характер? Та общественная определенность, в которой он существует: живому труду противостоит прошлый труд, деятельности — продукт, человеку — вещь, труду противостоят его собственные предметные условия, противостоят как чуждые, самостоятельные, прочно обособившиеся субъекты или персонификации, противостоят, короче говоря, как *чужая собственность* и в этой форме — как «применяющие» самый труд и «распоряжающиеся» самим трудом, который они себе присваивают, вместо того чтобы он их присваивал себе. То обстоятельство, что стоимость (существует ли она как деньги или как товар), а затем, в дальнейшем развитии, условия труда — противостоят рабочему как *чужая собственность,* как нечто принадлежащее самим себе, означает только то, что они противостоят ему как *собственность* не-рабочего, или, по крайней мере, что в той мере, в какой собственник условий труда является капиталистом, он противостоит этим условиям труда не как работник, а как *собственник* стоимости и т. д., как тот *субъект,* в котором эти вещи обладают собственной волей, сами себе принадлежат и персонифицированы в виде самостоятельных сил. *Капитал* как предпосылка производства, капитал

не в том виде, в каком он выходит из процесса производства, а в том виде, каков он до вхождения в процесс производства, представляет собой тот антагонизм, в котором труд противостоит капиталу как чужой труд, а капитал противостоит труду как чужая собственность. Здесь получает себе выражение та антагонистическая общественная определенность, которая, будучи отделена от самого процесса, выражается в *капиталистической собственности как таковой.*

[905] Вот этот-то момент, отдельно от самого капиталистического процесса производства, постоянным результатом которого — а потому и постоянной его предпосылкой — он является, выражается в том, что деньги и товары суть an sich, *в скрытом виде,* капитал, что они могут быть *проданы как капитал* и что в этой форме они представляют *голую собственность на капитал, капиталиста просто как собственника* независимо от его капиталистической функции, так что, рассматриваемые сами по себе, они представляют собой власть над чужим трудом, а потому самовозрастающую стоимость, и дают право на присвоение чужого труда.

Здесь также ясно обнаруживается, что именно *соотношение,* а не какой-нибудь труд или стоимостный эквивалент, отдаваемые со стороны капиталиста, является основанием и средством для присвоения чужого труда,

Вот почему *процент* выступает как *прибавочная стоимость,* порожденная капиталом как капиталом, голой собственностью на капитал, как такая прибавочная стоимость, которую капитал потому извлекает из процесса производства, что входит в него как капитал, которая, следовательно, причитается капиталу *как таковому,* независимо от процесса производства, — хотя на деле она появляется лишь *в* процессе производства, — и которую он поэтому, как капитал, уже содержит в себе в скрытом виде. Наоборот, *промышленная прибыль* выступает как такая часть прибавочной стоимости, которая причитается капиталисту не как собственнику капитала, а как функционирующему собственнику, функционирующему капиталу. Подобно тому как все в этом способе производства представляется в извращенном виде, так в конце концов выступает и это последнее извращение в соотношении между процентом и прибылью, так что часть прибыли, выделенная в особую рубрику [процент], представляется, напротив, продуктом, специально принадлежащим капиталу, а промышленная прибыль представляется лишь выросшим на этой части добавлением.

Так как денежный капиталист получает свою долю прибавочной стоимости, действительно, только как *собственник*

капитала, оставаясь вне самого процесса производства; так как цена капитала, т. е. одного лишь титула собственности на капитал, отмечается в норме процента на денежном рынке, подобно тому как на рынке отмечается рыночная, цена всякого другого товара; так как доля в прибавочной стоимости, определяемая *капиталом an sich,* т. е. *голой собственностью* на капитал, есть вследствие этого величина *вполне определенная,* тогда как норма прибыли колеблется, в каждый данный момент различна в различных сферах производства, а внутри каждой сферы неодинакова у отдельных капиталистов, поскольку они отчасти производят при неодинаково благоприятных условиях, отчасти осуществляют капиталистическую эксплуатацию труда с различной степенью умения и энергии, а отчасти с различной степенью удачи и ловкости надувают покупателей или продавцов товаров (profit upon exrpropriation, alienation*), — то функционирующим капиталистам, естественно, кажется, что, являются ли они или не являются собственниками находящегося в процессе капитала, *процент* порождается капиталом как таковым, собственностью на капитал, собственником капитала — безразлично, являются ли собственниками капитала они сами или третьи лица; а промышленная прибыль, напротив, представляется им продуктом *их* труда, *их* работы. В качестве функционирующих капиталистов — действительных агентов капиталистического производства — они противостоят самим себе или третьим лицам как простому, бездеятельному бытию капитала, поэтому противостоят как *работники* самим себе или другим как *собственникам. А* раз они уже работники, то по сути дела они оказываются, с этой точки зрения, наемными рабочими и, в силу своего особого превосходства, лишь лучше оплачиваемыми наемными рабочими, чем они отчасти обязаны и тому обстоятельству, что выплачивают себе заработную плату сами.

Таким образом, в то время как *процент* и *капитал в качестве приносящего проценты* капитала выражают чистейшую противоположность вещественного богатства труду и потому бытие вещественного богатства как *капитала,* в обыденном представлении это перевернуто как раз наоборот, ибо на поверхности явлений *денежный капиталист* выступает prima facie вне всякого отношения к наемному рабочему, лишь в своем отношении к другому капиталисту, а этот другой капиталист, вместо того чтобы противостоять наемному труду, сам в качестве *работника* противостоит самому себе или другому капиталисту как голому бытию капитала, просто собственнику капитала.

* — прибыль от отчуждения. *Ред.*

К этому присоединяется еще то обстоятельство, что отдельный капиталист может либо отдать в ссуду свои деньги *как капитал,* либо *сам* употребить их в качестве капитала. Поскольку он получает *проценты* со своих денег, он получает только ту цену за них, какую получил бы также и в том случае, если бы он не «функционировал» как капиталист, не «работал». Поэтому ясно, что в той мере, в какой извлекаемое им из процесса производства является лишь процентом, он этим обязан только капиталу, а не самому процессу производства и [906] не себе как представителю функционирующего капитала.

Отсюда проистекает также великолепная фраза некоторых вульгарных экономистов: если бы промышленный капиталист не извлекал другой прибыли, кроме процента, то он отдавал бы свой капитал под проценты и жил бы как рантье. Таким образом, все капиталисты перестали бы производить и весь капитал перестал бы функционировать как капитал, но тем не менее было бы возможно жить на *проценты с него!* Уже у Тюрго встречается аналогичное рассуждение: если бы капиталист не получал процентов, то он купил бы землю (капитализированную ренту) и стал бы жить на земельную ренту[153]. Но так как у физиократов земельная рента представляет действительную прибавочную стоимость, то здесь все же процент выводится из прибавочной стоимости, тогда как в указанной вульгарной концепции реальное отношение оказывается перевернутым.

Надо отметить еще другое обстоятельство. Для промышленного капиталиста, занявшего деньги, процент входит в *издержки,* причем издержки берутся здесь в том смысле, что они означают авансированную им стоимость. Капитал, например, в 1000 ф. ст. входит в его производство не как товар стоимостью в 1000 ф. ст., а как *капитал.* Следовательно, если капитал в 1000 ф. ст. приносит ежегодно 10%, то в годичный продукт он входит как стоимость в 1100 ф. ст. Здесь, таким образом, ясно обнаруживается, что та или иная *сумма стоимости* (и товары, в которых она представлена) не становится капиталом лишь в процессе производства, а как капитал образует предпосылку процесса производства и потому уже содержит в себе прибавочную стоимость, причитающуюся ей просто как капиталу. Если промышленник работает с помощью взятого взаймы капитала, то в его издержки входит процент, или капитал как капитал, а таковым капитал является лишь постольку, поскольку он создает прибавочную стоимость (так что если он как товар стоит, например, 1000, то как капитал он равен 1100, т. е. $1000 + {}^{1000}/_{10}$, $K + {}^{K}/_{x}$). Если бы в продукте получался

только процент, это было бы, правда, избытком над *стоимостью* авансированного капитала, учитываемого как простой товар, но не над стоимостью товара, учитываемого как капитал; промышленник должен отдавать другому эту прибавочную стоимость, она относится к его авансам, к тем затратам, какие он сделал, чтобы произвести товар.

Что касается промышленника, работающего с собственным капиталом, то он должен самому себе платить проценты на капитал и рассматривает их как аванс. В самом деле, он ведь авансировал не только капитал стоимостью, например, в 1000 ф. ст., но стоимость 1000 ф. ст. как капитал, а эта стоимость составляет 1050 ф. ст., если процент равен 5. И это для него отнюдь не праздное мудрствование. Ведь эти 1000 ф. ст. в качестве *капитала* принесли бы ему 1050 ф. ст., если бы он, вместо того чтобы применить их производительно, отдал их в ссуду. Следовательно, поскольку он 1000 ф. ст. авансирует самому себе как капитал, он авансирует себе 1050 ф. ст. Надо же на ком-нибудь наверстать упущенное, хотя бы и на самом себе!

Товары стоимостью в 1000 ф. ст. имеют как капитал стоимость в 1050 ф. ст. Это значит, что капитал не простое количество: он не простой товар, а товар, возведенный в степень, не простая величина, а отношение величин. Капитал есть отношение сто как основной суммы, как данной стоимости, к самому себе как [к такой основной сумме, которая произвела] прибавочную стоимость. Стоимость капитала K (для одного года) равна $K\,(1 + {}^{1}/_{x})^{1}$, или $K + {}^{K}/_{x}$. Подобно тому как нельзя при помощи простейших арифметических операций понять или вычислить x в уравнении $a^{x} = n$, так нельзя из элементарных представлений вывести и возведенный в степень товар, возведенные в степень деньги, капитал.

Совершенно так же, как в *проценте* часть прибыли, часть созданной капиталом прибавочной стоимости, представляется *авансированной* капиталистом, так в сельскохозяйственном производстве представляется авансированной капиталистом другая часть — *земельная рента.* Иррациональность такого представления здесь меньше бросается в глаза потому, что рента выступает здесь как годичная цена земли, входящей таким образом в производство как товар. В «цене земли» содержится, правда, еще большая иррациональность, чем в цене капитала, но она содержится не в самой форме этого выражения. Ибо земля здесь выступает как потребительная стоимость некоего товара, а земельная рента — как цена этого товара.

(Иррациональность состоит здесь в том, что нечто не являющееся продуктом труда — земля — должно обладать ценой, т. е. выраженной в деньгах стоимостью, стало быть должно иметь стоимость, следовательно должно рассматриваться как овеществленный общественный труд.) Поэтому со стороны внешней формы мы имеем здесь, как и у всякого товара, двоякое выражение: выражение товара как потребительной стоимости и как меновой стоимости, и меновая стоимость выражается идеально как цена, как нечто такое, чем товар как потребительная стоимость абсолютно не является. Напротив, в выражении «1000 ф. ст. = 1050 ф. ст.», или «50 ф. ст. составляют годовую цену 1000 ф. ст.», устанавливается отношение между одинаковыми вещами, между меновой стоимостью и меновой стоимостью, и меновая стоимость должна, как отличная от себя самой, быть своей собственной ценой, т. е. самой меновой стоимостью, выраженной в деньгах.

[907] Итак, здесь две формы прибавочной стоимости — процент и рента, результаты капиталистического производства, — входят в него как предпосылки, как *авансы,* которые делает сам капиталист и которые поэтому отнюдь не представляют для него прибавочную стоимость, избыток над стоимостью сделанных им авансов. На этих формах прибавочной стоимости отдельный капиталист сам *наглядно* убеждается в том, что производство прибавочной стоимости относится к *издержкам производства* капиталистического производства, что присвоение чужого труда и избытка над стоимостью потребленных в процессе товаров (безразлично, входят ли они в постоянный или переменный капитал) представляет собой необходимое условие этого способа производства. Правда, это проявляется также и в том, что средняя прибыль образует один из элементов цены издержек товара, следовательно — условие предложения товара, условие самого производства товара. Но том не менее промышленный капиталист справедливо рассматривает этот избыток, эту часть прибавочной стоимости, — хотя она образует один из элементов самого производства, — по отношению к себе как избыток над *своими* издержками и не относит его, подобно проценту и ренте, к *своим* авансам. В критические моменты также и прибыль фактически противостоит ему самому как условие производства, поскольку в результате падения цены, поглощающего или резко уменьшающего промышленную прибыль, производство сокращается или приостанавливается. Отсюда видно тупоумие тех, кто рассматривает различные формы прибавочной стоимости только как формы распределения. Они в такой же мере — формы производства. [907]

* * *

[937] Может показаться, что в триединой формуле «земля — рента, капитал — прибыль (процент), труд — заработная плата» последний член является еще наиболее рациональным: ведь здесь по крайней мере назван тот источник, из которого проистекает заработная плата. Но в действительности последняя форма, наоборот, является наиболее иррациональной и представляет собой основу остальных двух, как и вообще *наемный труд* имеет своей предпосылкой землю в качестве *земельной собственности* и продукт в качестве *капитала.* Только тогда, когда условия труда противостоят труду в этой форме, труд является наемным трудом. Но в формуле «труд — заработная плата» труд как раз и выражен как наемный труд. Так как заработная плата выступает здесь как специфический продукт труда, как единственный продукт труда (и она действительно является единственным продуктом труда *для* наемного рабочего), то другие части стоимости — *рента, прибыль (процент)*— с такой же необходимостью выступают как проистекающие из других специфических источников, и совершенно так же, как та часть стоимости продукта, которая сводится к заработной плате, считается *специфическим* продуктом труда, так те части стоимости, которые сводятся к ренте и прибыли, должны считаться специфическими результатами тех факторов, *для* которых они существуют и которым они достаются, т. е. они должны казаться плодами, порожденными, соответственно, землей и капиталом. [937]

[4) ПРОЦЕСС ОКОСТЕНЕНИЯ ПРЕВРАЩЕННЫХ ФОРМ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ И ИХ ВСЕ БОЛЬШЕГО ОТДЕЛЕНИЯ ОТ СВОЕЙ ВНУТРЕННЕЙ СУЩНОСТИ — ПРИБАВОЧНОГО ТРУДА. КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ, КАК САМАЯ КРАЙНЯЯ СТУПЕНЬ ЭТОГО ПРОЦЕССА. АПОЛОГЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОМЫШЛЕННУЮ ПРИБЫЛЬ КАК НА «ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ КАПИТАЛИСТА»]

[910] Рассмотрим тот путь, который проделывается капиталом до того, как он выступает в форме капитала, приносящего проценты.

В непосредственном процессе производства дело обстоит еще просто. Прибавочная стоимость еще не получила *особой* формы, кроме той формы самой прибавочной стоимости, которая лишь отличает ее от стоимости части продукта, образующей

эквивалент воспроизведенной в нем стоимости. Подобно тому как стоимость вообще сводится к труду, так и прибавочная стоимость сводится к прибавочному труду, неоплаченному труду. Поэтому прибавочная стоимость и измеряется лишь той частью капитала, которая действительно изменяет свою стоимость — переменным капиталом, частью капитала, затраченной на заработную плату. Постоянный капитал выступает только как условие для того, чтобы могла действовать переменная часть капитала. Очень простым положением является то, что если за 100 ф. ст., которые равны труду 10 человек, покупается труд 20 человек (т. е. приобретается такой товар, в котором содержится труд 20 человек), то стоимость продукта равняется 200 ф. ст., а прибавочная стоимость в 100 ф. ст. представляет собой неоплаченный труд 10 человек. Или, если работают 20 человек, то каждый работает на себя только половину дня, а другую половину дня работает на капиталиста. 20 полудней составляют 10 дней. Это то же самое, как если бы оплачивался труд лишь 10 человек, а 10 человек работали бы на капиталиста даром.

Здесь, в этом эмбриональном состоянии, отношение еще вполне понятно или, вернее, его нельзя отрицать. Трудность заключается здесь только в выяснении того, каким образом это присвоение труда без эквивалента вытекает из закона обмена товаров, — из того, что товары обмениваются соответственно содержащемуся в них рабочему времени, — каким образом, прежде всего, оно этому закону не противоречит.

[911] Процесс обращения уже стирает, уже затушевывает существующую в действительности связь. Так как масса прибавочной стоимости определяется здесь также и *временем обращения капитала,* то кажется, что здесь привходит некоторый чуждый рабочему времени элемент.

Если, наконец, обратиться к готовому капиталу, выступающему как целое, как единство процесса обращения и процесса производства, как выражение процесса воспроизводства, — как определенная сумма стоимости, которая в определенный промежуток времени, в определенный отрезок обращения производит определенную прибыль (прибавочную стоимость), — то здесь процесс производства и процесс обращения существуют еще только как воспоминание и как такие моменты, которые *в одинаковой мере* определяют прибавочную стоимость, в результате чего ее простая природа затемняется. Прибавочная стоимость выступает теперь как прибыль. И здесь надо отметить следующее. 1) Прибыль эта находится в отношении к определенному отрезку обращения капитала, отличному от рабочего

времени. 2) Прибавочная стоимость при ее исчислении сравнивается не с той частью капитала, из которой она непосредственно возникает, а с совокупным капиталом в целом, без различения его составных частей. Тем самым источник ее совершенно теряется из виду. 3) Хотя в этой первой форме прибыли масса прибыли еще количественно тождественна с массой прибавочной стоимости, произведенной отдельным капиталом, норма прибыли с самого начала отлична от нормы прибавочной стоимости, ибо норма прибавочной стоимости равна $^{m}/_{v}$, а норма прибыли равна $\frac{m}{c+v}$. 4) При данной норме прибавочной стоимости норма прибыли может повышаться или падать; норма прибыли может даже изменяться в направлении, противоположном изменениям нормы прибавочной стоимости.

Таким образом, уже в виде прибыли прибавочная стоимость обладает такой формой, которая не только не дает возможности непосредственно распознать ее тождество с прибавочной стоимостью, с прибавочным трудом, но и кажется непосредственно противоречащей этому тождеству.

Далее, благодаря превращению прибыли в *среднюю прибыль,* образованию общей нормы прибыли и связанному с этим или обусловленному этим превращению стоимостей в цены издержек прибыль отдельного капитала не только в своем выражении, показывающем отличие нормы прибыли от нормы прибавочной стоимости, но и по субстанции, т. е. здесь количественно, становится *отличной* от самой прибавочной стоимости, которую произвел отдельный капитал в своей особой сфере производства. Если рассматривать отдельный капитал, а также совокупный капитал какой-нибудь особой сферы, то прибыль теперь не только *по видимости,* но и *на самом деле* отлична от прибавочной стоимости. Капиталы одинаковой величины приносят одинаковые прибыли, или прибыль пропорциональна величине капиталов. Или: прибыль определяется стоимостью авансированного капитала. Во всех этих выражениях совершенно затушевано отношение прибыли к органическому строению капитала; его здесь уже нельзя распознать. Напротив, непосредственно бросается в глаза то, что равновеликие капиталы, приводящие в движение весьма различные количества труда, распоряжающиеся, следовательно, весьма различными количествами прибавочного труда и создающие весьма различные количества прибавочной стоимости, приносят прибыль одинаковой величины. В результате превращения стоимостей в цены издержек кажется уничтоженной даже сама основа — определение стоимости товаров содержащимся в них рабочим временем.

Именно в этой совершенно отчужденной форме прибыли и в той мере, в какой форма прибыли прячет свое внутреннее ядро, капитал все больше и больше приобретает вещный облик, псе больше из отношения превращается в вещь, но в такую вещь, которая содержит в себе, проглотила в себя общественное отношение, — в вещь, обладающую фиктивной жизнью и самостоятельностью, вступающую в отношение с самой собой, в чувственно-сверхчувственное существо. И в этой форме *капитала и прибыли* капитал выступает на поверхности как готовая предпосылка. Это есть форма его действительности, или, точнее, форма его действительного существования. И в этой именно форме он живет в сознании его носителей, капиталистов, отражается в их представлениях.

Эта фиксированная и окостеневшая (до неузнаваемости измененная) форма прибыли (а тем самым и капитала как ее творца, ибо капитал есть основание, прибыль — следствие, капитал — причина, прибыль — действие, капитал — субстанция, прибыль — акциденция; капитал является капиталом лишь постольку, поскольку он производит прибыль, поскольку он является стоимостью, создающей прибыль, добавочную стоимость), — а тем самым и форма капитала как ее основания, капитала, сохраняющегося как капитал и увеличивающегося посредством приносимой им прибыли, — еще более упрочивается в своем чисто внешнем характере тем, что тот же процесс выравнивания капитала, который придает прибыли эту форму средней прибыли, отделяет от нее часть в форме *ренты,* получающую самостоятельное существование и как бы выросшую на другой основе, на земле. Правда, первоначально рента фигурирует как часть прибыли, уплачиваемая фермером земельному собственнику. Но так как ни он, фермер, не кладет себе в карман эту добавочную прибыль, ни капитал, который он применяет, ничем не отличается, как капитал, от всякого другого капитала (ведь фермер потому и отдает добавочную прибыль земельному собственнику, что не считает ее источником капитал как капитал), то сама земля выступает здесь как источник этой части стоимости товара (этой части его прибавочной стоимости), а земельный собственник является лишь [912] юридической персонификацией земли.

Когда рента исчисляется на авансированный капитал, все еще остается нить, напоминающая о ее происхождении как некоторой обособившейся части прибыли, т. е. прибавочной стоимости вообще. (Разумеется, иначе обстоит дело при таком общественном строе, при котором земельная собственность непосредственно эксплуатирует труд. Там не представляет

никакой трудности распознать источник прибавочного богатства.) Но рента уплачивается за определенное количество земли; она капитализируется в стоимости земли; стоимость эта повышается и понижается соответственно повышению или понижению ренты; рента повышается или понижается по сравнению с остающейся неизменной площадью земли (тогда как работающий на ней капитал изменяет свою величину); различие сортов земли проявляется в высоте ренты, подлежащей уплате за определенную единицу площади; общая сумма ренты исчисляется на всю площадь, чтобы можно было определить среднюю ренту, например, с квадратного фута; подобно всем другим созданным капиталистическим производством формам этого производства, рента выступает вместе с тем как фиксированная, заранее данная предпосылка, существующая в любой момент и, следовательно, имеющаяся налицо для отдельного индивида независимо от его воли. Фермер должен уплачивать ренту, и притом определенную сумму за единицу площади земли, в соответствии с качеством земли. Если качество земли повышается или понижается, то повышается или понижается та рента, которую он должен платить за столько-то акров, — за землю, независимо от того капитала, который он применяет на ней. Совершенно таким же образом он должен платить процент независимо от той прибыли, которую он выручает.

Исчисление ренты на функционирующий в производстве капитал является еще той критической формулой политической экономии, которая сохраняет внутреннюю связь ренты с прибылью как той почвой, на которой она возникает. Но в реальной действительности эта связь *не выступает наружу;* напротив, рента здесь измеряется действительной почвой, — и в результате этого отсекаются все опосредствования и завершается ее чисто внешний самостоятельный облик. Самостоятельной формой она является лишь в этой внешности, в полной оторванности от ее опосредствования. Квадратные футы земли (почвы) дают столько-то ренты. В этом выражении, где часть прибавочной стоимости — рента — *представлена в ее отношении, к некоторому особому элементу природы независимо от человеческого труда,* не только совершенно затушевана природа прибавочной стоимости, потому что затушевана природа самой стоимости, но и сама *прибыль* представляется теперь обязанной своим существованием *капиталу как особому вещному орудию производства,* подобно тому как рента представляется обязанной своим существованием земле. Земля существует как часть природы и приносит ренту. Капитал состоит из произведенных людьми продуктов, и эти продукты приносят прибыль. То, что

одна потребительная стоимость, которая произведена людьми, приносит прибыль, а другая, которая не произведена людьми, приносит ренту, — это лишь две различные формы, в которых вещи *создают стоимость* и из которых одна ровно столь же понятна и непонятна, как и другая.

Ясно, что, как только прибавочная стоимость распадается на различные *особые* части, относимые к разным, лишь *вещественно* различным элементам производства — к природе, к продуктам труда, к труду, — как только она вообще получает *особые,* безразличные друг к другу, не зависящие друг от друга формы, регулируемые различными законами, ее общее всем этим формам единое начало — т. е. сама прибавочная стоимость, — а потому и природа этого общего единого начала становятся все более и более нераспознаваемыми и не показывают себя в *явлении,* а должны быть еще только открыты как некая сокровенная тайна. Это обособление формы отдельных частей прибавочной стоимости и их противопоставление друг другу как самостоятельных форм находят свое завершение в том, что каждая из этих частей сводится к некоторому особому элементу как к своей мере и своему особому источнику, или в том, что каждая часть прибавочной стоимости представляется действием некоторой особой причины, акциденцией некоторой особой субстанции. А именно: прибыль — капитал, рента — земля, заработная плата — труд.

И вот эти-то готовые отношения и формы выступают как предпосылки действительного производства, ибо капиталистический способ производства движется в им самим созданных формах и эти последние, его результат, в процессе воспроизводства в такой же мере противостоят ему как готовые предпосылки. В качестве таковых они практически определяют поведение отдельных капиталистов, служат для них мотивами и т. д. и как такие мотивы отражаются в их сознании. Вульгарная политическая экономия всего-навсего выражает в доктринерской форме это сознание, по своим мотивам и представлениям находящееся в плену у внешних проявлений капиталистического способа производства. И чем поверхностнее она цепляется за поверхность явлений, всего лишь копируя ее в известном порядке, тем больше она сознает себя «согласной с законами природы» и далекой от всяких абстрактных мудрствований.

[913] Выше, где мы говорили о процессе обращения*, следует еще отметить, что определения, вытекающие из процесса

* См. настоящий том, часть III, стр. 505. *Ред.*

обращения, кристаллизуются как свойства определенных видов капитала, основного, оборотного и т. д., и таким образом выступают как заранее данные свойства, вещественно присущие определенным товарам.

Если в той конечной форме, в которой прибыль выступает в капиталистическом производстве как нечто заранее данное, как предпосылка, стерты и нераспознаваемы те многочисленные превращения и опосредствования, через которые она проходит, а потому стерта и нераспознаваема также и природа капитала; если эта форма еще больше фиксируется тем, что тот же процесс, в котором она получает свое завершение, противопоставляет ей часть прибыли как *ренту,* делает ее, следовательно, такой *особой* формой прибавочной стоимости, которая совершенно так же ставится в связь с капиталом как вещественно обособленным орудием производства, как рента ставится в связь с землей, то эта форма, отделенная от своей внутренней сущности массой невидимых промежуточных звеньев, становится еще более *внешней,* или, лучше сказать, приобретает абсолютно *внешний облик* в капитале, приносящем проценты, в разделении прибыли и процента, в капитале, приносящем проценты, как простой форме капитала, той форме, в которой капитал служит предпосылкой своего собственного процесса воспроизводства. С одной стороны, в этом выражается абсолютная форма капитала: *Д — Д',* самовозрастающая стоимость. С другой стороны, здесь выпало среднее звено, существующее еще даже у чисто торгового капитала: звено *Т* в формуле *Д—Т—Д'.* В формуле *Д—Д'* имеется только отношение *Д* к самому себе, измеряемое самим собою. Это такой капитал, который категорическим образом вынут из процесса, отделен от него, находится вне его — как предпосылка того процесса, результатом которого он является и в котором и благодаря которому он только и становится капиталом.

{Мы оставляем в стороне то обстоятельство, что процент может быть простой передачей имущества и не обязательно должен выражать действительную прибавочную стоимость. Так, он не выражает действительную прибавочную стоимость в том случае, когда деньги даются взаймы «расточителю», т. е. для потребления. Но то же самое может иметь место и в том случае, когда деньги берутся взаймы для того, чтобы произвести *платеж.* В обоих случаях деньги отдаются в ссуду как деньги, а не как капитал, но для их собственника они становятся *капиталом* благодаря одному лишь акту отдачи в ссуду. Во втором случае, при учете векселей или при ссуде под товары, которые в данный момент не могут быть проданы, деньги,

получаемые для производства платежа, могут относиться к процессу обращения капитала, к необходимому превращению товарного капитала в денежный капитал. Поскольку ускорение этого процесса превращения, — как вообще при кредите, согласно его общей природе, — ускоряет воспроизводство, а значит и производство прибавочной стоимости, постольку одолженные деньги являются капиталом. Поскольку же они служат лишь для уплаты *долгов,* не ускоряя процесса воспроизводства и, может быть, даже делая его невозможным или суживая его масштаб, они — лишь *средство платежа,* лишь деньги для заемщика, а для *заимодавца — капитал, на самом деле не зависящий от процесса капитала.* В этом случае процент, как и «прибыль от отчуждения», является фактом, не зависящим от капиталистического производства как такового — от созидания прибавочной стоимости. В этих двух формах денег — в деньгах как покупательном средстве для приобретения товара с целью потребить его и в деньгах как платежном средстве для уплаты долгов — процент выступает в качестве такой формы, которая, подобно «прибыли от отчуждения», хотя и воспроизводится в капиталистическом производстве, но не зависит от него и принадлежит более ранним способам производства. Но в природе капиталистического производства заложено, что деньги (или товары) могут быть капиталом и продаваться как капитал вне процесса производства, подобно тому как это может происходить и в более старых формах, в которых они не превращаются в капитал, а служат лишь деньгами.

Третья более старая форма капитала, приносящего проценты, основана на том, что капиталистического производства *еще нет,* а прибыль присваивается еще в форме процента и капиталист выступает просто как ростовщик. Это предполагает: 1) что производитель работает еще самостоятельно при помощи своих средств производства, а не средства производства работают при его помощи (даже в том случае, когда к этим средствам производства относятся рабы, которые, однако, здесь в такой же мере не образуют особую экономическую категорию, как и рабочий скот, или, самое большее, [между неодушевленными орудиями труда, животными и рабами здесь имеется лишь] вещественное различие: немые орудия, чувствующие, говорящие); 2) что средства производства принадлежат производителю только номинально, т. е. что в силу тех или других случайных обстоятельств он не в состоянии воспроизвести их из выручки от продажи своего товара. Эти формы капитала, приносящего проценты, встречаются поэтому во всех таких формах общества, в которых имеется обращение товаров и денег, независимо

оттого, господствует ли в них рабский труд, крепостной труд или свободный труд. В последней из вышеупомянутых форм производитель выплачивает капиталисту свой прибавочный труд в форме процента, который поэтому включает прибыль. Здесь налицо все [914] капиталистическое производство без его преимуществ: развития общественных форм труда и вырастающих из них производительных сил труда. Эта форма решительно преобладает у таких крестьянских народов, которые уже вынуждены часть своих жизненных средств и орудий производства покупать в качестве товара, рядом с которыми, следовательно, уже существует обособившаяся городская промышленность и которые, кроме того, должны платить деньгами налоги, ренту и т. д.}

Приносящий проценты капитал оказывается на деле капиталом лишь постольку, поскольку данные взаймы деньги действительно превращаются в капитал и производят прибавочную стоимость, частью которой является процент. Однако это не отменяет того, что независимо от процесса ему, в качестве его свойства, присущи процент и принесение процентов. Подобным же образом потребительная стоимость хлопка как хлопка не отменяется тем, что для доказательства на деле своих полезных свойств он должен подвергнуться прядению или какой-нибудь другой переработке. Так и капитал доказывает на деле свою способность приносить проценты только посредством перехода в процесс производства. Но ведь и рабочая сила доказывает на деле свою способность создавать стоимость только, тогда, когда она действует и реализуется в процессе как труд. Это не исключает того, что она an sich, как способность, есть создающая стоимость деятельность. Она не становится таковой лишь благодаря процессу, а, наоборот, является его предпосылкой. Как таковая она покупается. Кто-нибудь может купить ее также и не для того, чтобы заставить ее работать (например, директор театра иногда покупает актера не для того, чтобы заставить его играть, а для того, чтобы лишить его игры театр своего конкурента). Ни продавцу, ни проданному товару нет дела до того, пользуется ли тот, кто покупает рабочую силу, тем ее свойством, за которое он платит, т. е. ее свойством создавать стоимость, так же как им нет дела и до того, пользуется ли тот, кто покупает капитал, этим капиталом как капиталом, т. е. приводит ли он в действие в процессе присущее этому капиталу свойство создавать стоимость. В обоих случаях им оплачивается та прибавочная стоимость, которая *an sich,* в возможности, согласно природе покупаемых товаров — в одном случае рабочей силы, в другом случае капитала — заключена в этих

товарах, и способность их сохранять свою собственную стоимость. Поэтому также и капиталист, работающий при помощи собственного капитала, рассматривает одну часть прибавочной стоимости как процент, т. е. как такую прибавочную стоимость, которая потому вытекает из процесса производства, что капитал, независимо от этого процесса, внес ее в процесс производства.

Земельная рента и отношение «земля — рента» могут показаться гораздо более загадочными формами, чем форма процента и отношение «капитал — процент». Но даже в форме земельной ренты иррациональность не состоит в том, чтобы выражать некоторое *соотношение самого капитала.* Так как земля сама производительна (в смысле потребительной стоимости) и сама является живой производительной силой (обладающей потребительной стоимостью или служащей для производства потребительных стоимостей), то тут еще возможны две концепции: либо суеверное смешение потребительной стоимости с меновой стоимостью, вещи — с некоторой специфической общественной формой содержащегося в продукте труда (иррациональность находит себе тогда основание в себе самой, так как здесь рента как нечто sui generis* не имеет никакого отношения к капиталистическому процессу как таковому), либо концепция «просвещенной» политической экономии, утверждающей, что так как ренту нельзя отнести ни к труду, ни к капиталу, то она вообще не является формой прибавочной стоимости и представляет собой просто надбавку к цене, надбавку, возможность получения которой дает земельному собственнику монополия владения землей.

Иначе обстоит дело с капиталом, приносящим проценты. Здесь дело идет не о какомнибудь чуждом капиталу отношении, а о самом капиталистическом отношении, о вытекающем из капиталистического производства и специфически ему свойственном, выражающем самую сущность капитала отношении, о такой форме капитала, в которой он выступает *как капитал. Прибыль* все еще содержит отношение к находящемуся в процессе капиталу, к тому процессу, в котором производится прибавочная стоимость, производится сама прибыль. В *капитале, приносящем проценты,* дело обстоит не так, как в *прибыли,* где форма прибавочной стоимости стала чем-то отчужденным. причудливым, не позволяющим непосредственно познать со простой облик и тем самым ее субстанцию и причину ее возникновения; в *проценте,* наоборот, эта отчужденная форма дана *явным образом,* находится налицо и выражена как то, что

* — своего собственного рода, особого рода. *Ред.*

существенно. Она приобрела самостоятельное бытие и фиксирована как нечто *противоположное* по отношению к действительной природе прибавочной стоимости. В капитале, приносящем проценты, отношение капитала к труду погашено, стерто. На деле процент предполагает прибыль, частью которой он только и является, и на деле наемному рабочему совершенно безразлично, как прибавочная стоимость [915] делится между процентом и прибылью, между различными категориями капиталистов.

Процент прямо и определенно выступает как плод капитала, отделенный от самого капиталистического процесса, не зависящий от него и находящийся вне его. Он причитается *капиталу как капиталу.* Он входит в процесс производства, а потому и выходит из него. Капитал носит его во чреве своем. Он по извлекает процент из процесса производства, а вносит его в последний. Поэтому избыток прибыли над процентом, то количество прибавочной стоимости, которым капитал обязан только процессу производства и которое он производит только как функционирующий капитал, получает в отличие от процента как созидания стоимости, присущего *капиталу an sich, капиталу самому по себе, капиталу как капиталу,* особую форму *промышленной прибыли* (предпринимательская прибыль) (промышленная или торговая, смотря по тому, делается ли ударение на процесс производства или на процесс обращения). Тем самым также и последняя форма прибавочной стоимости, до некоторой степени напоминающая о ее происхождении, обособляется и понимается не только в отчужденной форме, но и в такой форме, которая выступает как прямая противоположность по отношению к самой прибавочной стоимости, и в результате этого, в конце концов, совершенно мистифицируется природа капитала и прибавочной стоимости, как и капиталистического производства вообще.

Промышленная прибыль, в противоположность *проценту,* представляет капитал в процессе в противоположность капиталу вне процесса, капитал как процесс в противоположность капиталу как собственности —и потому капиталиста как функционирующего капиталиста, как представителя работающего *капитала* и противоположность капиталисту как всего лишь персонификации капитала, как всего лишь собственнику капитала. Таким образом, он выступает как *работающий капиталист* против самого себя как *капиталиста* и поэтому, далее, как *работник* против себя как всего лишь *собственника.* Поэтому и той мере, в какой здесь еще сохраняется отношение прибавочной стоимости к процессу, это выступает как раз в такой форме,

в которой отрицается самое понятие прибавочной стоимости. *Промышленную прибыль* сводят к труду, но не к чужому *неоплаченному* труду, а к *наемному труду, к* заработной плате, причитающейся капиталисту, который тем самым попадает в одну категорию с наемным рабочим и является только лучше оплачиваемым видом наемных рабочих, как ведь и вообще заработная плата бывает весьма различна.

На деле деньги превращаются в капитал не вследствие того, что они обмениваются на вещественные условия производства товара и что эти условия производства — материал труда, средства труда, труд — в процессе труда приходят в состояние брожения, действуют друг на друга, соединяются друг с другом, вступают в некоторый химический процесс и осаждают товар как кристалл этого процесса. Если бы дело заключалось только в этом, то у нас никогда не получилось бы капитала, никогда не получилось бы прибавочной стоимости. Эта абстрактная форма процесса труда обща всем способам производства, какова бы ни была их общественная форма, их историческая определенность. Этот процесс становится капиталистическим процессом, деньги превращаются в капитал только в том случае, если 1) *товарное производство,* производство продукта как товара есть всеобщая форма производства; 2) если товар (деньги) обменивается на рабочую силу (т. е. фактически на труд) как товар, если, следовательно, труд есть наемный труд; 3) но это последнее имеет место только в том случае, если объективные условия, т. е. (рассматривая весь процесс производства в целом) сами продукты, противостоят труду как самостоятельные силы, как не его собственность, как чужая собственность и таким образом по форме — *как капитал.*

Труд как наемный труд и условия труда как капитал — а потому как собственность капиталиста: собственниками самих себя они являются в капиталисте, в котором они персонифицируются и собственность которого на них, их собственность на самих себя они в противоположность труду представляют, — это есть выражение одного и того же отношения, только с различных его полюсов. Это условие капиталистического производства есть его постоянный результат. Это — его *предпосылка,* положенная им самим: капиталистическое производство само является своей собственной предпосылкой, т. е. полагается вместе со своими условиями, как только оно развилось и функционирует в рамках соответствующих ему отношений. Но *капиталистический процесс производства* не есть процесс производства вообще; указанная антагонистическая общественная определенность его элементов развивается и реализуется только

в самом том процессе, всеобъемлющей характеристикой которого она является и который она делает именно этим общественно определенным способом производства, *капиталистическим процессом производства.*

[916] Когда капитал — не какой-нибудь определенный капитал, а капитал вообще — только еще образуется, *процесс* его *образования* есть *процесс разложения* и *продукт распада* предшествующего ему общественного способа производства. Следовательно, это — *исторический процесс* и процесс, принадлежащий определенному историческому периоду. Это есть период его *исторического генезиса.* (Так бытие людей есть результат того предшествующего процесса, через который прошла органическая жизнь. Только на известной стадии этого процесса человек становится человеком. Но раз человек уже существует, он, как постоянная предпосылка человеческой истории, есть также ее постоянный продукт и результат, и *предпосылкой* человек является только как свой собственный продукт и результат.) Здесь, в ходе этого исторического процесса, труд должен еще только отделиться от условий труда в их прежней форме, когда труд и условия труда составляли единое целое. Только на этом пути труд становится *свободным* трудом, и только на этом пути условия труда превращаются в противостоящий труду *капитал.* Процесс становления капитала капиталом, или его развития *до* появления самого капиталистического процесса производства, и реализация капитала в процессе производства принадлежат здесь к двум исторически различным периодам. В последнем капитал является *предпосылкой,* предполагается существующим как нечто само себя приводящее в действие. В первом он есть осадок процесса разложения некоторой другой формы общества. Здесь он — *продукт* некоторой другой формы, а не продукт своего собственного воспроизводства, как это имеет место позже. Капиталистическое производство работает на наемном труде как на своей наличной, но вместе с тем постоянно воспроизводимой им основе. Оно поэтому работает также на основе *напитала* как такой формы условий труда, которая ему дана в качестве предпосылки — предпосылки, которая, однако, так же как и наемный труд, есть его постоянное творение, его постоянный продукт.

На этой основе *деньги,* например, являются an sich капиталом, потому что an sich условия производства имеют отчужденную форму по отношению к труду, выступают по отношению к нему как чужая собственность и как таковая господствуют над ним. Капитал может тогда также и продаваться как *товар,* обладающий этим свойством, т. е. капитал может продаваться

как капитал, что и происходит при отдаче капитала взаймы под проценты.

Но так как здесь тем самым *фиксируется* момент специфической общественной определенности капитала и капиталистического производства — специфической общественной определенности, юридически выражающейся в капитале как собственности, в собственности на капитал как особой форме собственности, — и потому *процент* выступает как та *часть прибавочной стоимости,* которую капитал создает в этой определенности вне связи с этой определенностью как определенностью процесса производства вообще, то другая часть прибавочной стоимости, избыток прибыли над процентом, *промышленная прибыль,* должна, очевидно, представиться как такая стоимость, которая проистекает не из капитала как капитала, а из процесса производства, отделенного от его общественной определенности, которая ведь уже получила свой особый способ существования в выражении «капитал — процент». Но отделенный от капитала процесс производства есть *процесс труда* вообще. Поэтому промышленный капиталист в отличие от самого себя как капиталиста, промышленник в отличие от себя как капиталиста, собственника капитала — есть всего лишь простой функционер в процессе труда, не функционирующий капитал, а функционер независимо от капитала, т. е. особый носитель процесса труда вообще, *работник.* Тем самым промышленная прибыль благополучно превращается тогда в *заработную плату* и попадает в одну категорию с обыкновенной заработной платой, от которой она отличается еще только количественно и особой формой выплаты, тем, что капиталист выплачивает ее себе сам, вместо того чтобы ее ему выплачивали другие.

В этом последнем расщеплении прибыли на *процент* и *промышленную прибыль* природа прибавочной стоимости (а потому и природа капитала) не только совершенно затушевана, но и явно представлена как нечто совершенно иное.

Процент выражает часть прибавочной стоимости, всего лишь выделенную под особым названием долю прибыли — ту долю, которая достается простому собственнику капитала, перехватывается им. Но это всего лишь *количественное* деление превращается в *качественное деление,* придающее обеим частям такую превращенную форму, в которой не видно уже и следа их первоначальной сущности. [917] Это закрепляется прежде всего тем, что *процент* выступает не как безразличное для производства деление, которое «случайно» имеет место только тогда, когда промышленник работает при помощи чужого капитала.

Даже и в том случае, если он работает при помощи собственного капитала, его прибыль расщепляется на *процент* и *промышленную прибыль,* благодаря чему, следовательно, всего лишь количественное деление уже фиксируется как *качественное, не* зависящее от того случайного обстоятельства, является ли данный промышленник собственником или несобственником своего капитала, — фиксируется как вытекающее из природы самого капитала и самого капиталистического производства *качественное* деление. Это не просто две доли прибыли, распределяющиеся между различными лицами, а две особые *категории* ее, находящиеся в различном отношении к капиталу, т. е. относящиеся к различным определенностям капитала. Это обособление частей прибыли в виде самостоятельных категорий, не говоря уже о прежде развитых причинах, закрепляется тем легче, что *капитал, приносящий проценты,* как историческая форма появляется до промышленного капитала и продолжает существовать наряду с ним в своей старой форме и только в ходе развития промышленного капитала ставится этим капиталом в подчинение капиталистическому производству как *особая форма* самого промышленного капитала.

Таким образом, из всего лишь количественного деления получается качественное расщепление. Сам капитал расщепляется. Поскольку он является *предпосылкой* капиталистического производства, поскольку он, следовательно, *выражает отчужденную форму условий труда,* некоторое *специфическое общественное отношение,* он реализуется в *проценте.* Свой характер капитала он реализует в проценте. С другой стороны, поскольку он функционирует в процессе, этот процесс выступает как отделенный от своего специфически капиталистического характера, от своей специфической общественной определенности — как всего лишь *процесс труда* вообще. Поскольку, следовательно, капиталист принимает в нем участие, он принимает в нем участие не как капиталист — ибо этот его характер учтен в проценте, — а как функционер процесса труда вообще, как *работник,* и его заработная плата представлена в *промышленной прибыли.* Это есть особый вид труда — труд управления, — но ведь виды труда вообще отличаются друг от друга.

Итак, в этих двух формах прибавочной стоимости природа ее, сущность капитала и характер капиталистического производства не только совершенно затушеваны, но и извращены до такой степени, что превратились в свою противоположность. Но характер и облик капитала в той мере и получают свое завершение, в какой здесь без смысла и без какого бы то ни было

опосредствования представлены и выражены субъективирование вещей, овеществление [Versachlichung] субъектов, извращающее действительность смешение причины и следствия, религиозное quidproquo[*], чистая форма капитала *Д—Д'.* Точно так же и окостенение отношений и их трактовка как отношений людей к вещам, обладающим определенным социальным характером, получили здесь совершенно иное дальнейшее развитие, чем в простой мистификации товара и в уже более сложной мистификации денег. Пресуществление и фетишизм здесь полностью завершены.

Процент выражает an sich именно бытие условий труда как *капитала* в их общественном антагонизме по отношению к труду и в их персонифицированной форме стоящих над трудом сил. Он резюмирует *отчужденный* характер условий труда по отношению к деятельности субъекта. Он представляет собственность на капитал, или голую собственность капитала как средство присвоения продуктов чужого труда, как власть над чужим трудом. Но он представляет этот характер капитала как нечто присущее капиталу вне самого процесса производства и отнюдь lie являющееся результатом специфической определенности самого этого процесса производства. Процент представляет отчужденный характер капитала не в антагонизме по отношению к труду, а, напротив, вне всякого отношения к труду и как всего лишь отношение одного капиталиста к другому, — следовательно, как такое определение, которое является внешним и безразличным для самого отношения капитала к труду. Распределение прибыли между капиталистами рабочему как таковому безразлично. Таким образом, в *проценте,* в той форме прибыли, где *антагонистический характер* капитала дает себе особое выражение, он дает себе такое выражение, в котором. эта антагонистичность совершенно затушевана и которое прямо и определенно оставляет ее в стороне. Процент выражает способность денег, товаров и т. д. увеличивать свою собственную стоимость, он выражает прибавочную стоимость как нечто вырастающее из денег и товаров, как их естественный плод, т. е. он является всего лишь выражением мистификации капитала в ее самой крайней форме. А поскольку, помимо этого, он вообще выражает общественное отношение *как таковое,* он выражает [918] лишь отношение между капиталистами, а отнюдь не отношение между капиталом и трудом.

С другой стороны, эта форма *процента* придает другой части прибыли *качественную форму промышленной прибыли,*

[*] — смешение понятий (буквально: принятие одного за другое). *Ред.*

заработной платы за труд промышленного капиталиста — не как капиталиста, а как *работника* (промышленника). Те особые функции, которые должен выполнять в процессе труда капиталист как таковой и которые присущи ему именно в отличие от рабочего, представляются как всего лишь трудовые функции. Он, дескать, создает прибавочную стоимость не потому, что он работает *как капиталист,* а потому, что он, капиталист, тоже *работает.* Это то же самое, как если бы о короле, который как король номинально командует армией, сказали, что он командует ею не потому, что ему, как носителю королевского сана, принадлежит роль главнокомандующего, а что он является королем потому, что он *командует,* выполняет функцию главнокомандующего. Если, таким образом, одна часть прибавочной стоимости в виде процента совершенно отделяется от процесса эксплуатации, то другая часть в виде промышленной прибыли представляется как прямая противоположность процесса эксплуатации — не как присвоение чужого труда, а как созидание стоимости своим собственным трудом. Следовательно, эта часть прибавочной стоимости уже совершенно перестает быть прибавочной стоимостью, а является ее противоположностью — эквивалентом за выполненный труд. Так как [в капитале, приносящем проценты] *отчужденный характер* капитала, его противоположность труду лежит за пределами процесса эксплуатации, за пределами *действительного проявления этого отчуждения,* то из самого этого процесса удален всякий антагонистический характер. Поэтому *действительная* эксплуатация, то, в чем осуществляется и реально проявляется антагонистический характер [капиталистического производства], выступает как ее прямая противоположность, как некоторый вещественно обособленный вид труда, относящийся, однако, к той же общественной определенности труда, к наемному труду, к той же *категории* труда. Труд по эксплуатации труда отождествляется здесь с тем трудом, который подвергается эксплуатации.

Это превращение одной части прибыли в *промышленную прибыль* вытекает, как мы видим, из превращения другой части в *процент.* На одну часть приходится общественная форма капитала — то, что он является собственностью; на другую — экономическая функция капитала, его функция в процессе труда, но освобожденная, абстрагированная от той общественной формы, той антагонистической формы, в которой он, капитал, выполняет эту функцию. Каким образом это дальше оправдывается премудрыми доводами, рассмотреть более подробно при анализе апологетической трактовки прибыли как платы

за *«труд по надзору».* Капиталиста здесь отождествляют с его *управляющим,* как это заметил уже Смит[154].

В промышленную прибыль, действительно, входит некоторая часть, представляющая собой заработную плату (там, где нет управляющего, получающего эту заработную плату). Капитал в процессе производства выступает как руководитель труда, командир его (captain of industry) и в этом смысле играет деятельную роль в самом процессе труда. Но поскольку эти функции вытекают из специфической формы капиталистического производства, т. е. из господства капитала над трудом как *его* трудом и потому над рабочими как его орудиями, из природы капитала, выступающего как *общественное единое начало,* как субъект общественной формы труда, персонифицированной в нем в качестве власти над трудом, постольку этот связанный с эксплуатацией труд (который можно передать и управляющему) есть такой труд, который, конечно, входит в стоимость продукта так же, как и труд наемного рабочего, подобно тому как *при рабстве труд надсмотрщика над рабами* так же должен оплачиваться, как и труд самого работника. Если человек свое отношение к своей собственной природе, к внешней природе и к другим людям представил себе на *религиозный лад* в виде каких-то самостоятельно существующих сил, так что эти представления приобрели над ним господство, то он нуждается в *жрецах* и *их* труде. Но с исчезновением религиозной формы сознания и связанных с ней отношений в общественный процесс производства перестает входить и этот труд жреца. Вместе с *жрецом* исчезает и труд жреца, а вместе с капиталистом аналогичным образом исчезает тот труд, который он выполняет *как* капиталист или который он поручает выполнять другому лицу. (Пример с рабством проиллюстрировать цитатами[155].)

Впрочем, эта апология, сводящая прибыль к заработной плате как плате за труд по надзору, сама оборачивается против апологетов, поскольку английские [919] социалисты с полным основанием отвечали на это: отлично, в дальнейшем вы будете получать лишь заработную плату обычных управляющих; ваша промышленная прибыль не на словах только, а на деле должна быть сведена к заработной плате за надзор или за руководство трудом.

{Разумеется, невозможно входить в подробное рассмотрение этой глупой болтовни апологетов со всеми ее противоречиями. Например, промышленная прибыль повышается и понижается в обратном отношении как к проценту, так и к земельной ренте. Но *надзор за трудом,* то определенное количество

труда, которое капиталист действительно выполняет, не имеет никакого отношения к этому, так же как и к *падению заработной платы.* Заработная плата этого рода отличается именно той особенностью, что она понижается и повышается в обратном отношении к действительной заработной плате (в той мере, в какой норма прибыли обусловлена нормой прибавочной стоимости; а если все *условия производства* остаются неизменными, то она обусловливается *исключительно* нормой прибавочной стоимости). Но подобного рода «маленькие противоречия» но уничтожают тождественности в голове апологетического вульгарного экономиста. Труд, выполняемый капиталистом, остается абсолютно таким же, независимо от того, выплачивает ли капиталист мало или много заработной платы, получают ли рабочие более высокую или более низкую заработную плату. (Точно так же заработная плата, уплачиваемая за один рабочий день, ничего не изменяет в количестве самого труда.) Более того. Рабочий при лучшей оплате работает интенсивнее. Напротив, труд капиталиста есть вполне определенная материя: он качественно и количественно определяется тем количеством труда, которым капиталист должен руководить, а не платой за это количество труда. Капиталист так же не может интенсифицировать свой труд, как рабочий не может переработать больше хлопка, чем он находит на фабрике.}

И далее английские социалисты говорят: труд по управлению и по надзору теперь можно так же покупать на рынке и его можно сравнительно столь же дешево произвести, а потому и купить, как и всякую другую рабочую силу. Само капиталистическое производство привело к тому, что труд по управлению, совершенно отделенный от владения капиталом (безразлично, своим или чужим), предлагается в избытке. Сделалось совершенно необязательным, чтобы этот труд по управлению выполнялся *капиталистами.* Он realiter[*] существует отдельно от капитала — не в бутафорском отделении промышленных капиталистов от денежных капиталистов, а в отделении промышленных управляющих и т. д. от капиталистов всех категорий. Лучшим доказательством этого служит следующее. *Во-первых,* устроенные самими рабочими кооперативные фабрики[**]. Они дают доказательство того, что капиталист в качестве функционера производства стал так же излишен для рабочих, как самому капиталисту представляется излишней для буржуазного производства функция земельных собствен-

[*] — реально, на самом деле. *Ред.*
[**] Ср. настоящий том, часть III, стр. 368. *Ред.*

ников. *Во-вторых,* в той мере, в какой труд капиталиста не является тем, что вытекает из процесса [производства] как капиталистического процесса и, следовательно, само собою исчезает вместе с исчезновением капитала, в той мере, в какой он не является названием для функции эксплуатации чужого труда, т. е. в той мере, в какой он вытекает из общественной формы труда (кооперации, разделения труда и т. д.), он совершенно так же не зависит от капитала, как не зависит от него и сама эта общественная форма труда после того, как она сбросила с себя капиталистическую оболочку. Говорить, что этот труд но руководству трудом необходим как *капиталистический труд,* как функция капиталиста, означает только то, что вульгарный экономист не может себе *представить* развившиеся в недрах капитала общественную производительную силу труда и его общественный характер отделенными от этой их капиталистической формы, от формы отчуждения, антагонизма и противоречия их моментов, отделенными от их извращения и их quidproquo. А это как раз и есть то, что мы утверждаем. [XV—919]

* * *

[XVIII—1142] {Действительная прибыль капиталиста в значительной своей части представляет собой «прибыль от отчуждения», и для «индивидуального труда» капиталиста открывается особенно широкий простор на том поприще, где дело идет не о созидании прибавочной стоимости, а о распределении совокупной прибыли всего класса капиталистов между его индивидуальными членами на путях торговли. Здесь это нас не касается. Известные виды прибыли — например, прибыль, основанная на спекуляции, — получаются только на этом поприще. Их рассмотрение здесь, следовательно, совершенно исключается. Скотскую глупость вульгарной политической экономии показывает то, что она, — особенно для того, чтобы представить прибыль как «заработную плату», — смешивает эту «прибыль от отчуждения» с прибылью, проистекающей из созидания прибавочной стоимости. Смотри, например, достойного Рошера. Поэтому для такого рода ослов совершенно естественно также, что они смешивают в одну кучу калькуляционные соображения капиталистов в различных сферах производства и различные основания для компенсации этих капиталистов при распределении совокупной прибыли всего класса капиталистов — с основаниями для эксплуатации рабочих капиталистами, с причинами происхождения, так сказать, прибыли как таковой.} [XVIII—1142]

[5) СУЩЕСТВЕННОЕ РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ КЛАССИЧЕСКОЙ И ВУЛЬГАРНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЕЙ. ПРОЦЕНТ И РЕНТА КАК КОНСТИТУИРУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ РЫНОЧНОЙ ЦЕНЫ ТОВАРА. ПОПЫТКИ ВУЛЬГАРНЫХ ЭКОНОМИСТОВ ПРИДАТЬ РАЦИОНАЛЬНУЮ ВИДИМОСТЬ ИРРАЦИОНАЛЬНЫМ ФОРМАМ ПРОЦЕНТА И РЕНТЫ]

[XV—919] В *капитале, приносящем проценты,* — в расщеплении прибыли на процент и [промышленную] прибыль — капитал получил свою наиболее вещную форму, свою чисто фетишистскую форму, и природа прибавочной стоимости представлена как нечто совершенно потерявшее само себя. Капитал — как вещь — выступает здесь как самостоятельный источник стоимости, как творец стоимости, подобно тому как земля выступает как источник ренты, а труд — как источник заработной платы (отчасти заработной платы в собственном смысле слова, отчасти — промышленной прибыли). Правда, представители этой точки зрения всё еще считают, что оплачивать заработную плату, процент и ренту должна цена товара, но она-де оплачивает их потому, что земля, входящая в товар, создает ренту, капитал, входящий в него, создает процент, а труд, входящий в него, создает заработную плату; потому, что они-де создают эти части стоимости, достающиеся их соответственным собственникам или представителям [920] — земельному собственнику, капиталисту и работнику (наемному рабочему и промышленнику). Таким образом, если здесь получается, что, с одной стороны, цена товаров определяет заработную плату, ренту и процент, а, с другой стороны, цена процента, ренты и заработной платы определяет цену товаров, то с этой точки зрения тут нет никакого противоречия для теории, или, если таковое и имеется, то это вместе с тем — противоречие, или порочный круг, действительного движения цен.

Процентная ставка, правда, колеблется, но она колеблется только так, как колеблется рыночная цена всякого другого товара — в зависимости от соотношения между спросом и предложением. Это совершенно так же не уничтожает процент как нечто имманентное капиталу, как колебания товарных цен не уничтожают цены как присущие товарам определения.

Так земля, капитал и труд, поскольку они признаются источниками ренты, процента и заработной платы, а эти последние — конституирующими элементами товарных цен, выступают, с одной стороны, как элементы, создающие стоимость; с другой стороны, поскольку они достаются обладателю каждого из этих орудий производства стоимости, доставляя ему создан-

ную ими часть стоимости продукта, они выступают как источники дохода, а формы ренты, процента и заработной платы выступают как формы *распределения.* (Когда вульгарные экономисты трактуют формы распределения фактически только как формы производства sub alia specie*, между тем как критические экономисты отделяют их друг от друга и не замечают их тождественности, то в этом, как мы увидим позже, сказывается, в сравнении с критической политической экономией, последовательность глупости.)

В капитале, приносящем проценты, капитал выступает как *самостоятельный источник стоимости* или прибавочной стоимости, которыми он обладает как деньги или как товар. И притом он является таким источником сам по себе, в своей вещной форме. Правда, чтобы реализовать это свое свойство, он должен входить в процесс производства, но это необходимо также и для земли и труда.

Понятно поэтому, почему вульгарная политическая экономия предпочитает формулу: «земля — рента, капитал — процент, труд — заработная плата» — той формуле, которая для элементов цены (точнее, для частей, на которые цена распадается) имеется у Смита и других и в которой фигурирует соотношение *«капитал — прибыль»,* служащее вообще у всех экономистов-классиков для изображения капиталистического отношения как такового. В прибыли еще содержится стеснительная [для вульгарной политической экономии] связь с процессом [производства] и более или менее еще распознаваема истинная природа прибавочной стоимости и капиталистического производства в отличие от их *внешнего проявления.* Это прекращается, когда процент изображается как в собственном смысле продукт капитала и тем самым другая часть прибавочной стоимости, промышленная прибыль, совершенно исчезает и попадает в категорию заработной платы.

Классическая политическая экономия старается посредством анализа свести различные фиксированные и чуждые друг другу формы богатства к их внутреннему единству и совлечь с них ту форму, в которой они индифферентно стоят друг возле друга; она хочет понять внутреннюю связь целого в отличие от многообразия форм проявления. Поэтому она сводит ренту к добавочной прибыли, вследствие чего рента исчезает как особая, *самостоятельная* форма и оказывается отделенной от ее мнимого источника, земли. Она точно так же срывает с процента его самостоятельную форму и показывает, что он есть часть прибыли.

---

* — под другим углом зрения. *Ред.*

Так она свела к одной форме прибыли все те формы дохода, все те самостоятельные формы, или титулы, под которыми не-рабочий получает долю в стоимости товара. Но прибыль сводится к прибавочной стоимости, так как стоимость всего товара сводится к труду; оплаченное количество содержащегося в нем труда сводится к заработной плате; следовательно, избыток над этим количеством сводится к неоплаченному труду, к присвоенному безвозмездно под различными титулами, но вызванному к жизни капиталом прибавочному труду. Классическая политическая экономия иногда впадает в противоречия при этом анализе; часто она пытается произвести это сведение и доказать единство источника различных форм непосредственно, без выявления посредствующих звеньев. Но это необходимо вытекает из ее аналитического метода, [921] с которого должны начинать критика и понимание. Она интересуется не тем, чтобы генетически вывести различные формы, а тем, чтобы свести их посредством анализа к их единству, так как она исходит из них как из данных ей предпосылок. Но анализ является необходимой предпосылкой генетической трактовки, понимания действительного процесса формообразования в его различных фазах. Наконец, недостатком и ошибкой классической политической экономии является то, что она *основную форму капитала,* производство, направленное на присвоение чужого труда, трактует не как *историческую* форму, а как *естественную форму* общественного производства, — трактовка, для устранения которой она, однако, сама прокладывает путь своим анализом.

Совершенно иначе обстоит дело с *вульгарной политической экономией,* которая начинает особенно важничать как раз с того времени, когда политическая экономия сама разрушила, расшатала своим анализом свои собственные предпосылки, когда, следовательно, уже существует также и антитеза политической экономии в более или менее экономической, утопической, критической и революционной форме. Ведь развитие политической экономии и порожденной ею самою антитезы идет нога в ногу с *реальным* развитием присущих капиталистическому производству общественных противоречий и классовых битв. Только после того как политическая экономия достигла известной ступени развития и отлилась в устойчивые формы, — т. е. после А. Смита, — от нее отделяется, как особый вид политической экономии, тот элемент в ней, который есть всего лишь воспроизведение внешнего явления в качестве представления о нем, — отделяется ее вульгарный элемент. Так, у *Сэя* мы имеем выделение тех вульгарных представлений, которые там

и сям встречаются у *А. Смита,* отложившееся в виде своеобразной кристаллизации, существующей наряду с А. Смитом. С появлением *Рикардо* и с дальнейшим развитием благодаря ему политической экономии получает новую пищу также и вульгарный экономист (ведь сам он ничего не производит), и чем больше политическая экономия достигает своего завершения, чем больше, следовательно, она идет вглубь и развивается как система антагонизма, тем самостоятельнее противостоит ей ее собственный вульгарный элемент, обогащенный тем материалом, который этот вульгарный элемент препарирует на свой лад; пока, наконец, этот вульгарный элемент не находит своего наилучшего выражения в виде учено-синкретической и беспринципно-эклектической компиляции.

По мере того как политическая экономия идет вглубь, она не только сама изображает противоречия и противоположности, но против нее выступает ее собственная противоположность — одновременно с развитием реальных противоречий в экономической жизни общества. Соответственно этому вульгарная политическая экономия сознательно становится все более *апологетической* и всячески старается отделаться путем болтовни от тех мыслей, в которых выражены противоречия. Поэтому *Сэй,* который у Смита находит противоречия еще в относительно неразвитом виде, представляется еще критиком и образцом беспристрастия по сравнению, например, с *Бастиа,* этим проповедником гармонии и апологетом по профессии, перед которым противоречие уже действительно предстало, с одной стороны, разработанным внутри самой политической экономии у Рикардо, а с другой стороны, разрабатывающим себя в социализме и в повседневной классовой борьбе того времени. К этому присоединяется еще и то, что вульгарная политическая экономия на более ранних ступенях своего развития находит материал еще не вполне обработанным и потому сама еще более или менее участвует в разрешении экономических проблем с точки зрения политической экономии, как это мы видим, например, у *Сэя,* тогда как какому-нибудь Бастиа остается лишь заниматься плагиатом и стараться устранить своими рассуждениями *неприятную* сторону классической политической экономии.

Но Бастиа не представляет еще последней ступени. Он еще отличается недостатком учености и совершенно поверхностным знакомством с той наукой, которую он приукрашивает в интересах господствующего класса. У него апологетика еще отличается страстностью и составляет то, что собственно является его работой, так как содержание политической экономии он берет у других в том виде, в каком оно ему наиболее подходит.

Самой последней формой является *профессорская форма,* которая берется за дело «исторически» и с мудрой умеренностью отыскивает везде «наилучшее», причем для нее не важно, если в результате получаются противоречия, а важна только полпота отобранного. Это — выхолащивание [922] всех систем, у которых повсюду обламывают их острые углы и которые мирно уживаются друг с другом в общей тетради для выписок. Пыл апологетики умеряется здесь ученостью, которая благосклонно взирает сверху вниз на преувеличения экономических мыслителей и лишь в качестве курьезов включает их в свою убогую размазню. Так как подобного рода труды появляются лишь тогда, когда политическая экономия как наука уже завершила свой путь, то они являются вместе с тем *могилой* этой науки. (Что они, дескать, точно таким же образом возвышаются и над фантазиями социалистов, об этом нечего и говорить.) Даже действительно глубокие мысли Смита, Рикардо и других — не только их собственный вульгарный элемент — оказываются здесь чем-то скудоумным и превращаются в вульгарности. Мастером такого рода является господин профессор *Рошер,* который скромно объявил себя Фукидидом политической экономии[156]. Его отождествление себя с Фукидидом, возможно, покоится на том представлении, которое он имеет о Фукидиде, а именно — что Фукидид всегда будто бы смешивал причину и следствие.

Правда, в форме *капитала, приносящего проценты,* весьма ощутительно выступает то, что капитал присваивает плоды чужого труда *без* приложения какого бы то ни было собственного труда: ведь капитал выступает здесь в такой форме, в которой он отделен от процесса производства как процесса. Но в этой форме капитал только потому и поступает указанным образом, что он действительно входит в процесс труда сам собою, без приложения какого бы то ни было труда, — как такой элемент, который сам по себе создает *стоимость,* является источником стоимости. Если капитал, приносящий проценты, присваивает часть стоимости продукта без приложения труда, то он и создал эту часть стоимости без приложения какого бы то ни было труда со своей стороны, создал ее из самого себя, ex proprio sinu[*].

В то время как классическим и потому критическим политико-экономам форма отчуждения причиняет затруднения и они пытаются путем анализа совлечь ее, вульгарная политическая экономия, напротив, как раз в той *отчужденности,* в которой

---

[*] — из собственных недр. *Ред.*

противостоят друг другу различные доли стоимости продукта, чувствует себя впервые вполне у себя дома: подобно тому как схоластик чувствует себя в своей стихии, имея дело с формулой «бог-отец, бог-сын и бог — дух святой», так вульгарный экономист относится к формуле «земля — рента, капитал — процент, труд — заработная плата». Ведь это есть та форма, в которой на поверхности явлений эти вещи кажутся непосредственно связанными друг с другом, а потому и та форма, в которой они живут в представлениях и в сознании агентов капиталистического производства, находящихся в плену у этого способа производства. Вульгарная политическая экономия считает себя тем более простой, *естественной* и общеполезной, тем более далекой от всяких теоретических хитросплетений, чем более она на самом деле занята только тем, что переводит обыденные представления на доктринерский язык. Поэтому, чем в более отчужденном виде она воспринимает формы капиталистического производства, тем ближе она к стихии обыденных представлений, т. е. тем более она плавает в своей собственной природной стихии.

Кроме того, это оказывает очень большие услуги апологетике. Ибо, например, в формуле «земля — рента, капитал — процент, труд — заработная плата» различные формы прибавочной стоимости и различные персонажи [Gestalten] капиталистического производства противостоят друг другу не отчужденно, а как посторонние и индифферентные друг для друга, как всего лишь различные, *без антагонизма.* Различные доходы проистекают из совершенно различных источников, один — из земли, другой — из капитала, третий — из труда. Следовательно, они не находятся друг с другом во враждебной связи, ибо вообще не находятся ни в какой внутренней связи. Если тем не менее они в производстве действуют вместе, то это есть гармоническое действие, выражение гармонии; так, например, крестьянин, быки, плуг, земля, несмотря на все их различие, *гармонически* работают вместе в земледелии, в действительном процессе труда. Если между ними имеет место антагонизм, то он создается лишь конкуренцией из-за того, кто из агентов производства должен присвоить себе больше из продукта, из той стоимости, которую они создали сообща. И если иной раз при этом дело доходит до драки, то все же в конце концов в виде конечного результата этой конкуренции между землей, капиталом и трудом получается так, что в ходе своих [923] споров о дележе они настолько увеличили благодаря своему соперничеству стоимость продукта, что каждому достается более крупный кусок, так что сама их конкуренция

оказывается лишь подстегивающим всех агентов производства выражением их гармонии.

Например, г-н Арнд заявляет, критикуя *Рау:*

«Автор поддался влиянию некоторых из своих предшественников и вводит наряду с тремя элементами национального богатства (заработной платой, рентой с капитала и земельной рентой) четвертый элемент в виде предпринимательского дохода; тем самым разрушается вся основа всякого дальнейшего развития *нашей науки»* (!), «воздвигнутая А. Смитом с такой большой осмотрительностью, вследствие чего в произведении нашего автора нечего и думать о таком развитии» *(Karl Arnd.* Die naturgemasse Volkswirthschaft, gegenuber dem Monopoliengeiste und dem Communismus, mit einem Ruckblicke auf die einschlagende Literatur. Hanau, 1845, стр. 477).

Под «рентой с капитала» г-н Арнд подразумевает *процент* (там же, стр. 123). Ну а если кто-нибудь не поверит тому, что А. Смит сводит национальное богатство к *проценту с капитала,* земельной ренте и заработной плате? (Ведь Смит как раз наоборот ясно указывает на *прибыль* как на результат капиталистического использования капитала и неоднократно определенно отмечает, что *процент* — в той мере, в какой он вообще представляет прибавочную стоимость — всегда есть лишь *производная* от прибыли форма.) В таком случае вульгарный экономист, читая упоминаемые им источники, вычитывает из них нечто прямо противоположное тому, что в них содержится. Там, где Смит пишет «прибыль», Арнд читает «процент». Что же он подразумевает под «процентом» А. Смита?

Этот же «осмотрительный развиватель *нашей науки»* делает следующее интересное открытие:

«В ходе естественного созидания материальных благ имеется только *одно* явление, которое — во вполне цивилизованных странах — до известной степени как бы призвано регулировать ставку процента: это — то отношение, в котором древесные массы европейских лесов увеличиваются вследствие ежегодного прироста. Прирост этот происходит, совершенно *независимо от их меновой стоимости»* (комично говорить о деревьях, что они регулируют свой прирост «независимо от меновой стоимости»!), «в пропорции от 3 до 4 на сотню. *Поэтому»* (т. е. потому, что, сколько бы меновая стоимость деревьев ни зависела от их прироста, прирост этот происходит «независимо от их меновой стоимости»!) «нельзя ожидать падения ниже того уровня,- на котором она» (ставка процента) «находится ныне в самых богатых деньгами странах» (цит. соч., стр. 124—125).

Это заслуживает названия: «ставка процента, вырастающая в лесу», а ее изобретатель в цитированном сочинении обратил на себя внимание в области «нашей науки» также и как философ «собачьего налога»[157].

* * *

{Прибыль (в том числе и промышленная прибыль) пропорциональна величине авансированного капитала; наоборот,

та *«заработная плата»,* которую получает промышленный капиталист, находится в обратном отношении к величине капитала: она значительна при небольших капиталах (ибо здесь капиталист есть нечто среднее между эксплуататором чужого труда и работником, живущим своим трудом), ничтожно мала при большом капитале или совершенно отделена от прибыли, как в том случае, когда имеется управляющий. Часть труда по управлению вызывается лишь враждебной противоположностью между капиталом и трудом, антагонистическим характером капиталистического производства, относится к его faux frais de production[*], совершенно так же как $^{9}/_{10}$ «труда», вызываемого процессом обращения. Дирижер-капельмейстер отнюдь не обязательно должен быть собственником инструментов оркестра, и в его функции как дирижера не входит спекуляция на издержках по содержанию членов оркестра, вообще он не имеет никакого отношения к их «заработной плате». Весьма странно, что такие экономисты, как Джон Стюарт Милль, которые придерживаются формы «процент», «промышленная прибыль», чтобы превратить «промышленную прибыль» в заработную плату за надзор за трудом, — признают вместе со Смитом, Рикардо и всеми достойными упоминания экономистами, что средняя ставка процента, средняя норма процента определяется средней нормой прибыли, которая, по Миллю, находится в обратном отношении к норме заработной платы и, следовательно, есть не что иное, как неоплаченный труд, прибавочный труд.

Что плата за надзор вообще совершенно не входит в среднюю норму прибыли, лучше всего доказывают два факта:

[924] 1) тот факт, что на кооперативных фабриках[**], где управляющий оплачивается, как на всякой другой фабрике, и выполняет весь труд по управлению и где надзиратели сами являются всего лишь работниками, — норма прибыли стоит не ниже, а выше средней нормы прибыли;

2) если в некоторых особых, немонополизированных отраслях занятий, например у мелкого лавочника, фермера и т. д., прибыли постоянно стоят много выше средней нормы прибыли, то экономисты справедливо объясняют это тем, что эти люди уплачивают себе свою собственную заработную плату. Если такой человек работает один, его прибыль состоит 1) из процентов на его небольшой капитал, 2)из его заработной платы,

[*] — побочные издержки, не участвующие непосредственно в процессе производства, но при данных условиях являющиеся необходимыми. *Ред.*

[**] Ср. настоящий том, часть III, стр. 368 и 522. *Ред.*

3) из той части прибавочного времени, в течение которого обладание капиталом дает ему возможность работать не на других, а на самого себя, — той части, которая не выражена уже в проценте. А если он держит рабочих, то сюда входит и их прибавочное время.

Почтенный *Сениор* (Нассау), конечно, тоже превращает *промышленную прибыль* в заработную плату за надзор. Но он забывает об этих увертках, как только разговор заходит не о доктринерских фразах, а о практической борьбе между рабочими и фабрикантами. Тогда он выступает, например, против ограничения рабочего времени, так как, например, при $11^1/_2$ часах в день рабочие, по его словам, работали бы на капиталиста только один час и продукт только этого часа составлял бы прибыль капиталиста (не считая *процента,* для возмещения которого они, согласно расчету Сениора, работают также один час). Таким образом., здесь промышленная прибыль вдруг становится равной не той стоимости, которую труд капиталиста присоединяет к товару в процессе производства, а той стоимости, которую присоединяет к нему неоплаченное рабочее время рабочих. Если бы промышленная прибыль была продуктом собственного труда капиталиста, Сениору надо было бы плакаться не по поводу того, что рабочие даром работают только один час, а не два, и тем более ему нельзя было бы говорить, что если бы они вместо $11^1/_2$ часов работали лишь $10^1/_2$, то *совсем не было бы* прибыли; он должен был бы сказать, что если рабочие вместо $11^1/_2$ часов работают лишь $10^1/_2$, то капиталист получает плату за надзор не за $11^1/_2$ часов, а только за $10^1/_2$ и, следовательно, теряет плату за надзор за один час, на что рабочие могли бы ответить ему, что если им хватает обычной заработной платы за $10^1/_2$ часов, то капиталисту должно хватать *более высокой заработной платы* за $10^1/_2$ часов.

Непонятно, каким образом такие экономисты, как Джон Стюарт Милль, которые являются рикардианцами и которые то положение, что прибыль просто равна прибавочной стоимости, прибавочному труду, высказывают даже в такой форме, что норма прибыли и заработная плата находятся в обратном отношении друг к другу и что норма заработной платы определяет норму прибыли (что в этой форме неверно), каким образом эти экономисты внезапно превращают промышленную прибыль не в прибавочный труд рабочих, а в собственный труд капиталиста, — разве только они функцию эксплуатации чужого труда называют трудом, так что тогда на самом деле выходит, что плата за этот труд в точности равна количеству присвоенного чужого труда, или непосредственно зависит от степени

эксплуатации, а не от степени того напряжения, которого стоит капиталисту эта эксплуатация. (В той мере, в какой при капиталистическом производстве эта функция эксплуатации труда требует действительного труда, она выражается в заработной плате управляющего.) Повторяю, непонятно, каким образом эти экономисты, после того как они (как рикардианцы) свели прибыль к ее действительному элементу, потом дают ввести себя в заблуждение противопоставлением процента и промышленной прибыли, которая есть лишь *переряженная форма* прибыли и трактовка которой в качество какой-то самостоятельной формы основана на незнании сущности прибыли. Ведь одна часть прибыли потому только и выступает как *промышленная,* прибыль, как возникшая из деятельности в процессе (из собственно деятельного процесса, что включает, однако, вместе с тем и деятельность функционирующего капиталиста) и *вследствие этого* как часть, полагающаяся за труд капиталиста, — что другая часть, *процент,* выступает как полагающаяся капиталу как вещи, самодеятельной, самостоятельно созидающей вещи, независимо от процесса. Следовательно — по той причине, что капитал и вытекающая из него прибавочная стоимость, под именем процента, объявляются чем-то *мистическим.* Эта концепция, вытекающая из одних только представлений и показывающая наиболее внешний облик капитала, как он выглядит на поверхности, является прямой противоположностью концепции Рикардо и совершенно противоречит его пониманию стоимости. Поскольку капитал является стоимостью, его стоимость определена содержащимся в нем трудом еще до того, как капитал этот входит в процесс. Поскольку он входит в процесс как вещь, он в него входив как потребительная стоимость, а в качестве потребительной стоимости, какова бы ни была его полезность, он никогда не может создавать меновую стоимость. Мы видим из этого, как великолепно рикардианцы понимают своего собственного учителя. По отношению к денежному капиталисту промышленник, конечно, совершенно прав в том, что он, являясь функционирующим капиталистом и, следовательно, действительно выжимая прибавочный труд, кладет себе в карман часть этого прибавочного труда. По отношению к денежному капиталисту он является работником, но *работником в качестве капиталиста, т. е. эксплуататора чужого труда.* [925] По отношению же к рабочим *комичен* тот довод, что эксплуатация их труда стоит капиталисту труда и что рабочие поэтому должны еще платить ему за эту эксплуатацию. Это довод надсмотрщика над рабами, обращенный к рабу.}

* * *

Всякая предпосылка общественного процесса производства есть вместе с тем и его результат, а всякий его результат выступает вместе с тем и как предпосылка. Поэтому все те *производственные отношения,* в которых движется процесс производства, суть в одинаковой мере и его продукты, и его условия. Чем больше мы рассматриваем этот процесс в его действительном внешнем проявлении, тем больше его облик закрепляется в форме условий, так что эти условия кажутся чем-то определяющим его независимо от него самого, а собственные отношения участников процесса представляются участникам процесса как вещные условия, как вещные силы, как определенности вещей, тем более, что в капиталистическом процессе всякий, даже наиболее простой элемент, например товар, уже есть некоторое извращение и уже заставляет отношения между лицами выступать как свойства вещей и как отношения лиц к социальным свойствам этих вещей.

{«Процент — это вознаграждение за производительное применение сбережений; прибыль в собственном смысле этого слова является вознаграждением за *деятельность по надзору во время этого производительного применения»* («Westminster Review»[158], *январь 1826 г.,* стр. 107—108).

Здесь, следовательно, процент есть вознаграждение за то, что деньги и т. д. применяются как капитал; он проистекает, стало быть, из капитала как такового, который вознаграждается за свое качество капитала. А промышленная прибыль есть вознаграждение за функцию капитала или капиталиста «во время этого производительного применения», т. е. в самом процессе производства.} [925]

[925] *Процент* есть только часть прибыли, уплачиваемая собственнику капитала промышленным, функционирующим капиталистом. Так как этот последний может присваивать прибавочный труд только благодаря капиталу (деньги, товар) и т. д., то он выплачивает часть тому, кто ему доставляет это средство. И если собственник капитала желает пользоваться своими деньгами как капиталом, не заставляя их функционировать как капитал, то он может делать это только при том условии, что он удовольствуется частью прибыли. Они фактически партнеры: один юридический, другой экономический собственник капитала, пока он его применяет. Но так как прибыль проистекает только из процесса производства, есть только его результат и только еще должна быть произведена, то *процент* есть на деле всего лишь притязание на часть только еще подлежащего выполнению прибавочного труда, титул на буду-

щий труд, притязание на *часть стоимости* еще не существующих товаров, следовательно — только еще результат процесса производства, происходящего в течение того отрезка времени, к концу которого только и подлежит уплате этот процент.

[926] Капитал покупается (т. е. берется взаймы под проценты) до того, как он оплачивается. Деньги функционируют здесь в качестве средства платежа, как при покупке рабочей силы и т. д. Поэтому цена капитала — процент — точно так же входит в авансы промышленника (в аванс самому себе, если он работает при помощи собственного капитала), как цена хлопка, который, например, также покупается сегодня и подлежит оплате, скажем, только через шесть недель. Колебания в процентной ставке — рыночной цене денег — так же не меняют здесь дела, как колебания в рыночных ценах других товаров. Наоборот, рыночная цена денег — таково название приносящего проценты капитала как денежного капитала — определяется на денежном рынке, подобно рыночной цене всякого другого товара, конкуренцией покупателей и продавцов, спросом и предложением. Эта борьба между денежными и промышленными капиталистами есть только борьба за распределение прибыли, за ту долю, которая должна достаться каждой из обеих сторон при дележе. Само отношение (спрос и предложение), как и каждый из его двух полюсов, в свою очередь есть результат процесса производства, или, выражаясь обыденным языком, [определяется] состоянием дел в каждый данный момент, тем положением, в котором в каждый данный момент находятся процесс воспроизводства и его элементы. Но по форме и по внешнему проявлению эта борьба определяет *цену* капитала (процент) еще до того, как капитал входит в воспроизводство. И притом это определение имеет место вне собственно процесса производства и регулируется не зависящими от этого процесса обстоятельствами, — более того, это определение цены выступает как одно из тех условий, в рамках которых должен происходить процесс производства. Поэтому кажется, что эта борьба не только фиксирует титул собственности на определенную часть будущей прибыли, но что она заставляет самоё эту часть — не выходить в качестве результата из процесса производства, а, наоборот, входить в него в качестве предпосылки, в качестве цены капитала, совершенно так же как цена товара или заработная плата входит в него как предпосылка, хотя она на самом деле постоянно — в процессе воспроизводства — из него выходит. Всякий элемент товарной цены, выступающий как аванс и входящий как уже имеющаяся налицо цена товара в цену производства [Produktionspreis],

перестает представляться промышленному капиталисту как прибавочная стоимость, surplus value. Поэтому та часть прибыли, которая входит в процесс как цена капитала, причисляется к авансируемым издержкам, не выступает больше как прибавочная стоимость и превращается из *продукта* процесса в одну из заранее данных предпосылок его, в *условие производства,* которое как таковое входит в процесс в самостоятельной форме и определяет его результат.

(Если, например, процентная ставка падает, а рыночные условия требуют понижения цен товаров ниже их цен издержек, то промышленник может понизить цену товаров, не понижая нормы промышленной прибыли; он даже может понизить цену своего товара и получить более высокую промышленную прибыль, что, правда, представилось бы тому, кто работает только при помощи собственного капитала, как падение нормы прибыли, валовой прибыли. Все то, что представляется как *заранее данное условие производства,* — а именно, цена товаров, заработной платы, капитала, т. е. рыночные цены этих элементов, — оказывает определяющее обратное воздействие на существующую в каждый данный момент *рыночную цену* товара, а действительная *цена издержек* отдельного товара прокладывает себе путь только среди колебаний рыночных цен, есть только самовыравнивание этих рыночных цен, совершенно так же как *стоимости* товаров прокладывают себе путь только в выравнивании цен издержек всех разнородных товаров. Поэтому тот порочный круг, в котором вращается носитель вульгарных взглядов, будь он теоретик капиталистического сознания или практический капиталист, и который гласит: цены товаров определяют заработную плату, процент, прибыль и ренту, и наоборот, цены труда, процента, прибыли и ренты определяют цены товаров, — есть только *выражение того кругового движения,* в котором всеобщие законы противоречиво реализуются в действительном движении и на поверхности явлений.)

Итак, часть прибавочной стоимости, *процент,* выступает как *рыночная цена* капитала, входящего в процесс, и потому она выступает не как прибавочная стоимость, а как условие производства. Таким образом, то обстоятельство, что прибавочную стоимость делят между собой две категории капиталистов — стоящие вне процесса и участвующие в нем, — представляется так, что часть прибавочной стоимости причитается капиталу вне процесса, а другая — капиталу в процессе. Предварительное установление деления представляется как независимость одной части от другой; как независимость одной части от са-

мого процесса; наконец, как имманентное свойство некоей вещи, *денег, товара,* но — этих вещей как *капитала,* что опять-таки выступает не как выражение некоего отношения, а так, что эти деньги, этот товар *технологически* предназначены для процесса труда; в силу этого предназначения они и становятся капиталом; имея такое предназначение, они суть простые элементы самого процесса труда, [927] которые, следовательно, просто *как такие элементы процесса труда* оказываются *капиталом.*

Нет ничего мистического в том, что стоимость товара разлагается отчасти на стоимость содержащихся в нем товаров, отчасти на стоимость труда, т. е. на оплаченный труд, отчасти на неоплаченный, но тем не менее могущий быть проданным труд и что та часть стоимости товара, которая состоит из неоплаченного труда, т. е. содержащаяся в товаре прибавочная стоимость, в свою очередь разлагается на процент, промышленную прибыль и ренту, т. е. что непосредственный присваиватель и «производитель» этой совокупной прибавочной стоимости вынужден отдавать части ее — одну собственнику земли, другую собственнику капитала, — так что та третья часть совокупной прибавочной стоимости, которую он оставляет для себя, остается у него под названием промышленной прибыли, отличающим ее от процента и ренты, а также от самой прибавочной стоимости и самой прибыли. Разложение прибавочной стоимости, т. е. определенной части стоимости товаров, на эти особые рубрики, или категории, весьма понятно и никоим образом не противоречит закону самой стоимости. Но все это мистифицируется вследствие той самостоятельной формы, которую приобретают эти различные части прибавочной стоимости, вследствие того, что они притекают к различным лицам, вследствие различия тех элементов, на которых основан титул на них, наконец, вследствие той самостоятельности, с какой эти различные части прибавочной стоимости противостоят процессу как его условия. Из таких частей, на которые стоимость может быть разложена, они превращаются в самостоятельные элементы, которые ее *конституируют,* в *конституирующие элементы.* Таковыми они являются для рыночной цены. Они действительно становятся конституирующими элементами последней. Каким образом эта кажущаяся независимость их как условий процесса со своей стороны регулируется внутренним законом, так что они только *кажутся* чем-то независимым,— это ни в один из моментов процесса производства не выступает на поверхности явлений и не действует как определяющий, сознательный мотив. Как раз наоборот. Эта видимость, в силу

которой результат процесса кажется самостоятельным условием его, приобретает наибольшую прочность тогда, когда в цену товара входят — в качестве цен условий производства — *части прибавочной стоимости.*

А ведь именно так обстоит дело с процентом и с рентой. Они принадлежат к авансам промышленного капиталиста и фермера. Они здесь выступают уже не как выражение неоплаченного прибавочного труда, а как выражение оплаченного прибавочного труда, т. е. такого прибавочного труда, за который в процессе производства уплачен эквивалент, правда, не рабочему, прибавочным трудом которого он является, а другим лицам — собственникам капитала и земли. Процент и рента суть прибавочный труд в их отношении к рабочему, но они — эквиваленты в их отношении к [денежному] капиталисту и собственнику земли, которым они должны быть уплачены. Поэтому они выступают не как прибавочная стоимость и тем более не как прибавочный труд, а как *цены* товара «капитал» и товара «земля», ибо они уплачиваются [денежному] капиталисту и собственнику земли только как товаровладельцам, только как владельцам и продавцам этих товаров. Поэтому та часть стоимости товара, которая сводится к проценту, выступает как *воспроизводство цены,* уплаченной за капитал, а та часть, которая сводится к ренте, — как *воспроизводство* цены, уплаченной за землю. Эти цены образуют, следовательно, *конституирующие* части совокупной цены товара. Это не только так *кажется* промышленному капиталисту: для него процент и рента действительно конституируют часть его авансов, и если они, с одной стороны, определяются *рыночной ценой* его товара, — рыночной ценой, в которой социальный процесс или его результат выступает как присущая товару определенность, а колебания этого процесса, его движение — как присущее товарной цене колебание, — то, с другой стороны, *рыночная цена* определяется ими, совершенно так же как рыночная цена хлопка определяет рыночную цену пряжи, а, с другой стороны, рыночная цена пряжи определяет спрос на хлопок и, следовательно, рыночную цену хлопка.

В результате того, что части прибавочной стоимости, процент и рента, входят в процесс производства как *цены* товаров — товара «земля» и товара «капитал», — они существуют в такой форме, которая не только скрывает их действительное происхождение, но и прямо отрицает его.

То обстоятельство, что прибавочный труд, *неоплаченный* труд, так же существенно входит в капиталистический процесс производства, как и *оплаченный* труд, выступает здесь так, что

отличные от труда элементы производства — земля и капитал — должны быть оплачены, или что в цену товара входят *издержки,* отличные от цены авансированных товаров и заработной платы. Части прибавочной стоимости — процент и рента — выступают здесь как издержки, авансы эксплуатирующего капиталиста.

Средняя прибыль входит определяющим образом в цены производства товаров, и, следовательно, уже здесь прибавочная стоимость выступает не как результат, а как условие; не как одна из тех частей, на которые стоимость товара разлагается, а как конституирующая часть его *цены.* Но *средняя прибыль,* как и сама *цена производства,* является определяющей скорее идеально и выступает вместе с тем как *избыток* над авансами [928] и как цена, отличная от издержек производства в собственном смысле. Получается ли средняя прибыль или не получается, получается ли прибыли больше, чем средняя, или меньше, чем средняя, *при существующей рыночной цене,* т. е. при непосредственном результате процесса, — этим определяется воспроизводство, или, вернее, масштаб воспроизводства; определяется то, в каком количестве наличные капиталы притекают в ту или иную сферу производства или, наоборот, изымаются из нее, а также то, в каких пропорциях вновь накопленные капиталы устремляются в те или иные сферы, и, наконец, то, в какой степени те или иные сферы выступают на денежном рынке в качестве покупателей. Напротив, в *проценте* и *ренте* части прибавочной стоимости выступают отдельно в совершенно фиксированной форме как предпосылка отдельной цены производства и антиципированы в форме авансов.

* * *

{*Издержками [Kosten]* можно называть то, что является *авансом,* т. е. то, что уплачено капиталистом. Согласно этому словоупотреблению, прибыль выступает как избыток над этими издержками. Это относится к отдельным ценам производства. А цены, определяемые авансами, можно тогда называть *Kostenpreise*[159].

Издержками производства [Produktionskosten] можно называть цены, определяемые средней прибылью, т. е. ценой авансированного капитала плюс средняя прибыль, так как эта прибыль есть условие воспроизводства, условие, регулирующее предложение товаров и распределение капиталов по различным сферам. Эти цены суть *цены производства [Productionspreise].*

Наконец, действительное количество труда (овеществленного и непосредственного), которого стоит производство товара, есть его *стоимость*. Она образует реальные издержки производства для самого товара. Та цена, которая ей соответствует, есть только стоимость, выраженная в деньгах.

Под термином «издержки производства» [«Produktionskosten»] попеременно понимается то первое, то второе, то третье.}

* * *

Если бы не воспроизводилось прибавочной стоимости, то, конечно, вместе с прибавочной стоимостью исчезла бы и та часть ее, которая называется процентом, и та часть, которая называется рентой, и исчезла бы также вместе с тем *антиципация* этой прибавочной стоимости, или то, что она входит в качестве *цен* товаров в издержки производства. Наличная стоимость, входящая в производство, тогда вообще не выходила бы из него как *капитал,* а потому и не могла бы как *капитал* входить в процесс воспроизводства или отдаваться в ссуду как *капитал.* Следовательно, именно постоянное воспроизводство одних и тех же отношений, — отношений, обусловливающих капиталистическое производство, — ведет к тому, что они выступают не только как общественные формы и результаты этого процесса, по вместе с тем и как постоянные *предпосылки* его. Но таковыми они являются только как такие предпосылки, которые он сам постоянно *полагает,* создает, *производит.* Это воспроизводство, следовательно, отнюдь не является сознательным и выступает, напротив, только в постоянном существовании этих отношений как *предпосылок* и господствующих над процессом производства *условий.* Так, например, из тех частей, на которые стоимость товара может быть разложена, получаются ее *конституирующие* части, противостоящие одна другой как самостоятельные по отношению друг к другу, а потому и как самостоятельные по отношению к своему *единству,* которое, наоборот, выступает как их *комбинация.* Буржуа видит, что продукт постоянно становится условием производства. Но он не видит того, что сами отношения производства, те общественные формы, в которых он производит и которые кажутся ему заранее данными, естественными отношениями, суть постоянный продукт — и только вследствие этого постоянная предпосылка—этого специфического общественного способа производства. Различные отношения и моменты не только обособляются в нечто самостоятельное, получая причудливый способ существования, при котором они кажутся не зависящими друг

от друга, но они представляются как непосредственные свойства вещей, принимают вещный облик.

Таким образом, агенты капиталистического производства живут в каком-то заколдованном мире, и их собственные отношения представляются им как свойства вещей, вещественных элементов производства. Но именно в самых последних, наиболее опосредствованных формах, формах, в которых вместе с тем опосредствование не только сделалось невидимым, но даже превратилось в свою прямую противоположность, различные образы капитала выступают как действительные факторы и непосредственные носители производства. Приносящий проценты капитал персонифицируется в денежном капиталисте, промышленный капитал — в промышленном капиталисте, приносящий ренту капитал — в лендлорде как собственнике земли, наконец, труд — в наемном рабочем. Как такие фиксированные образы, персонифицированные в самостоятельных личностях, которые вместе с тем выступают как всего лишь представители персонифицированных вещей, они вступают в конкуренцию и в действительный процесс производства. Конкуренция предполагает это превращение внутренних связей в нечто внешнее. Указанные фиксированные образы капитала суть такие формы, которые наличествуют для конкуренции как нечто данное от природы в естественноисторическом смысле, и в своем проявлении на поверхности [929] сама конкуренция есть только движение этого извращенного мира. В той мере, в какой в этом движении пробивается внутренняя связь, она выступает как некий мистический закон. Лучшим доказательством этого служит сама политическая экономия, наука, занимающаяся открыванием вновь той связи, которая стала скрытой. В конкуренции все выступает в этой наиболее внешней, самой последней форме. Так, например, рыночная цена выступает здесь как нечто господствующее, процентная ставка, рента, заработная плата, промышленная прибыль — как конституирующие элементы стоимости, а цена земли и цена капитала — как заранее данные статьи издержек, без учета которых нельзя вести хозяйство.

Мы видели, как А. Смит сперва разлагает стоимость на заработную плату, прибыль (процент) и ренту, а потом, наоборот, изображает их как самостоятельные конституирующие элементы товарных цен*. В первой концепции у него указана скрытая связь, во второй — ее внешнее проявление.

---

* См. настоящий том, часть I, стр. 69—73. *Ред.*

Если еще больше держаться поверхности явлений, то, кроме средней нормы прибыли, можно процент и даже ренту изобразить как конституирующие части товарных цен (а именно, *рыночных цен).* Процент можно изобразить такой конституирующей частью непосредственно, так как он входит в цену издержек. Рента — как цена земли, — хотя она и не может непосредственно определять цену продукта, определяет тот или иной способ производства: концентрируется ли много капитала на небольшом участке земли или небольшой капитал распределяется на обширный участок; производится ли тот или иной род продукта — скот или хлеб, — рыночная цена которого лучше всего покрывает цену ренты, ибо рента должна быть уплачена до истечения того срока, на который заключен арендный договор. Следовательно, чтобы рента не составляла вычета из промышленной прибыли, пастбище превращается в пашню, пашня — в пастбище и т. д. Таким образом, рента не определяет рыночную цену отдельного продукта непосредственно, но делает это косвенным путем, устанавливая такое соотношение между отдельными видами продуктов, чтобы спрос и предложение обеспечивали наилучшую цену для каждого из них, так чтобы она могла оплачивать ренту. И если в этом смысле рента не определяет непосредственно рыночную цену, например, хлеба, то она непосредственно определяет рыночную цену скота и т. д., короче говоря — продуктов тех сфер, где рента не определяется рыночной ценой собственного продукта, а рыночная цена продукта определяется нормой ренты, приносимой землей, засеваемой зерновым хлебом. Так, например, мясо в промышленно развитых странах всегда оплачивается очень дорого, т. е. значительно выше не только своей цены производства, но и своей стоимости. Ибо его цена должна оплачивать не только его издержки производства, но и ту ренту, которую приносила бы земля, если бы на ней возделывался хлеб. В противном случае мясо при крупном скотоводстве, где органическое строение капитала гораздо ближе [к строению капитала в промышленности] или даже отличается еще большим преобладанием постоянного капитала над переменным, могло бы оплачивать лишь очень незначительную *абсолютную ренту* или совсем не давало бы *абсолютной ренты.* Но та рента, которую оплачивает мясо и которая входит непосредственно в его цену, определяется суммой абсолютной и дифференциальной ренты, которую давала бы та же земля при использовании ее для хлебопашества. Этой дифференциальной ренты здесь тоже большей частью не существует. Лучшим доказательством этого служит то, что мясо приносит ренту на такой земле, на которой хлеб не дает ренты.

Итак, если *прибыль* входит определяющим образом в цену производства, то можно сказать, что заработная плата, процент и, до известной степени, рента входят определяющим образом в рыночную цену и, конечно, определяющим образом в цену производства. Разумеется, так как в целом движение процента определяется прибылью, так как хлебная рента определяется отчасти нормой прибыли, отчасти стоимостью земледельческого продукта и выравниванием различных стоимостей продуктов различных земель в рыночную стоимость, а норма прибыли — отчасти заработной платой, отчасти производительностью труда в сферах производства, производящих постоянный капитал, стало быть — высотой заработной платы и производительностью труда, заработная же плата сводится к эквиваленту определенной части товара (т. е. заработная плата равняется содержащемуся в товаре оплаченному труду, а прибыль содержащемуся в нем неоплаченному труду) и, наконец, так как рост производительности труда может влиять на цену товаров только двумя способами — на их стоимость, уменьшая ее, и на их прибавочную стоимость, повышая ее, — то вся штука сводится в конечном счете к стоимости, определяемой рабочим временем. Цена издержек есть не что иное, как стоимость авансированных капиталов плюс произведенная ими прибавочная стоимость, распределенная между отдельными сферами соответственно той доле, которую они составляют в совокупном капитале. Так цена издержек сводится к стоимости, если рассматривать не отдельную сферу, а совокупный капитал. С другой стороны, рыночные цены каждой сферы, в результате конкуренции капиталов различных сфер, постоянно сводятся к цене издержек. Конкуренция капиталистов в каждой отдельной сфере стремится свести рыночную цену товара к его рыночной стоимости. Конкуренция капиталистов различных сфер сводит рыночные стоимости к общим для всех сфер ценам издержек.

Рикардо выступает против смитовского конституирования стоимости частями ее, которые определяются ею самой. Но он здесь непоследователен. В противном случае он не мог бы спорить со Смитом относительно того, входят ли в цену, т. е. входят ли в нее *конституирующим образом,* прибыль, заработная плата и рента, или же, как утверждает он, только прибыль и заработная плата. Аналитически они входят, коль скоро они уплачиваются. Ему следовало бы, напротив, сказать так: цена каждого товара может быть разложена на прибыль и заработную плату, цена некоторых товаров (и очень многих *косвенным образом)* может быть разложена на прибыль, ренту и заработную

плату; но *ни у одного* товара цена не конституируется ими, [930] так как стоимость товаров не *составляется путем сложения* этих компонентов как самостоятельных и действующих de propriis fontibus* факторов определенной величины, а, если стоимость дана, она может быть разложена на указанные части в самых различных пропорциях. Дело обстоит не так, что заранее данные факторы — прибыль, заработная плата и рента — путем их сложения или комбинации определяют величину *стоимости,* а так, что одна и та же *стоимостная величина,* заранее данная *величина стоимости* разлагается на заработную плату, прибыль и ренту и в зависимости от различных обстоятельств весьма различным образом распределяется по этим трем категориям.

Предположим, что процесс производства повторяется постоянно при неизменных условиях, т. е. что воспроизводство происходит при таких же условиях, как и производство. Это предполагает неизменную производительность труда или по крайней мере такое положение, при котором изменения производительности не меняют отношений между агентами производства, так что даже если бы стоимости товаров вследствие изменений производительной силы повысились или понизились, распределение стоимости товаров между агентами производства осталось бы прежним. В этом случае, хотя теоретически было бы неточно сказать, что различные части стоимости определяют стоимость, или цену, целого, но было бы практически правильно сказать, что они ее конституируют, поскольку под конституированном понимается образование целого посредством сложения частей. Стоимость товара попрежнему одинаково делилась бы на стоимость [авансированного капитала] и прибавочную стоимость, [вновь созданная] стоимость одинаково разлагалась бы на заработную плату и прибыль, а прибыль одинаково распадалась бы на процент, промышленную прибыль и ренту. Поэтому можно было бы сказать: *Ц,* цена товара, разлагается на заработную плату, прибыль (процент) и ренту, а, с другой стороны, заработная плата, прибыль (процент) и рента конституируют стоимость, или, вернее, цену.

Но такой равномерности, или одинаковости, воспроизводства — повторения производства при тех же условиях — в действительности не бывает. Производительность изменяется и изменяет условия производства. Условия, со своей стороны, изменяют производительность. А получающиеся в результате этого расхождения проявляются отчасти в поверхностных коле-

* — из собственных источников. *Ред.*

баниях, которые выравниваются в течение короткого срока, отчасти в постепенном накапливании отклонений (divergences), которые или ведут к кризису, к насильственному кажущемуся возвращению к прежним отношениям, или же лишь очень постепенно пробивают себе дорогу и добиваются для себя признания в качестве изменения условий производства.

В форме процента и ренты, в которых антиципируется прибавочная стоимость, предполагается, что *общий* характер воспроизводства остается неизменным. И это так и есть, пока продолжает существовать капиталистический способ производства. Во-вторых, предполагается даже, — что в большей или меньшей степени тоже имеет место, — что для определенного времени *определенные отношения* этого способа производства остаются без изменения. Таким образом, результат производства *фиксируется* как *прочное, а потому служащее предпосылкой условие его,* и притом как прочное *свойство вещных условий производства.* Этой видимости *самостоятельности* различных элементов, к которым всегда сводится процесс производства и которые он всегда вновь воспроизводит, кладут конец *кризисы.*

{Тем, чем *стоимость* является для действительного экономиста, тем для практического капиталиста является *рыночная цена* — постоянным prius'ом* всего движения.}

Капитал, приносящий проценты, получает специфическую для капиталистического производства и соответствующую ему форму в *кредите.* Кредит есть форма, созданная самим капиталистическим способом производства. (Подчинение [капиталистическому способу производства] *торгового капитала,* фактически не требует подобного новообразования, так как товар и деньги, товарное и денежное обращение остаются элементарными предпосылками капиталистического производства и только превращаются в абсолютные предпосылки. Таким образом, торговый капитал, с одной стороны, является общей формой капитала, а, с другой стороны, поскольку он представляет капитал в определенной функции, капитал, функционирующий исключительно в процессе обращения, его определяемость производительным капиталом ничего не меняет в его форме.)

Выравнивание стоимостей в цены издержек происходит только таким путем, что отдельный капитал функционирует как часть совокупного капитала всего класса, а, с другой стороны, совокупный капитал всего класса распределяется по различным особым сферам соответственно потребностям производства. Это происходит благодаря кредиту. Благодаря

* — первичным, предшествующим. *Ред.*

кредиту не только становится возможным и облегчается это выравнивание, но одна часть капитала — в форме денежного капитала — на деле выступает как тот общий материал, при помощи которого работает весь класс. Это — одно значение кредита. Другое, это — постоянное стремление капитала сократить те метаморфозы, которые он должен проделывать в процессе обращения, предвосхитить время обращения, свое превращение в деньги и т. д. и [931] этим путем противодействовать своей собственной ограниченности. Наконец, функция *накопления,* в той мере, в какой она является не превращением [дохода] в капитал, а предложением прибавочной стоимости в форме капитала, отчасти возлагается таким образом на особый класс, отчасти все *накопления* общества становятся в этом смысле накоплением капитала и поступают в распоряжение промышленных капиталистов. Эта операция, происходящая обособленно в бесчисленных пунктах общества, концентрируется и объединяется в известных резервуарах. Этим путем деньги, лежащие праздно без дела как результат застывания товара в его метаморфозе, превращаются в капитал.

* * *

«Земля — рента», «капитал — процент» представляют собой иррациональные выражения, поскольку рента фиксируется как *иена* земли, а процент как *цена* капитала. В форме приносящего проценты капитала, приносящего ренту капитала, приносящего прибыль капитала еще можно распознать общее происхождение [всех этих различных доходов], поскольку *капитал* вообще включает присвоение прибавочного труда, так что эти различные формы выражают только то, что этот произведенный капиталом прибавочный труд распределяется у капитала вообще между двумя категориями капиталистов, а у земледельческого капитала между капиталистом и земельным собственником.

Рента как *цена* земли (годовая) и процент как *цена* капитала столь же иррациональны, как √—3. Эта последняя форма противоречит числу в его простых элементарных формах совершенно так же, как те формы противоречат капиталу в его простой форме товара и денег. Рента и процент иррациональны в противоположном друг другу смысле. «Земля — рента», рента как цена земли выражает землю как товар, как потребительную стоимость, имеющую стоимость, денежное выражение которой равно ее цене. Но такая потребительная стоимость, которая не является продуктом труда, не может иметь стоимости, т. е. ее нельзя считать овеществлением известного коли-

чества общественного труда, общественным выражением известного количества труда. Она не является им. Для того чтобы потребительная стоимость выступала как меновая стоимость, была товаром, она должна быть продуктом конкретного труда. Только при такой предпосылке этот конкретный труд в свою очередь может быть представлен как *общественный труд,* как стоимость. Земля и цена — несоизмеримые величины, которые тем не менее должны иметь отношение друг к другу. Здесь имеет цену вещь, не имеющая стоимости.

С другой стороны, процент как цена капитала выражает обратную иррациональность. Здесь товар, не имея *потребительной стоимости,* имеет двойную стоимость: один раз стоимость, а затем отличную от этой стоимости цену. Ибо капитал *есть* прежде всего не что иное, как *денежная сумма,* или *определенное количество товара,* равное определенной денежной сумме. Если товар дается взаймы как капитал, то он есть только замаскированная форма *денежной суммы.* Ибо то, что дается взаймы *как капитал,* есть не столько-то фунтов хлопка, а столько-то *денег,* стоимость которых существует в хлопке. Поэтому и *цена* капитала относится к нему только как к бытию *денежной суммы,* т. е. такой суммы стоимости, которая представлена в деньгах и существует в форме меновой стоимости. Как может сумма стоимости иметь какую-либо цену кроме той цены, которая выражена в ее собственной денежной форме? Ведь цена есть стоимость товара в *отличие* от его потребительной стоимости. Цена как нечто отличное от его стоимости, цена как стоимость денежной суммы (ибо цена есть только выражение стоимости в деньгах) есть, следовательно, contradictio in terminis*.

Эту иррациональность выражения — (иррациональность самого предмета происходит оттого, что в проценте капитал выступает как предпосылка отдельно от своего собственного процесса, в котором он становится капиталом, т. е. самовозрастающей стоимостью, и что, с другой стороны, приносящий ренту капитал приносит ренту только как земледельческий капитал, только как капитал в особой сфере, т. е. приносящий ренту капитал выступает в такой форме, которая *переносится* с него на *тот элемент, который отличает его от промышленного капитала вообще),* — эту иррациональность настолько чувствует вульгарный экономист, что он фальсифицирует оба выражения, чтобы сделать их рациональными. Он утверждает, что процент уплачивается за капитал, поскольку последний есть

* — противоречие в терминах. *Ред.*

потребительная стоимость, и говорит поэтому о той полезности, которую имеют для воспроизводства продукты или средства производства как таковые, о той полезности, которую капитал имеет вещественно как элемент процесса труда.

Но ведь полезность капитала, его потребительная стоимость уже имеется налицо в его форме товара, и без этой полезности он не был бы товаром и не имел бы стоимости. В форме денег капитал есть выражение стоимости товаров и [932] может быть превращен в товары соответственно собственной стоимости последних. Но если я превращаю деньги в машину, в хлопок и т. д., то я превращаю их в потребительные стоимости *той же самой* стоимости. Превращение касается только *формы стоимости.* В форме денег капитал имеет ту потребительную стоимость, что он может превращаться в форму любого товара, но товара такой же стоимости. В результате этого изменения формы стоимость денег так же не изменяется, как не изменяется стоимость товара, когда он превращается в деньги. Потребительная стоимость тех товаров, в которые я могу превратить деньги, не дает деньгам сверх их стоимости никакой отличной от этой стоимости цены. Но если я заранее предполагаю указанное превращение и говорю, что цена уплачивается за потребительную стоимость товаров, то потребительная стоимость товаров вообще не оплачивается или оплачивается только в той мере, в какой оплачивается их меновая стоимость. То, как используется потребительная стоимость покупаемого товара, входит ли она в индивидуальное или в производственное потребление, абсолютно ничего не изменяет в его меновой стоимости. От этого меняется только то, кто его покупает: промышленный капиталист или непосредственный потребитель. Поэтому производительная полезность товара может объяснить то, что он вообще имеет меновую стоимость, ибо, чтобы содержащийся в товарах труд оплачивался, они должны иметь потребительную стоимость, — в противном случае они не товары, каковыми они являются только как единство потребительной стоимости и меновой стоимости. Но эта потребительная стоимость отнюдь не может объяснить то, что товар как меновая стоимость или как цена имеет еще другую, отличную от этой цены цену.

Мы видим, что вульгарный экономист хочет здесь отделаться от трудности посредством попытки превратить *капитал,* т. е. деньги или товар, поскольку они имеют *специфическую, отличающуюся* от них как денег или товара определенность, в простой *товар,* т. е. что он отвлекается как раз от того специфического различия, которое подлежит объяснению. Он не хочет сказать, что в капитале содержится это средство эксплуа-

тации прибавочного труда и что именно поэтому капитал оказывается большей стоимостью, чем его стоимость. Он говорит вместо этого: капитал потому имеет больше стоимости, чем его стоимость, что он есть обыкновенный товар, как всякий другой, т. е. потому, что он имеет потребительную стоимость. Здесь капитал отождествляется с товаром, между тем как нужно объяснить именно то, каким образом товар может выступать в качестве капитала.

Относительно земли вульгарный экономист поступает наоборот, если только он, как попугай, не повторяет физиократов. Там, при трактовке процента, он превращает капитал в товар, чтобы объяснить *различие* между капиталом и товаром и превращение товара в капитал. Здесь он превращает землю в капитал, потому что капиталистическое отношение само по себе легче укладывается в его представления, чем цена земли. Ренту можно мыслить как процент с капитала. Например, если рента составляет 20, а процентная ставка равна 5, то можно сказать, что эти 20 являются процентом с 400 единиц капитала. И действительно, земля продается тогда за 400, что является просто продажей ренты на 20 лет. Эта уплата антиципированной двадцатилетней ренты является тогда ценой земли. Тем самым земля превращается в капитал. Ежегодные 20 стоимостных единиц становятся уже только 5 процентами с капитала, который за нее заплачен. И таким путем формула «земля — рента» превращается в формулу «капитал — процент», что в свою очередь претворяется фантастическим образом в плату за потребительную стоимость товаров, т. е. в отношение «потребительная стоимость — меновая стоимость».

Более способные к анализу среди вульгарных экономистов понимают, что цена земли есть не что иное, как выражение для капитализации ренты, что фактически это — покупная цена ренты на ряд лет, который определяется соответственно существующей в данное время процентной ставке. Они понимают, что эта капитализация ренты имеет ренту своей предпосылкой, что рента, следовательно, не может, наоборот, объясняться своей собственной капитализацией. Поэтому они отрицают самоё ренту, объявляя ее процентом на вложенный в землю капитал, что не мешает им признавать, что и та земля, в которую не вложено никакого капитала, приносит ренту, а также что *одинаковые количества* капитала на землях различного плодородия приносят *различную* ренту, или что *неодинаковые количества* капитала на землях неодинакового плодородия приносят *одинаковую* ренту. Точно так же их тезис о ренте как о проценте на вложенный в землю капитал не мешает им признавать и то,

что вложенный в землю капитал, — если им действительно должна объясняться уплачиваемая за землю рента, — приносит, быть может, в пять раз большие «проценты», т. е. в пять раз большую ренту, чем тот *процент,* который приносится равновеликим капиталом, вложенным в промышленность в форме основного капитала.

Мы видим, что здесь трудность каждый раз устраняют тем, что от нее *отвлекаются* и, напротив, подлежащее объяснению *специфическое различие* подменяют каким-нибудь таким отношением, которое выражает нечто противоположное этому различию и, следовательно, во всяком случае *не* выражает того, что подлежит объяснению. [932]

[6) БОРЬБА ВУЛЬГАРНОГО СОЦИАЛИЗМА ПРОТИВ ПРОЦЕНТА (ПРУДОН). НЕПОНИМАНИЕ ВНУТРЕННЕЙ СВЯЗИ МЕЖДУ ПРОЦЕНТОМ И СИСТЕМОЙ НАЕМНОГО ТРУДА]

[935] Полемика Прудона с Бастиа о проценте характерна как для того способа, каким вульгарный экономист защищает категории политической экономии, так и для того, как поверхностный социализм (полемика Прудона едва заслуживает этого названия) нападает на них. Мы вернемся к этому в разделе о вульгарных экономистах[160]. Здесь лишь несколько предварительных замечаний.

Возвратное движение [денег] не должно было бы шокировать Прудона как нечто специфически свойственное [капиталу, приносящему проценты], если бы он вообще понимал что-нибудь в движении капитала. Точно так же и избыток стоимости возвращающейся суммы. Это — то, что характеризует капиталистическое производство вообще.

{Но у Прудона, как мы увидим, избыток есть надбавка. Вообще в своей критике он ведет себя по-ученически, и он никогда не владел даже самыми первыми элементами той науки, которую хочет критиковать. Так, например, он никогда не понимал денег как необходимой формы товара. (См. первую часть[161].) Здесь он даже смешивает деньги и капитал, — на том основании, что ссужаемый капитал выступает как денежный капитал, в форме денег.}

В капитале, приносящем проценты, Прудона должно было бы поразить не наличие избытка, за который не было уплачено никакого эквивалента, ибо прибавочная стоимость, — а на ней-то и покоится капиталистическое производство, — есть стоимость, не стоившая никакого эквивалента. В этом нет

ничего характерного для капитала, приносящего проценты. Для капитала, приносящего проценты, характерен, — поскольку мы рассматриваем форму движения, — лишь первый момент, представляющий собой как раз обратное тому, что думает Прудон, а именно, характерно то, что заимодавец отдает деньги, не получая с самого начала эквивалента за них, и что, стало быть, возвращение капитала с процентами, поскольку сделка происходит между заимодавцем и заемщиком, [не имеет ничего общего с] теми метаморфозами, через которые проходит капитал и которые, поскольку они суть лишь метаморфозы экономической формы, выступают как ряд меновых актов, как превращение товара в деньги и превращение денег в товар, а поскольку они являются реальными метаморфозами, или процессом производства, совпадают с производственным потреблением. (Само потребление образует здесь момент движения экономической формы.)

Но чего деньги не делают в руках заимодавца, то они делают в руках заемщика, который действительно применяет их как капитал. Свое реальное движение в качестве капитала они проделывают в руках заемщика. К нему они возвращаются как деньги плюс прибыль, как деньги + $^1/_x$ денег. Движение между заимодавцем и заемщиком выражает только начальный и конечный пункт капитала. В форме денег капитал переходит из рук *A* в руки *B*. В руках *B* деньги становятся капиталом и в качестве капитала они, после известного кругооборота, возвращаются вместе с прибылью. Этот промежуточный акт, действительный процесс, включающий как процесс обращения, так и процесс производства, нисколько не касается сделки между заемщиком и заимодавцем. Сделка эта возобновляется лишь после того, как деньги *уже* реализовали себя в качестве капитала. Теперь деньги переходят обратно в руки заимодавца, с некоторым избытком, составляющим, однако, лишь часть избытка, реализованного заемщиком. Та часть этого избытка, которая остается заемщику, тот эквивалент, который он получает, есть промышленная прибыль, присвоенная им лишь благодаря занятым деньгам. Все это становится невидимым в сделке между заемщиком и заимодавцем. Она ограничивается двумя актами. Переход денег из рук *A* в руки *B*. Пауза, в течение которой деньги находятся в руках *B*. Возвращение денег вместе с процентами после паузы в руки *A*.

Итак, если рассматривать лишь эту форму — эту сделку между *A* и *B,* — то получается голая форма капитала без ее опосредствования: деньги отдаются взаймы как сумма *a*

и возвращаются обратно через определенный промежуток времени как сумма $a + {}^1/_x a$ при полном отсутствии какого бы то ни было опосредствования между ними за исключением того периода времени, который проходит между отливом суммы *a* и ее обратным притоком в виде суммы $a + {}^1/_x a$.

И вот в этой-то иррациональной форме, — в той форме, которая, конечно, имеет место как самостоятельное движение наряду с действительным движением капитала, открывая и замыкая его, — г-н Прудон рассматривает все это дело, а при таком рассмотрении все неизбежно остается ему непонятным. Если бы исчезла эта форма ссуды — форма, отличная от покупки и продажи, — то, полагает он, отпал бы и избыток. В действительности в этом случае отпал бы только дележ избытка между двумя видами капиталистов. Но такой дележ может и должен возникать всё вновь и вновь, коль скоро товар или деньги могут превращаться в капитал, а это на основе наемного труда всегда возможно. Если бы товар и деньги не могли становиться капиталом, — а потому, если бы их нельзя было и ссужать как капитал *in posse*[*], — то они не могли бы противостоять наемному труду. Если бы они, таким образом, как *товар* и *деньги* не противостояли наемному труду и труд, следовательно, сам не становился бы товаром, то это означало бы не что иное, как [936] возвращение к способам производства, предшествующим капиталистическому производству, где труд не превращается в товар, а масса труда выступает еще в виде крепостного или рабского труда. При свободном труде как основе это возможно лишь в том случае, если рабочие являются собственниками своих условий производства. Свободный труд развивается в рамках капиталистического производства как *общественный* труд. Следовательно, то, что рабочие являются собственниками условий производства, означает, что последние принадлежат общественно-объединенным рабочим, что рабочие производят в качестве общественно-объединенных рабочих и подчиняют себе свое собственное производство как обобществленное. Но, подобно Прудону, хотеть сохранения наемного труда, а тем самым основы капитала, и в то же время требовать устранения «зол» посредством отрицания одной из производных форм капитала, это — ребячество.

«Gratuite du Credit». Discussion entre M. *Fr. Bastiat* et M. *Proudhon.* Paris, 1850.

[*] — в возможности. *Ред.*

Ссуда потому кажется Прудону злом, что она не является продажей.

Ссужать под проценты «означает использовать возможность все снова *продавать* один и тот же *предмет,* и все снова получать за него *цену,* никогда не отказываясь от собственности на то, что здесь продают» («Gratuite du Credit», *письмо первое,* написанное Шеве, одним из редакторов газеты «Voix du Peuple»[162], стр. 9).

Автора этого письма сбивает с толку то обстоятельство, что отдаваемый в ссуду «предмет» (например, деньги или дом) не меняет собственника, как это бывает при покупке и продаже. Но он не замечает, что при отдаче денег в ссуду заимодавец не получает взамен никакого эквивалента, тогда как в действительном процессе в форме актов обмена и на их основе получается не только эквивалент, но и неоплаченный избыток. Поскольку происходит обмен предметов, нет изменения стоимости, и один и тот же индивидуум является по-прежнему «собственником» той же стоимости. А поскольку появляется прибавочная стоимость, не происходит никакого обмена. Когда опять начинаются акты обмена товара и денег, прибавочная стоимость уже содержится в товаре. Прудон не понимает, каким образом из закона обмена стоимостей вытекает прибыль, а, значит, также и процент. Поэтому «дом», «деньги» и т. д. должны, по его мнению, обмениваться не как «капитал», а как «товар... по себестоимости» («Gratuite du Credit», стр. 43—44).

«В самом деле, шляпник, продающий шляпы,.. получает взамен их стоимость, не больше и не меньше. Но капиталист, ссужающий деньги,.. не только получает обратно свой капитал неуменьшившимся, — он получает больше, чем свой капитал, больше, чем было им брошено в обмен, он получает сверх капитала еще и процент...» (там же, стр. 69).

Шляпники г-на Прудона являются, по-видимому, не *капиталистами,* а кустарями, ремесленниками.

«Так как в торговле *процент на капитал* присоединяется к *заработной плате* рабочего, чтобы вместе с этой последней *составить цену товара,* то рабочий не может выкупить продукт своего собственного труда. Жить работая — это такой принцип, который при господстве процента заключает в себе противоречие» (стр. 105).

В IX письме (стр. 144—152) бравый Прудон смешивает деньги как средство обращения с деньгами как капиталом и в результате этого приходит к выводу, что существующий во Франции «капитал» приносит 160% (а именно, 1600 млн. франков годовых процентов по государственным займам, ипотекам и т. д. на капитал в один миллиард франков — на «сумму наличных денег, находящихся во Франции в обращении»).

Далее:

«Так как вследствие накопления процентов *капитал-деньги* от одного обмена к другому постоянно все снова и снова возвращается к своему источнику, то отсюда следует, что всякая новая отдача этих денег в ссуду, совершаемая одними и теми *же* руками, приносит прибыль всегда тому же самому лицу» (стр. 154).

Так как капитал ссужается в форме денег, то Прудон думает, что этим специфическим свойством обладает денежный капитал, т. е. наличные деньги. По Прудону, все должно *продаваться,* но ничто не должно *отдаваться в ссуду.* Другими словами: подобно тому как Прудон хотел сохранить товар, но не хотел, чтобы товар становился «деньгами», так здесь он хочет сохранить товар и деньги, но они не должны развиваться в капитал. Если отбросить все фантастические формы выражения, это означает только то, что не следует переходить от мелкого мещански-крестьянского и ремесленного производства к крупной промышленности.

«Так как стоимость есть не что иное, как *отношение,* и так как между всеми продуктами необходимым образом устанавливается *отношение друг к другу,* то отсюда следует, что с общественной точки зрения продукты всегда являются стоимостями и установившимися стоимостями. Для общества разницы между капиталом и продуктом не существует. Различие это совершенно субъективно, оно существует лишь для индивидов» (стр. 250).

Какое несчастье, когда такие немецко-философские выражения, как «субъективно», попадают в руки какого-нибудь Прудона. Общественные, буржуазные формы для него «субъективны». II субъективная, и притом неверная, абстракция, приводящая Прудона к утверждению, что, так как меновая стоимость товара выражает *отношение* между товарами, то она выражает любое отношение между товарами, а не нечто третье, к чему товары стоят в том или ином отношении, — эта неверная «субъективная» абстракция и есть та [937] «общественная точка зрения», с которой оказываются поэтому тождественными не только товар и деньги, но даже товар, деньги и капитал. Так и в самом деле получается, что с этой «общественной точки зрения» все кошки серы.

К довершению всего прибавочная стоимость появляется в форме морали:

«Всякий труд *должен* давать *излишек»* (стр. 200).

Эта моральная заповедь является, конечно, великолепной дефиницией прибавочной стоимости. [937]

[7) К ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕНТА. ПРЕВОСХОДСТВО ЛЮТЕРА НАД ПРУДОНОМ В ПОЛЕМИКЕ ПРОТИВ ПРОЦЕНТА. ИЗМЕНЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ПРОЦЕНТ В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ]

[937] Лютер, живший в эпоху разложения средневекового гражданского общества на элементы современного общества — процесс, который был ускорен мировой торговлей и открытием новых источников золота, — знает капитал, естественно, лишь в двух его допотопных [формах]: в форме капитала, приносящего проценты, и торгового капитала. Если ставшее уже твердо на ноги капиталистическое производство в своей детской фазе стремится насильственно подчинить капитал, приносящий проценты, промышленному капиталу — это фактически было сделано впервые в Голландии (где капиталистическое производство в форме мануфактуры и крупной торговли расцвело раньше, чем в других странах), а в Англии в XVII столетии было провозглашено (отчасти в очень наивных формах) как первое условие капиталистического производства, — то до этого, при переходе к капиталистическому способу производства, *признание* «ростовщичества», этой старомодной формы приносящего проценты капитала, как условия производства, как необходимого производственного отношения, составляет, наоборот, самый первый шаг; подобно тому как впоследствии, когда промышленный капитал подчинил себе капитал, приносящий проценты (XVIII столетие, *Бентам*[163]), он сам признаёт его правомерность, признаёт его плотью от своей плоти.

Лютер стоит *выше* Прудона. Его не сбивает с толку различие между *ссудой* и *покупкой:* в той и другой он одинаково усматривает ростовщичество. Вообще наиболее сильным моментом в его полемике является то, что главным пунктом нападения он избирает *врастание процента в капитал.*

I) «Von Kauffshandlung und Wucher» (1524). В VI части Сочинений Лютера, Виттенберг, 1589.

(Это сочинение написано накануне Крестьянской войны.)

О *торговле (торговом капитале):*

«Теперь купцы очень жалуются на дворян или на разбойников» {отсюда видно, почему купцы идут с князьями против крестьян и рыцарей}, «на то, что им приходится торговать с большой опасностью и, кроме того, их захватывают, избивают, облагают поборами, грабят и т. д. Если бы купцы претерпевали это ради справедливости, то, конечно, они были бы святыми людьми... Но так как сами купцы творят столь великое беззаконие и противохристианское воровство и разбой по всему миру и даже по отношению друг к другу, то нет ничего удивительного в том, что бог делает так, что столь большое имущество, неправедно приобретенное, снова

утрачивается или подвергается разграблению, а их самих вдобавок еще избивают или захватывают в плен... А князьям подобает надлежащей властью наказывать за столь неправедную торговлю и принимать меры, чтобы купцы не обдирали так бессовестно их подданных. Но так как князья этого не делают, то бог пользуется рыцарями и разбойниками и через них наказывает купцов за беззаконие, и они должны быть его дьяволами, подобно тому как он мучит дьяволами или губит врагами землю Египетскую и весь мир. Так он бьет одного злодея другим, давая этим понять, что купцы — не меньшие разбойники, чем рыцари, ибо купцы ежедневно грабят весь мир, тогда как рыцарь в течение года ограбит раз или два, одного или двух» (стр. 296).

«... Исполняется пророчество Исайи: князья твои стали сообщниками воров. Ибо они вешают воров, укравших гульден или полгульдена, и якшаются с теми, которые грабят весь мир и воруют с большей безопасностью, чем все другие, как бы для того, чтобы оставалась верной поговорка: крупные воры вешают [938] мелких воров, и, как говорил римский сенатор Катон: простые воры сидят в тюрьмах и закованы в цепи, а государственные воры расхаживают в золоте и шелках. Что же в конце концов скажет об этом бог? Он сделает так, как он говорит устами Иезекииля: князей и купцов, одного вора с другим, он сплавит вместе, как свинец и медь, как бывает, когда выгорает город, чтобы не было больше ни князей, ни купцов. Я опасаюсь, что это уже на пороге» (стр. 297).

О *ростовщичестве, о капитале, приносящем проценты:*

«Мне говорят, что теперь ежегодно на каждой Лейпцигской ярмарке взимают 10 гульденов, что составляет 30 на сто[164]; некоторые прибавляют сюда еще Наумбургскую ярмарку, так что получается 40 на сто; взимают ли где-нибудь еще больше этого, я не знаю. Что за срам, куда же к черту это, в конце концов, приведет!.. Кто имеет теперь в Лейпциге 100 флоринов, тот ежегодно взимает 40, — это значит пожрать в один год крестьянина или горожанина. Если он имеет 1000 флоринов, то он ежегодно взимает 400, — это значит пожрать в один год рыцаря или богатого дворянина. Если он имеет 10000, то он ежегодно взимает 4000, — это значит пожрать в один год богатого графа. Если он имеет 100000, как это и должно быть у крупных купцов, то он ежегодно взимает 40000, — это значит пожрать в один год крупного богатого князя. Если он имеет 1000000, то он ежегодно взимает 400000, — это значит пожрать в один год крупного короля. И не грозит ему за это никакая опасность, ни жизни его, ни добру. Он не выполняет никакой работы, сидит себе за печкой и печет яблоки. И этот разбойник в кресле, сидя у себя дома, может в 10 лет сожрать целый мир» (стр. 312—313)[165].

{II) «Eyn Sermon auf das Evangelion von den reichen Mann und armen Lazaro», Wittemberg, 1555.

«О богатом человеке мы не должны судить по его внешнему поведению, ибо он облекся в овечью шкуру, и его жизнь блестит и кажется красивой и искусно прикрывает волка. Ибо евангелие бранит его не за то, что он совершил прелюбодеяние, убийство, грабеж, богохульство или что-нибудь такое, что мог бы порицать мир или разум. Ведь он вел такую же благопристойную жизнь, как тот фарисей, который дважды в неделю постился и не был таким, как другие люди».}

Лютер говорит нам здесь, каким путем возникает ростовщический капитал: путем разорения граждан (мещан и крестьян), рыцарей, дворянства, князей. С одной стороны, к ростовщикам притекает прибавочный труд, а *также и условия труда* посадского мещанства, крестьян, цеховых мастеров, одним словом, мелких товаропроизводителей, которые нуждаются в деньгах, например, для производства платежей до того, как они превратили свой товар в деньги, и которые часть своих условий труда уже покупают сами, и т. д. С другой стороны, к ростовщикам притекают средства от владельцев ренты, которую теперь присваивают себе ростовщики, — т. е. от расточительного, кутящего богатства. Поскольку ростовщичество приводит к двум результатам: во-первых, вообще способствует образованию самостоятельного денежного имущества, а во-вторых, присваивает себе условия труда, т. е. разоряет владельцев старых условий труда, — оно служит могущественным средством при образовании предпосылок для промышленного капитала, могущественным фактором в процессе отделения условий производства от производителя. Совершенно так же, как и купец. И оба они имеют то общее, что образуют самостоятельное денежное имущество, т. е. собирают в своих руках в форме денежных требований, во-первых, часть годового прибавочного труда, во-вторых, часть условий труда и, в-третьих, часть накопления годового труда. Те деньги, которые действительно находятся в их руках, составляют лишь небольшую долю отчасти годовых и ежегодно накопляемых сокровищ, отчасти оборотного капитала. Но образование у них *денежного имущества* означает, что им достается значительная доля отчасти годовой продукции, отчасти годовых доходов, причем все это подлежит уплате им не in natura*, а в превращенной форме денег. Поэтому, поскольку деньги не обращаются активно как средства обращения, не находятся в движении, они накопляются в их руках; отчасти в их руках оказываются также резервуары обращающихся денег, и еще в большей степени находятся и накопляются в их руках титулы на продукты производства, но как титулы на товар, превращенный в деньги, как денежные титулы. [939] Ростовщичество действует, с одной стороны, как разрушитель феодального богатства и феодальной собственности, с другой стороны — как разрушитель мелкобуржуазного, мелкокрестьянского производства, одним словом, всех тех форм, при которых производитель еще выступает как собственник своих средств производства.

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

При капиталистическом производстве рабочий *лишен собственности* на условия производства: он не является собственником ни того поля, которое он возделывает, ни того орудия, при помощи которого он работает. Но этому отчуждению условий производства здесь соответствует действительное изменение в самом способе производства. Орудие становится машиной; рабочий работает на фабрике и т. д. Самый способ производства уже не допускает связанного с мелкой собственностью распыления орудий производства, равно как и распыления самих рабочих. При капиталистическом производстве ростовщичество уже не может *отделять* условий производства от рабочего, от производителя, потому что они уже отделены.

Ростовщичество *централизует* имущество, особенно в форме денежного имущества, только там, где средства производства распылены, где, следовательно, работник производит более или менее самостоятельно, как мелкий крестьянин, цеховой ремесленник (мелкий торговец) и т. д., — как крестьянин или ремесленник, причем безразлично, является ли этот крестьянин крепостным или нет и принадлежит ли к цеху этот ремесленник или нет. Ростовщик присваивает себе здесь не только ту часть прибавочного труда, которая находится в распоряжении самого крепостного, — или не только весь прибавочный труд, если ростовщик имеет дело с свободными крестьянами и т. д., — но он присваивает себе также и орудия производства, номинальным собственником которых остается крестьянин и т. д. и к которым в самом производстве этот крестьянин относится как собственник. Это ростовщичество покоится на данной основе, на данном *способе производства,* которого оно не изменяет; оно только присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния. Оно высасывает его, истощает и приводит к тому, что воспроизводство совершается при все более скверных условиях. Отсюда народная ненависть к ростовщичеству, в особенности при античных отношениях, когда этот характер производства — собственность производителя на свои условия производства — являлся вместе с тем основой политических отношений, основой самостоятельности гражданина. Это прекращается, как только работник перестает обладать условиями производства. Вместе с тем приходит конец и могуществу ростовщичества. С другой стороны, когда господствует рабство или когда прибавочный труд проедается феодалами с их свитами, а рабовладельцы или феодалы подпадают под власть ростовщиков, способ производства тоже остается прежним, но становится более жестким. Обремененный долгами рабовладелец или феодал теперь высасывает больше, так как он сам подвергается

высасыванию; или в конце концов он уступает свое место ростовщику, который сам становится земельным собственником и т. д., как всадник и т. д. в Древнем Риме. Место старого эксплуататора, у которого эксплуатация в большей или меньшей степени была орудием политической власти, занимает грубый, жадный до денег выскочка. Но самый способ производства не изменяется.

При всех докапиталистических способах производства ростовщик действует революционно только в *политическом* отношении, подрывая и разрушая те формы собственности, на прочной основе которых — т. е. на их постоянном воспроизводстве в том же виде — покоится политическая структура общества. Ростовщичество действует также и централизующим образом, однако лишь на основе старого способа производства, в результате чего общество, кроме рабов, крепостных и т. д. и их новых господ, превращается в толпу. При азиатских формах [общества] ростовщичество может долго продолжать свое существование, вызывая лишь экономический упадок и политическую деморализацию, но не приводя к реальному разложению [существующего способа производства]. Только в такую эпоху, когда налицо имеются остальные условия капиталистического производства — свободный труд, мировой рынок, распад старых общественных связей, определенная ступень развития труда, развитие наук и т. д., — только в такую эпоху ростовщичество выступает как одно из средств образования нового способа производства, а вместе с тем разорения феодалов, столпов антибуржуазного элемента, и разорения мелкой промышленности, мелкого земледелия и т. д., одним словом как средство централизации условий труда в качестве капитала.

Что ростовщики, купцы и т. д. владеют «денежным имуществом», означает только то, что имущество нации, поскольку оно выступает как товар и деньги, концентрируется в их руках.

Капиталистическому производству первоначально приходится бороться с ростовщичеством — в той мере, в какой сам ростовщик не становится производителем. К тому времени, когда капиталистическое производство окончательно установилось, власть ростовщиков над прибавочным трудом, связанная с продолжением существования старого способа производства. уже прекратилась. Промышленный капиталист непосредственно инкассирует прибавочную стоимость в виде прибыли; частично он уже завладел также и условиями производства, и часть ежегодного накопления присваивается непосредственно им. С этого момента, в особенности с развитием промышленного и торгового имущества, ростовщик, т. е. ссудодатель под

проценты, становится всего лишь таким лицом, которое отделено от промышленного капиталиста вследствие разделения труда, но подчинено промышленному капиталу.

[940] III) «An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen. Vermanung». Wittemberg, 1540 (без нумерации страниц).

Торговля (покупка, продажа) и ссуда (Лютер не дает сбить себя с толку, как Прудон, этим различием формы).

«Пятнадцать лет тому назад я писал против ростовщичества, ибо уже тогда оно забрало такую силу, что я не видел надежды на улучшение. С тех пор оно столь вознеслось, что *не хочет уже считаться пороком, грехом и позором,* а величается чистой добродетелью и честью, словно оно оказывает людям великую любовь и христианскую услугу. Где же искать избавления, раз позор стал честью и порок добродетелью? Сенека говорит от естественного разума: Deest remedii locus, ubi, quae vitia fuerunt, mores fiunt*. Германия стала такой, какой она должна была стать; гнусная алчность и ростовщичество до основания развратили ее...

Прежде всего скажем о *ссуде* и *займе.* Когда ссужают деньги и требуют за них или берут нечто большее или лучшее, то это есть ростовщичество, осуждаемое во всех законах. И потому все те, кто взимает пять, шесть или более со ста за данные взаймы деньги, — все они ростовщики, и соответственно этому они ведут себя, и называются они идолопоклонническими служителями алчности или мамоны... То же самое надо сказать и о хлебе, ячмене и других товарах, что если за них требуют нечто большее или лучшее, то это есть ростовщичество, украденное и награбленное добро. Ибо одалживать — это значит, что я даю кому-нибудь мои деньги, имущество или утварь, чтобы он пользовался этим, пока ему нужно или пока я могу и согласен на это, а потом в свое время он возвращает мне все это в том виде, в каком я одолжил ему».

«Из торговли тоже делают *ростовщичество.* Но для одного раза это сейчас уже слишком много. Сейчас мы должны говорить только об одном — о ростовщичестве при ссудах. После того как мы с ним разделаемся (в духе страшного суда над ним), мы воздадим по заслугам также и *торговому ростовщичеству».*

«Его благородие ростовщик говорит так: Милый, при нынешнем положении вещей я оказываю своему ближнему большую *услугу* тем, что ссужаю ему по пять, шесть, десять на сто. И он благодарит меня за такую ссуду как за особое благодеяние. Он просит меня об этом, сам добровольно и без принуждения предлагает дарить мне пять, шесть, десять гульденов на сто. Разве я не могу, без ростовщичества, брать это с чистой совестью?..

Пусть он славит себя, наряжает и украшает... Но кто берет нечто большее или лучшее, тот ростовщик, и это значит, что *не услугу, а вред* принес он своему ближнему, как это бывает при воровстве и грабеже- Не все то услуга и благодеяние ближнему, что называют услугой и благодеянием. Ибо прелюбодей и прелюбодейка оказывают друг другу большую услугу и удовольствие. Рейтар оказывает убийце и поджигателю великую рейтарскую услугу, помогая ему грабить на дорогах и нападать на страну и людей. Паписты оказывают нашим людям великую услугу тем, что они не всех топят, сжигают, убивают, гноят в тюрьмах, а оставляют некоторых в живых и изгоняют их или отнимают у них их имущество. Сам дьявол оказывает своим служителям великую, неизмеримую услугу... Словом, мир

* — Нет места лекарствам там, где то, что считалось пороком, становится обычаем. *Ред.*

полон великих, превосходных ежедневных услуг и благодеяний... Поэты пишут о циклопе Полифеме, что он обещал Улиссу проявить к нему дружелюбие — сначала сожрать его спутников и только потом последним его самого. Да, это тоже была услуга и большое благодеяние.

Такого рода услугами и благодеяниями теперь усердно занимаются благородные и неблагородные, крестьяне и горожане; они скупают, держат у себя на складе, создают дороговизну, [941] повышая цену на хлеб, ячмень и все, что необходимо людям, а затем утирают себе морду и говорят: да, что необходимо, то необходимо, я предоставляю это людям к их услугам, хотя я мог бы и имел бы право оставить это себе. Вот как ловко они обманывают и одурачивают бога!.. Совсем святыми стали теперь люди... Итак, никто теперь уже не может заниматься ростовщичеством, никто не может быть алчным или злым, весь мир превратился сплошь в святых, *каждый оказывает услуги другому,* никто не причиняет другому вреда...

Если ростовщик оказывает этим услугу, то только гнусному дьяволу, хотя бедному, нуждающемуся человеку эта услуга нужна, и он, пожалуй, должен считать услугой и благодеянием то, что его еще не совсем сожрали...

Он[*] оказывает тебе[**], и вынужден оказывать тебе, такую услугу» {платить ростовщические проценты}, «если хочет получить *деньги».*

{Из приведенного выше видно, что во времена Лютера ростовщичество очень усилилось и вместе с тем уже апологетически оправдывалось как *«услуга»* (Сэй — Бастиа[***]). Перед нами уже выступает концепция сотрудничества или гармонии: «Каждый оказывает услуги другому».

В лучшую пору *античного* мира ростовщичество было запрещено (т. е. не разрешалось взимать проценты). Позднее оно было узаконено и получило широкое распространение. В области теории всегда (как у *Аристотеля*[166]) высказывался тот взгляд, что само по себе ростовщичество дурно.

В *христианском средневековье* ростовщичество считалось «грехом» и было запрещено «канонами».

Новое время. Лютер. Еще жив католически-языческий взгляд на ростовщичество. Ростовщичество широко распространяется (отчасти вследствие нужды правительства в деньгах, отчасти вследствие развития торговли и мануфактуры, отчасти вследствие необходимости превращения продукта в деньги). Но уже утверждается его гражданская правомерность.

Голландия. Первая апология ростовщичества. Здесь оно также впервые модернизируется, подчиняется производительному или торговому капиталу.

Англия. XVII столетие. Полемика уже не против ростовщичества самого по себе, а только против величины процента. Преобладание ростовщичества над кредитом. Стремление

* — Нуждающийся в деньгах человек. *Ред.*
** — ростовщику. *Ред.*
*** См. настоящий том, часть I, стр. 413. *Ред.*

к созданию кредитной формы. Насильственные законодательные меры.

XVIII столетие. Бентам. Свободное ростовщичество признано как элемент капиталистического производства.}

[Приведем еще несколько выдержек из сочинения Лютера «An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen».]

Процент как возмещение ущерба:

«[Может случиться и часто случается так/что я, Ганс, одалживаю тебе, Балтазару, сто гульденов, которые мне необходимо получить обратно к Михайлову дню; а если ты опоздаешь, то я от этого пострадаю. Михайлов день наступает, ты мне не возвращаешь эти сто гульденов. Тогда судья хватает меня за горло или заключает в башню или тюрьму, или на меня обрушивается какое-нибудь другое несчастье, пока я не заплачу. Я сижу в тюрьме, мое питание, мое здоровье сильно страдают. До этого ты меня доводишь своим опаздыванием и так отплачиваешь мне злом за мое благодеяние. Что мне тогда делать? Я продолжаю страдать, ибо ты медлишь и спишь, и каждый день, пока ты медлишь и спишь, проходите ущербом и вредом для меня Кто должен тут нести ущерб или поплатиться за это? Ведь в конце концов ущерб станет невыносимым гостем в моем доме, пока я совсем не погибну.]

Ну что ж, здесь следует подойти к делу со светской и юридической стороны (теологию мы должны пока оставить в покое). В рассматриваемом случае ты. Балтазар, должен будешь возместить мне, сверх ста гульденов, весь мой ущерб и покрыть все связанные с этим вынужденные расходы». {Под вынужденными расходами Лютер понимает здесь судебные издержки и т. д., которые понес ссудодатель вследствие того, что он сам был лишен возможности уплатить свои долги}.. «Поэтому справедливо, даже с точки зрения разума и естественного права, чтобы ты возместил мне все: *первоначальную сумму вместе с понесенным мною ущербом..* Такой ущерб юридические книги называют по-латыни *interesse*[*]...

Сверх этого ущерба может получиться еще и другой: если ты, Балтазар, не возвращаешь мне к Михайлову дню эти сто гульденов, а мне представляется возможность покупки сада, поля, дома или вообще чего-нибудь такого, из чего я мог бы извлечь большую пользу или имел бы пропитание для себя и своих детей, то я вынужден упустить эту возможность, и ты причиняешь мне ущерб и помеху своим опаздыванием и сном, так что я никогда уже не смогу сделать такую покупку» и т. д. «Но я одолжил их тебе, и ты причиняешь мне двойной ущерб — *тут я не могу уплатить, а там не могу купить* и, следовательно, вынужден терпеть ущерб в обоих отношениях. Это называют *duplex interesse, damni emergentis et lucri cessantis*[**]...

После того как они[***] услышали, что Ганс потерпел ущерб, одолжив сто гульденов и требует справедливого возмещения своего ущерба, они спешат использовать этот случай и *на каждые сто гульденов накидывают возмещение за двойной ущерб,* а именно из-за понесенных Гансом убытков и из-за упущенной им покупки сада, *как будто эти два ущерба от природы*

[*] — буквально: бытие между, разница между (между имущественным положением лица до какого-нибудь причинившего ему ущерб происшествия и после такого происшествия) *Ред.*

[**] — двойной ущерб: причиненный убыток и упущенная выгода. *Ред.*

[***] — жадные на деньги люди. *Ред.*

присущи ста гульденам; поэтому во всех случаях, когда имеется сто гульденов и их дают в ссуду, на них насчитывают этот двойной ущерб, которого эти ссудодатели, однако, совсем и не терпели...

Поэтому ты — ростовщик, *ибо ты возмещаешь деньгами своего ближнего даже твой вымышленный ущерб,* которого тебе, однако, никто не причинил и которого ты не можешь ни доказать, ни *вычислить.* Такой ущерб юристы называют *non verurn, sed phantasticum interesse**. Это — *такой ущерб, который человек сам себе выдумал...*

Нельзя, следовательно, [942] говорить, что мог бы получиться тот ущерб, что я не был бы в состоянии ни произвести *платеж,* ни совершить *покупку.* Если говорить так, то это называется *ex contingente necessarium***; из того, чего нет, делать то, что с необходимостью должно быть; из того, что сомнительно, делать нечто вполне достоверное. Не сожрет ли такое ростовщичество за несколько лет весь мир?..

То несчастье, от которого необходимо оправиться ссудодателю, произошло *случайно,* помимо его воли. Нечто совершенно иное и даже противоположное имеет место в ростовщических сделках: тут ищут и *придумывают* ущерб для взыскания его с нуждающегося ближнего, хотят кормиться этим и богатеть на этом, в лени и безделье *кутить* и *наряжаться за счет труда других людей, за.* счет их забот, опасностей и убытков. А я в это время сижу за печкой и предоставляю *моим ста гульденам работать на меня,* и все же, так как это *одолженные деньги,* то я *наверняка сохраню их в кошельке,* не подвергаясь никаким опасностям и не неся никаких забот. Милый, кто не хотел бы этого?

И то, что сказано об одолженных деньгах, должно относиться также к одолженному хлебу, вину и тому подобным товарам, а именно, что при этом возможен такого рода двойной ущерб. Но *ущерб этот не присущ товару от природы,* а может произойти *случайно,* и потому считать его ущербом можно только тогда, когда он действительно произошел и доказан» и т. д.

«Ростовщичество в этом мире неизбежно, но горе ростовщикам...

Все мудрые, разумные язычники тоже весьма резко порицали ростовщичество. Так, Аристотель говорит в «Политике», что ростовщичество противоречит природе по той причине, что оно всегда берет больше, чем дает. Этим уничтожается основание и мерило всякой добродетели, которое требует: равное за равное, aequalitas arithmetica***» и т. д.

«Но это значит позорно наживаться, если берут у других людей, воруют у них или грабят; таких людей называют, с позволения сказать, ворами и разбойниками, которых обычно вешают на виселице, тогда как ростовщик является благородным вором и разбойником и сидит в кресле; поэтому их и называют *разбойниками в креслах...*

Язычники могли заключить на основании разума, что ростовщик есть четырежды вор и убийца. Мы же, христиане, так их почитаем, что чуть не молимся на них ради их денег... Кто высасывает, грабит и ворует у другого его пропитание, тот творит такое же великое убийство (насколько это от него зависит), как и тот, кто морит другого голодом и губит его насмерть. Но именно это и делает ростовщик, и все же он сидит спокойно в своем кресле, хотя по справедливости ему надо было бы висеть на виселице, чтобы его пожирало столько воронов, сколько он украл гульденов, если бы только на нем было столько мяса, что все эти вороны, разделив его, могли бы получить свою долю...

* — не настоящий, а фантастический ущерб. *Ред.*
** — делать из случайного необходимое. *Ред.*
*** — арифметическое равенство. *Ред.*

Лихоимцы и ростовщики будут кричать, что надо выполнять письменные обязательства и то, что скреплено печатью. На это юристы тотчас же давали хороший ответ: in malis promissis*. И теологи тоже говорят, что письменное обязательство, какое некоторые дают дьяволу, не имеет силы, даже если оно скреплено печатью и написано кровью. Ибо противное богу, праву и природе равно нулю. Поэтому всякий государь, который только может сделать это, должен немедленно вмешаться в это дело, разорвать печать и обязательство, не обращая внимания на то, что...» и т. д.

«Поэтому на земле нет для *человека врага* большего (после дьявола), чем скряга и ростовщик, ибо *он хочет быть богом над всеми людьми.* Турки, воители, тираны — всё это люди тоже злые, но они все-таки должны давать людям жить и должны признаться, что они злые люди и враги, и они могут, даже должны, иногда смилостивиться над некоторыми. Ростовщик же или скряга хочет, чтобы весь мир для него голодал и томился жаждой, погибал в нищете и печали (насколько это зависит от него), чтобы только у него одного было все и чтобы каждый *получал от него как от бога и* [943] *вечно был его крепостным.* Тогда сердце его радуется, это освежает ему кровь. При этом он расхаживает в мантии из куньего меха, носит золотые цепочки и кольца, дорогие одежды, утирает себе морду, старается казаться и слыть добропорядочным, благочестивым человеком, который гораздо милосерднее самого бога, гораздо отзывчивее, чем матерь божья и все святые...

Язычники пишут о великих подвигах Геркулеса, как он осиливает столько чудовищ и ужасных страшилищ, спасая от них страну и людей. Ведь ростовщик — это громадное и ужасное чудовище, совсем как оборотень, все опустошающий, хуже Какуса, Гериона или Антея и т. д. И, однако, он украшает себя и принимает благочестивый вид, чтобы не видели, куда деваются быки, *которых он втаскивает задом наперед в свое логовище».*

{Прелестнейший портрет капиталиста вообще, который делает вид, будто *от него исходит* то, что он тащит в свою пещеру от других, заставляя все это двигаться *задом наперед,* чтобы казалось, что это *вышло из его пещеры.*}

«Но Геркулес должен услышать рев быков и крики пленников и разыскать Какуса даже среди скал и утесов, чтобы освободить быков от злодея. Ибо Какусом называется злодей, *благочестивый ростовщик,* который ворует, грабит и пожирает все. И все-таки он как будто ничего не делал дурного; и думает, что даже никто не может обличить его, ибо он тащил быков задом наперед в свое логовище, отчего по их следам казалось, будто они были им *выпущены.* Таким же образом ростовщик хочет одурачить весь мир, будто он приносит пользу и *дает миру быков, между тем как он хватает их только для себя и пожирает...*

Поэтому ростовщик или скряга на самом деле не является настоящим человеком; он и грешит не по-человечески; он должен быть оборотнем, хуже всяких тиранов, убийц и разбойников; он почти столь же зол, как сам черт. Но он живет не как враг, а как друг и гражданин, пользуясь общей безопасностью и миром. А между тем он грабит и убивает ужаснее всякого врага, убийцы и поджигателя. И если колесуют и обезглавливают грабителей с большой дороги, убийц и разбойников, то во сколько раз больше

* — «в случае дурных обещаний». Подразумевается: nulla obligatio — «обязательство недействительно». *Ред.*

следовало бы колесовать и четвертовать всех ростовщиков и изгонять, предавать проклятию и обезглавливать всех скряг...»

Все это в высшей степени живописно, и вместе с тем здесь метко схвачен характер, с одной стороны, старомодного ростовщичества, а с другой стороны, капитала- вообще — с этим «interesse phantasticum»*, с этим «возмещением ущерба, от природы присущего» деньгам и товару, с этой общей фразой о приносимой ростовщиком пользе, с этим «благочестивым» видом ростовщика, который не похож на «других людей» и создает видимость, будто он дает, тогда как на самом деле он берет, будто он выпускает, тогда как на самом деле он тащит к себе, и т. д.!

* * *

«Большое преимущество, связанное с обладанием золотом и серебром вследствие того, что оно дает возможность выбора благоприятных моментов для покупки, постепенно вызвало к жизни ремесло *банкира...* Банкир отличается от старого *ростовщика* тем, что он дает взаймы богатым и *редко или никогда — беднякам.* Поэтому он одалживает с меньшим риском и может позволить себе делать это на более легких условиях; по обеим этим причинам он не навлекает на себя ту народную ненависть, которая сопровождала ростовщика» *(Newman, F. W.* Lectures on Political Economy. London, 1851, стр. 44).

Вместе с развитием ростовщичества и денег развивается принудительное отчуждение феодальной земельной собственности:

«Введение денег, которые покупают всё, и, как следствие этого, защита интересов кредитора, одолжившего свои деньги земельному собственнику, приводят к необходимости законного отчуждения земельной собственности для взыскания долга» *(John Dalrymple.* An Essay towards a general history of Feudal Property in Great Britain. 4th edition. London, 1759, стр. 124).

[944] «По мнению Томаса Калпепера (1641 г.), Джозаи Чайлда (1670 г.), Патерсона (1694 г.) богатство зависит от хотя бы даже насильственного понижения процентной ставки с золота и серебра. Это мнение господствовало в Англии в течение почти двух столетий» *(Ganilh* [Des systemes d'economie politique. Seconde edition. Tome premier. Paris, 1821, стр. 58—59]).

Когда *Юм,* в противоположность Локку, доказывал, что процентная ставка определяется нормой прибыли**, он уже имел перед собой гораздо более высокое развитие капитала. Еще больше это относится к Бентаму, когда он в конце XVIII столетия писал свою защиту ростовщичества[167].

* — «фантастическим ущербом». *Ред.*

** См. настоящий том, часть I, стр. 378—382. *Ред.*

Начиная с Генриха VIII до Анны имеет место снижение процентной ставки в законодательном порядке.

«В средние века ни в одной стране не было *общей процентной ставки.* Прежде всего строгость попов. Ненадежность судебных гарантий в отношении возврата ссуд. Тем выше процентная ставка в отдельных случаях. *Незначительность денежного обращения, необходимость производить большую часть платежей наличными деньгами,* так как банковое дело еще не развилось. Поэтому большое разнообразие как в размере процента, так и в самом понятии ростовщичества. Во времена Карла Великого считалось ростовщичеством, если брали 100%. В Линдау на Боденском озере к 1344 г. местные бюргеры брали $216^2/_3$%. В Цюрихе Совет определил как законный процент $43^1/_3$%. В Италии иногда приходилось платить 40%, хотя в XII—XIV столетиях обычная ставка не превышала 20%. Верона установила как законный процент $12^1/_2$%. Император Фридрих II в своем постановлении указал 10%, но это только для евреев; о христианах он не хотел говорить. В Рейнской Германии 10% уже в XIII столетии были обычной ставкой процента» *(Hullmann.* Stadtewesen des Mittelalters. Zweiter Theil. Bonn, 1827, стр. 55—57).

Огромные проценты в средние века (поскольку они взимались не с феодального дворянства и т. д.) покоились в городах в значительной мере на огромных «прибылях от отчуждения», получаемых купцами и городскими ремесленниками с деревни, которую они надували.

В Риме, как и во всем древнем мире, исключая особенно развитые в промышленном и торговом отношении торговые города, как например Афины и т. д., ростовщичество было для крупных земельных собственников таким средством, которое позволяло им не только экспроприировать мелких собственников, плебеев, но и овладевать самой личностью их.

В Риме ростовщичество первоначально было свободно. Закон Двенадцати таблиц (303 год от основания Рима) «установил процент с денег в 1% в год (по Нибуру — 10% в год)... Эти законы скоро были нарушены... Дуилий (в 398 году от основания Рима) снова ограничил ставку процента одним процентом в год (unciarium foenus*). В 408 году эта ставка была уменьшена до $^1/_2$%. В 413 году ссужение денег под проценты было вообще запрещено плебисцитом, который провел трибун Генуций... Нет ничего удивительного в том, что в такой республике, где гражданам запрещалось заниматься промышленностью, оптовой и розничной торговлей, *запрещению подверглась также и торговля деньгами.* Такое положение продолжалось в течение трехсот лет, до взятия Карфагена. [Затем было разрешено взимать не свыше] 12% в год. Обычная ставка годового процента составляла 6%... Юстиниан установил процентную ставку в размере 4%. Usura quincunx** у Траяна означает законный процент в размере 5%... В Египте в 146 году до Р. Х. законный коммерческий процент составлял 12%» *(Dureau de La Malle.* Economie politique des Romains. Tome second. Paris, 1840, стр. 259—263). [944]

* — буквально: прирост в размере одной унции. *Ред.*
** — буквально: проценты в размере пяти унций. *Ред.*

* * *

[950a] Относительно *процента Дж. У. Гилбарт* в своей книге «The History and Principles of Banking» (London, 1834) говорит следующее:

«То обстоятельство, что человек, берущий деньги взаймы с целью *получения прибыли при их помощи,* должен отдать часть своей прибыли кредитору, является само собой разумеющимся принципом естественной справедливости. Человек получает прибыль обычно посредством торговли, Но в средние века население было чисто земледельческим. А при таком населении и при феодальном режиме может иметь место лишь небольшая торговля, а потому и небольшая прибыль. Поэтому в средние века законы о ростовщичестве имели себе оправдание. К тому же в земледельческой стране человек редко стремится к тому, чтобы занимать деньги, за исключением тех случаев, когда он обеднел или попал в беду вследствие какого-либо несчастья» (стр. 163).

«Генрих VIII ограничил процент 10%, Яков I — 8%, Карл II — 6%, Анна — 5%» (стр. 164—165). «В те времена заимодавцы, если не юридически, то фактически были монополистами, и потому необходимо было ограничивать их, как и других монополистов. В наше время норма прибыли регулирует норму процента, тогда как в те времена норма процента регулировала норму прибыли. Если кредитор обременял купца высокой нормой процента, то купец бывал вынужден накидывать на свои товары более высокую норму прибыли. Тем самым из карманов покупателей извлекалась большая сумма денег, чтобы положить ее в карман кредитора, ссудившего деньги купцу. Эта *добавочная цена,* накидываемая *на товары,* приводила к тому, что публика становилась менее способной и менее расположенной покупать эти товары» (стр. 165).

В XVII столетии *Джозая Чайлд* в написанной в 1669 г. книге «Traites sur le commerce et sur les avantages qui resultent de la reduction de l'interest de l'argent» (traduits de l'anglois, Amsterdam et Berlin, 1754. В этой книге содержится также написанный в 1621 г. «Traite contre l'usure» *Томаса Калпепера)* выступает против *Томаса Манли* (против его трактата «Interest of Money Mistaken»[168]), которого он называет «поборником интересов ростовщиков». Как и во всех рассуждениях английских экономистов XVII столетия, исходным пунктом в рассуждениях Чайлда является, естественно, богатство Голландии, где норма процента была низка. Чайлд рассматривает эту низкую норму процента как причину богатства, Манли же утверждает, что низкая норма процента является всего лишь следствием богатства страны.

«Чтобы знать, бедна какая-нибудь страна или богата, надо только спросить: какова там цена денежного процента?» (стр. 74).

«В качестве поборника интересов хитрой и трусливой банды ростовщиков он выставляет свою главную батарею против того пункта, который я сам признал наиболее слабым... Он прямо отрицает, что низкий уровень процента есть причина богатства, и уверяет, что он есть всего лишь следствие богатства» (стр. 120).

«Когда процентная ставка снижается, те, к кому возвращаются выданные ими ссуды, вынуждены покупать земли (цена которых повышается вследствие роста количества покупателей) или помещать деньги в торговлю» (стр.133).

«Пока процентная ставка равна 6%, никто не будет подвергать себя риску, связанному с морской торговлей, чтобы получать от нее только 8— 9%, — прибыль, которою вполне удовлетворены голландцы, получающие деньги за 4 и 3%» (стр. 134).

«Низкая процентная ставка и высокая цена земли заставляют купца продолжать все время заниматься торговлей» (стр. 140).

«Снижение процентной ставки приучает нацию к бережливости» (стр. 144).

«Если торговля есть средство, обогащающее страну, и если уменьшение процентной ставки расширяет торговлю, то снижение процента, или ограничение ростовщичества, есть, без сомнения, первичная и главная причина богатства нации. Нет вообще ничего нелепого в утверждении, что одна и та же вещь в одно и то же [950Ь] время может при известных условиях быть *причиной,* а при других условиях — *следствием»* (стр. 155).

«Яйцо есть причина курицы, а курица есть причина яйца. Таким образом, снижение процента может вызывать увеличение богатства, а увеличение богатства может явиться причиной еще более сильного снижения процента. Снижение процента может быть осуществлено законодательным путем» (стр. 156).

«Я — защитник трудолюбия, а мой противник защищает леность и праздность» (стр. 179).

Здесь Чайлд прямо выступает как поборник интересов промышленного и торгового капитала. [XV—950b]

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В главе о Мальтусе Маркс рассматривает работы, написанные Мальтусом *после появления «Principles» Рикардо* (1817 г.). Трудовой теории стоимости Рикардо, его требованию всемерного развития производительных сил, которому, по Рикардо, должны быть принесены в жертву интересы отдельных людей и даже целых классов, Мальтус пытался в этих сочинениях противопоставить вульгарно-апологетическую теорию, направленную на защиту интересов наиболее реакционных слоев господствующих классов.

О Мальтусе как проповеднике «теории народонаселения» в этой главе говорится только мимоходом. Общая характеристика сочинения Мальтуса о народонаселении дана Марксом во второй части «Теорий прибавочной стоимости», в главе «Замечания об истории открытия так называемого рикардовского закона земельной ренты» (см. настоящий том, часть II, стр. 120, 122, 124—127, 154—155). — *3.*

[2] Впоследствии было установлено, что автором этого анонимного сочинения был Джон Кейзнов. — *3.*

[3] Критика встречающегося у Смита взгляда на стоимость труда как на стандартную меру стоимости и доказательство того, что этот взгляд противоречит другим, более глубоким воззрениям Смита на стоимость, даны Марксом в предыдущих главах его труда. См. настоящий том, часть I, стр. 50—51 и 132, и часть II, стр. 443—446. — *4.*

[4] Имеется в виду главное произведение Рикардо «On the Principles of Political Economy, and Taxation», London, 1817. — *4.*

[5] Отсутствие у Рикардо анализа возникновения прибавочной стоимости и неразрешимость проблемы обмена труда на капитал в ее рикардовской постановке показаны Марксом во второй части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящий том, часть II, стр. 436—441 и 446— 461). — *4.*

[6] Термин *«цена издержек»* («Kostenpreis» или «Kostpreis», «cost price») употребляется Марксом в трех различных смыслах: 1) в смысле издержек производства для капиталиста ($c + v$), 2) в смысле «имманентных

издержек производства» товара ($c + v + m$), которые совпадают со стоимостью товара, и 3) в смысле цены производства ($c + v$ + средняя прибыль). В данном месте текста рукописи этот термин взят в его третьем смысле, т. е. в смысле цены производства.

Если во II части «Теорий прибавочной стоимости» термин «Kostenpreis» (наряду с терминами «средняя цена» и «цена производства») употребляется всегда в смысле цены производства, то в III части «Теорий» он иногда употребляется также и в смысле издержек производства для капиталиста ($c + v$), и в этих случаях он переводится в тексте III части настоящего тома словами «издержки производства» (см., например, настоящий том, часть III, стр. 35, 36, 37—38, 384, 487).

Троякое употребление термина «Kostenpreis» объясняется тем, что слово «Kosten» («издержки», «издержки производства») в экономической науке употреблялось в трех различных значениях, как это специально отмечает Маркс в III части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящий том, часть III, стр. 76—80 и 539—540): 1) в смысле того, что авансировано капиталистом, 2) в смысле цены авансированного капитала плюс средняя прибыль и 3) в смысле реальных (или имманентных) издержек производства для самого товара.

Кроме этих трех значений, встречающихся у классиков буржуазной политической экономии, имеется еще четвертое, вульгарное значение термина «издержки производства», в котором его употребляет Ж. Б. Сэй, определяющий «издержки производства» как «то, что уплачивается за производительные услуги труда, капитала и земли» (J. B. Say. «Traite d'economie politique». Seconde edition. Tome II, Paris, 1814, p. 453). Это вульгарное понимание «издержек производства» Маркс решительно отвергает (см., например, настоящий том, часть II, стр. 140, 233 и 521). — *4.*

[7] *«Profit upon expropriation»* или *«profit upon alienation»* («прибыль от отчуждения») — формулировка Джемса Стюарта, которую Маркс приводит и анализирует в первой части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящий том, часть I, стр. 10—11). — *8.*

[8] Имеется в виду известное сочинение Мальтуса, первое издание которого вышло анонимно в Лондоне в 1798 году: «An Essay on the Principle of Population». В этом сочинении Мальтус утверждал, что нищета трудящихся масс проистекает якобы из того, что размножение людей имеет тенденцию происходить в геометрической прогрессии, тогда как количество предметов потребления может возрастать, самое большее, всего лишь в арифметической прогрессии. — *14.*

[9] О понятиях *«стоимость труда»* и *«количество труда»* у Рикардо см. настоящий том, часть II, стр. 436—446. — *17.*

[10] Формулировка этого определения стоимости составлена Кейзновом на основании высказываний Мальтуса и Адама Смита, у которого Мальтус заимствовал определение стоимости товара количеством живого труда, покупаемым в обмен на этот товар. — *24.*

[11] О концепции *«относительной заработной платы»* у Рикардо см. настоящий том, часть II, стр. 461—469. — *26.*

[12] О понятии *«действительной заработной платы»* («real wages») у Рикардо см. настоящий том, часть II, стр. 443, 446, 461, 468—469, 484 и 619. — *26.*

[13] Эта цитата из Мальтуса почти дословно воспроизводит рассуждение Адама Смита, приводимое в первой части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящий том, часть I, стр. 137): «... труд мануфактурного рабочего обычно *присоединяет к* стоимости материала, который он подвергает обработке, *стоимость своего собственного содержания и прибыль своего хозяина.* Труд домашнего слуги, напротив, не дает никакого увеличения стоимости... Человек *богатеет,* нанимая много мануфактурных рабочих; он беднеет, если содержит много домашних слуг». Формулируя заголовок к этому разделу в характерных для Смита терминах *«Производительный и непроизводительный труд»,* Маркс намекает на то, что этот взгляд Мальтуса был заимствован у Смита. — *27.*

[14] *Лорд-дендриеризм* (или *дендриеризм)* — важничающее фатовство. Лорд Дендриери — персонаж из комедии английского писателя Тома Тейлора «Our American Cousin» («Наш американский родственник»), впервые поставленной на сцене в 1858 году. — *30.*

[15] Далее в рукописи стоят следующие три фразы: «Aber 600:400 = $66^2/_3$ p. c. Der Wert des Gesamtprodukts = 1000 und der in Arbeitslohn ausgelegte Teil desselben = $^6/_{10}$. Was aber die Rechnung des Herrn Malthus?» Последняя фраза образует переход к дальнейшему тексту, но что Маркс хотел сказать двумя первыми фразами, остается неясным. — *31.*

[16] Маркс имеет в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. настоящее издание, т. 13, стр. 52—53. — *32.*

[17] Автор анонимного сочинения «Observations on certain Verbal Disputes in Political Economy» цитирует первое издание книги Мальтуса «Principles of Political Economy» (London, 1820), p. 121. — *33.*

[18] Маркс употребляет здесь, а также иногда в дальнейшем, термин *«cost price»* («Kostpreis», «Kostenpreis») в смысле издержек производства для капиталиста *(c + v).* См. примечание 6. — *35.*

[19] В рукописи здесь стоит слово *«Surplusprodukt»* («прибавочный продукт»), употребленное в том особом смысле, который Маркс специально оговаривает на стр. 703 своей рукописи («прибавочный продукт, т. е. в данном случае избыток продукта над той частью последнего, которая равна постоянному капиталу», см. настоящий том, часть II, стр. 545), — т. е. в смысле *продукта вновь присоединенного труда (v + m).* Если постоянный капитал равен нулю, то *«продукт вновь присоединенного труда»* совпадает со *стоимостью* продукта. — *42.*

[20] Под именем *Абрагама а Санта Клара* известен австрийский проповедник и литератор Ульрих Мегерле (1644—1709), стремившийся пропагандировать католицизм в доходчивой для широкой публики форме и выступавший с «душеспасительными» проповедями и нравоучительными сочинениями, составленными в якобы народном стиле. — *48.*

[21] В других местах Рикардо употребляет слово *«производитель»* («producer») в смысле «капиталист-предприниматель», как это отмечает Маркс в главе «Разное у Рикардо. Джон Бартон» (см. вторую часть настоящего тома, стр. 610; ср. там же цитаты из «Principles» Рикардо,

приводимые Марксом на стр. 467 и 474). Отождествление у Рикардо понятий «производитель» и «рабочий» Маркс отмечает на стр. 465 и 514 второй части настоящего тома. В этом же смысле Рикардо употребляет слово «производитель» и в цитатах, приводимых Марксом на стр. 512 и 605 второй части настоящего тома. — *50.*

[22] Развивая свой утопический проект социальных преобразований, Оуэн доказывал, что экономически, а также с точки зрения устройства домашнего быта наиболее целесообразным является строительство поселка трудовой коммуны в форме *параллелограмма* или *квадрата.* Эти идеи изложены Оуэном в ряде его выступлений, опубликованных в 1817—1821 годах (см. Роберт Оуэн. «Избранные сочинения» с вступительной статьей В. П. Волгина. Том I, М.—JL, 1950, стр. 11—13, 35—36, 100—102, 152, 219—222 и вклейка «Модель коммуны» между стр. 280—281; том II, М.—Л., 1950, стр. 338—339). — *50*

[23] *«Установленной церковью»* («Established Church») в Англии называется английская государственная церковь, «англиканская» церковь. — *52.*

[24] Раздел об *«апологетической трактовке отношения капитала и наемного труда»* остался у Маркса ненаписанным. — *55.*

[25] Под *«Essay on Rent»* («Опыт о ренте») анонимный рикардианец подразумевает брошюру Мальтуса «An Inquiry into the Nature and Progress of Rent, and the Principles by which it is regulated», London, 1815. — *57.*

[26] Под *«планом Спенса»* имеется в виду план национализации земли, с которым начиная с 1775 г. выступал английский социалист-утопист Томас Спенс, требовавший отмены частной собственности на землю и распределения земельной ренты (после покрытия всех налогов и общественных расходов общины) между всеми жителями общины равными для всех долями. — *57.*

[27] В сочинениях Руссо этого высказывания найти не удалось. — *58.*

[28] Автор анонимного сочинения «Outlines of Political Economy» (Кейзнов) излагает здесь рассуждения МакКуллоха, содержащиеся в книге: J. R. MacCulloch. «The Principles of Political Economy». Edinburgh, 1825, p. 181—182. Ср. настоящий том, часть III, стр. 171. — *64.*

[29] Это место из «Wealth of Nations» Адама Смита Маркс приводит и разбирает в первой части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящий том, часть I, стр. 66—68). — *65.*

[30] О том различии между *временем производства* и *рабочим временем,* которое имеет место, в частности, в земледелии, и о связанных с этим особенностях развития капитализма в земледелии Маркс писал в своей рукописи 1857—1858 годов (см. К. Marx. «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie». Moskau, 1939, S. 560—562). Понятие периода производства (в смысле периода, охватывающего, кроме рабочего времени, также и то время, в течение которого предмет труда подвергается воздействию только естественных процессов природы) подробно развито Марксом во втором томе «Капитала», отдел второй, глава 13. Ср. также настоящий том, часть II, стр. 19. — *67.*

[31] Маркс имеет в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. настоящее издание, т. 13, стр. 45—46. — *70.*

[32] Маркс цитирует книгу Джемса Милля «Elements of Political Economy». В первом издании книги Милля это место находится на стр. 74, во втором издании — на стр. 94. Маркс цитирует здесь это место, вероятно, по книге Самюэла Бейли «A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value» (стр. 202), где оно тоже рассматривается как направленное против Торренса. — *72.*

[33] Маркс здесь исходит из предположения, что все издержки производства зерна, фигурирующие у Торренса в количестве 100 квартеров, сводятся к затратам на семена. В действительности же на производство 120 квартеров зерна затрачивается значительно меньшее количество семян — скажем, 20 или 30 квартеров. Остальные 70 или 80 квартеров идут на оплату орудий труда, удобрений, на заработную плату рабочим и т. д. Однако для аргументации Маркса это обстоятельство никакого значения не имеет. — *74.*

[34] Эта характеристика капиталистов как «собратьев» получила у Маркса свое обоснование в III томе «Капитала». Исследовав процесс выравнивания нормы прибыли, при котором «каждый отдельный капиталист точно так же, как и совокупность всех капиталистов каждой отдельной сферы производства, участвует в эксплуатации всего рабочего класса всем капиталом и обусловливает своим участием определенную степень этой эксплуатации» (см. настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 215), Маркс пишет: «... мы имеем здесь математически точное объяснение того, почему капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым» (там же, стр. 217). Ср. также настоящий том, часть II, стр. 21. — *79.*

[35] Эту цитату из книги Джемса Милля Маркс приводит по книге Бейли «A Critical Dissertation» (стр. 217), как это видно по небольшим отклонениям от текста книги Милля. — *84.*

[36] Намек на анонимное полемическое сочинение, направленное против «споров о словах»: «Observations on certain Verbal Disputes in Political Economy, particularly relating to Value, and to Demand and Supply». London, 1821. В дальнейшем (в параграфе 3-м настоящей главы) Маркс дает подробную оценку этому анонимному сочинению. — *85.*

[37] Маркс имеет в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. настоящее издание, т. 13, стр. 80—81. — *86.*

[38] Там же, стр. 160—162. — *86.*

[39] T. R. Malthus. «The Measure of Value Stated and Illustrated». London. 1823, p. 17—18. — *91.*

[40] Во второй части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящий том, часть II, стр. 440 и 442) Маркс, говоря о «злорадстве» Сэя по поводу ссылки Рикардо на закон предложения и спроса при определении «стоимости труда» средствами существования, необходимыми для содержания рабочего, ссылается на французский перевод книги Рикардо,

сделанный Констансио и снабженный примечаниями Сэя. У Маркса здесь неточность. Сэй в своих примечаниях к тексту Рикардо «злорадствует» по поводу того, что при помощи предложения и спроса Рикардо определяет стоимость *денег.* Соответствующее место из примечаний Сэя Маркс приводит в «Нищете философии» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 116). Оно взято из книги: D. Ricardo. «Des principes de l'economie pohtique et de l'impot». Traduit de l'anglais par Constancio, avec des notes explicatives et critiques par J. B. Say. Tome II, Paris, 1835, p. 206—207. — *93.*

41 В приложенном к книге Мак-Куллоха — Прево списке опечаток это место исправлено так: «le fermier de ce dernier acre ne pourrait point eluder son fermage» («арендатор этого последнего акра не мог бы увильнуть от уплаты соответствующей ренты»). — *104.*

42 Маркс имеет в виду то примечание Сэя к 7-й главе «Начал политической экономии» Рикардо (глава «О внешней торговле»), в котором Сэй приводит пример с сахаром, ввозимым во Францию с Антильских островов и стоящим во Франции дешевле, чем стоил бы сахар, производимый в самой Франции. — *104.*

43 В первом очерке своих «Essays on some Unsettled Questions of Political Economy» (London, 1844) Дж. Ст. Милль рассматривает «законы взаимного обмена между народами и распределение выгод торговли между странами торгового мира» и отмечает: «Часто путем торговли с иностранцами мы можем получать их товары с меньшими издержками труда и капитала, чем эти товары стоят самим иностранцам. И тем не менее такая торговля выгодна для иностранцев, потому что тот товар, который они получают взамен от нас, хотя он и стоил нам меньше, обошелся бы им дороже, если бы они производили его сами» (стр. 2—3). — *105.*

44 Под *фиктивным капиталом* Маркс понимает здесь капитал государственного долга, имея в виду, что государство (буржуазное или буржуазно-помещичье) расходует полученные взаймы деньги не как капитал и уплачивает за них проценты из собираемых с населения налогов. Ср. К. Маркс. «Капитал», том III, глава 29-я. — *110.*

45 Маркс ссылается здесь на первый выпуск «К критике политической экономии». См. настоящее издание, т. 13, стр. 124—125. — *114.*

46 У Сэя (J. B. Say. «Traite d'economie politique». Seconde edition. Tome II, Paris, 1814, p. 382) Сказано: «Продукты покупаются лишь на продукты». Критику этого положения Сэя см. во второй части настоящего тома, стр. 548—550 и 555—559. — *119.*

47 Глава 19-я в «Principles» Рикардо называется *«О внезапных переменах в ходе торговли»* («On sudden changes in the channels of trade»), причем под «торговлей» здесь понимается не только торговая, но и производственная деятельность в той или иной стране. Ср. настоящий том, часть II, стр. 553. — *122.*

48 Маркс имеет в виду одну из тех тетрадей, в которых он делал выписки по политической экономии. Первые 63 страницы упоминаемой здесь Марксом VII тетради содержат окончание экономической рукописи

1857—1858 годов (см. K. Marx. «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie». Moskau, 1939, S. 586—764). Начиная со страницы 63а (которая снабжена пометкой Маркса: «Начато 28 февраля 1859 года») в VII тетради содержатся выписки из работ Лютера, Ленге, Галиани, Верри, Паолетти, Мальтуса, Ричарда Джонса и других авторов. На 134-й странице VII тетради Маркс выписал из «Inquiry into those Principles...» (со страниц 110 и 112) ряд мест, в которых анонимный автор критикует и высмеивает Сэя. — *123.*

[49] Маркс ссылается на свою XII тетрадь выписок, на обложке которой рукою Маркса написано: «Лондон, 1851 г., июль». На стр. 13 этой тетради сделаны выписки со страниц 97, 99, 103—104, 106—108 и 111 анонимного «Inquiry».

О земельных собственниках, рента которых понижает прибыль капиталистов, говорится в выписке со страниц 54—55 «Inquiry», находящейся на стр. 12 Марксовой тетради XII. — *124.*

[50] В начале 12-й страницы своей XII тетради выписок Маркс выписывает из «Inquiry into those Principles» (стр. 15) критическое замечание анонимного автора против рассуждения Сэя о том, что перепроизводство в Англии имеет своей причиной недопроизводство в Италии. Ср. настоящий том, часть I, стр. 223, часть II, стр. 590—591, и часть III, стр. 261. — *124.*

[51] Перед этим анонимный автор привел цитату из книги Сэя («Lettres a M. Malthus», Paris, 1820, p. 46), содержащую положение Сэя о том, что «продукты покупаются только на продукты». Это же положение фигурирует у Сэя и в такой форме: «произведенная продукция всегда находит для себя рынок» («An Inquiry into those Principles...», London, 1821, p. 13, 110). — *124.*

[52] *Положенное* (das Gesetzte) — термин гегелевской философии, обозначающий нечто обусловленное в отличие от безусловного, изначального, первичного, — нечто имеющее свое основание не в себе самом, а в чем-то другом. — *130.*

[53] Имеется в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. настоящее издание, т. 13, стр. 20—21 и 35—36. — *131.*

[54] Речь идет о первом выпуске «К критике политической экономии». См. настоящее издание, т. 13, стр. 51—53. — *135.*

[55] [S. Bailey.] «A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value». London, 1825, p. 71—93. Ср. настоящий том, часть II, стр. 551, и часть III, стр. 156—157 и 165. — *153.*

[56] Во всем этом рассуждении под *«порцией»* продукта, достающейся рабочим (соответственно: капиталисту), понимается количество натуральных единиц того продукта, в котором овеществлен вновь присоединенный труд, а под *«пропорцией»* — процентная доля этого продукта, достающаяся той или другой стороне. Если, например, вновь присоединенный труд рабочих был овеществлен в 100 натуральных единицах продукта, причем доля рабочих составляла 60%, а доля капиталиста 40%, то при увеличении количества продукта вдвое (в результате роста производительности труда) и при сохранении прежнего распределения продукта между рабочими и капиталистом «порция» рабочих

увеличится на 60 натуральных единиц, а «порция» капиталиста — только на 40 натуральных единиц. Но если при этом доля капиталиста с 40% увеличится до 48%, то доля рабочих уменьшится с 60% до 52%, хотя их «порция» все же увеличится на 44 натуральных единицы (при одновременном увеличении «порции» капиталиста на 56 натуральных единиц). — *155.*

[57] Если вместо произвольно взятых цифр «50, 60 или 70 квартеров на одного рабочего» подобрать цифры, соответствующие приведенному выше (на стр. 154—155) примеру Бейли, то получим: «$12^{1}/_{2}$, 25 или $37^{1}/_{2}$ квартеров на одного рабочего». — *159.*

[58] D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, p. 13—15. — *168.*

[59] В нумерации страниц рукописи здесь у Маркса описка: вместо «838» проставлено «839». — *169.*

[60] J. R. MacCulloch. «The Principles of Political Economy». Edinburgh, 1825, p. 184—182. Маркс приводит эту цитату по книге Кейзнова «Outlines of Political Economy», London, 1832. См. настоящий том, часть III, стр. 64. — *171.*

[61] D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, p. 1—12. — *173.*

[62] Намек на слова одного из солдат Валленштейна в драме Шиллера «Лагерь Валленштейна» (явление VI):

«Как герцог сморкается, как плюет —
Это вы быстро схватили. А вот
В чем его гений, дух, так сказать, —
Того на парадном смотру не понять». — *175.*

[63] Маркс, очевидно, имеет в виду *второе* издание книги Мак-Куллоха «Principles of Political Economy», вышедшее в 1830 г., так как первое издание этой книги, которое обычно цитируется у Маркса, было опубликовано в 1825 г., т. е. до выхода в свет «Wealth of Nations» Смита с мак-куллоховскими «примечаниями и рассуждениями». — *176.*

[64] *«Основой стоимости товаров»* («the foundation of the value of commodities») Рикардо называет труд в ряде мест своих «Principles» (например, на стр. 80 третьего издания). В качестве *«меры стоимости»* («measure of value») труд характеризуется у Рикардо на стр. 333—334 третьего издания «Principles». Ср. настоящий том, часть III, стр. 140, где Маркс приводит соответствующие места из «Principles» Рикардо. — *180.*

[65] Выражение Фауста из первой части гётевского «Фауста», сцена шестнадцатая («Сад Марты»). Соответствующее место из книги Джемса Милля Маркс привел выше, на стр. 84. — *181.*

[66] Это — цитата из книги Сэя «Traite d'economie politique». Seconde edition. Tome I, Paris, 1814, p. LI—LII. — *184.*

[67] W. Roscher. «System der Volkswirthschaft». Erster Band: «Die Grundlagen der Nationalokonomie». Dritte Auflage. Stuttgart und Augsburg, 1858, S. 82, 191. — *186.*

[68] Раздел о Мак-Куллохе, как и вся глава «Разложение рикардианской школы» (за исключением раздела о Дж. Ст. Милле, написанного весной 1862 г.), написан Марксом в октябре 1862 г. (это отмечено самим Марксом на обложке XIV тетради, в которую входит данная глава). — *189.*

[69] W. Roscher. «System der Volkswirthschaft». Band I: «Die Grundlagen der Nationalokonomie». Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage. Stuttgart und Augsburg, 1858, S. 353.

Маркс называет Рошера именем крупнейшего древнегреческого историка Фукидида в связи с тем, что «господин профессор Рошер скромно объявил себя Фукидидом политической экономии», как пишет Маркс в дальнейшем (см. настоящий том, часть III, стр. 528). Наименование «Фукидид Рошер» имеет сугубо иронический характер: в ряде мест Маркс показывает, что Рошер грубо искажал как историю экономических отношений, так и историю экономических теорий. Ср. настоящий том, часть II, стр. 128—130. — *189.*

[70] Действительным автором этой брошюры был английский публицист Джон Уилсон, печатавшийся под различными псевдонимами. — *189.*

[71] *«The Edinburgh Review, or Critical Journal»* («Эдинбургское обозрение, или Критический журнал») — английский буржуазный литературно-политический журнал, выходил с 1802 по 1929 год. В 20—30-х годах XIX в. выпускался раз в 3 месяца и был органом партии вигов. Большинство статей по экономическим вопросам, публиковавшихся в нем в этот период, принадлежало Мак-Куллоху. — *190.*

[72] *«The Scotsman; or Edinburgh Political and Literary Journal»* («Шотландец, или Эдинбургская политическая и литературная газета») — английская буржуазная газета, выходит с 1817 года. В первой половине XIX в. — орган партии вигов. С момента основания газеты и до 1827 г. в ней печатались статьи Мак-Куллоха, посвященные экономическим вопросам. В 1818—1820 гг. Мак-Куллох был редактором газеты. — *190.*

[73] *«Encyclopaedia Britannica»* («Британская энциклопедия») — многотомный английский (в настоящее время англо-американский) энциклопедический словарь. Выходит с 1768 г. постоянно обновляющимися изданиями. До конца XIX в. издавался в Эдинбурге. — *190.*

[74] Маркс имеет в виду обширное отступление о Дж. Ст. Милле, содержащееся в VII и VIII тетрадях рукописи 1861—1863 годов (стр. 319— 345 рукописи). В соответствии с оглавлением «Теорий прибавочной стоимости», составленным Марксом на обложках своих тетрадей, и с указанием Маркса в тексте VII тетради рукописи (см. настоящий том, часть I, стр. XXIV) раздел о Дж. Ст. Милле перенесен в третью часть настоящего тома, где он напечатан на стр. 194—244.

О «*неправильном приеме исчисления заработной платы как доли в продукте*» Маркс говорит ниже на стр. 230—233. — *191*.

[75] Когда Маркс в начале 1862 г. приступил к написанию своих «Теорий прибавочной стоимости», он мыслил их себе как пятый, заключительный, раздел исследования о процессе производства капитала, непосредственно следующий за разделом о сочетании абсолютной и относительной прибавочной стоимости (см. настоящий том, часть I, стр. VI).

Однако в ходе работы над «Теориями» Маркс пришел к мысли о необходимости вставить между четвертым разделом («Сочетание абсолютной и относительной прибавочной стоимости») и «Теориями прибавочной стоимости» еще два раздела: «Обратное превращение прибавочной стоимости в капитал» и «Результат процесса производства» (см. там же, стр. 424). Это и объясняет ссылку на еще не написанный в октябре 1862 г. (см. примечание 68) раздел о *«Превращении прибавочной стоимости в капитал»,* где должны были быть освещены, в частности, и некоторые взгляды Уэйкфилда. Речь идет в первую очередь о положении Уэйкфилда «труд создает капитал, прежде чем капитал применяет труд», которое приводится Марксом в примечании 22-м к 22-й главе I тома «Капитала», носящей тот же заголовок «Превращение прибавочной стоимости в капитал». — *191.*

[76] Под *«прибавочным продуктом»* («surplus produce») Уэйкфилд понимает ту часть продукта, которая превышает то, что необходимо для «возмещения капитала с обычной прибылью» (*Уэйкфилд,* комментарии ко II тому его издания «Wealth of Nations» А. Смита, стр. 215 и 217). — *192.*

[77] Речь идет о книжке Джона Стюарта Милля «Essays on some Unsettled Questions of Political Economy», London, 1844, которую Маркс цитировал в главе «Теории о производительном и непроизводительном труде» (см. настоящий том, часть I, стр. 165—166). — *194.*

[78] Маркс имеет в виду книгу Джона Стюарта Милля «Principles of Political Economy with some of their Applications to Social Philosophy». In two volumes. London, 1848. — *194.*

[79] Это различение Маркс сформулировал во II тетради рукописи 1861— 1863 годов, в разделе «Превращение денег в капитал» (стр. 88 рукописи), где сказано: «Издержки производства для капиталиста — это только сумма авансированных им стоимостей, так что стоимость продукта оказывается равной стоимости авансированного капитала. С другой стороны, действительные издержки производства продукта равны сумме рабочего времени, содержащегося в продукте. Но сумма рабочего времени, содержащегося в продукте, превышает сумму того рабочего времени, которое капиталист авансировал или оплатил, и этот избыток стоимости продукта над той стоимостью продукта, которая капиталистом *оплачена* или *авансирована,* как раз и образует прибавочную стоимость».

К этому же вопросу Маркс вернулся в XIV тетради, в разделе о Торренсе (см. настоящий том, часть III, стр. 76—80), и в XV тетради, в разделе о вульгарной политической экономии (см. настоящий том, часть III, стр. 539—540). — *197.*

[80] Маркс имеет в виду книгу Джона Стюарта Милля «A System of Logic, Ratiocinative and Inductive, being a connected view of the Principles of Evidence, and the Methods of Scientific Investigation». In two volumes. London, 1843. — *200.*

[81] Согласно ошибочным рассуждениям Милля, приведенным выше на стр. 200, капиталист № 1, применявший постоянный капитал и 60 рабочих, затрачивал для производства 1 квартера хлеба (являющегося заработной платой одного рабочего) $^{6}/_{9}$ квартера хлеба ($^{120}/_{180} = {}^{2}/_{3} = {}^{6}/_{9}$),

а капиталист № 2, обходящийся без постоянного капитала и применяющий 100 рабочих, затрачивает на 1 квартер хлеба всего лишь $^{5}/_{9}$ квартера ($^{100}/_{180} = {}^{5}/_{9}$), т. е. у капиталиста № 2 «издержки производства заработной платы» для одного рабочего *понизились* на $^{1}/_{9}$ квартера, или, другими словами, у капиталиста № 1 эти «издержки производства заработной платы» на одну пятую (на 20%) больше, чем у капиталиста № 2. — *210.*

[82] К вопросу о том, влияет ли на норму прибыли соединение в руках одного капиталиста производства готового продукта с производством постоянного капитала для этого продукта, Маркс возвращается в той же VIII тетради, в которой заканчивается раздел о Дж. Ст. Милле, — на стр. 368 рукописи (см. настоящий том, часть I, стр. 208) — и в середине X тетради, в главе о Родбертусе, на стр. 461—464 рукописи (см. настоящий том, часть II, стр. 43—51). — *223.*

[83] См. примечание 12. — *226.*

[84] Маркс имеет в виду тетради I—V своей рукописи 1861—1863 годов, в которых он развил свою теорию прибавочной стоимости (в разделах: «Превращение денег в капитал», «Абсолютная прибавочная стоимость», «Относительная прибавочная стоимость»). — *234.*

[85] Маркс имеет в виду ту часть своего исследования, которая впоследствии выросла в третий том «Капитала». — *235.*

[86] Маркс здесь впервые формулирует основную идею своего учения о *превращении прибавочной стоимости в среднюю прибыль,* трансформирующем *стоимости* товаров в отличные от них *цены производства.* Это место рукописи написано весной 1862 г. (см. в тексте стр. 229). Ср. также настоящий том, часть I, стр. 71, где впервые появляется термин «средняя цена» для обозначения цены производства, отличающейся от стоимости. Более подробно учение о средней прибыли и ценах производства Маркс развил в июне 1862 г. (в главе о Родбертусе — см. настоящий том, часть II, стр. 19—22, 25, 63—69) и в июле — августе 1862 г. (в связи с критическим анализом системы экономических взглядов Рикардо — см. там же, стр. 186—234). — *242.*

[87] Речь идет о последних 13 страницах VII тетради и первых 14 страницах VIII тетради, на которых написано обширное отступление о Дж. Ст. Милле. См. примечание 74. — *244.*

[88] *«Этот невероятнейший кропатель»* («this most incredible cobbler») — так называет Мак-Куллоха автор брошюры «Some Illustrations of Mr. M'Culloch's Principles of Political Economy». См. выше в тексте стр. 190. — *245.*

[89] Как видно из дальнейших разъяснений Маркса, под *«стоимостью капитала»* («the value of capital») автор памфлета «The Source and Remedy of the National Difficulties» понимает высоту «процента на капитал», т. е. отношение того количества прибавочного труда, которое присваивает себе владелец капитала, к величине применяемого им капитала (под «процентом на капитал» автор памфлета понимает то, что Маркс

называет прибавочной стоимостью, но у автора памфлета здесь имеет место смешение нормы прибавочной стоимости с нормой прибыли: выжимаемый из рабочих прибавочный труд он непосредственно соотносит с авансированным капиталом в целом). — *246.*

[90] Раздел *«Доход и его источники»* Маркс уже в январе 1863 г. планировал для третьей части «Капитала» (см. настоящий том, часть I, стр. 425). Но на обложке XIV тетради, написанной в октябре 1862 г., этот раздел фигурирует в качестве «эпизода», примыкающего к последней главе «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящий том, часть I, стр. 5). И действительно, в XV тетради, написанной в октябре и ноябре 1862 г., имеется большой раздел, посвященный проблеме дохода и его источников, рассматриваемой в связи с критикой вульгарной политической экономии. Но о «фантазии Прайса» там ничего нет. Критический анализ этой фантазии дан Марксом в 24-й главе III тома «Капитала» (см. настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 434—436, 438). — *247.*

[91] Маркс имеет в виду только что вышедшую тогда книгу Кернса «The Slave Power: its Character, Career, and Probable Designs: being An Attempt to Explain the Real Issues involved in the American Contest» (London, 1862). Эту книгу он неоднократно цитирует в I и III томах «Капитала». — *250.*

[92] Маркс имеет в виду рассуждения Сэя (в его «Lettres a M. Malthus», Paris, 1820, p. 15) о том, что если, например, в Италии наблюдается переполнение рынка английскими товарами, то причиной этого является недостаточное производство тех итальянских товаров, которые могли бы быть обменены на английские товары. Эти рассуждения Сэя цитируются в анонимном трактате «An Inquiry into those Principles...» (London, 1821, p. 15) и фигурируют в сделанных Марксом выписках из «An Inquiry into those Principles...» в его записной тетради XII, стр. 12. Ср. настоящий том, часть I, стр. 223, часть II, стр. 590—591, и часть III, стр. 124. — *261.*

[93] Во второй части «Теорий прибавочной стоимости» Маркс приводит и разбирает содержащие эту формулировку цитаты из книги Рикардо (см. настоящий том, часть II, стр. 195, 197 и 442). — *268.*

[94] Под *«индустрией потребления»* («industry of consumption») Рейвнстон понимает производство предметов роскоши и выполнение всякого рода услуг для обладателей собственности. — *269.*

[95] Соответствующее место из книги Гопкинса «On Rent of Land, and its Influence on Subsistence and Population» (London, 1828, p. 126) Маркс привел в главе «Замечания об истории открытия так называемого рикардовского закона земельной ренты» (см. настоящий том, часть II, стр. 147). — *273.*

[96] Маркс имеет в виду ходячее английское выражение «capital *employs* labour» («капитал *применяет* труд»), в котором отразилась самая суть отношения капитала к наемному труду. В XXI тетради своей рукописи 1861—1863 годов, раскрывая смысл «производительности капитала», Маркс пишет: *«... средства производства,* вещественные условия труда — материал труда, средства труда (а также и жизненные средства) — выступают [при капиталистическом способе производства] не как под-

чиненные рабочему; наоборот, рабочий подчинен им. Не он применяет их, а они применяют его. В силу этого они и являются капиталом» (см. настоящий том, часть I, стр. 397; ср. также часть I, стр. 68, часть II, стр. 465—466, и часть III, стр. 114—115). — *275.*

[97] В этом месте рукописи нумерация страниц перепутана: после страницы 864 текст переходит на страницу 867, затем продолжается на страницах 868, 869, 870, 870a, далее на страницах 865, 866 и, наконец, на страницах 870b, 871, 872 и т. д. Переходы от одной несмежной страницы к другой указаны самим Марксом. — *275.*

[98] См. примечание 88. — *276.*

[99] Маркс ссылается на еще не написанный им в то время (октябрь 1862 г.) раздел о первоначальном накоплении, который, согласно плану Маркса (см. настоящий том, часть I, стр. 424), должен был предшествовать «Теориям прибавочной стоимости». Предварительный набросок этого раздела содержится в экономической рукописи 1857—1858 годов (см. К Marx. «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie». Moskau, 1939, S. 363—374). — *281.*

[100] Об основных моментах процесса воспроизводства Маркс говорил в предыдущих главах «Теорий прибавочной стоимости» в связи с критическим анализом воззрений А. Смита и Д. Рикардо. В частности, о необходимости *одновременного* производства и воспроизводства всех элементов того или другого товара речь шла на стр. 90—92 и 128—129 первой части настоящего тома и на стр. 524—525, 538 и 539 второй части. — *288.*

[101] Соображения Корбета о постоянном переполнении рынка и о том, что предложение всегда превышает спрос, изложены на стр. 115—117 его книги «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals; or the Principles of Trade and Speculation Explained», London, 1841. — *296.*

[102] *«The Economist»* («Экономист») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики, выходит в Лондоне с 1843 года; орган крупной промышленной буржуазии. — *298.*

[103] Об *уменьшении наличных запасов товаров* по мере развития торговли и средств сообщения Сисмонди говорит в I томе своих «Etudes sur l'economie politique», Bruxelles, 1837, стр. 49 и следующие. — *298.*

[104] Маркс характеризует здесь деньги как *«только формальное бытие»* («blosses Formdasein») в том смысле, что потребительная стоимость денег, «хотя и реально существующая, выступает в самом процессе [обмена] как только формальное бытие, которое должно еще реализоваться путем превращения в действительные потребительные стоимости» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 35). — *302.*

[105] Маркс имеет в виду книгу Самюэла Ленга (младшего) «National Distress; its Causes and Remedies», London, 1844, p. 149—154. В 115-м примечании к 23-й главе I тома «Капитала» Маркс приводит выдержку из этой книги, характеризующую крайне тяжелые жилищные условия рабочих в крупных капиталистических городах. — *303.*

[106] О *фетишистском характере* товара, денег и капитала Маркс говорит в первом выпуске «К критике политической экономии» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 20—23, 35—36 и 136—137). — *306.*

[107] В написанном примерно за полгода до этих рассуждений о Годскине незаконченном разделе об английском социалисте Брее Маркс приводит, между прочим, такие слова Брея: «Не капиталист, а капитал имеет существенное значение для операций производителей. Между капиталом и капиталистом существует такая же большая разница, как между грузом корабля и накладной, сопровождающей этот груз» (см. настоящий том, часть III, стр. 333). — *307.*

[108] Эти сопоставления слов различных индоевропейских языков Маркс взял у «одного бельгийского этимолога», как он сообщает Энгельсу в письме от 16 июня 1864 г., причем сам Маркс, как видно из этого же письма, не был уверен в том, что все они достаточно обоснованы. «Один бельгийский этимолог» — это Оноре Жозеф Шаве, автор книги «Essai d'étymologie philosophique» (Bruxelles, 1844). Ссылки на французское слово «valeur» и английское слово «value», вставленные во вторую цитату из книги Шаве, добавлены самим Марксом. В книге Шаве немецкое слово «walle» (фигурирующее во второй цитате) снабжено пометкой о том, что это — устаревшая, вышедшая из употребления форма. — *308.*

[109] Непосредственно следующая за этим местом фраза в брошюре Годскина поясняет, что Годскин имеет здесь в виду под «подведением некоторого рода баланса»: «Капиталисты позволяют рабочим иметь средства существования, ибо они не могут обходиться без труда рабочих, и весьма великодушно довольствуются тем, что берут себе каждую частицу продукта, которая не является необходимой для этой цели», т. е. для обеспечения физического минимума заработной платы. — *309.*

[110] Имеется в виду книга Чалмерса «On Political Economy in connexion with the Moral State and Moral Prospects of Society», 2nd edition, Glasgow, Edinburgh, Dublin and London, 1832, стр. 88—89 и др. — *323.*

[111] См. примечание 23. — *323.*

[112] Маркс ссылается на свою IX тетрадь выписок, относящуюся к 1851 году. На стр. 47 этой тетради сделаны выписки со страниц 252—256 книги Годскина «Popular Political Economy» (см. русский перевод Сочинений Годскина, стр. 205—207). — *330.*

[113] Раздел о Брее остался у Маркса незаконченным. Фактически Маркс ограничился только тем, что собрал наиболее важные высказывания Брея как «противника политико-экономов». Утопическое учение Брея о «равном обмене» как средстве для устранения тех несправедливостей, жертвой которых является рабочий класс, Маркс подверг критическому анализу еще в «Нищете философии» (1847 г.), в § II первой главы, озаглавленном «Конституированная, или синтетическая, стоимость» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 102—109). О взглядах Брея на сущность и роль денег см. у Маркса: рукопись 1847 года «Заработная плата» (настоящее издание, т. 6, стр. 584); «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie» (Moskau, 1939), S. 55, 690, 754; письмо Маркса к

Энгельсу от 2 апреля 1858 года; «К критике политической экономии» (настоящее издание, т. 13, стр. 70). — *331.*

[114] Маркс имеет в виду «Таблицу доходов и расходов различных семейств в Англии в 1688 году», составленную одним из первых английских статистиков Грегори Кингом и включенную Чарлзом Давенантом в свою книгу «An Essay upon the Probable Methods of making a People Gainers in the Ballance of Trade» (London, 1699). Об этой «Таблице» Маркс говорит в первой части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящий том, часть I, стр. 161). — *336.*

[115] Под термином *«средняя цена»* («average price», «Durchschnittspreis») Маркс понимает здесь то же самое, что под термином «цена производства», т. е. издержки производства *(c + v)* плюс средняя прибыль. Самый термин «средняя цена» указывает на то, что здесь имеется в виду «средняя рыночная цена за более или менее продолжительный период, или та центральная точка, к которой тяготеет рыночная цена», как Маркс разъясняет на стр. 348 второй части настоящего тома. Впервые этот термин встречается у Маркса на стр. 71 первой части настоящего тома. Во второй части тома он много раз встречается в главах о Родбертусе и Рикардо наряду с терминами «цена издержек» и «цена производства». — *342.*

[116] Маркс имеет в виду отдел *«Капитал и прибыль»,* который был начат им в XVI тетради рукописи 1861—1863 годов (эта XVI тетрадь помечена декабрем 1862 г., тогда как тетрадь XVIII, в которой содержатся главы о Рамсее, Шербюлье и Джонсе, помечена январем 1863 г.). Вопрос о *превращении стоимостей в цены производства* Маркс предполагал рассмотреть во второй главе отдела «Капитал и прибыль», как это видно из наброска плана этой главы, написанного вскоре после главы о Рамсее (см. настоящий том, часть I, стр. 425—426). Отдел «Капитал и прибыль» вырос в дальнейшем в III том «Капитала».

О сформулированных Давидом Рикардо *«исключениях»* из определения стоимости рабочим временем Маркс подробно говорит во второй части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящий том, часть II, стр. 186—219; ср. также часть III, стр. 67). — *344.*

[117] Если в первоначальном расчете предполагалось, что во втором случае издержки производства на орудия труда и на рабочую силу исчисляются уже по той вдвое меньшей стоимости одного квартера хлеба, которая определилась в результате удвоившегося урожая, то теперь Маркс обращает внимание на то обстоятельство, что это понижение стоимости одного квартера произошло лишь *осенью* второго года, а до осени стоимость квартера была вдвое выше. Поэтому если в первоначальном расчете издержки производства во втором случае выражались суммой $20c + 40c + 40v = 100$ квартеров, то теперь оказывается, что они выражаются той же суммой, как и для первого случая, т. е. суммой $20c + 20c + 20v = 60$ квартеров. Так как урожай во втором случае равен 200 квартерам, то на долю прибыли остается 140 квартеров. — *352.*

[118] Маркс имеет в виду книгу вульгарного немецкого экономиста Рошера «Die Grundlagen der Nationalokonomie», 1858, S. 385, где Рошер, говоря о разделении прибыли на предпринимательскую прибыль и процент, ссылается на «Outline» Сениора. Указывая, что разделение прибыли на «предпринимательскую прибыль» и «чистую прибыль

с капитала» было известно уже в 1821 и 1822 гг., Маркс, по всей вероятности, имеет в виду анонимное сочинение «An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption» (London, 1821), p. 52— 53, и книгу Гопкинса «Economical Enquiries relative to the Laws which regulate Rent, Profit, Wages, and the Value of Money» (London, 1822), p. 43—44. — *365.*

[119] Маркс имеет в виду работу Шторха «Cours d'economie politique», Paris, 1823, том I, книга III, глава XIII. — *267.*

[120] О *кооперативных фабриках рабочих в Англии* см. настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 97, 425—428 и 483—484. Ср. также настоящий том, часть III, стр. 522—523. — *368.*

[121] Маркс имеет в виду книгу Корбета «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals; or the Principles of Trade and Speculation Explained», London, 1841, p. 100—102. — *369.*

[122] *«The Morning Star»* («Утренняя звезда») — английская ежедневная газета, орган манчестерских фритредеров Кобдена и Брайта; выходила в Лондоне с 1856 по 1869 год. — *373.*

[123] Здесь речь идет о плане «Теорий прибавочной стоимости». В записанном Марксом на обложке XIV тетради плане последних глав «Теорий» содержится пункт *«п)* Шербюлье» (см. настоящий том, часть I, стр. 5), в соответствии с которым и написана настоящая глава. Что касается Сисмонди, то его взгляды Маркс предполагал рассмотреть не в «Теориях прибавочной стоимости», а в той дальнейшей части своего труда, которая должна была трактовать о «Конкуренции капиталов и кредите» (см. об этом настоящий том, часть III, стр. 49). — *374.*

[124] *«Коммерческой прибылью»* («profit mercantile») Шербюлье называет прибыль отдельного капиталиста, в отличие от прибыли всего общества. — *382.*

[125] Под *«добывающими отраслями производства»* («industries extractives») Шербюлье понимает не только добычу полезных ископаемых, заготовку леса, рыболовство, охоту, но также и все виды сельского хозяйства, производящие сельскохозяйственное сырье. — *382.*

[126] Далее в рукописи, в виде заключенного в квадратные скобки отступления, набросан план 2-й главы III части «Капитала», где Маркс предполагал исследовать вопрос об *образовании общей нормы прибыли.* В настоящем издании этот план напечатан в «Приложениях» к первой части 26-го тома (стр. 425—426). — *389.*

[127] Маркс имеет в виду исследование торгового капитала, содержащееся в тетрадях XV и XVII рукописи 1861—1863 годов, в особенности стр. 964 (тетрадь XV) и стр. 1030 (тетрадь XVII). — *410.*

[128] Маркс имеет в виду рассуждения Джемса Милля в его книге «Elements of Political Economy», London, 1821 (глава 4, раздел 5: «Налоги на земельную ренту»), где Милль доказывает целесообразность оплаты всех расходов государства за счет *всей* земельной ренты в тех случаях, когда земля еще не является частной собственностью, и за счет *при-*

роста земельной ренты в тех случаях, когда земля уже является частной собственностью и когда имеет место рост земельной ренты по сравнению с ее прежним уровнем. — *412.*

[129] «Первым последствием нынешнего распределения богатств» Шербюлье называет неравенство между богатыми и зависящими от них бедняками. — *413.*

[130] Маркс имеет в виду помещенную без подписи в томе LIV этого журнала (август — декабрь 1831 г.) рецензию на только что вышедшую тогда книгу Джонса «An Essay on the Distribution of Wealth». — *414.*

[131] *Райят* — индийский крестьянин. Джонс применяет этот термин к таким крестьянам в Индии и других азиатских странах, которые платили ренту-налог продуктами суверену, считавшемуся верховным собственником всей земли. — *415.*

[132] Под термином *«коттер»* («cottier») Джонс понимает ирландского безземельного крестьянина, арендующего у лендлорда клочок пахотной земли за определенную денежную плату. — *416.*

[133] Эта формулировка А. Смита находится в 3-й главе II книги его «Wealth of Nations» (см. А. Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов». Том I, М.—Л., 1935, стр. 282). — *426.*

[134] Далее в рукописи идет коротенькая вставка, относящаяся к главе о Рамсее и помещенная в третьей части настоящего тома, в виде подстрочной сноски, на стр. 365. — *429.*

[135] То, что Джонс называет *«рабочим фондом»* («Labor Fund»), у Мальтуса фигурирует под названием «фонды для содержания труда» («funds for the maintenance of labour»). Этот термин многократно встречается уже в первом издании мальтусовского «Essay on the Principle of Population» (London, 1798, стр. 303, 305, 306, 307, 312, 313 и др.). В пятом издании (London, 1817) он встречается главным образом в 5-й и 6-й главах III книги. Встречается он также и в «Principles of Political Economy» Мальтуса, например в месте, цитируемом в третьей части настоящего тома на стр. 28. — *429.*

[136] В «Лекциях о труде и капитале» Джонс говорит о Варвике следующее: «Знаменитому графу Варвику, «делателю королей», приходилось, как рассказывают, ежедневно кормить в своих замках и домах 40 тысяч человек» (Р. Джонс. «Экономические сочинения». Ленинград, 1937, стр. 280). — *432.*

[137] Эта же цитата вновь дается Марксом на последней странице XVIII тетради (стр. 1157 рукописи), где она снабжена приводимыми здесь дополнительными замечаниями Маркса. — *434.*

[138] О *доходах и их источниках* Маркс трактует во второй половине XV тетради рукописи 1861—1863 годов, вскрывая в этой связи классовые и гносеологические корни вульгарной политической экономии (см. настоящий том, часть III, стр. 471—568). Этот «эпизод», как его на обложке XIV тетради называет Маркс, т. е. экскурс или добавление к основному тексту «Теорий прибавочной стоимости», в дальнейшем

предназначался Марксом для третьей части «Капитала», как это видно из составленного им в январе 1863 года плана этой части, согласно которому девятая глава должна была иметь заголовок «Доход и его источники» (см. настоящий том, часть I, стр. 425). — *440.*

[139] У Маркса неточность: из двух английских экономистов, о которых здесь идет речь, только Джонс был попом. — *445.*

[140] Далее в рукописи, в виде заключенного в квадратные скобки отступления, набросан план III части, или III отдела, «Капитала» — «Капитал и прибыль». В настоящем издании этот план напечатан в «Приложениях» к первой части 26-го тома (стр. 425). — *446.*

[141] Далее в рукописи (на стр. 1140—1144) содержатся: набросок плана I части, или I отдела, «Капитала» — «Процесс производства капитала», — напечатанный в настоящем издании в «Приложениях» к первой части 26-го тома (стр. 424), а затем выписки из газет, журналов и книг по вопросам о высоте процентной ставки, об эксплуатации рабочего класса капиталистами, о различных соотношениях между постоянным и переменным капиталом. Некоторые из них приведены Марксом в I и III Томах «Капитала». Небольшой отрывок со стр. 1142, касающийся апологетического взгляда вульгарной политической экономии на прибыль как на «заработную плату» капиталиста, напечатан в «Приложении» к третьей части настоящего тома, стр. 523. — *447.*

[142] Джонс цитирует здесь физиократический ежемесячник «Ephēmērides du Citoyen» («Календарь гражданина») за 1767 г., часть III, стр. 56. — *450.*

[143] Маркс имеет в виду книгу французского врача и путешественника Франсуа Бернье «Voyages contenant la description des Etats du Grand Mogol», вышедшую впервые в 1670—1671 гг. в Париже и потом неоднократно переиздававшуюся. В письме к Энгельсу от 2 июня 1853 года Маркс приводит длинные выдержки из этой работы Бернье, в том числе и то место, где проводится сравнение индийских городов с военными лагерями (см. настоящее издание, т. 28, стр. 214—215). — *453.*

[144] Маркс рассматривает здесь вопрос о *рентабельности применения нового основного капитала.* Капиталист будет применять добавочный основной капитал только в том случае, если дополнительные расходы по возмещению износа компенсируются уменьшением себестоимости единицы продукта вследствие увеличения его количества. Мысль Маркса может быть иллюстрирована следующим примером.

Пусть при ручном прядении производится 10 фунтов пряжи общей стоимостью в 10 ф. ст., из которых 8 ф. ст. затрачиваются на сырье и 2 ф. ст. — на рабочую силу (прибыль Маркс оставляет здесь в стороне). Стало быть, стоимость 1 фунта пряжи при ручном прядении равна 1 ф. ст. Пусть, далее, в результате введения машин количество производимой пряжи увеличилось в 100 раз (1000 фунтов вместо 10), причем затраты на сырье также возросли в 100 раз, а затраты на. рабочую силу возросли в меньшей степени, например в 10 раз. В таком случае стоимость 100 фунтов пряжи равна 800 ф. ст. (затраты на сырье) + 20 ф. ст. (затраты на рабочую силу) + 164 ф. ст. (износ основного капитала в этом случае составляет, по предположению Маркса, $^1/_6$ стоимости пряжи), т. е. равна 984 ф. ст. Цена 1 фунта пряжи состав-

ляет в этом случае примерно $^{9}/_{10}$ ф. ст., т. е. пряжа подешевела по сравнению с ручным прядением. Это означает, что применение машин оказалось здесь рентабельным.

Если же количество пряжи увеличилось только в 10 раз (100 фунтов вместо 10), то стоимость пряжи теперь равна 80 ф. ст. (затраты на сырье) + 12 ф. ст. (затраты на рабочую силу, возросшие, допустим, в 6 раз) + $10^{2}/_{9}$ ф. ст. (величина износа основного капитала, согласно предположению Маркса, уменьшилась теперь до $^{1}/_{10}$ стоимости пряжи), т. е. равна $102^{2}/_{9}$ ф. ст. Стоимость одного фунта пряжи теперь превышает 1 ф. ст. Это означает, что, несмотря на относительное уменьшение расходов на возмещение износа основного капитала (с $^{1}/_{6}$ до $^{1}/_{10}$), пряжа, произведенная при помощи машин, была бы в этом случае дороже пряжи, произведенной ручным способом. Следовательно, применение машин оказалось бы здесь для капиталиста нерентабельным. — *455.*

[145] Во II томе «Капитала» Маркс указывает, что часть веществ, внесенных в почву для ее улучшения, в течение более или менее длительного времени «продолжает существовать в качестве средств производства и потому приобретает форму основного капитала» (см. настоящее издание, т. 24, стр. 179). В этом смысле Маркс и говорит в тексте о «возмещении износа» гуано, внесенного в почву. — *455.*

[146] *Общество искусств и ремесел* (Society of Arts) — буржуазно-просветительное и филантропическое общество, основанное в Лондоне в 1754 году. Доклад Мортона был напечатан в еженедельнике Общества «Journal of the Society of Arts» («Журнал Общества искусств и ремесел»), в номере от 9 декабря 1859 г. Цитируемое Марксом место находится на стр. 56 этого номера журнала. — *463.*

[147] В набросанном на обложке XIV тетради плане заключительных глав «Теорий прибавочной стоимости» после главы «Ричард Джонс», снабженной помещенной в скобки пометкой «Конец этой 5-й части», Маркс написал: *«Эпизод: Доход и его источники»* (см. настоящий том, часть I, стр. 5), а в набросанном на обложке XV тетради перечне содержания этой тетради имеется пункт *«Вульгарная политическая экономия»* (там же, стр. 5). Этим двум темам — «доходу и его источникам» и «вульгарной политической экономии» — посвящена значительная часть XV тетради рукописи, причем трактуются они в тесной переплетенности друг с другом. В этой тетради (она написана в октябре — ноябре 1862 г.) Маркс на 890-й странице рукописи прервал анализ взглядов Годскина ради «эпизода» (т. е. экскурса) о доходе и его источниках и о вульгарной политической экономии, которая цепляется за поверхностную видимость фетишизированных форм дохода и его источников, строя на этом свои апологетические теории. В дальнейшем ходе изложения относящихся сюда вопросов (в той же XV тетради) этот «эпизод» перешел сначала в анализ ссудного капитала, тесно связанный с критикой вульгарной политической экономии, а затем в анализ торгового капитала как одной из таких сфер капиталистического хозяйства, где прибавочная стоимость не создается, а только распределяется. Тем самым Маркс постепенно вышел за рамки непосредственного предмета «Теорий прибавочной стоимости» как историко-критической части своего труда.

Исследование торгового капитала Маркс продолжал до самого конца XV тетради, но следующая, XVI тетрадь его рукописи (декабрь

1862 г.) открывается заголовком: «Глава третья. Капитал и прибыль». Основным содержанием этой тетради является то исследование, которое в 1865 г. было широко использовано Марксом при написании первого и второго отделов III тома «Капитала», посвященных превращению прибавочной стоимости в прибыль и нормы прибавочной стоимости в норму прибыли, а также превращению прибыли в среднюю прибыль. В конце XVI тетради Маркс перешел к «важнейшему, — как он говорит, — вопросу в этом разделе», к анализу причин, вызывающих падение нормы прибыли по мере развития капиталистического способа производства. Это изложение, впоследствии переработанное Марксом для отдела третьего («Закон тенденции нормы прибыли к понижению») III тома «Капитала», было закончено лишь в начале следующей, XVII тетради рукописи Маркса (декабрь 1862 — начало января 1863 г.).

В XVII тетради, начиная со страницы 1029 рукописи, Маркс вновь обращается к анализу торгового капитала, продолжая текст XV тетради своей рукописи. Однако и здесь изложение вопроса о торговом капитале было Марксом прервано, на этот раз ради «эпизода», озаглавленного: «Возвратные движения денег в процессе капиталистического воспроизводства». Этот довольно обширный «эпизод» был закончен Марксом лишь в начале XVIII тетради (январь 1863 г.) словами: «Дальнейшее рассмотрение этого вопроса должно быть отложено», после чего Маркс вновь (на стр. 1075 рукописи) вернулся к исследованию торгового капитала, на этот раз рассматривая взгляды различных авторов по этому вопросу. Все это исследование торгового капитала, содержащееся в XV, XVII и XVIII тетрадях рукописи, было в значительной мере использовано Марксом в 1865 г. при написании четвертого отдела III тома «Капитала». Закончив свое исследование торгового капитала, Маркс (на стр. 1084 рукописи) вновь обратился к «Теориям прибавочной стоимости», к прерванному в XV тетради разделу о Годскине.

Из всего перечисленного здесь обширного материала XV— XVIII тетрадей рукописи 1861—1863 годов в настоящее издание «Теорий прибавочной стоимости» в соответствии с планом самого Маркса включен, в виде «Приложения», лишь содержащийся в XV тетради (стр. 891—950) раздел: «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия». Им завершается вся историко-критическая часть труда Маркса. — *471.*

[148] Под *«этим общим отделом»* («dieser allgemeine Abschnitt») Маркс понимает отдел о «капитале вообще» («das Kapital im allgemeinen»), который, согласно плану 1858—1862 годов, должен был состоять из трех частей («Процесс производства капитала», «Процесс обращения капитала» и «Единство того и другого, или Капитал и прибыль») и за которым должны были следовать три отдела более специального характера: «Конкуренция капиталов», «Кредит» и «Акционерный капитал» (см. настоящий том, часть I, стр. VI). В ходе дальнейшей работы Маркса над «Капиталом» в разделы «Процесс производства капитала», «Процесс обращения капитала» и «Единство того и другого, или Капитал и прибыль» постепенно было включено также и многое из того, что, согласно первоначальному плану, не входило в круг вопросов, отнесенных Марксом к отделу «Капитал вообще». В частности, многие проблемы, касающиеся *кредита* и *кредитной системы,* нашли себе место в III томе «Капитала», выросшем из раздела «Капитал и прибыль». — *483.*

[149] Маркс имеет в виду I тетрадь своей рукописи 1861—1863 годов, начинающуюся разделом «Превращение денег в капитал». Первый параграф этого раздела озаглавлен: «*Д—Т—Д.* Наиболее общая форма капитала» (стр. 1—6 рукописи 1861—1863 годов). — *488.*

[150] Имеется в виду Прудон, который в своей полемике с Бастиа (в 1849— 1850 гг.) ратовал за «безвозмездность кредита». Маркс подвергает критике этот взгляд Прудона ниже, на стр. 935—937 своей рукописи (см. стр. 550—554 третьей части настоящего тома). — *490.*

[151] *Credit Mobilier* (полное название Societe generale du Credit Mobilier) — крупный французский акционерный банк, учрежденный в 1852 г., который приобрел известность своими спекулятивными финансовыми операциями и в конце концов обанкротился (в 1867 г.). В 1856—1857 гг. Маркс написал 6 газетных статей о спекулятивной деятельности этого банка — для лондонской чартистской газеты «The People's Paper» («Народная газета») и американской газеты «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская ежедневная трибуна»). См. настоящее издание, т. 12, стр. 21—37, 209—217 и 300—303, а также т. 13, стр. 79 и 176. — *490.*

[152] В III томе «Капитала» (см. настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 369) Маркс указывает, что определение средневекового купца как всего лишь «передатчика» («Verleger») товаров, произведенных ремесленниками или крестьянами, принадлежит Поппе. Оно содержится в книге: J. H. M. Poppe. «Geschichte der Technologie seit der Wiederherstellung der Wissenschaften bis an Ende des achtzehnten Jahrhunderts». Band I, Gottingen, 1807, S. 70. — *491.*

[153] A. R. J. Turgot. «Reflexions sur la formation et la distribution des richesses» (1766), §§ 73 et 85. — *501.*

[154] Маркс имеет в виду 6-ю главу I книги «Wealth of Nations» Смита (см. А. Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов». Том I, М.—Л., 1935, стр. 46). — *521.*

[155] Цитаты о *надсмотрщиках над рабами* Маркс привел в написанной 2—3 года спустя 23-й главе III тома «Капитала» (см. настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 422—424). — *521.*

[156] Нескромная ссылка Рошера на Фукидида содержится в предисловии Рошера к первому изданию его книги «Die Grundlagen der National-okonomie» (1854 г.). — *528.*

[157] Обоснованию правомерности и целесообразности *налога на собак* Арнд посвятил в своей книге специальный параграф (§ 88, стр. 420— 421). — *530.*

[158] *«The Westminster Review»* («Вестминстерское обозрение») — английский буржуазный журнал либерального направления, издавался в Лондоне с 1824 по 1914 г., выходил четыре раза в год. — *534.*

[159] См. примечания 6 и 18. В данном месте текста рукописи термин «Kostenpreis» употреблен Марксом в смысле $c + v$. — *539.*

[160] В составленном в январе 1863 г. плане третьей части «Капитала» предпоследняя, 11-я глава носит заголовок *«Вульгарная политическая*

экономия» (см. настоящий том, часть I, стр. 425). План этот составлен через полтора-два месяца после написания раздела «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия» в XV тетради рукописи 1861—1863 годов. — *550.*

[161] Маркс имеет в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. настоящее издание, т. 13, стр. 41 и 70. — *550.*

[162] *«La Voix du Peuple»* («Голос народа») — прудонистская ежедневная газета, выходила в Париже с 1 октября 1849 по 14 мая 1850 г. — *553.*

[163] Маркс имеет в виду сочинение Бентама «Defence of Usury», вышедшее в Лондоне первым изданием в 1787 г., вторым — в 1790 г. и третьим — в 1816 г. — *555.*

[164] Имеется в виду заем в 100 гульденов с условием уплаты процентов в три срока на Лейпцигских ярмарках. В Лейпциге ежегодно устраивались три ярмарки: новогодняя, пасхальная (весенняя) и в Михайлов день (осенью). — *556.*

[165] У Маркса здесь неточность. Отрывок, озаглавленный им «О ростовщичестве, о капитале, приносящем проценты», взят не из сочинения Лютера «Von Kauffshandlung und Wucher» (1524), а из другого сочинения Лютера — «An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen» (1540), — которое рассматривается Марксом в дальнейшем, под пунктом III. — *556.*

[166] Взгляд Аристотеля на процент как на нечто противное природе вещей, высказанный в I книге его «Политики», рассматривается Марксом в 4-й главе I тома «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 175).— *561.*

[167] См. примечание 163. — *565.*

[168] Маркс допускает неточность. Томас Манли был автором не трактата «Interest of Money Mistaken», вышедшего анонимно в Лондоне в 1668 г., а другого трактата, по содержанию очень близкого к первому и вышедшего в Лондоне в 1669 г. под заглавием «Usury at 6 per cent examined and found unjustly charged by Sir Thos. Culpeper and J. C.» («Шестипроцентное ростовщичество. Рассмотрение вопроса, показывающее несправедливость обвинений против шестипроцентной ставки, выдвинутых сэром Томасом Калпепером и Дж. Ч[айлдом]»). Кто был автором трактата «Interest of Money Mistaken», не установлено. — *567.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Ш

Ю

Я

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМОЙ И УПОМИНАЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

*Aristoteles. De republica libri VIII. In: *Aristotelis* opera ex recensione I. Bekkeri. Tomus X. Oxonii, 1837 *(Аристотель.* Политика (восемь книг). В книге: *Аристотель.* Сочинения. Издание И. Беккера, Том X. Оксфорд, 1837). — 561, 563.

Arnd, K. Die naturgemasse Volkswirthschaft, gegenuber dem Monopoliengeiste und dem Communismus, mit einem Ruckblicke auf die einschlagende Literatur. Hanau, 1845 *(Арнд, К.* Сообразная природе политическая экономия в противопоставлении духу монополий и коммунизму, с обзором относящейся сюда литературы. Ханау, 1845). — 530.

[*Bailey, S.*] A Critical dissertation on the nature, measures, and causes of value; chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers. By the author of Essays on the formation and publication of opinions. London, 1825 ([*Бейли, С.*] Критическое исследование о природе, мерах и причинах стоимости; главным образом в связи с работами г-на Рикардо и его последователей. Сочинение автора «Очерков о формировании и опубликовании мнений». Лондон, 1825). — 20— 21, 85, 110, 125, 134, 139, 142, 145-146, 148—150, 153—157. 161—166, 168—170.

[*Bailey, S.*] A Letter to a political economist; occasioned by an article in the «Westminster Review» on the subject of value. London, 1826 ([*Бейли, С.*] Письмо одному политико-эконому; по поводу статьи в журнале «Вестминстерское обозрение» по вопросу о стоимости. Лондон, 1826). — 125—126.

Banfield, T. C. The Organization of industry, explained in a course of lectures, delivered in the University of Cambridge in Easter term 1844. Second edition. London, 1848 *(Банфилд, Т. Ч.* Организация хозяйства. Курс лекций, прочитанный в Кембриджском университете в пасхальном семестре 1844 года. Издание второе.

* В тех случаях, когда не удалось установить с достоверностью, каким изданием той или иной работы пользовался Маркс, в данном указателе приводится ее первое издание.

В квадратные скобки заключены выявленные имена авторов книг, вышедших анонимно. Звездочкой отмечены работы, переведенные на русский язык.

Лондон, 1848). Первое издание вышло в Лондоне в 1845 году. — 336.

Bastiat, Fr. Gratuite du credit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon. Paris, 1850 (*Бастиа, Фр.* Безвозмездность кредита. Дискуссия между г-ном Фр. Бастиа и г-ном Прудоном. Париж, 1850). — 552—554.

Bentham, J. Defence of usury. London, 1787 *(Бентам, И.* Защита ростовщичества. Лондон, 1787). — 555, 565.

**Bernier, F.* Voyages de Francois Bernier, contenant la description des Etats du Grand Mogol, de l'Indoustan, du royaume de Cachemire, etc. Tomes I—II. Paris, 1830 *(Бернье, Ф.* Путешествия Франсуа Бернье, содержащие описание государств Великого Могола — Индостана, королевства Кашмирского и т. д. Тома I—II. Париж, 1830). Первое издание этой книги вышло в виде двух двухтомников маленького формата: Histoire de la derniere revolution des Etats du Grand Mogol. Tomes I—II. Paris, 1670 (История последнего переворота в государствах Великого Могола. Тома I—II. Париж, 1670) и Suite des Memoires du sieur Bernier sur l'empire du Grand Mogol. Tomes III—IV. Paris, 1671 (Продолжение Записок г-на Бернье об империи Великого Могола. Тома III—IV. Париж, 1671). — 453.

**Bray, J. F.* Labour's wrongs and labour's remedy; or, the Age of might and the age of right. Leeds, 1839 *(Брей, Дж. Ф.* Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению, или Век силы и век справедливости. Лидс, 1839). — 331—336.

Cairnes, J. E. The Slave power: its character, career, and probable desings: being an attempt to explain the real issues involved in the american contest. London, 1862 *(Кернс, Дж. Э.* Рабовладение: его характер, путь и вероятные перспективы. Попытка объяснить действительные предметы споров, лежащие в основе американского конфликта. Лондон, 1862). — 250.

Carey, H. C. Principles of political economy. Parts I—III. Philadelphia, 1837—1840 (*Кэри, Г. Ч.* Начала политической экономии. Части I—III. Филадельфия, 1837—1840). — 186.

[Cazenove, J.] Outlines of political economy; being a plain and short view of the laws relating to the production, distribution, and consumption of wealth. London, 1832 *([Кейзнов, Дж.]* Очерки политической экономии, представляющие собой общепонятный и краткий обзор законов, относящихся к производству, распределению и потреблению богатства. Лондон, 1832). — 3, 59—64, 172.

Cazenove, J. Preface, notes, and supplementary remarks to a new edition of Malthus' Definitions in political economy — см. *Malthus, Th. R.* Definitions in political economy.

Chalmers, Th. On political economy in connexion with the moral state and moral prospects of society. Second edition. Glasgow, Edinburgh, Dublin and London, 1832 *(Чалмерс, Т.* О политической экономии в ее связи с нравственным состоянием и нравственными перспективами общества. Издание второе. Глазго, Эдинбург, Дублин и Лондон, 1832). Первое издание вышло там же в том же 1832 году. — 52, 323.

Chavee, II. J. Essai d'etymologie philosophique. Bruxelles, 1844 *(Шаве, О. Ж.* Опыт философской этимологии. Брюссель, 1844). — 307—308.

Cherbuliez, A. Richesse ou pauvrete. Paris, 1841 *(Шербюлье, А.* Богатство или бедность. Париж, 1841). Первое издание вышло в Париже и Женеве в 1840 году под названием «Riche ou pauvre» — «Богатый или бедный». — 374, 382, 384—392, 395—396. 411—413.

Child, J. Traites sur le commerce et sur les avantages qui resultent de la reduction de l'interest de l'argent. Avec un petit traite contre l'usure, par Thomas Culpeper. Traduits de l'anglois. Amsterdam et Berlin, 1754 *(Чайлд, Дж.* Трактаты о торговле и о выгодах, проистекающих из снижения процента с денег. С маленьким трактатом против ростовщичества, написанным Томасом Калпепером. Перевод с английского. Амстердам и Берлин, 1754). Первое издание книги Чайлда вышло в Лондоне в 1668 г. в виде небольшой брошюры. В 1669— 1670 гг. Чайлдом были написаны к ней 10 дополнительных глав, после чего книга неоднократно переиздавалась. Первое издание трактата Калпепера вышло в Лондоне в 1621 г.; начиная с 1668 г. он печатался как приложение к книге Чайлда. — 567—568.

Corbet, Th. An Inquiry into the causes and modes of the wealth of individuals; or the Principles of trade and speculation explained. London, 1841 *(Корбет, Т.* Исследование о причинах богатства отдельных лиц и способах его приобретения; или Объяснение принципов торговли и спекуляции. Лондон, 1841). — 296, 369.

Culpeper, Th. Traite contre l'usure — см. *Child, J.* Traites sur le commerce et sur les avantages qui resultent de la reduction de l'interest de l'argent. Avec un petit traite contre l'usure, par Thomas Culpeper.

Dalrymple, J. An Essay towards a general history of feudal property in Great Britain. The fourth edition corrected and enlarged. London, 1759 *(Далримпл, Дж.* Очерк общей истории феодальной собственности в Великобритании. Издание четвертое, исправленное и расширенное. Лондон, 1759). Первое издание вышло в Лондоне в 1757 году. — 565.

[Davenant, Ch.] An Essay upon the probable methods of making a people gainers in the ballance of trade. London, 1699 *([Давенант, Ч.]* Опыт о методах, с достаточной вероятностью обеспечивающих народу благоприятный торговый баланс. Лондон, 1699). — 336.

[*De Quincey, Th.*] Dialogues of three templars on political economy, chiefly in relation to the Principles of Mr. Ricardo *([Де Квинси, Т.]* Диалоги трех юристов из Темпла о политической экономии, главным образом в связи с «Началами» г-на Рикардо). В журнале «The London Magazine», апрель—май 1824 г. — 124—125.

De Quincey, Th. The Logic of political economy. Edinburgh and London, 1844 *(Де Квинси, Т.* Логика политической экономии. Эдинбург и Лондон, 1844). — 125.

Dureau de La Malle, A. J. Economie politique des Romains. Tomes I—II. Paris, 1840 *(Дюро де Ла Маль, А. Ж.* Политическая экономия римлян. Тома I—II. Париж, 1840). — 566.

Essay on the application of capital to land — см. *[West, E.]* Essay on the application of capital to land.

Galiani, F. Della moneta (1750). In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomo III. Milano, 1803 *(Галиани, Ф.* О деньгах (1750). В издании: Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты. Том III. Милан, 1803). — 276.

Canilh, Ch. Des systemes d'economie politique, de la valeur comparitive de leurs doctrines, et de celle qui parait la plus favorable aux progres de la richesse. Seconde edition. Tomes I—II. Paris, 1821 *(Ганиль, Ш. О* системах политической экономии, о сравнительной ценности их доктрин и о той из них, которая представляется наиболее благоприятной

для роста богатства. Издание второе. Тома I—II. Париж, 1821). Первое издание вышло в Париже в 1809 году. — 565.

Gilbart, J. W. The History and principles of banking. London, 1834 *(Гилбарт, Дж. У.* История и принципы банкового дела. Лондон, 1834). — 567.

**[Hodgskin, Th.]* Labour defended against the claims of capital; or, the Unproductiveness of capital proved. With reference to the present combinations amongst journeymen. By a labourer. London, 1825 *([Годскин, Т.]* Защита труда от притязаний капитала, или Доказательство непроизводительности капитала. С замечаниями о нынешних объединениях среди наемных рабочих. Сочинение рабочего. Лондон, 1825). — 272, 275—277, 286— 288, 305—306, 308—309, 313, 325—326, 328.

[Hodgskin, Th.] The Natural and artificial right of property contrasted. London, 1832 *([Годскин, Т.]* Естественное и искусственное право собственности в их противопоставлении друг другу. Лондон, 1832). — 330—331.

**Hodgskin, Th.* Popular political economy. Four lectures delivered at the London Mechanics' Institution. London, 1827 *{Годскин, Т.* Народная политическая экономия. Четыре лекции, прочитанные в Лондонской рабочей школе. Лондон, 1827). — 272, 327—330, 463.

Hopkins, Th. Economical enquiries relative to the laws which regulate rent, profit, wages, and the value of money. London, 1822 *(Гопкинс, Т.* Экономические исследования о законах, регулирующих ренту, прибыль, заработную плату и стоимость денег. Лондон, 1822). — 365.

Hopkins, Th. On rent of land, and its influence on subsistence and population. London, 1828 *(Гопкинс, Т.* О земельной ренте и ее влиянии на средства существования и на народонаселение. Лондон, 1828). — 273.

**Hullmann, K. D.* Stadtewesen des Mittelalters. Theile 1—4. Bonn, 1826—1829 *(Хюльман, К. Д.* Города средневековья. Части 1—4. Бонн, 1826—1829). — 566.

An Inquiry into those principles, respecting the nature of demand and the necessity of consumption, lately advocated by Mr. Malthus, from which it is concluded, that taxation and the maintenance of unproductive consumers can be conducive to the progress of wealth. London, 1821 (Исследование недавно защищавшихся г-ном Мальтусом принципов, которые касаются природы спроса и необходимости потребления и из которых делается вывод, что налоги и содержание непроизводительных потребителей могут способствовать росту богатства. Лондон, 1821). — 55—57, 117— 118, 120—124, 317—318, 324—325, 365, 451—452.

Interest of money mistaken, or a Treatise, proving, that the abatement of interest is the effect and not the cause of the riches of a nation, and that six per cent is a proportionable interest to the present condition of this kingdom. London, 1668 (Ошибочное мнение о проценте с денег, или Трактат, доказывающий, что снижение процентной ставки является не причиной, а следствием богатства нации и что шесть процентов есть ставка, соответствующая нынешнему состоянию нашего королевства. Лондон, 1668). — 567.

**Jones, R.* An Essay on the distribution of wealth, and on the sources of taxation. Part I: Rent. London, 1831 *(Джонс, Р.* Опыт о распределении богатства и об источниках налогов. Часть I: Рента. Лондон, 1831) («Часть первая» так и осталась единственной частью «Опыта» Джонса). — 414—427, 430.

**Jones, R.* An Introductory lecture on political economy, delivered

at King's College, London, 27th February, 1833. To which is added a Syllabus of a course of lectures on the wages of labor. London, 1833 *(Джонс, Р.* Вводная лекция по политической экономии, прочитанная в Королевском колледже в Лондоне 27-го февраля 1833 г. С приложением Проспекта курса лекций о заработной плате. Лондон, 1833). — 416, 429—434.

**Jones, R.* Text-book of lectures on the political economy of nations, delivered at the East India College, Haileybury. Hertford, 1852 *(Джонс, Р.* Лекции по политической экономии народов, прочитанные в Ост-индском колледже в Хейлибери. Хартфорд, 1852). — 435—436, 440, 443—445, 447—454, 461—462, 464—467.

Laing, S. National distress; its causes and remedies. London, 1844 *(Ленг, С.* Национальное бедствие; его причины и средства к его устранению. Лондон, 1844). — 303.

Lalor, J. Money and morals: a book for the times. London, 1852 *(Лалор, Дж.* Деньги и нравы. Книга для нашего времени. Лондон, 1852). — 272.

Luther, M. An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen. Vermanung. Wittemberg, 1540 *(Лютер, М.* Наказ приходским священникам выступать с проповедями против ростовщичества. Виттенберг, 1540). — 556, 560 — 565.

Idem. In: Der sechste Teil der Bucher des ehrnwirdigen Herrn Doctoris Martini Lutheri. Wittembergk, 1589 *(То же.* В книге: Шестая часть книг достопочтенного господина доктора Мартина Лютера. Виттенберг, 1589). — 555-556.

Luther, M. Eyn Sermon auf das Evangelion von dem reichen Mann und armen Lazaro. Wittemberg, 1555 *(Лютер, М.* Проповедь на евангельский текст о богаче и нищем Лазаре. Виттенберг, 1555). Первое издание вышло в Виттенберге в 1523 году. — 556.

Luther, M. Von Kauffshandlung und Wucher (1524). In: Der sechste Teil der Bucher des ehrnwirdigen Herrn Doctoris Martini Lutheri. Wittembergk, 1589 *(Лютер, М.* О торговле и ростовщичестве (1524). В книге: Шестая часть книг достопочтенного господина доктора Мартина Лютера. Виттенберг, 1589). — 555—556.

**MacCulloch, J. R.* Discours sur l'origine, les progres, les objets particuliers, et l'importance de l'economie politique. Traduit de l'anglois par G-me Prevost. Geneve—Paris, 1825 *(Мак-Куллох, Дж. Р.* Рассуждение о политической экономии, ее происхождении, ее успехах, рассматриваемых в ней предметах и о важности этой науки. Перевод с английского Гийома Прево. Женева— Париж, 1825). — 103.

**MacCulloch, J. R.* Notes and supplemental dissertations to Smith's Wealth of nations — см. *Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. With a life of the author, an introductory discourse, notes, and supplemental dissertations by MacCulloch.

MacCulloch, J. R. The Principles of political economy. Edinburgh, 1825 *(Мак-Куллох, Дж. Р.* Начала политической экономии. Эдинбург, 1825). — 171—172, 189, 191.

Idem. 2nd edition, corrected and greatly enlarged. London, 1830 *(То же.* Издание второе, исправленное и значительно расширенное. Лондон, 1830). — 176, 178.

[MacCulloch, J. R.] Рецензия на «Considerations on the accumulation of capital, and its effects on exchangeable value», London, 1822 («Соображения о накоплении капитала и его влиянии на меновую стоимость», Лондон, 1822). В «The Edinburgh Review, or Critical Journal», vol. XL, No 79, March 1824 («Эдинбургское обо-

зрение, или Критический журнал», том XL, № 79, март 1824). — 190.

Malthus, Th. R. Definitions in political economy. London, 1827 *(Мальтус, Т. Р.* Определения в политической экономии. Лондон, 1827). — 3—4, 8—9, 21, 23, 26—27, 54—55, 74, 171—172.

Idem. A new edition, with a preface, notes, and supplementary remarks by John Cazenove. London, 1853 *(То же.* Новое издание, с предисловием, примечаниями и дополнительными заметками Джона Кейзнова. Лондон, 1853). — 3—4, 7, 9, 16—17, 23— 26, 28—29, 54.

[Malthus, Th. R.] An Essay on the principle of population. London, 1798 *([Мальтус, Т. Р.]* Опыт о законе народонаселения. Лондон, 1798). — 14, 57, 429.

**Idem.* The 5th edition, in three volumes. London, 1817 *(То же.* Издание пятое, в трех томах. Лондон, 1817). — 57, 429.

**Malthus, Th. R.* Essai sur le principe de population. Traduit de l'anglais sur la 5-eme edition par Pierre et Guillaume Prevost. 3-eme edition francaise. Tomes I—IV. Paris et Geneve, 1836 *(Мальтус, Т. Р.* Опыт о законе народонаселения. Перевод Пьера и Гийома Прево с 5-го английского издания. Третье французское издание. Тома I—IV. Париж и Женева, 1836). — 57—59.

**Malthus, Th. R.* An Inquiry into the nature and progress of rent, and the principles by which it is regulated. London, 1815 *(Мальтус, Т. Р.* Исследование о природе и возрастании ренты, а также о принципах, ее регулирующих. Лондон, 1815). — 57.

Malthus, Th. R. The Measure of value stated and illustrated. London, 1823 *(Мальтус, Т. Р.* Мера стоимости. Изложение вопроса и иллюстрация. Лондон, 1823). — 3—4, 8, 17, 19—20, 22, 91.

**Malthus, Th. R.* Observations on the effects of the corn laws, and of a rise or fall in the price of corn on the agriculture and general wealth of the country. London, 1814 *(Мальтус, Т. Р.* Замечания о влиянии хлебных законов и повышения или падения цены хлеба на сельское хозяйство и на общее богатство страны. Лондон, 1814). — 3—4.

Malthus, Th. R. Principles of political economy considered with a view to their practical application. London, 1820 *(Мальтус, Т. Р.* Начала политической экономии, рассматриваемые в расчете на их практическое применение. Лондон, 1820). — 3—4, 33, 48, 57.

Idem. 2nd edition with considerable additions from the author's own manuscript and an original memoir. London, 1836 *(То же.* Издание второе, с значительными добавлениями из собственной рукописи автора и с краткой биографией автора. Лондон, 1836).— 3—4, 27—29, 45—46, 49, 53—55.

**Marx, K.* Zur Kritik der politischen Oekonomie. Erstes Heft. Berlin, 1859 *(Маркс, К.* К критике политической экономии. Выпуск первый. Берлин, 1859). — 32, 70, 86, 114, 131, 135, 306, 550.

Mill, J. Elements of political economy. London, 1821 *(Милль, Дж.* Основы политической экономии. Лондон, 1821). — 72, 81, 95—96. 412.

Idem. Second edition, revised and corrected. London, 1824 *(То же.* Издание второе, просмотренное и исправленное. Лондон, 1824). — 81, 84—85, 97, 103—104.

Mill, J. Elemens d'economie politique. Traduits de l'anglais par J. T. Parisot. Paris, 1823 *(Милль, Дж.* Основы политической экономии. Перевод с английского Ж. Т. Паризо. Париж, 1823). — 86, 91, 93—96, 99, 101—102.

Mill, J. St. Essays on some unsettled questions of political economy. London, 1844 *(Милль, Дж. Ст.* Очерки о некоторых

нерешенных вопросах политической экономии. Лондон, 1844). — 105, 194—197, 199—200, 203, 212—213, 232, 235, 244.

**Mill, J. St.* Principles of political economy with some of their applications to social philosophy. In two volumes. London, 1848 *(Милль, Дж. Ст.* Начала политической экономии с некоторыми из их применений к социальной философии. В двух томах. Лондон, 1848). — 194.

**Mill, J. St.* A System of logic, ratiocinative and inductive, being a connected view of the principles of evidence, and the methods of scientific investigation. In two volumes. London, 1843 *(Милль, Дж. Ст.* Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. В двух томах. Лондон, 1843). — 200.

Morton, J. Ch. On the forces used in agriculture. In: «The Journal of the Society of Arts» (London), No. 368, vol. VII, December 9, 1859 *(Мортон Дж. Ч.* О силах, используемых в земледелии. В еженедельнике «Журнал Общества искусств и ремесел» (Лондон), № 368, том VII, 9 декабря 1859 г.). — 463.

Mullion, M. Some illustrations of Mr M'Culloch's Principles of political economy. Edinburgh, 1826 *(Муллион, М.* Некоторые пояснения к «Началам политической экономии» г-на Мак-Куллоха. Эдинбург, 1826). — 189—190, 245, 276.

Newman, F. W. Lectures on political economy. London, 1851 *(Ньюмен, Ф. У.* Лекции по политической экономии. Лондон, 1851). — 565.

Observations on certain verbal disputes in political economy, particularly relating to value, and to demand and supply. London, 1821 (Замечания по поводу некоторых споров о словах в политической экономии, особенно по поводу тех, которые относятся к стоимости и к спросу и предложению. Лондон, 1821). — 32—33, 109—111, 113—117, 125—127, 130, 133, 139, 146, 148, 165, 169, 307.

Outlines of political economy — см. *[Cazenove, J.]* Outlines of political economy.

Poppe, J. H. M. Geschichte der Technologie, seit der Wiederherstellung der Wissenschaften bis an das Ende des achtzehnten Jahrhunderts. Bande I—III. Gottingen, 1807—1811 *(Поппе, И. Г. М.* История технологии со времени возрождения наук до конца восемнадцатого века. Тома I—III. Гёттинген, 1807—1811). — 491.

Prevost, G. Reflexions sur le systeme de Ricardo. In: *MacCulloch, J. R.* Discours sur l'origine, les progres, les objets particuliers, et l'importance de l'economie politique. Traduit de l'anglois par G-me Prevost. Geneve—Paris, 1825 *(Прево, Г.* Заметки о системе Рикардо. В книге: *Мак-Куллох, Дж. Р.* Рассуждение о политической экономии, ее происхождении, ее успехах, рассматриваемых в ней предметах и о важности этой науки. Перевод с английского Гийома Прево. Женева—Париж, 1825). — 103— 108, 190.

Proudhon, P. J. Gratuite du credit — см. *Bastiat, Fr.* Gratuite du credit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon.

Ramsay, G. An Essay on the distribution of wealth. Edinburgh, 1836 *(Рамсей, Дж.* Опыт о распределении богатства. Эдинбург, 1836). — 337—340, 342—343, 345— 351, 358—360, 363, 365—372.

Ravenstone, P. Thoughts on the funding system, and its effects. London, 1824 *(Рейвнстон, П.* Мысли о системе государственных долгов и ее последствиях. Лондон, 1824). — 266—267. 269—272, 275, 321.

**Ricardo, D.* On protection to agriculture. Fourth edition. London,

1822 *(Рикардо, Д.* О покровительстве земледелию. Издание четвертое. Лондон, 1822). Первое издание вышло в Лондоне в том же году. — 50—51.

**Ricardo, D.* On the principles of political economy, and taxation. London, 1817 *(Рикардо, Д.* О началах политической экономии и налогового обложения. Лондон, 1817). — 4, 48, 66, 83, 122, 126— 127, 265, 267.

**Idem.* 2nd edition. London, 1819 *(То же.* Издание второе. Лондон, 1819). — 120—121.

**Idem.* 3rd edition. London, 1821 *(То же.* Издание третье. Лондон, 1821). — 49—50, 114, 140, 168, 173. 184—187.

Ricardo, D. Des principes de l'economie politique, et de l'impot. Traduit de l'anglais par Constancio, avec des notes explicatives et critiques par J. B. Say. Tomes I—II. Paris, 1819 *(Рикардо, Д.* О началах политической экономии и налогового обложения. Перевод с английского Констансио, с пояснительными и критическими примечаниями Ж. Б. Сэя. Тома I—II. Париж, 1819). В 1835 г. в Париже вышло второе издание. — 93, 104.

**Roscher, W.* System der Volkswirthschaft. Erster Band: Die Grundlagen der Nationalokonomie. Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage. Stuttgart und Augsburg, 1858 *(Рошер, В.* Система народного хозяйства. Том первый: Основы политической экономии. Издание третье, дополненное и исправленное. Штутгарт и Аугсбург, 1858). Первое издание вышло в Штутгарте и Тюбингене в 1854 году. — 186, 189, 365, 528.

Say, J. B. Lettres a M. Malthus, sur differens sujets d'economie politique, notamment sur les causes de la stagnation generale du commerce. Paris—Londres, 1820 *(Сэй, Ж. Б.* Письма г-ну Мальтусу по различным вопросам политической экономии, особенно о причинах всеобщего застоя в торговле. Париж—Лондон, 1820). — 124, 261.

**Say, J. B.* Traite d'economie politique, ou Simple exposition de la maniere dont se forment, se distribuent et se consomment les richesses. Seconde edition. Tomes I—II. Paris, 1814 *(Сэй, Ж. Б.* Трактат по политической экономии, или Простое изображение того, как богатства создаются, распределяются и потребляются. Издание второе. Тома I—II. Париж, 1814). Первое издание вышло в Париже в 1803 году. — 119, 184.

**Idem.* Quatrieme edition. Tomes I—II. Paris, 1819 *(То же.* Издание четвертое. Тома I—II. Париж, 1819). — 122.

Senior, N. W. An Outline of the science of political economy. London, 1836 *(Сениор, Н. У.* Очерк науки политической экономии. Лондон, 1836). — 365.

Sismondi, J. Ch. L. Simonde de. Etudes sur l'economie politique. Tomes I—II. Bruxelles, 1837— 1838 *(Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* Очерки политической экономии. Тома I—II. Брюссель, 1837—1838). — 298.

**Sismondi, J. Ch. L. Simonde de.* Nouveaux principes d'economie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population. Tomes I—II. Paris, 1819 *(Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Тома I—II. Париж, 1819). — 35, 48.

**Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. In two volumes. London, 1776 *(Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. В двух томах. Лондон, 1776). — 426, 464, 521.

**Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. With a life of the author, an introductory discourse, notes, and supplemental disser-

tations by MacCulloch. In four volumes. Edinburgh and London, 1828 *(Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С биографией автора, вступительной статьей, примечаниями и дополнительными рассуждениями Мак-Куллоха. В четырех томах. Эдинбург и Лондон, 1828). — 175—177, 183, 186—188.

**Srnith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. With a commentary, by the author of «England and America» [E. G. Wakefield]. Volumes I—IV. London, 1835—1839 *(Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С комментариями автора книги «Англия и Америка» [Э. Г. Уэйкфилда]. Тома I—IV. Лондон, 1835—1839). — 192, 261—262.

**Smith, A.* Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. Traduction nouvelle, avec des notes et observations, par Germain Gamier. Tomes I— IV. Paris, 1802 *(Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Новый перевод Жермена Гарнье, с примечаниями и замечаниями переводчика. Тома I—IV. Париж, 1802). — 19—20.

The Source and remedy of the national difficulties, deduced from principles of political economy, in a letter to Lord John Russell. London, 1821 (Источник и разрешение национальных трудностей, выводимые из основных положений политической экономии. Письмо лорду Джону Расселу. Лондон, 1821). — 245— 248, 260—266, 269—270. 275, 313. 325.

Stirling, P. J. The Philosophy of trade; or, Outlines of a theory of profits and prices. Edinburgh, 1846 *(Стирлинг, П. Дж.* Философия торговли, или Очерки теории прибыли и цен. Эдинбург, 1846). — 192—193.

**Storch, H.* Cours d'economie politique, ou Exposition des principes qui determinent la prosperite des nations. Avec des notes explicatives et critiques par J. B. Say. Tomes I—IV. Paris, 1823 *(Шторх, А.* Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов. С пояснительными и критическими примечаниями Ж. Б. Сэя. Тома I—IV. Париж, 1823). — 367.

Torrens, R. An Essay on the production of wealth. London, 1821 *(Торренс, Р.* Опыт о производстве богатства. Лондон, 1821). — 16, 65, 68—70, 74.

Torrens, R. A Letter to the Right Honourable Sir Robert Peel, Bart., M. P., on the condition of England, and on the means of removing the causes of distress. Second edition. London, 1849 *(Торренс, Р.* Письмо достопочтенному сэру Роберту Пилю, баронету, члену парламента, о положении Англии и о средствах устранения причин переживаемых страною бедствий. Издание второе. Лондон, 1849). Первое издание вышло в Лондоне в 1842 году. — 228.

**Turgot, A.* Д. *J.* Reflexions sur la formation et la distribution des richesses (1766). In: Oeuvres de Turgot. Nouvelle edition par E. Daire. Tome premier. Paris, 1844 *(Тюрго, А. Р. Ж.* Размышления о создании и распределении богатств (1766). В книге: Сочинения Тюрго. Новое издание Э. Дэра. Том первый. Париж, 1844). — 501.

Ure, A. Philosophie des manufactures. Traduit sous les yeux de l'auteur. Tomes I—II. Paris, 1836 *(Юр, Э.* Философия фабрики. Переведено под наблюдением автора. Тома I—II. Париж, 1836). — 460—461.

[*Wakefield, E.* G.] A Commentary to Smith's Wealth of nations — см. *Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth

of nations. With a commentary, by the author of «England and America».

[West, E.] Essay on the application of capital to land, with observations shewing the impolicy of any great restriction of the importation of corn. London, 1815

(*[Уэст, Э.]* Опыт о приложении капитала к земле, с замечаниями, показывающими неразумность всякого значительного ограничения ввоза хлеба. Лондон, 1815).— 318.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

«The Economist» («Экономист»), Лондон. — 298.

«The Edinburgh Review, or Critical Journal» («Эдинбургское обозрение, или Критический журнал»). — 190.

— том XL, март—июль 1824г.— 190.

— том LIV, август—декабрь 1831 г. — 414.

«Ephemerides du citoyen» («Календарь гражданина»), Париж, 1767 г., ч. III. — 450.

«The Journal of the Society of Arts» («Журнал Общества искусств и ремесел»), Лондон, № 368, том VII, 9 декабря 1859 г. — 463.

«The London Magazine» («Лондонский журнал»), апрель—май 1824 г. — 124—125.

«The Morning Star» («Утренняя звезда»), Лондон, 1 декабря 1862 г. — 373.

«The Scotsman; or, Edinburgh Political and Literary Journal» («Шотландец, или Эдинбургская политическая и литературная газета»). — 190.

«La Voix du peuple» («Голос народа»), Париж. — 553.

«The Westminster Review» («Вестминстерское обозрение»), Лондон, январь—апрель 1826 г. — 534.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Гёте. Фауст. — 181.

Гораций. Наука поэзии. — 52.

Гораций. Послания. — 15.

Тейлор. Наш американский родственник. — 30, 42.

Шиллер. Лагерь Валленштейна. — 175.

УКАЗАТЕЛЬ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ЦИТИРУЕМЫХ КНИГ*

Аристотель. Политика. Перевод с греческого С. А. Жебелева. Спб., 1911.

Бернье, Ф. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. Перевод с французского Б. Жуховецкого и М. Томара. М.—Л., 1936.

**Брей, Дж. Ф.* Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению, или Век силы и век справедливости. М., 1956.

**Годскин, Т.* Сочинения: I. Защита труда против притязаний капитала. II. Популярная политическая экономия. М., 1938.

Гюлльманн, К. Д. (в настоящем издании: *Хюльман).* Общественная и частная жизнь в европейских городах средних веков. Перевод с немецкого. Спб., 1839 (перевод 4-й части книги).

**Джонс, Р.* Экономические сочинения. Перевод с английского. Соцэкгиз, Ленинградское отделение, 1937.

Мак-Коллох, И. Р. (в настоящем издании: *Мак-Куллох).* О начале, успехах, особенных предметах и важности политической экономии. Перевод с английского Д. Гиппиус. М., 1834.

Мальтус, Т. Р. Замечания о влиянии хлебных законов, повышения или понижения цен хлеба на земледелие и общее благосостояние народа. Перевод А. Миклашевского (в «Ученых записках императорского Юрьевского университета» № 3, Юрьев, 1908).

Мальтус, Т. Р. Исследование о природе и развитии ренты, а также о началах, ее регулирующих. Перевод А. Миклашевского (в «Ученых записках императорского Юрьевского университета» № 2 и 3, Юрьев, 1908).

Мальтус, Т. Р. Опыт о законе народонаселения. Перевел П. А. Бибиков. Тома I—II. Спб., 1868.

Мальтус, Т. Р. Опыт закона о народонаселении. Перевод

* Настоящий указатель содержит только последние из имеющихся русских переводов цитируемых и упоминаемых Марксом книг. Однако для работ, которые последний раз были выпущены в сокращенном виде, сделано исключение. В этом случае приводится также и предыдущий, более полный перевод.

Звездочкой отмечены те русские издания, на которые в тексте тома, в квадратных скобках, даны ссылки с указанием страниц этих изданий. Ссылки эти даются также и в тех случаях, когда приводимый в тексте тома русский перевод цитируемых Марксом мест отличается от текста соответствующих русских изданий.

И. А. Вернера. М., 1895 (перевод с сокращениями).

Милль, Дж. Ст. Основания политической экономии (в книге: *Н. Г. Чернышевский.* Полное собрание сочинений в пятнадцати томах. Том IX. М., 1949) (перевод с сокращениями).

Милль, Дж. Ст. Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии. Первое полное издание. В двух томах. Спб., 1865.

Милль, Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. Перевод с английского под ред. В. Н. Ивановского. М., 1914.

**Рикардо, Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1955 *(Рикардо, Д.* Сочинения. Перевод под редакцией М. Н. Смит. Том I).

**Рикардо, Д. О* покровительстве земледелию (в книге: *Рикардо, Д.* Сочинения. Перевод под редакцией М. Н. Смит. Том III. М., 1955).

Рошер, В. Начала народного хозяйства. Перевод И. Бабста. Том первый: отделение первое, М., 1860; отделение второе, М., 1862.

**Сисмонди, Ж. Симонд де.* Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Тома I—II. М., 1937.

**Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Тома I—II. М.—Л., 1935.

Смит, А. Исследования о природе и причинах богатства народов. С примечаниями Бентама, Бланки, Буханана (в настоящем издании: Бьюкенен), Гарнье, Мак-Кулоха, Мальтуса, Милля, Рикардо, Сэя, Сисмонди и Тюрго. Перевел П. А. Бибиков. Тома I— III. Спб., 1866 (перевод с французского издания Гарнье 1843 года).

Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.

Сэ, Ж. Б. (в настоящем издании: *Сэй, Ж. Б.).* Трактат политической экономии. Перевод Е. Н. Каменецкой. М., 1896 (перевод отдельных глав).

Тюрго, А. Р. Избранные экономические произведения. М., 1961.

Шторх, Г. Курс политической экономии, или Изложение начал, обусловливающих народное благоденствие. Перевод с французского с биографическим очерком автора, под редакцией и с заметками д-ра И. В. Вернадского. Том I. Спб., 1881.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ*

А

* Предметный указатель составлен ко всему 26-му тому. Римскими цифрами I, II и III обозначены соответствующие части этого тома.

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

(IV ТОМ «КАПИТАЛА»)

Часть третья

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовили к печати

В. К. Брушлинский и *И. И. Прейс*

при участии *В. С. Выгодского*

Технический редактор *Ц. Л. Бейлина*

Корректоры *Л. В. Петухоеа* и *В. Л. Фокина*

*

Сдано в набор 27/XI 1963 г. Подписано к печати 24/III 1964 г. Формат $60\times92^1/_{16}$. Физ. печ. л. $42^1/_2$. Условн. печ. л. 42,5. Уч.-изд. л. 46,75. Тираж 109 тыс. экз. Заказ № 728. Цена 1 руб.

*

Издательство политической литературы. Москва,А-47, Миусская пл. 7.

*

Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького «Главполиграфпрома» Государственного Комитета Совета Министров СССР по печати, Гатчинская, 26.